

Е. Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ
ТОМАХ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПОДГОТОВЛЕНО К ИЗДАНИЮ
ИНСТИТУТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ имени Е.Т. ГАЙДАРА

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА ЕГОРА ГАЙДАРА
И ГОСПОДИНА СЕППО РЕМЕСА

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР ТОМА

Л.И. Лопатников

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*А.Г. Аганбегян, П.Е. Гайдар, Е.Ю. Гениева,
Г.О. Греф, С.М. Гуриев, М. Домбровский,
А.В. Колесников, А.Л. Кудрин, Я.И. Кузьминов,
Л.И. Лопатников, В.А. Мау, А.Д. Радыгин,
К.Ю. Rogov, Н.К. Сванидзе, С.Г. Синельников-Мурылев,
В.Г. Стародубровский, А.В. Улюкаев,
Я.М. Уринсон, А.Б. Чубайс, Р.М. Энтов,
В.А. Ярошенко, Е.Г. Ясин*

Е.Т. ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 8

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО»
МОСКВА · 2014

Гайдар, Е. Т.
Г 14 Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 8/Е.Т. Гайдар. — М.:
Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. — 768 с.
ISBN 978-5-7749-0788-5 (Т. 8)
ISBN 978-5-7749-0690-1

В томе собраны интервью, данные Е. Т. Гайдаром с 1991 по 1998 г.
Для изучающих экономическую историю России, а также для широкого
круга читателей.

УДК 338(47)
ББК 65

ISBN 978-5-7749-0788-5 (Т. 8)
ISBN 978-5-7749-0690-1

© Стругацкая М. А., 2014
© Институт экономической политики
имени Е. Т. Гайдара, 2014
© Издательский дом «Дело» РАНХиГС,
оформление, 2014

Экономисты новой волны. 16 февраля 1991 г.	11
Мы дети страшных лет России... Самосожжение Валентина Павлова. 16 мая 1991 г.	14
Россия, срочно на выход! С вещами? Гайдар и его команда сработали проект рыночных реформ. 26 октября 1991 г.	20
Будущее принесет нам новые цены и забытые товары. 2 января 1992 г.	27
...Понимал, что сам тип ситуации требует экономиста-профессионала. 12 января 1992 г.	33
Стихия рынка бушует по расписанию. 22 января 1992 г.	38
У хирурга не должны дрожать руки, даже от жалости к больному. 9 марта 1992 г.	42
И в безвыходных ситуациях надо искать выход. 5 июня 1992 г.	51
Престиж военной профессии будет восстановлен. 9 октября 1992 г.	64
Гайдар-93 против Гайдара-92. Бывший и.о. премьер-министра России анализирует деятельность своего правительства. 11 февраля 1993 г.	71
Как легко можно было бы все решить, если бы у нас в Верховном Совете было парламентское большинство. Если бы нынешнее большинство не старалось навредить везде, где только можно. Апрель 1993 г.	82
Егор Гайдар: Политического будущего пока не выстраиваю. 1 июня 1993 г.	90
Нам удалось добиться главного... 26 июня 1993 г.	99

Наша цель – экономическое возрождение России. Июнь 1993 г.	105
Переворот имени Гайдара. Человек года-92: Рыночек еще бедненький. 10 июля 1993 г.	113
Провинция – место бартера. 23 июля 1993 г.	123
Егор Гайдар: Доверия к деньгам не вернешь. 19 августа 1993 г.	129
Егор Гайдар: Выборы неизбежны, и все, что позволяет прийти к ним, основано на праве. 22 августа 1993 г.	132
Егор Гайдар: Пусть народ сам разрешит наши разногласия. Август 1993 г.	137
В некоторых членах правительства я уверен, как в самом себе. За честность других ручаться бы не стал. 10 сентября 1993 г..	141
Если б Черномырдиным был я. Егор Гайдар о текущем экономическом моменте. 15 сентября 1993 г.	147
Черномырдин разочаровал тех, кто его выдвинул. Сентябрь 1993 г.	151
Реформатор вернулся, чтобы спасти реформу. Или страну? Или президента? Или все вместе? 18 сентября 1993 г.	156
Егор Гайдар: Мой выбор остается прежним – это курс реформ. 18 сентября 1993 г.	161
Егор Гайдар: Пойти на жесткие меры может только очень единое правительство. 26 сентября 1993 г..	164
Россия нам дана, и ее нельзя разваливать. 24–30 сентября 1993 г.	168
Сегодня судьбу демократии решают москвичи. 5 октября 1993 г.	176
Чем аукнутся залпы по Белому дому? 9 октября 1993 г.	178
Егор Гайдар: Нижнюю точку мы прошли. 23 октября 1993 г.	181
У нас нет более важной проблемы, нежели договориться о правилах игры. Сентябрь–октябрь 1993 г.	188

Сегодня в России грех не зарабатывать... 30 ноября 1993 г.	199
За оздоровление российской экономики. Егор Гайдар представляет экономическую программу блока «Выбор России». 7 декабря 1993 г.	207
Егор Гайдар: Мы должны избавить людей от налога под названием «инфляция». 8 декабря 1993 г.	210
Чем больше чиновников, тем выше налоги. 9 декабря 1993 г.	218
Чего не знает компьютер Гайдара? 9 декабря 1993 г.	224
Проблема армии для «Выбора России» в числе первостепенных. 10 декабря 1993 г.	228
Наши оппоненты полагают, что живут в стране идиотов. 11 декабря 1993 г.	234
Правительство должно быть честным во всем. 11 декабря 1993 г.	240
Это решение чисто политическое. Е. Гайдар о мотивах своей отставки. 20 января 1994 г.	250
Егор Гайдар: Жизнь – это прекрасная штука и тяжкий крест. 11 апреля 1994 г.	258
Ситуация-94. 18–24 апреля 1994 г.	264
Нечего на Москву пенять... 7–14 мая 1994 г.	277
Партия Гайдара атакует провинцию. 18–25 сентября 1994 г.	286
Я считаю, что политика должна быть моральной. 30 сентября 1994 г.	290
Когда Гайдар шагал впереди... 4 октября 1994 г.	307
Эта ночь показала, кто чего стоит. 4 октября 1994 г.	316
Нажмешь на гашетку – а выстрел через пять месяцев. 7–13 октября 1994 г.	323
Бомба взорвалась. Куда упадут осколки – неизвестно. 12 октября 1994 г.	329

Гайдар: Демократия в опасности! 12 октября 1994 г.	332
За ошибки правительства расплачиваются все. 18 октября 1994 г.	335
Ответы Е.Т. Гайдара. Подготовлено для «Вестника ДВР». Ноябрь 1994 г.	338
Ненавистный Гайдар. Ноябрь 1994 г.	344
Шесть ответов Гайдара. 27 января 1995 г.	361
Надеюсь на потенциал России. Потенциал здравого смысла. Февраль 1995 г.	368
Ответы Е.Т. Гайдара на вопросы обозревателя политической, экономической, литературной газеты юга России «Приазовский край». 7 марта 1995 г.	393
Ответы Е.Т. Гайдара на вопросы газеты «Санкт-Петербургские ведомости». 24 марта 1995 г.	400
Капитализм без демократии держится на силе... 26 марта – 2 апреля 1995 г.	408
Наш старый премьер. 29 марта 1995 г.	412
Егор Гайдар: Законы экономики неотвратимы, как законы природы. 9 апреля 1995 г.	423
Ответы Е.Т. Гайдара на вопросы газеты «Надежда» Всероссийского общества инвалидов. 25 августа 1995 г.	439
Нельзя быть демократами, только когда нам это выгодно. Ноябрь 1995 г.	444
Неудобные вопросы. Ноябрь 1995 г.	448
Егор Гайдар: На следующих парламентских выборах победят либералы. Лидер «Демвыбора» хочет, чтобы НДР и «Яблоко» договорились. 5 января 1996 г.	463
Призрак победы коммуниста на выборах устрашает иностраннных инвесторов. Июнь–июль 1996 г.	476
У меня нет синдрома «белобилетника». 8–14 июля 1996 г.	481

Егор Гайдар: Какой же рынок мы хотим? 15 января 1997 г.	487
Нам мешает наследие прошлого. 25 января 1997 г.	500
С определенного уровня экономического развития общества его демократизация неизбежна. 20 февраля 1997 г.	504
Егор Гайдар: Предстоят непопулярные решения. За упущенные шансы придется платить втридорога. 10 марта 1997 г.	508
У реформаторов вновь появился шанс. 28 марта 1997 г.	511
«Мессер» зашел в хвост. 15 апреля 1997 г.	518
Хапать деньги становится опасным! Апрель 1997 г.	522
Егор Гайдар: Смогут ли эти трое работать вместе? 15 апреля 1997 г.	526
Егор Гайдар по-прежнему оптимист. Май 1997 г.	532
Наши разногласия – это наши достижения. 19–25 июня 1997 г.	536
Общество не обязано быть благодарным. 11–17 июля 1997 г.	542
Егор Гайдар: Мы находимся теперь на развилке двух альтернативных вариантов развития. 25 сентября 1997 г.	553
Российский капитализм с родимыми пятнами коммунизма. 1–7 октября 1997 г.	578
Власть и собственность: развод по-русски, или Признания «старого» реформатора... 1 октября 1997 г.	584
Ограничена возможность делать глупости. 30 октября 1997 г.	594
Едино и пока неделимо. Правительство работает на четыре с плюсом, считает Егор Гайдар. 15 октября 1997 г.	600
Когда говоришь о России, никогда не говори «никогда». 15 октября 1997 г.	604
Егор Гайдар: Надеюсь на стабильность. Октябрь 1997 г.	611

Самая опасная политика – «никакая». Егор Гайдар анализирует причины политического долголетия премьера Черномырдина. 14 декабря 1997 г.	616
Чего ждать на финансовых рынках в ближайшее время? Февраль 1998 г.	624
История все расставит на места. Февраль 1998 г.	635
Правительству не хватило жесткости. Март 1998 г.	645
Последний шанс Ельцина. Егор Гайдар предлагает свой ответ на вопрос, почему президент поступил так, а не иначе. 28 апреля 1998 г.	654
Бег в мешках. 5 мая 1998 г.	663
Я убежден, что страна не обречена на выбор между Зюгановым, Лебедем и Лужковым. 24 мая 1998 г.	668
Мы переживаем очень напряженный период. 4–10 июня 1998 г.	684
Партия реальной власти. 23 июня 1998 г.	699
Егор Гайдар отвечает на вопросы «Открытой политики». Июнь 1998 г.	703
Егор Гайдар: В реформах Украина по-прежнему отстает от России. 1 и 3 июля 1998 г.	718
Кризис отражается не только на инвесторах. 2 июля 1998 г.	725
Откат. Сентябрь–октябрь 1998 г.	730

ЭКОНОМИСТЫ НОВОЙ ВОЛНЫ

В Москве при Академии народного хозяйства создан Институт экономической политики. Его директором назначен известный ученый и публицист, доктор экономических наук Е. Гайдар. Свое первое интервью в новом качестве он дает корреспонденту газеты «Деловой мир».

— Институт небольшой, пока в нем только около 30 сотрудников, со временем доведем численность до 120. Причем в подавляющем большинстве это молодежь. Как принято сейчас говорить, экономисты новой волны, не отягощенные прежними заблуждениями и догмами. Ставка на молодежь — наше правило.

Что касается исследовательских задач, наше кредо таково: мы не будем сосредотачиваться на выработке моделей, на изучении западного опыта, истории и долговременных тенденций, на что обычно обращают преимущественное внимание академические институты, а прежде всего займемся изучением реальных процессов, происходящих в экономике СССР сегодня, оценкой возможных последствий тех или иных событий, тех или иных принимаемых решений. Поэтому наш специфический «жанр» научной работы — текущий конъюнктурный анализ и краткосрочный прогноз.

Подчеркну последнее. Институт народнохозяйственного прогнозирования АН СССР и ряд других исследовательских центров традиционно занимаются долгосрочными прогнозами, накопили в этом деле солидный опыт. Но сейчас обстановка меняется очень быстро. Нас не интересует сегодня, что будет в 2000 или даже в 1995 г.! Нас интересует первый квартал, ну, быть может, второй квартал года нынешнего. Надо заметить, что краткосрочные прогнозы могут иметь не только практическое — как инструмент текущей экономической политики, — но и немаловажное теоретическое

Интервью брал Леонид ЛОПАТНИКОВ.
Опубликовано в: Деловой мир. 1991. 16 февраля.

значение: тот кризисный, переходный этап, в котором находится страна, требует глубокого научного осмысления.

У нас складываются хорошие отношения сотрудничества с госкомстатами Союза и РСФСР, такое взаимопонимание я считаю очень существенным.

Уже с апреля мы сможем выработать натуральные балансы для сравнительного анализа и прогнозов. Текущее состояние и перспективы развития экономики страны будем оценивать на базе стандартной международной системы национальных счетов (специалисты оценят значение сказанного: на протяжении многих лет у нас в стране делались попытки создания некоего статистического гибрида — системы, соединяющей черты отечественной статистики и международных национальных счетов, но, к сожалению, эти попытки оказались малопродуктивными).

Планируем провести сценарный анализ финансовых процессов за 1991 г., анализ структуры экономики в условиях экономического кризиса. Стоит пояснить смысл такой работы. Она позволит, например, выявлять наиболее уязвимые отрасли, на которых прежде всего отразится грядущее в 1991 г. сокращение импорта сырья и материалов. Так, балансы помогут подсказать, в каких отраслях можно сократить производство с наименьшими потерями для народного хозяйства и особенно для потребительского рынка, есть ведь такие, без которых прожить просто нельзя, вот о них и надо позаботиться, распределяя сократившиеся импортные ресурсы.

Другой вопрос — исследование происходящего в экономике расширения обменных операций в условиях, когда рубль все более и более обесценивается. Можно сколько угодно ругать первобытно-обменную торговлю, но она существует. Изучение бартерной экономики и ее законов поможет формулировать правильные решения, столь нужные для стабилизации экономики.

Отсюда прямой путь к развертыванию еще одного аспекта наших исследований — регионального. Мы будем создавать местные отделения института. Первое из них — в Ленинграде — уже организуется.

Другие направления исследований — анализ социально-политических проблем образования рыночной экономики: изменение центров власти, практики лоббизма, реакции профсоюзов и других организаций на принимаемые правительственные решения. Инте-

ресно изучение того, как отражаются изменения на микроэкономическом уровне (например, процессы приватизации) на макропроцессах, на макроэкономических показателях развития народного хозяйства...

В заключение беседы мы условились с Е. Гайдаром о том, что новый институт установит постоянную связь с редакцией газеты «Деловой мир». Мы рассчитываем оперативно информировать читателей о наиболее важных результатах его исследований.

Мы дети страшных лет России...

Самосожжение Валентина Павлова

— На Западе говорят, что перемены всегда мучительны, даже когда переходят от плохого к хорошему. Им легко шутить, а у нас дело дошло до финансовой катастрофы...

— И Вы хотите знать мое мнение об антикризисной программе Кабинета министров?

— Да, тем более что Верховный Совет ее одобрил, хотя и поручил Павлову к 20 мая доработать свое детище.

— Парламент может себе позволить принять программу «на ощупь». Для серьезного же анализа мне, например, не хватает в ней конкретики, цифр. В смысле общих направлений ясно, что правительство взяло курс на приватизацию и, поставив крест на попытках стабилизировать хозяйственные связи, стремится защитить хотя бы энергетику, железнодорожный транспорт, нефтегазодобычу.

— Простите, но с приватизацией полный мрак: каковы темпы, в какой доле сохранится госсобственность? Теперь цены: они не опущены, а административно подняты, и инфляция по-прежнему взламывает изнутри экономику. Спасение базовых отраслей — дело святое, однако людям ведь и перекусить надо.

— О нестыковке разделов программы можно читать отдельную лекцию. Но и самая идеальная программа сегодня лишена смысла. На дворе не сентябрь 90-го, когда у политиков и общества был спрос на программу и в ответ родились «500 дней». Кстати, при всех минусах последней (авторов вынудили в угоду политикам расщедриться на социальные программы) в ту минуту финансовая стабилизация была реальной. Скачка цен так и так не избежали бы, но, по нашим расчетам, он вышел бы существенно меньше нынешнего. А сейчас

Интервью брал Александр БЕККЕР.
Опубликовано в: Мегapolis-Экспресс. 1991. 16 мая.

мы входим в фазу вибрации системы, почти неуправляемых процессов. Самый глубокий из них, который и будет определять течение нашей жизни в ближайшие пару лет, — это переход подавленной инфляции в открытую, резкий ее разгон. До ноября — декабря прошлого года темпы открытой инфляции не превышали 10%, что чрезвычайно мало для того состояния, в котором страна пребывала. Но критическая масса уже накопилась — перекосы между ценами, скажем, сельхозпродукции и сельхозтехники, минеральных удобрений или ценой металла и изделий машиностроения были колоссальны. Решение правительства поднять оптовые и закупочные цены сработало, как спусковой крючок. Теперь никакая дамба не могла сдержать рост розничных цен на товары и продовольствие.

Однако когда правительство обнародовало свою версию причин и следствий, понять, чего оно хочет добиться повышением розничных цен, было на редкость сложно. Если компенсация населению — 85%, то каким образом Кабинет министров намерен поправить дела с бюджетом, денежным обращением? Неужели все затеяно ради того, чтобы народ привыкал к процедуре замены ценников? Словом, я думаю, в логике правительства все же был заложен выигрыш государства от подъема розничных цен. Снижение реальных доходов населения на 40% вывело бы их на уровень 1978–1979 гг. В этом случае, чтобы сохранить сложившийся уровень потребления, среднестатистической советской семье потребовалось бы снять со сберкнижки около 2 тыс. руб. в год. Тогда поглощался прирост сбережений трех последних лет, а соотношение сбережений к номинальным доходам восстанавливало картину безынфляционных 1971–1973 гг. Удайся ход, и Павлов уравнивал бы положение на потребительском рынке даже при текущем спаде производства. Но замысел скончался через два дня — 4 апреля Минск, а затем и шахтеры похоронили его¹. И теперь нам суждено осваивать классический сюжет гонки цен и заработков трудящихся.

— Хоть какой-то шанс схема правительства имела?

— При двух предпосылках. Первая — абсолютно управляемый кредитно-финансовый механизм, т.е. когда государство в си-

¹ 4 апреля в Минске состоялся многотысячный митинг рабочих против повышения цен, забастовки на предприятиях; массовое забастовочное движение в те же дни охватило шахты Донбасса и ряда других угольных бассейнов. — Прим. ред.

лах наложить руку на основную массу доходов от повышения цен. Но за первый квартал союзный бюджет не получил от республик 30 млрд руб. Значит, центр утратил рычаги контроля над банковской системой. И вторая предпосылка: когда на жесткий удар от повышения цен население не наносит ответный, требуя компенсаций. Такая лояльность возможна, но Павлов не Мазовецкий, не Маркович (югославский премьер-министр. — «М-Э»).

— *Вы отказываете в будущем Павлову?*

— Я разверну вопрос в другую плоскость. Если этот кабинет окончательно откроет шлюзы ценам и перестанет сдерживать инфляцию...

— *То есть пойдет на акт самосожжения.*

— То есть сожмет все равно неизбежное в короткий промежуток, то история оправдает Павлова. Пусть он считается главой непопулярного, антинародного правительства, но с точки зрения экономики он свою миссию выполнит.

— *«Чудище обло, озорно, стозевно»¹...*

— У нас парадоксальная ситуация: чтобы вырваться из тисков инфляции, правительство должно умерить свои амбиции и не швырять направо-налево бюджетные миллиарды, а население должно наступить на горло своим требованиям о росте зарплаты. Но сегодня никто не хочет уступить.

Правительство по инерции все расходует и расходует, люди же не желают смириться со снижением уровня жизни. Ну что ж, видно, на роду нам написано пожить при гиперинфляции.

— *Галопирующая инфляция, гиперинфляция — растолкуйте, что за зверь такой?*

— На этот счет много дилетантских рассуждений. Гиперинфляция бушевала после Первой и Второй мировых войн, в мирное время — страны Латинской Америки, Югославия и Польша в конце 80-х. Четкое представление о гиперинфляции — это когда темпы инфляции превышают 50% в месяц и 600% в год. Разгон цен на товары таков, что человек начинает мыслить сначала категориями месяцев, а потом дней: вчера мясо стоило столько-то, сегодня... На этом фоне нередко развертываются циклы отраслевых кризисов. Обычно у нас

цены на сельскохозяйственную продукцию растут через 7–10 лет после повышения цен на ресурсы, используемые в сельском хозяйстве. А сейчас мы и сезона не прожили, как оптовые цены на продукцию машиностроения «съели» доходы деревни от повышения цен.

— *У села хоть есть доля договорных цен, а как быть, скажем, нефтяникам? Мировая цена сырья — 170–200 долл. за тонну, а за наше «черное золото» правительство назначило 70 руб.*

— Финансовые трудности возьмут отрасль за горло. Когда начнутся беспорядки и забастовки, правительство удовлетворит требования работников и изменит цены на сырье. Доходы отрасли сначала увеличатся, но затем подорожают оборудование для нефтедобычи, комплектующие изделия и рентабельность отрасли, а значит, и заработки покатятся вниз. Рабочие вступят в новый раунд борьбы... Такой цикл становится регулярным и все более укороченным.

— *Такое кожей чувствуешь.*

— Кажется, Международный банк реконструкции и развития снял серию фильмов, своего рода экономический всеобуч. И там есть лента о гиперинфляции в Аргентине, к которой я делал комментарии перед показом по учебно-образовательной программе ТВ. Чтобы не пересказывать фильм, попробую выразить ощущение населением бешеной инфляции. Аргентинцы выдумали анекдот, что проехать на такси дешевле, чем автобусом, так как на автобусе билет покупаешь сразу, а частный автомобиль оплачиваешь, лишь добравшись до места, но к тому времени стоимость поездки окажется меньше цены подорожавшего автобусного билета.

— *Значит, для кого-то у нас речь пойдет о физическом выживании?*

— Увы... В это время деньги буквально становятся бумагой, люди и предприятия переходят к натуральному обмену. Но ряд отраслей не годится для бартера. Ну что предложат на обмен энергетики? А сбои здесь обернутся остановкой заводов, ферм, холодом в домах. Крестьяне, спасаясь от обесценивания денег, могут придержать товарные ресурсы. Отсюда недалеко и до силовых акций властей... Вы можете полностью отпустить цены, но время упущено, рынок совсем заглох. Вот что серьезно.

— *А что Вы будете делать? Спрос на услуги экономиста Гайдара не исчезнет?*

¹ Эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (из «Телемахида» Тредиаковского). — Прим. ред.

— Первая реакция населения в пору гиперинфляции — снижение скорости оборота денег. Люди психологически не готовы, что каждый месяц цены наполовину, а то и вдвое подпрыгивают. Потом деньги начнут лихорадочно сбрасывать. В этой ситуации я осмотруюсь: какие мне нужны денежные доходы, чтобы продержаться. Ясно, что зарплаты директора института не хватит. Придется подналечь на лекции, консультации, составление экономических прогнозов, на которые, думаю, заказы будут. Эти заработки я постараюсь увязать с темпом инфляции.

— *А прессе придет конец?*

— Нет, уверен, жажда в информации будет в этот период особенно острой.

— *По Вашему анализу ситуация в стране напоминает ту, что предшествовала военным переворотам в Чили в 1973 г. и в Аргентине в 1976-м. Безудержные расходы государства, в частности, на социальные программы, рост зарплаты, как следствие дефицит бюджета, выстрелившая пружиной инфляция, развал финансов, потребительского рынка... И — спаситель нации в лампасах. Выходит, что «продуман распорядок действий и неотвратим конец пути»?*

— Вы знаете, четыре последних года я писал об опасности надвигающейся инфляции, мне казалось, что предупреждения экономиста способны образумить власти. К сожалению, вижу: это было иллюзией. Нам придется перетерпеть гиперинфляцию — болезненный опыт научает лучше. Когда люди осознают, что любые уступки правительства без прочной денежной системы немногого стоят, когда они убедятся, что индексации и компенсации не спасают от обнищания, народ сам, раньше или позже, потребует политической коалиции сил, способных разрубить гордиев узел. Потребуется, не беря с них клятв верности интересам трудящихся. Тогда и сформируется правительство национального доверия.

— *А Вы не допускаете, что к рулю приходит партия порядка?*

— Вы упорно выводите меня на человека с лампасами. Партия порядка — это вообще вариант, обреченный в нашей стране на успех. Вопрос только в том, когда она придет и кого будет представлять. Генералы отнюдь не обязательный исход. Развязкой вполне может стать и гражданский человек. Правда, для спасения страны ему придется отказаться от популистских лозунгов и перейти к жесткой кредитно-финансовой политике. Так произошло с нынешним

аргентинским президентом Менемом. Он столько наобещал населению в ходе предвыборной борьбы, что международные финансисты за голову хватались. А начал с резкого сокращения государственных расходов, размораживания цен.

Говоря о партии порядка у нас, я равновероятным считаю приход к власти людей демократической складки и сторонников жесткой диктатуры, поднявшихся на волне необольшевизма. Именно они, доведя до развала финансы, начнут их укреплять...

— *Как уже было в 1922 г. с реформой Сокольниковых...*

— Но партия любой политической ориентации и идейных симпатий будет вынуждена прибегнуть к набору стандартных приемов для оздоровления рубля. Суть политики правительства будет состоять в ликвидации отрицательного сальдо госбюджета, для чего придется урезать дотации предприятиям до 3–4% валового национального продукта (ВВП), тогда как в первом квартале этого года они были 18–20%. Придется снизить доходы пенсионеров, составляющие сейчас 14% ВВП (богатая Швеция не может позволить себе более 12%). На низкой отметке установятся госкапвложения. Что касается военных расходов, то в период стабилизации они могут даже чуть возрасти: власти не рискнут оставить «в тылу» голодной такую силу. Резко, опережая темпы инфляции, пойдет вверх ставка ссудного процента банков. Курс доллара к рублю будет падать и стабилизируется на более низком, чем сейчас, уровне. Уменьшится спрос на продукцию машиностроения. Безработица вырастет, но сохранится на относительно низком (к масштабам спада производства) уровне.

— *Тактические различия в подходах «партий порядка» проявятся?*

— Они коснутся отношения к имущественному расслоению разных социальных слоев. Степень приверженности рынку наложит тут известные ограничения. Партия «защиты интересов трудящихся» будет сдерживать разрыв в доходах, явные рыночники постараются максимально поощрять предпринимательство.

— *А если гиперинфляция раскрутит центробежные силы и страна распадется на десятки государств со своими таможенными, денежными единицами?*

— И при дроблении Советского Союза каждое новое государственное образование будет вынуждено повторить те же самые приемы, чтобы «из хляби возникла твердь». От законов экономики не убежишь.

Россия, срочно на выход! С вещами?

Гайдар и его команда сработали проект рыночных реформ

В подмосковном поселке Архангельское, на даче № 15 российского Совмина, кипит работа. У группы известных экономистов практически на выходе пакет срочных действий, без которых, по их мнению, России не избежать самого худшего. «Капитан» команды директор Института экономической политики Егор Гайдар первым задал вопрос.

— Что в Москве творится? Две недели не читал газет...

— Ну, поговаривают, что Вам лавры Явлинского спать мешали. Классом-то Вы, считается, как минимум не ниже и потому искали достойное место. Нашли на российском «олимпе» и встали во фронду Явлинскому.

— И что же, мы в шахматы играем или — бокс?

— Да нет, все круче. Трещина идейная: Силаев, Явлинский, Сабуров — за Договор об экономическом сообществе и совместный выход из кризиса, а Вы за то, чтобы Россия без оглядки на республики начинала реформы. Чтобы подвести под это базу, Вы и заперлись здесь.

— Хорошенькая новость. Она тем интереснее, что ничего подобного я не писал и не высказывал. Смешно спорить с тем, что тесные хозяйственные связи с республиками нужны России. Это аксиома. Другое дело, формы сотрудничества.

В отношении республик есть два объективных обстоятельства. Первое: сохранить хоть какое-то экономическое взаимодействие — никто не заинтересован в схватках. И второе: после развала политического центра невозможно в принципе реанимировать сильный экономический центр, способный проводить жесткие реформы. Одно дело — соглашение республик об отказе наносить друг дру-

Интервью брал Александр БЕККЕР.

Опубликовано в: Комсомольская правда. 1991. 26 октября.

гу ущерб односторонними действиями, и другое — договориться воссоздать в Москве ядро власти, откуда снова будут делить валюту, определять денежную и ценовую политику. Вот мы до сих пор не закрыли ни одного завода. В рамках стабилизации их придется пломбировать сотнями. В Узбекистане, Туркмении, Украине. Это что, из Москвы делать, каким-то межреспубликанским органом? Значит, остаются мягкий союз и особая ответственность России за выход из кризиса союзной экономики. Прорвемся мы — спасутся и другие, сорвемся — потащим остальных. И значит, первейшее теперь — экономический курс самой России.

— Вы хотите сказать, что в рамках Договора об экономическом сообществе она не может проводить такой курс?

— Там были неудачно сформулированные пункты. Часть их Россией скорректирована. Но по большому счету все это не имеет никакого значения и единственное, чем опасно, что игры вокруг экономического сообщества создают иллюзию движения. Строго говоря, договор никого ни к чему не обязывает, все спорные вопросы в специальных соглашениях — 17 пакетов. И вот республики начинают работу над ними. Противоречий куча, работа идет тяжело, медленно. Потом с набором компромиссов соглашения будут заключены. Затем в ратификацию втянутся парламенты. А Россия ждет как у моря погоды, когда и чем это закончится, к тому времени у нас не будет политических ресурсов для болезненных рыночных реформ — кредит доверия народа иссякнет. Самое прекрасное, самое замечательное, политически выгодное и безобидное сегодня — создавать Комитет по управлению народным хозяйством и МЭК, писать договор и соглашения. Никто не скажет, что они вредны, но они не заменяют дела.

— Какой набор экстренных мер Вы предложите руководству России? И как ее самостоятельная политика может отразиться на отношениях с республиками?

— Цены не удержать. Придется их размораживать, хотя высокая открытая инфляция неизбежна. Второе: наша налоговая база быстро разваливается, к концу декабря мы останемся без налога с оборота. Нужно реконструировать налоговую систему, не ожидая согласований с другими республиками. Без проволочек и сантиментов потребуются навести порядок в кредитно-денежной политике. Немедленно реформировать систему лицензирования экспорта,

ставшую лакомым куском чиновников и гнездилищем коррупции. И пора кончать с идеологическими дебатами вокруг приватизации. Вот вкратце, что надо было начинать по крайней мере месяц назад. Нам нельзя больше плыть по закону эскадры — по самому тихоходному кораблю. Нам действительно придется принять меры, обеспечивающие России некоторую автономность политики.

Российская экономика уже сейчас гораздо меньше управляема, чем экономика других республик. Что-то из-за наших масштабов, но немало и по причине необязательности соседей. Скажем, есть договор с Узбекистаном о поставках ему древесины, а сибирские лесники сообщают: мы договорились с Киргизией обменять древесину на мясо. В результате «горит» договор с Узбекистаном, он сдерживает отгрузку хлопка в Иванов, и ткацкие фабрики стоят.

— *Тут правых-виноватых не найдешь: срыв взаимных поставок по стране оценивается в 36 млрд руб.*

— Согласен. Тем более нам нужна система, которая бы как-то регулировала потоки товаров из России и в Россию. Причем речь не идет о колючей проволоке на границе и таможенных заставах на каждой тропинке.

— *Тем не менее Вы подвели к тому, что товарный обмен с республиками невыгоден для России. Сейчас публикуют таблицы насчет неэквивалентности торговли. У Вас тоже есть расчет?*

— Цифры есть, но упаси Бог толковать их так, что «Расею грабят» и если мы покончим с этим, то запируем. Это не так. Одним махом перераспределить ресурсы нельзя, но учитывать их надо, чтобы строить здоровые торговые отношения. Итак, если мы сохраним цены текущего года, то на будущий Россия по 36 важнейшим видам продукции получит отрицательное сальдо в 8 млрд руб. И уже сейчас это дает повод Азербайджану снижать нам поставки. Если же перевести торговлю в мировые цены, то на 92-й год Россия будет на 8,7 млрд долл. в плюсе.

— *Плюс в долларах означает, что надо вводить клиринг — взаимный учет товарных сделок: ведь валюты для оплаты ни у кого нет. А пока наладим службу клиринга, развалится к чертям то, что еще осталось от хозяйственных связей предприятий. Получится вторая серия СЭВ — только масштаб крупнее.*

— Но и шагать дальше с завязанными глазами нельзя. После развала СЭВ мы оказались должны братьям по «лагерю» 15 млрд долл.

Зачем же тянуть во внутренних расчетах? Мировые цены внесут ясность — кто кому и сколько. Когда свои торговые интересы отстаивает Прибалтика — это признается нормальным. Почему нельзя России? Мы не собираемся разорять с помощью нефти Армению и Эстонию. Торговые расчеты покажут: или несколько сократить наши поставки в республики, получив, что надо, на мировом рынке, или попросить соседей поднять свой экспорт нам, если они хотят иметь в прежнем объеме, допустим, газ, уголь. Наконец, мы готовы предоставлять кредиты, готовы часть выручки инвестировать в экономику государств сообщества, приобретать акции их предприятий, банков, бирж. И не будет «добрых дядей» и «бедных родственников», пойдут нормальные переговоры.

Вторая проблема, которой неизбежно придется заниматься, — денежная политика. Прибалтийские государства стали независимыми и твердо высказались за национальные валюты. Украина уже вводила денежные заменители — купоны. Если мы будем, простите, ковыряться, то дождемся массовой перекачки денег из Прибалтики в Россию.

— *Никто не раскачивает денежную систему больше, чем Госбанк СССР, напечатавший под сотню миллиардов рублей, и Центральный банк России, вздувший за год кредитную эмиссию в 35 раз. Экспансия рубля из Балтии, конечно, сказывается на жителях соседних областей, но для денежной системы в целом ею можно пренебречь по закону больших чисел.*

— Ни в коем случае нельзя валить на других собственные грехи. Но мы-то с Вами обсуждаем переход к серьезной стабилизационной политике в России, т. е., взяв ответственность за повышение цен и косвенных налогов, за ликвидацию субсидий и дефицита бюджета, мы должны быть застрахованы от «сюрпризов». Я не взялся бы за санацию экономики, за которую надо платить падением производства и безработицей, — не взялся бы, не зная наверняка, введет ли Украина гривну или нет. Заказ в Канаде она, между прочим, разместила.

— *Это серьезно, Украина — это примерно пятая часть денежного обращения страны.*

— Значит, так: либо мы делаем все, чтобы сохранить единое рублевое пространство (пожалуйста, я был бы счастлив передать контроль за Госбанком в руки Международного валютного фонда, пусть

он управляет на время нормой резервирования всех республиканских банков), либо, если мы не можем об этом договориться, давайте думать о российской валюте, либо о новом союзе валют, но построенном так, что он устойчив, эффективно управляем. Замечу еще, что установка на долгие переговоры, когда Россия каждый раз пытается на любых условиях спасти эту денежную систему, обрекает ее на годы кризиса.

— *Скорее всего, для себя Вы развязали узел с будущим рубль. Во всяком случае понятно, что стоит за заявлением Ельцина о трехцветной национальной метке на нем. Однако тут возникает проблема дипломатического свойства. Подписание Договора об экономическом сообществе дало хоть какой-то козырь Явлинскому на встрече в Бангкоке с министрами финансов G7. Он мог сказать им: с денежной системой мы определились, внешний долг возвращаем солидарно. Ваша позиция и заявление Президента РСФСР если не дезавуируют Явлинского, то делают ситуацию щекотливой. Получит ли Россия кредиты, которые Запад планировал выделять на стабилизацию экономики всего сообщества?*

— Понятно желание Запада сохранить единое экономическое пространство. До 19 августа я был бы с ними полностью согласен. Но сейчас? О каком разделении функций центра и республик можно говорить? Где центр? Центр, у которого нет бюджета? В Договоре об экономическом сообществе не сумели договориться о главном — кто будет оплачивать оборонные расходы. Мне непонятно, что такое собственная стабилизационная программа МЭКа, в руках которого нет ни одного финансового инструмента. Мне кажется, что МВФ, Мировой банк, западные политики с течением времени осознают изменившуюся ситуацию. Они поймут, что нельзя собрать унитарное государство и политику надо строить в расчете на множество центров политической власти. Согласен, это неудобно, это тяжело, экономически деструктивно. Но это политическая реальность, не считаться с которой нельзя. А ключ к стабилизации сообщества лежит в России.

— *Когда Бурбулис говорил, что Россия готова быть правопреемницей, он, в моем понимании, давал знак, что республика готова взять на себя расчеты по внешним долгам, но и закольцевать тогда львиную долю будущих кредитов.*

— Никакого счастья, что Россия взвалит на себя общий долг, нет. Но есть реальность. Платить долги, особенно обслуживать их (17 млрд долл.) часть республик просто не в состоянии. У России есть природные ресурсы, а за счет какой валюты и каких экспортных поступлений будет вносить пай Грузия? Те же западные эксперты, с которыми я имел дело, говорят: это все хорошо насчет солидарной ответственности, но вы же понимаете, ребята, с кого на самом деле спросят кредиторы. Вы это учитываете в своих прогнозах, отчетах, платежных балансах? Вот о чем идет речь. Весь мир все равно смотрит на Россию, как на ответственного субъекта.

— *Реально уже и Россия не может отвечать по внешнему долгу. Валютные резервы, по западным оценкам, за год сократились с 15 до 3,9 млрд долл., а к началу 92-го у нас останется 1,8.*

— Ситуация несколько иная. У России очень много краткосрочных кредитов и очень неудачно распределена выплата долга по годам. Резкое снижение экспорта сырья усугубило положение. Поэтому в ближайшие месяцы, согласен с вами, оплатить платежные обязательства без новых кредитов не может никто, включая Россию. Но для мирового сообщества принципиально важно выполнение обязательств по текущему обслуживанию — расчет за поставки по импорту и оплата процентов. Пока вы пунктуальны в этих платежах и процентах, вы находите взаимопонимание с кредиторами. Как только подмочили репутацию надежного плательщика, отношение меняется радикально. Таким образом, текущие поставки Россия может покрывать доходами от экспорта. Что касается остальных долгов, то имейте в виду, отношение долга к объему экспорта у нас велико, но не смертельно. И проблема возврата лежит в плоскости — как скоро мы сумеем оживить российскую экономику. В рамках Договора о сообществе мы можем увязнуть в решениях и согласованиях, начнем перекидывать ответственность друг на друга, потом бесконечно делить, кто что не внес, тем самым отрезая себе шансы на спасение общества и народа. Так что срочные меры по стабилизации российской экономики — это вопрос морального выбора.

— *Вы рассчитываете стать экономическим советником Президента России?*

— Вы знаете, нет. Я очень надеюсь, что смогу сделать что-то полезное для реформ и стабилизации экономики на той территории,

которая некогда называлась СССР. И готов, не рассчитывая на лавры, оказывать профессиональную помощь всем ответственным политикам.

— *Материал Вашей группы практически на выходе. Но существует и программа Сабурова, близкая по духу Межреспубликанскому экономическому комитету Силаева. Каким будет вектор в этом параллелограмме сил? И что ждет экономику?*

— Ну, общее развитие ситуации в стране далеко перевешивает силы любого политика и уж тем более специалиста, вовлеченного в формирование экономической политики. Если Россия, ее руководство не решится взять на себя ответственность и инициативу в реформах, то продолжится быстрое падение производства, на очень низком уровне сохранится объем импорта, начнутся еще более серьезные проблемы с продовольствием, в первую очередь связанные с расстройством товаропроводящей сети. Быстро станет разваливаться бюджет, резко ускорятся темпы денежной эмиссии, за счет которой будут выплачивать дотации и финансировать армию. Мы будем все глубже увязать в инфляционном кризисе, а в результате полное фиаско демократов в глазах народа и прекрасный повод заложить «право руля».

— *Если же Ельцин решится на жесткие реформы, удастся ли ему до конца выдержать курс? Или их тяжесть окажется неприемлемой для населения?*

— Это объективные проблемы на пути реформ. У Ельцина больше шансов преодолеть сопротивление сейчас, чем останется через полгода. И у него этих шансов больше, чем у любого политика в обозримой перспективе.

Будущее принесет нам новые цены и забытые товары

— *Егор Тимурович, с нового года начинается, должна начаться, по крайней мере, новая жизнь: свободные цены, приватизация, либерализация внешнеэкономической деятельности. Чего Вы ждете, чего всем нам ждать в первые недели и месяцы? Не получится ли так, что освобожденные цены, как родившееся в неволе домашнее животное, не выйдут на волю, будут жаться к «хозяину-госпрейскуранту»? По мнению некоторых экспертов, такое может произойти. Не получится ли так, что люди не захотят стать собственниками, а иностранные инвесторы — пользоваться предоставленными новыми свободами?*

— Несмотря на то что некоторые основания относительно природной несвободы цен имеют под собой почву, я нисколько не сомневаюсь, что они на свободу выйдут. Все-таки рынок — вещь универсальная. Опасаться следует не того, что цены не «захотят» становиться либеральными, а той ситуации, на фоне которой приходится отпускать их на волю. Классические схемы проведения подобных мероприятий предполагают первоначальное проведение финансовой стабилизации, а затем уже либерализацию цен. Делать это одновременно не то чтобы запрещается — не рекомендуется из-за высокой степени риска. И если бы у нас был хоть какой-то выбор, мы бы не рисковали. Где-то с середины 1988 г. события в экономике начали развиваться по худшему для осуществления реформы сценарию.

Но даже в начале 1989 г. еще не было потеряно управление и что-то действительно можно было сделать сверху. Но урезать ассигнования на ВПК, сократить закупки оборудования и машин

Интервью брал Михаил БЕРГЕР.

Опубликовано в: Известия. 1992. 2 января.

в пользу потребительского импорта — все это казалось невозможным и было практически за пределами обсуждения.

При большом желании и полном понимании ситуации и Горбачев, и Рыжков еще могли что-то изменить. Но не было ни того, ни другого. Они давали себя заморозить благостными расчетами и романтическими ожиданиями. Помните, еще первые основные направления перехода к рынку, оглашенные Рыжковым, в которые закладывались неизвестно откуда взявшееся и абсолютно нереалистичное повышение производства, шестидесяти миллиардное увеличение выпуска товаров народного потребления?

Горбачев постепенно начал подходить к пониманию роли финансов, стал обращать на них должное внимание. Но, к сожалению, очень часто политики начинают понимать, что именно надо делать, лишь тогда, когда уже не имеют реальной власти этим пониманием воспользоваться.

К сентябрю прошлого года страна столкнулась с тремя тяжелейшими проблемами. Первая — полный развал бюджета и расстройство финансов. Вторая — кризис внешней задолженности, невозможность рассчитываться с кредиторами и отсюда коллапс импорта, без которого многие производства просто останавливаются. И третья — развал натурально-вещественного механизма распределения и управления через фонды, лимиты, наряды, который худо-бедно действовал до середины прошлого августа.

— *И вот уже два месяца, как Вы и Ваши товарищи по команде в российском правительстве несете ответственность за все, что происходит и произойдет в ближайшее время. Что может по этому поводу сказать человек, превратившийся из экономиста-наблюдателя и публициста в практика?*

— Прежде всего, думая о том, как выбираться из ямы, в которой мы все оказались, и прикидывая диктуемые экономической логикой варианты поведения, особенно ясно видишь огромное количество факторов, решительно влияющих на события, но от тебя почти не зависящих. И уже оказывается мало добиться того, чтобы перестали вбухивать миллиарды в не нужное никому строительство или военные заказы. Надо улаживать отношения с мощными социальными группами, которые могут защитить свои интересы, и им трудно что-либо навязать. Можно принять замечательные решения о закупках товаров, а корабли с продуктами не идут, потому что

зарубежные банки, не дожидаясь завершения переговоров по задолженности, замораживают кредиты. А экономическое поведение государств — бывших членов бывшего Союза, которое в иных ситуациях еще меньше зависит от тебя, чем поведение западных банков?

— *И что же в этой ситуации удалось уже сделать, а что нет?*

— Удалось оперативно, на мой взгляд, подготовить набор нормативных актов по ключевым вопросам реформы. Сюда прежде всего следует отнести либерализацию цен, внешнеэкономической деятельности, государственную программу приватизации, нормативные акты по земельной реформе, преобразованию колхозов и совхозов.

— *Самым существенным, наверное, следует считать либерализацию?*

— На пути к рынку — да. Но главным достижением этих двух месяцев я назвал бы поворот к жесткой бюджетной политике. Мы начали перекрывать кран, из которого хлестало все сильнее с каждым днем.

— *Как можно говорить о «закрытии крана», переполнявшего денежное обращение, когда цены и доходы растут быстрее, чем грибы после дождя?*

— Да, но при освобожденных ценах и жесткой бюджетной политике очень скоро выяснится, что денег не хватает. Нет, например ста тысяч (или сколько он там будет стоить) на автомобиль или мебельный гарнитур. Не хватает денег на новое оборудование или новое строительство. Возникают нормальные финансовые ограничения, диктующие совершенно определенное поведение. Это главное.

— *Не исключаю, что в главном, как это видится Вам, Вы добились успеха, хотя представить себе, что после такого огромного дефицита можно сразу выйти на бездефицитный бюджет, очень и очень трудно. Что же касается других достижений, то здесь еще больше вопросов. Возьмем ту же программу приватизации. Там — этапы, задания по отраслям и регионам в процентах и т.д. и т.п. Все это сильно напоминает некоторые массовые мероприятия из нашей истории. И потом, даже счастливым сделать человека против его воли при определенных обстоятельствах, наверное, можно. Но собственником вопреки желанию — вряд ли.*

— Если бы удалось так же быстро всех сделать собственниками, как в свое время загнать в колхозы, то это было бы неплохо при условии, что это не потребовало бы жертв и насилия. Ну а если говорить серьезно, то детализированное задание по приватизации нам поручил разработать парламент, что мы и сделали. Я понимаю, что документы такого рода вызывают приятное брожение саркастической мысли, и сам иногда думаю, как бы я поупражнялся здесь, если бы писал об этом статью, но давайте взглянем на документ без лишних эмоций и предвзятости. Приватизация нигде не проходит быстро и легко: ни в бывших соцстранах, ни «при капитализме». Это тяжелый, но крайне необходимый процесс, встречающий не только непонимание, но и сильнейшее сопротивление заинтересованных социальных групп и структур.

Исходя из сказанного, я бы не стал называть задания по приватизации нелепостью. И потом, мы ведь не навязываем программой кому бы то ни было какую-то собственность, мы не даем распоряжений стать владельцем чего-то. Мы обязываем государственные органы предоставить возможность приобрести госсобственность тем, кто пожелает и сможет это сделать. Иными словами, это задание не покупателю, а продавцу собственности, который в большинстве случаев не хочет этого делать, ибо собственность — это деньги и власть, а история знает очень мало случаев, когда с этими вещами расставались охотно.

Если говорить о том, что не удалось, а надо было бы сделать за это время, то я бы отнес сюда слабые связи внутри России: с регионами, республиками. Жалею, что не удалось начать либерализацию цен двумя неделями раньше. Мало что мы успели сделать по борьбе с коррупцией, хотя одним из первых мероприятий, которые провело новое правительство России, был пересмотр лицензий на продажу нефти и нефтепродуктов. Их, как известно, было выдано по разным каналам на 150 млн т при среднегодовом экспорте СССР в прежние годы 100 млн т. Это, пожалуй, одна из самых криминогенных сфер управления. Говорят даже о существовании твердой таксы на взятки для получения лицензий на вывоз той же нефти — один процент от стоимости контракта, и, естественно, не в рублях. Представляете, какие суммы, какие интересы здесь замешаны. Новое внешнеэкономическое регулирование направлено в том числе и на то, чтобы поломать эту систему.

— Хорошо, в глобальных, в макроэкономических решениях с Вами можно соглашаться или спорить, но многие авторитетные эксперты, наши и зарубежные, особенно имевшие дело с подобными ситуациями, в целом Ваши действия одобряют. А вот микроуровень, когда дело касается конкретного завода, порождает немало вопросов. Что будет делать, например, заводская столовая, лишенная фондов и госпоставок мяса? Вы не опасаетесь, что придется иметь дело с рабочими, не получившими обеда или не нашедшими достаточно денег на его покупку?

— Вопрос о заводской столовой надо адресовать заводу, который кроме фондов на мясо имел и хозрасчетные фонды, доходы, которые и должны быть употреблены в том числе и на решение этой проблемы. Конечно, не все предприятия с этим справятся, не все смогут преодолеть эту и множество других проблем. Но путь от коммунизма не бывает легким, и не мы первые узнаем, что задачи посткоммунистической стабилизации всегда неприятны. Мы продельываем этот путь одними из последних. И надо заметить, что в России дистанция между тем, что надо бы делать на определенных этапах этого пути, и тем, что делалось, систематически оставалась максимальной.

— Поставим тогда вопрос в иной плоскости. Вы можете идеально правильно задумать реформу, но провалиться на оперативном управлении экономикой. Остановятся поезда, прекратят работу заводы из-за отсутствия необходимых поставок, не будет хватать тепла.

— Все это нас беспокоит не меньше, чем сама реформа. В правительстве есть специальная группа, занимающаяся исключительно вопросами жизнеобеспечения, которую мы условно называем «комиссия по зиме». Ее возглавляет министр материальных ресурсов и торговли Станислав Анисимов — все в конечном счете связано на поставки, — которому даны в этом плане широчайшие полномочия. Ситуация тяжелая, но не безнадежная. Мы стараемся оперативно реагировать на возникающие проблемы. Например, уже 27 декабря приступили к закупке угля, который начали придерживать, по новым ценам. Сегодня в целом с запасами топлива положение терпимое, за исключением нескольких отдельных случаев.

— Каковы Ваши прогнозы на ближайшее будущее? Что нас ждет?

— По наиболее благоприятному сценарию рост цен в январе — феврале составит примерно 100% в месяц. За первые три месяца мы ожидаем трехкратного повышения цен. Резко возрастет спрос на деньги, и к февралю начинается стабилизация на потребительском рынке. К марту — апрелю должно наступить замедление темпов роста цен до 10–12% и одновременно упадут темпы роста доходов. Будут отпущены цены еще на некоторые товары, по которым сохраняется государственное регулирование.

К июню мы будем иметь стабилизационный фонд для поддержания стабильного курса рубля. Все события будут происходить на фоне продолжающегося падения производства, роста безработицы. Но к концу года темпы роста цен замедлятся до нескольких процентов, курс рубля стабилизируется, возникнут объективные предпосылки для притока иностранных инвестиций. Общее падение по итогам за год не должно по этому сценарию превысить 10–12%.

— *А что говорят иные сценарии?*

— Прежде замечу, что в первом с экономической точки зрения нет ничего фантастического, он вполне реален. Однако на развитие событий может оказать влияние политическая ситуация. Например, жесткие требования по увеличению компенсаций. Темпы роста зарплаты приближаются к темпам роста цен. В итоге инфляция зашкаливает за 50% в месяц, экономика функционирует в бартерном режиме, так как при такой инфляции деньги теряют смысл, и мы выходим на новый, более тяжелый виток проблем, которые, однако, тоже разрешимы¹.

— *Что ж, в условиях, когда обещание малой беды уже выглядит неоправданным оптимизмом, Ваша уверенность выглядит очень смело. Надеемся, у нас будет возможность вместе обсудить, насколько она обоснованна. Давайте регулярно рассматривать ситуацию и сверять развитие событий с тем, что Вы ожидали.*

— *Согласен.*

...Понимал, что сам тип ситуации требует экономиста-профессионала

Вице-премьер России Егор Гайдар беседует с обозревателем «МН»

После долгого вечернего разговора я попросила у него таблетку от головной боли. Он развел руками. «Не держит», — подтвердил его советник.

Лешек Бальцерович, по возрасту чуть старше Гайдара, заплатил за реформу тяжелым нервным расстройством. У тридцатипятилетнего Егора Гайдара хорошее здоровье и крепкие нервы. В четырнадцатом часу рабочего дня он все еще не теряет способности улыбаться. Впрочем, его реформа только началась.

— *Какого финала на этом поприще Вы бы себе пожелали?*

— Спокойного ухода с поста вице-преьера.

— *На пенсию?*

— Нет, конечно. Отставки к концу будущего года. Под оглушительные крики народного негодования, но при соблюдении демократических процедур. Скажем, вотум недоверия в парламенте по бюджету девяносто третьего года после финансовой стабилизации.

— *Когда Вы стали редактором отдела в «Правде», Вас как-то спросили: «Вы всерьез верите, что эту газету можно изменить?»*

— Что я ответил?

— *«Не получится, Бог с ней, вернусь к политике...» Вы принимали пост вице-преьера с таким же настроением?*

— Это совсем другая ситуация. Здесь мое, наше поражение не будет просто личной неудачей, оно может обернуться колоссальными трудностями для всей страны.

— *Что значит «неудача» для команды камикадзе? Ваше правительство все чаще называют именно так.*

Интервью брала Людмила ТЕЛЕНЬ.

Опубликовано в: Московские новости. 1992. 12 января.

¹ Как известно, первый вариант прогноза Е. Т. Гайдара не оправдался, но второй оправдался почти в полной мере (месячная инфляция в конце 1992 г. лишь немного не достигла рубежа 50%) — таков был результат воцарившегося в стране фактического двоевластия, т. е. результат изменившейся после апрельского VI Съезда Советов политической ситуации. — *Прим. ред.*

— Первое посткоммунистическое правительство всегда уходит. Это медицинский факт. Ничего страшного тут нет. За освобождение экономики надо платить политическую цену. Но наша задача — так получилось — сложнее, чем у других, кто реформировал экономику в сходной ситуации. Мы не можем позволить себе роскошь просто разморозить цены, не остановить инфляцию и уйти. Тогда второе посткоммунистическое правительство в России вряд ли будет демократическим.

— Аналитики между тем уже называют имена потенциальных преемников Гайдара. Юрий Скоков, Александр Руцкой, Аркадий Вольский... Вряд ли этот список случаен. При всей разнице во взглядах и возможной тактике сходство очевидно: нелиберальный экономический комплекс. Теоретически, впрочем, возможны варианты. «Что, если следующее правительство предложат возглавить Вам?» — спросила я недавно Григория Явлинского. «Есть ситуации, из которых нет выхода без применения насилия. Но у меня в таком случае есть право в этом не участвовать», — ответил он. А у Вас? Кого бы Вы хотели видеть своими преемниками?

— Размораживание цен — это первая критическая точка. Если мы не удержимся после 2 января, при благоприятных обстоятельствах все же остается надежда на другое правительство профессионалов. Чтобы добиться финансовой стабилизации, оно должно быть достаточно жестким и грамотным.

— Другой вариант?

— Мы уходим после финансовой стабилизации. Хирургическая операция проведена, надо выхаживать больного. И вот тут потребуется мягкое правительство, которое снизит налоги, создаст предпосылки для экономического роста, привлечет иностранный капитал. Это прекрасные задачи, и я искренне завидую тем, кому придется их решать.

Рабочий день Гайдара начинается в девять и заканчивается за полночь, что не вызывает, однако, у вице-преьера гордости. Круг обязанностей окончательно разомкнут обстоятельствами.

У Гайдара нет замов «по протоколу». Этикет безжалостен: ему надлежит принимать не только зарубежных, но и всех вновь избранных президентов и вновь назначенных премьеров бывших российских автономий, прибывающих с визитом вежливости в Москву. Счастье,

если с визитом вежливости, а не с намерением выбить льготы для своих суверенных территорий.

У Гайдара нет замов и по текущей хозяйственной деятельности. Если в хабаровской школе отключили свет, этим приходится заниматься вице-премьеру. Если в Первоуральске не разгружают вагоны — ему же. А если перебои с нефтью, углем, мясом, металлом? Впрочем, «если» можно сразу же вычеркнуть. Страна такова, что все это в ней происходит как правило. А значит, как правило, у вице-преьера остается минимум времени собственно на разработку реформы.

Гайдару (первому из российских премьеров за последние 60 лет) удалось собрать команду профессиональных экономистов. Грамотных, честлюбивых, молодых, но известных в кругах экономической элиты: Александр Шохин, Константин Кагаловский, Владимир Машиц, Анатолий Чубайс, Леонид Григорьев, Петр Авен...

— По каким принципам Вы формировали свою команду?

— По профессиональным. В правительстве должны работать люди с одинаковым пониманием макроэкономической логики происходящего и задач, которые надо решать.

— Это все требования?

— Нет. Хотелось быть уверенным в личной честности и порядочности тех, с кем придется работать.

— Считается, что представители новой российской власти сплошь рыночники. Вам действительно так повезло?

— Практическое значение имеют не идеологические декларации, а реальные решения, которые принимаются при наборе альтернатив. Сегодня все так же привержены рынку, как семь лет назад преимуществам плановой социалистической экономики. На самом деле и тогда, и сейчас во властных структурах работают люди с разными экономическими ориентирами.

— Российская власть все меньше похожа на монолит. Уже прорисована линия Гайдара, линия Хасбулатова, линия Руцкого. Это опасно?

— Демократические режимы без разногласий? Невозможно. Они естественны даже внутри правительства, если имеют частный, а не принципиальный характер. Тем более оправданны, если возникают между разными структурами власти — президентской, парламентской, исполнительной. Опасно, если разногласия перерастают в конфликт.

— Критика со стороны Руцкого — что, конфликт или разногласия?

— Мне эта критика кажется слишком политически рентабельной. Его альтернатива реформе — из мира сказок. Действительно, все можно было бы сделать безболезненно, если бы все в этой стране поддавалось управлению, регулированию, контролю. Реформа пошла бы по нотам. Сначала быстро-быстро провели бы приватизацию, потом быстро-быстро демонополизацию, потом бы разморозили цены... Откуда это, из братьев Гримм? Из Андерсена? Да цены уже с лета не контролируются правительством и инфляция 15% в месяц!

Декларации, подобные тем, что делает вице-президент, политически прибыльны, но на деле наивны, оторваны от жизни. И мне странно, что кабинетные ученые должны объяснять это практику...

— *Вам легко работать с Ельциным?*

— И легко, и тяжело. Он поддерживает нас, абсолютно доверяет в решении профессиональных вопросов. Не вносит корректив, которые по логике мог бы вносить политик, озабоченный своей популярностью. Но Ельцин по характеру добрый. Ему хочется сделать всем «хорошо». По-моему, ему глубоко претит та жесткая экономическая роль, которую он вынужден играть сегодня. И тут его и нас действительно подстерегает опасность.

— *Вы чувствуете «всенародную поддержку»?*

— Нигде в мире Вы не найдете такого мазохистского населения, которое приветствовало бы рост цен.

— *Экономисту приходится постигать «дворцовое» искусство — лавировать, искать компромиссы, просчитывать реакцию разных сил. Вас не отпугивает политика, тем более политиканство?*

— Я совершенно убежден, что ни при каких обстоятельствах не стану заниматься политиканством. Хотя бы потому, что не умею этого делать. Из меня получился бы очень плохой политикан. Предпочитаю откровенный разговор о том, что предполагается делать и к чему это может привести. В нашем обществе, уставшем от вранья и пустых обещаний, по-моему, это не худший тип политики.

Называя себя кабинетным ученым, Гайдар не лукавит. Работа в нескольких академических институтах прерывалась лишь тремя годами журналистики. Сначала в журнале «Коммунист», позже в «Правде». Тип изданий, однако, не помешал Гайдару и его коллегам заработать славу «экономической фронды».

— *Что заставило Вас заняться журналистикой?*

— Соблазн гласности и, может быть, гены.

— *Это было полезно?*

— Да, я включился в реальные процессы, связанные с реформами, получив доступ к информации. С журналистикой к тому же связаны первые попытки повлиять на события...

— *При каких обстоятельствах Борис Ельцин предложил Вам пост?*

— Строго говоря, он мне его не предлагал. Были разговоры за чашкой чая — не с президентом, с его окружением, — что было бы, если бы я решился...

— *Что Вы отвечали?*

— Определял условия, при которых бы решился. Политическая воля президента к проведению реформ, доверие, команда единомышленников... А 6 ноября Президент России подписал указ о моем назначении.

— *Вы не возражали?*

— Это было бы безответственно. Интриги и кокетство, мне кажется, просто не ко времени. Это время, может быть, уже ушло или еще не пришло.

— *Вас манили лавры Бальцеровича и Эрхарда?*

— Просто я хорошо понимал, что сам тип ситуации требует экономиста-профессионала. Кто-то должен был взять на себя эти обязанности. Просто так сложилось, что этим «кто-то» стал я.

Стихия рынка бушует по расписанию

— *Егор Тимурович, вопрос, который задают сейчас все: где обещанное изобилие?*

— А никто и не обещал изобилия через две недели. Наполнение магазинов товарами — процесс постепенный. Если вспомните, какими были прилавки 28 декабря, и посмотрите, какими они стали сегодня, то увидите довольно серьезные изменения. Реформа идет в соответствии с нашими планами.

— *Позволю себе усомниться в последнем. Помнится, рост цен прогнозировался в два-три, ну, в четыре раза. Во всяком случае того, что произошло, никто, кажется, не ожидал. Вас упрекают, извините, в легкомыслии: бросили процесс формирования цен на самотек, не подготовив к началу либерализации товарных запасов.*

— По поводу прогнозов. Представляете, что творилось бы, объяви правительство, что цены вырастут в 20 раз! Примерно такого скачка, который произошел, мы и ожидали. Ожидали потому, что было видно: хозяйственники сориентировались на повторение тех масштабов повышения цен, которые были заложены в ценах на топливо и энергоносители. Ожидали и того, что сначала будут серьезные трудности с реализацией продукции по этим ценам. Хорошо бы, конечно, их избежать, накопив предварительно, как учат наши критики, значительные товарные запасы. Но это можно делать, когда экономика управляема, более или менее стабильна. У нас же пришлось сначала запустить рыночный механизм, а уж потом накапливать товары.

— *Но, наверное, цены были бы гораздо ниже, если бы до либерализации начали проводить приватизацию, хотя бы в торговле?*

— Приватизация — это большая и серьезная работа, которая длится годами. В Англии, например, Маргарет Тэтчер осуществляла масштабную программу разгосударствления на протяжении 80-х гг.

Интервью брала Ирина САВВАТЕЕВА.

Опубликовано в: Комсомольская правда. 1992. 22 января.

За десять лет она приватизировала примерно десятую часть государственности. В Польше команда под руководством Бальцеровича начала готовить приватизацию с 89-го, и только в 91-м там стали появляться признаки успеха. Однако все это не значит, что мы должны делать приватизацию медленно. Мы делаем ее настолько быстро, насколько можем. Думаю, что в течение первого полугодия этого года удастся достигнуть серьезных результатов в разгосударствлении торговли. Основные нормативные акты по приватизации будут выпущены 24–25 января.

— *Когда наконец люди смогут получить землю?*

— К 1 марта должны быть сформированы органы, призванные заняться реорганизацией колхозов и совхозов. Таким образом, все легальные предпосылки к тому, чтобы раздать землю, к этому времени будут созданы.

— *Егор Тимурович, предприниматели жалуются, что Вы установили непосильные налоги на прибыль. Не боитесь, что в ситуации, когда налоговая система развалена и налоги практически не собираются, Вы не получите даже того, что могли бы получить, установив налог более низкий? Зато получите ускоренное свертывание производства...*

— Ну, во-первых, сказать, что налоги совсем не собираются, будет преувеличением. Проблемы, которые возникали у налоговой службы до недавнего прошлого, были связаны со сложной налоговой политикой. Хорошо ведь известно: если налогов установлено много, от них легко уклониться. Преимущество же нашей налоговой политики состоит в том, что она проста. Количество налогов сведено до минимума. И налог на прибыль, о котором Вы говорили, еще не перевалил за ту грань, когда он может стать тормозом для развития производства. Еще один налог — налог на добавленную стоимость в том варианте, в котором мы его приняли, — один из самых простых налогов. Безусловно, возможности уклонения от уплаты любого налога существуют. Но именно применительно к налогу на добавленную стоимость они довольно ограниченные.

— *Ваша довольно жесткая налоговая политика вызвана, как Вы постоянно подчеркиваете, необходимостью пополнять бюджет. Но ведь есть и другие способы для этого: распродажа «незавершенки», конверсия...*

— Безусловно. Нами разработана программа продажи незавершенного производства. На протяжении первого полугодия мы смо-

жем выбросить его на рынок. Уже сегодня к многим объектам потенциальные покупатели проявляют существенный интерес. Что же касается конверсии, то ею мы просто вынудили заняться большинство оборонных предприятий, прекратив их финансирование. Однако вопрос в том, насколько конверсия будет эффективна. Мы попросили предприятия представить нам свои конверсионные программы, наиболее привлекательные будем финансировать.

— Скажите, насколько радикальны Ваши планы реорганизации военного производства? Не так давно я разговаривала с Василием Селюниным, который предлагал попросту остановить его.

— То, что мы делаем, не менее радикально. Мы не будем останавливать, пожалуй, только те производства, которые выпускают запчасти для действующей техники, да те еще, которые дешевле продолжать эксплуатировать, чем закрывать. Но в целом, мы считаем, в ближайшее время у государства нет денег на вооружение.

— Егор Тимурович, Вас критикуют и за то, что стабилизация бюджета, успешное осуществление монетарной политики для Вас самоцель. Что Вы ничего не делаете для лечения главной болезни нашей экономики — падения объема производства.

— А я и не считаю, что увеличение объема производства является для нас главной целью. У нас долгие годы производство росло, причем довольно быстро, а экономика шла к неизбежному краху. Люди жили все хуже, потому что это было ресурсно-расточительное производство, как правило, тупиковое. Сегодня цель другая: создание современной, эффективной, рыночно ориентированной экономики — экономики для людей. От того, что мы увеличили бы, скажем, производство танков, самолетов, бронетранспортеров, да даже шагающих экскаваторов, счастья бы у народа не прибавилось. Другое дело, что со временем разумная финансовая политика должна создать все предпосылки для структурной перестройки и экономического роста.

— Но согласитесь: падение объема производства в некоторых базовых отраслях сегодня выглядит угрожающим. Сообщения о готовящихся остановках шахт, о простое металлопрокатных станков похожи на военные сводки...

— Да, проблемы коксующихся углей и металла стоят очень остро. В снабжении промышленности этими ресурсами возможны перебои.

— Значит, возможны они и в снабжения теплом, энергией рядовых потребителей? Скажите, мы стоим на пороге топливно-энергетического кризиса?

— Если не будет крупных социальных потрясений, общего энергетического кризиса быть не должно, потому что идет заметное снижение потребления энергии в результате общего падения производства, сокращения выпуска оборонной техники.

К сожалению, для решения проблемы топлива и металла у нас не так уж много средств. Ведь главная возможность здесь — это оплата в свободно конвертируемой валюте. Увы, ее у нас недостаточно. В прошлом году шахтерам было обещано, что треть всей продукции они будут реализовывать вне госзаказа. Мы предложили им продавать этот уголь за валюту внутри страны. Много будет зависеть от того, как сможем договориться. Не получится — будем вынуждены покупать продукцию на внешнем рынке.

— Я никак не могу понять вот чего: с одной стороны, общеизвестно, что хождение валюты иностранного государства на территории чужой страны — дело недопустимо вредное. Ельцин даже издал специальный указ, запрещающий всякие расчеты в СКВ с июля 1992 г. Вместе с тем Вы сообщаете, что само правительство готово перейти на расчеты в иностранной валюте. Где же логика?

— Конечно, мы надеемся преодолеть долларизацию экономики. Вместе с тем мы понимаем, что в условиях нынешней денежной нестабильности добиться этого одним запретом практически невозможно. Все будет зависеть от того, насколько эффективной окажется наша кредитно-финансовая и денежная политика. Надо суметь повалить нынешний сумасшедший курс доллара.

— А чем обернулась для российской денежной системы тотальная купонизация из Украины?

— Это ведет к существенному увеличению денежной массы в России. Потому будем регулировать безналичные платежи с Украины.

А вообще основная наша линия состоит в том, чтобы попытаться спасти нынешний союзный рубль, как бы ни велики были издержки. В конце концов мы готовы продолжать бороться за то, чтобы союзный рубль стал рублем российским. Неупорядоченность, нерегулируемость отношений с бывшими республиками — одно из самых серьезных препятствий на пути последовательных реформ, дополнительный и очень неприятный фактор риска.

У хирурга не должны дрожать руки, даже от жалости к больному...

1 марта 1992 г. в здании на Старой площади корреспонденты «Часа пик» Борис Львов и «Тages Анцайгер» Зигмунт Дзенчоловский взяли интервью у Егора Гайдара, тогда вице-, теперь уже первого вице-премьера России.

— «Тages Анцайгер»: *Ваша оценка результатов реформы: что удалось и что не удалось?*

Первое: удалось разморозить цены, задействовать рыночные механизмы и при этом не выброситься из окна, политически уцелеть. Это та экономическая эквилибристика, которая очень многим казалась в принципе невозможной. Пока мы ее пережили, дальше будет видно. Второе: начало радикально меняться поведение предприятий на микроуровне — от стереотипов бартерной экономики к монетаризации текущей жизни.

Пульс хозяйственной жизни ощущаешь по тем вопросам, с которыми к тебе приходят люди. Я в неделю принимаю несколько десятков руководителей, по их просьбам можно судить, что для них самое горячее.

— «Час пик»: *Они просят вещи или деньги?*

— Последние три недели у меня никто не просит вещи. Только деньги! Причем с каждым днем все больше и больше! Еще в декабре о деньгах никто вообще не говорил — это было за предела-

Опубликовано в: Час пик. 1992. 9 марта.

В Интернете (уже после смерти Гайдара) была представлена расшифровка аудиозаписи данного интервью, сделанная Б. Львиным, несколько отличная от публикуемого здесь текста. При желании читатель может с ней ознакомиться по адресу <http://bbb.livejournal.com/2145888.html>. Еще одна версия была опубликована на немецком языке в швейцарской газете «Tages Anzeiger» от 6 марта 1992 г. Санкт-Петербургская и швейцарская газеты опубликовали данное интервью под разными заголовками. Здесь мы предпочли швейцарский, более удачно выражающий содержание беседы. — *Прим. ред.* Следует также учитывать, что в нарушение общепринятой практики ни один из трех вариантов интервьюеры не предоставили Е. Гайдару для визирования. — *Прим. ред.*

ми обсуждения. Обсуждали и просили выделить лимиты, фонды, КамАЗы, дать разрешение на реализацию не по госнаправлениям, а на бартер, разговор шел только «вещественный».

Заколебалась ситуация где-то в начале января. По-прежнему еще просили вещи, но вдруг возникло ощущение, что и деньги что-то значат. С конца января просят все больше деньги, спрашивают, что делать с остатками нереализованной продукции, как выкручиваться из положения, когда вышли на минимальную рентабельность, а продукцию никто не берет? Как жить дальше? Что говорить рабочим, ибо приходится отпускать их в незапланированные отпуска? А дальше начинают просить только деньги!

— «Час пик»: *А из этих денег какой процент просьб имеет в виду наличные деньги, а какой безналичные?*

— В декабре говорили исключительно о наличных, и в основном не директора предприятий, а главы администраций. Деньги на счетах есть, но зарплата не выплачивается, потому что наступил кризис налично-денежного оборота, не хватало наличной денежной массы.

С конца января кризис налично-денежного оборота пошел на спад, задолженность по наличным сократилась с пятнадцати до пяти миллиардов. Почти исчезла сейчас тема наличных денег, почти. Только иногда возникает в Кузбассе, например, зато начинает доминировать тема безналичных денег.

— «Час пик»: *Были массовые опасения политологов, что реформа приведет к распаду России, к регионализации. Туда пойдет Урал, сюда — Северо-Запад. Мне кажется, что измерителем реальности, «градусником» этого процесса будет показатель, кто больше рвется на прием, кто занимается делами — директора или местные администрации.*

— Рвутся и директора, и местные власти. Местные власти страшно активны. Какие вопросы ставят? Во-первых, кризис местного бюджета, во-вторых, валюта по бартеру, право на самостоятельную реализацию, без налогов, сырья и материалов местного производства...

— «Час пик»: *За рубеж?*

— Да. Это основные сюжеты. А теперь еще и капитальные вложения в социальную инфраструктуру.

Основное давление идет с предприятий, где доминирует сюжет недостатка безналичных денег. Мол, как же так, мы договоры наза-

ключали, мы все производим, а деньги нам не платят! Возникают цепочки неплатежей, кризис ликвидности.

Но пока мы были на редкость успешны в области безналичного денежного оборота. Я, честно говоря, этого не предполагал.

Когда мы установили нормы прироста кредитования народного хозяйства на первый квартал 15% при условии размораживания цен и, естественно, резкого их скачка, я предполагал, что удержаться нам удастся где-то на 100% прироста денежной массы. При четырехкратном номинальном увеличении ВВП мы получили бы двукратное увеличение объема денежной массы и частично сняли бы денежный «навес».

Пока, по прогнозам, мы выходим где-то с 25–30% прироста денежной массы. По январю около 10%. Март будет самым тяжелым, итого будет 30–35%. Ясно, что это намного лучше, чем мы всерьез рассчитывали.

— «Тагес Анцайгер»: *Бальцерович сейчас говорит, что его самой большой ошибкой было то, что он преувеличил способность предприятий адаптироваться к реформе. А Вы говорите сейчас совсем противоположное.*

— Дело в том, что мы с самого начала не переоценивали этой способности. Мы были гораздо большими скептиками с самого начала относительно возможности предприятий адаптироваться к реформе, и пока идет чисто текущая адаптация к начавшейся монетаризации экономики, не более того.

Разница с Польшей, которая может сыграть нам на руку, состоит в том, что здесь все-таки гораздо слабее профсоюзы и не получило широкого развития рабочее самоуправление на предприятиях. В связи с этим позиция директоров на предприятиях гораздо сильнее, чем в Польше... Если рабочие советы и есть, то они декоративные, немощные. Польской проблемы — как только директор пытается делать что-то экономически разумное, его немедленно выгоняют, — вот этого у нас нет как массового явления. И это меняет поведение предприятий. Потому что если в январе мы получаем нулевой рост номинальных денежных доходов населения, то это уже само по себе симптом очень интересный.

— «Тагес Анцайгер»: *А у Вас нет мер типа налога на прирост заработной платы?*

— Нет, мы сознательно от этого отказались. Сознательно отказались по комплексу причин как идеологического свойства, так и узкопрактического. Идеологически все аргументы против такого налога понятны — он мешает структурным сдвигам, перераспределению трудовых ресурсов в пользу наиболее эффективных отраслей и вообще является по существу своему нерыночной мерой.

Такой механизм можно пытаться использовать в том случае, когда ты твердо уверен, что способен обеспечить универсальность применения. Я абсолютно убежден, что ни одно российское правительство на фоне размораживания цен этого сделать просто не может. Будет немедленно пробито колоссальное количество исключений, которые полностью дискредитируют все стабилизационные усилия правительства. Именно поэтому мы и тогда его не приняли, и сейчас, несмотря на настояния МВФ, ушли от любых жестких констатаций, что будем его использовать.

— «Час пик»: *А чем вообще можно объяснить такой рецепт Международного валютного фонда, который с теоретической точки зрения...*

— Дело в том, что у них своеобразная политика доходов: конечно, мы понимаем, что это противоречит чистоте веры, но тем не менее иногда согрешить можно...

Они, естественно, опасаются, что мы не удержим рост заработной платы на государственных предприятиях, что давление снизу будет очень сильное, что мы не решимся пойти на банкротство широкого круга предприятий и это подорвет нашу финансово-денежную политику. Это стандартное опасение.

— «Час пик»: *А как на него надо отвечать?*

— Ответ на это опасение должен быть примерно такой: давайте сначала посмотрим!

— «Час пик»: *А почему правительство не прибегает к такой мере, которая в Польше была сразу проведена и которая совершенно естественна для любой страны, проводящей экономическую реформу, я имею в виду стимулирование экспортной активности? В частности, для предприятий ВПК?*

— Мы всячески стимулируем их экспортную активность. Больше того, мы сейчас их поставили перед жесткой необходимостью работать на экспорт, резко сократив заказы, всячески пытаемся им по-

мочь. Я буквально сам лично снимаю проблемы, которые возникают по экспорту вооружений.

По машиностроительной продукции мы создали идеальные условия для экспорта, потому что он освобожден у нас практически от всех налогов. Здесь нет никаких экспортных пошлин!

Единственное, где возникают у нас проблемы, — это в топливно-сырьевом секторе. Здесь беда в следующем. Беда связана с тем, что мы вошли в реформу с безумными диспропорциями внутренних и внешних цен и предельно заниженным курсом рубля по отношению к доллару. Поэтому полное открытие экономики применительно к сырьевому сектору могло бы нам парализовать всю обработку. Потому что самое естественное в такой ситуации, когда у тебя курс 110 руб. за 1 долл., — это вывезти все, что можно вывезти из сырья.

— «Тагес Анцайгер»: *Я был на ваших золотых приисках в Бодайбо в октябре. У меня такое впечатление, что если ввести мировые цены, то там появится проблема самоокупаемости.*

— Абсолютно точно! Тут по-разному на разных направлениях — допустим, по газу, по нефти, разумеется, нет. А по золоту — да. Уже сейчас, допустим, мы платим за грамм золота 580 руб. Это значит, что если курс валютный у нас падает ниже 53 руб. за доллар, то золотодобыча становится нерентабельной. А 580 руб. за грамм не покрывает значительной части издержек приисков! После этого нам нужно наполовину сокращать золотые прииски либо, наоборот, очень активно приватизировать, привлекать иностранных инвесторов.

— «Час пик»: *Меня удивляет, что в кругах правительственных и близких к правительству сообщения о падении курса доллара встречают с радостью. Хотя с точки зрения ориентации на экспорт тут радоваться нечему.*

— На самом деле радоваться есть чему, потому что курс доллара должен быть занижен относительно паритета покупательной способности для того, чтобы всерьез стимулировать экспорт. Но он должен быть разумно занижен. Когда мы укладываемся в допустимый интервал колебаний 2–2,5 между курсом и покупательной способностью и держимся на верхнем пределе этого интервала применительно к доллару, это одна ситуация. Когда мы далеко выскакиваем за этот интервал, то на самом деле это не стимулирует экспорт, потому что после этого дальше возникают такие непреодолимые

внутренние диспропорции, которые парализуют любую нормальную деловую активность.

— «Час пик»: *Тогда я попрошу экспертную оценку с ходу. Сравнительную покупательную способность доллара и рубля в наших сегодняшних все еще фиктивных ценах, ценах на недвижимость, например, определить трудно. А вот какую бы правительство ожидало нормальную среднюю зарплату в долларах к концу года?*

— Мы ориентируемся на то, чтобы средняя зарплата в долларах была от 80 до 110 долл. Это на конец года. Это, конечно, ниже нашего уровня развития, но это была бы та зарплата, при которой у нас были бы прекрасные возможности для конкурентоспособного экспорта продукции обрабатывающих отраслей.

— «Час пик»: *Я вижу, что для немалой части российского начальства, если так назвать не только правительство, а вообще все высшее центральное руководство, борьба за сохранение рублевой зоны и общей экономики имеет в глубине не рациональное экономическое обоснование, а эмоциональное желание все-таки удержать поближе, не отпускать. Верно ли это наблюдение?*

— Спектр позиций по этому поводу очень широк в кругу лиц, принимающих решения. Говоря от имени экономического крыла российского правительства, я могу сказать, что для нас вопрос о рублевой зоне — это в первую очередь вопрос о минимизации издержек, связанных с разрывами связей и техническими фрикциями на пути товаропотоков, которые неизбежно возникнут при введении национальных валют. Лодка так тяжело сейчас нагружена, что я боюсь, что из-за таких технических вещей она может перевернуться... Поэтому мы абсолютно спокойно относимся к перспективе введения национальных валют другими государствами. Считаем, что в любом варианте для России, учитывая масштабы и вес в экономическом пространстве и происшедшие резкие изменения в соотношении объема денежной массы и валового национального продукта в номинальных ценах, все издержки, связанные с выбросом денег в Россию, сейчас не фатальны. Даже если все остальные республики захотят ввести национальные валюты, для России самый дешевый способ — это все-таки принять на себя ответственность за союзный рубль и дальше его использовать.

— «Час пик»: Я недавно читал статью известного шведского экономиста Ослунда¹ о нашей реформе, выдержанную в стиле рекомендаций российскому правительству. Там он указывает на опыт Чехословакии после распада Австро-Венгрии. Она избежала потрясений, несмотря на многонациональный состав, потому что сразу решительно отгородилась своей валютой, своей таможенной и местной финансовой политикой. Она избежала инфляции, заплатив — всего лишь — гибелью министра финансов от руки возмущенного террориста. Что можно сказать по поводу такой рекомендации российскому министру финансов?

— Попытка ввести российскую специальную валюту экономически столь же мало разумна, как введение альтернативной американской валюты североамериканскими штатами. Ты помнишь историю разгула гиперинфляции в южных штатах?

Попытка ввести свою валюту в условиях, когда основная часть пространства остается в рамках старой валюты, хороша только в тех случаях, когда тебе нужна денежная реформа. Вот если бы нам сегодня была нужна денежная реформа — из макроэкономических соображений, как альтернативный способ снятия денежного «навеса», — тогда да, тогда это вопрос, который можно обсуждать, всерьез обсуждать. Но сейчас денежный «навес», ярко выраженный, мы сняли. У нас нет денежного «навеса», и, так как мы не собираемся замораживать цены, денежному «навесу» появиться у нас неоткуда.

— «Час пик»: Кстати, в Петербурге я вынужден периодически опровергать волнообразно набегающие слухи о грядущей денежной реформе. Могут ли авторитетно сослаться на вице-преьера?

— Можешь совершенно точно. Новые купюры, без Ленина, естественно, будут, но никакой денежной реформы российское правительство не планирует, не предполагает, не намечает. Не накапливает денег, необходимых для обмена. Даже без Ленина денег еще не печатает!

— «Тагес Анцайгер»: Хочу задать вопрос о приватизации. Я столкнулся с тем, что люди употребляют слово «прихватизация»...

— На самом деле процесс приватизации в России в 1990–1991 гг. пошел очень широко именно как номенклатурная «прихватизация». Это вполне естественно, так как те, кто ближе стоит к власти, активнее всего включаются в процесс приватизации. Мы сейчас разработали нормативную базу, чтобы начать нормальный процесс приватизации, с минимальным использованием индивидуальных решений. Пытаемся удержаться на уровне универсальных решений типа аукционов, тендеров и т. д. Естественно, это вызывает страшную злобу и негодование среди лиц, традиционно принимающих решения и желающих принимать их и дальше. Это вызывает осложнения, связанные с тем, что такой механизм работает медленнее, чем индивидуальная раздача.

— «Тагес Анцайгер»: Многие говорят, что Вы принимаете draconianские меры, что Вы жестоки. Как Вы ответите на подобные обвинения?

— Не для прессы я бы ответил так: если бы они не были недовольны, то был бы недоволен я. Это свидетельствовало бы о том, что меры недостаточно жесткие, недостаточно решительные, недостаточно последовательные.

Вы прекрасно понимаете, что стабилизация и освобождение цен — это очень неприятные хирургические меры. Врач, у которого дрожат руки от того, что он жалеет пациента, может принести страшный вред.

— «Тагес Анцайгер»: А новости о старушках, умирающих от голода, на Вас не производят впечатления?

— Ну, честно говоря, я не очень верю... Совершенно очевидно, что реальное положение дел находится под контролем. Массового голода в стране нет, нет даже очагового голода, даже в среде относительно низкооплачиваемых.

— «Тагес Анцайгер»: А акция международной гуманитарной помощи — она нужна, она должна продолжаться или...

— Для нас это прежде всего демонстрация поддержки международным сообществом. Это очень полезно. Она особенно полезна там, где она адресна. По большому счету сейчас нет страшных проблем на рынке мяса. Ко мне уже начали ходить главы администраций и директора предприятий выяснять, что же им в конце концов делать с мясом, холодильники все забиты и так далее... Но, допу-

¹ Андерс Ослунд (Anders Oslund) — шведский экономист, в настоящее время работающий в США. Специалист по вопросам перехода бывших социалистических стран от централизованного планирования и управления экономикой к рынку. В начале 1990-х гг. был одним из консультантов Правительства Российской Федерации, а также правительств Украины и Киргизии. Автор ряда книг. — Прим. ред.

стим, есть острейшая проблема с медикаментами. Но в первую очередь это, конечно, символ поддержки...

— «Час пик»: *Постоянно сравнивают нынешнее российское правительство с польским правительством Мазовецкого — Бальцеровича. Оно было действительно первым посткоммунистическим правительством, но освобождение цен на продукты произвело предыдущее, последнее коммунистическое правительство Раковского, куда входил ярый рыночник, беспартийный министр экономики Вильчек. Но идеологическая граница пролегла не между правительствами Раковского и Месснера, а между Раковским и Мазовецким. Где в этом свете ощущаете себя Вы?*

— Сейчас ситуация прояснилась. Пока, по крайней мере, мы контролируем инфляцию, чего не удалось сделать правительству Раковского. Оно, если говорить об экономике, перевело подавленную инфляцию в открытую гиперинфляцию. Мы этот момент проскользнули, механизм гиперинфляции не запустили. Практически мы сразу выскочили из польского июля 1989 г. в польский январь 1990 г., решив одним скачком обе задачи. Честно говоря, мы боялись, что нам это не удастся. У нас были опасения, что придется взять на себя роль правительства Раковского: мы запустим механизм гиперинфляции и уйдем, а кому-то другому придется ее останавливать.

И в безвыходных ситуациях надо искать выход

Вторая за короткое время встреча в редакции с крупным российским политиком в рамках бесед «за чашкой чая». Совсем недавно нашим гостем был министр обороны России, теперь вот первый вице-премьер. Правда, у каждого из них своя — объективно — позиция на политической арене в ее сиюминутном виде. Грачев, по сути, только приступает к созданию российской армии, потому более раскован в выражениях (спрос с него еще впереди). Гайдар уже провел «определенную работу»: оценки в народе, мягко говоря, разные, трудности реформы, кажется (!), достигли пика, отсюда и большая сдержанность, даже осторожность вице-преьера в разговоре.

Вообще быть сегодня в России политиком у власти — занятие непопулярное, о чем свидетельствуют бесчисленные опросы и рейтинги. В последнее время наметился буквально обвал рейтингов. У Егора Тимуровича в том числе, что, впрочем, неудивительно для реформатора, решившегося-таки начать с либерализации цен. Тут — по крайней мере на первом этапе — зависимость обратная: чем выше цены, тем ниже рейтинг. Волнует ли это вице-преьера? Признаться, вопрос такой в беседе не затрагивался (как малосущественный на фоне происходящего). Тем не менее какого-то чувства тревоги за свое реноме у нашего собеседника не ощущалось. Его как профессионала макроуровня и тревожат макропроблемы. Две он обозначил сразу, без вступлений и оговорок.

УЖЕ КРИЗИС — С ПЛАТЕЖАМИ И НАЛИЧНОСТЬЮ

— Ситуация в ближайшие месяцы будет определяться тем, в какой мере мы справимся с кризисом неплатежей и наличных денег.

По кризису неплатежей. Здесь надо быть предельно внимательными, воздерживаться от разрушительных решений, таких как не-

Интервью брали Михаил БЕРГЕР, Анатолий ДРУЗЕНКО.
Опубликовано в: Известия. 1992. 5 июня.

медленное списание всех долгов предприятий, снижение процентных ставок, что сделает ситуацию почти безнадежной.

Строго говоря, пока ничего страшного не произошло. Мало кто остановился, и никто не обанкротился. Даже из тех предприятий, которым надо было бы. Наличных не хватает — это безобразие, но зарплата идет. Уровень безработицы пока гораздо ниже наших самых «оптимистических» прогнозов. Тем не менее всюду раздувается атмосфера страха. Но давайте разберемся с теми же неплатежами. Предприятия же сами теперь решают вопросы материально-технического снабжения. Пусть покупают то, что нужно. Не на что? Пусть продают свою продукцию. Не берут — снижайте цены. Не хотят? Но без этого нет рынка. Ждут, что правительство даст? В кредит? По льготным процентам? Не можем мы дать! Конечно, будем потихоньку отпускать объем кредита, но уровень процентной ставки постараемся удержать. Резкое ее снижение сегодня — самое страшное, что можно себе представить.

Второе, что уже делается, — быстрее формировать внутренний рынок, выбрасывать на него обязательства предприятий. Государство само выйдет на такой рынок, и будет покупать «рублевое» обязательство, скажем, «Ростсельмаша», если он неплатежеспособен, но — за 15 копеек, т. е. не механически «прощать», как это бывало раньше, а ставить предприятия в определенные финансовые обязательства перед государством. Думаю, на протяжении нескольких месяцев эта проблема будет наиболее острой. Но этого следовало ожидать. Кто внимательно следил за развитием экономики восточноевропейских стран, например Чехословакии, знает, насколько типичным стал для нее кризис неплатежей.

— Народу ближе другая проблема — нехватка наличности.

— В некотором смысле это техническая проблема, но социально очень взрывная. Здесь можно ожидать серьезных неприятностей. Конечно, мы принимаем «пожарные» меры — ввели индексирование депонированной зарплаты исходя из 80% годовых. Это неплохая форма смягчения проблемы. Да, она тоже стоит денег, но намного меньше потерь, возможных из-за социального взрыва. Дальше все дело организации и техники. Выдержит ли необходимую «скорость» печатный станок? Как быстро сможем ввести в оборот более крупные купюры?

— Но когда Вы говорите о выпуске более крупных ассигнаций, люди начинают думать о гиперинфляции.

— «Держать» инфляцию надо не на уровне печатного станка, а на уровне безналичной эмиссии. Когда, с одной стороны, говорят: мало даете кредитов, слишком высокие ставки, а с другой — требуют: остановите печатный станок, это очевидное нарушение логики. Когда я слышу о том, что у нас гиперинфляция, я хочу спросить: где и когда такое бывало, чтобы гиперинфляция сочеталась с почти двукратным падением курса конвертируемой валюты в сравнении с валютой национальной?

— А Вам не кажется, что успехи в ускоренном печатании наличных все-таки сведут на нет Ваш действительный успех — снижение курса доллара?

— Не думаю. Тут надо рассматривать соотношение безналичного и наличного курса. В январе дистанция между ними составляла где-то 40–50%. Сейчас безналичный курс практически сравнялся с наличным — ну разница порядка 5–7%. Мы упустим успех, если резко снизим процентные ставки кредитов. Почему такая нужда в наличных деньгах? При их дефиците возникает неизбежное для экономики противоречие между товарами, которые прямо попадают на потребительский рынок, и теми, что проходят через безналичный рынок. Пример — зерно и мясо. Зерно покупают за безналичные деньги и по безумно высоким ценам. Мясо идет прямо на потребительский рынок и стоит относительно других товаров дешево. И все животноводство оказывается в колоссальных убытках. Таких диспропорций быть не должно...

— Каким бы нонсенсом ни выглядела ситуация, когда людям из-за нехватки купюр не выдают заработанные деньги, хотелось бы особо выделить упомянутый Гайдаром тезис относительно кризиса неплатежей. По сути, в нем отражена драматическая особенность нынешней российской экономической реформы. Она заключается в том, что даже положительные текущие моменты реформы внешне окрашены в негативные тона, по крайней мере в сознании многих.

В самом деле куда уж хуже, раздается со всех сторон, если задолженность предприятий друг другу перевалила, и далеко, за триллион рублей! Все так, но, с другой стороны, это же у нас впервые за долгие десятилетия — после нэпа — складывается наконец-то нормальная ситуация, когда предприятия должны не поставлять по предписанию

свыше свою продукцию друг другу, а торговать ею. Другими словами, возрастает значение не только товара, но и денег, это же и есть приближение, пусть и с драматическими сопутствующими обстоятельствами, к рыночной экономике. Потому вице-премьер и повторяет как заклинание: не снижать процентные ставки кредитов!

РУБЛЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВНЕШНИЙ МИР

— Из проблем более глубинных, которые будут доминировать в ближайшие месяцы, выделяется проблема рублевого пространства. Сейчас мы постепенно как бы подталкиваем суверенные республики к двум возможным решениям. Либо они интенсивно приступают к введению национальных валют, либо мы заключаем с ними жесткие договоры, регулирующие денежную политику на рублевом пространстве. И то и другое реально с разными республиками.

К безусловному успеху надо отнести то, что мы договорились начать переговоры с Украиной о введении украинского безналичного рубля. Здесь первостепенное значение имеют именно безналичные расчеты. Договорились в принципе, что украинский безналичный рубль перестает быть законным платежным средством на территории России, а российский — в Украине. Таким образом, возникнет денежный рынок, рыночный курс. Далее: обязательства российских предприятий перед украинскими превращаются в их счета в российских рублях и наоборот. Должна сложиться система взаимопеременных валют. Российский рубль нормально ходит на Украине, украинский — в России, есть рынки и т. д. Получаем максимально рыночное решение проблемы. По такой же схеме мы ведем переговоры с Эстонией, надеемся начать их с Литвой и Латвией. Другой вариант — Армения, например, намерена продолжать пользоваться рублем и готова принять наши правила игры. Мы их устанавливаем, и обе стороны следуют этим правилам под международным присмотром. Пожалуй, это главная из среднесрочных проблем. При этом очень важно, чтобы наш Центральный банк не оказался парализованным.

— *Некоторые республики СНГ, скажем Украина, предпринимают активные усилия, чтобы закольцевать свое производство, вычленив его из бывшей союзной схемы. Стараются делать свои автомобили или телевизоры независимо от соседей. Принимает ли подобные меры российское правительство?*

— Принимает. Особенно это касается некоторых критических производств. Однако это далеко не оптимальный вариант. Скорее, наоборот. Эта так называемая импортозамещающая индустриализация (румынский или аргентинский вариант) ничего хорошего не даст, скорее заведет в тупик.

— *Мы столько говорим о рубле, но пока ни слова о его конвертируемости, без чего...*

— Безусловно, это вопрос вопросов. Мы в некоторой степени связали себя обязательствами перед международными организациями и должны действовать быстро и жестко. Когда, сразу по завершении российского съезда, мы приехали в Соединенные Штаты, то почувствовали такую тональность в переговорах: мол, у вас ситуация очень сложная, хотя мы вас, конечно, поддерживаем, но давайте на полгода все это затормозим. Те же переговоры по займам, кредитам отложим, вы у себя разберетесь, а где-то к октябрю — ноябрю вернемся к этому. Пришлось переламывать ситуацию и показывать, что мы отнюдь не деморализованы и готовы идти вперед.

Это единственно возможная сейчас стратегия. Маневры, связанные с отступлением, не подходят. Они деструктивны. Именно поэтому мы вынуждены были взять на себя довольно жесткие обязательства, направленные на унификацию курса, твердую политику в отношении процентной ставки и введение конвертируемости по текущим операциям. Кстати, ничего ахового тут нет. По сути, все это уже есть в практике. Проблема в том, чтобы резко расширить объем валютного рынка и пропускать через него гораздо больший объем валютных поступлений. Вспомните, мы вынуждены были начинать реформу с нулевыми валютными резервами. А это же ключ ко всему! Без этого мы напоминаем корабль, у которого руль заклинило. Более того, мы вынуждены маневрировать с заклиненным рулем. Так будет до тех пор, пока мы не получим хотя бы минимальные валютные резервы, а с ними и возможности быстрых маневров. Откровенно говоря, мы надеялись получить резервный валютный кредит уже к 5 июля. Наверное, это оптимистический прогноз. Не будем гадать, когда это случится, важно, чтобы не в сентябре.

— *Это зависит и от партнеров.*

— Конечно, у них есть и понимание ответственности момента, того, что промедление здесь опасно, как и понимание неизбежно-

го риска. В сущности сегодня судьба самого Международного валютного фонда уже неотделима от судьбы России. Если он спасует, то не исключено, что вообще перестанет существовать. Для него сейчас нет более важной исторической задачи, чем реформы в России и Восточной Европе. Они это прекрасно понимают.

— По всей видимости, Борис Ельцин примет участие во встрече «большой семерки» в Мюнхене. Существует ли в связи с этим какой-либо пакет наших просьб, предложений, требований, обращенных к Западу? Наверное, мы можем и требовать, получив так много заверений в поддержке реформ?

— Такой пакет вырабатывается, но я бы, по понятным причинам, не стал обсуждать эти вопросы сейчас...

Еще одно отличие нынешней реформы от всех предыдущих, проводившихся по постановлениям партии и правительства. Те «полуреформы» осуществлялись в изоляции от мирового экономического процесса, исходили из принципа «опоры на собственные силы». И уже в этом их подчеркнутом «идейно-экономическом суверенитете» был заложен вирус провала. Социалистическая экономика, оставаясь таковой по сути, всякий раз оказывалась неререформируемой.

Сегодняшние реформаторы, избавленные от идеологических предубеждений, пытаются реально, а не на словах, как это было в пору союзной перестройки, вписать российскую экономику в мировое экономическое сообщество. И что бы при этом ни говорили «патриоты» о «предательстве национальных интересов», в данном случае реформаторами движет сугубо прагматический интерес: только помощь Запада (причем не столько даже интеллектуальная, в порядке «обмена опытом», а именно материальная, в миллиардах долларов) позволит наконец-то реформировать нашу «нелогичную» экономику. Удастся или нет, достанет ли нам выдержки, а им средств, покажет недалекое время. Но что наверняка можно поставить в заслугу правительству реформ, так это прямоту и открытость, с какими оно следует этому курсу.

КАТАСТРОФЫ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА НЕТ

— Егор Тимурович, проходили ли где-нибудь реформы в условиях худших, чем в России?

— Думаю, нет.

— Обывателя не покидает каждодневное ощущение хаоса и катастрофы. Причем далеко не всегда это ощущение связано с его личными невзгодами. Вы держите руку на пульсе экономики. Каковы Ваши ощущения — она еще жива, взаимодействует, в каких пропорциях?

— Если бы мне кто-то в декабре, когда все начиналось, сказал, что в начале июня мы будем вот так сидеть в редакции и спокойно беседовать о ходе реформы, а показатели в промышленности и сельском хозяйстве будут такими, какие они сейчас, я бы считал этого человека безнадежным оптимистом, не понимающим ни глубины кризиса, ни цены, которую за это придется платить. Пока в целом в производстве ничего драматического не произошло. Да, ситуация критическая. Да, спад. Но он пока меньше, чем предполагалось. Я предпочел бы, чтобы он не был таким сильным по нефти, по технически сложным товарам длительного пользования, мясу. Этот спад структурно неоднороден. И я могу смириться с еще большим сокращением производства, например, по некоторым видам оборонной техники. Спад производства абсолютно неизбежен, он будет продолжаться по крайней мере весь этот год, если к тому же учесть, что идет он не с января 1992 г., а как минимум с 1988-го. Нам пришлось очень дорого платить за отказ от реформ, а теперь и за запоздалый переход к реформам. Да, в ходе реформы все время всплывают какие-то драматические обстоятельства — тот же дефицит наличных. Да, непростая ситуация в СНГ. И тем не менее повторю — в сфере производства катастрофы не происходит.

— О Вас говорят как о специалисте макроуровня, стратега, концептуалисте. А нужна Вам «диспетчерская» информация — состояние дел в металлургии, нефтедобыче, на продовольственном «фронте»?

— Я получаю такую информацию каждый день. Но смотрю не ежедневную, а недельную.

— По-Вашему, это объективная информация?

— Как правило, она конкретна. Если брать натуральные показатели, исключая такие отрасли, как строительство, автотранспорт, где традиционно были большие приписки, т.е. считать, сколько произведено автомобилей в штуках, нефти в миллионах тонн, электроэнергии в киловатт часах, эта информация в принципе всегда была

доброкачественной и сейчас осталась таковой. Да, кстати, сейчас и нет смысла приписывать, показывать то, чего нет.

— *Бывает наоборот — скрывают произведенное.*

— Идет противоположная игра — пытаются передрамматизировать ситуацию...

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПАРЛАМЕНТ

— *Судя по всему, дружбы у парламента с правительством не получается. Приняв на съезде декларацию, поддерживающую курс на реформы, на практике парламентарии следуют духу ранее принятого постановления, в корне расходящегося с декларацией. Такое ощущение, что Верховный Совет целенаправленно блокирует все принципиальные предложения правительства. Провален закон о банкротствах, без которого невозможно стабилизировать финансы, в очередной раз отложены программа приватизации и поправки к Закону о приватизации. Не возникает ли у Вас ощущения безнадежности Вашего дела в парламенте, с которым никак не договориться?*

— И в безвыходных ситуациях надо искать выход. К большому сожалению, не принят закон о банкротствах. Поэтому предприятия, выпускающие никому не нужную продукцию или предлагающие свой товар по непомерно высоким ценам, продолжают действовать в том же духе, продолжают начислять зарплату своим работникам. В такой ситуации вряд ли можно ожидать, что они добровольно снизят цены, поменяют профиль или избавятся от лишнего имущества.

Скорее всего, они будут ждать или требовать через свое лобби в парламенте списания долгов, бюджетных субсидий или в лучшем случае дешевых кредитов, что, собственно, и происходит на практике. Но настаивать на списании долгов, предоставлении многомиллиардных субсидий и дешевых кредитов и в то же время требовать обуздать инфляцию — это же экономическая бессмыслица, задача, не имеющая решения.

И все-таки я не сторонник безнадежных диагнозов. Надо договариваться, убеждать, еще раз договариваться, еще раз убеждать. Иногда даже самые «безнадежные» оппоненты принимают наши аргументы. Одними из наиболее непримиримых критиков программы приватизации выступали представители Рабочего союза. После се-

рии переговоров они признали, что позиция Госкомимущества достаточно обоснованна. Правда, при этом не обещали немедленно пересмотреть собственную позицию, сославшись на необходимость посоветоваться с товарищами по Рабочему союзу. И все-таки это признак того, что наше дело в парламенте не так уж безнадежно.

Да, провален закон о банкротствах, но есть Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности, который дает определенные возможности воздействия на потенциальных банкротов. Отложена программа приватизации? Но действует президентский указ на этот счет, и он позволяет не останавливать начавшийся уже процесс.

Конечно, все это привносит дополнительные сложности, тормозит реформу, но положение, думаю, не безнадежное, и мы найдем приемлемые для всех компромиссные решения.

УРОВЕНЬ КОНТРОЛЯ НАД СИТУАЦИЕЙ

— *А какова степень исполнения решений и распоряжений правительства?*

— Это очень любопытный вопрос. Исполнительская дисциплина довольно интересно меняется во времени. Непосредственно накануне Съезда народных депутатов¹, например, и в самом начале его работы не исполнялись практически никакие наши распоряжения. Очевидно, кое-кто ждал смены правительства... После съезда уровень исполнения резко повысился.

Но надо сказать, что мы не располагаем и вряд ли будем в обозримом будущем располагать той прекрасно отлаженной системой внеэкономического принуждения, партийного контроля исполнения решений, наказания или запугивания виновных, на которой держался весь прежний хозяйственный механизм. Мы от этого, к счастью, ушли, но платить за это счастье приходится недешево. Нового и достаточно эффективного механизма приведения в исполнение решений власти пока не существует.

В то же время я хочу сказать, что в общем и целом наши решения выполняются. Конечно, нередко с этим возникают проблемы, но, когда это случается, приходится прибегать к набору неких эко-

¹ VI Съезд народных депутатов, состоявшийся в начале апреля 1992 г. — *Прим. ред.*

номико-репрессивных мер: к отмене экспортных лицензий, отказу в выделении субсидий и некоторым другим. Не лучшие методы, я понимаю, но порой иного выхода у нас просто нет.

И в любом случае уровень контроля над ситуацией на порядок выше, чем он был в декабре, когда лично у меня было просто ощущение полного хаоса, никакие рычаги не действовали.

— *И теперь, когда, как Вы говорите, кое-какие рычаги заработали и начал устанавливаться контроль над ситуацией, на корабле появляются новые члены команды, в том числе старшие офицеры, и Вас как бы отодвигают от контрольных функций. Мы имеем в виду, что конкретное управление экономикой переходит в другие руки, в руки практиков, которые не связаны с Вами и Вашими коллегами никакими командными отношениями и обязательствами.*

Не приведет ли это к тому, что Ваша команда окажется в роли, которую ей предрекают некоторые комментаторы, т.е. в роли госкомиссии по реформе при союзном Совете? Лично Вас не тревожит перспектива возможной, как уже стали говорить, «абалкинизации» команды¹?

— Персональный состав правительства не может остаться полностью неизменным. Другое дело — сохранение политики, неизменности курса реформ. Считаю, что этот курс пока остается неизменным.

— *Как Вы себя чувствуете в условиях тотальной критики как слева, так и справа, в том числе со стороны тех, кто делает это достаточно профессионально? Вы, конечно, ясно представляли себе, что Вас будут критиковать, но насколько умозрительное восприятие отличается от чувственного, уязвляет ли Вас то, что происходит?*

— Знаете, по большому счету это меня не очень тревожит. Когда к этому готов, вырабатывается в некотором смысле анестезия. Однако бывает иногда очень по-человечески обидно, когда люди, которые на самом деле все прекрасно понимают, которых ты всегда уважал, говорят такие вещи, которые либо смешно, либо странно читать.

— *Придя к власти, новый российский кабинет и Вы лично заявили, что это будет самое некоррупционное правительство. И пока*

вроде шумных дел на уровне членов правительства нет. Но нет и другого: Вы объявили войну коррупции, которая процветала и процветает на уровне высокоранжированных исполнителей среднего, да и мелкого чиновничества. У Вас в аппарате и ряде других ведомств созданы соответствующие службы. Однако не слышно, чтобы Вы кого-то схватили за руку, сломали какую-нибудь крупную аферу, затеянную государственным служащими. Что, не удастся добиться успехов в этой войне или не хотите афишировать достижения?

— Война с коррупцией — это война, как правило, позиционная, тут не бывает легких побед, шумных успехов, которые свидетельствуют, скорее, о поверхностном расчете на «демонстрационный эффект». К тому же несовершенство законодательной базы, не рассчитанной на наши уникальные условия перехода к рыночной экономике, не позволяет полагаться только на традиционные методы, не всегда правоохранительные органы способны справиться с такого рода преступлениями. Вот почему при правительстве создана Комиссия по финансово-правовому контролю, которая, действуя в рамках служебных расследований, только за последнее время смогла установить ряд крупных трансфертных сделок. А ведь за каждой из подобных операций сделки государственных чиновников с заинтересованными лицами. Правда, взятки перестали брать по старинке, когда приносят чемодан денег. Сейчас составляют фиктивные договора между коммерческими структурами, переводят со счета на счет и разглядеть конец цепочки обычными правовыми методами практически невозможно.

Есть ли успехи у комиссии? Ну, например, удалось вернуть государству десятки миллионов рублей и массу первоклассной вычислительной техники, которые «уплыли» в процессе ликвидации прежнего Министерства экономики России при участии бывшего первого заместителя министра Л. Запальского. Вот теперь уже дело за правоохранительными органами.

Ведется работа по возврату в страну денег, незаконно оказавшихся за рубежом. В этом нам помогает известная фирма «Кролл ассошиэйтс». Но большую часть этой работы предстоит сделать нам самим.

— *Как Вы относитесь к невыполненным обещаниям и несбывшимся прогнозам? Существующий сегодня уровень инфляции, например, существенно превосходит Ваши оценки, которые Вы давали в янва-*

¹ Намек на безуспешную деятельность комиссии под руководством вице-премьера академика Л. И. Абалкина, в годы перестройки разрабатывавшей программу рыночной реформы. — *Прим. ред.*

ре — феврале на середину года. Вы также говорили, что кризис личности будет разрешен в середине марта, а этот кризис только обостряется. Вы говорили, что прекратите долларовое обращение на территории России с 1 июля, но, судя по всему, этого не произойдет. Не хотелось бы и дальше предъявлять Вам Ваши векселя, вы осведомлены о них лучше кого-либо другого. Как Вы собираетесь оплачивать этот внутренний политический долг?

— О том, что касается прогнозов. Были ошибки в процентах, в конкретных датах, но по характеру проблем — решаемых и нерешаемых, по набору вопросов, которые с течением времени становятся все более острыми, нам всерьез краснеть не приходилось. Более того, вспомним ситуации, когда мы говорили: будет так-то и так-то, а нам возмущенно отвечали — о чем, мол, вы, этого не будет никогда, например, падения курса доллара, снижения интенсивности товарного дефицита, усиления роли рубля в регулировании хозяйственных связей.

Директора предприятий, приходившие в правительство в ноябре — декабре, не могли поверить в то, что подойдет к концу вечное царство бартера и им понадобятся те самые деревянные рубли, которые, как казалось, превратились в конфетные фантики. А теперь говорят только об одном: дайте денег...

Если же говорить о политических векселях, то я, честно говоря, всегда скептически относился к детально прописанным программам реформ. Когда начинаешь заниматься этим на практике, то понимаешь, какое это все ненадежное дело. Конечно, люди нуждаются в обещаниях. Но здесь, на мой взгляд, необходимо «разделение труда». Политики могут обещать. Профессионалы должны делать.

— Что Вы считаете главным достижением правительства за последние полгода?

— Мы разрубили гордиев узел нерешительности, когда реформаторы бесконечно долго говорили о реформах, но не имели смелости приступить к ним. Прежде всего это касается цен. Сформировался прямо-таки фетиш невозможности их либерализации из-за опасности социального взрыва. Именно нерешительность в этой области в ряду других причин погубила экономическую политику Горбачева и его реформу.

Нам удалось преодолеть этот барьер и, главное, сделать это без больших социальных потрясений, с огромным напряжением, но без

большой крови, без того, чтобы запустить механизм гиперинфляции. О ней сейчас много говорят, но опасность ее сегодня несравненно более низка, чем в декабре прошлого года, когда она казалась чуть ли не неизбежной.

Теперь благодаря либерализации возврат к старой экономике практически невозможен. Да и не только в экономике произошли необратимые процессы. К старому общественному устройству уже тоже не вернуться.

— Вы убеждены в невозможности реставрации тоталитаризма?

— Я в это мало верю, хотя не исключаю теоретической возможности при определенном стечении обстоятельств возникновения в России варианта фашистского режима с милитаризованной экономикой, причем не пиночетовского толка, а гораздо хуже. Но воссоздать то относительное стабильное общество, которое существовало при Брежневле, невозможно, как невозможно восстановить и сталинский режим. Нет «великой идеи», на которой все держалось. Люди стали другими...

У собравшихся в кабинете главного было еще немало вопросов к российскому вице-премьеру. Но зазвонил телефон, и Егору Тимуровичу напомнили, что его ждут. Ждали в парламенте...

Спор о судьбе российской реформы продолжается. И не дай Бог ему выйти за рамки цивилизованной дискуссии.

Престиж военной профессии будет восстановлен

— *Рассказывают, что еще в пятилетнем возрасте юный Гайдар в дни Карибского кризиса — а дело было, напомним, на Кубе — ушел из дома, вооружившись отцовским кортиком, на защиту Острова свободы от вторжения американцев...*

— Ну, во-первых, мне тогда было не пять, а целых шесть «с гаком». Во-вторых, конечно, все советские мальчишки, которые в октябре 1962 г. оказались с родителями на Кубе, были «готовы к обороне». А у меня тем более семейные традиции во многом военные...

— *Чем же объяснить тогда, Егор Тимурович, тот факт, что Ваши взгляды на проблемы создания российской армии остаются неизвестными широкой военной аудитории? Ведь именно правительство непосредственно решает эти задачи. Так что сегодня хотелось бы выяснить, какой Вам видится военная доктрина, программа реформирования Вооруженных Сил России?*

— Впечатление отстраненности от жизни армии, пожалуй, истекает от того, что большую часть времени мне приходится уделять экономике и финансам страны, что отнюдь не означает, что армия находится вне поля зрения Правительства Российской Федерации. Нужно иметь в виду, что без решения срочных, насущных вопросов экономики ни одной из армейских проблем нам не решить. Сразу же скажу, что правительство, понимая всю сложность реформирования такого гигантского механизма, какой была Советская Армия, стремится принять все неотложные меры, чтобы сделать этот процесс менее болезненным. Надо отметить: не все здесь зависит от нас — от российской стороны. Цивилизованность, о которой любит говорить ряд политических деятелей некоторых сопредельных государств, вряд ли можно отнести к их сильной стороне, когда дело касается военного наследия СССР.

— *Но Россия не призвала разойтись по национальным казармам.*

— Да, это был не наш выбор. С самого начала российское руководство занимало весьма сдержанную позицию в этом вопросе, хорошо представляя всевозможные последствия такого шага, в том числе вероятность использования передаваемого оружия и военной техники в конфликтах, разгорающихся на территории республик бывшего Союза.

Мы же, хочу особо подчеркнуть, всячески стремились сохранить Объединенные Вооруженные Силы в целях обеспечения коллективной безопасности, но столкнулись с непониманием, а иногда и открытым неприятием нашей позиции. В известной мере можно сказать, что на том этапе выбор в пользу создания своей армии был нам просто навязан.

— *Тогда, Егор Тимурович, перейдем к главному. Какой же Вам видится новая российская армия?*

— Прежде всего надо сказать, что военное наследство России достаточно внушительно. В целом численность Вооруженных Сил, взятых под юрисдикцию России, достигает 2,8 млн человек. Учитывая нынешнее состояние экономики, мы просто не имеем возможности содержать такие крупные Вооруженные Силы. Изменились и внешние условия. Появилась возможность значительно сократить численность российских войск без ущерба для безопасности страны.

В Законе РФ «Об обороне» численность Вооруженных Сил определена на уровне 1% населения Российской Федерации, т. е. 1,5 млн человек. Безусловно, мы не стремимся форсированно приближаться к этой цифре, но и искусственное сдерживание процесса сокращения представляется неразумным. Например, в армии и на флоте некомплект рядового состава и многие части испытывают по этой причине большие трудности. Зачем искусственно удерживать такое положение? Видимо, целесообразнее укомплектовать столько частей, на сколько хватает рядового состава, а остальные сократить. Много частей, где переизбыток офицеров, но в то же время статистика говорит, что 36% офицеров настроены на увольнение. Нужно создать условия для разумного, планомерного сокращения с обеспечением офицеров и прапорщиков жильем и их трудоустройством. Естественно, что этот процесс одновременно должен способ-

ствовать созданию более достойных условий для тех, кто остается в кадрах.

Новая российская армия и флот должны быть хорошо оснащенными самой передовой, высокомобильной военной техникой с возвышающими человеческое достоинство порядками и традициями. Целесообразно взять курс на создание профессиональных Вооруженных Сил.

Важнейшим шагом на этом пути, с моей точки зрения, должно стать создание института профессиональных младших командиров — костяка будущей армии. Здесь большую роль должна сыграть система материальных и моральных стимулов, которая бы привлекала молодежь служить долго, заключая контракты.

Очень важно завершить переход от единоначалия на партийной основе к единоначалию на правовой основе. Если в недалеком прошлом единоначалие ограничивалось и контролировалось партийно-политическими структурами, то сейчас эти механизмы исчезли, а другие еще не созданы. Значит, есть срочная необходимость проведения военно-правовой реформы, т. е. создания правовых и общественных механизмов, разумно контролирующих и ограничивающих с нравственно-этической стороны единоначалие.

Деполитизация Вооруженных Сил, как мне представляется, должна сопровождаться реальным насыщением армейской жизни подлинной культурой и уважительным отношением к личности. По всей видимости, целесообразно на данном этапе введение вневоинской альтернативной службы. Разумно и расчетливо организованная при сравнительно небольших затратах, она помогла бы решить многие местные проблемы.

— *Кстати, в Законе «Об обороне» говорится о том, что организация обороны включает прогнозирование и оценку военной угрозы. Определение степени и характера военной угрозы, в том числе конкретного противника, составляет неотъемлемую часть военной доктрины. Не вдаваясь глубоко в рассуждения о содержании военной доктрины России, как бы Вы оценили характер военной угрозы нашей стране в настоящее время? Этот вопрос тем более актуален, что от него зависит вся концепция строительства российских Вооруженных Сил.*

— В международных отношениях неуклонно утверждается климат доверия. Позитивные перемены настолько масштабны, что по-

зволяют говорить о наступлении новой эпохи. Объективный анализ складывающейся в мире обстановки свидетельствует о том, что Россия в настоящее время не сталкивается с непосредственной военной угрозой. Отсутствует и угроза внезапного нападения.

Но, конечно, нельзя исключить появления агрессивных режимов, точно так же как вероятность локальных конфликтов, в которые Россия может быть втянута в результате авантюризма агрессивных политических сил в «горячих точках» по внешнему периметру СНГ.

В целом концепция военного строительства, видимо, должна базироваться на высокой мобильности Вооруженных Сил с быстрым наращиванием сил на угрожаемом направлении вплоть до полной мобилизационной готовности.

Несколько слов о военной доктрине все же следует сказать, так как ее отсутствие, согласен, явно сдерживает проведение военной реформы. Политические основы военной доктрины существуют. Они сформулированы в документах и официальных заявлениях политического руководства страны. Сохранение мира признается в качестве приоритетной задачи. Отвергается применение военной силы как средства достижения политических, экономических и других целей. Признано обязательным строгое следование в международных отношениях целям и принципам Устава ООН. Естественно, что при этом должны быть полностью обеспечены защита жизненно важных интересов, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, условия для ее мирного демократического развития. В целом же военную доктрину, или основы оборонной политики России, предстоит в ближайшее время принять.

— *Как известно, на Западе еще бытуют представления об имперских устремлениях России, ее глобальных притязаниях. Поэтому усилия Российской Федерации по созданию высокопрофессиональной, боеготовой армии могут быть расценены как возвращение к силовому курсу.*

— Среди большинства ведущих политиков и политических сил Запада такие представления отсутствуют. Другое дело, что и на Западе, и у нас в определенных кругах еще сохраняются милитаристский дух «холодной войны» и взаимная подозрительность. Но реальные сокращения в России военных расходов и Вооруженных Сил выбивают почву у этих сил. В то же время Запад объективно не за-

интересован в том, чтобы Россия стала очень слабой в военном отношении державой, так как это отрицательно скажется на мировой стабильности.

— *Сейчас, Егор Тимурович, в тяжелейшем положении оказалась российская военная промышленность. В этом году производство оружия и военной техники, по оценке специалистов, составит 32%, а объем КР в оборонных и КБ — лишь 60% от уровня прошлого года. Вместе с тем в военном секторе сосредоточены лучшие технические и интеллектуальные силы страны. Могли бы сказать, какие меры принимает правительство для сохранения российского военно-промышленного потенциала?*

— Недавно состоялось заседание коллегии Правительства Российской Федерации. На этом заседании был утвержден государственный оборонный заказ на 1993 г. Его объем превышает заказ 1992 г. на 10%. Мы пошли на эти меры не случайно, прежде всего чтобы сохранить необходимую часть военной промышленности с передовыми, перспективными технологиями.

— *Преодолению трудностей, испытываемых военной промышленностью, могло бы, очевидно, способствовать их непосредственное участие в экспорте вооружений?*

— Государство не намерено отказываться от жесткого контроля над экспортом оружия и военной техники. Это связано с различными обстоятельствами, в том числе с позицией международного сообщества, которую разделяет и Россия: не поставлять оружие режимам, создающим нестабильность в различных регионах мира, провоцирующим вооруженные конфликты, нарушающим права человека в своих странах. Вместе с тем правительство считает возможным расширить участие предприятий в торговле оружием. Бурного роста экспорта вооружений ожидать, конечно, не следует. В то же время, учитывая проблемы конверсии, мы планируем несколько увеличить объем экспорта военной продукции. Считаем, что часть средств от продажи оружия должна быть направлена на решение социальных проблем армии, в частности на обеспечение жильем бесквартирных офицеров.

— *Егор Тимурович, Вы сами сейчас вызвали огонь на себя, затронув чуть ли не самую острую проблему армии — проблему социального обеспечения военнослужащих. Бытовая неустроенность, социальная*

незащищенность, недостаточная материальная обеспеченность... И как результат — падение престижа военной профессии.

— В настоящее время мы переживаем чрезвычайно трудный период, но правительство стремится сделать максимально возможное для улучшения положения военнослужащих. Сошлюсь для примера хотя бы на одно из последних постановлений Правительства Российской Федерации, принятое 20 августа этого года. Согласно этому постановлению в 1992 г. на строительство и ввод в эксплуатацию жилых домов и объектов социально-бытового назначения для военнослужащих сверх ассигнований, предусмотренных в республиканском бюджете Российской Федерации, соответствующим министерствам и ведомствам выделяется 26,5 млрд руб. Исполнительным органам государственной власти республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга на этот же период дополнительно выделяется 16 млрд руб. В течение 1992–1993 гг. для военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, будет выделено 2097,9 тыс. кв. м общей площади жилых домов.

Целый ряд новых льгот и мер по социальной защите военнослужащих будет введен законом о социально-правовом статусе военнослужащих, проект которого, кстати, был опубликован в «Красной звезде».

Он, в частности, предусматривает, что должностные оклады офицеров, впервые назначаемых на офицерскую должность, не могут быть ниже пятикратной минимальной заработной платы рабочих и служащих. Денежное довольствие военнослужащих подлежит индексации.

Кроме того, в Верховный Совет РФ представлен проект законодательства о пенсионном обеспечении военнослужащих. При этом предусматривается, что эти пенсии при выслуге 20 лет назначаются в размере 50% денежного довольствия и 3% за каждый год выслуги сверх 20 лет (не более 85% денежного содержания).

— *А что предпринимается по трудоустройству увольняемых в запас военнослужащих?*

— В связи с предполагаемым значительным сокращением численности личного состава Вооруженных Сил проектом закона о статусе военнослужащих — думаю, он скоро будет принят — устанавливаются специальные гарантии по трудоустройству увольняе-

мых с военной службы. Так, гарантируется предоставление работы с учетом специальности не позднее трех месяцев со дня обращения в органы государственной службы занятости. Устанавливается преимущественное право оставления бывших военнослужащих на работе, на которую они поступили впервые, независимо от стажа при сокращении численности или штата сотрудников. Предусмотрена концепция переподготовки военнослужащих по овладению ими гражданскими специальностями за счет Министерства обороны РФ.

Кроме перечисленных мер проектом закона о социально-правовом статусе военнослужащих предусмотрен ряд льгот в области получения образования и бытового обеспечения, определяется порядок повышения пенсий в случае увеличения размеров денежного довольствия военнослужащих, устанавливаются гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих.

Так что глубоко убежден в том, что недалеко то время, когда военная профессия, профессия защитника Родины вновь будет одной из престижнейших в российском обществе.

— Егор Тимурович, наша короткая беседа подходит к концу. Пожалуй, мы смогли лишь в общих чертах очертить круг проблем, волнующих армейскую общественность. Хотелось бы, чтобы военные читатели снова смогли встретиться с Вами на страницах нашей газеты. Согласны?

— Всегда буду рад такой встрече.

Гайдар-93 против Гайдара-92

Бывший и. о. премьер-министра России критически анализирует деятельность своего правительства

Минувший год войдет в историю, очевидно, годом начала перехода России к рынку, а может быть, его назовут коротко — годом Егора Гайдара. (Впрочем, наверное, прав был герой одного фильма, ответивший на вопрос, что скажет история о его деяниях: скажет то, что ей скажут... Но это так, к слову.) Надо ли повторять сегодня, что оценки деятельности правительства Гайдара (правильнее было бы Ельцина — Гайдара) в российском обществе далеко разошлись. Чуть ли не каждый коллектив как бы раскололся на тех, кто «за Гайдара», и тех, кто «против Гайдара». И наша газета, отражая ситуацию, публиковала материалы, как поддерживающие, так и критикующие экономическую политику правительства. Тем более интересно узнать, как сейчас сам Егор Тимурович оценивает свою работу в 1992 г., практически совпавшем со временем существования его кабинета. Такие переломные, немисливо трудные годы надо бы засчитывать по-фронтовому: год за три, а может быть, и за пять. В чем же видит он сегодня не только успехи, но и ошибки? О чем жалеет? Что сегодня, умудренный благоприятным опытом, он сделал бы иначе? С такими вопросами обозреватель «Делового мира» обратился к доктору экономических наук Е. Т. Гайдару, директору Института экономических проблем переходного периода.

ЛЕТНЕЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

— О наиболее серьезных ошибках и неудачах?.. Первое, самое естественное и широко известное: конечно, ослабление финансово-кредитной политики летом, т. е. я согласен, что оно, видимо, было необходимым, но его масштабы далеко вышли за рамки возможного и правильного. На самом деле здесь наложились несколько процессов сразу, что и привело к этим масштабам. Нужно было

Интервью брал Леонид ЛОПАТНИКОВ.

Опубликовано в: Деловой мир. 1993. 11 февраля.

действительно немного смягчить бюджет; в принципе можно было позволить себе поддержку сельского хозяйства, но в чуть меньших размерах, чем это было сделано; в принципе надо было выделить средства и для Севера...

— Ну, с Севером-то вы вообще опоздали...

— Опоздали, на самом деле надо было к северным поставкам по возможности готовиться еще в январе и соответственно заложить все в прогнозы, ввести в какую-то систему, главное, подготовить фьючерсные сделки. Если обобщить, мы не создали финансовых методов управления сезонностью, и я считаю, что профессионально это одна из наиболее серьезных ошибок правительства. Во-первых, просто не оценили масштаб проблемы, той, я бы сказал, финансовой турбулентности, которая вызывается в России сезонным фактором из-за огромного веса в экономике северных регионов и сельского хозяйства. Это наш профессиональный грех. Надо было с самого начала придумывать компенсаторы этого фактора. И опять-таки сами по себе «севера» и сельское хозяйство, видимо, тоже были бы не страшны, но наложившееся как раз на это время ослабление общегосударственной политики и дополнительно к нему, что главное, взаимозачет с дополнительными кредитами под оборотные средства — все это вместе привело к тяжелым последствиям...

— Егор Тимурович! Мы все знаем, что в это время правительство стало значительно более охотно откликаться на просьбы и требования отдельных предприятий и целых отраслей о льготных кредитах, дотациях, субвенциях. Что же все-таки было истинной причиной этого летнего поворота? В свое время мы в «ДМ» опубликовали статью, где даже утверждалось, что с известного момента правительство фактически отказалось от экономической политики, с которой начинало реформы. Статья так и называлась: «Одно правительство — две политики, две политики — два результата». В чем же дело, что Вас заставило «поступить по принципам»? Необходимость строго выполнять известное постановление шестого Съезда народных депутатов, приход в правительство новых вице-премьеров, просто переосмысление пройденного?

— Да, я читал статью. Время перелома в ней вычислено верно. Вспомните общую политическую атмосферу апреля — мая. Перечитайте данные социологических опросов, и вы увидите, что от-

ношение к реформе достигло как раз в это время низшей отметки. Жесткая финансовая политика привела правительство в конфликт почти со всеми социальными группами. Особенно негативную роль сыграл налично-денежный кризис. Ситуация стала взрывной и в целом ряде регионов неуправляемой. Нам нужно было несколько месяцев для того, чтобы реально оградить российскую экономику от денежных вливаний из государств СНГ, которые с апреля как раз начали активно эмитировать и ввозить к нам ничего не стоящие деньги. Тональность прессы, радио, телевидения резко изменилась. Утверждалось, что главная беда страны в недостатке денег, а это результат доктринерской политики правительства, которое просто не понимает, что если дать больше денег, то все пойдет хорошо. Такая идея приобрела в этот момент силу общественного предрассудка. Давление на правительство оказывалось со всех сторон: Верховного Совета, предприятий, профсоюзов и т. д. Вот здесь объективная причина отступления, причем отступления явно чрезмерного. Правительство сломалось. Можно было относительно безболезненно повысить денежную массу процентов на десять, но на фоне всего этого темпы ее роста зашкаливали за 25%, это уже провал. Впрочем, давайте будем справедливы. Этот всплеск на самом деле в какой-то степени сгладил структурные проблемы. В той ситуации, в которую мы столкнули предприятия, они должны были как-то приспособиваться к новым условиям — устранению старой системы управления и особенно материально-технического снабжения, а этот вброс денег им помог приспособиться. И сейчас по большому счету я полагаю, что для структурной адаптации экономики год прошел прилично. Военное производство сократилось на 60%. Можно спорить, правильно это или неправильно, но это уже свершившийся факт.

— Но некоторые директора жалуются: катастрофа!

— Некоторые жалуются?! Катастрофа была бы, если бы были массовые беспорядки, дикий вой, митинги по всей стране — вот это говорило бы о структурной катастрофе. А ведь всего этого нельзя было исключать.

Вспрыск большой массы денег помог приспособиться. Но, конечно, поднывавшаяся инфляционная волна была слишком сильна и опасна. С сентября мы начали ее гасить.

— Чем?

— Во-первых, с сентября по ноябрь вновь ужесточили кредитно-финансовую политику, вернулись к практике жесткого секвестирования расходов бюджета. И если с мая по август наблюдался резкий рост бюджетного дефицита, то вплоть до декабря его практически не было. Только в декабре впервые правительство взяло кредит в Центральном банке. Но все-таки в целом заданный климат высокого уровня инфляции и инфляционного риска я считаю главной ошибкой правительства.

— *А что можно было бы сделать, чтобы не допустить этого инфляционного риска?*

— Как я говорил, с самого начала года надо было быстрее разворачиваться с системой кредитования Севера и сельского хозяйства, фьючерсными закупками урожая. Но если бы это и было сделано, то все равно в мае следовало быть значительно осторожнее с бюджетом. Видимо, если бы мы знали, что ЦБ примет известное решение по взаимозачету долгов предприятий, то, конечно, нам не надо было кредитовать оборотные средства. Это было совершенно лишней мерой.

— *Это было сделано параллельно?*

— К сожалению. Тогда, в мае, надо было быть в два раза более осторожным в отпуске денег. Что говорить, если бы я мог... Но есть все же такой фактор: действительно неподконтрольный, независимый банк. Конечно, его надо было убеждать. Я бы, допустим, давным-давно резко повысил учетную ставку. Если бы мы повысили ставку в июле, я убежден, ничего подобного тому, что было, не случилось.

— *Но если при высокой учетной ставке идут льготные кредиты отдельным предприятиям? Чем она выше, тем больше разрыв между ней и льготной?*

— Все правильно. Значит, есть две вещи: гораздо более высокая учетная ставка и соответственно большая осторожность с льготными кредитами. Тут нужно учитывать еще психологический момент, время для адаптации. У нас даже банки еще не привыкли мыслить, так сказать, в терминах реальной процентной ставки. Они еще во власти денежной иллюзии...

— *Что это такое?*

— Денежная иллюзия — это непонимание того, что деньги в разное время — разные деньги; это обусловленное долгим периодом

финансовой стабильности представление о равной ценности денег в разные моменты. Поэтому банковское сознание не воспринимало саму идею дисконтирования денег. Это тоже сильный был фактор. На самом деле, конечно, надо было энергичнее повышать ставку, особенно в июле.

ЦЕНЫ НА ЭНЕРГИЮ И ЭНЕРГИЯ ЦЕН

— Мы потерпели ряд неудач в области селективной промышленной политики...

— *В чем здесь ошибки, что надо было сделать? Что, пройдя год, надо переоценить?*

— Прежде всего надо было организовать мощную пропагандистскую кампанию на предприятиях. Надо было начать ее еще в декабре. В первую очередь в отношении форм расчетов — правительственные письма о рекомендациях по изменению форм расчетов и т. п. Короче говоря, нельзя было оставлять предприятия один на один с проблемой адаптации к новым условиям. Все равно бы они нам не поверили: вспомните, что тогда творилось в экономике, пораженной спадом производства, повальным бартером, разрывом хозяйственных связей... Все равно только жизнь заставила бы их что-то менять. Но, по крайней мере, был бы создан более благоприятный фон для этого. Второе, что можно и нужно было бы сделать, — ни в коем случае не надо было при либерализации цен изымать часть оборотных средств.

— *Но они просто обесценивались. Разве к тому же еще и непосредственно в бюджет уходили?*

— В торговле часть прироста стоимости оборотных средств подлежала взносу в Фонд социальной поддержки. Это было неправильно. По существу, популистская мера... Сам Фонд социальной поддержки очень полезен, свою роль он сыграл. Но нужно было найти другой источник. Впрочем, здесь цифры подвели — деньги обесценились гораздо больше, чем мы ожидали, и поэтому торговля оказалась в значительной степени без оборотных средств. Последствия известны. Ни в коем случае нельзя было этого делать! Наверное, надо было предоставить налоговые льготы, т. е. разрешить в счет 50% необлагаемой прибыли пополнять оборотные средства, как сейчас это делается по инвестициям.

— Если уж мы затронули момент либерализации цен, то возьмем цены на энергоносители. Здесь Вы не видите своей ошибки?

— Цены на энергоносители, я уже признавал это, в том числе в печати, конечно, надо было отпускать. Абсолютно! Общий урок из всего этого года — к счастью, надеюсь, ситуация не повторится — состоит в том, что чем быстрее, чем более систематически ты это делаешь, тем меньше ты получаешь потом диспропорций, дополнительных инфляционных импульсов и волн. Но я прекрасно помню, как проходил тогда процесс принятия решения. Списки исключений... Борьба за каждую строчку... Испуг был огромный. Как же так, чтобы цены складывались сами, без чиновного установления? И ничего не останется регулировать? Я помню, какие страшные битвы были вокруг цветных металлов, черных металлов. Это уже потом, через три месяца выяснилось, что эти списки никому не нужны.

— При отпуске цен на нефть все равно хуже не было бы — фантазия у директоров, поднявших цены в сто раз, тогда на большее просто не была бы способна...

— Абсолютно верно. Кстати, всякое повышение цен имело наиболее отрицательные реальные последствия до того, как оно было осуществлено. На самом деле летний рост потребительских цен, после промежуточного повышения цен на нефть, был ниже, чем ожидали. Нас пугали, что повышение будет в пять-шесть раз. Подняли цены на нефть и другие энергоносители действительно в шесть раз, но посмотрите, как это отразилось на общей динамике цен в мае — июле, почти никак!

А я помню, как трудно было убедить людей, помню истерику: цены вырастут многократно!

Конечно, надо было освободить цены на энергоносители со 2 января, и на сложившемся фоне это можно было сделать, пожалуй, еще в феврале. И тоже ничего страшного не случилось бы. Но дальше сложилась неприятная ситуация. В меморандуме для Международного валютного фонда было объявлено, что мы будем постепенно идти на размораживание цен на энергоносители, и из-за этого началась очередная волна пропагандистской инфляционной паники: вот это будет еще одно 2 января, цены опять вырастут в пять-шесть раз! И вот начало нагнетаться, нагнетаться...

Я считаю, что если говорить об ошибках, то отказ от своевременного отпуска цен на энергоносители — одна из самых серьезных ошибок правительства.

Что касается товаров народного потребления, то тут, считаю, стратегия была избрана верная — их быстрое размораживание и передача решений на места. Другая стратегия бы не получилась. Места сами должны были понять, как действовать.

Что еще бы я выделил из достаточно крупных ошибок? Систему квотирования экспорта на 1992 г.

— Она менялась дважды или, может быть, трижды...

— Она была с самого начала неудачной и из-за этого нестабильной. Мы слишком часто вмешивались в систему внешнеэкономического регулирования.

— А почему так произошло, почему возникли такие колебания? Ведь был, если помните, Указ президента о либерализации внешней торговли, он практически не действовал?

— Система регулирования вначале была построена на представлении о том, что финансовая дисциплина и ответственность предприятий относительно высоки, а расчеты осуществляются достаточно быстро. Вот гипотезы, из которых исходили. Выяснилось же, что возможности давить на государство велики, расчеты идут очень медленно. В связи с этим возникают просто неразрешимые проблемы финансовых расчетов и надо менять систему. И вот получается чехарда, т. е. это на самом деле был недоучет технологических вещей. Если где-то можно говорить о некотором влиянии экономического романтизма, то я бы выделил именно эту сферу. Там очень многое шло не от того, как на самом деле удобно сделать, а от того, как это принято. Не принято брать налоги в валюте, а у нас надо было все равно брать и т. д. Конечно, надо было с самого начала создавать специальную систему регулирования по нефти, газу и нефтепродуктам. Лишь потом, к концу года это было сделано, были выделены экспортеры... В общем, если бы тогда сразу ввели систему регулирования внешнеэкономической сферы, которая сейчас введена с 1 января, то было бы намного лучше. Сейчас она устоялась. Какой-то момент она была недостаточно продуктивной прежде всего в связи с отсутствием таможенных границ и нормальной таможенной службы. Сейчас таможня устоялась. Конечно, лучше, чтобы это было с меньшими трудностями и задержками.

Экономика стала денежной

— Я Вам еще одну подсказку дам. Ругали правительство Гайдара за то, что оно не поддерживало частное предпринимательство.

— Критика справедлива, хотя на самом деле мы старались поддерживать частное предпринимательство: прежде всего президентским Указом о свободе торговли, это была на самом деле мощнейшая поддержка. И мы поддерживали частное предпринимательство, создав систему конкурентных рынков. Разговаривая с директорами предприятий, я убедился, что проблемы «доставания» в России сейчас нет. Особенно после лета, когда лучше заработала таможня и стало возможным за рубли купить цветные металлы. Сейчас в России за рубли можно купить все. Разумеется, есть проблема цен, проблема монопольности рынков и т. д., но в принципе экономика стала вполне денежной. Иными словами, существует на основе рынка. А это главное для предпринимательства.

— Я вернусь тогда к вопросу о льготных кредитах. Вы мне можете назвать хоть одно частное предприятие, которому бы дали льготный кредит?

— На самом деле давали кое-что на местах...

— Сколько я ни разговаривал с людьми, я не находил такого примера. А ведь это форма дискриминации: государственному дают, частному — нет, пусть оно даже производит самую нужную народу продукцию. Мы привыкли, что государственному надо давать, поддерживать его льготными кредитами, прямыми субсидиями...

— Тут я с вами согласен, но в том смысле, что надо было не давать и государственным. Впрочем, фермерам все же давали...

— Давали, но задержали.

— Опоздали, это верно. Но главное, я категорический противник налоговых и других подобных льгот, потому что это мы уже проходили во времена Рыжкова. Вы помните повальную перерегистрацию предприятий из кооперативов в малые предприятия, смену наименований и т. д.? Все, чтобы постоянно воспроизводить возможности получения льгот. На мой взгляд, это худшая форма возвращения частных предпринимателей. Я абсолютно убежден, займись мы такого рода финансовой поддержкой частного бизнеса, результат был бы тот же самый: мощное стимулирование создания фиктивных предприятий, чему у нас и так достаточно много примеров.

— Нет, почему? Если под реальную продукцию дать льготу, по-моему, будет только польза. Почему государственной текстильной фабрике льготный кредит дается, а частной, способной выпускать ткань по меньшей мере не хуже качеством, не дается? Мне все-таки это непонятно...

— Конечно, дискриминация частных предприятий по льготным кредитам неправильна. Был издан Указ президента, который запрещал такую дискриминацию.

— Это по акционированным предприятиям, когда уже пошло широкое акционирование. Нельзя же, чтобы Магнитогорский комбинат, который стал акционерным обществом, был дискриминирован...

— На самом деле тут я с вами могу согласиться. При распределении льготных кредитов, конечно, надо было поддерживать и частный сектор. Но учтите все же. Основные льготные кредиты были какие? Конверсионные. Но там нет частных предприятий, затем в сельское хозяйство — тут кое-что доставалось и фермерам. Единственно, где кредиты частникам были нужны и их не было, — это кредиты под оборотные средства. Тут я согласен, была дискриминация, к концу года мы ее запретили. Но в целом я скажу так. По моему глубокому убеждению, массовый частный бизнес рождается не в силу государственной поддержки, а в силу того, что государство ему не мешает.

Если бы не было смены караула

— Но давайте перейдем ко второму общему вопросу. Что бы Вы делали в нынешней ситуации в экономике, если бы остались на посту премьер-министра? Ситуацию Вы знаете...

— Прежде всего что я мог бы сделать при существующих Верховном Совете, Центральном банке и т. д.? Я бы осуществил примерно следующую программу. Во-первых, очень жестко секвестировал бы бюджетные расходы, т. е. в январе — марте совершенно железно, кто бы какое решение ни принял, финансировал бы в рамках поступающих доходов.

— Какие выплаты мы могли бы сдерживать?

— Есть довольно широкий круг того, что вполне можно сдерживать. Первое — капитальные вложения, они очень хорошо сдерживаются в начале года. Второе — надо посмотреть дотации. Напри-

мер, принято постановление о поддержке сельского хозяйства, там можно было бы обойтись дешевле за счет фьючерсных контрактов. Можно поджечь ряд наших дотационных отраслей. У меня нет сомнений, что примерно то, что мы делали в сентябре — ноябре, сейчас было бы возможно. В начале года это даже легче проводить. Далее, в связи с этим я бы попытался чуть-чуть увеличить доходы бюджета. Такие возможности есть: поднять, например, импортные тарифы на автомобили пунктов на пять. Увеличить акциз по нефти... Это все движения не радикальные, они не ломают структуру и по большому счету все не решают. Но они просто показывают твердость намерений государства проводить ответственную финансово-бюджетную политику. В этом смысле на фоне панической волны инфляции я бы обязательно постарался убедить Центральный банк перейти к помесечной процентной ставке, повысить ее. Я бы очень твердо постарался выдержать темп прироста денежной массы в ближайшие три месяца на уровне максимум 15%. Короче говоря, возможен и нужен комплекс достаточно простых и понятных мер, способных надежно предотвратить угрозу гиперинфляции, которая сегодня стала серьезным политическим фактом.

Честно говоря, если бы не было смены правительства, то могло бы не быть такой резкой волны инфляционных ожиданий и в связи с этим мы могли бы даже всего этого и не делать. Могли бы проводить более спокойную политику, продолжающую то, что делалось в конце прошлого года, и сосредоточить свои усилия на структурных направлениях. Сейчас принципиально важны поддержка процесса движения приватизации, противодействие всем попыткам ревизовать курс и ревизовать сферы этой деятельности.

Мы вполне могли и должны были бы с этого года начать и проводить более систематическую структурную политику. Сейчас, в условиях высокого инфляционного риска, это трудно. Но в принципе освободились мощности в конверсионных отраслях, здесь есть возможности поддержки экспорта продукции высокой степени обработки. Надо осмысленно привлекать инвесторов. Например, в реконструкции металлургии открывается широкое поле деятельности.

Впрочем, я как раз не большой оптимист относительно крупных объемов иностранных инвестиций, которые могут быть в ближайшее время мобилизованы. На мой взгляд, наиболее перспективная стратегия — от заказа, долгосрочных контрактов к интегрированию

технологических связей наших и западных производств и постепенный переход к инвестициям, потому что сразу в условиях такой нестабильности, такой плохой правовой базы рассчитывать на приток инвестиций нет смысла. Наконец, есть вещи, которые хотелось бы сделать, но здесь решающее слово за законодателями. Необходимо новое трудовое законодательство, контрактное право.

— *Как Вы относитесь к плану финансово-экономических мероприятий, разработанному правительством Вашего преемника Виктора Черномырдина?*

— Положительно отношусь, в целом поддерживаю. Несмотря на некоторые предсказания, правительство, как я вижу, стремится продолжать рыночные преобразования, обуздать гиперинфляцию.

Как легко можно было бы все решить, если бы у нас в Верховном Совете было парламентское большинство. Если бы нынешнее большинство не старалось навредить везде, где только можно

— Сейчас в связи с референдумом¹ все говорят о новом старте. Представим, что мы вновь оказались в осени 1991 г. С Вашим нынешним опытом и Вашими нынешними знаниями все бы Вы делали так же, как тогда, или нет?

— Я бы делал примерно то же самое. По моему глубокому убеждению, принципиальные решения в экономике были predeterminedены набором обстоятельств. Главное из них состояло в том, что к тому времени механизм директивного управления хозяйством полностью вышел из строя.

Вот один из характернейших примеров. Заготовка зерна всегда у нас проходила из-под палки. Как вы думаете, насколько сократились поставки зерна на следующую неделю после августовского путча?

— Процентом на пятьдесят?

— В четыре раза. Заготовки зерна исторически в нашей стране — самый красноречивый показатель состояния экономики. Так было и в 1917-м, и в 1921-м, и в 1927 гг. Осенью 1991 г. они практически остановились. И так было по всем направлениям.

Вспоминая ту ситуацию и оценивая ее сегодняшними глазами, я прихожу к выводу, что, возможно, принял бы какие-то иные кадровые решения. Но за все время, что прошло с начала реформы, я не услышал ни одного убедительного предложения, как можно было бы действовать принципиально иначе.

Интервью брала Марина ШАКИНА.

Опубликовано в: Новое время. 1993. № 17. Апрель.

¹ Речь идет о Всероссийском референдуме, состоявшемся 25 апреля 1993 г. — Прим. ред.

— Новый руководитель правительства, на Ваш взгляд, продолжит прежний курс, Ваш курс?

— Те, кто его выбирал на съезде, ждали от Виктора Черномырдина полной смены экономической политики. Без всякого сомнения, у нового премьер-министра были колебания. Ведь правительство — это орган, который постоянно испытывает на себе все виды давления, лоббирования. Именно в правительстве пересекаются различные интересы, противоположные устремления. Там всегда борьба и противостояние.

Сегодня в правительстве совершенно четко обозначились — не буду называть имена — два крыла. Одно крыло выступает за продолжение реформы, другое хотело бы по меньшей мере ее замедлить. Надо отдать должное новому председателю Совета Министров — твердого выбора в пользу второго крыла он пока не сделал.

— Правительству не дают толком работать — один съезд следует за другим. И все же, на Ваш взгляд, действия кабинета Черномырдина отвечают требованиям реформы?

— Как у всякого человека, который побывал у руля и впоследствии вынужден наблюдать процесс управления со стороны, у меня возникает бесконечное число мелких замечаний: и это надо было сделать не так, и то — по-другому, и здесь неправильно... Но, честно говоря, я предпочитаю держать свои замечания при себе. Такие придирики, по-моему, всегда некрасиво смотрятся.

СЮРПРИЗЫ В ПРЕМЬЕРСКОМ КРЕСЛЕ

— Когда Вы по сути дела возглавили правительство и вступили во владение исчерпывающей информацией о состоянии экономики, содержала ли эта информация какие-то сюрпризы, откровения для Вас? Было ли то, о чем Вы не подозревали, будучи только ученым?

— Все сюрпризы носили крайне неприятный характер. Один из них был связан с состоянием валютных резервов. Я знал, что положение напряженное, однако масштабы нашего валютного краха до вступления в должность были для меня не ясны.

В экономической теории считается, что критически минимальный валютный резерв государства равен стоимости месячного импорта страны. Я надеялся, что у нас есть хотя бы средства на десятидневный импорт. Оказалось, что у нас валюты всего на несколько

часов импорта. Государство не только само стало неплатежеспособным, но и вычерпало все резервы российских предприятий, которые хранились во Внешэкономбанке.

Еще один малоприятный сюрприз — состояние стратегических запасов. В конце 1991 г. нам пришлось латать дыры в экономике, постоянно залезая в государственный резерв, и его состояние оказалось хуже, чем я ожидал. Правда, к концу 1992 г. ситуация начала исправляться.

— *Есть такая точка зрения: у нас в стране существовала мощная экономика, которую пришедшие к власти демократы довели до ручки. Когда Вы заняли свой пост, было ли у Вас ощущение, что Вам доверили могучую экономику?*

— У меня было то же ощущение, что и у всех. Давайте посмотрим телехронику того времени, читаем газеты. Отовсюду сквозило ощущение надвигающейся катастрофы. Это было предчувствие настоящего краха, т.е. ситуации, когда в Москве не будет воды, света, остановится транспорт, прекратится подвоз хлеба... Эти настроения отражали представления общества о состоянии экономики, а общество, как правило, сильно не ошибается. Искусственно создать такое ощущение невозможно. Все мы помним дикую беготню по очередям — хлебным, молочным, возгласы «дают!». Что дают? Мойву дают...

Было ощущение, что экономика катится по заведенному пути, что мы производим вещи, без которых в условиях кризиса, строго говоря, можно обойтись, множим долгострой, наращиваем производство ядерных вооружений. И одновременно нет хлеба, картошку не подвозят, затухают коксовые батареи. Было ощущение предельной слабости критических звеньев хозяйства — ощущение общее, внепартийное и поэтому в значительной мере реальное.

ВПК НЕ МИФ

— *А подлинные размеры военно-промышленного комплекса не стали для Вас новостью?*

— Нет.

— *Не могли бы Вы назвать цифры, чтобы и мы тоже смогли себе представить советский ВПК, доставшийся нам в наследство?*

— К сожалению, это очень трудно сделать. Не потому, что отсутствует информация, а в силу объективных проблем измерения. Что-

бы подсчитать объем производства ВПК, надо называть цены. Какие? Затратные цены ни о чем не говорят — оборонка практически бесплатно получала лучшие материалы, свободные деньги, валюту, потребляла ресурсы самого высокого качества.

Можно взять мировые цены и попытаться сравнить: сколько стоит наш уборочный комбайн на мировом рынке и сколько — наш танк, наши ракеты, во сколько вообще обходится содержать такую военную машину. Но тогда мы получаем парадоксальные цифры — выходит, что ВПК один производит больше, чем объем всего нашего валового национального продукта. Это преувеличение, но довольно близкое к истине. Вся советская экономика обслуживала ВПК, существовала для того, чтобы он мог работать.

— *А сколько людей работает на армию?*

— В российской промышленности всего занято 23 млн человек. Из них 7 млн — в военно-промышленном комплексе.

— *А скажите, пожалуйста, это не миф — наши достижения в области вооружений, высокая технология, которой оснащены оборонные заводы?*

— Нет, ВПК, надо сказать, не миф. У нас есть великолепные системы вооружений, даже превышающие мировой уровень. До прихода в правительство я разделял Ваш скепсис, так что это открытие тоже стало для меня сюрпризом.

Я бы сказал, что за деньги, которые имеются в нашем распоряжении, такие системы вооружений купить на мировом рынке совершенно невозможно. Страна нашего уровня развития такого позволить себе не может, если она хочет иметь что-то помимо оружия.

— *Вас сильно критиковали за политику в области конверсии. Вы и сейчас готовы подтвердить правильность своих шагов?*

— Да. Нам удалось дать мощный импульс к демилитаризации нашей экономики.

Конечно, я понимаю людей, которые всегда будут критиковать эту политику, — конверсию так не проводят, надо демонтировать военную промышленность постепенно, каждый год на 5% сокращая объем производства. Это правильно... для стабильных, процветающих экономик с заполненным товарами рынком. В январе 1992 г. попытка медленной конверсии была бы, на мой взгляд, совершенно катастрофичной.

Во-первых, такими темпами мы никогда бы ничего не конверсировали. Во-вторых, не сумели бы задействовать свободные резервы. Сегодня уже ни у кого нет ощущения немедленного коллапса, хотя критика раздается со всех сторон — все не так, все плохо. Целый год мы продержались, потому что удалось использовать свободные ресурсы ВПК. За счет чего же мы весь год жили?

Мы оборонке сократили военный заказ, притормозили, сказали им: ребята, крутитесь сами, ищите рынки. Они, люди опытные, ушлые, стали искать рынки и нашли их именно там, где больше всего горело. Прекратила Прибалтика поставку определенного вида комплектующих — тут же находится оборонный завод, который выходит на этот рынок. Не поступает оборудование с Украины — тут же находится другой оборонный завод, который осваивает рынок. Уходят бывшие поставщики стран СЭВ — их место занимает отечественная оборонка.

ВПК годами писал длинные обоснования, почему он абсолютно не приспособлен к тому, чтобы производить, скажем, нефтедобывающее оборудование. После начала реформы нефтяники оказались завалены предложениями оборонных заводов.

ВПК уже привык, что не будет больше военного заказа в прежних объемах. Мы сократили оборонку на 70%. Теперь главное — не наращивать ее больше, т. е. страна вот это уже пережила.

НЕ ВЕРЮ!

— *У Вас есть ощущение, что низшая точка падения пройдена?*

— Если говорить об объеме производства, то низшая точка была пройдена в августе 1992 г. В сентябре уровень производства слегка повысился и с тех пор не меняется, если не считать небольших колебаний, связанных с сезонными или случайными явлениями. Например, в январе из-за большого количества праздничных дней наблюдалась небольшая «просадка», но в феврале объем производства восстановился. Эта картина типична для посткоммунистических экономик — они проходят низшую точку и затем в течение полутора-двух лет держатся на одной отметке. Затем появляются предпосылки роста.

Еще предельно напряженная ситуация с инфляцией. Есть небольшие признаки замедления ее темпов, правда, они очень ненадежны и могут смениться противоположными тенденциями!

Но просвет и здесь есть — с инфляцией надо постоянно работать, хотя это и очень тяжело.

Я очень боюсь политической нестабильности. Ни наши, ни зарубежные бизнесмены не станут вкладывать деньги в производство, если не будут уверены, что завтра у них ничего не отберут, не конфискуют, не поменяют политико-экономический курс на 180 градусов.

Короче говоря, для экономического роста нужны стабильная исполнительная власть и стабильный парламент, которые хотят развития экономики на рыночных рельсах, и все кругом понимают, что они этого хотят. А у нас... Слышишь заверения депутата Саенко¹ о том, что, дескать, все за реформы. Слышишь, но не веришь. И ладно, что я не верю. Не верят производители, не верят предприниматели. И не поверят.

И вторая опасность на пути к стабилизации — риск широкой раздачи благ и льгот. Когда в политической жизни происходит такая конфронтация, всегда есть искушение принимать популярные решения. Это понятно, но очень опасно. Мы сейчас не в том положении, когда можно широкой рукой раздавать «подарки».

— *Когда Вы руководили правительством, приходила ли Вам в голову мысль: «Как прекрасно я смог бы все сделать, если бы не было этого парламента»?*

— Приходила постоянно. Почти такая. Я никогда не думал, как хорошо было бы вообще без парламента, все-таки Россия наконец-то пришла к парламентаризму как одному из элементов демократии, и это надо ценить.

Я думал: «Как элементарно можно было бы все решить, если бы у нас в Верховном Совете было нормальное парламентское большинство!» Если бы нынешнее большинство не старалось навредить везде, где только можно.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛИШЬ ОДИН ИЗ ИГРОКОВ

— *Утверждают, что летом прошлого года Вы все-таки уступили давлению директорского лобби, парламента и раздали дополнительные кредиты...*

¹ Саенко Геннадий Васильевич — депутат Совета национальностей Верховного Совета РСФСР, до событий 1991 г. партийный функционер (секретарь обкома КПСС), в октябре 1993 г. — один из активных участников вооруженного мятежа и так называемой обороны Белого дома. — *Прим. ред.*

— Это правда. Правительство лишь один из игроков на политическом поле и к тому же не обладающий правом вето. Оно имеет возможность лишь уговаривать, убеждать, кричать.

Скажем, как раз летом прошлого года Верховный Совет обсуждал бюджет. Вопреки моим горячим протестам депутаты с голоса внесли поправку в бюджет, увеличив расходную часть на 8% ВВП. После этого любые разговоры о стабилизации были, вообще говоря, беспочвенны.

Было два варианта — либо немедленно подавать в отставку, либо попытаться сохранить позиции на тех направлениях, где это возможно. Мы как раз начали массовую приватизацию, бросать ее на произвол судьбы не хотелось, хотя было совершенно ясно, что инфляционный удар, который обрушится на экономику вследствие этого решения парламента, будет страшен.

— *Ваши отношения с депутатами были на виду. А с Ельциным Вы находили общий язык?*

— Я считаю, у нас было взаимопонимание, но взаимопонимание, опирающееся на разделение ролей. Президент всегда очень внимательно слушал и неплохо воспринимал доводы экономические, но сам при этом во время обсуждения выдвигал аргументы социально-политические. И это естественно. Если бы в экономике не было социально-политических ограничителей, то по схеме много чего можно было бы сделать. Но нельзя не считаться с людьми. Иначе все взорвется.

ГОСПЛАН ЖЕЛАЕТ ВОЗРОДИТЬСЯ

— *Вы более года проработали на грани экономики и политики. Кое-кто прочит Вас в лидеры демократического движения. Как Вы сами к этому относитесь?*

— Ой, Вы знаете, я настолько не вижу себя лидером какого-либо движения! Что бы я действительно хотел сделать — так это всячески способствовать единству и взаимопониманию между политиками, которые выступают за цивилизованный рынок. Я знаю, как демократы слабо приспособлены к совместной работе, да еще в условиях кризиса. Но все, что я могу для этого сделать, я сделаю.

— *А если Вас снова позовут возглавить правительство? Пойдете или с Вас достаточно того тяжелого опыта, который Вы приобрели?*

— Ну, я же не красная девица. Если будет возможность сделать что-то разумное, то, разумеется, пойду. Это совершенно ужасная работа. Но, знаете, у меня постоянное чувство, что я отвечаю за все, что происходит. Сегодня я уже не имею возможности повлиять на происходящее, но ответственности с меня никто не снимал, потому что мы это начали. Поэтому мы будем стараться делать все, чтобы количество выбоин на дороге стало меньше.

— *Ваши коллеги-ученые, в том числе и Ваши непосредственные учителя, не переставали критиковать Вас. Вы знакомы с их аргументами, Вы видели реальную картину, Вы сами пытались что-то сделать. Скажите, есть все-таки альтернатива нынешнему пути или нет?*

— В январе 1992 г. никакой альтернативы не было. Сейчас уже есть некоторая свобода маневра и можно спорить. Я сколько угодно готов спорить об альтернативных подходах в приватизации. Но следует понять: если мы хотим поменять модель приватизации, то давайте переводить разговоры в практическое русло, давайте ломать сложившееся нормативное регулирование. Если Вы думаете, что мне сильно нравится Закон о приватизации, принятый еще до подготовки правительственных документов, то Вы заблуждаетесь. Там много, мягко говоря, странностей.

Но мы даже не пытались толком этот Закон ломать. Надо было воспользоваться всем, что в нем было хорошего, и запустить процесс. Или приватизации не будет вовсе. А проспорить можно несколько лет, у каждого спорщика будут свои аргументы, и аргументы не бессмысленные.

Экономика уже не сможет работать без рынка. Я знаю, что кое-кому предлагали восстановить Госплан. Но его не восстановишь. А рынок не может работать без приватизации — извините, я говорю безумные банальности. Но тем не менее это так. Если рынок не может без приватизации, то ее нельзя останавливать, как бы нам ни хотелось вести теоретические дискуссии о том, какая модель лучше.

Егор Гайдар: «Политического будущего пока не выстраиваю»

«Минфин и ЦБ по своей природе обречены работать вместе. Их главы могут не любить друг друга, расходиться во взглядах на женщин, вино, лошадей, но профессионально они обязаны говорить на одном языке. Иначе — очень плохо для страны».

Насколько известно, Егор Гайдар — человек обязательный и потому не большой охотник быть почетным членом разных союзов, объединений. И вдруг в марте Анатолий Чубайс благословляет Ассоциацию частных и приватизированных предприятий, а экс-премьер соглашается на президентство в ней...

— Роль свадебного генерала? Что-то не в Вашем стиле.

— Вы знаете, мне, как говорится, с первого взгляда понравилась эта организация. Мы столкнулись в ноябре 92-го. Тогда, прямо перед VII Съездом народных депутатов, все крыли правительство. Основательно ругали и представители ассоциации, но без истерик, по делу. Критиковали за постановления и инструкции, ущемлявшие частный бизнес, за его неравноправие с госсектором, за решения, которые принимаются задним числом, ломая условия игры, за неэффективный контроль над производственной монополией... Походите по коридорам правительства, и вы увидите председателей колхозов, которые втолкуют вам, как и сколько надо давать дотаций. Большая группа директоров «вэпэковских» предприятий объяснит, почему оборонный заказ надо увеличить. А вот работающей, политически сплоченной организации, отстаивающей интересы приватизированного частного сектора, мне, пока состоял в Совмине, честно говоря, не хватало. Поэтому когда ассоциация стала формироваться, я горячо ее поддержал, а потом согласился возглавить. Я действительно считаю, что такие структуры исключительно важ-

Интервью брал Александр БЕККЕР.
Опубликовано в: Сегодня. 1993. 1 июня.

ны для динамичных преобразований в России и стабильности государства, тем более что к реформам я все-таки приложил руку.

— Вы говорите о стабильности, но ведь ассоциация малочисленна, что-то около 1100 предприятий. Политически она не влиятельна, да и создана в период не самый светлый: в декабре прошлого года было приватизировано 12 тыс. малых предприятий, а в апреле — 2900, т.е. явный спад, а Вы в этот момент...

— Именно в трудные моменты, мне кажется, надо пытаться переломить развитие событий. Вы правы насчет малой приватизации, график снижения у меня все время перед глазами. Эта диаграмма — отражение тяжелейшей борьбы, которую вели в последние месяцы два крыла в правительстве. То, что спад будет, для меня было ясно, по крайней мере, прошлой осенью. Мы тогда боролись, чтобы не сломали саму приватизацию. Но в конце марта она все же висела на ниточке. Теперь, после референдума¹, я верю, что приватизация выстоит. Почти убежден, что апрель был точкой перелома, в мае — июне темпы приватизации выйдут на «стационар», а в лучшем случае ускорятся. Что касается нашей ассоциации, то Вы ее слегка недооцениваете. Все-таки в нее входят «Уралмаш» и «АвтоВАЗ», у нас свыше 50 региональных отделений. Сейчас прошли конференции в Москве, Новгороде, Красноярске, в ассоциацию вливаются новые предприятия. Только в Санкт-Петербурге их уже 600. Короче, идет кристаллизация. И такой процесс, как показал опыт, нельзя толкнуть сверху. Если он находит отклик, значит, есть нужда. Мы живем в стране очень слабых партий и политических движений. В значительной степени влияние на текущую жизнь оказывают объединения профессиональные, творческие, финансовые, т.е., организмы по своей природе не политические, но имеющие политические выходы. Глубоко убежден, что формирование структур, защищающих политические интересы частных предпринимателей, — это вместе с тем важнейший фактор укрепления политических позиций той части общественного спектра, с которой я себя отождествляю.

¹ Всероссийский референдум, состоявшийся 25 апреля 1993 г. Большинство населения дало положительный ответ на вопросы о доверии президенту Ельцину, об одобрении социально-экономической политики президента и правительства, а также о необходимости досрочных выборов народных депутатов РФ. — *Прим. ред.*

— Вы упомянули референдум как точку перелома. Но в России какое-то роковое несовпадение по фазе. В январе 92-го начинаются реформы, но правительство не имеет в тот момент истинной социальной поддержки. Проходит референдум, есть народная поддержка курса, сформировался общественный фундамент реформ, но правительство уже не то и реформы не те.

— Не стану оспаривать этот парадокс, но и удивляться ему не стоит: мы страна с трагической историей. С другой стороны, я исторический оптимист и всегда пытаюсь найти опору для разумной надежды. Мне кажется, что итог референдума — очень важный долгосрочный фактор, гораздо более значимый политически, чем текущие конъюнктурные колебания в проводимом правительством курсе или его кадровом составе. Совмин может принять некие опрометчивые решения, которые ударят по экономике, но самый отъявленный ретроград будет теперь действовать с оглядкой на голосование 25 апреля. А ведь практически до ноября, ну, до сентября прошлого года точно политика реформ в России была немножко феноменальной — она почти ни на чем не держалась. Не было поддержки парламентского большинства, мандата народного доверия. Она держалась на том только, что президент Ельцин, избранный народом, взял на себя ответственность и поддержал команду людей, готовых проводить реформы. И все. Но в огромной, великой стране такое положение предельно неустойчиво, потому что на политического лидера каждый день давят: надо поменять то, избавиться от этого, третье подкорректировать, а четвертое усилить. Нельзя на такой основе возводить что-то стабильное, как говорится, на века. И вы прекрасно помните недавнее ощущение, что пришло время оппозиционеров, настал час коммунистов и националистов, они сейчас выиграют... Референдум — это осознание изменившейся ситуации. Реформы в России покоятся уже не просто на политической воле одного авторитетного деятеля, а на том, что общество не хочет возвращаться в прошлое.

— Вспоминаю, как 28 марта Вы с отцом шли в первом ряду колонны, потом срывающимся голосом говорили на митинге «за Ельцина». Ну и что? Какая у президента после референдума экономическая политика? На первые роли вводится в правительство Олег Лобов, от которого Вы, на предложения Ельцина, отмахивались двумя руками. Дальше провозглашается такая «селективная» поддержка про-

мышленности, что она поглотит всю доходную часть бюджета. Посмотрите, как «качает» Виктора Черномырдина. То он говорит, что инфляцию надо подавить любой ценой, то заявляет: «Никакая монетарная, самая жесткая кредитная политика не остановит инфляцию без наполнения рынка товарами». И ради этого стоило идти на референдум?

— Мы живем в реальной стране с реальными возможностями. Россия, по моему глубокому убеждению, стояла на пороге очень серьезной опасности во время IX Съезда народных депутатов, когда голосовался вопрос об импичменте Бориса Ельцина. Мы совершенно реально могли получить ситуацию с двумя президентами, двумя премьерами, двумя правительствами. Страшно представить такое в России. Это была точка максимального после Второй мировой войны риска для мира, сопоставимая с ракетным Карибским кризисом и 19 августа 1991 г.

Теперь, после референдума, убрать Ельцина... Это смешно, это за гранью серьезного обсуждения. И теперь мы, по крайней мере, не стоим перед угрозой гражданской войны. Только из-за этого стоило идти на демонстрацию, выигрывать референдум, как бы я ни относился к тому, как используются результаты референдума. И второе, чисто экономическое замечание. В принципиально разнополюсном правительстве, в котором идет всем очевидная борьба практически по всем вопросам, есть важнейший, судьба которого принципиальна для России. Это ход приватизации. Так вот референдум вывел приватизацию из-под угрозы немедленного свертывания. А это само по себе отнюдь не малое дело.

— Но расхваливаемый как очень прогрессивный Указ Президента РФ от 8 мая о приватизации мне видится отступлением от замыслов Госкомимущества. Указ, в отличие от намерений Чубайса, фактически запрещает выделение из отраслевых госхолдингов частных приватизированных предприятий. В проекте указа Чубайс готовил радикальное разгосударствление, а в окончательном тексте Ельцин предписал ГКИ согласовывать это с министерствами. Как будто неизвестно, что они хотят держать контрольный пакет акций предприятий.

— Конечно, холдинги несколько зарегулируют процесс. Но если посмотреть указ спокойно, в целом, а не только в прямом сравнении с проектом, то это документ разумный, прогрессивный. Там нет

чего-то, есть то, что я хотел бы подправить, но по большому счету документ хороший. И уж точно указ не скажется торможением приватизации.

— *Вы написали горы статей, подчеркивая значение для России финансовой стабилизации. В свое время премьер Гайдар пытался мягко «взять» Виктора Геращенко, обратить его в свою веру. Не вышло. А вот Борис Федоров начал прессинг по всему полю и добился совместного с ЦБ меморандума. Как Вы относитесь к методам морального давления, если они приносят нужные результаты?*

— Давайте говорить конкретно. С началом приватизации в сентябре 92-го мы вновь ужесточили бюджетную политику. А Центробанк в это время выплескивал огромные коммерческие кредиты, выдавал кредиты странам СНГ. Потребовалось два месяца, чтобы он приспособил свою денежную политику к политике правительства. И в ноябре мы выходим уже вместе на низкие темпы роста денежной массы. Аналог с динамикой валютного курса в ноябре. Его падение с 450 до 350–398 руб. за 1 долл. также отражение наших общих с ЦБ усилий. Поэтому сказать, что наш диалог был бесполезным, что постепенного сближении позиций не было, — это не совсем точно. К сожалению, тенденция была сломана в последней декаде декабря, после моего ухода из Совмина. С приходом Бориса Федорова к ней пришлось возвращаться, но в другой стилистике. Я не знаю, опыт покажет, насколько перспективна конфликтная тактика переговоров. Мне она просто по характеру не свойственна, однако допускаю, что она может быть эффективна. Но главная проблема, конечно, не в личностях, а в том, что два ведомства находятся как бы по разные стороны баррикад, подчиняясь правительству и парламенту. Минфин и ЦБ по своей природе обречены работать вместе. Их главы могут не любить друг друга, расходиться во взглядах на женщин, вино, лошадей, но профессионально они обязаны говорить на одном языке. Иначе — очень плохо для страны. Тут ведь масса немыслимой техники, и нарушение кооперации мне кажется опасным. Но в целом я считаю, что принятые ЦБ и Минфином ориентиры кредитно-денежной политики на II квартал, совместный меморандум Черномырдина и Геращенко об экономической политике — это шаги к нормальному повседневному диалогу. Вообще противоречия смягчаются. ЦБ заметно снизил темпы кредитования коммерческих банков и, судя по всему, выйдет пример-

но на согласованный объем. Другой источник инфляции — технические кредиты странам СНГ; за 15 дней апреля ЦБ выдал 300 млрд руб. Но с 20 апреля он приостановил эту бурную деятельность. Сейчас, правда, вновь резко обостряются бюджетные проблемы. Но это уже проблемы самого правительства, а не его взаимоотношений с Центробанком. Здесь и выявится, в какой степени правительство способно справиться с порожденным им и углубляющимся бюджетным кризисом.

— *А каковы в сегодняшней ситуации пределы жесткости в финансовой политике? Памятуя о прошлогоднем кризисе неплатежей предприятий...*

— Возможностей сейчас неизмеримо больше. Первая половина 92-го — это распад Союза, новые связи с СНГ и Восточной Европой, новая налоговая система. Вообще другая жизнь, потому что цены либерализованы и непонятно, как к ним подстроиться. Нет гарантированного снабжения плюс к этому резкое сокращение военного заказа, а вдобавок банкротство Внешэкономбанка. Все вместе смешалось в кучу и вызвало шок у предприятий. Сложилась мощнейшая проинфляционная коалиция, противостоять которой было просто невозможно. Поэтому нам пришлось пойти на ослабление бюджетной политики, взаимозачет долгов предприятий.

— *Тогда, кстати, провалилось очень здравое предложение Евгения Сабурова оформить долги как векселя и пустить их на фондовый рынок.*

— Да, это было хорошее предложение. У нас уже был проект указа президента по этому поводу, я его даже завизировал. Одного дня нам не хватило: информация об указе «утекла», а после этого проинфляционная коалиция не дала его подписать.

Однако с осени часть предприятий начинают приспособливаться к новым условиям — новому уровню военных заказов, свободным ценам плюс к этому начинается приватизация, и это создает совершенно новую атмосферу для директоров. Не все из них уже вспоминают о счастливом прошлом. И где-то к сентябрю — октябрю могучий и спаянный директорский блок оказывается раздробленным. Появление Ассоциации частных и приватизированных предприятий — характерный признак новой ситуации. Конечно, никто в мире не откажется от дешевого кредита, но многие предприятия уже сообразили, что дешевые кредиты — из их кармана.

— *Инфляционный налог?*

— Конечно. Вот эта перераспределительная сторона дела большинству становится ясна. И потому когда правительство попыталось в декабре — январе заморозить цены и вернуться к проинфляционной политике, то энтузиазма в обществе это не встретило. И возвращаясь к вашему вопросу: конечно, возможностей для жесткой кредитно-денежной политики сегодня больше. Теперь антиинфляционная политика базируется не на идеологических убеждениях и решимости пяти человек, противостоящих социальному морю, а на реальных интересах тех, кому чистит карманы инфляционный налог. В наибольшей мере, кстати, это ощутили приватизированные предприятия. Им гораздо меньше перепадает государственных субсидий и льготных кредитов. Поэтому они скорее других чувствуют, что инфляция для них — это убытки, что перераспределительная деятельность правительства идет в пользу слабых и неэффективных. Словом, сегодня социальная база неизмеримо шире, чем год назад. Политический фон, правда, тяжелый. В условиях противостояния велик соблазн денежными раздачами и популярными решениями добыть победу. Это страшно, потому что платить за это в наших условиях надо не через год, а через два месяца. Понять тем не менее, что на разваливающемся финансах популярность не удержишь, очень тяжело. Есть логика политического цикла, и, к сожалению, инфляция ускоряется перед выборами почти везде и всегда.

— *А Вам не кажется, что и финансовая стабилизация, и скорость приватизации стали самоцелью. Ведь не запущен механизм банкротств, искусственно поддерживается высокая занятость на предприятиях, т. е. ситуация как бы заперта...*

— Согласен с Вами. Конечно, то, что не запущен механизм банкротств и санации — очень серьезная проблема. Легальные предпосылки к этому существуют с 1 марта. Но вот уже конец мая — и ни одного судебного разбирательства. Вместе с тем, по моим данным, закон начинает включаться автоматически. Например, объявили себя банкротами акционеры компании «Кузнецкуголь». Кажется, в Красноярске главный бухгалтер одного из предприятий выступила с иском о признании банкротами десятка задолжавших им смежников. Тут еще очень важно, кто конкретно будет заниматься процедурой санации и банкротств. У меня большие опасения,

как бы из закона о банкротстве не сделали кормушку для убыточных предприятий.

— *Между прочим, в проекте недавнего указа о министерстве экономики Олег Лобов предлагает образовать «при себе» спецкомиссию и возложить на нее «функции по созданию экономических условий предупреждения несостоятельности (банкротства) предприятий». Честное слово, это не выдумка, а цитата.*

— Вот-вот. Не хотелось бы, учитывая вал проблем, загружать Госкомимущество еще и таким делом, но, мне кажется, правильнее эту работу сконцентрировать в ведомстве Анатолия Чубайса. По крайней мере, появится надежда, что она будет вестись экономически грамотно. Что касается безработицы, то она не является счастьем. То, что безработица в России нарастает сравнительно плавно, по 50 тыс. человек в месяц, — это сам по себе важнейший фактор социальной стабильности. Связан он со специфическим поведением посткоммунистического предприятия. Оно всегда в первую очередь сокращает реальную зарплату, потом переходит на сокращенную рабочую неделю и только потом, в крайнем случае увольняет. И все же у нас начинают появляться регионы со сравнительно высокой безработицей: Иваново, Ярославль — текстильные районы. Поэтому не надо специально форсировать безработицу, куда мы от этой проблемы не денемся. Дай Бог, чтобы мы были готовы с ней справиться.

— *Не буду клясться в сильных симпатиях к Руслану Хасбулатову, но, возможно, он прав, когда говорит, что страна могла бы еще пару лет пожить при советской Конституции. Все, что происходит сейчас вокруг президентского проекта, мне кажется лишь дымовой завесой, чтобы скрыть бессодержательность и эклектичность экономической политики правительства.*

— Есть просто выбор приоритетов. После референдума можно было сконцентрироваться на ускорении экономической реформы или политических преобразований. Допускалась попытка сделать и то, и другое. Сейчас совершенно очевидно, что приоритетом стал «фронт» политический, и я вовсе не считаю это ошибкой. Ну что греха таить, съезд и Верховный Совет, имеющие специфический взгляд на реформы, не были гарантом перехода к рынку. Поэтому нет ничего такого, о чем лично я мечтал бы больше, чем о парламенте с устойчивым, разумным прореформенным большинством.

И в связи с этим прекращение борьбы властей, постоянно предпринимающих несоординированные и часто опасные действия, мне не кажется малозначимым. Больше того, политическая реформа стратегически важнейшая. Но, по-моему, динамично развивающаяся экономика — это неплохой фон для нее. Толкотня и суэта в экономической сфере, противоречивые действия никак не могут облегчить решение политических задач президента и демократов.

— *А Вы не находите, что реформы в регионах уже раскрутились и имеют какую-то собственную логику? Законодательные новеллы и политические дразги в центре в худшем случае лишь тормозят их.*

— Ну, если бы было по-вашему, малая приватизация не реагировала бы на политический распад так, как она реагировала на стыке 92-го и 93-го годов. Малая приватизация в первую очередь региональное дело. Импульс из центра страшно ударил по темпам перехода объектов в частные руки. Или чековые аукционы, крупная приватизация. Смотрите, как регионы реагировали на нагнетание напряженности накануне референдума и как Госкомимуществу практически в одиночку удалось раскрутить ситуацию после победы на референдуме. Конечно, регионы в какой-то степени живут своей жизнью и там обозначилась резкая дифференциация экономических политик. Она сохранится. Есть регионы, где реформы будут продолжаться, по крайней мере по главным направлениям, достаточно быстро и динамично почти независимо от текущей конъюнктуры в Москве. Однако политические колебания в Москве немедленно сказываются даже на быстро реформирующихся регионах! Ну, скажем, Санкт-Петербург: инициативное квалифицированное руководство, отлично организована малая приватизация. Пошло акционирование оборонных предприятий. А сейчас документы по приватизации никак не удается пропихнуть через правительство. И вот Балтийский завод, «Арсенал», ЛОМО строили планы, рассчитывали на иностранных инвесторов, но «зависли» из-за противодействия федеральных властей.

— *И последнее. Может ли в перспективе Ассоциация частных и приватизированных предприятий стать политической опорой и основой политического будущего Егора Гайдара?*

— Насчет политического будущего Егора Гайдара не знаю. Но нам, конечно, хочется, чтобы ассоциация стала одной из основ устойчивого прореформистского блока политических сил России.

Нам удалось добиться главного...

В рубрике «Взгляд издалека» предлагается интервью, взятое у Е. Т. Гайдара для газеты «Джунанг» («Chungang»).

— *Егор Тимурович, как Вы оцениваете содержание и результаты проводившейся Вами экономической политики, в чем видите ее ошибки?*

— Я считаю, что нам все-таки удалось добиться главного — сделать рыночную экономику в России реальностью, т. е. перейти от шести лет пустопорожних обсуждений о том, как идти к рынку, к практическому движению в этом направлении. Удалось, на мой взгляд, добиться немало в демилитаризации нашей экономики. Все-таки резкое сокращение оборонных расходов было огромным шоком для экономики, вместе с тем оно освобождает резервы, позволяющие дальше рассчитывать на серьезный экономический рост. Я считаю, что все-таки нам удалось немало добиться на старте приватизации. К началу реформ было где-то 220 тыс. государственных предприятий в России. Сейчас 110 тыс. из них начали процесс приватизации, примерно 60 тыс. уже завершили. Этот процесс немножко замедлился в этом году в последние месяцы, но все-таки продолжается со скоростью 5 тыс. новых частных предприятий в месяц. Это то, что я бы отнес к тому, что удалось сделать. Из того, что не удалось: не удалось обеспечить финансовую стабильность. Давление старой структуры экономики и проблем, связанных с тем, что Россия только формируется как государство и по существу мы имели банковскую систему с несколькими центральными банками, оказалось слишком сильным, и нам не удалось удержаться в пределах респектабельной финансовой политики, отсюда мы имеем высо-

Интервью брал КИМ СОК ХВАН (Республика Корея).
Опубликовано в: Экономика и жизнь. 1993. 26 июня.

кую, текущую, открытую инфляцию. Это, по-моему, сегодня наиболее серьезная проблема.

— *На взгляд ряда российских экономистов, социальные и экономические издержки Вашего курса оказались совершенно не адекватными полученным результатам. Какова Ваша точка зрения по этому вопросу?*

— Вы знаете, что оппозиция всегда критикует экономический курс правительства.

— *Явились ли рекомендации команды Сакса решающими для формирования идеологии и проведения политики «шоковой терапии»?*

— Этот вопрос разбивается на два. Во-первых, в России никогда не было политики «шоковой терапии». Мы одновременно разморозили цены, что, без всякого сомнения, было единственно возможным выходом в ситуации полной утраты традиционных методов государственного контроля за товаропотоками, но мы не могли и не были в состоянии одновременно выправить все крупные структурные макроэкономические дисбалансы, финансовые дисбалансы, поэтому на самом деле у нас экономика «шоковой терапии» в России как программа одномоментной борьбы с инфляцией, остановки ее никогда не применялась, потому что мы никогда не применяли гетерогенных элементов, у нас не было возможности, у нас не было попыток замораживания зарплаты, мы не проводили политику стабильного валютного курса из-за недостатка валютных резервов, поэтому это никак не укладывается в традиционную схему «шоковой терапии». «Шоковая терапия» — это скорее такой публицистический термин, который широко применялся нашими оппонентами до тех пор, пока польская экономика не начала бурно и динамично развиваться, сейчас как-то он вышел из моды. Во-вторых, что касается наших западных консультантов в целом, то мы им благодарны, они довольно много сделали и для развития экономического образования в России, и оказывая техническую помощь по некоторым направлениям нашей работы с международно-финансовым сообществом, Парижским, Лондонским клубом и т. д. Надо сказать, что, разумеется, все решения все-таки принимали мы сами.

— *Является ли экономическая политика сегодняшнего Правительства России продолжением гайдаровского курса экономических реформ?*

— В правительстве сегодня довольно четко обозначились два крыла. Крыло, которое выступает за продолжение экономических реформ, и крыло, которое выступает за, так скажем, более осторожный подход, за восстановление государственного управления, регулирования экономики в определенных пределах и т. д. Они, естественно, отражают общую расстановку сил и позиций в обществе. На мой взгляд, пока к настоящему времени все-таки правительство Черномырдина удерживается в рамках принципиального курса реформ.

— *В чем корни конфликта между Центральным банком и Министерством финансов, насколько принципиальный характер он носит?*

— На мой взгляд, корни конфликта связаны в первую очередь с тем, что Центральный банк подведомствен Верховному Совету, и поэтому на него оказывается наиболее активное давление в направлении проведения проинфляционной политики.

— *Какова Ваша оценка перспектив изменения границ рублевой зоны? Возможно ли ее сжатие до пределов территории России, т. е. введение чисто российской валюты?*

— Во-первых, у нас никогда не было в строгом смысле этого слова рублевой зоны, как четко определенной зоны с четкими правилами поведения в ней. У нас была такая денежная неопределенность, унаследованная от Советского Союза, такая ситуация, при которой несколько центральных банков оперировали, действовали в общем денежном пространстве. Такая денежная ситуация долго продолжаться не может, она требует определенности, мы движемся по направлению к этой определенности уже начиная с прошлого года. По существу, сегодня рубль в России — это, конечно, российская валюта, потому что мы не разрешаем прямую эмиссию рублей другими республиками на территорию России. Я думаю, что это естественная база для того, чтобы либо разойтись с теми республиками, которые хотят иметь собственные валюты, либо потом с теми, кто хочет всерьез иметь нормальную работающую рублевую зону с четко согласованными процедурами, с единым банком и т. д., провести переговоры и создать ее. Поэтому движение к российской национальной валюте, на мой взгляд, вполне естественный процесс, который идет сегодня.

— *Насколько значимыми являются для экономических реформ иностранные инвестиции в экономику России?*

— Иностранным инвестициям нельзя приказать увеличиться. Они либо приходят, либо нет. Естественно, есть набор мощных сдерживающих факторов. Это и правовая неопределенность, которую пока Верховному Совету не удалось устранить, и общая политическая и финансовая нестабильность. С другой стороны, есть, конечно, и факторы, связанные с тем, что Россия — это очень перспективный, очень интересный объект вложения средств, долгосрочно очень интересный, в связи с объемами рынка и ресурсов он может стать динамично развивающейся зоной, и, конечно, многие компании хотят здесь присутствовать. Для России в принципе этот вопрос интересный и важный, привлечение иностранных инвестиций, конечно, обеспечивает нам те рыночные связи, знания, навыки и умения, которых лишена как раз лучшая часть нашей экономики, в первую очередь оборонный комплекс. Вместе с тем, учитывая все-таки характер специфики российской экономики, вряд ли стоит ожидать, что ее рост в первую очередь и в определяющей степени в ближайшее время будет связан именно с иностранными инвестициями.

— *В конце 1980-х — начале 1990-х гг. конверсия обоснованно рассматривалась как важнейший внутренний ресурс для осуществления структурной перестройки российской экономики. Однако в реальности так и не была разработана действенная программа конверсии, процесс конверсии носит стихийный характер и не дает каких-то ощутимых результатов. Поэтому происходит разрушение огромного производственного и научного потенциала ВПК. Ваша точка зрения о причинах этого и возможных перспективах процесса конверсии.*

— Я думаю, что это очень неточная оценка того, что происходит в области конверсии. Как всякое предприятие, так и оборонные предприятия по возможности будут стараться делать все для того, чтобы сохранить сложившиеся способы и специализацию производств. И пока у них была возможность это делать, они как черт от ладана открещивались от необходимости выходить на новые структуры производства и осваивать новые технологии. Я помню, годами наши предприятия военно-промышленного комплекса писали пространные бумаги в правительство, почему они не могут

сделать то или другое, почему они не могут наладить выпуск нефтегазодобывающего, нефтеперерабатывающего, лесотехнического оборудования и многих других вещей. Когда в 1992 г. мы довольно решительно и жестко оставили военную промышленность без заказов, это, конечно, было тяжелейшим шоком для нее, но одновременно заставило искать новые рынки, выходить на них, осваивать новые производства. Буквально в течение месяца наши нефтяники оказались завалены предложениями о том, какое оборудование могут освоить наши оборонные заводы, которые раньше долго и подробно объясняли, почему они никогда в жизни ничего подобного сделать не смогут. Я думаю, что относительная стабилизация российской экономики сегодня по сравнению с той ситуацией, которая была в 1991 г., когда под угрозой были системы жизнеобеспечения, связана и с тем, что именно оборонные предприятия сегодня затыкают важнейшие дырки, которые образуются в связи и с разрывом связей с Восточной Европой, и с проблемами взаимоотношений с новыми государствами, сформировавшимися на базе Советского Союза, и т. д. Как только возникают проблемы со снабжением, перебои в кооперационных связях, именно на эти рынки сразу почти автоматически выходят оборонные предприятия.

— *Как известно, смысл приватизации госсобственности заключается в выборе наиболее эффективного собственника. Считаете ли Вы, что в результате принятого в России типа приватизации (когда вместо одного собственника в лице государства у предприятия появятся сотни и тысячи собственников) будет обеспечено более эффективное использование приватизируемой собственности?*

— Я считаю, что у нее есть один главный результат — она идет. Я считаю, что если мы уж договорились о том, что Россия не имеет шансов в будущем без рынка, то мы должны договориться о том, что в полностью огосударственной экономике, без частной собственности, рынок не может работать. Значит, если на этом пути мы не добьемся успехов, экономика России работать не будет. Значит, самое главное — это обеспечить реальность процесса приватизации. Я считаю, что по малой приватизации при всех ее издержках сегодня это процесс в значительной степени необратимый, по большой приватизации опять же можно спорить о деталях, но главное, что уже сегодня изменение отношений собственности и привати-

зации радикально меняет отношение директоров к собственным предприятиям, делу и т. д.

— *Какими Вы видите перспективы российской экономики и что сейчас является главным для продолжения и завершения рыночных реформ?*

— Главным сейчас, пожалуй, является финансовая стабилизация. Это важнейшее направление, от которого зависит общая экономическая стабилизация. Главным является продолжение процесса приватизации. В долгосрочной перспективе главной для нас является проблема создания надежной правовой базы для развития частного предпринимательства.

Наша цель — экономическое возрождение России

Всероссийская ассоциация приватизируемых и частных предприятий объединила более тысячи хозяйственных руководителей. Консолидация сил в поддержку курса экономических реформ ускорит вхождение нашего общества в рыночные отношения, окажет влияние на выработку законодательных и правительственных решений, приобщит к свободному предпринимательству миллионы людей. Ассоциация станет той общественно-политической структурой, которая защитит интересы частного бизнеса в целях экономического возрождения России. О программных документах ассоциации, ее целях и задачах рассказывает ее президент, Е. Т. Гайдар.

— В прошлом году пресс перемен, который обрушился на предприятия, образовал достаточно необычную спайку интересов практически всех хозяйственных субъектов, как потенциально жизнеспособных и эффективных, так и менее эффективных. Эта спайка вызвана заинтересованностью в сохранении высокого уровня государственной поддержки и высокой инфляции. Дело в том, что всегда, в любой экономике есть предприятия, которые могут выжить только при значительных государственных дотациях и дешевых кредитах, они заинтересованы в инфляции, потому что иначе просто станут банкротами. В противовес им есть предприятия, заинтересованные в низких налогах и финансовой стабильности.

Но в прошлом году все предприятия оказались в шоке от перехода на новую систему связей, от резкого сокращения оборонных заказов, разрыва традиционной кооперации со странами содружества. Все это создало парадоксальную ситуацию, при которой даже очень эффективные, перспективные предприятия попали в безвыходное положение и вынуждены были возлагать основные надеж-

Интервью брала Надежда ИЛЬИНСКАЯ.

Опубликовано в: Экономика и организация промышленного производства. 1993. № 6. Июнь.

ды на ослабление кредитно-денежной политики и кредитную поддержку государства.

С конца 1992 г. по мере адаптации экономики к новым условиям, к рыночному регулированию этот единый блок, который по существу сломал проведение последовательной антиинфляционной политики, начал размываться. Стало ясно, что у нас существуют предприятия и секторы экономики, которые могут не только выжить в рыночных условиях, но и быть весьма эффективными. Они заинтересованы в сокращении налогового бремени и обеспечении финансовой стабильности. Но есть и большое число предприятий, способных жить только на дотации.

Размежевание между этими двумя группами предприятий, между теми, кто поддерживает долгосрочную высокую проинфляционную политику, и теми, кто заинтересован в стабилизации экономики, сегодня, на мой взгляд, стало водоразделом между основными группами, от которых зависит положение в экономике. Именно они будут определять и политическое развитие общества в ближайшие месяцы.

— *Егор Тимурович, Вы совершенно сбрасываете со счетов влияние политических партий?*

— Политические партии пока предельно слабы и неорганизованы, и если что-то будет оказывать влияние на политические решения, то это расстановка сил и интересов в основных хозяйственных и финансовых структурах, которые будут пытаться проводить свои решения через существующие органы власти или формируемые ими организации.

— *Эксперты считают, что общее развитие экономико-политической ситуации приобретает довольно опасные тенденции с точки зрения развития частного бизнеса. Не могли бы Вы прокомментировать нынешний правительственный курс?*

— Смена правительства в конце декабря, естественно, внесла элемент нестабильности просто в силу изменения ожиданий. Это вполне понятно и естественно, ибо население всегда отвечает на смену власти ростом социальных ожиданий. К тому же на фоне организационной неразберихи в конце декабря были выданы крупные дополнительные кредиты: буквально за неделю — на 1,3 трлн руб.! Это, естественно, не могло не сказаться на динамике цен...

Правительство с 15 января существенно скорректировало курс, отказалось от попыток заморозить цены, несколько раз декларировало приоритет финансовой стабилизации, провело ряд мер, которые не имели принципиального характера, но все же демонстрировали волю к движению по пути реформ и финансовой стабилизации. В целом это позволило в первом квартале сохранить основное направление курса реформ и продолжить с февраля линию на уменьшение финансовых диспропорций и сокращение денежной массы. Именно на этой основе удалось к марту несколько снизить обесценивание курса рубля по отношению к доллару и обеспечить последовательное снижение недельных темпов инфляции.

К сожалению, с конца марта развитие событий в экономике приобрело сугубо политические черты. Обострилось политическое противоборство, которое, естественно, привело к эскалации обещаний с обеих сторон — обещаний, крайне опасных для нашей больной экономики. Вот некоторые примеры. В тех регионах, где все месяцы, несмотря на наши настоятельные советы, продолжали дотировать важнейшие продукты питания, именно за 20 дней до референдума отменили дотации. В это же время принимается решение заморозить цены на нефтепродукты, не размораживая цены на уголь, повысить стипендии студентам и аспирантам и т.д. За эти обещания всем нам придется платить — я имею в виду тот сектор экономики, который может платить, который конкурентоспособен и производителен.

С апреля явно прослеживается ослабление финансовых ограничений в работе правительства, появляются документы, не согласованные с Министерством финансов РФ, резко растут ассигнования, иногда в несколько раз, особенно в агропромышленный комплекс. Естественно, это создает базу для усиления инфляционного давления. Отсюда возникают «новые» идеи восстановления традиционного исполнительного контроля, главной задачей Министерства экономики провозглашается наведение порядка, проведение селективных совещаний и т.д. Здесь вполне понятная опасность состоит в том, что на фоне такой политики могут «откручивать головы» не только директорам государственных предприятий, но и руководителям частного сектора, приватизированных предприятий. По существу, это означало бы свертывание реформ. Эти тенденции особенно заметны на фоне той борьбы, которая разворачивается

вокруг дальнейшей стратегии приватизации, особенно в сфере военно-промышленного комплекса.

Казалось бы, все ясно: государство должно либо обеспечить эти предприятия оборонными заказами, либо отпустить их на свободу. Сейчас сложилась тяжелая обстановка вокруг приватизации целого комплекса крупнейших оборонных предприятий, особенно в Санкт-Петербурге. Государство не может обеспечить многие заводы оборонными заказами и вместе с тем не разрешает их приватизировать. Есть явные признаки того, что отраслевые министерства рвутся к контролю за процессом приватизации и особенно к контролю за пакетом акций, чтобы попытаться восстановить традиционные механизмы управления предприятиями.

В этой сложной ситуации наша ассоциация должна поддержать те реформистские силы в правительстве, которые там есть.

— *У всех на памяти заявления членов Вашего правительства: «Если уйдет Гайдар, мы все подадим в отставку». Вы ушли, но заявлений об отставке не последовало...*

— Мы должны ориентироваться не на скорейший уход своих единомышленников из правительства, а, наоборот, на их поддержку, потому что их уход означал бы резкое ослабление наших собственных позиций, в том числе неизбежный рост дискриминации частного и приватизированного сектора. Надо постараться помочь тем политическим силам, которые объективно заинтересованы в финансовой стабилизации и продвижении курса реформ.

Поскольку ассоциация провозгласила своими целями защиту интересов приватизируемых и частных предприятий, мы должны иметь сильные региональные отделения. Они уже сформированы в Москве, Санкт-Петербурге, на Урале. Думаю, к июлю мы завершим эту организационную работу.

В соответствии с правом, которое делегировал мне Учредительный съезд, я назначил исполняющим обязанности исполнительного директора ассоциации Алексея Леонардовича Головкова. Впоследствии, когда сформируются региональные структуры, проведем пленум и там уже окончательно решим кадровые вопросы.

— *Каковы основные направления деятельности ассоциации, ее приоритеты в вопросах стратегии и тактики реформ?*

— Приватизируемые и частные предприятия первыми вступили на путь экономических преобразований и рыночных реформ. Они

на себе почувствовали и правовой вакуум, и отсутствие рыночных механизмов управления, и неподготовленность кадров для работы в рыночной среде. Отсюда и наши приоритеты. Мы наметили направление на максимальное, эффективное использование технической помощи и технического содействия Запада в подготовке кадров для участников ассоциации. Квалифицированные специалисты быстрее смогут формировать цивилизованные конкурентные рыночные отношения и защищать свои экономические и социальные интересы.

Мы уже подготовили несколько проектов. Первый из них — девятидневная экономическая школа в Санкт-Петербурге, которую мы открываем в июле. Она позволит работникам ассоциации получить качественное, западного уровня, экономическое образование. Задача такая: помочь человеку, который имеет советский экономический диплом и говорит по-английски, на основе интенсивного курса с привлечением лучших западных преподавателей довести его знания до уровня, соответствующего западному диплому.

Естественно, эта программа предполагает отбор людей, которые способны по ней учиться.

В первую очередь мы будем рекомендовать работающих на предприятиях молодых экономистов, подающих надежды, которых руководители намерены выдвигать. Это очень полезное расширение образования, а дальше они смогут свободно взаимодействовать с любыми структурами в мире.

Другую программу можно условно назвать «Лидер». Ее цель — дать базовое образование, особенно молодежи, чтобы поддержать формирование следующего слоя политиков. Надо определить круг специалистов, которых ассоциация сочла бы возможным выдвигать с течением времени в Советы всех уровней на следующих выборах и обеспечить им базовое образование.

— *Но можно ли быстро переподготовить кадры для частного сектора, если они воспитаны в антирыночном обществе? Как преодолеть психологический барьер?*

— Мы договорились о программе западных стажировок, в первую очередь по линии фондов и ассоциаций поддержки малого и среднего бизнеса. Основные приоритеты здесь — финансовый сектор, агропромышленный комплекс, переработка сельхозпродукции, сервисные отрасли, сфера обслуживания. Финансовые за-

траты берет на себя принимающая сторона. За нами подбор слушателей и программ. Скажем, две недели теоретических занятий и две недели работа в фирме. Для хорошо подготовленных специалистов — четыре недели работы в фирме без всяких предварительных семинаров. В общем, здесь проблемы не финансовые, а организационные.

Есть и еще один проект, он находится сейчас в стадии проработки. Его передал по нашей просьбе Борис Николаевич Ельцин Биллу Клинтону в ходе встречи в Ванкувере. Это масштабная программа стажировок за рубежом российских бизнесменов, предпринимателей, особенно руководителей мелких предприятий. Суть ее в четкой обратной связи, предполагающей возможность оказания им в дальнейшем различных форм поддержки, скажем, предоставление ограниченных кредитов для начала собственного дела либо только на отечественной основе, либо частично на отечественной и международной основе. Думаю, этот проект мы начнем осуществлять в регионах. Региональному отделению проще подобрать молодых предпринимателей для такой стажировки. После краткосрочной подготовки они поедут на стажировку в соответствующие фирмы зарубежных стран. По возвращении, если регион готов предоставить в аренду, например, гостиницу и оказать кредитную поддержку за счет местных ресурсов, можно будет обеспечить дальнейшее развитие такого предприятия.

— *Каким образом?*

— Есть разные возможности. Например, для тех, кто пройдет по конкурсу, будет предоставлена финансовая поддержка с западной стороны. Этот проект более долгосрочный, масштабный, он сейчас находится на проработке в американской администрации и в ряде структур, которые потенциально могли бы оказать содействие.

— *Какие конкретно структуры Вы имеете в виду?*

— Ассоциация губернаторов, Ассоциация мэров городов США и крупные американские корпорации.

Интересный проект предложили мы и Европейской комиссии. Образно говоря, это «свадебное бюро» для российских и зарубежных предприятий. Эта структура будет обеспечивать российские предприятия информацией о возможностях и потребностях западных контрагентов, а западный рынок — аналогичной информацией

о российских контрагентах. По сути, это будет рекламно-информационное бюро, работающее в две стороны.

Еще одно направление — нормотворческая деятельность. Законодательное обеспечение становится в последнее время одним из факторов, тормозящих радикальные экономические преобразования в стране. Откровенная антиреформенная направленность проектов отдельных нормативных актов, рассматриваемых Верховным Советом России, блокирование рассмотрения и принятия законов, необходимость которых диктуется самой жизнью, грозят превратиться в хронический недуг постоянного отставания законодательства от реалий жизни. Противоречивость многих положений различных законов ставит в тупиковую ситуацию хозяйственных руководителей, правоохранительные и судебные органы и фактически лишает предприятия возможности судебной защиты своих интересов, в том числе от произвола чиновников. С июля прошлого года в Верховном Совете лежит без движения новый проект Гражданского кодекса. А это необходимая правовая основа рыночной экономики. Представьте: если завтра изменится политическая обстановка, все члены нашей ассоциации могут попасть в тюрьму на основе ныне действующего законодательства.

Мы должны сосредоточить внимание на нормативных актах федерального уровня, обеспечивающих защиту частной собственности, на разработке земельного законодательства, на принятии разумных законов об акционерных обществах и товариществах, на корректировке Уголовного, Гражданского и Градостроительного кодексов. А пока административный аппарат, пользуясь старым законодательством, парализует инициативу частных капиталовложений в развитие производства. Все надежды на то, что возможно какое-то масштабное государственное инвестирование в экономику, просто иллюзорны. Таких денег у государства нет и не будет.

Ассоциация уже разработала программные документы, отстаивающие приоритеты в вопросах стратегии и тактики экономической реформы в области государственного управления, финансово-кредитной и налоговой политики, банковской деятельности, приватизации, конверсии предприятий оборонных отраслей, антимонопольного регулирования, земельной реформы, внешнеэкономической деятельности.

Ассоциация будет активно участвовать в разработке проектов законов, указов Президента и постановлений Правительства России и реализации мер по их осуществлению.

Для успешной реализации радикальных экономических преобразований России необходима сильная государственная власть. Ассоциация заявляет о своей поддержке стратегического курса экономических реформ и готова использовать все имеющиеся в ее распоряжении возможности для содействия скорейшему выходу России из кризиса, ее экономическому и культурному возрождению.

Переворот имени Гайдара

Человек года-92: Рыночек еще бедненький

— Во многих письмах, пришедших на наш конкурс¹, люди говорят о Вас, Егор Тимурович: этот человек изменил нашу психологию. Можно долго спорить о роли личности в истории, предполагать, что, окажись на месте Гайдара другой человек, он делал бы во многом то же самое, но... То, что произошло с нами за последние месяцы, прочно связано с Вашим именем. Любитель сочных образов Василий Аksenov сказал как-то о «гайдаровском пинке в задницу матушке-России», не забыв, правда, подчеркнуть, что пинок этот был «очень полезен». Что чувствует человек, благодаря которому произошел перелом сознания миллионов людей?

— Мне действительно очень трудно говорить, в какой степени это было связано с какими-то личностными моментами. Что-то удалось сделать, что-то нет... Но, оценивая в целом 1992 г. и что произошло, я с Вами согласен в главном: Россию удалось сдвинуть. Я просто очень хорошо помню атмосферу 1990–1991 гг. Предыдущие годы — 88-й и 89-й — это совсем другое: заря демократии, мы наконец поумнели, социализм уже не строим... Все думали: вот сейчас польется поток материальных благ, еще немного — и американский уровень жизни в окошко постучится.

— Не постучался...

— И в период 1990–1991 гг. на фоне ощущения экономического развала постоянно нарастало чувство глубокой тревоги, кризиса, безнадежности. Это чувствовалось по прессе: когда отключат тепло? когда наступит голод? когда кончится гуманитарная помощь?

— Когда придут десантники, когда случится военный переворот... Это чувствовалось и по книгам, и по фильмам, многие из которых

Интервью брал Михаил ГУРЕВИЧ.

Опубликовано в: Московский комсомолец. 1993. 10 июля.

¹ Конкурс «Человек года-92», объявленный газетой «Московский комсомолец». — Прим. ред.

подошли уже к 92-му: или вариация на тему переворота, или самый мрачный за всю перестройку сплав чернухи с уголовщиной, т.е. все плохо.

— Это тяжелое чувство безнадежно больной страны, где все торопятся, делают огромные состояния (а в 1990–1991 гг. возможности были фантастические: можно было встать, повесить на себя табличку «Я предприниматель», собирать деньги в мешок и быстро-быстро слинять, бежать отсюда как можно дальше).

Если сравнить 90-й и 91-й с последующими двумя годами, то при всех проблемах, при всех постоянно повторяющихся словах о тяжелом кризисе, о катастрофе общая атмосфера в стране (может быть, я не прав) существенно изменилась. Люди больше смотрят в будущее, а не копаются в своем прошлом.

— *Интервью с Вами появится на полосе «Успех». Как Вы сами оцениваете тот год, в котором Вы возглавляли правительство, и те семь месяцев, что Вы вне его? Что удалось? Что не получилось?*

— Если подводить итоги, что удалось, что не удалось сделать... Понимаете, политика — это искусство возможного. Мы начинали реформу в очень интересной ситуации, когда можно было долго перечислять, чего у нас не было и почему реформы проводить нельзя. Я сам мог прекрасно объяснить, почему в 92-м проводить их нельзя. Не было стабильной поддержки в парламенте, не было нормальных, дееспособных институтов власти (армии, таможни, милиции), они были поражены кризисом власти начала 90-х. Шестнадцать центральных банков вместо единого. Не было традиций частного предпринимательства, не было сильного частного сектора, как в Польше. Не было ни копейки валюты, золотого запаса, возможности привлечь свободные ресурсы на международном финансовом рынке. Но плюс к этому у нас не было возможности ждать, ничего не делать и объяснять, почему ничего нельзя делать...

Сравнивая не с идеальной даже картиной (начинали бы мы в более удобных условиях, имели на своей стороне парламентское большинство, которое не принимало бы постоянно дестабилизирующих решений), а сравнивая с 91-м и с тем, чего общество ждало тогда, видим: многие принципиальные вопросы удалось решить. Я бы выделил две вещи очень для меня дорогие.

Первое. Из общественной жизни как главный ее фактор ушел дефицит ресурсов. Сейчас все, кажется, позабыли про очередь, а ведь

она была не одной из характеристик общественной жизни, а сутью общественной жизни. Статус человека определялся так: есть ли у него достаточно знакомых, способных достать дефицит; живет ли он в городе, где более-менее можно достать дефицит; работает ли он в системе, которая позволяет достать дефицит; занимает ли он соответствующую должность... Если вы имеете деньги, но покупаете дорогой товар, который есть во всех магазинах, это подчеркивает вашу полную никчемность. Очередь — это был целый социум. Огромная масса людей была занята тем, что обсуждала: где стоять? как попасть в очередь? что в других очередях? Вспомните эти электрички, которые шли в Москву...

— *Это называлось «колбасные поезда»...*

— Да что электрички — самолеты! Мы были единственной страной, где летали на самолетах, чтобы купить два килограмма отравительной колбасы, которую есть невозможно. Вот что было, по моему глубокому убеждению, сутью. Это ушло не до конца, но сейчас это на периферии общественной жизни.

Рыночек еще бедненький, есть еще попытки административного контроля. Я вижу, какое доставляет наслаждение, когда удастся создать дефицит (хотя бы все эти манипуляции с бензином). Ведь у людей, сидевших на дефиците и создававших дефицит, ломается их мир, когда все понимали их роль в жизни. Их забывают, к ним больше не ходят на поклон, не просят, более того, самое унижительное — они теперь должны думать, как продать товар. Согласитесь, никто (ну подавляющее большинство) не верил, что от этого можно уйти. Мне говорили: «Вы что, верите, что очередей не будет? Вчера родились? Десять лет назад было, пятнадцать лет назад было, двадцать». Все ощущали: это будет всегда.

Второе, что удалось сделать, — дали очень сильный импульс демилитаризации экономики. В доперестроечные времена экономист Юрий Васильевич Яременко жаловался, что неинтересно изучать российскую гражданскую экономику, это то же самое, как изучать роль подсобного хозяйства крупного завода. Она работала, чтобы работала военная экономика, все шло туда. И когда мы начали обсуждать в условиях 1992 г. сокращение, конверсию, нам говорили: «Давайте отложим, пока не будем». Опять выбор: либо ничего не делать, либо начинать всерьез, сокращать на 65% производство массовых вооружений, сокращать то, без чего мы можем обойтись.

Тоже никто не верил, что это станет реальностью. Наш военный сектор оказался мощным и адаптательным, способным начать перестраиваться. Надо только помогать ему идти в этом направлении.

— *А неудачи, незавершенности?*

— Масса вещей, которые сделать не удалось, все скучно перечислять. Что очень жалко, на мой взгляд, — не удалось добиться финансовой стабильности, свести уровень инфляции, загнать его в приемлемые рамки. Кстати говоря, опыт 1992–1993 гг. в России прекрасно продемонстрировал действенность экономических антиинфляционных процедур. Наша экономика во многом специфическая, а тут оказалось, что она вполне нормально реагирует на денежные сигналы.

Отсутствие стабильной политики в Верховном Совете и подчиняющемся ему Центральном банке существенно осложнило использование стандартных рычагов стабилизации. Почитайте газеты за середину прошлого года: тогда сложилась мощная проинфляционная коалиция. Говорили, что у нас инфляция не носит денежного характера, но является затратным феноменом — массу всякой ерунды. За последний год жизнь дала очень хороший шанс проверить эти гипотезы, вот и получился рост реальной денежной массы, падение курса рубля, ускорение роста розничных цен. А ведь реальная денежная масса, получаемая делением номинальной денежной массы на индекс цен, — это величина конечная. И если ты кому-то даешь деньги, значит, у кого-то забираешь. Нужно понять, что борьба с инфляцией вопрос не техники, а политической поддержки. Сам масштаб адаптации к новым ценам, развал связей внутри СНГ, новая система валютного регулирования, банкротство Внешэкономбанка, конверсия — эти параллельно идущие процессы породили в обществе глубокое заблуждение, что спасение только в массовой накачке денег в экономику. И этой мощной атаке (Верховного Совета, прессы, лоббистов) противостоять было невозможно. Возможно было только расколоть этот фронт, выявить часть, которая поймет, как надо обращаться с деньгами, и увидит для себя перспективы вхождения в рынок, и лишь после этого переходить к жесткой антиинфляционной политике.

Что еще не удалось... Создать нормальные правовые структуры для работы рыночной экономики и частных предприятий. Клас-

сическая печальная история — Закон о банкротстве. Его долго не принимали, начали рассматривать только после того, как вышел наш указ, и когда его все-таки ввели, выполнять его и регулировать выполнение было уже невозможно.

— *Доводы Ваших противников известны и малоубедительны. Непримиримые во главе с Руцким голосят: «Верните нам молоко за 32 копейки». Как-то недооценила общественность экономиста-спикера, специалиста по канадской экономике¹. Есть у Вас достойный оппонент, с кем Вам просто интересно спорить?*

— Из ученых-экономистов, кто не поддерживает в чем-то моих убеждений, с кем я не согласен, но к кому отношусь с глубоким уважением и кого читаю с интересом, — Юрий Васильевич Яременко.

— *Егор Тимурович, Вы азартный человек? Я вспоминаю Вашу знаменитую теледуэль с Руцким; многие тогда отметили, как энергично и вдохновенно работал «тихий» Гайдар и как дергался и покрывался лиловыми пятнами герой-летчик.*

— Если б я не был азартным человеком, я никогда бы не ввязался в управление нашей страной в 1991 г.

— *Любопытно сейчас вспомнить, как же Вы «ввязались». Кто предложил Вам этот крест?*

— Это было приблизительно так. Я работал в своем Институте экономической политики. Мы были далеки от вовлечения в политическую борьбу, хотя и делали работы, анализы по заказу союзного и российского правительства. Совсем незадолго до августа 91-го мне позвонил Алексей Головков, работавший тогда в аппарате Бурбулиса, которого я хорошо знал по работе в Центральном экономико-математическом институте. Он предложил мне стать госсоветником по экономике у Ельцина. Я сказал, что это тема для серьезной беседы и надо поговорить и все выяснить. Это было, кажется, 15 августа. А 19 августа я звонил Головкову и говорил, что если я могу быть чем-то полезен в этой ситуации, то я согласен. Собственно, тогда я и оказался впервые вовлечен в российскую политику.

А после провала путча было сильное ощущение нарастающего беспокойства от того, что ситуация радикально поменялась, появились новые возможности, новые риски, но от российского пра-

¹ Намек на Р. И. Хасбулатова. — Прим. ред.

вительства ничего не было видно — ни ответственности, ни динамизма. С каждой неделей нарастало беспокойство: победа долго не протянет. И вот меня попросили дать предложения, как строить политику Правительства России. Я подключил коллег, многие из которых перешли потом работать в правительство, мы готовили материалы для Ельцина. Он приглашал меня, мы разговаривали об экономических проблемах, о наиболее болевых точках, что можно, чего нельзя. А потом довольно неожиданно я получил информацию, что подписан указ о моем назначении вице-премьером и министром экономики и финансов. Это было 5 ноября, я находился в этот момент в кабинете у Гены Меликьяна, тогда работавшего в Межрегиональном экономическом комитете, а ныне министром труда. Разговор с Борисом Николаевичем по поводу моей деятельности в правительстве состоялся уже после назначения.

— *А сейчас Вы часто общаетесь с Ельциным?*

— Президент — человек очень занятой. Надо представить себе график работы президента. Мы с ним разговариваем, но отнюдь не часто. Даже когда я был премьер-министром, мы с ним «очень часто» не общались. Ну и, конечно, я продолжаю взаимодействовать с многими, с кем вместе работал.

— *Как работает «команда Гайдара» без Гайдара? Удалось сохранить прежнюю линию?*

— В работе каждого правительства всегда присутствует момент выбора непростых решений, всегда есть группы давления, лоббирования, надо учитывать ограниченное количество ресурсов. В целом, конечно, в работе правительства очень видны колебания и противоречивые решения. Я считаю главным итогом этих семи месяцев, что не произошло радикального развала. Этого многие ждали, многие опасались, но этого не произошло. Уже само по себе это достоинство, чтобы постоянно идти по одному принципиальному направлению.

— *Что-то у нас какая-то изначально пессимистично ориентированная система координат. Типа «счастье есть отсутствие несчастья». Не ворует, не убивает? Спасибо тебе, хороший ты человек. Не произошло катастрофы, не рухнула вся программа реформ? Господи, как здорово, спасибо Черномырдину. Неужели можно постоянно давать оценки с таких позиций?*

— Давайте опять же вспомним. Вторая половина декабря прошлого года, общее ожидание. Ликование у противников, уныние у нас: скоро реформам откроют голову. Это надо помнить. За прошедшие полгода было разное, много несделанного, из-за неразберихи процесс создания структур рыночных институтов идет медленнее. Но в декабре никто не думал, что сегодня мы будем в этой точке, что будем продолжать ту же линию, т. е. я-то думал, я был уверен, что будем продолжать.

— *Мы с Вами предварительно договорились об интервью во время случайной встречи в Центральном доме кинематографистов: Вы шли на заседание гильдии сценаристов. Хоть ЦДК давно уже стал своего рода Меккой демократического движения, вероятно, сама атмосфера Дома кино дает возможность переключиться и расслабиться. Есть у Вас занятие, что называется, для души?*

— Самое большое удовольствие — чтение профессиональной экономической литературы. Конечно, когда приходишь домой в половине двенадцатого ночи, этого делать нельзя, но если выдается свободное время — всегда стремлюсь посмотреть свежую литературу по экономическому развитию, по финансам, по советской экономике. Сейчас идет поток интересных работ по постсоветской экономике. Это чтение для меня самое приятное из всех видов отдыха.

Сентябрь 1992 г. Президент России встречается с молодежью. В ответ на брошенную кем-то из молодых реплику об «идеологии шестидесятников» Ельцин, показывая на сидящего рядом Гайдара, сказал: «Гайдар не шестидесятник, он девяностник, он ваш». По словам президента, единственным шестидесятником на встрече и на политическом олимпе России являлся он сам.

— *У Вас трое детей, что бы Вы хотели им пожелать?*

— Чтобы они жили в свободной стране, где четко гарантированы права собственности и обеспечено эффективное выполнение законов.

— *Давайте вернемся к тому влиянию, которое Гайдар оказал на российский народ. Изменилось отношение к деньгам. Раньше сто рублей — это было сто рублей, предел, вершина. А сейчас — фантики, резаная бумага. Когда я говорил на эту тему с министром финансов Борисом Федоровым, он сказал, что сам полжизни сторублевок не ви-*

дел. Но когда я спросил его, не стоит ли провести денежную реформу, чтобы просто переделать сотню в рубль и людей не гипнотизировало количество нолей, он сказал: «Нет-нет, ни в коем случае».

— Я не буду спорить с министром финансов. Хотя, честно говоря, чего нельзя делать? Нельзя проводить жесткой реформы: моментального обмена старых купюр на новые. Это очень вредно в нынешней ситуации. А мягкая реформа, т. е., проще говоря, параллельное хождение купюр старого и нового образца, я никаких проблем в этом не вижу, рано или поздно это придется делать. Есть два типа денежных реформ. Первый — когда объявляют: с 21-го числа эти купюры недействительны и вводятся новые. В течение дня поменяйте их в сберкассе, а что не успели — спрячьте и забудьте или придите за ними через десять лет. Этого делать категорически нельзя. И второй тип — просто становится в 2 раза меньше нулей, а старые деньги постепенно будут вытесняться. Это удобство, я был бы счастлив сейчас два ноля отбросить — и средняя заработная плата станет 370 руб. Раньше она в 2 раза меньше была. Зато и мясо сейчас стоит десятку. Хотя такая реформа сейчас, мягко говоря, не первоочередная задача.

Декабрь 1992 г. Когда на прошлогодней церемонии вручения «Ники» директор Дома кино Юлий Гусман объявил, что приз за лучший документальный фильм будут вручать Лидия Федосеева-Шукшина и Егор Гайдар, зал устроил снятому пять дней назад и. о. премьеры овацию, какой могли бы позавидовать и главные лауреаты. «Правда», в которой Гайдар в свое время руководил отделом экономической политики, тогда съехидничала: киношники аплодировали человеку, обобравшему их до нитки.

— Ваше правительство в начале пути называли «правительством камикадзе», говорили «сделают грязную работу и выпрыгнут в окно». Однако камикадзе приносит не только себе, но и окружающим некоторый вред и неудобства. Скажите, Вы предполагали, что к Вам будет такое отношение, Вас назовут «человеком года»? И это при том, что у нас и менее реформистски настроенных правителей отнюдь не жалуют.

— Честно говоря, реакция общества была гораздо более взвешенной и гораздо более позитивной, чем кто-либо когда бы то ни было ожидал. Я был готов к гораздо худшему. Да и все мы этого ожидали. Просто еще одно доказательство, что мы (кстати, в российских тра-

дициях) думали о народе, о нашей стране хуже, чем они есть на самом деле. На самом деле наш народ гораздо мудрее...

— На эту осень никаких выборов еще не назначено, однако все большие и маленькие политики так активно включились в избирательную кампанию, будто выборы объявлены аж в августе. Недавно Вы стали одним из лидеров блока «Выбор России». Каковы его задачи?

— Я начну с личного момента. В 92-м я встречался с моим единомышленником министром финансов Чехии Вацлавом Клаусом (ныне премьер-министром). Он очень критиковал меня и Лешека Бальцеровича, что мы не занимаемся созданием устойчивой политической базы. Нельзя, говорил он, строить ответственную экономическую политику на поддержке одного человека, даже если этот человек президент. От этого зависит устойчивое положение страны, это закон. Я тогда отмахнулся, а это урок и для Восточной Европы, и для нас.

Мы смогли запустить рынок, удалось начать приватизационный процесс, демонтировать традиционные механизмы в этой дефицитной экономике. Но сделать, чтобы ее рост увеличивался, а не сокращался, чтобы рыночная модель дала результаты, невозможно без политической базы стабильного рыночного развития. Для меня очевидно, что рынок будет расти и в первую очередь необходима защита рынка, защита структурной перестройки, частного капитала, частных вложений. Тогда окрепнет рубль, будут гарантии на собственность и Россия войдет в сообщество развитых государств в качестве равноправного достойного члена.

— Какой-то пасьянс из кандидатур Вы уже раскладывали?

— О кандидатурах пока говорить рано. Сейчас идет процесс работы — и в центре, и на местах. И наш призыв к регионам: давайте объединимся, придумаем формы взаимодействия. Нужно помочь регионам сформировать эту политическую структуру, именно они должны предлагать и кандидатов, и механизм взаимодействия.

Апрель 1993 г. В Москве учреждена Всероссийская ассоциация приватизируемых и частных предприятий. По словам ее президента Егора Гайдара, ассоциация станет первым объединением, которое будет защищать интересы возникающего в России класса частных собственников и оказывать ему всестороннюю практическую помощь. Под помощью подразумевается проведение экономической и социальной политики, отвечающей

интересам членов ассоциации и всего частного сектора, содействие включению ее членов в международное разделение труда и формирование в обществе позитивного отношения к рыночным реформам и частной собственности. Та самая необходимая сильная политическая база реформ. Ассоциация надеется прежде всего на интеллектуальный потенциал реформаторского крыла российской научной и предпринимательской элиты, на быстро расширяющуюся социальную базу частного сектора, ну и, как сказано в рекламном проспекте, на высокий международный авторитет руководства ассоциации, разумеется.

Июль 1993 г. Институту экономики переходного периода, которым руководит ныне президентский консультант Егор Тимурович Гайдар, отдали часть этажа густозаселенного здания в центре Москвы. Сотрудники ИЭП-Па говорят, что раньше здесь был какой-то промышленный департамент. Возможно, каждый день, идя на работу, Гайдар проходит мимо портретов Попова, Лодыгина и Циолковского.

— Скажите, Егор Тимурович, у Вас есть мечта?

— Есть.

— Если не секрет, какая? Или боитесь сглазить?

— Лучше промолчу, чтоб не сглазить.

Провинция — место бартера ...

«Чем сейчас занимается Гайдар? Не оказался ли он в стороне от реформ?» — интересуются наши читатели. Нет, Егор Тимурович возглавляет Институт экономических проблем переходного периода, который помогает различным российским регионам вписываться в рынок: разрабатывает инвестиционные программы.

— Егор Тимурович, Вы не раз говорили, что верите в будущее ярославских проектов, в частности, и потому, что область в целом находится в хорошем состоянии. Даже строительство здесь не упало за последние годы — случай уникальный для России, практически единственный... Но каким образом достигается это благополучие? Строительство ведется благодаря тому, что все предприятия в принудительном порядке облагаются дополнительной налоговой данью. Промышленность держится на бартере, причем также централизованном и принудительном: что на что менять, решает областная администрация. А сельское хозяйство, которое вообще не может быть эффективным в нынешнем виде в здешнем климате, на неплодородных почвах выживает на бесконечных дотациях, пожирающих более половины областного бюджета. В итоге ярославские торговые базы забиты местным 1200-рублевым сливочным маслом, а орловское по 900 область брать отказывается... Все это как-то мало похоже на рынок, скорее на консервацию административно-командной системы. А Вы не допускаете мысли, что Гайдара пригласили сюда лишь в надежде выбить шальные деньги под громкое имя?

— Я думаю, что, подключая наш институт, разные люди в Ярославле преследовали разные цели. Когда говорят «российское правительство хочет того-то...», я знаю, что не существует такого понятия «российское правительство». И если чего-то одни люди там

Интервью брала Ирина САВВАТЕЕВА.

Опубликовано в: Комсомольская правда. 1993. 23 июля.

действительно хотят, то это вовсе не значит, что того же самого хотят и остальные. Нет оснований полагать, что на региональном уровне дело обстоит иначе.

В Ярославле, без всяких сомнений, есть люди, которые действительно хотят изменить ситуацию в области, разработать и внедрить разумные программы. Хотя некоторые, конечно, и так рассуждают: сейчас пригласим Гайдара и западные инвестиции хлынут потоками под ваши любимые программы... Но это жизнь. Она так устроена. Наша задача в этой ситуации состоит в том, чтобы нормально делать свое дело: помогать формулировать разумную рыночную политику и проводить ее в жизнь.

Мне известны попытки разных регионов адаптироваться к рынку. И должен сказать, что действия ярославцев с 1 января 1992 г. более или менее типичны. Точнее, так: типично-инновационны. Это разумный, здравый тип реакции на новые обстоятельства.

Но, конечно, 1990–1991 гг. в стране вообще прошли под знаком бартерной экономики. Под бартер были созданы все управленческие структуры, и до сих пор они используются регионами для обеспечения собственного рынка. Однако сегодня жизнь оттуда уходит. Если два года назад телефон у главы администрации трезвонил из-за сахара, зерна, подсолнечного масла, а он, глава, в свою очередь, «вопросы по сахару» ставил перед Москвой, то теперь он этого уже не делает, потому что проблема уходит из жизни: зерно у него в запасе до декабря, а массу ресурсов можно просто купить за деньги.

Да, сегодня еще очень сильно мышление, ориентированное на натуральное хозяйство: все, что нужно для жизни, обеспечим собственными силами! До сих пор недалеко от Полярного круга мы сеем пшеницу и выращиваем помидоры. То же самое с промышленными проектами. Но ведь это жизнь заставляла людей вести себя именно так.

На самом деле я поражен скоростью научения нашего общества игре по новым правилам. Это произошло гораздо быстрее, чем предполагал кто бы то ни было: я, мои друзья, международные эксперты. Думаю, области, столкнувшись с реальностями 1993–1994 гг., начнут довольно быстро адаптироваться к новой ситуации в экономике и по-другому формировать собственную экономическую политику, если, конечно, не сломается финансовая ситуация, если

не будет радикального отката назад. Вообще наиболее серьезные опасения вызывает сегодня то, что общество привыкает к высокой инфляции. Появляются встроенные механизмы индексации. И это делает болезнь трудноизлечимой.

— *Какова, на Ваш взгляд, доля регионов, уверенно входящих в рыночные отношения?*

— Сложно ответить на такой вопрос. Дело в том, что все регионы России немножко специфичны. У каждого свои проблемы, свои болячки. В одном — нестабильная социально-политическая ситуация на границе, а все остальное хорошо. В другом — очень тяжелая структура экономики, огромная доля военно-промышленного комплекса. А в третьем все бы неплохо, да замучили тяжелейшие транспортные проблемы. Территорий, где все замечательно, вообще не существует.

— *Какие территории сегодня, на Ваш взгляд, продвигаются в первых рядах на пути к рынку?*

— Я бы не хотел называть конкретные регионы по принципиальным соображениям. Но карту лидеров реформирования Вы можете построить сами — по срокам размораживания цен на базовые продукты питания в 1992 г. По целому комплексу политических причин нам не удалось сразу разморозить их на федеральном уровне. Хотя ясно было, что держать цены — дело безнадежное.

И второй показатель «продвинутости» в рынок: как быстро регионы подхватили приватизацию. Хотя и здесь нет простой схемы. Скажем, Санкт-Петербург запоздал с началом, там тщательно отрабатывалась правовая база. Уверенно он пошел где-то с начала лета 1992 г. и очень быстро стал одним из лидеров приватизации. А вот Нижний Новгород был готов подключиться очень рано: администрация, настроенная на рынок, взаимопонимание Совета и администрации, области и города — все это давало хороший фон. Поэтому туда мы пригласили поработать международную финансовую корпорацию.

Впрочем, скорость вхождения в рынок зависит и от многих объективных причин. Скажем, с территориальным расположением связана степень открытости мировому рынку.

Естественно, сохранились и регионы, где рыночные преобразования идут с большим трудом. Это в первую очередь области, где в той или иной форме существует довольно жесткий коммунисти-

ческий контроль. Неудивительно, что значительная часть консервативных территорий расположена на юге России. Будучи сельскохозяйственными, они оказались более приспособлены к жизни в бартерной экономике.

— *И все-таки, на какие инвестиции могут сейчас рассчитывать на местах? Вот Вы возили с собой в Ярославль представителя Мирового банка. Что-то не было видно большой заинтересованности с его стороны вкладывать деньги.*

— Не надо питать иллюзий по поводу того, что Мировой банк профинансирует все наше развитие. Ведь даже отработанные проекты сейчас стоят по одной элементарной причине: в соответствии с постановлением о членстве в Мировом банке проекты эти должны утверждаться парламентом. И вот лежат они в Верховном Совете уже который месяц без движения. Естественно, банк не особенно рвется заниматься новыми идеями.

А вообще традиционные для Мирового банка направления деятельности — это проекты, связанные с развитием инфраструктуры, открытием экономики. Строительство дорог, портов, коммуникаций — вот профиль его вложений.

Есть еще Европейский банк реконструкции и развития, который переживает сейчас довольно непростой кризис. Я надеюсь, что из этого кризиса банк выберется. Он заинтересован вкладывать в нашу экономику. Сейчас создается фонд для инвестиций в малый и средний частный бизнес России. Если нам удастся отработать нормальную систему использования этих кредитов, они могут стать очень хорошим источником для маленьких, точечных инвестиций.

Интенсивно обсуждается вопрос по поводу Фонда содействия приватизации. Идея, выдвинутая нами, горячо поддержана американцами.

— *А есть ли все-таки в России внутренние источники для инвестиций?*

— Государством так или иначе финансируются конверсионные программы. В этом году под конверсию было выделено 700 млрд руб. кредитов. Не иссякнет этот источник и в будущем году. Кроме того, мы предоставили предприятиям с 1993 г. налоговые льготы, провели индексацию основных средств, увеличили амортизационные отчисления. Так что средства на инвестиции у предприятий появляются.

Опасность вот в чем: любые деньги, которые у предприятий появляются, они используют на повышение заработной платы, на дешевые продукты... А что там будет с предприятием года через два, если в него не вкладывать, об этом они не тревожатся.

— *Как Вы думаете, люди уже начинают понимать, что так жить нельзя?*

— Я думаю, в этом смысле многое должна решить приватизация. В 1993 г. процесс формального распределения собственности проходит критическую стадию. Убежден, что само завершение формальной приватизации позволит отделить те предприятия, руководство которых уже начинает осознавать новую обстановку, в которой надо пережить конфликт с коллективом, но выбрать правильную стратегию развития. Вот пройдут собрания акционеров, и, я абсолютно убежден, значительная часть предприятий начнет удерживать зарплату и вкладывать деньги в инвестиции.

— *Егор Тимурович, работая с регионами, Вы, очевидно, сталкиваетесь с большим количеством социальных проблем. Вот советуете Вы ярославцам прекратить дотировать село, изменить структуру сельского хозяйства, а некоторые направления в животноводстве, земледелии и вовсе упразднить. Но ведь за этим живые люди, проблемы безработицы...*

— Свет в конце тоннеля с социальными проблемами у нас, конечно, еще не виден. Многие из них только-только начинают вставать. Да та же безработица... Хотя, по сути, нет у нас еще проблемы с безработицей. Нигде. Кроме очень узкого круга регионов, таких как Иваново, к примеру. Но наверняка они будут. Мы ведь устроенные не иначе, чем весь мир. Сегодняшняя ситуация с безработицей объясняется инерцией поведения посткоммунистического руководителя: стремлением сохранить рабочую силу, пусть даже за счет реального сокращения заработной платы и рабочего дня. Кстати, по большому счету я отнюдь не считаю, что это плохо: обществу нужно время, чтобы адаптироваться к новой реальности. По-моему, сейчас уже все осознали, что безработица неизбежна, не сегодня, так через 5–6 месяцев. Только не надо друг друга пугать тем, что к декабрю у нас будет 15 млн безработных, все это полная чушь. Будет обычный для стран с рыночной экономикой уровень безработицы. Регионы же, настойчиво проводящие политику массовой дотационной поддержки, политику воспроизводства устаревших

структур экономики, года через 3 окажутся регионами массового бедствия.

— Как Вы думаете, не чревато ли экономическое усиление территорий их политическим обособлением, распадом страны?

— Я спокойно смотрю за развитием местной самостоятельности сегодня. Когда меня запугивают рассказами о том, что 30 регионов не платят налоги, я ведь знаю, что это не так. Платят они. Платят даже те, кто публично декларирует, что не делает этого. Ведь когда ты не перечисляешь налоги в федеральный бюджет, ты не получаешь государственное финансирование, не получаешь конверсионные кредиты, не можешь рассчитывать на централизованный импорт... Я думаю, что любой трезвый человек, который думает не просто о своей политической карьере на следующие три месяца, но о своем народе, понимает, что возможно, а что невозможно, тем более что перед глазами пример наших соседей по бывшему СССР.

Кстати, что касается соседей. Некоторые из них уже просятся обратно в Россию. Жизнь — жестокая штука и очень жесткий учитель. В 89-м многим казалось: стоит только заменить старую политическую элиту на новую, и потоки меда в кисельных берегах потекут немедленно. Но вот началась реальная жизнь, и оказалось, что в ней надо считать деньги, думать об экспортных возможностях и импортных потребностях. И сегодня довольно сильна тенденция к восстановлению экономических связей.

Егор Гайдар: Доверия к деньгам не вернешь

— Во время недавнего обмена денег¹ Вы находились в отпуске, и молчание Гайдара очень огорчало (тем более когда другие экономисты, например Явлинский, не скупилась на интересные заявления). Теперь, когда страсти по многоступенчатому обмену немного поутихли, любопытно все-таки послушать Ваш комментарий.

— Пожалуйста, мой взгляд по итогам. Были объявлены три аргумента в пользу этого обмена денег. Первый : удар по коррупции. Каков же итог? Обмен сразу привел к резкому дифференцированию курсов: курса новых купюр к купюрам старым, новых купюр к доллару в России и республиках СНГ, старых купюр к доллару, курса наличных денег в СНГ к курсу наличных денег в России. Таким образом, возникла беспрецедентная для последнего времени возможность для денежной игры. Коммерческие структуры получили 100%-й гарантированный шанс играючи заработать на пустом месте несколько сот миллиардов.

Второй аргумент — установление ясности в отношениях с СНГ. Разумеется, это неудобно, когда в разных странах функционирует одна и та же валюта, а тем более, если безналичные деньги в них стоят по-разному (казахстанские рубли стоили меньше российских, а обслуживались одинаково). Долго это продолжаться не могло, и задача четкого упорядочения встала совершенно закономерно. Кстати, Министерство финансов постоянно говорило об этом в последнее время. В условиях высокой инфляции решение довольно

Интервью брал Михаил ГУРЕВИЧ.

Опубликовано в: Московский комсомолец. 1993. 19 августа.

¹ Имеется в виду проведенный Центральным банком 24 июля 1993 г. обмен советских купюр (и российских, выпущенных ранее) на новые российские рубли, причем разрешалось обменять лишь ограниченную сумму, и это вызвало панику. 26 июля президент ввел поправки, сводившие конфликтный характер обмена к минимуму, и паника прекратилась. Однако в ряде бывших союзных республик внезапное решение российского Центробанка вызвало катастрофу: им пришлось срочно создавать свои валюты, в некоторых странах началась гиперинфляция. — Прим. ред.

тривиальное: перестать отгружать безналичные российские деньги в соседние республики, и через три месяца инфляция сама начнет снижаться. Вместо этого имели место односторонние действия России в нарушение взятых обязательств. И это при том, что в первое полугодие денежная накачка «ближнего зарубежья» резко превысила все нормы: вместо обычных 14–15% отгружали 36%. Разумеется, все наши позиции на переговорах с СНГ стали очень уязвимыми, а инфляция лишь резко возросла: мы качали деньги «им», а «они» с утроенной скоростью — обратно нам. Плюс резкое снижение доверия к деньгам у народа, панический сброс купюр... Вот вам и третий аргумент: сдерживание инфляции. Ее темпы как раз в мае начали замедляться, а за последние недели опять выросли.

Вот как накладывается. Это я и сказал президенту. В отпуске у меня не было телефона, я сидел, писал, ничего не слушал и не читал. 25 июля, в воскресенье, друзья мне сообщили, и я в понедельник утром помчался звонить Ельцину и сказал, что считаю эту акцию бессмысленной.

— А он что?

— Слушал, но все равно обратно этого джинна в бутылку уже не загонишь. Можно увеличить сроки обмена, суммы, но сделанное не воротишь, доверия к деньгам не вернешь. Главное теперь — не допустить воспроизводства той же самой ситуации: т.е. по-прежнему, не заключив жестких договоров, не имея четкого контроля за денежной массой в соседних республиках, отгружать туда контейнеры денег.

— Давно, два года назад, Институт экономической политики, где Вы директорствовали, поддержал призывы Президента России и присоединился к политической стачке, отказавшись от любого сотрудничества с антиконституционными органами. Тогда Вы говорили, что экономическая программа ГКЧП — путь к полному краху.

— Для меня августовский путч поставил крест на Союзе как на государстве, так как после августа союзные организации, системы управления уже не работали, да и на республиканском уровне тоже. По существу, огромная ядерная страна оказалась в состоянии полного безвластия и анархии — к ужасу нашему и всего мира. Это предопределило тот катастрофический сценарий развития событий, из которого мы с огромным трудом вынуждены были выбирать. Для меня, с одной стороны, путч разблокировал возможность

что-то делать для проведения реформ, но с другой — все разрешилось весьма тяжелым образом, когда все движения вперед были предельно скованы. Пришлось начинать реформы, не имея институтов, которые делали бы их управляемыми.

— Как идут дела у избирательного блока «Выбор России», который имеет честь видеть Вас в своем руководстве?

— Главная забота «Выбора России», суть его программы — восстановление экономического роста России. Рынок сегодня в России работает, он реален, но экономика в России не растет и не будет расти, пока мы не наберем необходимого количества рыночных институтов. Нам досталось в наследство дорогое, предельно неэффективное государство без нормальной работы законодательной власти — перестроить его невозможно. От постоянного латания дыр правительством надо переходить к нормальной, эффективной работе, когда цены перестанут расти, уменьшится процентная ставка, снизятся налоги, повысится благосостояние людей.

— Прогнозы, конечно, дело неблагодарное, но, может быть... Что будет еще через год? Хотя бы курс доллара-94.

— Это все будет зависеть от 1993 г. Удастся ли нам сформировать дееспособное парламентское большинство — это будет огромный прорыв для формирования российской экономики и установления политической стабильности. Тогда через пять лет Россия будет страной с очень высокоразвитой экономикой.

Егор Гайдар: Выборы неизбежны, и все, что позволяет прийти к ним, основано на праве

Решение создать политический блок «Выбор России» было принято еще в июне. Однако до сих пор не вполне понятно, какие реальные политические силы за ним стоят. Не вполне понятно и то, почему Егор Гайдар, всегда по возможности сторонившийся большой политики, оказался лидером блока. Об этом с президентом Ассоциации приватизируемых и частных предприятий Егором Гайдаром беседует обозреватель газеты «Мир новостей».

— Начиная с весны 1993 г. мы потерпели серию ощутимых поражений, в том числе на местных выборах. Несколько регионов было проиграно блоку коммунистов и националистов. Ситуация достаточно серьезная, чтобы и дальше играть с нашими оппонентами в поддавки. Отсюда и инициатива политических деятелей по созданию широкой политической организации прореформистского толка. В обычной российской области нет социальной базы для создания отделений, скажем, пяти или шести подобных организаций, и процесс объединения на региональном уровне начался. Сейчас он идет хорошими темпами.

— А финансовая поддержка? Я знаю, что Вы ждете ее от Ассоциации приватизируемых и частных предприятий, президентом которой стали. Вы ждете ее из Калмыкии, Норильска, может быть, Ярославля. А еще?

— Скажем так: наши сторонники на местах пользуются уважением частных финансовых структур, что гарантирует минимально необходимый уровень поддержки. Мы не собираемся финансировать избирательную кампанию в регионах из Москвы.

— Вы говорите «мы». Давайте уточним: кто?

— Сергей Филатов, Анатолий Чубайс... и многие другие.

Интервью брал Владимир ОРЛОВ.

Опубликовано в: Мир новостей. 1993. 22 августа.

— Участие того же Филатова заставляет думать, что «Выбор России» — это «президентский блок».

— Нет, Филатов работает над созданием блока не в качестве руководителя администрации президента. Он известный политический деятель, принадлежащий к демократической части политического спектра. Он был таковым и до того, как пришел в администрацию.

— И все-таки какова роль президента в формировании блока? И насколько далеко Вы готовы зайти в поддержке президента?

— Блок задумывался не как президентская партия. Если мы пытаемся построить основу длительного взаимодействия сил, выступающих за стабильное движение по уже избранному пути, то блок нельзя связывать только с одним человеком, как бы много он ни сделал.

ВЫБОРЫ

— Цель Вашего блока — победа на парламентских выборах. Значит, Вы должны планировать возможные сроки этих выборов?

— Я не хочу выступать в роли гадалки. По крайней мере, они будут не позднее чем через полтора года, хотя я лично надеюсь, что это случится значительно раньше. Сегодняшнее двоевластие, во-первых, крайне неустойчиво и, во-вторых, вредно для России.

— Оставим тему срока выборов. Есть ли юридически выверенный механизм, чтобы эти выборы объявить в ближайшее время?

— Я для себя исхожу из следующей данности. Первое — выборы будут. Это неизбежно. Второе — выборы будут по некоему избирательному закону (я хотел бы видеть в России смешанную мажоритарно-пропорциональную систему, ибо это соответствует сегодняшним реалиям).

— Но есть ли возможность маневра в рамках правового поля?

— Давайте рассуждать от обратного. Выборы неизбежны? Неизбежны. А если так, значит, есть механизм, который позволяет к ним прийти.

— Правильно. Но этот механизм может быть как правовым, так и неправовым. Или это для Вас не так важно?

— Выборность в демократии — это стержневой момент, это основа легитимности и права, ибо источником права является народ. Поэтому выборы неизбежны, и все, что позволяет прийти к ним,

если иные пути исчерпаны, по большому счету основано на праве, т. е. на народовластии.

— *Мы говорим пока что о досрочных парламентских выборах. А досрочные президентские?*

— Организаторы блока «Выбор России» выступают против них. Сколько нужно президентских выборов? Помимо выборов в 1991 г. президент провел еще одни — этой весной в форме референдума о доверии себе и выиграл. Что, теперь каждые десять месяцев выборы проводить?

Союзники, оппоненты

— *Сергей Шахрай тоже создает свою партию — российского единства и согласия.*

— Я разговаривал с Шахраем и с пониманием отношусь к его усилиям. Я считаю, что нам со временем тоже нужна будет более жесткая политическая структура партийного типа, если уж мы не намерены играть с противниками в поддавки. Я буду рад, если план Шахрая осуществится. У меня нет с ним личных противоречий.

— *Что же мешает объединению?*

— Мы не должны класть все яйца в одну корзину.

— *Последняя пресс-конференция Геннадия Бурбулиса дала основания предполагать, что у Вас с ним появились разногласия.*

— У нас нормальные отношения. А вообще участники блока — люди разные. И позиции у нас разные по существенным частностям. Мы не собираемся устанавливать партийную дисциплину, в которой каждое высказывание должно быть завизировано. Мы должны координировать позиции только по принципиальным вопросам. Сейчас принципиальный вопрос один — необходимость скорейшей политической стабилизации.

— *В этом Вы могли бы найти союзников среди блока предпринимателей, который возглавили Григорий Явлинский и Константин Затулин. Или они Ваши конкуренты?*

— Я не согласен с ними в существенных мелочах. Допустим, я совсем не верю в перспективность межреспубликанского инвестиционного банка. Я не очень понимаю, почему, в то время как другие государства бывшего СССР вводят свою валюту, Россия должна расплачиваться за это высокой инфляцией...

— *Некоторые Ваши коллеги говорят резко: «затулинцы» — инфляционисты, «гайдаровцы» — антиинфляционисты, и это принципиальный и непреодолимый водораздел.*

— И это тоже важные экономические частности. Но по принципиальным позициям нет разногласий, из-за которых мы должны быть хроническими противниками. Если мы думаем о выборах, на которых нам будет противостоять сплоченный и сильный блок коммунистов и националистов, то мы, несомненно, способны стать союзниками.

— *Возможность такого союза двух коалиций — это пока на уровне разговоров или уже на уровне переговоров?*

— Ни с Явлинским, ни с Затулиным я на эту тему не разговаривал. Но многие из тех, кто финансирует их деятельность, у меня были, и мы конструктивно вели диалог.

— *А союз с радикальными демократами — не опасен ли он для Вас и людей Вашего склада?*

— Я бы не переоценивал опасность радикального демократизма в России. Что меня смущает, так это игры в центризм, когда одни доказывают, что они в центре, другие — что они еще больше в центре, третьи — что они самые центральные. За этим стоят усталость общества от экстремизма и желание отгородиться от людей психически неполноценных, которые в политике подчас присутствуют. Но истинная позиция «центристов» в том, что у них нет позиции. Я этого не понимаю.

— *Кто Ваши оппоненты? Насколько значительны фигуры, удаленные Ельциным, прежде всего Юрий Скоков?*

— Он будет играть явно против нас. Я думаю, что Скоков вместе с Руцким входят в набор наиболее вероятных лидеров объединенной оппозиции.

ПРЕЗИДЕНТ

— *Вы недавно вернулись из отпуска. На другом берегу Валдая жил другой отдыхающий — Борис Ельцин. Вы с ним встречались, перезванивались?*

— Не перезванивались, потому что я очень хорошо себе представляю состояние человека с его нагрузками, когда хочется про-

сто дней пять никого не видеть, а это практически никогда не получается.

У меня была одна неприятность. Я заработался и пропустил денежную реформу. Узнал о ней только на следующий день, когда мне прозвонился один из моих близких друзей в правительстве. И я с утра в понедельник позвонил Ельцину и высказал свое мнение. Но к тому времени Ельцин уже был в Москве.

В Москве мы с президентом перезваниваемся достаточно часто: в критических ситуациях я иногда стараюсь, если в этом есть нужда, давать ему совет.

— *Ходят слухи, что скоро Вы вернетесь в правительство и что Вам уже делали такие предложения.*

Таких предложений мне не делали. Но исключить для себя, что в определенной ситуации вернусь в правительство, я не могу.

Егор Гайдар: Пусть народ сам разрешит наши разногласия

Мы открываем новую рубрику — «О насущном». Сегодня в ней Егор Тимурович Гайдар оценивает предложенную правительством программу.

— *В рассмотренной недавно правительственной программе развития реформ и стабилизации российской экономики на 1993–1995 гг. отмечается, что самый трудный этап преобразований уже пройден, для пророчества каких-либо грядущих катастроф нет серьезных оснований. Вместе с тем в тексте программы содержится предостережение относительно того, что «радикальная смена курса, переход к принципиально иному варианту социально-экономической политики привели бы к катастрофе». Кабинет предлагает поэтапную модель преодоления кризиса.*

Предполагается, что по завершении 1-го этапа прекратится общий спад производства и стабилизируется жизненный уровень. Дефицит бюджета не превысит 8–10% валового внутреннего продукта (ВВП), темпы инфляции будут составлять 5–7% в месяц. Доля государственных закупок снизится до 20% ВВП, а регулируемых цен — до 3–5% ВВП.

2-й этап — «этап стабилизации» — охватит вторую половину 1994-го и практически весь 1995 г. Главным приоритетом станет обеспечение повышения инвестиционной активности. В основном планируется завершить массовую приватизацию. К исходу 2-го этапа доля государственного сектора в ВВП составит 30–35%.

3-й этап — «этап экономического подъема» — начнется, по прогнозам правительственных экспертов, в 1996 г. Основные цели кабинет видит здесь в обеспечении технической реконструкции народного хозяйства и создании условий для повышения благосостояния населения. А к концу 90-х, по прикидкам правительственных анали-

Интервью брала Татьяна КОРОСТИКОВА.

Опубликовано в: Аргументы и факты. 1993. № 33. Август.

тиков, темпы экономического роста уже могут достигнуть 4–5% в год.

— Дело в том, что параллельно с этой была предложена и другая программа, разработанная Минэкономики. Я бы назвал ее боевым кличем сторонников свертывания реформ.

Но принята как рабочий вариант программа, разработанная профессором Е. Ясиным. Идеино она тесно связана с программой углубления экономических реформ, которую год назад наше правительство представило в парламент. В некотором смысле это ее вариант, но адаптированный к сегодняшней ситуации. Многое из того, что есть в этой программе, соответствует глубинным, базовым потребностям нашей страны, в ней есть точные приоритеты, связанные с восстановлением способности экономики к росту, с созданием предпосылок для частных капложений, для частных сбережений. В ней нет иллюзий по поводу благотворного влияния административной суеты на экономическое развитие.

Но есть проблемы. Первая — в какой степени она будет реализована? Все программы, принятые в последнее время, оставались просто декларативными документами. Одна из основных причин в том, что министерства и ведомства потом саботировали их, заявляя, что они не согласны, что у них другие убеждения...

Вторая. Сейчас идет дошлифовка программы. Она поручена группе, состоящей из министра финансов Б. Федорова, министра экономики О. Лобова и председателя Госкомимущества А. Чубайса. Каким будет окончательный вариант программы? Пока это вопрос!

— Реформы тормозятся отсутствием правовой, финансовой базы для них. Что для ее создания нужно сделать в первую очередь?

— Необходимо срочно принять законы, регулирующие деловые отношения. Пока же, например, заставить выполнить контракт — а не выполняют сплошь и рядом — можно только силой, с помощью крепких мальчиков. Необходимы изменения в Уголовном кодексе и Кодексе законов о труде, нужно устранить препятствия к купле-продаже земли и т. д. Плюс к этому нам необходима бюджетная реформа. Сегодня у нас сложилась аномальная ситуация, при которой осмысленная финансовая политика невозможна: внебюджетные фонды больше бюджетных.

Парламент пытается создать собственный независимый источник финансирования — Пенсионный фонд. Он выводится из бюд-

жета. Фонд социального страхования традиционно был у государства, но управляли им профсоюзы. Он вне бюджета. Фонд занятости, дорожный фонд тоже вне бюджета. Правительство создает фонды конверсии, финансового регулирования топливно-энергетического комплекса — вне бюджета. Создаются они для того, чтобы бюджет не залез туда и, не дай Бог, не перераспределит ресурсы. В результате получается, что действует параллельно несколько независимых друг от друга финансовых систем.

Во внебюджетных образуются остатки, которые вкладывают в коммерческие структуры, в банки. Этих остатков много. Наука, культура, здравоохранение жалуются, что не хватает денег, а остатки в фондах примерно в 6 раз больше, чем все наше финансирование науки. Остатки в Пенсионном фонде больше, чем все, что мы тратим на здравоохранение. Это оттого, что финансовая система не упорядочена. Поэтому нужна реформа, которая позволит организовать бюджетный контроль за всем, что в государстве есть. Это огромные деньги. И по существу это наша возможность решать крупнейшие социальные проблемы, например, такие ключевые, как помощь семьям с детьми. Вся программа помощи таким семьям — $\frac{1}{6}$ свободных остатков внебюджетных фондов, которые вложены в коммерческие структуры. Но пока этого нет, и Минфин вынужден сокращать все виды бюджетных расходов. А это опасная практика.

— На недавней встрече с Вами администрация Калужской области пожаловалась, что перед ней замаячила серьезная проблема сбыта овощей. Торговля не хочет брать из-за дороговизны, боится, что не продаст. Но что же делать сельчанам, не продавать же ниже себестоимости? Это очень типичная проблема для товаропроизводителей. Страдаем и мы, покупатели: нет нужных товаров. А они где-то пылятся на складе или пропадают.

— Могут они снижать ниже себестоимости! Возникает вопрос: что такое себестоимость? В какой степени в ней «сидят» бесхозяйственность, огромные потери, плохая организация производства, труда, огромный избыточный расход бензина, скажем, поездка механизатора на тракторе за выпивкой и т. д. Такого, чтоб цена подстраивалась под себестоимость, в рыночной экономике нет. Если ты не можешь производить овощи по цене, которая устраивает рынок, значит, ты с рынка уходишь.

Но чтобы это сработало, резко должна вырасти доля негосударственного сектора в снабжении, торговле. Сначала снимут навар со спирта «Ройял», киви, а потом, когда рынок ими насытится, поймут, что самая выгодная торговля — массовая, потому что огромный рынок сбыта.

Только так решится эта проблема. Но никак не путем субсидирования производителя.

— *Нам предрекают политически бурный сентябрь. Какой Вы планируете сценарий развития событий?*

— Двоевластие в России на годы — это очень опасно. И новые выборы — естественное разрешение политического кризиса власти.

Самое важное сейчас — добиться широкого политического согласия в том, что мы должны решать наши проблемы на избирательных участках, а не с помощью силы.

Я не говорю: давайте помиримся, будем жить дружно и выработаем некую компилятивную программу действий. Это бессмысленно. У нас есть принципиальные, неразрешимые разногласия. Но в одном должно быть согласие: давайте дадим народу возможность разрешить наши разногласия. А дальше победит, например, «Гражданский союз», пусть формирует правительство и реализует ту программу, которую найдет нужным.

Мы сейчас создаем предвыборный блок «Выбор России», который будет представлять реформаторские силы на выборах. От этого блока мы хотим выступить с обращением к политическим силам самого разного спектра о взаимодействии в достижении политического согласия.

В некоторых членах правительства я уверен, как в самом себе. За честность других ручаться бы не стал

К сожалению, многое из того, о чем хотелось спросить Егора Тимуровича, так и осталось неспрошенным. На аудиенцию журналисту из плотного рабочего графика он смог выделить всего полчаса. И хотя Гайдар нынче не в высших эшелонах власти, но директорство в Институте экономики переходного периода, президентство во Всероссийской ассоциации приватизируемых и частных предприятий, а также общественная деятельность свободного времени почти не оставляют. Впрочем, интервью состоялось, и нельзя сказать, что оно было неинтересным.

— *Егор Тимурович, Ваш имидж — имидж экономиста. Конечно, высокого, государственного уровня. О Вас никогда не говорили: Гайдар — политик. А между тем, мне кажется, Вы и на этом поприще имее те достижения. Как Вы сами смотрите на собственную перспективу в политической сфере, тем более что сейчас назревает благоприятная для этого ситуация?*

— Жизнь, что называется, заставляет быть политиком. Это неприятное дело, мне оно, честно говоря, не нравится. Когда я занял пост премьера, то предполагал, что удастся удержать роль технического профессионала, не вмешиваясь в политические дразги. Оказалось, что это делать было крайне сложно, если не сказать — невозможно.

Весь 1992 г. наша экономическая стратегия находилась не под влиянием чистых, рафинированных соображений, а накладывалась на жесткие реальности политической жизни. Но поскольку это моя страна, я хочу здесь жить и хочу, чтобы в ней все было хорошо,

Интервью брал Александр ЧИЖЕВСКИЙ.

Опубликовано в: Неделя. 1993. 10 сентября.

у меня нет другого выхода, кроме как заниматься в какой-то степени политикой.

— *Именно в какой-то степени, но никак не в главной?*

— Все зависит от интенсивности конфликта. Бывает конфликт такой силы, когда любой ответственный человек все свои дела бросает и идет заниматься спасением страны. Чтобы она не пошла по пути, где жизнь станет невозможной или крайне рискованной. Так что если ситуация будет развиваться спокойно, тогда главное мое дело — экономика, общественная работа. Если будет развиваться плохо, придется забыть о научных интересах.

— *Вас, несомненно, причисляют к команде президента. К тому же у Вас была еще и своя команда. Не многовато ли команд? И что-то не очень верится, чтобы все члены ее были такими уж дружными единомышленниками. Особенно если внимательно присмотреться к иным разногласиям в администрации президента, в правительстве.*

— Команда президента, команда Гайдара... Это сильное огрубление очень сложно устроенной реальной жизни. Правительство не было командой Гайдара с самого начала. В нем было много людей, которые действительно были моими единомышленниками, с которыми мы много и плодотворно работали. Не приведи я их с собой, сам ничего бы не сделал. Но в правительстве были и другие люди, с другим отношением к жизни, к политике. Вокруг президента тоже разные люди. Есть и те, кого можно назвать единомышленниками, есть и те, которые таковыми не являются.

Однако у нас было нормальное рабочее взаимодействие, что и помогло запустить реформы. По большому счету мы в одной лодке, но я не собираюсь слепо поддерживать президента абсолютно во всем.

— *Создается впечатление, что Вы выжидаете, как будут развиваться события. То ли новое назначение от президента, то ли самостоятельные действия?*

— Сейчас мое дело — создание единой реформаторской силы, которая всерьез могла бы выступить на следующих парламентских выборах. Это независимо от моих личных перспектив — где я буду, где не буду.

Вместе с друзьями мы подписали обращение к объединению демократов. Демократы не могут позволить себе играть в поддавки

и драться растопыренной рукой, что они постоянно делают. Масса взаимных разногласий связана с сугубо личными амбициями. Одному не нравится этот, другому тот. Но мало ли кто кому не нравится? У нас нет другого выхода, как прекратить распри. Против выступает сильный противник. Мы должны либо сдаться, чего делать, по-моему, ни в коем случае нельзя, либо бороться скоординированно, сплоченно, забыв о всяких глупостях.

— *Вы ни в какую не желаете выставлять свою кандидатуру на, возможно, досрочных парламентских выборах?*

— Это, как говорится, прикажет ли партия... Честно говоря, очень не хочу. Не моя роль. Будем надеяться, что этой участи мне удастся избежать.

— *Вы один из немногих, кому удавалось находить общий язык с Верховным Советом. В свою очередь, как Вас ни клеймили, на том драматическом съезде при мягком рейтинговом голосовании вы получили 400 голосов «за». Так, может быть, не такие уж безнадежные нынешние народные депутаты? Может быть, с ними все же можно работать?*

— Работать можно. Другое дело, с какой результативностью и чем такая работа оборачивается. А парламент за последнее время изменился.

— *В какую сторону?*

— В худшую. В 1992 г. нам многое еще удавалось проводить через Верховный Совет. Например, ту же программу приватизации. Тогда действовали аргументы, шел поиск здравого смысла и была работа. Сейчас стало совсем тяжело. Парламент превращается в митинг, принимает решения откровенно безответственные. Работа с ним, с таким, какой он есть сегодня, очень трудна, если вообще возможна.

Поскольку парламент нынче беспартийный, он абсолютно безответственный. Ведь политическая структура, которая выдвигала бы человека, несет за него ответственность. Как ни парадоксально, но по некоторым вопросам демократам легче договориться с коммунистами. Потому что у тех и других есть долгосрочные политические интересы. Они понимают, что депутат может отстаивать противоположную позицию, но если он будет хапать квартиры, брать взятки, то будет бросать тень на свою политическую структуру. Ну

а если он ни перед кем не ответствен, к тому же знает, что его все равно потом не переизберут, тогда гори все синим пламенем...

— *А с другой стороны, если смоделировать мысленно ситуацию с выборами, что получится? В бюллетенях мы увидим фамилии старых знакомых. Новых пока не выпестовали. Я понимаю, в России много талантов, но мы их не знаем. Наберется ли в итоге принципиально новый состав Верховного Совета?*

— Наберется, без всякого сомнения. Что касается неизвестных новых людей, так это кому неизвестных? В Омске люди знают, кто есть кто, в Тамбове тоже. Это, может, москвичу о них ничего слышать не приходилось. Однако и в самой Москве претендентов будет много, я думаю, из числа нынешних депутатов. Хотя большинство не станут баллотироваться повторно. У них нет никаких шансов.

— *К вопросу о ханугах и взятках. После всех последних опубликованных фактов о коррупции в высших эшелонах власти становится не по себе. Если разоблачения и дальше будут столь ошеломительными, то... Боюсь, все и во всем разуверятся окончательно. Скажите, Вы можете поручиться за людей в правительстве, которые работали с Вами?*

— В некоторых я абсолютно уверен, как в самом себе. За честность других, с которыми действительно вместе работал, но не знал их достаточное время, ручаться не стал бы. Предпочту, чтобы оценку их честности дали компетентные органы.

Могу сказать, что я постоянно требовал от Министерства безопасности серьезной работы в этом направлении, требовал информации о коррупции в правительственных структурах. Часто просил даже разобраться с конкретными людьми, которые вызывали некоторые сомнения. Должен признаться, что эта работа осуществлялась на редкость неэффективно. У меня было ощущение, что мы идем по минному полю. Органы, которые должны были выполнять роль защитников чести правительства, быть его щупальцами, глазами, чтобы нас не обманули, не подставили, оставались немые и бездеятельны. Было ощущение, что они либо просто плохо работают, либо работают куда-то на сторону.

Это все очень серьезно. Когда знаешь, что твой аппарат не идеален, что кто-то уже наверняка берет взятки, кто-то передает информацию, а спецорганы при этом молчат, надеяться, что ты с этим

покончишь с помощью кустарных служб по борьбе с коррупцией, несерьезно. Хотя мы и пытались это сделать.

Есть вторая особенность — ее нельзя не учитывать, — и мне она хорошо понятна. Даже абсолютно честного человека очень нетрудно подставить, если он работает в структурах власти. Все дело в том, что приходится принимать колоссальное число серьезных решений. Конечно, каждое из них хорошо подготовлено, обосновано разносторонне и подробно. Но при этом человек все же постоянно берет на себя риск, что 99 решений будут верными, а одно ошибочным. Вся ответственность ляжет на него. Спасением тут может служить только один принцип: лучше я ничего не буду решать, лучше ничего не сделаю, зато останусь чистым.

— *Вы советник президента. Как часто президент прибегает к Вашей помощи, насколько влиятельны Ваши рекомендации?*

— Я никогда не вмешиваюсь в текущую работу правительства и не донимаю советами президента. По принципиальным вопросам, значимым для меня, беру на себя смелость давать ему рекомендации. По необходимости президент выходит на меня, и я вижу, что мое мнение принимается с вниманием.

— *Все чаще можно слышать мнение, что, мол, президент исчерпал себя, часто ошибается, миссию он свою выполнил и должен теперь уступить дорогу другому. Каково Ваше мнение?*

— Я так не думаю. Президент сейчас единственная легитимная фигура в стране. Он дважды выбран народом. Что же может быть весомее? И вот теперь выбирать в третий раз другого? Я, честно говоря, не вижу сильных фигур даже в среднесрочной перспективе на этот пост. Где тот человек, который выиграет выборы да еще будет хорошим президентом? Боюсь другого — что президент может устать... В общем, я хочу, чтобы он продолжал выполнять свои обязанности. При всем том, что знаю: людей без слабостей, недостатков и принимающих только верные решения не бывает.

— *Когда передавали пост премьеру Черномырдину, Вы, кажется, сказали, что не очень-то завидуете ему. На него ляжет огромный груз проблем. Правительство во главе с новым премьером справилось, на Ваш взгляд, со своей задачей?*

— И да, и нет. Да, потому что не допустило фатальной глупости, попыток начать все сначала, с нового государственного экспери-

мента, не развалило то, что мы с огромным трудом начали собирать. За это ему честь и хвала.

Нет, потому что не смогло, с моей точки зрения (пока, по крайней мере), выработать достаточно четкую тактику и стратегию, которые оно бы еще и реализовало. Огорчают рассогласованность действий, противоречащие одно другому решения, которые сначала принимаются, потом отменяются...

— *Многое бы Вы делали не так?*

— Да, совсем не так. Но, в конце концов, дело тут не в этом. Главное — правительство оставалось в коридоре допустимых значений.

— *Вновь на повестке дня проблема индексации вкладов населения в Сбербанк. Черномырдин даже заверил, что решение очень скоро будет найдено. В Вашу бытность этот вопрос, кажется, особо не поднимался и Вы ничего не обещали.*

— Вопрос этот поднимался всегда, но я всегда говорил, что это можно сделать, если надо. А надо четко понимать: цены вырастут ровно на столько, на сколько проиндексируются вклады. Надо будет индексировать еще раз. И так до бесконечности. Таким образом, если есть готовность заморозить цены, ввести госраспределение, вернуть хлебные очереди на два часа, а значит, попросту лишиться деньги их стоимости, поскольку на них ничего нельзя будет купить, то можно попробовать. Но зачем? А если хочется нормальные нынешние деньги увеличить, скомпенсировать в несколько десятков раз, то надо знать, что после этого они станут ненормальными.

Это действительно серьезная проблема. Люди надеялись на сбережения, они не виноваты, что их деньги исчезли. Ведь годы работали, чтобы собрать кое-что. Раскручивание этой темы — прекрасная политическая карта. Нет ничего проще, чем разыгрывать ее, и нет ничего сложнее, чем объяснять, почему, к сожалению, решить проблему нельзя. Это, увы, данность. Требовать с нею покончить — все равно, что требовать искать ключ от сейфа, в котором ничего не лежит.

Если б Черномырдиным был я

Егор Гайдар о текущем экономическом моменте

В Челябинске Егору Гайдару слегка не повезло — вечером не оказалось авиарейса на Омск, и экс-премьеру явно светила поездка в переполненном вагоне поезда Адлер — Новосибирск. Но «отца рыночной экономики» выручили омские предприниматели, зафрахтовавшие самолет АН-24, который вылетел на Урал. Полчаса в Челябинске, и снова в путь. Гайдар-экономист, Гайдар-политик, Гайдар-пассажир. Солнце светит в иллюминатор, наш легонький «борт» потряхивает над облаками. Внизу ничего не видно. Куда летим?..

— *Егор Тимурович, как бы Вы охарактеризовали нынешнее положение российской экономики?*

— Оно противоречиво. По целому ряду направлений есть признаки стабилизации — серьезное позитивное сальдо торгового баланса, резкое сокращение неэффективного импорта, возвращение России самообеспеченности рядом продуктов питания, рост валютных резервов, начавшиеся процессы структурной перестройки. Но в последнее время экономика все больше становится заложницей политики. Наши политические оппоненты прикладывают все усилия, чтобы развалить отечественную финансовую систему, прорваться к власти. Это огромный фактор риска. И, честно говоря, я с большим беспокойством смотрю на экономические перспективы ближайших месяцев.

Политика широких финансовых раздач Верховного Совета, не подкрепленных финансовыми ресурсами, толкает правительство к вынужденному отказу от авансирования целого ряда важнейших программ, а местные органы власти — к сокращению отчислений в федеральный бюджет. Ну а то, что прекращение отчислений в гос-

Интервью брал Юрий ЕПАНЧИНЦЕВ.

Опубликовано в: Комсомольская правда. 1993. 15 сентября.

бюджет — это попытка развалить Россию, уже не нуждается в доказательствах.

— *Каков Ваш прогноз дальнейшего развития событий?*

— Есть два варианта. С одной стороны, существует огромный риск «украинизации» российской экономики: резкий рост бюджетного дефицита и денежной эмиссии под влиянием популистских решений парламента и части органов исполнительной власти. На этой основе — падение курса рубля к доллару, попытки решить проблему за счет ускорения инфляции, выход ее на уровень, несовместимый с нормальной работой рыночных рычагов, искусственная фиксация курса рубля, формирование черного валютного рынка, установление предельно неэффективной системы распределения продуктов. Я не могу исключить такое развитие событий, но это чисто политический сценарий, я не вижу никаких объективных экономических факторов, толкающих нас к этому.

С другой стороны, мы, наоборот, можем зацепиться за стабилизацию курса рубля, подкрепив ее ответственной денежной политикой. Хранить деньги в рублях тогда будет эффективнее, чем в долларах, на этой основе остановить бегство капитала, создать предпосылки снижения темпов роста цен, свести инфляцию до 3–4% в месяц в следующем году. Есть возможность постепенного снижения уровня налоговых изъятий.

Российская экономика может наращивать свой экспортный потенциал, в том числе и высокотехнический экспорт, учитывая низкую стоимость нашего труда — серьезное преимущество на рынках. С 95-го мы можем всерьез начать экономически расти, а это значит рост внутренних сбережений населения, рост внутренних капитальных вложений, падение процентных кредитных ставок. Одним словом, мы вступаем на тот стандартный путь экономического роста, который прошли в свое время Южная Корея, Западная Германия, Тайвань, Япония, а сейчас Польша. Но реализация этой экономической возможности целиком и полностью зависит от создания политических предпосылок. Сейчас мы в неустойчивом равновесии, можем упасть сюда, а можем и туда.

Лучшая иллюстрация этого — колебание курса доллара. Сейчас возможности проведения стабильного курса довольно серьезные, и держать такой курс Центральный банк России может месяц-полтора. Но это если опираться на соответствующую денежную поли-

тику. Если сегодня мы берем в Центробанке в месяц где-то 800 млрд руб. кредита, то это более-менее совместимо со стабильностью курса. Но если с октября, как нас подталкивают, мы возьмем 5 трлн руб., то тогда нужно забыть про стабильность и резко повышать курс, иначе начнется бессмысленное разбазаривание валютных резервов страны.

— *Что бы Вы сейчас предприняли на месте правительства?*

— Провел бы ряд элементарных технических решений: отменил бы обязательный госзаказ на поставки продуктов питания деревней, срочно мобилизовал дополнительные валютные ресурсы для неинфляционного финансирования и регулирования рынка сельхозпродукции. Дал бы разрешение на экспорт сельхозпродукции из России, начал бы обсуждать вопросы, связанные с возможностью тарифной защиты отечественного сельхозпроизводства. Пересмотрел бы набор принятых субсидионных обязательств правительства и принял решение о резком сокращении этого набора для разгрузки бюджета. Ситуация такова, что мы либо подведем надежный политический фундамент под начатые экономические преобразования, либо наша экономика всегда будет заложницей политических игр, популизма, и в этих условиях любому профессионализму грош цена. Поэтому сейчас, перед выборами, нам необходимо сформировать дееспособную политическую структуру, способную выполнить роль ЛДП в Японии или ХДС в Германии, заложить фундамент надежной, стабильной, ответственной рыночной политики.

— *Поэтому Вы и включились в политику?*

— Инициатива создания блока «Выбор России» исходила от Александра Яковлева, и очень многие из реформистского списка откликнулись на нее. Сама идея создания такого широкого политического объединения сплотила многих людей. Ведь как проходили выборы глав администрации в целом ряде регионов? Почти везде ситуация стандартна: несколько демократических кандидатов делят между собой по 8–9% голосов. А единый кандидат от коммунистов и националистов получает 35%, проходит в главы администрации, делает радикальную чистку аппарата и меняет политику на местах. Время, когда мы позволяли себе драться пятерней с противником, умеющим бить кулаком, прошло.

— Вы побывали в нескольких регионах, только что вернулись с Урала — из Екатеринбурга, Челябинска. Вас поддержали там?

— Процесс формирования блока идет нелегко, мешают личные амбиции лидеров, часто люди относятся друг к другу с недоверием. Как правило, базы для многочисленных партий, представляющих на выборах что-то серьезное, на местах нет. Как правило, есть мощный блок коммунистов, блок реформаторов и центристы, не смыкающиеся ни к тем, ни к другим. Это закономерно, в радикальной России пока нет базы для «средней» политики, основной исторический выбор еще не сделан. Мы будем взаимодействовать с широким кругом групп населения и должны создать не новую маленькую, карманную партию, а широкое политическое объединение «Выбор России», потому что, если нам не удастся подкрепить процесс реформ надежной политической базой, Россию ждет постоянная череда безответственных политиков-популистов, которые, пробираясь к власти, будут разваливать экономику.

Черномырдин разочаровал тех, кто его выдвинул

Директор Института экономических проблем переходного периода Егор Гайдар дает интервью «Столице» накануне очередного вхождения во власть.

— Егор Тимурович! Когда Вы начали проводить реформы, это почувствовали все. Сейчас замечают только рост цен. Процесс реформ остановился?

— Перед правительством, которое пришло нам на смену, стояли две фундаментальные задачи. Первая — избежать радикального поворота назад. Вторая — продолжить работу по созданию рыночных отношений. С первой задачей оно более или менее справилось, со второй возникли серьезные проблемы.

— Что же помогло справиться с этой задачей — избежать поворота назад?

— Приватизация, например, которую, по-моему, можно считать наиболее серьезным достижением правительства за последний год. Добавьте сюда либерализацию внешнеэкономической деятельности, антимонопольную политику...

Но государственное давление на экономику по-прежнему велико. Сохраняются финансовая нестабильность и высокие налоги, несовместимые с уровнем развития нашей экономики.

— Если бы Вы остались во главе правительства, многое было бы иначе?

— Я хотел бы прежде всего стабилизировать финансы и снизить темпы инфляции. Я также хотел бы видеть экономику более либеральной, в которой субсидии составляют не 15% валового национального продукта, а 3%. Я хотел бы снижать, а не повышать нало-

Интервью брал Х. ЭРИКССЕН.

Опубликовано в: Столица. 1993. № 40. Сентябрь.

ги, формировать нормальные институты земельной собственности и земельного рынка.

— *Вы допускаете, что у Виктора Черномырдина иное экономическое и политическое видение России?*

— Те силы, которые выдвинули Черномырдина, быстро в нем разочаровались. Выяснилось, что их ставленник не готов к последовательному свертыванию реформ.

— *Не оттого ли эти люди разочаровались в премьерe, что он сам сильно изменился?*

— Конечно, Черномырдин изменился. Вспомните, каким он был в декабре. Едва усевшись в кресло, глава кабинета резко увеличил дефицит бюджета, раздал крупные кредиты, даже пытался заморозить цены. Реакция была жесткой и быстрой — резко увеличились темпы инфляции, а товары стали исчезать.

Вдобавок у нового премьера в декабре не было четкого представления — что же надо делать? Пришлось потратить немало сил и времени, чтобы разобраться в ситуации.

— *Вы полагаете, что утверждение, будто вместе с Черномырдиным к власти пришел директорский корпус, ошибочно?*

— Это утверждение упрощает ситуацию. Безусловно, Черномырдин — крупный деятель и прекрасно находит общий язык с директорами. Но ведь и сам директорский корпус сильно изменился за последний год. В нем возникли разные течения, силы, откровенно враждебные друг другу.

— *Если премьер находит общий язык с директорами, значит, он защищает их интересы?*

— Он ведет диалог, который, как правило, приводит к взаимодействию и взаимопониманию.

— *Многие директора изменили свое отношение к реформам после того, как стали собственниками предприятий в новых условиях. Можно ли считать, что от них откупились этими «новыми» условиями — лишь бы не мешали?*

— Мы всегда были реалистами в отношении приватизации и понимали — осуществить ее можно только в том случае, если добьемся широкого социального согласия. Если бы мы к этому процессу не подключили интересы такой влиятельной социальной группы, как директорский корпус, никуда бы не продвинулись. Конечно, это

своего рода балансирование — учесть пожелания директоров и избежать серьезных конфликтов.

— *Вас неоднократно упрекали в несправедливости подобного подхода, хотя после крушения социализма все реже вспоминают о какой-либо справедливости. Возможно ли, что такая «договорная» форма проведения приватизации способствовала росту коррупции?*

— Нет. На мой взгляд, расцвет коррупции в области приватизации пришелся на 1990–1991 гг. Тогда не были упорядочены отношения собственности. Эта ситуация позволила директорам на совершенно законных основаниях переводить имущество в пользу себя и своих друзей. Сейчас почти ничего невозможно изменить, потому что все проведено на основе закона. Но мы все-таки сумели приостановить целый ряд негативных процессов. Теперь такой «свободы» в приватизации нет.

— *Может быть, иная концепция приватизации привела бы к меньшей коррупции?*

— Тогда нам пришлось бы растянуть процесс на сотни лет, а злоупотребления все равно остались бы.

Сравните экономические программы большинства наших оппонентов, в частности «Гражданского союза», с программой правительства Леонида Кучмы. Почти все из этих документов уже реализовано на Украине. Мне, собственно говоря, даже скучно перечислять, что в них предлагалось, начиная от фиксированного курса рубля и кончая сохранением государственного заказа. А что получилось на Украине?

— *Сейчас популярна идея экономического союза. А Вы ведь были одним из тех, кто активно выступал за расторжение связей между бывшими республиками?*

— Я очень хорошо отношусь к идее экономического союза и очень надеюсь, что он состоится. Я считаю, что теперь-то к нам обращаются с серьезными предложениями образовать такой союз. В России уже сложилась своя система национальных институтов, включающая и государственный контроль, и государственный банк, и таможенные отношения... К тому же появилось понимание, что доступ на российский рынок — это огромная привилегия. В результате только в последнее время возникла база для экономического союза.

— *А как в этих условиях будет действовать вновь созданная единая рублевая зона?*

— Пока зоны нет. Есть только желание ее восстановить. Предстоит пройти довольно непростой путь переговоров с республиками, которые готовы вступить в союз на основе цивилизованных экономических отношений — с внешнеэкономическим, таможенным, бюджетным, налоговым регулированием и т. д.

— *Министр финансов Борис Федоров прилагает немало усилий, чтобы стабилизировать курс рубля по отношению к доллару. Как Вы оцениваете такое стремление — оно имеет реальное воздействие на российскую экономику или это своего рода игра за счет западной помощи?*

— Западная помощь просто ни при чем! Курс очень жестко связан со стандартными экономическими параметрами. А валютные интервенции, которые проводит Центробанк на бирже, не более чем сглаживающий фактор.

Временная стабилизация летом была естественна и отражала прежде всего сокращение технических кредитов государствам Содружества. Само же по себе падение курса в этом году было закономерным. Потом рубль стабилизировался на уровне, близком к реальному рыночному курсу, характерному для экономик государств, находящихся в нашем положении.

— *Разве полтора миллиарда долларов, полученных от Запада, не сыграли определенную роль в «замораживании» курса?*

— Эти доллары правительство продало Центральному банку, и как раз в конце июня они послужили основой для стабилизации курса.

— *Одни экономисты считают, что спад производства приобрел катастрофические размеры, другие утверждают, будто падение невелико. Существуют ли какие-то общепринятые нормы для переходного периода?*

— Масштабы спада производства в государствах, переживающих переходные процессы, достаточно стандартны — почти везде составляют около 30% общего объема промышленности. И у нас они не могли быть меньше. В сущности спад связан с тем, что значительная часть хозяйственной деятельности в советской экономике просто была излишней, экономически неэффективной и в условиях рыночной экономики оказалась нежизнеспособной. Но есть и особые причины российского спада. Одна из них — это разрыв связей

с республиками бывшего Союза. Другая — демилитаризация экономики и соответственно сокращение спроса на определенные виды машиностроительной, металлургической продукции.

— *Вы располагали точной информацией о положении вещей в обществе? Вы могли рассчитывать, что местные власти будут исполнять решения правительства?*

— В конце 1991 г. неуправляемость была самой страшной проблемой в стране, особенно после того как были упразднены союзные структуры. За 1992 г. мы сумели восстановить управляемость. Экономике уже можно считать упорядоченной, ситуация на местах находится под контролем, а регионов, которые объявляют о своей самостоятельности, все меньше.

К сожалению, политическое противостояние на федеральном уровне в 1993 г. стало основой противоположного процесса, с новым нарастанием проблемы управляемости России.

— *Мы говорили о западной помощи и ее роли в стабилизации курса рубля. Нужна ли помощь сейчас, и если да, то в какой форме?*

— В начале прошлого года, когда валютные резервы равнялись нулю, а запасы зерна были почти на исходе, западная помощь — кредиты, гуманитарные поставки и продовольствие — очень пригодилась. Теперь зависимость от этой помощи резко сокращается.

Когда на Западе меня спрашивают, чего хочет Россия, я всегда отвечаю: «Есть много разных России, и все они хотят разного». Точно так же существует много разных Западов. Там есть силы и структуры, которые ориентированы на долгосрочное сотрудничество и прекрасно понимают, насколько оно рискованно, прежде всего из-за нестабильности в России. И есть крупные частные интересы, представляющие целые отрасли, вот они могут пострадать от конкуренции со стороны российских производителей. Так возникают лоббирующие группы, которые всячески препятствуют становлению России. Сочетание этих интересов и определяет столь неоднозначную политику Запада.

— *Если бы Вы вновь оказались у власти, пересмотрели бы что-нибудь в проводившейся прежде политике?*

Конечно.

Через два дня после этой беседы Ельцин объявил о возвращении Егора Гайдара в правительство...

Реформатор вернулся, чтобы спасти реформу. Или страну? Или президента? Или все вместе?

Позиция: этот разговор с Егором Гайдаром состоялся в среду утром. Теперь, по некоторым незначительным нюансам, не вошедшим в публикуемый текст, ясно, что к этому времени Егор Гайдар уже знал о решении президента относительно своего назначения¹. Скорее всего, окончательно они договорились накануне утром, перед заседанием Президентского совета. Возвращение Гайдара в правительство значительно укрепляет базу экономических реформ, придает осмысленность правительственному курсу, а главное, отводит на второй план значение политической войны между президентом и парламентом.

— Егор Тимурович, Вы понимаете экономическую политику нынешнего правительства?

— Думаю, что понимаю.

— Тогда не могли бы Вы ее объяснить?

— В этом году характерной чертой политики нашего правительства, если говорить профессионально, является рекордный в мировой финансовой практике разрыв между бюджетом, основанным на принятых обязательствах, и бюджетом на основе финансируемых денежных параметров. Суть в следующем: всегда есть некоторый разрыв между тем, что правительство, государство обещает в постановлениях, решениях, законах и т. д., и тем, что оно может. Но, пожалуй, никогда не бывает, чтобы этот разрыв был столь велик. У нас как-то в этом году проводились две политики. Одна политика мягкая, приятная, хорошая — всем давать, всем угождать, решать массу проблем... Другая политика злая, плохая: недофинансировать, недоплачивать. Эта ситуация, отражающая, разумеется, общий полити-

Интервью брал Виталий ТРЕТЬЯКОВ.

Опубликовано в: Независимая газета. 1993. 18 сентября.

¹ Имеется в виду повторный приход Е. Гайдара в правительство — 18 сентября 1993 г. он был назначен первым заместителем премьер-министра Черномырдина. — *Прим. ред.*

ческий расклад в стране, какое-то время была возможна. Но потенциал этой политики невелик. На какое-то короткое время он вроде регулирует конфликт, не разрушая экономику, но всем все делать хорошо, одновременно не разваливая денежную систему, долго невозможно. В среднесрочной перспективе эта двойственность создает глубокие внутренние проблемы и противоречия в системе.

— *То есть Вы подтверждаете, что у правительства все-таки нет политики...*

— Нет, у него есть две политики.

— *Вы думаете, что обе они ведутся осознанно?*

— Я думаю, что одна из них идет осознанно — вторая, политика на ограничение бюджетных расходов. Это политика, которую ведет Министерство финансов. В декабре прошлого года перед правительством стояли две задачи. Первая из них — не сделать фатальных глупостей, не попытаться быстро восстановить все то, что было раньше. И вторая — проводить систематическую работу, направленную на формирование рыночной экономики. С первой из них, на мой взгляд, правительство справилось. Это, можно сказать, неожиданное для многих его серьезное достижение. Со второй возникли очень серьезные проблемы. На мой взгляд, двойственность политики правительства и определила сложности в решении второй задачи.

— *Вы считаете, что Виктор Черномырдин сильно изменился с декабря прошлого года?*

— Да, сильно.

— *В лучшую сторону?*

— Безусловно.

— *На Ваш взгляд, нынешнее правительство коалиционное, как это часто говорят, или хаотически сложенное?*

— Смешно не видеть очевидного. Конечно, сегодня отсутствует координация действий внутри правительства.

— *Одну линию в политике правительства связывают с именем Федорова, другую — с Лобовым...*

— Когда мы говорим о политическом выборе, который стоит перед страной, персонификация неизбежна, но недостаточна. Сталкиваются две тенденции и два набора целей и сил. Поэтому речь не идет о том, что есть хорошие, чистые, как кристалл, члены правительства, а есть нечистые. Существует объективный расклад со-

циальных сил, которые стоят и за позицией того, и за позицией другого. За Федоровым — реальные национальные интересы, историческое развитие событий, интересы тех, кто уже понял, что инфляционный налог берут у них из кармана. За позицией Минэкономки стоят интересы тех отраслевых структур, предприятий, которые действительно не могут выжить при прекращении обильного инфляционного финансирования, интересы лобби, которое должно добиваться и будет всегда добиваться для себя льгот, привилегий. И за тем, и за другим — по-разному структурированное общество.

— Мне кажется, что в последние месяцы Центробанк не является таким ярким оппонентом правительства, каким он был в 1992 г.

— На протяжении последнего периода, с конца апреля, я бы сказал, ЦБ выполняет все свои обязательства по двум соглашениям с правительством (кроме, разумеется, денежной реформы) — объем кредитования, процентные ставки, валютное регулирование... В общем ЦБ вел себя абсолютно лояльно независимо от того, какую позицию лично мог занимать тот или иной руководитель Центрального банка.

— А как Вы объясняете историю с денежной реформой?

— Я не могу найти рациональных объяснений этого решения. На мой взгляд, оно было существенно неточным и довольно опасным по своим последствиям.

— А как Вы оцениваете нынешнюю позицию по отношению к вопросам экономической политики Верховного Совета и, в частности, планово-бюджетной комиссии?

— Как Вы знаете, Верховный Совет — это орган, управляемый спикером идеально. По некоторым позициям планово-бюджетная комиссия вполне понимает озабоченность правительства, в частности, в ситуации с бюджетом. Но возможности маневра у них в нынешнем Верховном Совете крайне ограничены.

— Как Вы считаете, существуют ли у нынешнего Президента России какие-либо представления об экономике, выходящие за уровень среднего обывателя?

— Президент не экономист. Он не претендует на то, что имеет целостное представление об экономическом процессе, взаимосвязях и т. п. «Мне так кажется, объясните, пожалуйста, почему я не прав» — вот примерно его позиция. Но ему приходится принимать множе-

ство экономических решений. И, на мой взгляд, у президента есть здравый экономический смысл — а это лучшее, что может быть у президента. Президент-экономист — это большая редкость, и это совершенно не обязательно. Он слушает — это главное.

— Это уже немалая положительная оценка. Но почему тогда он так часто меняет свои решения в области экономики? В частности, по поводу приватизации?

— Определенным образом поданная информация может подтолкнуть неспециалиста в области приватизации к неправильным решениям. С точки зрения политики это почти техническая проблема, но в данном случае, как мне известно, президент просто был не в курсе точки зрения Госкомимущества на предложенный вариант. Как только он с ней ознакомился, были внесены коррективы.

— Когда меня спрашивают, кто сегодня управляет Россией, я отвечаю: никто, и это хорошо, благодаря этому она выживает. Согласны ли Вы с такой позицией?

— Я согласен, что у нас сейчас есть некая полифония власти, но в отношении позитивного и негативного содержание этой полифонии — вопрос сложный. Я думаю, что полифония власти — это штука естественная и правильная. Другое дело, что на этом фоне возникает жесткий антагонизм различных политических сил, имеющих свои мощные позиции в структурах власти и способных парализовать любую конструктивную деятельность. Вот это, конечно, очень опасно. Это, к сожалению, мы имеем сейчас в России, отсюда нарастающие тенденции к беспорядку.

— На мой взгляд, в последнем правительстве России не только идет борьба между рыночной и антирыночной стратегиями, но существуют и противоположные взгляды на то, что я огрубленно назвал политикой экономического изоляционизма России. Мне кажется, сторонником этой линии были Вы, а в нынешнем составе — Александр Шохин. Другие фактически отстаивают линию, которая основана на продолжении субсидирования республик бывшего СССР.

— На самом деле ситуация чуть-чуть другая. Надо четко себе представлять, что любая осмысленная и серьезная деятельность, направленная на формирование каких-то работающих экономических союзов, предполагает определенность ситуации в самой России, наличие тех инструментов, которые служат базой формирования подобного союза. Пока в первом полугодии 1992 г. любой

председатель любого республиканского банка мог рассчитывать за все, что он купит в России, просто выписав платежное поручение, никаких стимулов для экономического союза не было. Зачем стремиться попасть на российский рынок, если так просто решается проблема платежей с Россией? Чтобы всерьез говорить о новом экономическом союзе, нужно было иметь в России упорядоченные денежные отношения, упорядоченную внешнеэкономическую систему, относительно непроницаемые границы. После этого сразу выясняется, что наш рынок очень нужен всем, и возникает мощная тенденция к экономическому объединению.

Вот в чем состояла позиция Шохина и моя. Теперь, когда эти задачи более или менее решены, ни о каком изоляционизме не может быть и речи. Кстати, на мой взгляд, в 1992 г. мы проводили довольно мягкую политику по отношению к бывшим республикам СССР. Другое дело, что я абсолютно не понимаю, почему мы должны были сохранять весь тот громадный объем скрытого субсидирования бывших союзных республик при отнюдь не блестящем состоянии собственной экономики. Если бы даже она была в том же состоянии, как и швейцарская, то и тогда мне трудно было бы понять это.

— *Насколько устойчивым может быть нарождающийся экономический союз вокруг России?*

— Это объективная тенденция, но реализоваться она сможет только в том случае, если мы не разрушим экономику и денежную систему самой нашей страны.

Егор Гайдар: Мой выбор остается прежним — это курс реформ

Так ответил Гайдар на вопрос корреспондента газеты «Российские вести».

— *А как теперь сложатся у Вас отношения с Черномырдиным?*

— Уверен: нормально. Иначе я такого назначения не принял бы¹.

— *Егор Тимурович, скажите откровенно: что Вы испытывали, когда были отстранены от должности премьера?*

— Сначала чувство невероятного облегчения. Ведь именно на меня сваливали все трудности, с которыми объективно связаны любые экономические реформы. А затем — откровенно так откровенно — чувство ревности. Меня очень волновало, как будет действовать мой преемник.

— *Но ведь Виктор Черномырдин почти семь месяцев был Вашим заместителем?*

— Одно дело — «зам» и другое — «сам». Одно из первых принятых Виктором Степановичем решений — об ограничении уровня рентабельности предприятий (точнее, о сверхналогах после определенного уровня рентабельности) — меня очень встревожило. Ведь это означало серьезный откат от разработанного курса реформ. К счастью, уже через неделю он от этого решения отказался.

— *С Вашей помощью?*

— Нет. Отойдя от дел, я считал лично для себя неэтичным давать какие-либо рекомендации министрам, а тем более премьеру.

— *Неужели и институт, который Вы возглавляете, — Институт экономических проблем переходного периода — не давал таких рекомендаций?*

Интервью брал Юрий РЫТОВ.

Опубликовано в: Российские вести. 1993. 18 сентября.

¹ Речь, как и в предыдущем интервью, идет о повторном возвращении Е. Гайдара в правительство, состоявшемся 18 сентября 1993 г. — Прим. ред.

— Разумеется, мы выполняли по заданию правительства определенные исследования, но, как правило, наряду с другими институтами, а решения принимаются на альтернативной основе.

— Но побеждала обычно Ваша точка зрения?

— Ну, это как сказать... Ведь состав правительства существенно менялся. А кроме того, у него остается мощный противовес в лице парламента, прямо вмешивающегося в функции исполнительной власти и принимающего порой удивительные по своей нелепости решения.

— Вы имеете в виду, в частности, предложенный парламентом федеральный бюджет?

— И это тоже. Согласитесь: заложенный в нем дефицит — это немислимая глупость. Он создает почти 50%-е ежемесячные темпы инфляции. А это, в свою очередь, означает, что цены ежемесячно будут увеличиваться в 1,5 раза! Никакие системы индексации доходов не способны в таких условиях спасти население от окончательного разорения и всеобщей нищеты.

— Между тем Вы собирались уже в конце минувшего года сбить темпы инфляции до 1–3%...

— Вполне реальная задача, если бы не разрушительные действия парламента, принявшего решение о дополнительном кредитовании ряда отраслей. Но такие дотации — это все иллюзии! Только в цирке можно поднимать картонную гирию, на которой написано: «1000 тонн», — и зрители верят, на то и цирк. А в реальной жизни? Напишите на мешке с деньгами: «миллион» — и положите туда миллион, но что толку, если реальная их стоимость сто рублей? Ни один уважающий себя производственник в такие фокусы не поверит. Снова развернется бартерная торговля, а из элементарной формулы обращения «товар — деньги — товар» исчезнут деньги.

— Но ведь президент заявил, что будет исполняться правительственный бюджет?

— Да, и в этом отношении Борис Федоров проявил не только качества мудрого финансиста, но и большую твердость. И все же, все же... Действия парламента становятся сейчас поистине непредсказуемыми. Я уже говорил: он берет на себя функции исполнительной власти. Маленький пример: здесь же образован так называемый резервный фонд в сумме 100 млн руб. Естественно, эти деньги можно использовать для дотаций любому убыточному пред-

приятию, любой отрасли. А что помешает ему увеличить такой фонд, скажем, до миллиарда рублей? До триллиона?

— Позвольте сказать: не провоцируются ли такие действия парламента некоторыми разногласиями в самом Кабинете министров, о которых давно уже говорят открыто? К примеру, в Министерстве экономики не устают разрабатывать документы, предусматривающие прямое государственное регулирование важнейших отраслей хозяйства...

— Во-первых, не документы, а проекты документов. И это, с моей точки зрения, естественный процесс. Каждый член кабинета имеет право высказать свое мнение — и устно, и письменно. Другое дело — получит ли это мнение поддержку правительства. Во-вторых, на мой взгляд, слухи о разногласиях в кабинете сильно преувеличены. Если я получу назначение, о котором говорил президент, в деятельность Министерства экономики опять-таки будут внесены существенные коррективы.

— Меня немного удивляет странная роль в правительстве единственной женщины — Эллы Памфиловой. Она говорит, а ее не слушают...

— О! В таком положении оказалась не только она, но и все министры. Сейчас произошло, на мой взгляд, странное явление: вице-премьеризация правительства. Все дела решают не министры, а вице-премьеры.

— Так не разумно ли последовать требованиям Бориса Федорова — объединить в один блок Министерство финансов и Министерство экономики?

— Ни в коем случае! Как Вы помните, такой эксперимент мы уже продельвали. В бытность свою вице-премьером я возглавлял временно объединенное Министерство экономики и финансов. Да, мы старались не раздувать административный аппарат, экономить силы и средства, максимально сконцентрировав исполнительную власть. Ничего путного из такой затеи не получилось. Словом, если мне снова суждено войти в состав правительства, курс у меня остается прежним — это курс реформ.

Егор Гайдар: Пойти на жесткие меры может только очень единое правительство

Гайдар вернулся на Старую площадь. С декабря 1992 г., когда и. о. премьер-министра уступил кресло Виктору Черномырдину, многое изменилось в коридорах и кабинетах правительства. Готов ли Гайдар принять новые правила игры или намерен установить собственные? Об этом с первым вице-премьером Егором Гайдаром беседует обозреватель газеты «Мир новостей».

— Вы возвращаетесь в правительство, но за минувшие месяцы экономика, согласитесь, ушла для Вас на второй план. Вы теперь больше политик...

— Летом 1992 г. я разговаривал с Вацлавом Клаусом (премьер-министр Чехии. — В. О.). Вацлав тогда очень ругал меня и Лешека Бальцеровича (автора «шоковой терапии» в Польше. — В. О.) за то, что мы не хотели заниматься политическим обеспечением нашего экономического курса. Он доказывал, что мы таким образом становимся заложниками текущих перипетий. Я с Вацлавом согласился. Скажем, при всех недостатках либерально-демократической партии Японии она создавала оптимальные возможности для экономического роста в течение более 40 лет. Если такой политической структуры нет, все наши экономические изыски бессмысленны. Поэтому я вынужден заниматься политикой в гораздо большей степени, чем мне бы этого хотелось и чем мне бы это нравилось.

— Какие задачи Вы должны решить в первую очередь?

— В сентябрьской ситуации меня больше всего беспокоят — пусть это не покажется странным — краткосрочные экономические и финансовые проблемы. В 1993 г. проводились по сути две разные экономические политики. Одна была воплощена «в бюджете на основе

принятых обязательств». Проще говоря, это мягкая, приятная политика, где все дают или, по крайней мере, все обещают. Другая — достаточно жесткая, пресекающая избыточное финансирование, направленная на постепенное снижение инфляции.

Совмещение двух этих политик в течение сколько-нибудь продолжительного времени неизбежно приведет к образованию крупного нарыва в виде невыполненных финансовых обязательств. В результате накапливаются конфликты: с предприятиями, которым не заплатило государство, хотя вроде бы обещало; с регионами, которые все громче стонут о «недофинансировании»... Параллельно нарастает и бюджетный дефицит. Если и дальше следовать щедро раздаваемым обязательствам, нас ждет скачок дефицита бюджета в пять-шесть раз. Поэтому необходимо уже в сентябре — октябре провести достаточно жесткие меры по снятию избыточных обязательств...

— Вернемся к правительству. Видимо, подлежит незамедлительному решению и вопрос о его структуре. В нем невероятное число вице-премьеров — девять! Сокращения необходимы?

— В существующей структуре правительства далеко не все в порядке, и здесь потребуются корректировки. Однако реорганизация Кабинета министров, на мой взгляд, не главная задача сегодня. Наоборот, очередная реорганизация способна вообще парализовать работу правительства.

— Коррупция существовала в том правительстве, откуда Вы ушли, существует, видимо, и в том, куда вы приходите. Но вместо борьбы с ней мы видим, по-моему, стремление политических соперников «потопить» друг друга...

— Я очень сожалею о том, как развивается весь этот конфликт. В результате вообще снизилось доверие к власти. Но есть и другой негативный момент. Сегодня, наблюдая, как работает правительство, я вижу: каждый чиновник думает только о том, как бы, не дай Бог, ничего не решить и ничего не подписать, чтобы потом не объясняться. Невозможно стало принимать решения. А когда государственная машина ничего не решает — это уже беда.

— Вы остаетесь лидером блока «Выбор Россия»?

— Да.

— Интересы Вашего блока на сегодняшний момент, как я понимаю, заключаются в окончательном упрочении позиций в правительстве и в роспуске Верховного Совета...

Интервью брал Владимир ОРЛОВ.

Опубликовано в: Мир новостей. 1993. 26 сентября.

— Я бы предпочел ответить так: Вы сформулировали идеологическую гипотезу, я с интересом ее выслушал.

— *Хорошо, посмотрим на Вашу идею скорейших парламентских выборов. Вы продолжаете на ней настаивать. Но на дворе сентябрь. Выборы этой осенью не иллюзия ли?*

— Мы реалисты и отстаиваем идею ранних парламентских выборов не потому, что не видим проблем, связанных с ними, а потому, что считаем это наилучшим решением для России, причем решением объективно необходимым, в котором нас готовы поддержать не только наши единомышленники. При этом я вовсе не исключаю того, что нам не удастся провести выборы не только этой осенью, но и позже.

— *Вы говорите «не только наши единомышленники». Вот Вы незадолго до Вашего назначения неожиданно для многих встретились с Вольским...*

— Ну почему же «неожиданно для многих»? Я с Аркадием Ивановичем встречаюсь регулярно.

— *Но, по крайней мере, это было преподнесено как многообещающая, очень важная встреча, как объединение Ваших промышленно-предпринимательских структур...*

— Все, связанное с этой встречей, было сильно преувеличено. Мы с Вольским действительно встречались, обсуждали политический процесс, договаривались, в каких вопросах мы являемся единомышленниками, а где нас многое разделяет. Пока формальных решений о нашем объединении мы не принимали, и я не думаю, что в ближайшее время примем.

— *Многие последние шаги президента кажутся противоречивыми. Ровно месяц назад Вы говорили, что Ваша поддержка его действий «небезусловна». Какие из последних шагов президента вызывали у Вас поддержку, какие — сомнение?*

— Поддержку — решение президента приостановить действие своего распоряжения о приватизации «по Лобову»¹. Сомнение — текст первоначального распоряжения президента о поддержке пла-

на Лобова. Хотя здесь я точно знаю, что президент был неправильно, вернее, не совсем точно информирован.

— *В правительстве у Вас, скорее всего, найдется немало оппонентов. Сможете ли Вы, несмотря на это, осуществить собственную финансово-экономическую программу? Говорили ли Вы об этом с Виктором Черномырдиным в тот день, когда он официально предложил Вам пост вице-премьера?*

— Да, говорили. Я сказал, что меня очень беспокоит отсутствие возможности для гибкого маневра, особенно в условиях нынешнего политического кризиса. Пойти на маневр, а именно на жесткие меры может только очень единое правительство, но никак не разрозненное, раздробленное и погрязшее в склоках.

¹ Проект правительственной программы, разработанный в июле–августе 1993 г. под руководством вице-премьера О. Лобова и при помощи Российского союза промышленников и предпринимателей, предусматривал отказ от ваучерной приватизации и был фактически нацелен на построение государственного капитализма и усиление государственно-плановых начал в экономике. — Прим. ред.

Россия нам дана, и ее нельзя разваливать

— *Егор Тимурович, недавно Вы совершили поездку по стране, побывали в Сибири. Удалось ли сделать там то, что намечали?*

— Это оказалась полезная поездка. У меня были две прикладные задачи. Первая — формирование региональных отделений Всероссийской ассоциации приватизируемых и частных предприятий. Вторая — обсуждение с местными предпринимательскими кругами, демократическими силами проблем, связанных с их взаимодействием и подготовкой к следующим выборам. На мой взгляд, это задача очень тяжелая из-за фатальной склонности демократов к разъединению. Они объединяются только в период экстремальных ситуаций, когда их ждет расстрел в случае поражения. Но если расстрел временно отменен, они немедленно разбиваются на 20 фракций и занимаются междоусобной борьбой.

Надо сказать, что результаты поездки я воспринимаю, пожалуй, с оптимизмом. Есть, мне кажется, растущее понимание бесперспективности подобной войны. Есть осознание того, что создание дееспособных политических структур, обеспечивающих стабильность экономического развития, — вопрос назревший. Правда, процесс пойдет нелегко из-за взаимного предубеждения политиков и предпринимателей. Регулирование этих противоречий, позволяющее вместе работать над общими проблемами, собственно, и было целью поездки. Хотя не везде одинаково, но все-таки добиться цели удавалось.

— *Как живет людям за Уралом?*

— Вы знаете, везде сейчас нелегко. Но по целому ряду направлений жизнь стала гораздо понятнее и определеннее. В Челябинске, например, в конце 1991 г. существовало 16 видов талонов, большинство из которых не отоваривалось. Двухчасовые очереди за хлебом, запасы зерна на два-три дня...

Интервью брала Галина ПОЛОЖЕВЕЦ.
Опубликовано в: Век. 1993. 24–30 сентября.

Пришедшая администрация в основном решила проблему, как не допустить голодных беспорядков. В то время Челябинск кормили 15 областей. Раньше в ЦК КПСС регулярно проводились накачки из-за того, что в Челябинск чего-то недопоставили. И вот старая система развалилась, 15 областей прекратили снабжать его продуктами — такова была ситуация два года назад. А сейчас в этой области нет проблемы дефицита, хотя рынок в России бедный, конечно, но дефицита нет. Область экспортирует излишки продовольствия. Пять — десять лет назад человеку в трезвом уме и при здоровой памяти невозможно было бы представить, что пройдет всего два года реформ, и в Челябинске российские органы власти не будут рвать на себе волосы, кого же заставить поставлять туда продовольствие. Этот вопрос мне кажется там решенным.

Заработавший рынок очень сильно сказывается на положении региона. Ну в Омске, конечно, сложилась гораздо более благоприятная базовая ситуация для успеха — традиционно развитое сельское хозяйство, низкие цены. Однако и сегодня там самые низкие цены в регионе, довольно насыщенный рынок. Вот в Томске, где средоточие военной промышленности, науки и высшего образования, есть очень серьезные проблемы. Но и там нет всеобщего страстного желания вернуться в ситуацию 1991 г. с талонами и бесконечными очередями.

— *Думаю, Вы не можете не испытывать удовлетворение при виде первых результатов тех преобразований, которые начинала Ваша команда.*

— Конечно, есть вещи, которые радуют. Например, то, что в этом году мы практически можем отказаться от импорта зерна. Если не откажемся, то по собственной глупости, потому что нет у нас такой проблемы, в стране впервые избыток зерна. Честно говоря, дожить до такой ситуации, помня, что в течение 30 лет при любых урожаях мы импортировали зерно, очень хотелось.

Я рад тому, что всеобщее стояние в очередях перестает быть национальным видом спорта. Когда мы начинали реформу, я знал, что можем добиться исчезновения очередей. Хотя, если Вы помните, этому практически никто не верил. И мы, и наши мамы родились с обреченной уверенностью, что наша жизнь так устроена, без очередей в ней невозможно, а кто считает иначе, просто не понимает жизнь. Десять лет назад я не был уверен, что наступит время,

когда из Тулы перестанут ездить в Москву за колбасой, что люди не будут ходить на поклон к продавцу и ждать, когда он что-то вынесет. Да, за все надо платить и за нынешнюю ситуацию без очередей тоже. Но мы-то ведь это понимали, знали, что платой должен быть рынок.

Поэтому приятно, честно говоря, поддержка реформы молодыми. Самые теплые встречи у меня были со студенчеством в огромных аудиториях — Томске и Омске. Особенно радуется, что они видят перспективу при всеобщих соплях-воплях о том, как студенты не могут прожить на стипендию. Я что-то не помню, когда студенты жили на одну стипендию. Нигде этого в мире нет, и у нас тоже...

Приятно, что стал гораздо более насыщенным валютный резерв. Когда мы начинали работать, ситуация с валютой в стране была просто катастрофической. Валюты тогда имелось всего на несколько часов импорта. Помню ощущение невыносимого унижения из-за полной зависимости от кредитов, невозможности маневрировать. Зерна в стране было лишь до января. Мы занимались только решением этой патовой ситуации, потому что три дня прекращения поставки зерна означали, что мы оставляем людей без хлеба.

— С ценами на нынешний урожай до сих пор не все ясно, да и льготные кредиты нашему сельскому хозяйству грозят усилением инфляции. Удастся ли нам не сползти в пропасть гиперинфляции? Вопрос этот стал уже просто вечным.

— Мы сейчас в очень опасной ситуации. Очень. Честно говоря, я давно так не беспокоился за экономическое положение страны, как в последние недели. Собственно, что у нас происходило? Резко рос разрыв между бюджетными обязательствами и реальной бюджетной практикой. У нас как бы получилось две политики. Одна — широких раздач и обещаний, другая — жестких ограничений, когда очень незначительно финансируют, недоплачивают. Возник нарыв, который может прорваться, превратиться в детонатор, который опрокинет экономику в гиперинфляцию. И тогда, конечно, развитие событий будет очень печальным, подобным тому, что мы видим по телевизору в последних репортажах из Киева.

Этого, без всякого сомнения, можно избежать. Вернуться к политике жесткого ограничения бюджетных обязательств, взять курс на последовательное сокращение доли государственных субсидий в валовом национальном продукте. Конечно, если бы еще была под-

держка ответственного Верховного Совета, то движение в данном направлении стало бы менее болезненным. Но и сейчас, хотя положение очень тяжелое, у правительства есть рычаги, которые нужно использовать немедленно, чтобы не сползти в гиперинфляцию.

Тут несколько возможностей. Первая — заданность по объему бюджетного финансирования. Сколько бы ни имелось бюджетных обязательств, нельзя при нынешней ситуации, как бы ни хотелось, превышать в расходах федерального бюджета 20% валового национального продукта. Вот первое, что железно надо взять себе за принцип и в дальнейшем регулировать все противоречия в рамках этой заданности.

Второе — нужно немедленно начинать ревизию всех принятых субсидионных решений. Они в последнее время росли как на дрожжах. Вроде денег нет, а всем их дают. С этим невозможно справиться, если решительно не переломить ситуацию. Здесь на самом деле главный резерв.

Без всякого сомнения, есть резервы и во внешнеэкономической сфере, я не хочу о них сейчас говорить. Короче, было время, когда можно было надеяться на борьбу с инфляцией методом пассивной политики: держаться, не давать ей развиваться. А сейчас ситуация такова, что необходима активная политика — принятие целого ряда решений, которые позволяют справиться с инфляцией.

— Много говорят о том, какую методику определения уровня инфляции можно считать объективной. Чьей Вы пользуетесь?

— Я в целом удовлетворен сейчас индексами потребительских цен Госкомстата. Они не идеальны, конечно, но радикальных отклонений от того, что происходит, в них, по-моему, нет. Оптовые индексы очень плохие, это скорее индексы предложений, чем цен, на них ориентироваться просто невозможно. А индексы розничных и потребительских цен — вот два инструмента, которыми можно пользоваться. В основном сейчас я опираюсь на них.

Вы знаете, что месячная инфляция в августе была очень высокая — более 29%. Она результат преходящих, надеюсь, моментов, это последствия денежной реформы, отсроченной либерализации цен на уголь. Но есть и базовый фактор — достаточно существенный темп роста денежной массы в июле. Вот в какой степени и какой импульс он задаст — это и определит развитие инфляционного процесса до октября.

— *Вы не раз сожалели о том, что зимой 1992 г. не отпустили цены на топливо. Все мы помним январский шок либерализации. А если бы тогда стали «свободными» еще и энергоносители, цены взлетели бы гораздо выше. Разве не так?*

— Конечно, они были бы выше. Но в чем суть дела? Разумеется, не стоит думать, что если бы мы сразу либерализовали цены на энергоносители, то жизнь стала бы легче. Она в принципе оставалась бы такой же, ведь базовые проблемы не изменились. Однако замороженные цены на энергоносители в условиях высокой инфляции — это постоянный фактор, воспроизводящий ценовые диспропорции и дающий разовые импульсы инфляции. Вы живете в постоянном ожидании: вот цены еще вздуются. Помните, весной прошлого года, когда мы объявили, что топливо подорожает, началась дикая истерика. Мол, вот теперь народное хозяйство окончательно рухнет, а цены на все вырастут, как первого января, в десятки раз. Но они на этот скачок практически не среагировали. После резкого повышения цен в мае мы вошли в период самой низкой инфляции за последние два года — до августа 1992-го. Так что этот фактор не очень значимый для инфляции.

С точки зрения долгосрочного развития было бы правильнее отпустить тогда цены на энергоносители. Не на все, конечно. На электроэнергию не надо было, как и на газ. А либерализовать цены на нефть и нефтепродукты стоило. Резкого увеличения индекса цен это бы не дало. Ведь гораздо важнее не то, насколько высок первоначальный скачок, а то, как процесс развивается дальше. Но надо сказать, что мою позицию тогда практически никто не поддерживал, даже друзья-единомышленники.

— *Развал Советского Союза воспринимается людьми очень болезненно. Многие хотели бы вернуться в него. Но сейчас, когда наша рублевая зона вновь стала расширяться, появились сомнения, так ли это уж выгодно для России?*

— На самом деле она еще не расширилась, не нужно так говорить. Пока мы только подписали соглашение о намерениях. А хорошо ли это будет для нас, зависит от того, насколько по-умному все сделаем. Мы за тесную валютную, денежную интеграцию, если, конечно, речь идет о серьезном, объективном, контролируемом денежном союзе, если в нем будет обеспечено единство таможенной, налоговой, бюджетной политики, учетных ставок, темпов роста кредит-

ной эмиссии и т. д. Там, где работают общие, единые деньги, просто замечательно. Но все это хорошо и прекрасно, если есть на самом деле. Именно на такой базе мы желаем объединиться, но пока этого нет.

В свое время мы сделали очень важный шаг — с 1 июля 1992 г. разделили безналичную оплату. Это значит, что у нас теперь свои деньги и нельзя просто так где-то выписать платежку на миллиард рублей, чтобы в России заплатили. Для этого надо иметь российские деньги. Такую ситуацию я предпочел бы сохранить, пока все необходимые условия для объединения не будут соблюдены. В противном случае это может обернуться для России большой бедой.

Мы дорого заплатили за то, что у нас не была разделена рублевая зона. Высокая инфляция в России, на мой взгляд, в колоссальной степени связана с тем, что мы вошли в реформы с уникальной ситуацией — имея 15 эмиссионных банков, которые наперегонки кредитовали свое народное хозяйство. С этим было невозможно так быстро справиться. За первоначальный беспорядок мы заплатили очень высоким уровнем инфляции. Сейчас созданы предпосылки для постепенного упорядочения отношений с бывшими республиками. Почему усилились наши позиции? Потому что с нами нельзя теперь так просто расщитаться.

— *Уходя в отставку, Вы опасались за судьбу приватизации. А теперь Вы спокойны за нее?*

— Конечно, положение очень тяжелое, но мне кажется, что процесс развивается более благоприятно, чем я думал. Я опасался, когда уходил, что времени на реальное развертывание приватизации будет гораздо меньше, что мои коллеги с трудом удержатся на этих позициях максимум до апреля. Но сейчас уже сентябрь и огромная часть экономики пусть плохо, но приватизирована. Мы понимали, что надо быть совсем идиотами, чтобы приватизировать экономику России за три недели, как нам предлагали в 1991 г. Но и не нужно иметь большого ума, чтобы не понимать: если ты сделаешь это за три года, то заплатишь за результат массой уступок. У нас был выбор: либо мы приватизируем за тысячу лет самым совершенным способом и продолжаем жить в условиях вечного беспорядка, либо идем на все издержки, но достаточно скоро создаем вполне мощный частный капитал. Сегодня продвижение в этом направлении идет в нормальном темпе.

За это время предпринимались бесконечные попытки торпедировать приватизацию. Однако сейчас даже коммунисты не выходят на улицу с лозунгом «Давайте немедленно ее остановим». Это непопулярно. Обычно делается по-другому. Вносится предложение: все это замечательно, но нужны коррективы. Но что значит коррективы? Ведь приватизация — это сложный правовой, экономический и технический процесс. Камешек из него выберешь — и вся система рухнет. Всем это понятно, и ее противникам тоже. Но им надо остановить приватизацию любой ценой или хотя бы создать максимальные препятствия на ее пути.

— *Говорят, что судьба России решается в регионах. Не потому ли Вы согласились участвовать в разработке региональной программы экономической политики в Ярославле? Вы полагаете, можно с помощью экспериментов в отдельно взятой области вытащить весь российский локомотив?*

— Я всегда считал, что у нас есть серьезные резервы усиления возможностей и прав регионов. Однако я категорически против построения развитого капитализма в отдельно взятой области. Этого не бывает. Научный коллектив нашего института оказывает обычную консультационную помощь в Ярославле. Речь идет там о резервах бюджетной политики, о бюджетных фондах, об эффективном использовании имеющихся у администрации средств, а не о том, как сделать Ярославль маленьким Кувейтом.

Экономика России очень тесно взаимосвязана. Россия зависит от регионов — это верно, но в то же время они стопроцентно зависят от деятельности ее правительства. Я категорически не принимаю идею, что некое количество регионов должны договориться и создать Россию. Во-первых, она нам дана и не надо ее вновь создавать. Ее нельзя разваливать, плата за это может быть очень кровавой. Тенденция к сепаратизму — опасный процесс. Люди, инициирующие его, возможно, руководствуются лучшими побуждениями, но играют плохую роль. Я смотрю на этих людей и думаю: как же мы категорически не хотим извлекать опыт даже не из времен Петра I, а из последних трех лет нашей истории!

— *Многие предприниматели считают главным препятствием для развития российской экономики чрезмерную налоговую дань, которая весьма сдерживает деловую активность.*

— Я их понимаю. Налоги действительно очень высокие, сохранять их на таком уровне нельзя. Но нужно, к сожалению, понимать: за все, что тратит государство, а расходует мы больше, чем имеем, мы все равно платим налогами. Если не формальными — в налоговую инспекцию, то тогда автоматически включается самый дешевый и эффективный налог — на держателей денег. Выписывая кому-то платежки на энную сумму напечатанных, ничем не подкрепленных денег, я тем самым сокращаю ровно на эту сумму реальные денежные активы у всех остальных. Вот самый главный и разрушительный налог. Его надо в первую очередь ликвидировать. И потом снижать общий уровень налогового бремени, повышать долю ресурсных налогов, снижать долю налогов на доход. Это тяжелая, кропотливая, постепенная работа, которую без ответственного парламента не сделаешь. Потому я считаю, что этот вопрос можно решить только после следующих выборов, если нам удастся сформировать более достойный парламент.

— *Многие уже не надеются дожить до лучших времен, полагая, что даже не их дети, а только внуки увидят новый подъем России. А каким Вы видите будущее Ваших детей?*

— Знаете, все сегодня зависит от политики. Экономических загадок в том, как в течение жизни одного поколения сделать Россию богатой страной, нет. То, что это у нас возможно, абсолютно ясно. А вот позволят ли сделать так наши политические институты — вопрос, на который ответит время и мы сами.

Сегодня судьбу демократии решают москвичи

Особой напряженности в здании на Старой площади я вчера не почувствовал. Правительство работало, не было ни суеты, ни спешки...

Здесь же, в здании правительства, действует оперативный штаб, возглавляемый Олегом Сосковцом. Не смолкают телефоны и у первого вице-преьера Егора Гайдара. Несмотря на загрузку, он нашел время для эксклюзивного интервью «Труду».

— *Егор Тимурович, Вы обратились к москвичам с призывом прийти в ночь с воскресенья на понедельник к Моссовету. Неужели необходимо было, чтобы безоружные люди вместо сна дежурили на Тверской улице?*

— Необходимость была. Я бы сказал даже, что была абсолютная необходимость. Надо признать, что и правительство, и силовые министерства на фоне переговоров, которые велись под эгидой патриарха, просто недооценили коварство экстремистов, их скоординированность, жестокость. Недооценили также их готовность пролить любое количество крови...

— *После середины дня в воскресенье стало ясно, что значительная часть милиции, ОМОНа была разобщена, не способна оказывать сопротивление, наводить порядок. Чаша весов заколебалась. Экстремистов было не так уж много, но они действовали очень четко, были хорошо организованы, брали под контроль ключевые точки. А в наших силовых структурах произошло, к сожалению, замешательство, часть людей была деморализована...*

— Я не хочу сейчас давать каких-то оценок. Конечно, силы правопорядка тоже были не в простой ситуации, тем более после двухнедельной интенсивной обработки. Но в целом положение сложилось очень тяжелое. И для духа армии, готовности силовых структур дей-

ствовать была чрезвычайно важна поддержка народа. Одно дело, когда тебя посылают наводить порядок по приказу, и другое дело, когда ты видишь, что являешься защитником народа, что народ поддерживает законную власть. Вот почему жизненно необходимо было продемонстрировать эту поддержку. Несмотря на опасность, люди пришли и к Моссовету, и к Кремлю.

— *Я тоже был там...*

— Вы видели, какие люди пришли? Какие светлые лица... Эта поддержка сыграла очень важную роль. Сегодня судьбу демократии во многом решают москвичи.

— *Но почему побоялись раздать оружие? Если бы атаковали экстремисты, то 6–8 тыс. безоружных людей у Совета были бы просто расстреляны из автоматов и пулеметов.*

— Раздавать оружие в той ситуации не было необходимости. Но мы были абсолютно готовы при критическом развитии событий вооружить москвичей. Арсенал у нас есть (не буду говорить, где именно), все было готово, и мы пошли бы на такой шаг, если бы обстановка этого потребовала. К счастью, до этого дело не дошло, и это очень хорошо.

— *Выступая в июне в США, Вы сказали, что в конце прошлого года, когда съезд пытался сместить Бориса Ельцина, «мы вплотную приблизились к моменту гражданской войны». Сегодня мы еще ближе к этому или нет?*

— Мы были в воскресенье страшно близки к гражданской войне. Сегодня, я думаю, ситуация более стабильная. И в скором времени, надеюсь, все стабилизируется.

— *А позиция регионов?*

— Мнения граждан в регионах и позиция местных Советов, мягко говоря, не всегда совпадают. И еще. Итоги выборов определяют регионы, а революции, как известно, решаются в столицах. Так было всегда...

Чем аукнутся залпы по Белому дому?

Егор ГАЙДАР, первый вице-премьер правительства:

— Политическое противостояние не сняло остроты экономических проблем. Лишь в ближайшие месяцы выяснится, удастся ли не допустить влияния напряженной политической ситуации на принятие осмысленных экономических решений, не послужит ли политическая конфронтация прологом к резкому углублению экономических трудностей.

Принято решение о реорганизации Фонда социального страхования. Это огромный кусок денежных средств — 4,5% отчислений от заработной платы, — который традиционно был абсолютно бесконтролен и тратился на содержание общественных организаций, их аппаратов, их структур, их агентов. Сейчас правительство получило возможность взять деятельность этого фонда под нормальный государственный контроль.

В правительстве обсуждается возможность и необходимость принятия ряда законодательных актов. Однако здесь есть соблазн чрезвычайного нормотворчества. Ведь принятые в чрезвычайном порядке указы президента могут быть очень быстро ревизованы. Поэтому в правительстве идет работа над подготовкой базы нормативных документов, которые могут быть внесены на рассмотрение Государственной думы. В первую очередь речь идет о новом Гражданском, Уголовном, Уголовно-процессуальном кодексах и Кодексе законов о труде. Возможно, некоторые указы будут приниматься с формулировкой «Впредь до утверждения Государственной думой». Скорее всего, это будут акты, связанные с изменением Закона о предприятии и Закона о собственности.

Когда принимать законодательные акты, касающиеся земельной реформы, в правительстве еще не договорились. В данном слу-

Интервью брала Ирина САВВАТЕЕВА.

Опубликовано в: Комсомольская правда. 1993. 9 октября.

чае, видимо, нужно подождать, пока начнет работать Государственная дума.

Что касается налогов, то правительство отказалось от идеи увеличивать налоговую ставку президентским указом.

— Почему же?

— Потому что реальные резервы повышения налогового бремени уже исчерпаны. И остался один стратегический путь: снижение уровня государственных расходов.

Правительством разрабатывается новый подход к формированию бюджета. Очевидно, будет установлена единая федеральная ставка налога на прибыль — от 11 до 14%. Дальше регионам предоставляется право устанавливать налог на прибыль в том объеме, который они считают разумным исходя из собственных финансовых потребностей. Со злостными же регионами-неплательщиками — Татарстаном, Башкирией, Якутией — будет вестись индивидуальная работа. Без резких движений, без истерик будем наводить порядок. Впрочем, непонятна ситуация, при которой близлежащие области, не являющиеся автономиями, по существу реально финансируют ложное благополучие автономий.

Возможность оздоровления бюджета можно связать с тем, что не надо теперь финансировать его дефицит в 28 трлн, утвержденный еще в июле решением Верховного Совета.

— Почему введен запрет на хождение валюты?

— Эта мера вполне обоснованная. Ни валютные счета, ни хранение валюты, ни ее свободный обмен решением Центробанка не запрещаются. Запрещается лишь одна вещь, которая запрещена во всех странах с намеками на стабильность денежной системы: расчеты в наличной валюте.

— Вопрос в том, есть ли такие намеки? Или хотя бы, будут ли они к 1 января 1994 г.?

— Если мы сами не будем делать сейчас ничего поразительно глупого, у нас нет никаких оснований к 1 января такую ситуацию не иметь. Вопрос о хождении наличной валюты — это вопрос о прогнозируемости и контролируемости динамики валютного курса. При нынешнем объеме валютных резервов, при перспективе нашей денежной политики у нас есть все возможности для того, чтобы это изменение было контролируемым.

Я не выступаю за введение фиксированного курса, но избежать сегодня резких колебаний курса в наших силах. Обменные пункты есть. Люди к ним привыкли, так же как и к тому, что рубль — это уже деньги. Нет проблем обменять безналичные рубли на валюту. Многие перешли на расчеты в рублях, а расчеты в валюте исчезли практически совсем. Конечно, есть риск, что решение будет выполнено не везде и не сразу. Но я этого не боюсь. Главное — мы ликвидируем легальные формы валютной торговли, мы создаем экономические условия, при которых иностранная валюта может быть вытеснена из оборота. Но я не застрелюсь, если выяснится, что 13 января в Москве в десяти точках торгуют за валюту.

Никаких кадровых чисток в ближайшее время не намечается, так же как и реорганизаций в блоке экономических министерств. Самое худшее, что можно сейчас сделать, — это затеять реорганизацию. Это надежно парализует работу. Тем не менее после выборов в Государственную думу серьезная реорганизация экономических министерств будет проведена.

Абсолютно очевидно, что в том виде, в котором существует сегодня Министерство безопасности, это ведомство не нужно. По меньшей мере оно нуждается в очень серьезной реорганизации. В данном случае я высказываю личную точку зрения. То же самое касается и милиции.

Поручение установить ставку Центрального банка в 200% было дано правительством в момент обвального падения курса рубля. Сейчас мы рассматриваем вопрос о поднятии ставки не единым скачком, а постепенно. Может быть, до 185–196%.

Егор Гайдар: Нижнюю точку мы прошли

Как видится ему со Старой площади экономическая ситуация в стране? Что ждет россиян в ближайшие месяцы и в более отдаленной перспективе? Этим вопросам была посвящена наша беседа с Е. Гайдаром.

— Егор Тимурович, когда все-таки прекратится падение уровня жизни россиян? Заканчивается второй год экономических реформ, запаса «плавучести» во многих семьях уже не осталось, и люди хотели бы знать — сколько еще времени придется затягивать пояса? Виден ли свет в конце тоннеля?

— Прежде всего хотел бы сказать, что ситуация хотя и тяжелая, но все же не столь катастрофична, как иногда ее изображают. Уровень жизни резко снизился, ухудшилось качество жизни, и миллионы россиян действительно испытывают серьезные трудности. Этот процесс начался еще в 1987 г. и был особенно болезненным после начала радикальных реформ в 1992 г. Столь большую цену пришлось заплатить, чтобы избежать катастрофы. Помните конец 1991 г. — пустые прилавки, деньги, которые по сути мало что значили, ибо на них нельзя было купить нужные товары. Экономика напоминала котел с перегретым до критической температуры паром — до взрыва оставалось совсем немного...

Конечно, были и ошибки (одна из самых существенных, на мой взгляд, непоследовательность в проведении реформ). Но в целом принятые меры были жизненно необходимы, а болезненные последствия — неизбежны. А теперь давайте посмотрим тенденции в нынешнем году. Позитивные сдвиги налицо, несмотря на сложную политическую обстановку, жесткое противодействие реформам со стороны бывшего Верховного Совета, несовершенство юридической, экономической и финансовой базы. Замедлился спад произ-

Интервью брал Виталий ГОЛОВАЧЕВ.
Опубликовано в: Труд. 1993. 23 октября.

водства. В сентябре, например, не уменьшен, а увеличен среднемесячный выпуск продукции в сравнении с августом по половине изделий, учитываемых в срочной отчетности.

Это продукция топливной промышленности и электроэнергетики, химической и пищевой промышленности, непродовольственные товары народного потребления.

Каждый год в III квартале происходит снижение производства. Так было и в 1990 г., и в 1991-м, и в 1992-м... Но если в прошлом году объем выпуска продукции уменьшился в июле — сентябре по сравнению с предыдущим кварталом на 20%, то в этом году — менее чем на 14%. За девять месяцев сложился положительный внешнеторговый баланс. Экспорт — 28 млрд, импорт — 13,3 млрд, в плюсе почти 15 млрд долл.

Стабилизировался курс рубля. В торговле розничный товарооборот хотя и незначительно, но все же увеличился (в товарной массе) по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Конечно, есть у нас еще очень много проблем, но ростки нового крепнут, и этого нельзя не замечать. Позитивные сдвиги затрагивают и социальную сферу. Важнейшим фактором здесь является то, что уровень жизни россиян подошел к рубежу стабилизации. Да, этот уровень у многих россиян очень низок, качество жизни, без всякого сомнения, оставляет желать лучшего, но все же дальнейшего падения не происходит. И это я хотел бы подчеркнуть, т. е. нижняя точка здесь уже пройдена. И когда вы в своем вопросе говорили как об аксиоме о продолжающемся снижении уровня жизни, то это в целом не совсем так. (Хотя, конечно, есть немало людей, для которых процесс стабилизации еще не наступил.)

Давайте теперь посмотрим, как изменялись средняя зарплата и потребительские цены в нынешнем году начиная с февраля. Они выросли примерно одинаково — в пять с небольшим раз. Но все же средняя зарплата повышается чуть быстрее. В июле и августе картина была противоположная, а в сентябре увеличение зарплаты и цен шло примерно одинаково. Но в общем балансе реальные доходы за последние восемь месяцев не снизились. И это один из признаков того, что мы вплотную подошли к стабилизации уровня жизни.

— *Насколько устойчива эта тенденция? Не ожидает ли россиян еще один этап «шоковой терапии» в связи с ужесточением кредитно-денежной и финансовой политики?*

— Если последовательно придерживаться выбранного курса (а я сейчас не вижу причин, которые помешали бы его проводить), то позитивные тенденции будут укрепляться. Конечно, ни о каком «шоке» и речи быть не может, это пройденный этап. Наоборот, укрепление рубля и другие стабилизационные процессы в экономике окажут положительное влияние и на уровень жизни.

— *Сегодня некоторые специалисты предлагают поставить в зависимость прирост фонда оплаты труда от увеличения объема выпускаемой продукции или от темпа роста цен. Как Вы относитесь к таким предложениям?*

— Я не думаю, что нам надо сейчас идти на это. В целом у россиян не такая уж большая зарплата, чтобы искусственно ограничивать ее рост.

— *Очень интересно. Это принципиально иной подход, чем, скажем, у некоторых других членов правительства, между прочим, из числа радикальных реформаторов... Но вот что написал в редакцию читатель «Труда» москвич Д. Зворыкин: как бы ни росла зарплата, все равно она кажется убогой на фоне не то что развитых, а даже развивающихся стран...*

— Это не совсем так. Сравним долларовый эквивалент нашей зарплаты сейчас и несколько лет назад. В 1985 г. средняя зарплата рабочих и служащих в России составляла примерно 200 руб. А какой тогда был реальный курс доллара — помните? Обменных пунктов на каждом шагу, как сейчас, не было. «Валютные операции» (обмен рублей на доллары) подпадали под действие Уголовного кодекса. Но все-таки был «черный» рынок, который устанавливал курс: 6 руб. за 1 долл.

Это значит, что 200-рублевая зарплата в 1985-м равнялась 33 долл. К концу 1991 г., когда экономика разрушалась на глазах, курс доллара подскочил до 200 руб. Средняя декабрьская зарплата (1100 руб.) была эквивалентна всего 5–6 долл. И наконец, сентябрь нынешнего года. По предварительным оценкам, средняя зарплата — порядка 80 тыс., или около 70 долл. Цифры эти весьма показательны и говорят сами за себя. Кстати, во многих бедных странах средняя зарплата составляет 20–30 долл. Глава одного из таких государств получает, как писали газеты, всего 40 долл. в месяц. Так что ваш читатель, видимо, не в курсе дела.

Без всякого сомнения, средняя зарплата в России будет расти и далее. В первом полугодии 1994-го она, видимо, поднимется в валютном эквиваленте до 100 долл. Это примерно тот самый уровень, с которого в свое время начинали реформы и экономический подъем Япония, Корея.

— Многие россияне, имеющие доход выше прожиточного минимума, не теоретически пересчитывают свою зарплату в доллары, а самым непосредственным образом покупают наличные доллары в банке, чтобы сберечь деньги от инфляции...

— Да, это сегодня довольно распространенное явление. По данным Центробанка, затраты на покупку валюты в коммерческих банках в III квартале составили 1,6 трлн руб., или 8,8% текущих доходов населения. Для сравнения: во II квартале на приобретение валюты было истрачено всего полтриллиона. Обесценивание доллара (которое тоже происходит) не идет ни в какое сравнение с темпами инфляции. Так что реакция россиян вполне нормальная, «рыночная». И это лишнее свидетельство того, что борьба с инфляцией для России является сейчас наиглавнейшей задачей.

— Но как в условиях монополизма производителей можно победить инфляцию? Монополист в условиях жесткой финансовой политики будет сокращать выпуск продукции и повышать непрерывно цены — все равно покупателю деться некуда, возьмет...

— «Беспрерывно» цены повышать невозможно, потому что есть четкий рубеж — мировые цены. А мы к ним подходим все ближе, по ряду видов продукции — почти вплотную. Если товар будет стоить дороже, чем за рубежом, то проще купить его у иностранной фирмы. И поэтому ответственная кредитно-денежная и финансовая политика обязательно приведет к уменьшению инфляции.

— Какими же будут темпы роста цен, по Вашему прогнозу, до конца года?

— Напомню: в августе потребительские цены увеличились на 26%, с сентября — на 21%. В октябре рост цен, судя по всему, не превысит 20%, а в ноябре и декабре темпы инфляции должны быть менее 20%, т. е. инфляция будет и дальше снижаться.

— Намеревается ли правительство повысить минимальную зарплату, пенсии?

— Да, это будет сделано, видимо, в ноябре. Особый акцент должен быть на усилении адресной поддержки тех, кто в ней действи-

тельно нуждается. Это потребует определенной перестройки всей системы социальной помощи, чем сейчас и занимаются эксперты.

— Весьма болезненным является жилищный вопрос. Очередь на получение квартиры почти не движется, а возможности купить ее у бедной семьи нет никакой...

— Готовится жилищная реформа. Не хочу сейчас говорить о деталях (просто еще рано), но общий смысл в том, чтобы помочь малоимущим в решении жилищной проблемы. Думаю, соответствующий указ будет опубликован еще в этом году.

— О некоторых предложениях мне рассказывали. Например, покупка квартиры как бы по частям. Сегодня вы вносите деньги, допустим, за 3 или 4 м по нынешним ценам, через полгода, накопив, приобретаете еще 5 м и т. д. Это позволяет сохранить рубли от инфляции и даст возможность купить квартиру. Или получение субсидий. Размер их предлагается увязать с тем, сколько времени человек стоял в очереди на получение жилья (одно дело — год, другое — десять лет). Преимущество и льготы должны иметь инвалиды и т. д. Словом, речь идет о том, чтобы перевести так называемую административную очередь в «финансовую», которая будет двигаться гораздо быстрее...

— Давайте все же поговорим об этом чуть позже, тогда можно будет вести более предметный разговор.

— В начале сентября, когда Вы еще не знали, что вскоре станете первым вице-премьером, в одном из интервью рекомендовали правительству провести ряд первоочередных мер: отменить госзаказ на поставки сельхозпродуктов, сократить субсидии, разрешить экспорт сельхозпродукции и т. д. Сейчас, заняв один из ключевых постов в правительстве, намерены ли Вы все это реализовать, притом, как сами же рекомендовали, «в первоочередном порядке»?

— Да, именно в первоочередном. По всем этим направлениям уже идут обсуждения, проводится подготовительная работа. Я, как и раньше, убежден, что госзаказ на поставки сельхозпродуктов не нужен. Если необходимо зерно для федерального, региональных фондов или, допустим, Министерству обороны, кому-то еще — пожалуйста, закупайте через соответствующие фирмы, которые будут конкурировать между собой, тем самым сбивая цены...

— А если они, цены, будут, наоборот, подниматься еще выше?

— Так мы уже сегодня вышли здесь почти на уровень мировых цен. Поднимутся выше мировых — кто же купит зерно? История по-

казывает: как только появляется громоздкая и неповоротливая государственная монополия на зерно, то сразу же возникают проблемы с хлебом. Исчезает монополия — исчезают и проблемы.

У нас довольно высокая рентабельность зернового производства. Поэтому оно будет развиваться, в этом я уверен. И возможно, в будущем году мы сумеем отказаться от широкого импорта зерна. Более того, сами попытаемся выйти на мировой рынок, экспортируя свое зерно. Вполне возможно и появление встречных зерновых потоков...

— *Когда будут приняты решения по этим очень важным для экономики вопросам?*

— Думаю, в ближайшие месяц-два. Ведь от этого, в частности, во многом будет зависеть и структура бюджета, который надо утвердить в декабре.

Конечно, речь идет не только о зерне. Необходимо более последовательно и комплексно идти по пути реформ, особое внимание уделяя созданию и развитию рынков. Нам нужен не только продовольственный рынок, но и рынок недвижимости, рынок энергоресурсов... Как воздух, необходима эффективная система стимулирования частных инвестиций. Здесь можно было бы использовать, скажем, государственные гарантии в приоритетных сферах (естественно, и для отечественных, и для иностранных инвесторов), осуществлять смешанное финансирование с участием государства и т. д. Разработкой всех этих вопросов сейчас занимается правительство.

Для развития реформ нужна и новая юридическая, правовая база. Это касается частной собственности, защиты прав акционеров, поддержки предпринимателей и многого, многого другого.

— *И последний вопрос. Какие изменения намечаются во внешне-экономической сфере?*

— Прежде всего поддержка экспортеров. Очень важно увеличивать, развивать экспорт товаров из России. Предполагается уменьшить ставки экспортных тарифов. Это значит, что предприятия будут меньше платить в казну за продукцию, отправляемую за рубеж. Предполагается также уменьшить перечень товаров, на продажу которых за границей нужно разрешение. Список того, что квотируется, непомерно велик. Я считаю, что можно было бы оставить всего десяток наименований.

В то же время, возможно, будут повышены импортные пошлины на некоторые товары. Такая протекционистская политика поможет нашим промышленникам окрепнуть и быстрее адаптироваться к рыночным условиям.

В заключение хотел бы сказать, что после длительного и, к сожалению, не всегда оправданного маневрирования на станционных путях локомотив реформ выходит наконец на магистральную дорогу. Она тоже нелегка, но все же позади осталось самое трудное. Я верю в здравый смысл россиян, убежден, что мы достигнем намеченных целей.

У нас нет более важной проблемы, нежели договориться о правилах игры

Эксклюзивное интервью журналу «Посев» дает Егор Гайдар

— Егор Тимурович, хочу сразу честно предупредить: ведем наш разговор мы в начале августа, а до читателей «Посева» он дойдет только в октябре. Можно лишь предполагать, что и как к тому времени у нас, в России, изменится, и не устареет ли безнадежно все, о чем мы сейчас с Вами говорим... Потому мой первый вопрос: насколько, на Ваш взгляд, вообще предсказуема российская политика, российская экономика и все прочее, с ними связанное?

— Я бы сказал так. Российская политика и экономика вполне прогнозируемы с точки зрения устойчивых проблем, которые в ней будут существовать не только в ближайшие месяцы (совсем не трудно обозначить тот набор сюжетов и поворотов, которые будут присутствовать в ней и через год, и через два, и через три). Но она действительно очень трудно прогнозируема с точки зрения динамики решения этих проблем, т. е. Россия сегодня неплохой объект для долгосрочного прогнозирования и очень неподходящий — для краткосрочного. Тем не менее совершенно очевидно, что и к концу года главной проблемой останется инфляция, проблема обеспечения устойчивости стабилизационных усилий. Без всяких сомнений, столь же острой проблемой останется медленная структурная перестройка, по-прежнему в центре внимания будут проблемы промышленной политики и уровня поддержки предприятий, все более настойчивыми будут требования закрыть рынок для иностранных экспортеров, оградить интересы национального производителя. Без всякого сомнения, по-прежнему нерешенным останется вопрос о создании прочной нормативной базы, по этому поводу будут про-

должаться все более острые дискуссии и ожесточенная полемика. Страсти будут все время кипеть и вокруг уровня и масштабов поддержки сельского хозяйства...

— В мае мы миновали одну символическую отметку: пятисотый день с начала реформ. Что бы Вы назвали в числе достижений той политики, которую связывают с Вашим именем?

— Из того, что мы делали? Пожалуйста. Первое. Дефицит при распределении перестал быть главной составной частью российской социально-экономической жизни. Второе. Экономика резко демилитаризована. И третье: частная собственность стала банальным и приевшимся делом.

— Простите, но ведь в только что утвержденном бюджете военные расходы вновь резко увеличены. Если не ошибаюсь, 35% — это же экономика военного времени.

— Ну, дело в том, что есть разные цифры — сколько утверждено в бюджете, принятом Верховным Советом, сколько запрашивало правительство и т. д. И я бы предложил смотреть не на то, что заложено в бюджет, а на то, как реально финансируется та или иная отрасль. По прошлому году у нас доля военных расходов в ВВП была 5,5%, в этом году она колеблется в реальном исполнении в районе 5%.

— И Вы считаете этот процесс необратимым?

— Вопрос что называется сложный. Но я думаю, что все-таки да. Ведь мы сумели сократить в первую очередь расходы на производство вооружений, а такое сокращение вынуждает в свою очередь к структурной перестройке предприятий, эти вооружения производящих. И если нам удастся продержаться эту линию еще несколько месяцев, то восстановление производства вооружений на некоторых предприятиях станет практически невыполнимой задачей. Ведь любая технологическая перестройка представляет собой самую серьезную проблему для любого коллектива. И если сейчас они будут до последнего сопротивляться, когда их заставляют отказаться от производства оружия, то столь же трудно будет потом заставить их вернуться к нему.

— Вы считаете, это удастся?

— Во всяком случае я надеюсь на это. Надеюсь. Импульс к перестройке военно-промышленному комплексу в 1992 г. был дан очень сильный. И уже сегодня в общем объеме производимого оборонны-

Интервью брал Павел ГУТИОНТОВ.

Опубликовано в: Посев (Франкфурт-на-Майне, Германия). 1993. № 5. Сентябрь – октябрь.

ми предприятиями доля вооружений составляет всего 20%. И это, думаю, труднообратимая штука.

— *«Парламентский вариант» бюджета, на который Вы предлагаете «не обращать внимания», предусматривает безумный дефицит — 23 трлн руб. Я так понимаю, что, наверное, это чисто пропагандистский шаг тех, кто хочет за чужой счет продемонстрировать свою любовь к народу: все равно исполнить такой бюджет невозможно. Но не происходит ли новой накачки отраслей ничем не обеспеченными деньгами и не слишком ли велика опасность, что эта накачка торпедирует все задумывавшиеся реформы?*

— Да, скажем, за целый квартал планировалось предоставить кредитов на 1 трлн 900 млн, а лишь за месяц и пять дней дали 1 трлн 200 млн... Посмотрим, в какой степени правительству и Центральному банку удастся удержаться в августе — сентябре, пока же мы далеко вышли за рамки того, что сами намечали. С одной стороны, есть страстное желание у Минсельхоза и у аграрного лобби выбить кредиты в максимальном объеме, с другой — мы сейчас расплачиваемся за то, что в начале года своевременно не реализовали то, что было уже подготовлено: переход от безадресной финансовой поддержки к фьючерсным закупкам урожая, что могло бы сделать взаимоотношения с селом более экономичными. В общем согласен, что ситуация очень рискованная.

— *Это Вы уже отвечаете на следующий вопрос: чего Вам сделать не удалось?*

— Понимаете, когда мы начинали, мы не были, скажем так, идеалистами и прекрасно представляли себе все ожидающие нас проблемы и ограничения. У нас были две программы: программа-максимум и программа-минимум. Программа-минимум состояла в том, чтобы запустить рыночный механизм, преодолеть кризис снабжения городов, не допустить развала денежного обращения, гиперинфляции, всеобщей бартеризации экономики на этой основе, создать предпосылки для институциональных преобразований.

Программа же максимум в том, чтобы сделать все это, а одновременно не допустить перехода подавленной инфляции в высокую открытую инфляцию, т.е. не допустить ускорения в нашей экономике инфляционной инерции, остановка которой потом будет в наших условиях очень тяжелым и дорогостоящим процессом.

Программу-минимум мы, я думаю, выполнили, программу-максимум нет.

— *Что же помешало? Можно ли было преодолеть возникавшие препятствия?*

— Вы знаете, скорее всего нет. Эти препятствия носили, разумеется, прежде всего политический характер, но, видимо, они были непреодолимы. Все-таки был набор базовых проблем, которые делали для нас запуск реформ особенно социально конфликтным, управление экономикой предельно сложным. Вообще в посткоммунистических странах, которые вынуждены были переходить к реформам в условиях катастрофического развала традиционной системы управления, а не в условиях ее спокойного реформирования на относительно ранних стадиях коммунистической экономики (т.е. не в таких странах, как Югославия, Венгрия, Вьетнам или Китай, а в таких, как Россия, Польша или Болгария), трудность преобразований и плата за них всегда связана с несколькими проблемами. Прежде всего это уровень финансовых диспропорций, сложившихся во время позднего коммунизма: чем они больше, тем труднее задача. И второе: развитость частного сектора: чем он ниже, тем преобразования более сложные. По этим детерминантам мы стояли в ряду наиболее трудных реформаторов. Чехословакия имела по сравнению с нами значительно большую стабильность, Польша имела развитый частный сектор, мы же оказались близки к таким странам, как Болгария или Румыния. И там, и там проблемы были очень тяжелыми и вопрос заключался в том, как маневрировать между темпами инфляции и размерами падения промышленного производства.

У нас положение усугублялось еще несколькими обстоятельствами: развалом Союза и отсутствием национальных (российских) институтов, принципиально важных для управления рыночной экономикой, в том числе главного из них — национального российского банка. Дело в том, что когда мы начинали реформы, то был один фундаментальный факт, очевидный для профессионалов, но, к счастью, не всеми в полной мере понятый. Наша политика была построена на изрядной доле нахальства. Все могло в любой момент завалиться — мы же не контролировали важнейший параметр — импорт инфляции из рублевой зоны бывшего Союза. По состоянию на 1 января 92-го у нас просто не было инструментов, которые по-

зволили бы нам контролировать денежное обращение. Получалось так: мы пытаемся проводить предельно жесткую финансовую политику, снижаем на 60% закупку вооружений, удерживаем бюджетников, не выплачиваем зарплату и т. д., и т. д. и параллельно не контролируем приток пустых рублей, приплывающих к нам из других республик. Нам нужно было полгода, чтобы каким-то образом наладить механизм такого контроля. Перевести их на реальные корсчета и разделить безналичный денежный оборот. Это тяжелая техническая задача. И в июле 92-го она была решена. Дальше все это стало проблемой политического выбора, а не технической невозможности. Так вот сам факт отсутствия национального банка был важнейшим фундаментально неприятным параметром, который невероятно осложнял преобразования и снижал шансы на их успех. Если первые три месяца наша гипотеза относительно того, что некоторое время республики будут вести себя относительно прилично, еще подтверждалась, то к маю она уже окончательно перестала срабатывать. А политически пробивать линию на очень жесткую финансовую стабилизацию в России, когда всем становится предельно ясно, что в массовых масштабах мы импортируем инфляцию с Украины, было просто невозможно. Так что, я думаю, эта задача была неразрешима. Но я абсолютно убежден, что мы все равно должны были ее ставить, потому что в противном случае не имели бы шансов решить и первую задачу: обеспечить ремонетизацию экономики и возвращение денег в хозяйственный оборот.

— *Сегодня видно, что если и не происходит отката в политике реформ, начатых Вашим правительством, то как минимум они сильно пробуксовывают. Тот же парламент со все укрепляющимся единодушием принимает все новые и новые постановления откровенно антиреформаторского толка... Но не получается ли и так, что многих противников преобразований загнала в этот лагерь излишне конфронтационная политика их оппонентов? Неумение идти на возможные компромиссы, сговариваться, простите за такое слово, и т. д.?*

— Понимаете, с тем же парламентом мы много раз сговаривались. И до определенного периода это работало. Ведь в общем-то возможности достичь согласия с парламентом мы использовали. Масса нормативных актов, обеспечивающих осуществление реформ, была проведена именно через Верховный Совет. Но рост оппозиции про-

водимому курсу в этом парламенте, видимо, был абсолютно неизбежен в силу самой его природы, в силу того, что парламент не образовывали дееспособные политические структуры, ответственные за поведение своих депутатов, того, что по самой своей природе он структурирован как объединение лоббистских групп, а не политических партий. И конечно, он поэтому насквозь демагогичен и конфронтационен. К тому же в парламенте всегда был слишком большой блок коммунистов, которые, конечно, никогда не были в восторге от массы предлагаемых им рыночных законов. Другой вопрос — какова была оптимальная стратегия, позволяющая сводить оппозицию к минимуму, проводить в этой ситуации преобразования? Наверное, не все, что здесь делалось, делалось наилучшим образом...

— *На последнем съезде народных депутатов много говорили о необходимости создания некоего коалиционного правительства (2-н Жириновский даже попросился в министры иностранных дел). Но ведь, и это совершенно очевидно, «однопартийным» правительство не было ни дня и ни минуты...*

— Да, конечно, правительство было коалиционным с самого начала. И стало выражено коалиционным после шестого съезда, когда в его состав вошел ряд новых вице-премьеров, произошли другие важные замены на уровне министров. Потом эта тенденция еще более усиливалась...

— *Так вот сейчас, по-моему, происходит уже обратный процесс: кабинет становится все более и более однородным...*

— Нет, пока еще (пока! — по состоянию на август) оно продолжает оставаться коалиционным. Правда, в нем действительно изменяется соотношение сил между фракциями. Но все равно у тех людей, которые представляют, условно говоря, реформистское крыло, и сегодня сохраняются довольно мощные рычаги влияния на текущие процессы или, по крайней мере, они все еще способны хотя бы блокировать откровенно вредные и опасные поползновения. Но, конечно, этого достаточно, чтобы только не допустить резкой смены курса, и недостаточно, чтобы проводить осмысленную и последовательную политику.

— *Вы считаете, такая структура правительства — неизбежное зло?*

— В некоторой степени да. Дело в том, что у нас вообще министры ощущают себя прежде всего представителями своей сферы деятельности в высшем руководстве страны, и интересы этих сфер деятельности в очень сильной степени разделены. Так что все наши мечтания о некоей идиллической «команде единомышленников», которые в едином порыве, исходя из общей идеологии решают все экономические задачи... Надо быть реалистами. Другой вопрос — способно ли данное правительство в результате неизбежно сложного процесса притирки, согласования различных взглядов и интересов выработать некую целостную линию, дополняют ли друг друга ее основные компоненты или из всего этого вырастает некий набор противоречащих друг другу и взаимоуничтожающих решений? Правительство, коалиционное оно или нет, должно быть эффективным, и я не вижу никаких причин, по которым наше правительство априорно должно быть неэффективным.

— Но, кажется, пока об эффективности говорить трудно...

— Пока трудно.

— И возможно ли вообще в такой обстановке, которая создалась сейчас в стране, рассчитывать на то, что это положение изменится? Ведь становится совершенно очевидно, что экономические реформы в России блокируются политической системой, создававшейся именно для того, чтобы никаких реформ не допустить.

— Я бы так сказал: мне трудно себе представить возможность сохранения этой системы в существующем виде сколько-нибудь долгий исторический срок. Это значит, что какие-то изменения, причем достаточно радикальные, в ней произойдут уже в ближайшие месяцы. Я думаю, что в октябре — ноябре, когда выйдет журнал, его читатели в этом смогут убедиться сами, т. е. к Новому году мы будем иметь существенно иную политическую реальность, нежели сегодня. Я только абсолютно, категорически отказываюсь гадать какую.

— И все-таки основания для оптимизма у нас есть?

— Знаете, самую серьезную базу для оптимизма (при всем немалом распоряжении его результатами) лично для меня дает референдум 25 апреля, если, конечно, абстрагироваться от политической конъюнктуры и спокойно посмотреть на него как на массовый социологический опрос. Итоги референдума очень убедительно показывают, что базой необратимости перемен в России является

ся не только президент, но и интересы достаточно широких социальных групп, которые не видят для себя смысла в попытках реставрировать традиционную для нас модель общества. Они кое-что потеряли, но кое-что и получили. И они не хотят новых (в смысле старых) социальных экспериментов. Это дает надежду на то, что, скажем так, демократия и рынок в среднесрочной и долгосрочной перспективе России необязательно противопоказаны.

— Уже можно говорить о формировании политических блоков, выражающих интересы действующих в России сил, структурировании этих блоков, становящихся зачатками партий, выражающих противоположные интересы...

— Думаю, что да. Учитывая, что так устроена политическая жизнь в России, я думаю, что все-таки объективно у нас неизбежна двухпартийная система. Незавершенность базовых преобразований, нестабильность перехода неизбежно подталкивают к тому, что, как только доходит до дела, все эти метания вокруг «центра» кончаются и все вопросы решаются в споре между блоками националистов и коммунистов, с одной стороны, и, условно, блоком демократов, реформаторов — с другой. Я абсолютно убежден, что будет бесконечное количество попыток создать нечто «между ними». И для демократов очень серьезной проблемой будет обеспечение единства — к нему они обычно бывают готовы только под угрозой немедленного расстрела. Но как только выясняется, что расстрел на некоторое время отсрочен, они имеют тенденцию, к сожалению, тут же разбиваться на 115 мелких группировок в основном по чисто личностным соображениям. Но я думаю, что как раз в условиях эскалации угрозы и жесткого выбора демократы имеют шансы объединиться, тем более что, к счастью, коммунисты и националисты в последнее время тоже стали раскалываться. Я думаю, это второе позитивное последствие референдума: они ведь действительно пребывали в твердом убеждении, что если уж они объединились, то неизбежно победят — на любых выборах. Легально победят. У меня сейчас такое ощущение, что уверенность у них эта значительно увяла, а отсюда начинаются внутренняя полемика, дискуссии, разброд и т. д. Так вот именно между этими двумя силами и будет суетиться колоссальное количество движений, партий, на которых будет написано: «центрист», «самый центрист», «самый-самый центрист из всех центристов»...

— К сожалению, Ваша «двухпартийная система» слишком отличается от подобных систем в, скажем так, иных пределах. «У них» она основывается на признании и теми и другими одних и тех же базовых ценностей. Скажем, победа на выборах в Англии консерваторов ли, лейбористов ли вовсе не переворачивает вверх ногами всю английскую жизнь и не отменяет все принятые до победы законы. «У нас» же...

— Совершенно с Вами согласен. В этом и заключается главная проблема краткосрочной исторической перспективы для России. Если «демократы» победят — они неизбежно расколются, но только тогда и начнут возникать политические структуры «нормального типа». Но беда в том, что говорить об этом, до того как достигнут минимально необходимый уровень согласия по базовым ценностям, условно говоря, до того как люди договорились: если одна сторона побеждает на выборах, она не начинает немедленно расстреливать побежденных... Вот такие долгосрочные соображения, на мой взгляд, играют слабо.

— Кстати, тот серьезный скептицизм, который многие испытывают по поводу столь бурно развернувшегося сейчас «конституционного процесса», в том и заключается, что люди подозревают, что пришедшая к власти новая партия (какая угодно) первое, что сделает, это примет свою конституцию, а прежнюю отменит. Так что все сегодняшние споры с тем же депутатом Исаковым по поводу каких-то формулировок имеют лишь отвлеченно-академическое значение и никого ни к чему не обязывают...

— Согласен... До стабильной конституции нам, конечно, еще очень и очень далеко. Но согласие о правилах игры, позволяющих разблокировать, перевести избирательную борьбу в электорально-правовое русло, России необходимо уже сегодня, т.е. признанный всеми силами закон о выборах. Я бы так сказал: если мы сохраняем гипотезу о необходимости демократии в России, это неизбежно. В какой степени эта проблема будет решена в рамках существующей системы права, действующей на сегодняшний день, — это вопрос очень сложный, дискуссионный, с неясными выводами. Но решать его придется, если, повторяю, мы действительно намерены строить демократическое общество. В ином случае разговор вообще становится бессмысленным и любой избирательный закон будет лишь прикрывать авторитарную власть существующего политиче-

ского режима. Поэтому для устойчивости демократии в России нет более важного вопроса, нежели найти способ договориться о правилах игры.

— Вас, Егор Тимурович, в связи с этим не тревожит вопиющее неуважение к законам, которое демонстрируют сегодня, кажется, все без исключения — и парламент, принимающий эти законы, и президент, и правительство, и прокуратура, и суд? Каковы же надежды на то, что правилам игры, о которых вы говорите, кто-то будет следовать? Кто поручится за то, что новому парламенту согласится подчиниться тот, кому этого не захочется?

— Меня все это тоже очень тревожит. Но в чем тут дело? Во-первых, страна никогда не была в собственном смысле слова правовой. Поэтому резкое повышение роли закона в условиях строительства рынка и демократии само по себе укореняется очень непросто. Во-вторых, законы сами по себе становятся дубинкой в политической борьбе. Поэтому и принимаются установления, которые являются по своей природе либо неисполнимыми, либо опасными, когда закон противоречит логике права, справедливости. И это тоже подрывает уважение к законам как таковым. Вообще я думаю, что система обеспечения законопослушания у нас сейчас переживает острейший кризис, в силу того что создавалась она для закрытого, тоталитарного общества с жестким контролем, с низкой мобильностью населения... А что же до гарантий... Знаете, гарантий такого рода в мире вообще не существует. Они создаются только длительной традицией, тем, что следовать законам становится само собой разумеющимся и отклонение от правил игры невозможно. Ну, скажем, почему не делают военных переворотов в Соединенных Штатах, тогда как в Аргентине — пожалуйста?

— Не принято?

— Именно. И если кто попытается, на него посмотрят как на сумасшедшего... На мой взгляд, именно это имеет принципиальное значение: как только общество станет достаточно стабильным для того, чтобы в политике стало очевидно, что драка идет не до смерти, что противостоящие стороны не испытывают непреодолимого желания физически расправиться друг с другом, тогда и масса вопросов, которые вы сейчас поставили, окажутся решенными. До этого же они труднорешаемы. Ибо все понимают, что обвинение в коррупции сегодня — это не борьба за что-то чистое и светлое,

а лишь дубинка, удобно подвернувшаяся, чтобы огреть ею политического оппонента. Причем увесистость и эффективность удара не имеет никакого отношения к тому, насколько обоснованны и доказаны эти обвинения. Дело в том, что нет независимого арбитра, которому доверяли бы обе стороны и общество в целом.

— *И последний, чисто практический вопрос. Егор Тимурович, Вы сами, когда заходите в магазин, определяете для себя, что дорого, а что нет?*

— Знаете, у меня элементарный способ. Я сопоставляю средний уровень заработной платы с уровнем средней заработной платы на пике стабильной социалистической экономики. Когда развал еще не начался, а нефтяные деньги не закончились. 1984 год. В то время средняя зарплата составляла 150 руб.

— *Короче говоря, на сколько делите?*

— Сейчас, в июле 93-го, на 300.

— *И что получается?*

— Водка подешевела. Мясо подорожало. Холодильники заметно подорожали. Автомобили — заметно. Одежда подешевела... И в общем-то я бы не поддержал панические крики о массовом и катастрофическом обнищании населения в результате реформ. Другое дело, что возникает целый ряд других, реальных проблем. И самая серьезная из них, на мой взгляд, это фундаментально очевидный факт — резкая дифференциация доходов. Конечно, все показатели бюджетной статистики у нас очень несовершенны, поэтому им доверять очень трудно, но на бытовом уровне очевидно: при всем неравенстве в брежневскую эпоху страна была эгалитарна. Сейчас же ситуация изменилась. Очень низка минимальная зарплата и вообще зарплаты в бюджетных отраслях. И вот это очень серьезно, тем более что проблема эта не имеет простых, лобовых решений.

Сегодня в России грех не зарабатывать...

Прямая линия «Комсомольской правды»

— Меня зовут Вячеслав, я безработный. Мне кажется, что сейчас в Совмине раздуты штаты. Вспомните, в 1992 г. было три вице-премьера, а сейчас десяток!

— Я не могу с Вами не согласиться. Это очень неприятная для меня проблема. Действительно, в 1991 г., когда мы реорганизовывали правительство, пытались его создать по нормальным стандартам рыночной экономики — очень маленьким, компактным. У нас-то и было в общей сложности 23 члена кабинета, три вице-премьера. К сожалению, опыт показывает, что такие кавалерийские наскоки бюрократией довольно быстро отбиваются. Сразу началось массовое давление: этот орган создается, другой, третий...

Думаю, что после выборов у нас будет возможность довольно серьезно заняться реорганизацией государственного аппарата и в первую очередь существенным его сокращением, сокращением числа министерств и ведомств.

— Егор Тимурович, ходят слухи, что будут брать налог с вкладчиков коммерческих банков...

— Предложения такие в аппарате были подготовлены, но мы их не поддержали.

— Я сам житель Казахстана, из Алма-Аты. В данный момент проживаю, будем говорить, в Москве нелегально. Меня интересует, правомерно ли постановление, которое издано мэром Лужковым, об оплате за проживание в Москве? Не является ли это нарушением прав человека? Если это нарушение, то почему правительство не вмешается?

«Прямую линию» провели: Евгений АНИСИМОВ, Елена АРАКЕЛЯН, Сергей РАЗИН, Ирина САВВАТЕЕВА, Федор СИЗЫЙ.

Опубликовано в: Комсомольская правда. 1993. 30 ноября.

— Должен сказать, что далеко не все в этом постановлении лично мне кажется взвешенным, разумным, соответствующим принципам прав человека. Правительство в настоящее время рассматривает этот вопрос.

— *С Вами говорит Алексеев, Москва. Если «Выбор России» победит на выборах, следуя общепринятой политической практике, Вы будете формировать новое правительство и станете его премьером. Как Вы относитесь к такой ситуации?*

— Сейчас речь о выборах в Государственную думу, Федеральное собрание, а не о формировании правительства. Главная задача выборов — формирование ответственного парламента, который может осмысленно заняться законотворческой деятельностью и формировать бюджетную политику.

Что касается личных и персональных изменений в правительстве, то, во-первых, это прерогатива президента — по тому проекту Конституции, который, я надеюсь, все-таки будет поддержан. А во-вторых, сейчас я считал бы нужным руководствоваться в решении второго вопроса не какими-то личными амбициями, а в первую очередь сохранением в России стабильности и преемственности власти.

— *Добрый день, Вам звонят из Беларуси. Мы много говорили об экономическом союзе. И вот теперь Россия заявила, что нахлебники ей не нужны. Казахстан отвергли, Узбекистан отвергли. Беларусь отвергают. Как это понимать?*

— России, конечно, нужны экономические связи с бывшими республиками Союза. Они выгодны для самой России, и мы, разумеется, будем их поддерживать.

Другое дело, что эти связи должны быть взаимовыгодными. Россия сегодня не самая богатая страна, и вряд ли она может позволить себе быть рекордсменом по объему помощи, предоставляемой зарубежным государствам. В 92-м меня упрекали за беспрецедентные масштабы помощи республикам бывшего Союза. Тогда мы делали правильно, потому что сразу изменить ресурсопотоки, товаропотоки, сложившиеся десятилетиями, невозможно. Но эти отношения надо переводить — и мы это делаем — в нормальное, цивилизованное русло. Скажем, экспортных кредитов, а не просто раздачи денег.

— *Здравствуйте. «Прямая линия»? Из Калмыкии звонят. Я бы хотел узнать Ваше отношение и президенту Калмыкии Кирсану Николаевичу.*

— Мое отношение к Вашему президенту, как и к любому президенту автономной республики, уважительное.

— *А к его действиям 3–4 октября?*

— Мне не кажется, что все, что он делал 3 и 4 октября, было разумно.

— *Егор Тимурович, еще один вопрос. Сейчас у многих здесь зарплата 20 тыс. А уголь стоит 150 тыс. Как быть?*

— Надо больше зарабатывать.

— *А пенсионерам как быть? Вот сестра моя пенсию, например, получает 20 тыс. ...*

— Вы ей помогаете?

— *Я сам с трудом концы с концами свожу.*

— Вы знаете, в Россию едет из республик бывшего Союза колоссальное количество людей, которые хотят одного — чтобы им дали возможность в России зарабатывать. Потому что у нас они зарабатывают намного больше, чем дома.

Сегодня в России заработать, без всякого сомнения, можно. Я думаю, что работоспособным мужчинам не пристало жаловаться. У тех, кто не может работать, конечно, очень серьезные проблемы. Я с вами согласен. Им надо помогать, их надо защищать в первую очередь. Мы даже сейчас пенсии пытаемся повышать быстрее, чем минимальную заработную плату. Это тяжелая проблема, ее можно решать только одним путем: постепенно нам всем вместе зарабатывать для того, чтобы у них были более высокие пенсии.

— *Здравствуйте. Я Шарова Маргарита Сергеевна, 1921 г. рождения, пенсионерка, инвалид II группы, реабилитированная. Думает ли Ваше правительство отдать долги хотя бы пенсионерам? Сбережения на книжке — и те обесценились...*

— Я должен честно сказать, что эта проблема не имеет простого решения. Деньги вкладчиков были в полном объеме вовлечены еще в конце 80-х гг. в обслуживание государственных нужд. В первую очередь они ушли на финансирование оборонных расходов. Их просто нет, поэтому их невозможно отдать. Скажем, Германия отдала замороженные деньги только через 10 лет. Может, и мы сможем через 10 лет их отдать, если наша экономика всерьез и хорошо заработает.

— *Егор Тимурович, здравствуйте. Леонид Алексеенко, Екатеринбург. У меня две дочери, 13 и 10 лет. Они спрашивают: когда мы сможем жить лучше?*

— В чем-то мы уже живем лучше. Вы не стоите два часа в очереди, Вы сегодня меньше унижаетесь перед продавцом, Вы не летаете в Москву за колбасой. У Вас нет проблем, связанных с тем, что невозможно ничего достать. Рубль сегодня конвертируемый.

Конечно, это еще очень и очень мало. Но дело с мертвой точки сдвинулось и наши доходы постепенно будут возрастать. Однако для того чтобы в каждую семью пришел достаток, потребуется некоторое время. Думаю, что продвижение в этом направлении может начаться уже в 1994–1996 гг. Какая у Вас сейчас заработная плата?

— *В общей сложности 80 тыс.*

— Это очень немного, без всякого сомнения. А какая у Вас была зарплата в декабре 1991 г.?

— *Кажется, 530 руб.*

— Если бы Вы тогда со своей зарплатой пошли на мировой рынок, это было бы 3 долл. Сегодня это 73. Это еще очень немного. Скажем, в Польше получают 160. Для того чтобы мы начали получать 160, нам нужно года два, если не будем делать глупостей. И еще лет 6 для того, чтобы выйти в среднем на 250–300 долл. И дальше понемногу пробиваться к уровню жизни, который сегодня могут обеспечить себе преуспевающие страны.

В целом же я убежден, что за жизнь одного поколения мы Россию можем вывести на очень приличный уровень.

— *Егор Тимурович, здравствуйте. Вам звонит корреспондент курской программы «8-й день» Андрей Ништокин. Зачем Вам валютный счет за рубежом, если Вы могли бы вложить эти сбережения в нашем курском банке?*

— У меня нет валютного счета за рубежом.

— *Вас беспокоит Янаева Любовь Васильевна, северянка. Каково Ваше мнение о депрессивных районах и, в частности, регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока? Будет правительство в чем-то помогать нам?*

— Правительство не остается в стороне. Существует программа «Переселение», уделяется огромное внимание угольным регионам. Что касается Севера, то государство финансирует программы, которые разработал Госкомсевер.

— *Егор Тимурович, добрый день! Я преподаватель вуза. Получаю 30 тыс. зарплаты. Но ведь жить на эти деньги невозможно!*

— Вопрос о высшей школе рассматривался. Но обещать Вам, что мы с завтрашнего дня приведем оплату труда квалифицированных преподавателей в соответствие с разумными нормами, было бы с моей стороны безответственно.

Со следующего года мы предполагаем перейти к новой системе финансирования высших школ. Деньги будут выделяться под конкретный госзаказ на подготовку специалистов.

— *Но нам нужно каким-то образом жить. Это же нищета: сегодня мы получили зарплату — 9 тыс. 29 руб. Это один раз в магазин сходить!*

— Я все прекрасно понимаю. Но, к сожалению, само государство оказалось банкротом. Мы обязательно будем изыскивать средства для поддержания интеллектуального потенциала России. Это я Вам точно обещаю.

— *Егор Тимурович, я звоню из Уфы. Моя фамилия Нанлик. Когда бизнесменам будет выгоднее заниматься производством товаров, а не их перепродажей?*

— Я Вам скажу просто: когда месячные темпы инфляции нам удастся сбить с нынешних 20% до 8–5% в месяц. При инфляции 20% в месяц учетная ставка, ставка рефинансирования делает любую производственную деятельность крайне проблематичной, а инвестиции невозможными.

— *Егор Тимурович, Вас приветствует Серегин Сергей Валерьевич, предприниматель. Вот такой вопрос: на какие показатели собирается выйти правительство к январю будущего года? На среднесрочную перспективу — два-три года?*

— Мы предполагаем, что к январю нам удастся серьезно сбить инфляционную волну и выйти на темпы инфляции, не превышающие 16% в месяц. Мы рассчитываем на то, что в течение 1994 г. нам удастся сделать экономику низкоинфляционной и выйти к концу года на показатели инфляции, не превышающие 3–5% в месяц.

Мы предполагаем, что темпы падения производства в следующем году существенно замедлятся, до 6–8%, и в 1995 г. мы предполагаем стабилизацию объема производства, в 1996 г. — начало роста производства. Курс доллара, предполагается, будет падать существенно медленнее, чем темпы инфляции, соответственно будет продолжаться, хотя и не очень быстро, процесс роста реального курса рубля по отношению к доллару. Сейчас наши планы состоят

в том, чтобы курс доллара рос примерно в 2 раза медленнее, чем месячная инфляция.

В прошлом месяце нам очень трудно пришлось поддерживать курс доллара, чтобы он не начал падать быстро, нам это совершенно было не нужно. Сейчас он движется примерно так, как бы мы этого хотели. Примерно эту же динамику мы предполагаем заложить на ближайшие месяцы.

— *Егор Тимурович, Вы поддерживаете деятельность Геращенко на посту главы Центрального банка?*

— У меня довольно много было претензий к политике Центрального банка в конце 1992 г. и в начале 1993 г. Я считаю, что по ряду направлений эта политика была ошибочной, что мы очень долго не могли упорядочить отношения с государствами Содружества.

Тем не менее я должен сказать, что с апреля, после референдума, Центральный банк в целом придерживается тех ориентиров, которые правительство вырабатывает.

— *А реально Вам сейчас Геращенко снять? Что Вам в этом мешает? Верховного Совета уже нет. Но я думаю, Черномырдин его поддерживает.*

— Это вопрос, который будет обсуждаться и президентом, и Федеральным собранием. По новой Конституции председателя Центрального банка назначает президент и утверждает Федеральное Собрание. Я думаю, что, когда этот вопрос будет решаться, будут учтены все обстоятельства, связанные с работой Центрального банка.

— *Меня зовут Токамобидзе Герасий Юрьевич. Хотел спросить насчет недавнего постановления правительства по экспортным квотам. Есть ли в нем новшества относительно вывоза стратегических товаров — нефти и нефтепродуктов?*

— Дело как раз не в нефтепродуктах — по ним ситуация остается прежней, а в резком сокращении видов продукции, на которую устанавливаются квоты. Если мы раньше квотировали почти все, от мяса до древесины, то сейчас круг предельно узок: нефть, нефтепродукты, газ, электроэнергия, отдельные виды цветных металлов, пшеница твердая и мягкая, семена подсолнечника и рыба. Подавляющее число сельскохозяйственных продуктов, минеральные удобрения, лес теперь можно совершенно спокойно вывозить, кстати говоря, это уже создало предпосылки для выхода наших сельхоз-

производителей на мировой рынок с товарами, по которым у нас на внутреннем рынке есть явные излишки.

— *Понятно. Хотелось бы уточнить: кто же решает — комиссия Совета министров или комиссия Министерства экономики?*

— Материалы по квотам или лицензиям по-прежнему подготавливаются Министерством экономики, а окончательное решение по этому вопросу принимает Комиссия по оперативным вопросам правительства, которую возглавляет Олег Николаевич Сосковец и членом которой я являюсь.

— *Здравствуйтесь, Вас беспокоит москвич Санагорский Александр Викторович. Ваше мнение, Егор Тимурович, о забастовке шахтеров в Воркуте.*

— Меня очень тревожит сложившаяся там ситуация. Конечно, она во многом отражение проблем всего народного хозяйства. Но забастовка эта и реакция на слабость нашей собственной стратегии во всем, что касается угледобывающих отраслей и перспектив региона. Я думаю, что сейчас правительство как раз на этом должно будет сосредоточить свое внимание. И я постараюсь этим заняться.

— *Егор Тимурович, Беседин Александр Борисович, инженер из Москвы. Я интересуюсь Вашим мнением по вопросу эффективности фермерского хозяйства по сравнению, скажем, с колхозно-совхозной системой.*

— *Известно, что фермер работает с утра до вечера, но человек же не может работать так в течение многих лет. А в прежней системе существовало разделение труда.*

— Без сомнения, разделение труда существует, так же как существует и разделение ответственности. Мы знаем, сколь традиционно низка эффективность коллективного сельского хозяйства.

А фермерский уклад — он у нас новый, формирующийся, еще слабенький. Но я думаю, что и он, и просто трансформация колхозов и совхозов, постепенное превращение их в кооперативы, увеличение личных подворий — это то направление, которое неизбежно повысит эффективность нашего сельского хозяйства.

Я верю в кооперативное сельское хозяйство...

— *Егор Тимурович, «Комсомольская правда», Разин Сергей. У меня несколько коротких вопросов. Недавно прошло сообщение, что уровень жизни повысился вдруг на 13%.*

— В условиях высокой инфляции любые данные об уровне жизни имеют смысл, когда мы четко определяем, какие периоды сопо-

ставляем. Если вы берете за базу декабрь 1992 г., то видите, что уровень жизни чуть-чуть, но снизился. Если вы возьмете январь 1993 г., то уровень жизни повысился.

Но в долларовом выражении, естественно, на фоне постепенного укрепления курса рубля по отношению к доллару шло последовательное повышение среднедолларовой зарплаты где-то с 30 долл., на которые мы вышли к концу 1992 г., до 75 долл. сегодня.

— *И второй вопрос: не делает ли ошибку АвтоВАЗ, поднимая цены выше мировых?*

— Я считаю, что это рискованная политика, но это политика предприятия. И я как вице-премьер не хочу диктовать какие-либо решения.

— *Недавно прошло такое сообщение, что Минфин потребовал в ночь на 4 октября от Центробанка наличными 1 млрд руб., которые пошли на «обогрев» тех, кто вышел к Моссовету по Вашему призыву...*

— Я когда-нибудь долго и подробно буду рассказывать о том, как обстояли дела в ночь с 3-го на 4 октября. Действительно, Минфин потребовал от Центробанка 1 млрд наличностью, но их выдал не Центральный банк, а коммерческие банки. И эти деньги на следующий же день, после того как ситуация прояснилась и стабилизировалась, были возвращены обратно.

— *Егор Тимурович, если можно, один личный вопрос. Вы испытывали когда-нибудь личные финансовые трудности и как Вам удавалось выйти из подобных затруднений?*

— Я испытывал личные финансовые трудности примерно до конца 80-х гг., пока мой заработок жестко определялся тарифной ставкой, т. е. ставкой, полагавшейся мне по основному месту работы. После того как у меня появилась возможность, как и у многих соотечественников, прирабатывать лекциями, статьями, в общем, учитывая мои скромные материальные потребности, основные проблемы мне удавалось решать.

Второй раз я начал испытывать материальные затруднения в конце своей работы в правительстве в прошлый раз, когда выяснилось, что мои денежные сбережения явно подходят к концу. Но, к счастью, меня в это время отправили в отставку, так что у меня появилась возможность подзаработать.

За оздоровление российской экономики

Егор Гайдар представляет экономическую программу блока «Выбор России»

— *Егор Тимурович! Наша газета публикует цикл интервью руководителей избирательных блоков. Они говорят не вообще о программах и надеждах на исход выборов, как в других изданиях, а специально для наших читателей — об экономических программах этих блоков. Прошу Вас прежде всего очень коротко ответить на вопрос, как три ценности, лежащие в основе политической концепции «Выбора России»¹: свобода, собственность, законность, — преломляются в Вашей экономической программе?*

— Эти ценности общие, они относятся ко всем сторонам жизни народов России. Это ориентиры политики, реализация которой, по нашему убеждению, только и позволит сохранить России по праву принадлежащее ей место в ряду мировых держав, а всем россиянам позволит получить достойные условия жизни и творчества. А применительно к экономике? Ну что же, можно перефразировать наш лозунг примерно так: свобода труда и предпринимательской деятельности, право каждого на обладание собственностью, законность как основа рыночных преобразований, непримиримая борьба с экономической преступностью.

— *За какую экономику России выступает Ваш блок? Сейчас вроде бы все блоки — за ее многоукладность, сосуществование разных секторов...*

Интервью брал Леонид ЛОПАТНИКОВ.

Опубликовано в: Деловой мир. 1993. 7 декабря.

¹ Блок «Выбор России» во главе с Е. Гайдаром был учрежден 17 октября 1993 г. В него вошли движение «Выбор России» (С. Ковалев), «Демократическая Россия» (Л. Пономарев, Г. Якунин), Крестьянская партия (Ю. Черниченко), АККОР (В. Башмачников), Союз защитников свободной России «Живое кольцо» (К. Труевцев), Партия демократической инициативы (П. Бунич). — *Прим. ред.*

— Для нас тут вопроса нет. Прочитую слова из программы блока: «...российская экономика в ближайшие годы будет в основном оставаться многоукладной. В ней сохранится сильный государственный сектор, который будет сосуществовать и конкурировать с частнопредпринимательским и мелкотоварным секторами. Однако мы убеждены, что только динамичный частный сектор может стать и станет главным мотором возрождения российской экономики».

В этом случае основным источником индустриального развития страны станут не высокие налоги и государственные ассигнования, а добровольные частные вложения и инвестиции. Именно поэтому энергичное проведение приватизации — необходимая предпосылка экономического роста России.

— Кстати, о налогах. Вы говорите о поддержке частного сектора, а предприниматели всю критикуют правительство, да и Вас лично, что греха таить, за то, что Вы «задавили» их высокими налогами. Я слышал даже, что на рубль прибыли изымается рубль и четыре копейки налогов, так сказал один из кандидатов в депутаты, выступая по телевидению.

— Это, конечно, преувеличение. Но налоги действительно пока высокие, и блок «Выбор России» в своей программе записал совершенно конкретные задачи: консолидировать федеральные фонды в бюджет, что даст правительству возможность эффективнее перераспределять ресурсы, организовать единую налоговую службу, устранить многочисленные поборы. Мы сделаем этим крупный шаг к простому и понятному налогообложению, а затем и к уменьшению налогового бремени. Мы намерены снизить нормативы на социальное страхование, отменить налог на превышение минимальной зарплаты, ликвидировать принудительные отчисления в отраслевые и внебюджетные фонды, снизить налог на прибыль, уменьшить количество специальных налогов на отдельные виды деятельности.

— Еще вопрос. «Выбор России» считает подавление инфляции первоочередной и главной задачей на ближайший период. А вот Ваш соперник в предвыборной гонке блок Явлинского — Болдырева — Лукина считает борьбу с инфляцией важной, но не первоочередной задачей. И вообще в своей программе этот блок упрекает правительство

в том, что оно лечит не болезнь, а ее симптом, температуру. А каково Ваше мнение?

— Начнем со второго. А Вам не случилось сначала «лечить» температуру, т. е. сбивать ее каким-нибудь средством — малиной, анальгином и прочим, чтобы дать потом организму возможность справиться с болезнью? Тут аналогия — прав Григорий Явлинский — довольно наглядная. Да, наша экономика больна. Да, глубинная причина инфляции в структурных перекосах, неэффективности производства. И неправы наши оппоненты, полагающие, будто мы этого не понимаем. Да, экономике нужны инвестиции, чтобы возобновить ее развитие и осуществить структурную перестройку. Но при ускоренной инфляции никакие инвестиции в производство невыгодны. И этим все сказано: кто станет вкладывать средства в производство заведомо себе в убыток? Значит, сначала надо «сбить» инфляцию, как сбивают температуру, а потом начать интенсивное лечение больной экономики нормальными медикаментами. В «аптеке» нашего блока они есть.

— Спасибо, Егор Тимурович, за беседу. Остается пожелать Вам успеха!

Егор Гайдар: Мы должны избавить людей от налога под названием «инфляция»

Егор Гайдар — первый вице-премьер правительства России, лидер блока «Выбор России», вдохновитель отечественного варианта «шоковой терапии», попытка применить которую была предпринята с его первым приходом в правительство в ноябре 1991 г.

Сегодня лидер «Выбора России» — гость редакции.

— Два последних российских правительства и Вас, Егор Тимурович, как главного идеолога реформ обвиняют в том, что Вы поощряете торговца и спекулянта и при этом губите производителя непосильными налогами. Один известный предприниматель написал нам в «Известия», что нынешняя система ориентирует страну на торговлю, а не на производство. Гегемоном в России становится опекаемый властями лавочник.

— Придется начинать со скучных вещей, но иначе не объясниться. Давайте вспомним, какой была структура нашей экономики до последнего времени. Она вся состояла из диспропорций: огромное потребление стали и уникально высокий расход энергии на единицу валового внутреннего продукта; высокие объемы производства сельхозмашин при несопоставимо низком объеме производства сельхозпродукции. Но основная диспропорция — поразительно низкая доля сектора услуг. По количеству магазинов, кафе, ресторанов, прачечных и других подобных заведений мы представляли особый феномен. Я другой такой страны не знаю, которая имела бы подобный нашему уровень экономического развития и при этом хотя бы отдаленно похожую структуру экономики. Другой такой страны просто не существует.

Беседу в редакции записал Михаил БЕРГЕР.
Опубликовано в: Известия. 1993. 8 декабря.

Естественно, что, когда появились какие-то рыночные свободы, в первую очередь стали расти наиболее «дефицитные» сектора, в первую очередь торговли и услуг. Этот рост очень заметен, поэтому у людей возникает ощущение, что никто не работает, а все только торгуют. И это при том, что сектор торговли и услуг по-прежнему очень мал и мы только-только начали двигаться к нормальному обществу с нормально развитым торговым сервисом.

— Все это, может быть, и так, но трудно отделаться от ощущения, что и условия, в том числе налоговые, для торговли куда более благоприятные, чем для производства чего бы то ни было. Это как-то не очень согласуется с программными установками блока: «Важнейшей задачей становится снижение налогового бремени. Ее решение будет стимулировать деятельность производителей и повысит реальный уровень доходов населения». (Из программы «Выбора России».)

— Из того, что мы намечали в качестве важнейших задач осенью 1991 г., что-то удалось сделать, что-то лишь частично, что-то вообще не удалось. Наиболее болезненная и тяжелая неудача — сохранение высоких темпов инфляции. А высокая инфляция — это налог на держателей денег. От такого налога легче всего уходят сферы с быстрым оборотом капитала: торговля, банковские услуги, экспортно-импортные операции. Кроме того, инфляция — это самый дешевый с организационной точки зрения налог для государства: не надо ни налоговой полиции, ни специального контроля — печатай деньги и получай от этого доход. Денежное хозяйство времен Гражданской войны в России строилось на том, что никаких налогов не поступало, но деньги исправно печатали. В 1920 г. 99% доходов бюджета составляла эмиссия. Но доходы от такого налога быстро тают, так как люди бегут от денег.

Торговля как сфера, имеющая дело с быстрыми деньгами, легко уходит от такого налога не потому, что не платит, а потому, что находится в более выгодных экономических условиях. В результате у людей возникает ощущение несправедливости. Конечно, если торговец решит уклониться от налогов в принципе, ему это технически сделать проще, чем любому производителю, и здесь надо ужесточать контроль.

А чтобы производство заработало, чтобы у предприятий появились оборотные средства в нормальном объеме, надо остановить

рост цен. Без этого не будет развиваться даже потенциально эффективное производство, а структурная трансформация в пользу сферы услуг будет приобретать предельно болезненные формы. Поэтому обеспечение минимального уровня финансовой стабильности — стержневой пункт нашей программы.

— *Вы начали свою деятельность в правительстве с либерализации цен, которая обернулась ценовым шоком, потерей сбережений. Неужели не было тогда иного, менее болезненного пути?*

— Когда я был в вынужденном отпуске, начал работать над книгой о российской экономической истории и о том, какую роль в этой истории играл социализм. В нашей истории действительно были моменты, дававшие теоретическую возможность выбора альтернативного пути развития. Наиболее реально это было в середине 60-х гг. Еще другой была деревня, еще не были исчерпаны ресурсы экстенсивного роста, еще бюрократия не была такой окостеневшей. У нас была возможность перерасти в общество, которое я назвал бы обществом закрытого капитализма.

Была ли подобная альтернатива в 1985 г. — большой вопрос. Лично мне кажется, что ее не было, но в любом случае это вопрос для обсуждения. А вот то, что осенью 1991 г. никакого выбора не было, — это для меня совершенно очевидно. Государство было абсолютно парализовано. Основные рычаги экономического влияния — выделение валюты, импорт — практически полностью исчерпаны. Суверенизация регионов, права госпредприятий — все это полностью блокировало любые организационные усилия центра. Резервов для маневра не было. А то, что сейчас забыли ситуацию осени 1991 г., для меня тоже не было неожиданностью.

— *В стране существуют влиятельные силы, которые толкают ее на путь восстановления высокомонополизированной экономики, требуют таможенного и налогового протекционизма, постоянной поддержки неэффективных предприятий льготными кредитами.*

«Такой курс ведет к отставанию страны от мирового уровня развития науки, техники, производства. Этим наносится удар по перспективным, конкурентоспособным предприятиям и секторам экономики». (Из программы «Выбора России».)

Опыт последних месяцев показывает, что на практике правительство не только не открывает экономику, но и ограничивает доступ иностранных товаров и услуг на российский рынок. Власти

как бы поощряют, таким образом, монополистов, позволяя им устанавливать высокие цены на неконкурентоспособные товары. Классический пример — «Жигули», которые стали стоить дороже иностранных автомобилей подобного класса, но несравненно более высокого качества. Вы как бы снова закрываете недавно открытую дверь. Почему?

— С начала 1992 г. мы на полгода сняли вообще все ограничения на импорт по объему, отменили все импортные тарифы. Это была уникальная ситуация, ибо подобных импортных свобод ни в одной нормальной стране не бывает (за исключением некоторых небольших островных государств). Но в то время наш потребительский рынок был абсолютно пуст и его как-то надо было запустить.

Когда мы с 1 июля прошлого года для пополнения казны ввели небольшой импортный тариф в размере 5%, нас ругали за то, что мы это делаем при отсутствии товаров. На последнем расширенном заседании правительства, где я был после большого перерыва, меня приятно удивили претензии министров и глав администраций относительно того, что некуда товары девать, что давят иностранные конкуренты, что надо защищать производителей сахара, мяса, масла. Жизнь изменилась, и возникают принципиально новые вопросы, связанные с тем, что товар трудно продать.

В то же время жесткий прессинг с требованиями ужесточать таможенные ограничения на импорт превращается сегодня в целые политические кампании. Определенные ограничения действительно нужны. В 1992 г. мы сделали нашу экономику слишком открытой. Таких низких импортных тарифов нет ни в одной развитой или развивающейся рыночной экономике. Поэтому у нас есть определенная свобода для маневра, для осторожного и продуманного введения ограничений, так как точка отсчета лежит пока на очень низкой отметке. С 15 декабря мы вводим новый, более проработанный импортный тариф. Но все хорошо в меру. Если мы не будем противостоять сторонникам глобального протекционизма, то очень скоро получим закрытую рыночную экономику латиноамериканского типа с карликовой и неэффективной промышленностью, увядающей под защитой мощных таможенных тарифов.

Движение в сторону защиты интересов национальных производителей необходимо, но оно должно укладываться в общепринятые в мировой практике рамки.

— Помимо глобальных отечественных производителей, таких как автомобилестроители или, скажем, сахарозаводчики, есть еще один экономически активный слой, рассчитывающий на защиту и поддержку со стороны властей. Это малый и средний бизнес, пользующийся покровительством властей в большинстве стран. Собираетесь ли Вы как-то поддерживать эту часть избирателей?

— Мы подготовили поправки к налоговому законодательству, которые предусматривают ряд льгот для малого предпринимательства, если оно действительно новое и развивает свою активность в приоритетных отраслях. Но мы к вопросу каких бы то ни было льгот подходим с особой осторожностью.

Очень многие налоговые и иные льготы не столько стимулируют производство, сколько создают базу для массовых злоупотреблений. Многие помнят период бурного развития кооперативов, а потом — малого предпринимательства на фоне развала союзной экономики. Огромное количество кооперативов было создано в свое время только для того, чтобы перекачивать через них деньги и не платить налогов. Потом, когда период льгот заканчивался, фирма закрывалась и перерегистрировалась в новую с теми же функциями.

Я прекрасно помню волну лицензий на экспорт сырья, выданных в 1991 г. для самых благородных целей (срочное обеспечение лекарствами, детским питанием, помощь инвалидам, сельхозпроизводителям и т.п.). В большинстве случаев за этими «благородными целями» стояла компания проходимцев, желавшая или сумевшая заработать на перепродаже нефти или леса. Да и сегодня очень многие просьбы с предложением решения какой-либо важной государственной задачи заканчиваются просьбами о выделении экспортных квот и лицензий, льготных кредитов или о передаче зданий. Так что какие-то особые правила для отдельных категорий или задач — вещь очень деликатная.

— Каким Вам видится будущий парламент?

— Знаете, меня редко мучают кошмары, но один преследует довольно настойчиво: прихожу я в парламент, а там те же люди... Предстоящие изменения в составе представительной власти неизбежно произойдут к лучшему.

— Многих беспокоит не столько состав парламента, сколько баланс между исполнительной и законодательной властью. В проекте Конституции, вынесенном на референдум, не соблюден в достаточ-

ной мере, как считает часть избирателей, принцип разделения властей, т.е. самой основы демократии. Вы так не считаете?

— Я призвал бы к оценке той конкретной ситуации, которая сложилась сегодня в России. Нынешний проект Конституции, конечно, дитя того кризисного периода политического развития, через который мы все прошли. Он несет отпечаток событий 21 сентября и 3–4 октября. В этом проекте есть немало того, что мне самому не импонирует. Тем не менее я глубоко убежден, что риск, связанный с непринятием Конституции, несравнимо выше риска, связанного с ее несовершенством.

Непринятие Конституции возвращает нас к правовому хаосу, существовавшему до 3–4 октября. Непонятно, что такое парламент, что такое президент и как распределены их права. Регионам непонятно, чьи указания для них действительны, а чьи нет и кто за что отвечает. Мы снова оказываемся в ситуации предельно рискованной нестабильности, когда все зависит от того, кого послушает министр обороны, у кого окажется в руках пистолет, кто в час «икс» точнее организует дислокацию своих сил в Москве. Риски подобного рода находятся за пределами разумного. Именно поэтому я бы проголосовал за Конституцию, в которой мне не все нравится.

— Ну а как же быть с противовесами власти президента, которая представляется малобалансированной законодателем? Может, для баланса надо голосовать против «Выбора России»?

— Попробуем реально представить, каким может быть нынешний парламент. Очевидно, что там будут коммунисты и будет их там немало. Я не верю социологическим исследованиям, которые утверждают, что Аграрная партия не пользуется популярностью. Я абсолютно убежден, что 5%-й барьер они преодолеют. Таким образом, может образоваться достаточно мощный аграрно-коммунистический блок. Немало шансов имеет и Жириновский, который ведет довольно эффективную пропаганду. Неизвестно, кто из центристов пройдет. Мне кажется, что это будет скорее Травкин, чем Вольский.

Таким образом, весь спектр сил, составляющих основу хасбулатовского парламента, может быть снова воспроизведен плюс Жириновский. Дальше вопрос стоит следующим образом: будет ли этому блоку противостоять достаточно сильный демократический блок, способный проводить осмысленные решения? Я хотел бы видеть в парламенте достаточно широкую демократическую коали-

цию, противостоящую дрейфу парламента в сторону модели Верховного Совета последнего времени.

Если же следовать предложенной логике и голосовать против демократов, чтобы парламент оппонировал президенту, то мы получим еще одну квазидемократическую структуру, воспроизводящую конфликт между парламентом и президентом. Это значит, что летом 94-го мы окажемся в ситуации осени 93-го, но с одним отличием: президент имеет право распустить парламент. Мне кажется, что российская демократия может не пережить еще один распущенный парламент.

— *Если выборы закончатся благоприятно для «Выбора России» и Вы получите возможность продолжать Ваш курс, что он даст конкретно людям?*

— Если мы действительно получим возможность продолжить курс, то главным результатом следующего года должно быть резкое снижение темпов роста цен. Мы надеемся, что это удастся сделать и люди получают предсказуемые цены и относительно стабильную по восточноевропейским стандартам экономику. Валютный курс будет потихоньку расти, существенно отставая от темпов инфляции. Соответственно будет расти курс рубля, а вместе с ним и долларовое выражение зарплаты. Сейчас она составляет примерно 80 долл. в месяц в среднем, а к концу следующего года может достичь 120 долл. или, возможно, больше.

Вероятно, уже в начале года мы проведем реформу семейных пособий. Система выплат станет существенно проще, а сумма больше. В I квартале предполагается представить на обсуждение закон о пенсиях, который восстановит нормальную дифференциацию пенсий в зависимости от стажа, от прежней зарплаты с учетом индексации.

Что касается армии, то мы не ставим своей задачей в ближайшее время резко сокращать военные расходы. Мы уже сократили их в 1992 г. больше чем кто-либо. Да и само сокращение Вооруженных сил стоит денег, а нам еще предстоят большие расходы, связанные с выводом наших войск из-за пределов России. Относительно численности — мы предполагаем иметь полуторамилионную армию к концу следующего года. Принципиально будут изменены принципы финансирования науки, будем искать возможности для необходимой финансовой поддержки культуры и образования.

— *За короткое время Вы проделали головокружительный путь от малоизвестного ученого до политика мирового масштаба. Как изменились Ваши внутренние ощущения в связи с этим?*

— Представьте себе, что Вы теоретически знаете, как управлять самолетом. Вы читали об этом в учебниках, но никогда за штурвалом не сидели. И вот так случилось, что Вас посадили за штурвал, и не на тренажере, а на настоящем самолете. Причем пилот исчез, а сам самолет стремительно падает вниз, и никто в пилотское кресло садиться не хочет. Вы сидите за штурвалом и примерно представляете, как этот аппарат должен реагировать на Ваши действия. Однако у Вас нет никакого опыта и чувства реального контакта с машиной, без чего Ваши действия неточны и нередко носят спазматический характер. Все это, естественно, отражается на полете и на пассажирах.

Все эти чувства я испытал в первое время работы в правительстве. С течением времени обретаешь опыт и понимание того, что необходимо, что можно, а чего нельзя.

Чем больше чиновников, тем выше налоги

— Егор Тимурович, всего два года назад команда, с которой Вы пришли к власти, казалась монолитом. Можно было согласиться или не согласиться с вашей программой, но все считали вас единомышленниками. А теперь — своя программа у Шохина, тем более своя — у Глазьева...

— Два года назад логика действий жестко задавалась обстоятельствами. Можно было попытаться либо ввести чрезвычайное положение, и это был, очевидно, «не наш выбор», либо запустить в предельно сложной ситуации рыночные механизмы: приватизацию, рыночное регулирование, ужесточение бюджетной и кредитно-денежной политики, стабилизацию цен... Что мы, собственно, и делали. Дискуссии же о долгосрочных перспективах велись и тогда, но они не мешали нам дружно работать. Если отбросить популизм и политику, то суть нынешних споров сводится к следующему. Умеренные, если можно так выразиться, темпы реформ предполагают сохранение огромного госаппарата с армией чиновников и более высокие налоги. Одним словом, более дорогое государство. Мы же считаем, что государство должно быть более экономным, госаппарат компактным, а налоги более низкими.

Когда был очень жестокий кризис, то было не до споров, а то, что эти проблемы обозначились, означает, что самый тяжелый этап пусть с большим трудом, но пройден.

— Что же, на Ваш взгляд, удалось сделать, а что пока не получилось?

— Сейчас мы имеем экономику, в которой распределение по дефициту перестало быть главным рычагом ее регулирования. Рубли уже не деревянные, и имеет смысл их зарабатывать, поскольку национальная валюта свободно конвертируемая и наоборот. Главная

Имя интервьюера составителям установить не удалось. — Прим. ред.
Опубликовано в: Российская газета. 1993. 9 декабря.

проблема для предприятия — проблема спроса на его продукцию, а не проблема доступа к дефицитным ресурсам. Уже существует довольно большой частный сектор, т.е. решены главные проблемы первого этапа реформ: произошла либерализация экономики — она стала открытой и началось формирование частного сектора. Другое дело, что решение этих проблем не более чем первый этап в формировании рыночной экономики в России. И дальше возникают реальные и достаточно жесткие альтернативы, связанные с тем, куда идти дальше, когда на рынке появились товары.

Между прочим, полтора-два года назад я неоднократно говорил, что проблему товаров решить можно, но счастья она не принесет. Впереди самое главное — добиться экономического роста на рыночной основе.

— И все-таки, вступая в спор с оппонентами, Вы нам даете уже выводы, что не всех убеждает.

— Что ж, давайте более подробно. Первая альтернатива, которую выдвигают многие наши оппоненты, состоит в том, что главным, ведущим мотором должно быть государство. Традиционно для нашей истории. Так Витте пытался проводить капитализацию России. И этот ответ был бы убедителен, если бы не одно обстоятельство — огромная нагрузка, которую прогнившее в условиях социализма государство и так возлагает на наше общество. Государственное финансирование инвестиционной деятельности, как и во времена Витте, приведет к резкому росту уровня налоговых изъятий. Но Витте специализировался на высоких налогах с бизнеса. Сегодня же у нас и так бремя неэффективной структуры экономики очень велико, нам потребуются огромные ресурсы для поддержания ее на плаву. Значит, либо решать проблемы за счет жесткого дополнительного повышения налогов, либо финансировать государственные капиталовложения с помощью печатного станка. Это чистая фикция. Следующая волна инфляции просто снимет средства и проявит реальный прирост. Это путь тупиковый. К тому же, увеличивая налоги, мы стимулируем уклонение от них. Одним словом, профинансировать масштабную инвестиционную государственную экономику у нас нет средств и сил.

Это значит, что мы в своей стратегии должны опираться на другой опыт. Он подсказан многими государствами, прошедшими путь восстановления экономического роста в ситуации, схожей с нашей.

Это стимулирование частных сбережений и частных капиталовложений, стратегия постепенной разгрузки общества от бремени государства, создания предпосылок, позволяющих людям сберегать деньги, чтобы вкладывать их в производство. Для этого нужно, чтобы национальная валюта была стабильной, иначе нет возможности ее сберегать и нет стимула к частным капитальным вложениям. Значит, законы должны надежно гарантировать частную собственность... Это дело не собственника, а государства, которому нужно, чтобы он вкладывал деньги в производство. Для этого в свою очередь необходимо, чтобы налоги постепенно начали снижаться. Следовательно, государство должно меньше тратить. Все остальное — чистая профанация.

— Но на практике жесткая финансовая политика оборачивается для большинства простых людей задержкой зарплаты, невыплатой пенсий, стипендий, пособий. И все это, разумеется, не без помощи политических противников связывается с Вашим именем...

— Жесткая финансовая политика сама по себе ни в коем случае не должна приводить к задержке зарплаты, пенсий, стипендий, пособий. Это не ее результат, а в первую очередь следствие принятого на себя государством комплекса обязательств, превышающих его возможности. Государство должно обещать только то, что может сделать. Между тем в 1992 г., особенно в 1993 г. принимали законы, которые невозможно выполнить, постановления правительства, не обеспеченные финансами. Если посчитать все вместе, что государство обещало сделать, то это намного превышает его реальные доходы.

Мы пытаемся сейчас справиться с этой проблемой, доставшейся в наследство, удерживая финансирование в рамках реальных возможностей, сокращая объем необязательных, непервоочередных государственных обязательств, чтобы сконцентрироваться на том, что государство реально должно и может сделать. Скажем, приостановили новые льготные кредиты. А это была черная дыра в финансах. Только в прошлом месяце за льготные кредиты заплатили 380 млрд руб. — четыре годовых суммы ассигнований на науку и культуру. С 1 ноября практически отказались от импортных субсидий. А дотации на зерно? Это же колоссальное дополнительное бремя, которое сбросили для того, чтобы решить реальные задачи. В следующем году отказываемся от обязательных государственных закупок сельхозпродукции. Короче говоря, мы сейчас делаем

все для того, чтобы не воспроизводить ситуацию, при которой возможны ничем не подкрепленные обязательства государства. Да, мы вынуждены сейчас платить по чужим счетам за неосторожную финансовую политику и платим предельно неприятными вещами — задержкой заработной платы и т. д.

— Но ведь есть и другая сторона медали. Чем больше Вы освободите государство от неэффективных платежей, тем больше у него будет средств для непосредственной социальной защиты...

— Естественно. Ведь мы тратим на выплату льготных процентных ставок неизмеримо больше, чем на помощь, скажем, семьям с детьми. Совершенно ясно, если мы снимаем огромные гири с плеч государства, оно может лучше заняться прямыми обязанностями: помощью малообеспеченным, высшему образованию, науке, которая у нас действительно лишена финансирования.

Заниматься социальными проблемами — это не значит говорить о них, а тем более обещать то, что ты заведомо не сможешь выполнить! Это значит мобилизовывать реальные финансовые ресурсы и направлять их на наиболее эффективные социальные программы.

— Сейчас нас пугают массовой безработицей. Не застанет ли это правительство врасплох? Это же чисто государственная задача трудоустройства или хотя бы переобучения людей. Есть на это средства?

— Конечно. Но не надо драматизировать ситуацию и пугать народ 20–30-миллионной безработицей. Мол, вот-вот наступит. Сначала нам на лето 1992 г. обещали 20 млн безработных. И дальше каждый раз больше. Этого не будет, потому что так у нас устроен механизм трудовых отношений. Они не чисто западные, не чисто рыночные. И еще долго такими останутся. Высвобождение будет идти, оно совершенно неизбежно и необходимо, но не предвидится взрыва по всей экономике. Проблемы возникнут в отдельных регионах, в отдельных городах. Мы сформировали службу занятости, у нее есть ресурсы, эти ресурсы мы будем пополнять дальше. Сегодня там пока немного больше, чем нужно. Естественно, мы готовимся к тому времени, когда будет меньше, чем нужно. Придется дотировать эти службы из бюджета. Готовим программу переподготовки кадров. У нас есть программы действий на случай экстремальной ситуации по занятости в отдельных регионах, программа общественных работ...

Так что эта работа организована. Конечно, у нас нет опыта действий в условиях высокой безработицы. И его придется накапливать. Но структура создана, и я абсолютно убежден в том, что мы справимся с нагрузкой, которую неизбежно взвалит на государство реконструкция экономики.

— Но ведь люди остаются не у дел не только в результате экономических преобразований.

— Вы имеете в виду проблему миграции? Проблема очень острая. И она двояка. С одной стороны, мы создали миграционную службу. Она реализует целый комплекс проектов, направленных на помощь беженцам, но мы не можем дискриминировать своих граждан, которые давно живут в России. Тем не менее мы выделяем ссуды, миграционная служба ведет жилищное строительство для вынужденных переселенцев. Естественно, предполагается, что и их трудовой вклад там должен быть. И многие из них на самом деле приезжают работать. Они готовы ехать семьями, целыми коллективами, создавать предприятия. Этим Федеральная служба миграции занимается и будет заниматься. Но, с другой стороны, мы заинтересованы в том, чтобы круг этих людей был ограничен. Мы склонны к тому, чтобы выдать какие-то деньги для стабилизации в ближнем зарубежье. Это в наших интересах. Иначе, если там будет совсем плохо, миллионы людей бросятся в Россию.

Повторяю, мы максимально заинтересованы в том, чтобы положение в Беларуси, Украине, Казахстане, Узбекистане было стабильным, чтобы люди там хорошо работали и зарабатывали. Это важнейшие наши рынки. Но мы не можем за все это оказывать безудержную финансовую поддержку. Слишком дорогая плата для России. Но сотрудничать, конечно, будем.

— Вы в последнее время часто говорите, что реальная зарплата к концу будущего года составит 120–190 долл., но что это даст, если цены растут быстрее зарплаты?

— Цена на мировом рынке видеомагнитофона, телевизора, стиральной машины, холодильника, пары сапог, приличной одежды радикально не изменится, как бы ни складывалась у нас ситуация. Долларовая зарплата на самом деле просто показывает, как мы смотримся и что реально можем себе позволить. Пока она 80 долл., ты не можешь себе чего-то позволить, когда будет 350 долл. — сможешь.

— Ну а, по Вашим расчетам, когда зарплата будет связана с ростом производства?

— Если в 1994 г. мы действительно сможем подкрепить экономику устойчивой финансовой политикой, обеспечить политическую стабильность и провести правовую реформу, то 1995 г. можно будет считать началом стабилизации промышленного производства.

— По-Вашему, обстановка на нынешних выборах дает основания, чтобы говорить о политической стабильности в будущем?

— К сожалению, нет. Нынешних соперников политические страсти, пожалуй, заведут еще дальше. Я очень боюсь, что будущий парламент может повторить судьбу предыдущего. Опасаюсь, что там будет много людей, в общем-то наших союзников, которые, следуя логике борьбы, начнут заигрывать с прямыми оппонентами, а потом фактически станут заложниками экстремистов. Такое ведь уже случалось. Но будем надеяться на лучшее.

Чего не знает компьютер Гайдара?

По ковравым дорожкам прохаживались шахтерские лидеры, деловито сновали работники аппарата правительства... После встречи с горняками Егор Тимурович Гайдар углубился в изучение итогов ноября, подготовленных Рабочим центром экономических реформ, а также прогнозов на ближайшее будущее...

— Вот пройдут выборы — и правительство, надо полагать, станет работать без «перегрева» из-за политических страстей, свойственного нынешним дням. Потом, через месяц, соберутся депутаты и начнут законотворческую работу. А жить-то надо каждый день. Когда же россияне ощутят, что экономика перестала катиться вниз, когда начнется ее подъем или хотя бы много раз провозглашенная стабилизация?

— Во-первых, точек перелома несколько. И по крайней мере одну мы прошли — это насыщение рынка, заполнение прилавков. Мы не верили, говорили, что это случайность, что товары пропадут, но сейчас они есть — как-будто так и должно быть. Теперь не хватает денег.

Вторая точка перелома, важнейшая — снижение темпов инфляции. У нас цены колебались, но при этом неуклонно снижались. И мы начинаем это чувствовать по тому, на сколько «облегчается» рубль. Меньше его ежемесячное «худение» — значит, инфляция снижается. На сколько в месяц растут цены на основные продукты, которые вы покупаете? Если вы видите, что темпы роста цен падают, значит, и эта точка перелома пройдена.

Была еще одна маленькая точечка — стабилизация курса рубля по отношению к доллару. Сейчас что рубль на доллар, что доллар на рубль обменять можно практически беспрепятственно: носи

Интервью брала Елена ВИШНЕВСКАЯ.
Опубликовано в: Куранты. 1993. 9 декабря.

в кармане и то и другое. Сумма, за которую доллар можно продать, — это масштаб, курс-то стабилен.

Следующая точка перелома — начало роста капитальных вложений, для чего абсолютно необходимо снижение темпов инфляции! Нельзя ожидать вложений денег в долгосрочные проекты при высокой инфляции. На оживление инвестиций мы надеемся к концу года. А увидим это по тому, как будут расти коттеджи, появятся ли краны в районах новостроек и на старых, заброшенных стройках. Но для этого надо работать — хорошо и много.

— А что Вы не можете прогнозировать в развитии событий, что от Вас не зависит или зависит в очень малой степени?

— Мы не можем прогнозировать, насколько конструктивной или деструктивной будет работа парламента, какие неисполнимые решения он может принимать, удастся ли уйти от невыполнимых обещаний, пересмотреть те законы, которые наприимал прежний парламент, в какой степени стабильным будет наше движение к экономической устойчивости и снижению инфляции.

Ведь инфляция страшна не сама по себе, а как фактор, дестабилизирующий экономику, мешающий ей развиваться. Так что все зависит от того, насколько быстро удастся создать предпосылки для подъема производства. Вот здесь начинает диктовать политика. Есть, конечно, и масса плохо предсказуемых структурных изменений, например безработица в ее темпах и структурных особенностях. Но главное — это политика и политики. Вот не хотел говорить о ней, но разве обойдешься...

— Никто из лидеров предвыборных блоков, кандидатов не предлагает такого, что кардинально отличалось бы от программы «Выбора России». В принципе у всех примерно одно видение проблем, в общем-то схожи и предлагаемые пути их решения. Чем же отличается «Выбор России» других блоков и партий?

— Первое — это отношение к инфляции и росту цен, их роли в экономической политике. Все считают их злом, но одним из многих — есть еще и другие проблемы, надо позаботиться и о том, и о другом, а инфляция, дескать, уменьшится сама собой, если будет решено что-то другое. В конце концов и подождет. Мы подходим к этому делу иначе. Да, проблем бесконечно много, мы пытаемся двигаться по многим направлениям. Но инфляция — это сегодня критическая точка. Именно сегодня, не завтра или потом, а сегодня надо

сбить инфляционную волну. Без этого мы не сможем двинуться минимум по двум направлениям. Первое — обеспечить рост капитальных вложений. Ведь при такой инфляции никто не будет сберегать деньги. И второе: не «погасив» инфляцию, мы не можем упорядочить социальную политику, сократить компенсационные выплаты.

Второе отличие нашей политики — это отношение к роли государства в экономике. Мы уверены: главная проблема не в том, что государственного управления мало, а в том, что его слишком много! У чиновника есть огромные возможности отнимать, делить, распределять. К нему очередь стоит за различными «индивидуальными» решениями, а это порождает коррупцию, множит злоупотребления. Я глубоко убежден, что борьба с коррупцией начинается не с призывов быть честными или создавать внесудебные «тройки» и даже не с совершенствования законодательства, а в первую очередь с лишения чиновников права распределять ресурсы, принимать ненормативные, необщие решения. А выход — лишение их экономических прав.

Я вам скажу, что самые ожесточенные баталии в этом кабинете проходят не тогда, когда обсуждаются какие-то стратегические вопросы, принимаются глобальные экономические решения, а когда затрагиваются интересы какого-то ведомства, когда у него отнимают право, например, квотировать экспорт. Ведь такие «лишenci» перестают быть важными начальниками, от которых что-то зависит и которые могут решать: дать или не дать. Они становятся нормальными чиновниками, которые должны разрабатывать программу развития отрасли, определять наиболее эффективные пути использования государственных средств, создавать систему разумного нормативного регулирования. А это тяжелая работа и, скажу так, интеллектуалоемкая, да и не такая приятная, как ощущение собственной незаменимости, которое дает распределение.

Решить эту проблему можно, лишь сокращая сферу вмешательства государства в экономику: когда мы сокращаем квотирование и лицензирование, отказываемся от субсидий и льготных кредитов, вводим нормативное распределение налогов между бюджетами, сокращаем сферу государственного регулирования — все, что, строго говоря, мы и делаем, отсекая право индивидуальных решений.

— Но чиновникам новой России не хватает мест, которые занимали чиновники РСФСР, СССР, да еще КПСС?

— Мы начали нашу работу в 1991 г. с «кавалерийской атаки» на государственный аппарат — сократили в несколько раз число министерств и ведомств. Но атака захлебнулась. Только начинали заниматься чем-то другим, оказывалось, что их стало еще больше: они, как гидра, растут сами собой! У аппарата поразительная способность самовоспроизводиться. А вот сейчас мы создали экономические предпосылки, механизм, позволяющий избавиться от массы экономически ненужного аппарата. Теперь надо подкрепить это нормальной административной реформой, позволяющей резко упорядочить число наших министерств и ведомств. Во всяком случае для нас это один из главных приоритетов.

Проблема армии для «Выбора России» в числе первостепенных

— Егор Тимурович, в последний раз Вы выступали в «Красной звезде» в октябре 1992 г. С тех пор в общественно-политической жизни России произошли громадные изменения. Оценить их бегло, вкратце вряд ли представляется возможным. И все-таки попробуйте это сделать.

— Сколь ни противоречиво, болезненно развивались экономические и политические процессы, в целом с уверенностью можно сказать: заложена основа для стабилизации народного хозяйства, под реформы подведен надежный фундамент.

Страна вырвалась из тисков тотально-дефицитной экономики. Рубль стал работающей и конвертируемой денежной единицей. Удалось затормозить падение объемов производства. Еще несовершенный российский рынок позволил уже сократить импорт продовольствия, наполнил прилавки. Растет золотой запас России, пополняются ее валютные резервы.

К сожалению, пока не удалось подавить инфляцию. Именно она препятствует долгосрочным капитальным вложениям в производство, ее бремя прежде всего ложится на плечи людей с малыми доходами. Такое положение создано во многом из-за безответственной политики бывшего Верховного Совета. Его яростное противодействие курсу реформ, а затем и вооруженная попытка повернуть страну вспять вопреки воле народа вынудили президента в конце концов принять трудное, но единственно возможное решение о роспуске Верховного Совета и съезда и назначении выборов в новый законодательный орган. Теперь народ получил возможность сказать свое веское слово о пути развития страны.

Имя интервьюера составителям установить не удалось. — Прим. ред.
Опубликовано в: Красная звезда. 1993. 10 декабря.

— Вы лидер блока «Выбор России». Против вашей платформы, против Вас лично звучит больше всего выпадов. Притом многие оппоненты затрагивают проблемы армии. Каковы программные установки «Выбора России» в области военного строительства?

— Прежде всего мы исходим из того, что высокая степень обороноспособности страны может быть гарантирована лишь при условии, если она надежно подкреплена устойчиво развивающейся экономикой.

Этого пока что достичь не удалось. Это задача следующего этапа. Но преимуществом данного момента является то, что исчезла угроза глобального ядерного конфликта. В США и других государствах НАТО сокращаются военные расходы, сокращается и численность вооруженных сил. Однако еще высока нестабильность на региональном уровне. Еще не погашены многие межнациональные и этнические конфликты, высока опасность «расползания» ядерного и ракетного оружия.

Многие вероятные очаги конфликтов примыкают к территории нашей страны. Россия, несомненно, заинтересована в поддержании тесных отношений в сфере безопасности с нашими ближайшими соседями — странами СНГ. Чтобы противостоять новой опасности, мы намерены активно участвовать в укреплении ООН и ОБСЕ. Считаю весьма полезным участие России в общей с Западом системе безопасности.

Таковы реальность, жесткие императивы, на фоне которых в Вооруженных Силах России проходит процесс реорганизации, реформирования.

Сейчас наши военные расходы снизились до 5,5% валового национального продукта, что соответствует примерно доле таких расходов в США. В 1994–1995 гг. предстоят крупные затраты на вывод войск из-за рубежа, на их обустройство, на строительство жилья для военнослужащих.

Но ясно и то, что геополитические интересы России, ее положение как мировой державы не позволяют держать оборонные расходы на экстремально низком уровне.

Таким образом, определение масштабов отвлечения материальных и финансовых ресурсов на нужды обороны должно стать, по нашему убеждению, одной из важнейших задач, которые предстоит решить новому парламенту страны.

Блок «Выбор России» сделает все от него зависящее для того, чтобы Вооруженные Силы заняли достойное место в определенной законом системе государственных институтов. Тут ни у кого не должно оставаться ни малейших сомнений.

Вместе с тем мы выступаем за эффективный контроль над Вооруженными Силами. Считаем недопустимым перекладывать на военных политическую ответственность за решения, принимаемые руководством страны.

Мы за постепенный переход к профессиональной армии, которая бы отличалась высоким уровнем подготовки личного состава, достойным материальным обеспечением солдат и офицеров, техническим оснащением.

Российская армия и флот должны знать: блок «Выбор России» проблемы вооруженного строительства выдвигает в числе первостепенных.

— *Вы упомянули о преобразованиях, которые происходят в Вооруженных Силах. Как Вы их оцениваете, какие Вам видятся тут перспективы?*

— Достаточно хорошо знаю: проблем в Российской армии и на флоте в последнее время не убавилось, может быть, даже продолжается их накопление. Причин тому много, и отнюдь не только экономических, финансового порядка. Скажу больше: мне не совсем понятно, почему военное руководство не делает некоторых очевидных вещей? Например, почему с промедлением сокращаются структурные подразделения, когда остро не хватает призывников? Опять-таки почему до сих пор не заявил о себе институт профессиональных младших командиров, когда дедовщина остается? Почти отсутствуют правовые механизмы, регулирующие важнейший для армии принцип единоначалия, а отсюда возможность злоупотребления властью. Это порождает среди части солдат и офицеров апатию, безразличие к службе, иногда толкает их на противоправные действия. Психологические, моральные, организационные и правовые нормы и механизмы, защищающие достоинство личности в армиях демократических государств, известны. Проблема заключается в том, как ввести их в Российской армии. И тут работы, как говорится, непочатый край.

Ассигнования, выделенные на обустройство выводимых войск, было бы целесообразнее не расплывать, а на данном этапе сосре-

доточить преимущественно на строительстве казарм и домов для военнослужащих. Не созданы механизмы финансовой ответственности администрации регионов за использование целевого финансирования жилищных программ для военнослужащих.

Слабо осуществляется поиск внебюджетных источников финансирования строительства жилья. Приведу такой пример: на балансе Министерства обороны числится около 1 млн га земель, не задействованных впрямую для выполнения задач боевой учебы. Десятая часть этих земель, проданных с аукциона, покрыла бы значительную часть расходов по жилищному строительству! Я уже не говорю об утилизации высвобождаемой военной техники и имущества. Это миллиарды дополнительных денежных средств.

В условиях острейшей ограниченности финансовых средств правительство сделало все возможное для того, чтобы люди в погонах были материально обеспечены. То, что сегодня денежное довольствие военнослужащих более чем в 2 раза превышает среднюю заработную плату рабочих и служащих, — это все, на что нынче способен бюджет. Выходное пособие военнослужащих при увольнении составляет 20 окладов, для категорий «майор», «полковник» это 2–2,8 млн руб.

— *В какие сроки, по Вашему мнению, можно вывести страну из кризиса и в чем принципиальное отличие рецептов выхода из кризиса различных политических сил?*

— Начну со второй части вопроса — рецептов. Их выбор здесь невелик. Одни оппоненты предлагают делать то же самое, что и мы, но не такими способами. Какими — не разъясняют. Другие ратуют за постепенный, замедленный, «китайский» вариант реформ. Внешне привлекательно, но возможно ли у нас? Эта попытка еще имела бы шанс на успех, скажем, до 1985 г., когда и у нас, как в Китае, существовала жесткая партийно-политическая система управления и партия, как в Китае, сама бы возглавила преобразования.

— *Есть предложения о сохранении двухсекторной экономики — государственной и частной.*

— Этот вариант в полной мере опробован в Украине. Результаты известны. Я думаю, что надо учиться и на своих, и на чужих ошибках и стараться их не повторять. Выход из нынешнего кризиса не может быть легким. Страны, совершившие «экономическое чудо», добились успехов благодаря длительному и упорному тру-

ду граждан. Я никогда не обещал и не могу обещать того, чего сделать невозможно. Всем хорошо известно, чем кончаются пустые обещания. Но убежден, в случае проведения ответственной экономической политики можно за полгода снизить инфляцию до приемлемых размеров, а за год остановить падение производства и обеспечить перевод индустрии в фазу экономического подъема.

— *В войска практически перестала поступать новая военная техника, не хватает запчастей, наиболее технически оснащенные виды Вооруженных Сил начинают утрачивать свой боевой потенциал. Какой выход из создавшегося положения Вам видится? Как обстоят дела, по Вашим оценкам, в оборонном комплексе, не разрушает ли его конверсия?*

— С принятием Основных положений военной доктрины Российской Федерации ситуация проясняется. Разработан и представлен в правительство проект программы вооружения до 2000 г. Сформулирован и одобрен оборонный заказ, который определяет и конверсионные программы предприятий и даже целых регионов. Более 80% потенциала оборонных отраслей промышленности бывшего СССР осталось в России. Это сохранило предпосылки для производства сложной, наукоемкой продукции, новых видов вооружений.

Правительство понимает трудности «оборонки» и делает все, чтобы смягчить переходные конверсионные процессы.

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы ведутся, и заделы новой техники есть. Но чтобы эта техника соответствовала мировым образцам, необходимо преодолеть отставание в электронике, развитии средств связи, двигателестроении.

Но пока выход один — заботливо эксплуатировать то, что есть. Что же касается боевого потенциала, то при сокращении Вооруженных Сил до 1,5 млн человек он будет вполне достаточным для того, чтобы Россия осталась одной из сильнейших в военном отношении держав мира.

— *Формирование основных положений военной доктрины происходило еще в правительстве, которое Вы возглавляли. На Ваш взгляд, удалось ли реализовать в этом документе то, что Вы хотели, или нет?*

— Прежде чем ответить на поставленный вопрос, я бы хотел отметить, что впервые в России сформулирован и открыто опубликован военно-политический документ, определяющий тактику

и стратегию военного строительства. Задача непростая. И хотя это доктрина переходного периода, она сыграет положительную роль. Именно этими позициями мы руководствовались на начальном этапе ее разработки.

Как мне представляется, в документе достаточно четко изложены общие концептуальные положения политических основ и принципов политики Российской Федерации в области обороны и безопасности, оценка существа перемен в России и в мире в целом, характер угроз и жизненно важных интересов России. Определены также источники военной опасности, возможный характер войн и основные направления строительства Вооруженных Сил, их материально-технического обеспечения.

Полагаю, достижением разработчиков военной доктрины является и включение в ее содержание принципов подконтрольности органов управления и должностных лиц высшим органам государственной власти, соблюдение общегражданских прав и свобод, социальной защищенности военнослужащих, единоначалие на правовой основе, учет экономических возможностей России в военном строительстве. Есть, разумеется, в доктрине и слабые стороны. Но ведь доктрина только вступает в работу и рассчитана на переходный период. Давайте подождем. Жизнь мудрее всех мудрствующих и всегда богаче рассуждений. Она все расставит на свои места. А замена положений военной доктрины или замена ее на основе оборонной политики — это дело времени. Важно, что сделан первый шаг в осмыслении военной политики на данном этапе.

Очень важный, по моему разумению, шаг.

Наши оппоненты полагают, что живут в стране идиотов

— *Наша газета написала недавно, что Вы являетесь не только внуком Аркадия Гайдара и правнуком Павла Бажова, но и родственником Михаила Лермонтова. Это правда?*

— Правда. Но, надо сказать, родственником очень дальним. Это было открыто еще два-три года назад. В некотором смысле мы все родственники.

— *В одном из писем, пришедших к нам в редакцию, я прочел, что Вы еще и в шестой степени родня Столыпину.*

— А вот это для меня неожиданность.

— *Приятная?*

— Да. В целом я высоко оцениваю его деятельность.

— *«Одновременно в 1983–1985 гг. в качестве эксперта участвовал в работе государственной комиссии, изучавшей возможности хозяйственных реформ в рамках социалистической экономики (создана при Ю.В. Андропове). Там работал с многими будущими коллегами: А. Головковым (будущий руководитель аппарата Совета министров), П. Авеном (будущий министр внешнеэкономических связей), А. Чубайсом (будущий председатель Госкомимущества). Контакты между нами не прекращались и в дальнейшем. В 1986 г. в местечке Змеиная Горка под Ленинградом состоялась конференция экономистов — сторонников реформ (полуофициальная), где Е. Т. Гайдар стал признанным лидером направления». Вы, оказывается, и почти в подполье работали?*

— Откуда это?

— *Справочник «Политическая Россия сегодня», издательство «Московский рабочий», тираж 51 тыс. экз. С. 18, Ваша биография.*

Интервью брал Михаил ГУРЕВИЧ.

Опубликовано в: Московский комсомолец. 1993. 11 декабря.

— Не читал. Хотя читал много всяких глупостей о себе. Что такое была Змеиная Горка? Очень интересная конференция, которая стала возможной, так как начался период мягкой либерализации. А вот, например, Сергей Игнатъев, ставший потом заместителем министра экономики, а тогда имевший довольно крупные неприятности с правоохранительными органами за «антисоветскую деятельность», не мог подчас ничего сказать, потому как, по его представлениям, все происходящее далеко выходило за рамки легальности и не было уверенности, что через год за это не посадят. Шло довольно открытое обсуждение вопросов, где очутилась страна, что-то мы старались сделать закрытым, отдельно обсудить моменты, связанные с проблемами последовательного движения к рыночной экономике.

— *Представители многих предвыборных блоков, критикуя «Выбор России», говорят, что входящая в него «ярко выраженная» гайдаровская часть правительства оставляет после себя в стране катастрофу, разруху, мертвые заводы, нищих и кладбища. В то же время результаты опросов от всех социологических служб сохраняют одну и ту же пропорцию: за «Выбор России» намерено проголосовать примерно в 5–6 раз больше россиян, чем за тот же Гражданский союз. У нас что — страна самоубийц?*

— Я думаю, у людей просто здравый смысл. Наши оппоненты все время работают на идиотов. Они искренне полагают, что имеют дело с людьми, которые ничего не видят, не понимают, не помнят конец 91-го и готовы поверить, что за полгода после прихода нового мессии наступит абсолютное счастье и благоденствие. На этом, по-моему, глубоко просчитался бывший Верховный Совет, фатально проигравший свою великую интригу со вторым вопросом на референдуме. Они были просто уверены, что в «стране простаков» не могут дать на него утвердительный ответ.

— *Тогда у меня другой вопрос: а нет ли суицидальных наклонностей у самих демократов? Глядя на то, как они ведут избирательную кампанию, думаешь именно об этом. Говорено-переговорено о необходимости оставить одного демократического кандидата в тех округах, в которых есть сильный «красно-коричневый» ставленник, а результат? Нету. Хотя есть округа, где присутствует только сильный коммунист, а демократов нет и в помине, и есть другие округа, где только демократ на демократе и демократом погоняет.*

— Здесь два разных вопроса. Первый, очень серьезный: действительно, фатальная неспособность демократов объединяться в условиях, когда кажется, что самое страшное позади. Когда формировался блок «Выбор России», мы хотели привлечь все демократические организации, программные цели которых одинаковы: демократическое развитие страны, недопустимость антирыночной экономики, недопустимость прихода тоталитарных партий к власти. К сожалению, из-за личных амбиций этого не получилось.

— *Из-за чьих амбиций?*

— Всех звали: и Явлинского, и Шахрая, и Собчака. Шахрай долго колебался, последний разговор с ним был за пять дней до съезда «Выбора России». Мы ведь готовы к любому диалогу, у нас не было ни одного ультимативного требования. Я не требовал от Явлинского каких-то покаяний, отречения от его экономических взглядов, я не требовал от Собчака, чтобы он отказался от желания быть губернатором Санкт-Петербурга, от Шахрая, чтобы он отказался от желания быть спикером.

Была идея межблоковой коалиции, предлагали отработать процедуру взаимного снятия кандидатур в тех округах, где есть сильный кандидат от оппозиции. Нет сильного кандидата — можно позволить себе посоревноваться. Вроде на рабочем уровне были готовы многие, но когда встретились, выяснилось, что и это соглашение подписать невозможно. Один из старых демократов (не из «Выбора России») сказал мне: «Вместе не получилось — давайте попробуем разделиться». Я уверен: разделившись, получится еще хуже.

Меня несколько пугает будущее — не выборы, а после выборов. Целый ряд партий и блоков уже заявили: с «Выбором России» мы работать не будем. Это практически значит, что в новом парламенте мы получим мощное национально-коммунистическое крыло, обильный «центр» и довольно большую фракцию «Выбора России». И может оказаться, что голоса, поданные за другие демократические блоки, — это голоса против демократической коалиции в парламенте.

— *А Ваша агитация? Я вспоминаю замечательную передачу «Выбора России», где Вы, Чубайс и Федоров, абсолютно не замечая камер, горячо убеждали друг друга в первоочередной необходимости финансовой стабилизации. Будто кто-то из вас троих в том сомневается.*

— Организация кампании во многом несовершенна. Нет опыта. Мы тщательно старались и стараемся не злоупотреблять возможностями, связанными с государственными постами лидеров «Выбора России».

— *Такая щепетильность похвальна, однако не выйдет ли она боком для страны, когда к власти придут те, кто не страдает избытком стеснительности?*

— Может быть. Я с Вами согласен, но мне кажется, тут лучше проявить избыточную щепетильность, чем ее полное отсутствие. Все обвиняют «Выбор России» в захвате эфира, но я помню, как во время кампании утром или вечером включал телевизор, и там Аркадий Иванович Вольский рассказывал, как его лишают эфира.

— *Продолжаем читать биографические справочники. «В 1993 году Егор Гайдар возглавил правительственную комиссию по борьбе с коррупцией». Было три высокие антикоррупционные комиссии под руководством Гайдара, Руцкого и Макарова. Руководитель одной из комиссий ныне сидит под следствием, на этом борьба с коррупцией закончилась?*

— На самом деле я не был никаким руководителем. Если быть совсем точным, в мае — июле прошлого года была маленькая временная комиссия по контролю за наличным денежным обращением. Туда входили руководители правоохранительных органов, Центрального банка, Министерства финансов, она занималась отслеживанием наличного денежного потока, выявлением злоупотреблений, разбиралась с фактами спекуляции, с сомнительными решениями органов власти. К августу прошлого года кризис прошел. Наличный поток схлынул, и комиссия перестала существовать.

— *Когда Вы были гостем передачи «Без ретуши», Вам один из журналистов задал вопрос...*

— Про вату?

— *Да забудьте Вы эту ерунду! Вам задали вопрос, как Вы будете отстаивать свою честь и свои убеждения. Вы ответили: «Я стреляю». Можно поконкретнее?*

— Я стреляю.

(Развернутые ответы Егор Гайдар любит (и не скрывает этого) давать только на вопросы по экономической тематике. В остальных случаях он предпочитает «стрелять» короткими фразами, которые удаются не хуже построений о стабилизации курса рубля. Во время

недавнего вечера Гайдара в Доме кино ему прислали записку: «Как Вы относитесь к легализации проституции в Эстонии?» Первый вице-премьер ответил: «Мы не намерены вмешиваться во внутренние дела суверенного государства».)

— Ваша любимая книга?

— «Мастер и Маргарита».

— Любимый фильм? Вы же частый гость Дома кино, в Вашей приемной я только что встретил Сергея Соловьева...

— Не хочу обижать своих друзей-кинематографистов, которых у меня много.

— Любимое место в России? Куда тянет?

— Валдай. Средняя полоса.

— Все те же биографические сборники сообщают, что Вы владеете английским, испанским и сербско-хорватским языками. Как же Вас на сербский потянуло?

Теперь надо говорить: сербский и хорватский, это уже разные государства. Просто я жил некоторое время в Югославии, когда там работал мой отец, и, естественно, выучил язык страны. Испанский я начал учить в университете: меня очень интересовали проблемы латиноамериканской экономики.

— Чили?

— Вообще все страны с высокоинфляционной экономикой. Жизнь подтвердила мой выбор.

— Вы собираетесь выставлять свою кандидатуру на следующих президентских выборах? Такие сообщения уже появлялись.

— Как на самом деле все было. Я вышел с одного из совещаний, ко мне подошла милая, симпатичная девушка из «Интерфакса» и тихим голосом спросила: «А Вы будете участвовать в президентских выборах 96-го года?» Я ей ответил, что сейчас, в 1993 г., когда до 96-го еще целая историческая эпоха, говорить об этом абсолютно несерьезно. На следующий вечер я с удивлением услышал в «Новостях»: «Егор Гайдар не опроверг сообщений о том, что собирается выставить свою кандидатуру на будущих президентских выборах».

— Предположения, что после выборов Вы будете претендовать на место премьера, Вы недавно опровергали так: «Желать этой должности, уже побывав на ней, может только мазохист». Скажите, Егор Тимурович, а Вы не жалеете, что связались? Могли бы спокойно заниматься академической работой в академическом институ-

те, читать Вашу любимую экономическую литературу, а не тратьте нервы...

— Вы знаете, все-таки, наверное, не мог бы. Если бы я тратил нервы в условиях общей стабильности в стране — очень жалел бы. Но когда видишь, насколько опасно то, что делается в стране, а ничего не можешь изменить, это всегда вызывает наибольшее беспокойство.

— Какой-то прогноз на 13 декабря, хоть я и знаю, что вы не любитель заниматься прогнозами.

— У нас первые многопартийные выборы, пока ряд состоит из нулей — это все гадание. Вот когда будут четвертые многопартийные выборы...

— С нынешними темпами они могут состояться уже через год.

— Ну, вообще я надеюсь, что этого не произойдет.

Правительство должно быть честным во всем

— *Егор Тимурович, первый вопрос — о задолженности государства по зарплате. В прошлом году она составляла 60 млрд, а в этом — 600 млрд руб. Не говорю про взаимозадолженность коммерческих партнеров. Но когда по вине государства люди не получают зарплату, то это, на мой взгляд, безобразия. А как Вы считаете?*

— Это действительно безобразия. И подтверждение старой истины: правительство не должно давать больше обещаний, чем оно может выполнить. А в течение нынешнего года их было роздано столько...

Непродуманные обещания — страшная разрушительная сила. Действительно страшная. Буквально на ровном месте возникают труднейшие проблемы. Возьмите, например, ситуацию с зерном. В прошлом году обязательные поставки его были понятны. Но в 1993 г. они были уже совершенно не нужны. Все это должно было идти нормальным путем, через рынок, через зерновую биржу. Не надо было государству влезать в это. А как только залезли, так сразу политизировалась ситуация, начался бурный торг с агропромышленным комплексом, сразу завысили цены и объемы заготовок. А в результате попали в финансовый кризис... И вот теперь мы в долгах как в шелках.

Я мог бы привести и другие подобные примеры. Сейчас приходится распутывать эти узелки.

— *Вы вернулись в правительство 20 сентября и не причастны к обещаниям, которые щедро раздавали в течение года. Но тем не менее нельзя оставлять людей без зарплаты, правительство должно отдавать долги, если уж они сделаны...*

— Это безусловно, тут никакого вопроса нет. Мы и отдаем, хотя трудно, очень трудно, чрезвычайно трудно. Но вот 386 млрд руб. две недели назад отдали для обслуживания льготных кредитов, выдан-

ных ранее селянам и северянам. Еще 300 млрд дали в виде ссуды под хлеб плюс дополнительные кредиты выделили... Направили десятки миллиардов в счет погашения долгов шахтерам, работникам военно-промышленного комплекса. Конечно, расплатимся в конце концов, но это тяжелое бремя будет сказываться на экономической ситуации еще в течение ближайших трех-четырёх месяцев, сужая до предела возможности маневра. Это самая тяжелая проблема из всех, которые стоят сегодня перед правительством. Таков результат противоречивой политики в 1993 г., обусловленной отсутствием реальной власти.

— *Сообщалось, что на погашение своих долгов правительство изыскало недавно 1,5 трлн руб. Откуда — за счет печатного станка? Но тогда все выплаты будут съедены инфляцией...*

— Нет, не за счет печатного станка. На самом деле никаких новых 1,5 трлн нет. Просто с самого начала в бюджете были заложены (на всякие непредвиденные случаи) некие резервы. Все думали, куда их направить, где они нужнее всего. Теперь решили взять их. Еще один источник — дополнительная мобилизация средств.

— *Говорят, «Газпром» использует для выплаты задержанной зарплаты валютную выручку от продажи за рубежом туркменского газа.*

— Может быть.

— *Деньги ведь придется отдать Туркмении...*

— Это внутреннее дело самого «Газпрома». К тому же есть встречные претензии по транзиту туркменского газа через Россию... Если «Газпром» продал и не рассчитался — значит, придется отдавать деньги. «Газпром», слава Богу, довольно мощная организация, имеющая немалые собственные ресурсы. Справится.

— Называют еще один источник средств для покрытия долгов правительства — продажу алмазов. Так ли это?

— Мы продаем довольно большое количество алмазов на мировом рынке в рамках имеющихся соглашений. Это известно. А неизвестно, думаю, что мы занимаемся перераспределением собственных активов. О чем речь? Есть, скажем, активы правительства (бриллианты) и активы Центрального банка (валюта). Если нам нужны средства, мы можем заместить часть активов Центробанка алмазами, получив на свои активы иностранную валюту. Это вполне цивилизованный способ, тем более что в этом году банк заметно пополнил свои валютные резервы.

Словом, все делаем для того, чтобы не увеличивать сверх допустимых пределов общую денежную массу. Ибо в конечном счете от нее (а не от того, задержана зарплата или нет) зависят темпы инфляции. И прошлый год, и нынешний показали очень четко: как только совокупная денежная масса быстро разбухает, то через два-три месяца цены взлетают вверх. Это словно сообщающиеся сосуды.

— *Но сегодняшние вливания в экономику трудно назвать маленькими. Даже принятый недавно «жесткий» вариант Федерального бюджета на квартал предусматривает дополнительное печатание 4,6 трлн руб., не обеспеченных товарами...*

— 4,6 трлн действительно серьезный «вклад» в увеличение денежной массы. Но это не выходит за рамки намеченной денежной политики. Нас нередко критикуют и слева, и справа. Одни за то, что мы недостаточно радикально сокращаем бюджетный дефицит, темпы роста денежной массы. Другие, наоборот, обвиняют в «шоковых», обвальных методах проведения реформ.

На самом же деле мы не собираемся делать «резких движений». «Шоки» и «обвалы» российской экономике уже не нужны. Мы идем сегодня путем спокойных, упорядоченных преобразований. И, в частности, в финансовой, кредитно-денежной политике это видно довольно отчетливо. Сокращение темпов роста денежной массы происходит не резко, не в разы, а очень плавно — по 1% в месяц. Нам не нужно, чтобы инфляция сразу упала до нуля. Это был бы экономический спазм...

— *Насколько выросла денежная масса в октябре?*

— На 13%. Это значит, что темпы роста цен в конце января — феврале составят 15–16%. А в целом рост денежной массы в четвертом квартале не должен превысить в среднем 11–12% в месяц. «Эхо» отзовется в марте — апреле, когда темпы роста цен снизятся до 13–14%, т.е. мы начинаем наконец реально приближаться к заветной цели — сдерживанию инфляции. Снижение ее до 15% в ноябре — первый и очень важный позитивный сигнал.

— *В нынешнем году начиная с февраля цены и средняя зарплата растут примерно одинаковыми темпами. Но часто приходится слышать от некоторых членов правительства, что реальные доходы россиян начинают увеличиваться. Откуда? Да и как вообще может не то чтобы расти, а даже стабилизироваться уровень жизни, если сокращается производство (в том числе и товаров народного потре-*

бления), уменьшаются национальный доход и валовой национальный продукт (ВВП)?

— На самом деле реальные доходы на протяжении девяти месяцев нынешнего года примерно стабильны. Я это говорил раньше, подтверждаю и сейчас. Теперь о том, как это может быть, если статистика показывает падение ВВП и всего прочего. Дело в том, что статистика сегодня многого не фиксирует. Например, очень плохо учитывается продукция неформального, растущего частного сектора (да и государственные предприятия стремятся скрыть часть продукции, чтобы избежать налогов). Садово-огородные участки, частные мастерские, индивидуальный бизнес, незарегистрированная торговля продуктами и товарами из ближнего и дальнего зарубежья... Если суммировать все это, то картина с ВВП будет совсем иная, чем дает Госкомстат.

Кстати, знаете ли Вы, что начинается бегство капиталов... в Россию? Да, да, я не оговорился, не из России, а в Россию. На днях я получил аналитические материалы Международного валютного фонда о реальном торговом балансе нашей страны (по данным наших торговых партнеров). Напомню, что в прошлом году экспорт из России был намного больше, чем зафиксировали статслужбы. В этом году картина получше, занижение экспорта тоже есть, но не такое большое. А вот что действительно резко занижено, так это импорт. По оценкам МВФ, объем его за 10 месяцев на 5,4 млрд долл. больше, чем показывает наша статистика. Это весьма красноречивый факт. Он говорит о том, что капитал все более активно начинает пробивать себе дорогу в Россию.

— *Хотел бы задать не совсем обычный вопрос. Как Вы относитесь к тем, кто с Вами спорит? Например, руководители Минтруда по ряду вопросов не соглашались с Вами. Настаивали, скажем, на большем увеличении минимальной зарплаты, расширении бюджетных расходов на социальные цели. Как Вы расцениваете позицию Минтруда?*

— Это совершенно правильная позиция для работников Минтруда. Они и должны остро ставить социальные вопросы. И я не могу не согласиться с Минтрудом, что у нас очень серьезные проблемы в этой сфере. Минимальная зарплата действительно была чрезвычайно низкая. Конечно, мы отстали здесь, страшно отстали. Минимальную зарплату надо было поднимать. Но в каких разме-

рах? У нас, к сожалению, не так уж много возможностей. Это как раз тот случай, когда правительство не должно брать обязательств, которые не сможет выполнить. Правительство должно быть честным во всем — в оценке и своей деятельности, и ситуации в стране, и финансовых возможностей, иметь мужество говорить правду (даже если она не очень приятная), не давать пустых обещаний — словом, жить по средствам.

Ну, а что касается минимальной зарплаты, то, в конце концов, нашли резервы и подняли ее, как известно, почти вдвое. Большого сегодня сделать нельзя.

— *Много спекуляций идет вокруг 1 млрд руб. наличными, которые правительство экстренно взяло из банковских сейфов в ночь на 4 октября, когда начался штурм мэрии и телецентра. Говорят, что эти деньги раздавали тем, кто пришел по Вашему призыву ночью к Моссовету. Но я там был и свидетельствую: никакой раздачи не происходило... Так зачем же потребовался этот миллиард?*

— Это был просто резерв, оперативный резерв. Когда ситуация становится экстренной, правительству могут потребоваться наличные деньги. Мало ли какие срочные платежи, скажем, организация питания людей или еще что-либо. Словом, может быть масса всяких неожиданностей. Кстати, два года назад, когда гэкачеписты пытались совершить государственный переворот 19–21 августа, российское правительство тоже срочно взяло у банка наличные деньги на экстренные расходы...

— *Вы лично вели переговоры по поводу этого миллиарда?*

— Нет, не я. Было соответствующее поручение премьер-министра, я передал его Министерству финансов, которое и должно заниматься этими вопросами. Переговоры вели министр Борис Федоров, первый замминистра Андрей Вавилов.

— *Известно, что деньги правительство взяло, в конце концов, у коммерческих банков. Почему этот миллиард не дал Центробанк, Виктор Геращенко?*

— Почему не дал Геращенко — вполне понятно. Потому что испугались. Ситуация была сложная, кто победит — неизвестно, зачем же спешить...

— *Но, может быть, причина иная — самая прозрачная: время неурочное, хранилища закрыты, где, действительно, достать 1 млрд руб. в ночь с воскресенья на понедельник?*

— Это совсем не так сложно, как может показаться. Есть схема действий на случай чрезвычайных обстоятельств. Но в тот вечер руководители Центрального банка после первого же разговора просто «исчезли». Они не сказали, что нет денег или их невозможно взять (это было бы смешно), а просто «исчезли», выжидая, чем окончатся октябрьские события, у кого будет власть... Пришлось обратиться к коммерческим банкам. Там никаких проблем не возникло: 1 млрд руб. наличными был доставлен очень быстро. Через день мы его полностью вернули, взятые купюры так и не потребовались.

— *В правительстве идет работа над пакетом документов по социальным вопросам. Что за документы? Когда они будут приняты?*

— Это Декларация о социальной политике правительства и проекты десятка указов президента, а также постановлений правительства. В декларации социальная политика рассматривается как основополагающая составная часть реформирования российского общества, определяются ее стратегия, цели и задачи. Акцент делается на активной социальной политике. Это, в частности, регулирование занятости населения, поддержка предпринимательства, малого и среднего бизнеса, социальная защита неработающей части населения, обеспечение других социальных гарантий...

— *Нельзя ли хотя бы кратко рассказать о готовящихся указаниях?*

— Вот, например, проект указа «О системе минимальных социальных гарантий». В числе этих гарантий — минимальный размер оплаты труда, минимальная пенсия, право на получение пособий по соцстраху, минимальный набор общедоступных и бесплатных услуг в сфере здравоохранения, образования, культуры. В проекте указа определены конкретные меры, поручения правительству.

Проект другого указа посвящен разграничению функций по социальной защите населения между федеральными и местными органами исполнительной власти. Приведу еще названия некоторых других готовящихся указов: «О прожиточном минимуме», «Об увеличении компенсационных выплат пенсионерам в связи с ростом стоимости жизни», «О мерах по обеспечению адресности социальной защиты населения», «О государственной поддержке благотворительности», проект постановления правительства об организации мониторинга социальных процессов. Весь этот пакет документов находится, как говорится, «на выходе» — работа завершается. Думаю, до конца года они будут приняты.

— Наши доходы прямо зависят от налоговой политики. Много споров идет сейчас вокруг предложений Минфина по резкому ужесточению налогов на сверхвысокие доходы. Какова Ваша позиция? Согласны ли в этом с Борисом Федоровым?

— Вообще-то мы являемся единомышленниками, но, как и во всякой работе, по каким-то вопросам возможны дискуссии. И в данном случае, например, у меня другая точка зрения. Не могу поддержать предложение по существенному увеличению ставок подоходного налога с населения. Надо подходить реально к этому вопросу. Есть предел повышения налогов, за которым собрать их будет очень трудно. Граждане будут находить различные способы, чтобы не платить их. Вот почему я считаю, что если мы хотим привить налоговую дисциплину, то надо не переходить 30%-й верхний предел. Опыт показывает: при этом налоги можно собрать. Дальнейшее же повышение налоговой планки даст лишь обратный эффект.

— Много писем приходит в редакцию по жилищному вопросу. «Я десять лет стоял в очереди на получение квартиры, — пишет москвич В. Горелов. — А теперь что же: покупать ее за 15 млн? У меня никогда не будет таких денег...»

— В ближайшее время должно выйти постановление, в котором четко определена система поддержки тех, кто нуждается в жилье. Будут предоставляться безвозмездные субсидии малообеспеченным гражданам в размере до 70% стоимости строительства или приобретения жилья. Конечно, не все получают эти 70%. Размер субсидий зависит от того, сколько лет человек состоит в списках очередников на получение квартиры, и еще — от среднедушевого дохода на члена семьи... Теперь посмотрим, что же это такое — максимальная субсидия в размере 70%. При стоимости, скажем, двухкомнатной квартиры 15 млн руб. человек может получить 10,5 млн безвозмездно. Эту сумму не надо отдавать. А недостающие 4,5 млн можно взять в виде кредита, заработать, может быть, что-то продать, занять у родственников, знакомых...

— Смогут ли получить субсидии, например, беженцы?

— Да, и они тоже. И все, кто хочет заработать на квартиру, но не может дотянуть до нужной суммы.

— Укрепление рубля, которое наблюдается в последнее время, во многом связано с упорядочением денежных отношений со страна-

ми СНГ. Каковы перспективы создания рублевой зоны? Возможно ли в ближайшее время объединение денежных систем России и каких-либо государств?

— В принципе, конечно, возможно, но надо четко понимать, что объединение денежных средств будет означать для присоединяющейся страны потери части суверенитета в области экономической политики. Это однозначно. Кроме того, должны быть предварительно предприняты шаги по сближению экономических систем, темпов рыночных преобразований и т. д. Словом, это не такое простое и быстрое дело.

— А если, допустим, какая-либо из среднеазиатских республик захочет снова вернуться в состав Российской Федерации?

— Опять-таки в принципе это возможно. Но вот мое мнение: к этому вопросу надо подходить очень осторожно, продуманно. Экономические и политические интересы своей страны должны быть превыше всего.

— Оппоненты критикуют нынешнее правительство за то, что оно «разрослось» чрезвычайно...

— Я и сам об этом говорил неоднократно. Сегодня на самом деле стоят очень серьезные задачи по реорганизации правительства и по сокращению числа министерств и ведомств. Их действительно «расплодилось» какое-то немислимое количество.

— Сколько было министерств и ведомств в правительстве, которое Вы сформировали в конце 1991 г. в качестве и. о. премьера?

— 23.

— А сегодня у нас 96 министерств и комитетов. Александр Починков сказал недавно, что «из них по крайней мере процентов сорок можно просто целиком закрыть, переподчинить, передать их функции...». А Вы как думаете?

— Я согласен с Александром Петровичем.

— Может, вернуться к первоначальной схеме — оставить 23 министерства и ведомства?

— Ну 23, или 25, или 27 — дело не в конкретной цифре, а в том, чтобы провести серьезную реконструкцию системы управления, сделать ее более мобильной и эффективной. Когда министерств и ведомств больше 35, они становятся плохо управляемыми. Премьер не может вникнуть в их работу, просто физически не успевает, с министрами видится в основном на заседаниях... Словом, общее на-

правление такое: существенно сокращать аппарат и повышать зарплату работникам (чтобы не подталкивать их на путь коррупции).

— Но и в Министерстве экономики, которое Вы возглавляете, тоже огромные штатные излишества. По сути, нынешнее Министерство экономики — это соединенные вместе бывшие Госплан СССР и Госплан РСФСР. Огромный чиновничий аппарат — две тысячи человек... «Свое министерство трогать не будем»?

— Как раз, может быть, с него и начнем. Подготовлены предложения о принципиальном изменении функций, структуры и штатов Минэкономики. Это должен быть прежде всего аналитически-прогностический центр. Наши предложения будут рассмотрены правительством.

— В завершение несколько вопросов, связанных с предстоящими завтра выборами в Федеральное собрание. Почему демократы не могут объединиться? Понимают ли они опасность того, что из-за распыления сил по различным блокам в Федеральное собрание могут быть избраны, так сказать, антидемократы, антиреформаторы?

— Такая опасность действительно существует. И мы обратились ко всем блокам, ратующим за реформы, с предложением выступить единым фронтом. Но, к сожалению, наше предложение поддержано не было.

— Почему? Настолько серьезные различия в программах?

— Я бы не сказал. Больше, по-моему, играют здесь роль личностные мотивы. Будет очень жаль, если из-за этого окажется под угрозой судьба реформ, судьба демократии в России, если выберем парламент, который станет тормозом движения вперед.

— Ну вот, например, в чем принципиальные различия программ блока «Выбор России», который Вы возглавляете, и блока Григория Явлинского?

— Да таких уж кардинальных, «антагонистических» различий я не вижу. Григорий Алексеевич, например, говорит, что главная причина инфляции — это монополизм в экономике и что нельзя победить инфляцию, не победив монополизм. В связи с этим хотел бы привести пример Эстонии. Там в 70 раз ниже темпы инфляции, чем в Украине. Что же, в Эстонии в 70 раз ниже уровень монополизации? Или же там в 70 раз медленнее растет денежная масса? Легко увидеть, что инфляцию в Эстонии победили (а она там ниже 2% в месяц) путем жесткой финансовой и кредитно-денежной политики. Это, конечно, упрощенная схема, но суть передает.

В целом же в наших программах нет фундаментальных противоречий. С монополизмом, конечно, бороться нужно, это аксиома, и мы делаем это, открывая наш рынок, используя другие рычаги...

— Считаете ли Вы, что первый этап экономической реформы завершился?

— Начиная реформы в 1991 г., я определил для себя несколько критериев, означающих завершение первого этапа. Один из них такой: когда самыми острыми будут жалобы на то, что отечественную продукцию, в том числе сельскохозяйственную, девать некуда, реализовать невозможно и необходимо вводить высокие импортные тарифы, чтобы защитить национальный рынок, значит, первый этап реформы завершен. Сейчас такое время наступило. На последнем заседании правительства именно эта ситуация стала главной темой обсуждения.

Ситуация в общем-то понятна. В 1992 г. мы полностью сняли импортные тарифы. Это был неординарный шаг, предпринятый для наполнения внутреннего рынка, создания конкурентной среды. Но мера эта могла быть только временной. Ни в одном цивилизованном государстве нет такого. Даже и сегодня у нас уровень импортной защиты ниже, чем в подавляющем большинстве развитых и развивающихся стран. Резервы для некоторого ужесточения таможенной политики есть, но не очень большие. Нельзя допустить, чтобы протекционная политика полностью оградила наших товаропроизводителей от зарубежных конкурентов. Это было бы неправильно. Пусть наши заводы перестраиваются, перепрофилируются, приспособляются к рынку... Но если ставка таможенного тарифа «зашкалит» за 25%, то таких стимулов к оживлению экономики не будет. Глухая таможенная «защита» сослужила бы плохую службу отечественной экономике, которая сохранила бы архаичность, отсталость на века. Этого ни в коем случае допустить нельзя.

В заключение хотел бы сказать, что наше будущее в наших же собственных руках. Россия уже в который раз стоит как бы на перепутье: туда пойдешь — в тоталитарное прошлое вернешься, сюда направишься — экономика рухнет (как это произошло в Украине)... Остается один путь — прямо, это путь продолжения реформ, вхождения в сообщество развитых, цивилизованных государств. Все мелкое, личное, амбициозное сегодня должно уйти на второй план, это не существенно. Главное — судьба страны.

Это решение чисто политическое

Е. Гайдар о мотивах своей отставки

— Егор Тимурович, что Вы чувствуете? Облегчение? Разочарование? Тревогу?

— Как Вы понимаете — все вместе, все сразу. Это решение не спонтанное, отнюдь не «взрыв эмоций». Это взвешенное политическое решение. Вместе с тем до последней секунды, конечно, были сомнения.

— В качестве причин или, вернее, поводов Вы назвали решение о финансовом союзе с Беларусью и о выделении 500 млн долл. на строительство нового здания парламента — это и стало последней каплей?

— Нет, это не причина, даже не повод, это, скорее, примеры, образцы поводов, которых накопилось очень много. Но, конечно, проблема, которую мы обсуждали...

— Обсуждали где?

— На бюро фракции «ВР» в Думе... Проблема много серьезнее. В общем альтернатива такая: или оставаться, используя те возможности, которые дает пост первого вице-премьера, но одновременно все больше служить ширмой для политики, с которой не согласен, или добиться полной политической ясности, но ценой утраты поста. Реальное политическое пространство для меня в составе кабинета в последние недели очень сузилось.

— Чем Вы это объясняете?

— Вот здесь мы подходим к самому важному вопросу. В конце концов, отдельная отставка министра, группы министров — это то, что называется «министерский кризис» и представляет, вообще говоря, интерес только для специфической группы людей — полити-

Интервью брал Леонид РАДЗИХОВСКИЙ.
Опубликовано в: Известия. 1994. 20 января.

ческой элиты, дипломатов, банкиров и т. д. Но в нашем случае дело обстоит иначе. Эта отставка не эпизод «драки под ковром». Я вижу в ней проявление очень важных, очень серьезных политических, если хотите, исторических тенденций. Сейчас идет мощное движение социальных пластов в нашей стране. И эта отставка — одно из внешних проявлений такого движения. Здесь есть вполне четкая логика.

— Она началась с Вашего возвращения в правительство в сентябре прошлого года?

— Нет, я бы сказал, что все началось раньше, прошлым летом. Тогда мы — группа реформаторов, людей четкой демократической ориентации — объявили о создании движения «Выбор России». Стратегически было ясно несколько вещей: власть переживает тяжелейший кризис, который она не может разрешить изнутри, ей необходимы мощная внешняя поддержка, внешний импульс; идеология реформ теряет приверженцев в народе, а создать действительно широкий социально-экономический слой «людей реформы» не удастся; мы на пороге нового «застоя реформы» с его самыми опасными чертами — инфляцией, обвалом производства и т. д. Все это дает питательную среду, является «питательным бульоном» для настоящих чумных бактерий — для фашизма в России. Не нагнетая страсти, могу сказать — страшнее этого представить невозможно уже ничего. Поэтому главная моя цель и цель моих коллег все это время одна: сделать все возможное, чтобы остановить процесс.

— Успешно ли Вы справлялись с этой задачей?

— Мы искали разные методы решения проблемы. Было очевидно, что кризис власти нарастает много быстрее, чем удастся строить наше движение. Вспомните: ведь лето, затем начало осени прошлого года — это период настоящей скачки инфляции и паралича власти. Параллелизм «президент — Верховный Совет» достиг апогея. Власть начала просто буксовать на месте, как автомобиль, а работа «мотора» давала лишь одно: разогревала инфляцию.

— Для полной катастрофы не хватало лишь массовой фашистской партии...

— Да, верно. Если бы такая популярная партия была, то она легко могла вломиться в щель между президентом и ВС, легко могла подмять под себя ВС (который был к этому абсолютно подготовлен морально) и «легитимно» или нелегитимно взять власть.

— *Вот в этот момент Вам и предложили войти в правительство.*

— Отказаться я не мог. Как Вы понимаете, я отлично видел, какую роль «пожарного для безнадежных положений» мне готовят. Отлично понимал, как трудно будет обуздать инфляцию — экономическую мать фашизма. Очевидно было, что, когда я сделаю работу...

— *«Мавр может уйти»¹?*

— Во всяком случае найдутся силы в правительстве, которые этого захотят. Но в тот момент я думал так: надо принимать срочные меры просто для немедленного улучшения ситуации. Только как-то стабилизировав политический процесс, создав хоть какую-то управляемость в стране, затушив разгорающийся пожар инфляции, вообще можно будет провести выборы и подготовить, накопить силы для продвижения вперед.

— *Что из этого плана удалось, что нет?*

— События у всех на виду, и всякий оценивает их по-своему. На мой взгляд, пусть и ужасной ценой, но двоевластие сломать (к сожалению, именно сломать, а не исправить) все-таки удалось. Одна опасность отпала. Здесь главную роль сыграл, конечно, президент. Нам, моим коллегам (особенно Б. Федорову) и мне, удалось сломать тенденцию инфляционного процесса. Тут цифры говорят сами: в августе уровень инфляции составлял 26%, в сентябре — 23, в октябре — 20, в ноябре — 16, в декабре — 13%.

— *Борис Федоров говорил, что если бы тенденция продолжалась, то к марту — апрелю удалось бы снизить инфляцию до 5%.*

— Да, я думаю, что это было бы вполне возможно.

— *Как Вам это удалось?*

— Тут нет ни секрета, ни какого-то универсального рецепта. Мы в сентябре сразу приняли решение о приостановке льготного кредитования. Механизм известен: коммерческие банки, иные структуры получают от государства огромные суммы под низкую процентную ставку, а сами затем или перепродают эти деньги под несоизмеримо более высокий процент, или еще как-то распоряжаются такими «даровыми» деньгами, оборачивают их к своей выгоде, т. е. за счет льготного кредитования из воздуха, а точнее, из казны делаются миллиарды, десятки миллиардов рублей.

Это, кстати, наносит не только экономический урон. Здесь и мощнейший источник коррупции (ведь такие «кредиты» часто даются в обмен на соответствующее «беспроцентное кредитование» того чиновника, который кредиты «выбил»). Здесь и страшный источник «коммерческого разврата». На это часто не обращают внимания — и напрасно. Когда деньги делаются «из ничего» — будь то игра в казино или «игра с казной», — это растлевает сам бизнес. «Трудовой лот» бизнеса обесценен. Зачем заниматься по-настоящему трудной, сложной и творческой коммерческой деятельностью (в том числе финансовой), если все так просто? Получил льготный кредит — и ты уже добился коммерческого результата. Здесь и опасное сращивание финансовой и бюрократической элит.

Кроме того, мы добились прекращения импортных субсидий.

Эти субсидии ввели, когда курс рубля по отношению к доллару был резко занижен. Тогда это было оправданно. Но с тех пор курс резко изменился, покупательная способность доллара на нашем рынке сегодня в десятки раз ниже, чем в 1991 г. А импортные субсидии оставались. Здесь, как и в случае с льготным кредитованием, те же проблемы, тот же «радиоактивный источник» коррупции, то же разорение казны, провоцирование инфляции.

— *Вот такие меры и называются монетаризмом?*

— Если это монетаризм, то что же тогда такое здравый смысл? Я давно уже понял: одним «экономическим решето» нельзя носить, «политическую воду». Те элементарно разумные, самоочевидные меры, которые я перечислил (и есть еще целый ряд других), способны приостановить и изменить процесс. Но радикального изменения они все равно не дадут. Нужна мощная социальная, политическая воля. Если она приложена, если она подкрепляет нормальную экономическую политику, то происходит перегруппировка базовых политических сил и тогда кризис разрешим. Если же этой политической воли нет...

— *То происходит то, что происходит?*

— Но политическая воля — это не произвол отдельного человека. Политическая воля лидера, правительства при демократическом строе есть результирующая политического процесса, есть результирующая политической воли избирателей. Как бы ни был несовершенен механизм всеобщих и равных выборов, но это единственный способ несилового разрешения общественных противоречий.

¹ «Мавр сделал свое дело. Мавр может уйти» — цитата из «Отелло» В. Шекспира. — Прим. ред.

В сентябре 1993 г., когда я входил в правительство, план был примерно следующий: разумными экономическими и политическими ходами снять самую острую фазу кризиса, затем выиграть на выборах, обрести на основе выборов новый мощный политический импульс, опираясь на него, начать новый, решающе важный этап реформ. Первую часть задачи, кажется, удалось выполнить. Но выборы мы проиграли. И следующие этапы застопорились. Теперь нам приходится за это расплачиваться. Мы после выборов потеряли значительную часть влияния в правительстве. Политика правительства стала меняться: во-первых, самый острый этап кризиса, как многим кажется, миновал...

— *И значит, отпала необходимость в Гайдаре?*

— И значит, у меня самого отпала безусловная нравственная необходимость в любом случае оставаться в правительстве.

Но есть еще один решающе важный момент. Наше влияние уменьшилось во многом под влиянием вердикта избирателей. Мы та часть кабинета, которая поставила себя, свою политику перед судом избирателей. Относительный неуспех на выборах и предопределил во многом наш уход. Предопределил, я бы сказал, разумность и целесообразность нашего ухода.

И еще. Я знаю, что есть категория избирателей, может быть не слишком искушенных в тонкостях политики, которые рассуждают примерно так: да, есть опасность и гиперинфляции, и сдвига власти в сторону имперского национализма и т. д., но пока в правительстве Гайдар — этого не произойдет. Вовсе не преувеличиваю свою роль, но настроение такое у некоторой группы населения есть. Гайдар в правительстве — успокоительный фактор, «все в пределах нормы». Так вот больше нет этого основания для успокоения. Пусть у кого-то включится нейрон тревоги, это куда лучше благодушия.

— *Чем Вы объясняете проигрыш на выборах?*

— Главные причины я вижу в том, что до сих пор не удалось создать мощный социальный класс, осмысленно поддерживающий реформаторский курс. Огромные массы людей, большинство населения приспособились к реформам, но они не составляют политический актив реформистской политики. Огромные массы (я думаю, до 20–25% взрослого населения) стали жить лучше, сумели использовать реформы, но и они не составили политический актив партии сознательных реформаторов.

Дело не только в уровне жизни. Свои успехи люди часто приписывают себе лично (и правильно делают!), а свои поражения — системе, например непомерно высоким налогам на средних и мелких предпринимателей.

Иначе говоря: сегодня нужна новая мощная интегрирующая политическая идея — политическая идея из либерального и демократического лагеря, а не из так называемой ЛДП Жириновского.

— *О какой новой идее Вы говорите?*

— Не знаю, как она должна звучать на уровне семантики. Смысл ее я вижу примерно в следующем. Экономически стабильное общество с низкой инфляцией, свободой и безопасностью экономической деятельности. Необходимы целенаправленные усилия по формированию здорового среднего класса, который корнями врос в эту землю, гордится своей страной, своим делом, своим благосостоянием, своей здоровой русской буржуазностью. Буржуазность — это ведь такие качества, как честность, точность, ответственность, трезвость, бережливость. Экономически мы для этого сделали далеко не все, что нужно. Есть способы реально понизить налоги, не создавая огромные дыры в бюджете.

У новой, демократической идеи есть и другая сторона. Сейчас наше государство нельзя считать демократическим. Опять происходит окостенение бюрократии. Опять резко усилилось отчуждение государства с его аппаратом от народа. Производство новых «членовозов», 500 млн на строительство дворца для Думы и т. п. лишь надводная часть айсберга, маленькая внешняя проекция этого процесса. И люди, как раз демократически настроенные, и «отомстили» за это на выборах.

— *Отомстили «Выбору России»?*

— Да. Надеюсь, что отомстили не по адресу. Но пока мы были в правительстве, пока мы выступали как лидеры «демноменклатуры», избиратели действительно не могли разобраться. В действительности «демноменклатура» — это в огромной степени миф. Номенклатура не нуждается в рекрутировании в свой состав «широких масс» демократических политиков и даже демагогов. Номенклатура во многом остается старой. Она раздвинулась — очень незначительно, заглотнула «лучшие» демократические кадры, ассимилировала их и вернулась в свое исходное положение. «В гранит оделася Нева...»¹

¹ Пушкин А. С. Медный всадник. — Прим. ред.

Здесь есть и этическая, и политическая стороны. Если этически все ясно — «каменный зад бюрократии» опять перевешивает голову демократии, то ведь это ведет к политическим следствиям.

— *Союз бюрократии и коррумпированного капитала под прикрытием фашистской демагогии?*

— Совершенно верно. Это и есть замкнутая, гнилая, действительно «веймарская» атмосфера, в которой и рождаются страшные гомункулусы фашизма. Если у демократов сегодня нет новой мощной идеи, то у этих людей идея всегда наготове — идея национальной обиды, национального тщеславия, комплекса национальной неполноценности, переходящего в истерически-имперское величие.

— *Вечно живая и вечно юная идея.*

— Но как четко провести грань между национальным достоинством и национальной истерикой? Вот вопрос. Я считаю, что мы должны быть партией русского национального достоинства — достоинства разума русского человека. Новое очищение государства — очищение от бюрократического высокомерия, от бюрократической жестокости и коррупции, свобода предпринимательства, возможность честной, достойной жизни и труда — вот что такое русское возрождение. Надо объяснить, что возрождение ненависти — это возрождение негодяев, авантюристов и насильников. Это и есть та самая «руссофобия», которую они ищут везде, только не в зеркале.

— *Вот для построения такой партии Вам и нужны развязанные руки?*

— Если не будет консолидировано демократическое движение, то сползание к фашизму, о котором мы говорили, станет реальностью. Здесь сплетаются дворцовые интриги, коррупция, популизм и бряцание оружием. Страшный коктейль! Если им опоят народ — будет настоящая катастрофа, перед которой бледнеет все ужасное, что пережила Россия. Я знаю: это нельзя остановить ни бюрократическими методами, ни чисто экономическими указами, ни парламентской борьбой. Надо использовать все эти методы, но главное все-таки — массовое демократическое движение, партия.

— *Отношение этой партии к президенту?*

— Мы сторонники президента. Мы должны вернуть связь президента с народом, если хотите, вернуть Ельцина Ельцину. Президент был силен своей открытостью широким массам общества. Это необходимо восстановить.

— *Егор Тимурович, но видите ли Вы себя «чистым» политиком, да еще и лидером, создателем партии? Дрязги, мелкие и мельчайшие амбиции, пустопорожние разговоры — выдержите ли Вы всю эту неизбежную прозу партийной жизни?*

— Мы еще только начинаем, а Вы уже меня пугаете... До тех пор пока я буду видеть разумную цель и понимать, что мы не толчем воду в ступе, а делаем, пусть медленно, пусть двигаясь зигзагами, но делаем то, во что я верю, я, конечно, буду тащить этот воз, как смогу.

Егор Гайдар: Жизнь — это прекрасная штука и тяжкий крест

Егор Тимурович Гайдар — человек несентиментальный, но я увидел в его глазах нежность, когда он рассказывал о сыновьях, о жене Марии Аркадьевне, дочери знаменитого писателя-фантаста Аркадия Стругацкого.

Беседовать с Гайдаром легко и приятно — на любые вопросы он отвечает прямо, не увиливая от ответа.

— *Егор Тимурович, читатели интересуются Вашей семьей.*

— Жена Маша. Трое детей — Иван, Петр и Павел¹. Старшему четырнадцать, младшему три. Все очень разные. Видят меня в основном по телевизору. Обычно прихожу, когда они уже спят, ухожу, когда еще спят.

— *Расскажите о детях. Какие они?*

— Иван задумчивый, самодостаточный, склонный заниматься своими делами. Любимые занятия — компьютеры, чтение, история, оружие, техника, история техники — вот, пожалуй, главное. Прилично говорит по-английски. Средний, Петр — непоседа, очень живой, энергичный, активный, может быть, слишком, не всегда легко может сосредоточиться... храбрый, прилично знает испанский. Младший, Павел — сгусток энергии, способен превратить жизнь мамы и бабушки в отнюдь не райское существование, очень самостоятелен, что-то уже может прочитать, хуже с цифрами, как мне говорят. Далек не идеально воспитан, на мой вкус. Видимо, сказывается отсутствие отцовского пригляда.

— *Ваши дети без Вас легко обходятся?*

Брал интервью Игорь ЛОГВИНОВ.

Опубликовано в: Экстра М. 1994. 11 апреля.

¹ Е. Т. Гайдар не упоминает здесь о дочери от первого брака Марии, которая долгое время жила с матерью за рубежом. Впоследствии, повзрослев, она вернулась на Родину и отношения с отцом восстановились. — *Прим. ред.*

— Мне кажется, отец детям нужен. Причем совершенно необязательно, чтобы отца было очень много. Вот я когда рос, у меня отец был военным, работал разъездным корреспондентом военной газеты, очень много плавал. Я видел его мало. Но для меня совершенно необязательно было иметь бездну общения с отцом. Хотя я всегда знал, что отец есть, что он у нас главный в семье, что если я что-нибудь сделаю неправильно, то расскажут папе. Это для меня была самая страшная угроза. Потом, конечно, когда я чуть-чуть подрос, мы с отцом подружились. Так что отец нужен детям, но отец не сюсюкающий, не поддакивающий, а уважаемый в семье.

— *Раз уж Вы сами заговорили о детских годах, давайте продолжим эту тему. Расскажите о самом ярком воспоминании детства.*

— О, Вы знаете, у меня было интересное детство. Когда я был шестилетним мальчишкой, отца направили работать на Кубу. Это было сразу после вторжения на Плайя-Хирон. Наш приезд означал обстрелом Гаваны с моря — как раз по домам, где мы жили. И почти сразу — начало Карибского кризиса. Корабли американские прямо напротив наших окон, стрельба...

Это был огромный букет впечатлений, эмоций, совершенно новых знаний, впоследствии, видимо, повлиявших на формирование моего мировоззрения. Потом возвращаться домой было очень интересно. Отец отправил меня вместе с мамой не на самолете, а на танкере. И мы 17 дней шли через Атлантику, через Средиземное море на Одессу. Мне было, конечно, страшно все интересно. Матросы, офицеры на корабле давно не видели своих семей, детей — они со мной играли, как с игрушкой. Поэтому мне разрешалось то, что никогда в жизни бы никому не разрешили, — я стоял на капитанском мостике, управлял кораблем, подолгу разбирался в приборах, мне показывали, как следить за курсом по локатору, объясняли, какие есть типы локаторов, в общем, я узнал массу дико интересных вещей.

— *Знаю, Ваша мама Ариадна Павловна Бажова всю жизнь мечтала, что Вы будете академиком...*

— Это правда.

— *Как она восприняла Ваше назначение на пост вице-премьера?*

— Как данность.

— *Это не вызвало у нее особого восторга?*

— О, нет. Вся моя семья, да, собственно, и я сам хотели только одного — чтобы я был кабинетным ученым и всю жизнь занимался наукой.

— Отец оказал на Вас большое влияние?

— Отец для меня был и остается очень большим авторитетом. Помню, было мне лет семь. И больше всего на свете я боялся, что отец сочтет меня трусом. Поэтому, когда он спросил, не хочу ли я прыгнуть с трехметровой вышки, я, естественно, сказал, что давно об этом мечтаю, ха-ха-ха. Пошел и прыгнул. Отбил себе пузо совершенно, но ничего.

— Вы были вундеркиндом, гениальным ребенком?

— Никогда не был гениальным ребенком, но учился хорошо. Много читал. Закончил школу с золотой медалью. Довольно много знал к тому времени.

— Много ли от того ребенка живет в Вас сегодняшнем?

— Много.

— Как Вы относитесь к творчеству своего деда Аркадия Гайдара, который отстаивал совсем другие идеалы, чем Вы?

— Да, он боролся за другие идеалы. Он жил в другое время, перед ним стояли другие проблемы. Но он, как мне кажется, был человеком искренним, храбро воевал и с честью погиб. Писал, по-моему, прекрасные книжки, очень их люблю. Они очень честные.

— Самая известная из них — «Тимур и его команда» — явно про-капиталистическое произведение, ведь тимуровцы защищают собственность граждан от люмпенизированных подростков.

— Ха-ха-ха, да, защищают собственность, конечно!

— А Вы сами в детстве помогали одиноким старушкам?

— Нет, честно признаюсь, старушкам не помогал. Если не считать, конечно, свою бабушку, которую можно было назвать одинокой старушкой, ей я старался помогать.

— Егор Тимурович, а какие глаза у Вашей жены?

— Красивые.

— А какого цвета?

— Зеленые.

— Вы счастливы в браке?

— Да, счастлив.

— А можно полюбопытствовать, почему Вы выбрали именно эту женщину?

— Потому что я ее люблю.

— Вы могли бы набросать словесный психологический портрет жены?

— Маша — человек достаточно замкнутый, очень семейный, интроверт, с высоким коэффициентом интеллектуальности, очень развита, обладает критическим мышлением, очень начитанная. При этом полностью преданна семье и не склонна никогда выпячивать свое «я» вне семьи.

— Долго ухаживали за женой, прежде чем сделать ей предложение?

— Долго, мы были очень давно знакомы.

— Вы делитесь с ней своими невзгодами или справляетесь с ними сами?

— Она, в общем, довольно хорошо информирована о моей жизни. Конечно, не все ей рассказываю, не все вываливаю ей на голову, но знаю, что, если стану что-то в крупных масштабах от нее скрывать, она будет страшно нервничать.

— Интересно, как Вы называете свою жену в минуты нежности?

— Ласточка.

— А она Вас?

— А она меня — Егор, ха-ха-ха.

— Она хорошо готовит?

— Маша чудесно готовит, что, кстати говоря, было для меня большим сюрпризом. Я никогда не ждал от своей жены этих качеств. Зная ее как человека интеллектуального, независимого и отнюдь, скажем так, не склонного к избыточному внешнему порядку, никогда не предполагал, что она хорошо готовит. Мне казалось, что это абсолютно за гранью ее интересов, а потому было для меня одним из приятнейших удивлений в нашей семейной жизни.

— Что обычно жена готовит Вам на завтрак?

— Завтракаю я всегда очень просто: выпиваю чашку кофе и съедаю яйцо, которое она мне прямо в чашке разбалтывает. Но по воскресеньям, когда имею возможность выспаться и не бежать на работу рано, Маша мне готовит большую яичницу — с сыром, с помидорами, с перцем.

— Ваше любимое блюдо?

— Очень люблю пельмени. Сам умею их готовить и готовлю.

— А какие у Вас отношения с тещей? Делаете ли Вы ей подарки?

— У меня чудесные отношения с тещей. Иногда я делаю подарки всем членам своей семьи. И ей тоже. К теще я отношусь с большим уважением. Она человек очень интеллектуальный, переводчик с китайского. Глубоко уверен, что эта женщина наложила серьезный отпечаток на творчество Аркадия и Бориса Стругацких.

— *Вы всегда выглядите таким серьезным? Вы и дома такой?*

— Не-ет, нет, конечно, не всегда.

— *Вы курите?*

— Нет.

— *Какие спиртные напитки предпочитаете?*

— Пью водку, но только хорошую и виски со льдом и с содовой.

— *Занимаетесь по утрам с гантелями?*

— Занимался. Раньше, когда было время. Сейчас, к сожалению, все в прошлом.

— *Вы обращаете внимание на красивых женщин?*

— Конечно.

— *Одних тянет к кареглазым брюнеткам, других — к голубоглазым блондинкам. Какой тип женщин нравится Вам?*

— Ну, можно посмотреть на фотографию моей жены и все станет ясно.

— *Что Вам дороже — благосостояние Вашей семьи или государства?*

— Государства.

— *Вы отдаете жене все, что зарабатываете?*

— Да.

— *Собственностью за рубежом располагаете?*

— Вы знаете, мы с Машей все пытаемся найти ту виллу, за которую мы якобы продали Родину. Все надеемся, что кто-нибудь ее найдет и нам покажет.

— *Ваша самая романтическая мечта?*

— Моя самая романтическая мечта — это российская экономика на пути подъема.

— *Ваша любимая пословица?*

— «Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

— *А какую бы Вы выбрали себе эпитафию?*

— Этим пусть займутся потомки.

— *Вы довольны своей судьбой?*

— Да, я... доволен тем, что довелось на практике сделать что-то, что, как мне кажется, было хотя и тяжелым, но полезным для моей Родины.

— *Что для Вас жизнь?*

— Это и прекрасная штука... и тяжелый крест.

— *Пессимизм или оптимизм вызывает у Вас наша действительность?*

— Нашу действительность я оцениваю реалистически — как простую и вместе с тем как внушающую некоторые надежды.

— *Наши дети будут жить лучше нас?*

— Я в этом не сомневаюсь. Если мы сами себе не напортим, наши дети забудут и думать о том, что Россия когда-то была очень бедной страной. Я бы хотел сказать только одно. Нет никаких причин, кроме нашей собственной глупости, кроме наших собственных раздоров, кроме нашего желания слушать сладкую ложь вместо серьезной, хотя и не всегда легкой правды, которые могут закрыть нам и нашим детям путь в нормальное цивилизованное общество, к достатку и благосостоянию. По этому пути прошли многие государства. Они за одно поколение преодолели разрыв между состоянием, близким к нашему нынешнему, и уровнем наиболее развитых, наиболее богатых государств. Это абсолютно возможно и реально — все зависит от нас.

Ситуация-94

— Егор Тимурович! Вы, как я знаю, сейчас поглощены политической: заняты думской фракцией, организуете партию. Но я хотел бы по возможности отвлечься от всего этого, побеседовать с Вами просто как с известным экономистом-аналитиком о той ситуации, которая складывается в российской экономике в 1994 г.

Если помните, наша беседа, опубликованная в «Деловом мире» в начале прошлого года, была озаглавлена «Гайдар-93 против Гайдара-92», что, по-моему, точно отражало ее содержание: Вы весьма откровенно и, я бы сказал, мужественно анализировали ошибки и упущения возглавлявшегося Вами в том памятном году правительства. Хотя и Вы, и я были убеждены в том, что в принципе взятый этим правительством курс на реформы, а не на разговоры о реформах был верным.

Давайте продолжим тот диалог. Что же происходит в нашей экономике сейчас? Людей беспокоит, что спад производства в I квартале этого года оказался беспрецедентным по глубине, хотя временами представлялось, что стабилизация вот-вот наступит. Или действительно начался тот коллапс экономики, о необходимости которого столь долго и упорно говорили большевики?

ЭКОНОМИКА НА РАСПУТЬЕ

— О «коллапсе» давайте поговорим потом. А сейчас я повторю то, что говорил и в прошлом интервью, и во всех своих выступлениях: простых и легких путей от командного уклада к рынку не существует. Это доказывают четыре года достаточно глубоких и очень противоречивых реформ в 22 относительно индустриализированных странах, совершающих такой переход после развала социалистической системы.

Интервью брал Леонид ЛОПАТНИКОВ.
Опубликовано в: Деловой мир. 1994. 18—24 апреля.

Практически везде преобразования сопровождаются очень серьезными социальными, производственными и политическими издержками.

— Неужели это обязательно, фатально? Ведь часто можно слышать утверждения о том, что экономическая наука или разрабатывала, или вот-вот разработает, или на самом деле имеет в своем распоряжении иные модели — модели плавного и безболезненного перехода к рынку.

— Тем, кто сомневается, я бы посоветовал внимательно изучить опыт перехода от плановой к рыночной экономике в бывшей ГДР, опирающейся на совершенную систему германского права, на стабильность немецкой валюты и практически безграничную по нашим меркам финансовую поддержку со стороны ФРГ. Даже там процесс перехода носит крайне конфликтный в социальном отношении характер, сопровождается крупнейшим падением производства, политическим напряжением и т. д.

В России эти проблемы не могли не быть особенно болезненными, по крайней мере, в силу трех ее фундаментальных характеристик.

Во-первых, у нас значительно более длительная история плановой экономики: это три поколения, а не одно-два, как в восточноевропейских странах. Почти никто из ныне живущих россиян просто не знает, что такое рыночная экономика, она как бы стерлась из исторической памяти народа.

Во-вторых, у нас отсутствовал легальный и сформированный частный сектор, тогда как в большинстве восточноевропейских стран он сохранился.

В-третьих, о чем почему-то стали забывать, это специфические структурные особенности советской экономики как беспрецедентно милитаризованной. Сейчас мы обсуждаем проблему падения производства в России так, как будто мы всерьез забыли, что представляла собой структура советской российской экономики к концу 80-х гг. По существу, в Советском Союзе военное производство было основным, а гражданское — подсобным. Неудивительно, что структурные изменения, связанные с неизбежным процессом демилитаризации экономики, особенно болезненно воспринимаются в России. Крах целого ряда товарных рынков в России и в мире был теснейшим образом связан с сокращением закупки вооруже-

ний. Скажем, динамику ситуации на рынке алюминия на протяжении последних лет просто невозможно понять, если забыть о том, что российский ВПК резко сократил потребление этого металла, чем и привел к затовариванию им мирового рынка. Точно то же самое относится к событиям на рынке никеля и других цветных металлов, главной сферой использования которых было производство вооружений.

— *Наверное, и остановка ЗИЛа, о которой столько писали в газетах, во многом объясняется тем, что этот автогигант значительную часть своей продукции выпускал для армии. Ей, видимо, большие грузовики были нужны, а вот о том, что наше автомобилестроение имеет страшный перекоп в сторону большегрузных машин, тогда как нужны малые грузовички, экономисты говорили десятилетиями. Я помню, что соответствующие задания записывались еще в 70-е гг. в общесоюзные программы научно-технического прогресса. Но ЗИЛ не хотел перестраивать производство, а теперь требует финансовой поддержки правительства, т. е. подаяния из кармана налогоплательщика, в том числе из моего, например. А с какой стати?..*

— Все так. Перечисленные три характеристики делали задачу проведения реформ в России независимо от выбранной тактики достаточно сложной и чреватой социальными конфликтами. Но важно определиться: где мы сейчас находимся, далеко ли прошли по пути реформ? Давайте попытаемся в самых общих чертах оценить некие универсальные характеристики переходных процессов в разных постсоциалистических экономиках. Мы увидим, что при всей национальной специфике для всех них характерны общие черты.

Вот, например, экономистам хорошо известна картина типичной динамики реальных доходов населения. Они всегда достигают пика непосредственно накануне либерализации цен на фоне полного развала потребительского рынка. Это в любой экономике. Доходы повышаются примерно на 40–60% по сравнению с устойчивым уровнем периода, предшествующего реформе, а потом резко снижаются после либерализации цен.

Такая динамика хорошо прослеживается и для Польши, и для Чехии, России, стран Прибалтики.

А вот еще примеры.

Если вы посмотрите кривые уровня дотационной нагрузки на государство в ВВП, темпа роста денежной массы, коэффициен-

тов насыщенности потребительского рынка — и еще таких 10–12 кривых можно нарисовать, — они очень сходны и по времени (точнее, по временной фазе, поскольку в разных странах реформы начинались не одновременно), и по масштабам колебаний практически для всех стран, переходящих от социализма к рынку.

А теперь давайте в рамках той же логики попытаемся выделить один макроэкономический параметр, динамика которого была бы наиболее показательной для оценки хода реформ в разных странах. Мне представляется, такой показатель существует. Это доля государственных расходов в валовом внутреннем продукте, которая, безусловно, оказывает наибольшее влияние на развитие событий в переходных экономиках.

— *Почему именно она? Почему именно по этому параметру можно судить об успехах или неудачах экономических реформ?*

— Социализм оставляет в наследство очень «большое по объему» государство.

— *Что значит «большое»?*

— Ну, это экономический жаргон, наверное. Имеется в виду непомерно высокая доля государства в экономике страны; она выражается, например, в доле государственного бюджета в валовом внутреннем продукте, могут быть и другие показатели. Так вот, во-первых, в силу специфики социалистической системы при ней обычно очень велика доля субсидий из госбюджета на те или иные продукты и услуги (например, содержание государственного жилья), причем эта доля сохраняется и на первых этапах реформ. Во-вторых, социальные расходы. При социализме, гордящемся обычно своим уровнем социальной защиты граждан, они были не выше, а скорее ниже, чем в развитых рыночных экономиках, но все же выше, чем те, которые характерны для рыночных экономик сопоставимого уровня развития. Отсюда ясно, сколь тяжела эта нагрузка для нашей экономики. Плюс к этому, конечно, неподъемный груз военных расходов.

В результате всего этого стартовый (при переходе к рынку) общий уровень экономической нагрузки на государство был очень высоким. Это неизбежно приводит к трем крайне неприятным последствиям:

— чрезмерному уровню налоговых изъятий, подавляющему любую производственную активность;

- эмиссионному финансированию государственного бюджета и соответственно высокому уровню инфляции, а значит, к свертыванию инвестиций и к непредсказуемости их результатов (по этой причине оказывается невозможной сколько-нибудь осмысленная промышленная структурная политика);
- повышенному банковскому проценту, также угнетающему производственные капитальные вложения.

— *Я вижу, это те самые беды, те самые проблемы, на которые указывают противники курса реформ, говоря, что это Вы, реформаторы, якобы сознательно разрушаете производство, сознательно зажимаете инвестиции. Впрочем, тут я вопреки нашей договоренности скатываюсь в политику...*

— Это неизбежно. Но надо понять, что в значительной степени история реформ — это история ослабления экономической нагрузки на государство. Только при этом условии можно рассчитывать на возрождение экономики.

Давайте построим еще одну схему — что-то вроде условной шкалы, на которой ранжируются страны по степени успешности проводимых реформ. Тогда в одном ее конце окажутся Польша, Эстония, Чехия, Латвия, а в другом — Болгария, Румыния, Украина. И заметьте: эти страны как бы выстраиваются по критерию доли государственных расходов в ВВП, о которой мы говорим.

Мы увидим, что страны, так сказать, модельного успеха, сбившие инфляцию до 2–3% в месяц, более или менее стабилизировавшие объем производства, создавшие предпосылки для начала постепенного экономического роста, и страны, имеющие неконтролируемую инфляцию и плохо работающие рыночные механизмы, различаются именно по этому параметру. Скажем, для «успешных реформаторов» (назовем эти страны так) он, как правило, ниже 40% (включая федеральные и местные бюджеты и внебюджетные фонды), а для «неуспешных», как правило, больше 50–60%; для Украины — все 70%! Если с этой точки зрения оценивать результаты реформ в России, то где-то к концу 1992 — началу 1993 г. она застыла примерно посередине между этими двумя группами. У нее доля бюджетных расходов с учетом внебюджетных фондов около 55%, т. е. мы оказались в условиях неустойчивого равновесия.

И действительно, с одной стороны, рыночный механизм сформирован и худо ли, бедно ли, но работает; складывается система товарных рынков; валюта устойчива и конвертируется хотя бы по текущим операциям; довольно быстро растет и развивается частный сектор экономики; происходят некоторые структурные изменения, связанные в первую очередь с процессом демилитаризации.

Но, с другой стороны, собираемых налогов явно недостаточно, чтобы можно было, скажем, перейти к неэмиссионному финансированию госбюджета, а значит, невозможно снизить налоговые ставки до уровня, совместимого с нормальным развитием предпринимательской деятельности.

Мы сумели зацепиться за первые очаги рыночной стабильности, позволяющие преодолеть кризис, доставшийся нам в наследство от социализма, когда отказывают механизмы контроля за инфляцией. Но вместе с тем оказались не в состоянии сформировать предпосылки, необходимые для стабилизации экономики и возобновления экономического роста.

— *Такая ситуация сложилась, как Вы сказали, на рубеже 1992–1993 гг. А дальше?*

— В 1993 г. российское правительство оказалось в весьма сложной ситуации и как бы застыло в нерешительности. Что делать? Совершить еще одну весьма трудную и неблагоприятную попытку сокращения государственных расходов, чтобы выйти в группу «успешных реформаторов», или под воздействием очень мощного лоббистского давления отступить назад и пойти по пути, характерному для стран, где реформы не удалась и начался настоящий развал экономики?

Двойная игра

— В этой ситуации было найдено весьма нетривиальное, я бы сказал, решение. Оно состоит в резком разрыве между бюджетом, сформированным на основе принятых правительством обязательств, и бюджетом, опирающимся на реальные финансовые ресурсы.

Правительство в начале года как бы декларирует курс популярный, который соответствует заботам наиболее мощных, влиятельных групп давления. Обещает финансовую поддержку промыш-

ленного производства, особенно оборонных отраслей, поддержку сельского хозяйства, протекционизм и т. д. Выносятся решения о новых крупных федеральных программах, увеличивается финансирование инвестиций с 2 до 10% ВВП, что очень много. Выносятся решения по дотациям на минеральные удобрения, комбикорма, содержание племенного стада, а также об индексации капитальных вложений и т. д., т. е. правительство принимает на себя широкий круг дополнительных обязательств. Бюджет, рассчитанный на их основе, естественно, раздувается беспредельно, вместо того чтобы сокращаться.

В общем всем нам было ясно, что эта тенденция, которая хорошо просматривалась уже весной 1993 г., крайне опасна и для краткосрочной, и для долгосрочной перспективы, особенно если бы правительство попыталось сдержать свои обещания и реальное финансирование строго следовало бы записанным цифрам. Тогда срыв в гиперинфляцию был бы неизбежен.

Но тут возникает некая хитрость. Правительство начинает проводить двойную политику. Оно продолжает финансировать бюджет исходя из объемов поступающих доходов и более или менее контролируемого объема эмиссионного финансирования. Реальные доходы составляли тогда примерно 10% ВВП, а расходы — около 20% ВВП. Такое соотношение в общем приемлемо даже по международным стандартам (и условиям Международного валютного фонда), оно выдерживалось в течение большей части года.

Подобная политика оказалась на редкость выигрышной: правительство доброе, оно заботится о подъеме производства, оно всем обещает помочь. Группы давления довольны. С другой стороны, мощного инфляционного взрыва не происходит, инфляция колеблется в районе 20% в месяц.

— Ну и прекрасно: и волки сыты, и овцы целы!

— Беда этой политики в том, что она очень опасна уже в среднесрочной перспективе. В этой ситуации возникает классическая для всех переходных экономик проблема неплатежей. Достаточно известна их связь с ослаблением финансовой дисциплины и ответственности...

— О проблеме неплатежей только ленивый еще не высказался. Принимаются указы, решения правительства, была сделана попытка взаимного зачета, которая ни к чему не привела, разве что к разго-

ну инфляции, а объемы неплатежей быстро восстановились... В чем тут сегодня особенность ситуации?

— Она в том, что в 1993 г. неплатежи приобрели своеобразный характер: они оказались связанными с невыполнением правительством своих собственных, как я говорил, совершенно нереальных обязательств. Когда не выполняются бюджетные обязательства по оборонному заказу, то останавливаются предприятия, замыкающиеся на оборонную промышленность. Когда не финансируются стройки, то оказываются несостоятельными все, кто работает на строительство. Когда обещают субсидии селу и не платят, то затронуты все, кто работает на сельское хозяйство.

Когда, скажем, мы принимаем абсолютно невыполнимые обязательства по закупке сельхозпродукции по завышенным ценам, а потом не выполняем этих обязательств, то сельское хозяйство не может рассчитаться со всем кругом своих поставщиков, включая нефтедобывающий комплекс.

Последствие двоякое: во-первых, возрастают объемы неплатежей, во-вторых, — и сегодня именно это выходит на первый план — всегда можно сослаться на главного виновника и ответчика. Если правительство не платит, то с какой стати мы должны выполнять свои обязательства?

Любые меры по усилению ответственности, по урегулированию системы расчетов — все это оказывается крайне малоэффективно по одной элементарной причине: главный должник — государство. Тут не могу не сказать о политической стороне дела. Постоянное невыполнение государственной властью принятых обязательств — политика, которая быстро исчерпывает лимит социального доверия. Осенью 1993 г. это стало в полной мере ясно.

— Но после Вашего возвращения в правительство оно стало принимать, я бы сказал, с лихорадочной поспешностью одно за другим решения, резко ограничивавшие государственные расходы. Как я понимаю, это сказалось с обычным для экономики лагом на снижении темпов инфляции в первые месяцы нынешнего года.

— Это было потом, а тогда действительно правительство пыталось переломить ситуацию, сократить расстояние между бюджетом, основанным на принятых обязательствах, и бюджетом реальным, ограниченными объемами получаемых государством доходов.

Мы пошли на ряд крайне непопулярных мер. Напомню, это отмена импортных коэффициентов, отмена льготной процентной ставки, которая налагала на бюджет огромные дополнительные обязательства, пересмотр и отмена большей части принятых федеральных программ, отказ от обязательных закупок сельхозпродукции в 1994 г., ликвидация дотаций на хлеб в 1994 г., начало жилищной реформы с поэтапным повышением платности жилья — все это позволяло государству несколько сократить объем принимаемых на себя обязательств и сменить тенденцию к росту государственных расходов тенденцией к их снижению.

— *Но за такие решения всегда и везде приходится платить. Ведь урезание госрасходов не только благо, но и зло: страдает уровень жизни части населения...*

— Для нас платой были итоги выборов 12 декабря. Это факт.

ТОЧКА ВЫБОРА

Но после этого, естественно, снова возникает вопрос: что делать? И снова точкой выбора оказалась срединная межумочная позиция России между успешными реформаторами и неудачниками. Возникла альтернатива: принять случившееся либо как сигнал о том, что реформы были медлительны и недостаточно направлены к снижению государственной нагрузки, либо наоборот, как сигнал, что надо поворачивать курс в противоположную сторону. Это было предметом долгих дискуссий, обещаний «немонетарных способов борьбы с инфляцией», нового курса. Причем мы встречаемся здесь с беспрецедентным явлением — я назвал бы его тайной антиинфляционной программой. Правительство в полной мере взвалило на свои плечи ответственность за происходящее и потеряло приятную возможность разыгрывать перед населением пьесу: «добрый премьер, обещающий деньги, и злой министр финансов, почему-то этих денег не дающий». Получив такую ответственность и поколебавшись, оно все-таки решает, что развал денежной системы будет слишком дорого стоить в социально-политическом отношении, и в принципе продолжает примерно ту же линию денежной политики, которая была намечена осенью. Коэффициенты роста денежной массы почти не меняются по сравнению с устоявшимися в прошлом году, но при этом еще громче звучат разговоры о том,

что вот сейчас мы всех поддержим, сейчас мы заплатим, сейчас мы покроем...

Естественная реакция экономики на такое сочетание проинфляционной риторики и достаточно сдержанной денежной политики — резкое падение производства при сохранении тенденции к плавному снижению инфляции.

— *Простите, Егор Тимурович, в самом начале беседы Вы обещали ответить на вопрос о коллапсе — это о нем Вы говорите?*

— Коллапса, конечно, нет. Это очередная выдумка. В январе и феврале было значительно меньше рабочих дней, в марте дела обстояли чуть лучше. Но главное не в этом. Резкое, действительно беспрецедентное падение производства объясняется тем, что субъекты рынка, слыша посулы правительства, ожидают существенного роста денежной массы. Это заложено в контракты, в ценовую политику, а когда роста не происходит, то резко подсакивает уровень платежей, соответственно скачкообразно ужесточаются спросовые ограничения (проще сказать, сокращается спрос), а отсюда и падение производства.

Вот, собственно, та ситуация, которую мы имеем сегодня. Можно добавить, что правительству в этих условиях нелегко: значительная часть социальных групп и политических сил, которые готовы были его поддерживать, требовали от него как раз прямо противоположного.

Все это, без сомнения, проявится в парламентской борьбе вокруг государственного бюджета.

— *Поясните, пожалуйста, в чем Вы видите здесь главные проблемы.*

— Поверхностные резервы снижения расходов мы осенью 1993 г. в значительной степени исчерпали, и это позволяет нам держаться на плато: примерно 5–7% бюджетный дефицит (от ВВП) и инфляция примерно на уровне 20% или несколько ниже в месяц.

Попытки уменьшить дефицит увеличением налогов, что постоянно предлагается, по-моему, абсолютно бесперспективны: мы, видимо, сейчас находимся на таком пределе, когда уклонение от уплаты налогов будет не меньше, чем прирост доходов бюджета от повышения налоговых ставок.

Стержень проблемы в этой ситуации предельно простой: при сложившемся уровне инфляции и уровне налогов все равно экономический рост невозможен. Конечно, при 10% инфляции в месяц

приятнее жить, чем при 30%, но ждать при этом роста производственных капиталовложений почти так же безнадежно.

Дальше — альтернатива. Поскольку мы находимся на плато, можно продолжить примерно ту же политику без новых прорывов в преодолении этого макроэкономического тупика. Тогда все равно нас ждут относительно высокая инфляция, тяжкое налоговое бремя, естественное на фоне высокой инфляции, растущая дифференциация доходов, растущая стоимость жизни, соответственно пауперизация нижних слоев среднего класса. Далее. Никакого экономического роста, а значит, и неких амортизаторов, позволяющих сглаживать социальные конфликты; отсутствие исторической легитимации распределения собственности, каким оно получилось в процессе приватизации, т.е. мы получаем стагнирующую экономику и очень острые социальные конфликты. А это прекрасная питательная среда для всяких радикальных тоталитаристских движений со всеми вытекающими последствиями.

Словом, социальная плата за реформы вообще велика, а сохранение межеумочного положения, о котором мы говорим, без сомнения, может обойтись еще дороже.

— *Картина безрадостная. Но есть ли выход? Вы упоминали о возможных прорывах...*

— Есть действительно возможности прорыва по нескольким направлениям, которые для нас остались ключевыми. Я бы здесь прежде всего вычленил такую непростую проблему, как военные расходы.

— *Парадокс, но в проекте государственного бюджета, представленном в Государственную думу, они оказались, как в былые времена, на первом месте. С кем мы собираемся воевать?! ВПК уже и без того, я считаю и писал об этом, своей непомерной тяжестью буквально раздавил нашу экономику и этим, по существу, подорвал обороноспособность страны. Неужели вы, депутаты, не в силах обуздать аппетиты этого монстра?*

— Вопрос, как я сказал, непростой. Поверхностные резервы сокращения (многократное уменьшение заказов и т.п.) уже выбраны. Сейчас проблема военных расходов — это проблема военной реформы; у нас по-прежнему армия, построенная не исходя из того, что нужно, а исходя из той, что была. Мы по-прежнему сохраняем колоссальное количество недоукомплектованных военных частей

и соединений, беспрецедентное количество генеральских должностей, немислимое количество училищ и академий. Мы практически не провели работы, направленные на приведение всего этого в соответствие с новыми условиями и новыми возможностями, воспроизводим несовременную, недостаточно боеспособную армию.

В проекте бюджета на военные расходы предусмотрены 37 трлн руб., т.е. пятая часть расходов бюджета, или 5,1% ВВП. Но представителям ВПК и этого мало: они требуют почти вдвое больше. Это непосильная нагрузка для бюджета. Надо сделать все, чтобы ее снизить в пользу социальной поддержки населения, в пользу науки и народного образования.

Второе — это дотационная нагрузка по трем направлениям: дотации угольной промышленности, сельскому хозяйству и субвенции регионам. Существенная разница в уровне жизни по регионам — я бы сказал — серьезный фактор риска для российских финансов. Слишком велика доля, собираемая в федеральный бюджет для перераспределения.

Уголь — проблема неприятная, но абсолютно необходима реконструкция отрасли, на что не жалко потратить деньги. Проблема же с сельским хозяйством состоит в том, что предпринимаются попытки заменить серьезные рыночные реформы финансовыми вливаниями. Опыт многих десятилетий свидетельствует: это путь в никуда.

Есть еще достаточно трудная проблема социальной сферы предприятий, в которую они неизбежно будут упираться в процессе адаптации к рынку, есть также вопросы финансовой ответственности и эффективного законодательства по банкротству и т.д. Короче говоря, если сможем решить этот набор непростых, но существенных проблем, то получим шанс оказаться в группе стран — успешных реформаторов.

Нам обязательно надо пройти этот трудный путь через сокращение государственных расходов к снижению темпа инфляции, процентной ставки и уровня налогообложения, через закрепление прав собственности — к новому этапу, началу экономического роста на базе роста частных сбережений и частных инвестиций.

Если мы эти задачи не решим, то в лучшем случае продолжим балансировать в межеумочном положении без экономического роста до каких-то новых политических решений. В худшем слу-

чае под влиянием мощных деструктивных сил станем на опасный путь — на путь увеличения государственных расходов, роста денежной массы, темпа инфляции. Дальше с неизбежностью последуют попытки замораживания зарплат и цен, восстановления системы ратционированного снабжения и всего, что нам всем хорошо известно по минувшим десятилетиям. Исторический опыт показывает, что это на редкость опасно для стран, которые на такой путь становятся.

Нечего на Москву пенять...

Движение «Выбор России» сделало заявление о создании партии с тем же названием. 12 июня состоится учредительный съезд партии. Наш специальный корреспондент Алла Голубева взяла в Москве эксклюзивное интервью у депутата Государственной думы Егора Гайдара.

О НАШЕМ КРАЕ

— Уважаемый Егор Тимурович, я знаю, что Вы охотнее даете интервью политическим газетам типа «Известий». Ежедневник «Хабаровский экспресс» рассчитан на самый широкий круг читателей. Мне хотелось бы, чтобы содержание нашего разговора было интересно и тем из читателей, кто из потока информации ловит прежде всего новости, и тем, для кого цель жизни — своя семья. Недавно Вы были в Хабаровске, правда, очень недолго. И я не стану спрашивать, понравилось Вам у нас или нет. Но ответьте, пожалуйста, какими Вам представляются настоящее и будущее нашего Дальневосточного региона?

— Я был там действительно накоротке, буквально перед страшными событиями 3–4 октября. Тогда Борис Николаевич посылал меня как первого вице-преьера провести региональное совещание по Дальнему Востоку. Как раз утром 3-го числа я докладывал ему по итогам той поездки, а через несколько часов в Москве начались кровавые беспорядки, попытка переворота. Еще и до этого время было напряженное, это чувствовалось по атмосфере.

Даже то малое, что я мог увидеть в Хабаровском крае, было восхитительно, прекрасно. Убежден, что его перспектива — это открытие миру, он должен стать одним из открытых регионов России.

Интервью брала Алла ГОЛУБЕВА.

Опубликовано в: Хабаровский экспресс. 1994. 7–14 мая.

— Но пока люди бегут отсюда... Какой просвет ждет нас в конце тоннеля?

— Не хочу рассказывать какие-то приятные сказки. Будущее Хабаровска тесно связано с будущим России. Когда российская экономика начнет расти, начнет расти экономика края. Не бывает отдельного островка счастья и не будет. Край — потенциально очень интересный регион с точки зрения именно открытия экономики, открытия интеграции. Он может стать очень серьезным объектом крупных капитальных вложений, в том числе иностранного капитала. Этого не надо бояться, это нормально — создаст новые рабочие места и с течением времени откроет дорогу экономическому прогрессу.

— В промышленности нашего края всегда была велика доля предприятий военно-промышленного комплекса. Что ожидает их работников в связи с конверсией?

— Процент ВПК действительно велик, в частности, в Комсомольске. Но там очень квалифицированные кадры, очень удобное местоположение.

Я скажу так: в огромной степени проблемы края, его предприятий — это проблемы краевой администрации, руководства самих предприятий. Конечно, если не хочешь приспособливаться к изменившимся реальностям, если ты не умеешь искать заказы, если ты, вместо того чтобы вкладывать получаемые по бартеру деньги в развитие и перестройку производства, пожираешь его, чтобы быть популярным среди рабочих, если ты надеешься, что будешь отнимать и делить всю жизнь, если ты не создашь благоприятных условий для развития нормального частного предпринимательства, то после этого нечего пенять на Москву, которая якобы связала тебе руки и не дает ничего делать. Надо отвечать за собственные результаты.

Ситуация очень разная в разных регионах России. В огромной степени она зависит на разных предприятиях от того, насколько директор способен работать в новых условиях. Родился новый тип директора — это директор-плакальщик, который дни и ночи проводит в московских коридорах в плаче о загубленной экономике, а после этого... едет в командировку в Соединенные Штаты, откуда не привозит заказов, зато привозит себе новый «мерседес». Это на редкость неприятный типаж, который, к сожалению, очень характерен для переходной экономики, и существование его опреде-

ляется тем, что по-прежнему пока низка финансовая ответственность.

Надо четко себе представлять, что невыплаченная заработная плата — это в огромной степени низкая финансовая ответственность предприятий, потому что ответственность перед рабочими — это всегда финансовая ответственность.

О КИТАЕ

— Мы наблюдаем сегодня грустный парадокс. Растет то, чему положено снижаться. И снижается то, чему следовало бы расти. Растут цены, налоги, преступность, наркомания, проституция. Снижается уровень производства, образования, медицинского обслуживания. Обыватель в недоумении: неужели руководство ничего не может сделать, хотя бы взять достойный образец для подражания. Германия и Япония проиграли войну, а теперь они процветающие государства. Наш ближайший сосед Китай, который всегда учился у Союза, своего старшего брата, теперь сам не прочь поучить нас жить. Каково Ваше мнение о возможности подражания чуждому политическому опыту?

— Прямая попытка переноса любого политического опыта безнадёжна, бесперспективна. Второй России нет, и любой опыт, который мы попытаемся перенять, интерпретируется исходя из наших реалий 1991–1994 гг. Другое дело, что этот опыт следует использовать в оценке возможностей, альтернатив, последствий выбора того или иного пути. Здесь необходим четкий анализ ступеней политического развития, которые проходит та или иная страна.

Россию часто сравнивают с Китаем, пытаются навязать прямое использование китайского опыта. Это было бы корректно, если бы речь шла о России и Советском Союзе 50–60-х гг., когда у нас были еще крупные неисчерпанные резервы аграрного сектора, используемые для индустриализации. В то время их можно было применить для создания промышленных предприятий. Тогда деревня еще кормила город, шла финансовая подпитка. Вот тогда вопросы о мягком выходе из социализма, о том, чтобы эти ресурсы незавершенной индустриализации использовать для создания рядом с государственным сектором нового, частного сектора, изменения самой стратегии индустриализации, были бы в некотором смыс-

ле интересны. Как мы в свое время использовали Югославию, которая на том же уровне экономического развития начала реформы в 50–60-е гг.? Притом успешно по тем временам.

Для России 80–90-х гг., которая была тогда страной высокоиндустриализованной, но с деформированной экономикой, предельно тяжелой и неэффективной, с огромными структурными диспропорциями, возможности китайского опыта формирования за счет ресурсов села рыночно-ориентированной части нового индустриального сектора неприменимы.

Вопрос о Китае — это вопрос о том, что России надо было вовремя выходить из социализма, что правящая элита не сумела этого сделать и что, не сделав этого, она обрекла страну на тяжелейшие испытания, связанные с катастрофическим крушением той системы организации общества, которая исчерпала, на 20 лет пережила свой потенциал.

Германия и Япония

— А если сравнить нашу страну с Германией и Японией?

— Их опыт, без сомнения очень полезный и интересный для нас, показывает, что страны, которые оказались в сходном положении — со сверхмилитаризованной экономикой, с предельно расстроеными финансами, переживающие тяжелейший структурный кризис, при точно выбранной экономической политике, пройдя через несколько нелегких лет, могут успешно выйти на дорогу стабильно рыночного развития. И выйти довольно успешно. Для этого нужно несколько фундаментальных посылок, и из них важнейшие — стабильное право, защищающее частную собственность, стабильные деньги, политическая устойчивость, открытая экономика, рынок.

Путь к росту ведет через создание предпосылок для частных сбережений, частных капиталовложений. Этот путь позволяет на протяжении исторически короткого времени превратить страны, казалось бы безнадежно проигравшие в экономическом соревновании, в лидеров мировой цивилизации.

Это полезный урок для нас. Естественно, мы не сможем и никогда не будем копировать буквально опыт японцев и немцев.

— У нас своя специфика.

— Да, и у нас другая структура экономики.

— И опять же загадочная русская душа...

— Но в том, что целый ряд фундаментальных закономерностей, продемонстрированных ими, очень важен для России, нет сомнения.

О НАЛОГАХ

— Своей социальной базой «Выбор России» считает в значительной степени мелких собственников, интеллигенцию. Сегодня и тем, и другим живется в нашей стране очень нелегко. Вопрос к Вам как лидеру «Выбора России» в Госдуме: что делается и предполагается сделать, чтобы облегчить положение в обществе этих категорий трудящихся?

— Прежде всего следует уменьшить налоговое бремя. В законодательство уже введены положения о поддержке прав акционеров, о льготах для фермерских хозяйств. Недавно с трудом, но удалось отбить в Думе предложение о 30%-м прогрессивном налоге на собственников. Он в корне бы удушил собственника и не дал бы возможности создать средний класс, к чему мы стремимся.

Готовится новый Налоговый кодекс. Его введение уже не позволит правительству Черномырдина, да и любому другому произвольно (по существу, неограниченно) увеличивать налоги на том лишь основании, что у него не хватает денег.

Добиваемся увеличения отчислений на социальное страхование и на целевые фонды снижения импортных тарифов. Будем снижать общий процент налога на добавленную стоимость. Для этого отменим льготы по НДС на продукты питания — все равно эти льготы почти не используются. Что же касается сфер науки и культуры, то ставим целью, чтобы их субсидировали в первую очередь.

ДЕТИ ЗА ГРАНЬЮ БЕДНОСТИ

— В беседе с нами, слушателями первого выпуска курсов «Выбора России», Вы сказали, что считаете в корне неверным безадресное распределение социальной помощи, и привели пример: Вашей семье, где трое детей, государство выделяет точно такую же помощь, как и многодетным семьям, которые едва сводят концы с концами. В связи с этим два вопроса: как Вы представляете себе справедливую социальную помощь и кто входит в состав Вашей семьи?

— Справедливая социальная помощь — это, на мой взгляд, специальная адресная поддержка малоимущего населения, носящая строго распределительный характер и напрямую зависящая от доходов семьи.

Например, если у меня есть маленький ребенок, это еще не делает мою семью малообеспеченной: я вполне могу его прокормить. Ну, естественно, я этой помощью и не пользуюсь. Тем не менее непонятен сам принцип: почему государство вообще должно помогать мне, вместо того чтобы эти же деньги направить тем, кто в помощи действительно нуждается, где дети действительно за гранью бедности? Сейчас в России это самая страшная проблема: детей за гранью бедности у нас больше, чем бедных в целом.

— *И в детдомах сегодня детей больше, чем было в годы войны, причем при живых родителях, которые не в состоянии их прокормить...*

— Из этой ситуации, повторяю, есть только один выход — повышение адресности социальной поддержки.

ТАК КТО ЖЕ ПОБЕДИЛ?

— *Егор Тимурович! Недавно Вячеслав Гречнев¹, в очередной раз рекламируя свою Партию большинства, смешал в одну кучу своих политических противников. Мол, когда, с одной стороны, на авансцену истории выдвинулся шут гороховый, а с другой стала очевидной импотенция «Выбора России», появляемся мы. Создавать себе имидж, оскорбляя конкурентов, — прием старый. Вы могли бы опровергнуть выпад в адрес «Выбора России»?*

— За «Выбор России» 12 декабря проголосовали 8 млн россиян. И что бы там ни говорили, наша фракция самая крупная в Госдуме. У партии Жириновского депутатов много меньше, и в первую очередь потому, что она никогда не имела региональных структур. Сам Жириновский постоянно на слуху, а попробуйте назвать сразу хоть кого-нибудь из его партии! Их никто не знает. По Москве это особенно заметно: ни один из кандидатов от ЛДПР, как и от коммунистов, в Госдуму не прошел.

¹ Вячеслав Вячеславович Гречнев (1953–1996) — политический деятель, руководитель так называемой Партии большинства, малочисленной, образованной в 1993–1994 гг. и быстро сошедшей с политической сцены. Известна была только своим предложением об установлении в России конституционной монархии. — *Прим. ред.*

— *У нас на Дальнем Востоке у «Выбора России» немало сторонников — региональные организации созданы в Хабаровском и Приморском краях, Амурской и Магаданской областях. Все они приедут в июне на учредительный съезд своих делегатов...*

— Хуже у нас результаты в сельскохозяйственных регионах. Это связано с тем, что аграрный сектор оказался меньше охвачен реформами. А шли они там столь медленно в том числе и потому, что руководство ими было доверено вице-президенту Руцкому. Когда мы изучали географию голосования, пришли к выводу — нам отказывают в доверии там, где мало реформ, и доверяют там, где их много. Но как бы то ни было, «Выбор России» сегодня самая крупная и боеспособная фракция в Госдуме, противостоящая коммунистам и радикальным националистам.

— *Движение «Выбор России» готово стать партией?*

— Это очень серьезная организационная проблема. Российское демократическое движение всегда было плохо организовано, слабо структурировано. Оно существовало как бы на мощной волне популистского антикоммунизма конца 80-х и начала 90-х гг., когда ему противостоял скомпрометированный и противоречивый, склеротический, уже слабый социализм.

Сейчас ситуация более сложная. За нами ответственность за начатые реформы. Наши политические противники требуют реванша. За короткий срок ухода от власти они сумели сманеврировать и перебросить всю ответственность на демократов. А сами они, конечно, «рыцари без страха и упрека и все понимают, и если бы им только развязали руки, то они все бы сделали, а так, к сожалению, что же они могут...». Продемонстрировав такую замечательную игру, наши противники приобрели существенные тактические преимущества. Надо четко себе представлять: если сегодня мы не сможем противопоставить наглой, лживой и отвратительной пропаганде наступательную и способную к проведению пропагандистских кампаний организацию, это может быть очень опасно для страны, для России. Поэтому убежден, время для создания дееспособной партии пришло. И это работа, которую «Выбор России» сейчас делает.

— *А само-то общество — готово ли оно принять участие в этом движении и хотя бы понять его?*

— Уже в прошлом то время, когда общество было аморфной совокупностью людей без четко оформленных социальных групп, про-

тивостоящих единому государству. Появляются социально четкие интересы, и они реально становятся обособленными.

Если бы ожил Аркадий Гайдар...

— От вопросов экономики и политики позвольте перейти к делам семейным. Я всегда восхищалась Вашим дедом — Аркадием Гайдаром. И маленькие шедевры вроде «Голубой чашки», «Чука и Гека», и повести покрупнее — «Школа», наконец Тимур с его командой, на которых воспитывалось не одно поколение, — все это ввод читателя в совершенно особый мир. А «Судьба барабанщика», где писатель дерзнул коснуться запретной тогда темы — судеб репрессированных «врагов народа» и семей... Мне кажется, в советской литературе очень немного авторов, которых можно признать по одной-единственной фразе: Михаил Зощенко, Андрей Платонов и, конечно, Аркадий Гайдар. Сейчас модно стало отрицать все, что было в прошлом. Но уверена: есть ценности, переоценке не подлежащие. Скажите, если бы сейчас Ваш дед ожил и оказался среди нас, какое место он мог бы занять в нашей жизни? Встал бы он в ряды с Вами, держал бы нейтралитет или оказался Вашим политическим противником?

— Вы знаете, нельзя человека из одной эпохи искусственно перенести в другую. Как-то мы говорили об этом с отцом. Он сказал, что не может представить деда после войны: в 1947, 1948, 1949 гг. Ну просто не видит его в другое время. Человек не трансплантируется в другое время. Он весь связан нитями с историей своей страны, своей эпохи.

— История не знает сослагательного наклонения...

— Единственное, в чем я абсолютно убежден: дед никак не мог бы оказаться в рядах сторонников партии Зюганова и иже с ним — совсем не его тип людей.

— Но Аркадий Гайдар сражался за идеи социализма.

— А это не одно и то же! Дело в том, что типаж, социальный тип компартии 20–30-х гг. совсем не то, что типаж современного коммуниста. Те годы были временем великих заблуждений и великих преступлений, порожденных этими заблуждениями. Это страшная трагедия, захватившая страну. Время веры в казавшиеся великими идеи, которые затем, после десятилетий проверки, оказались трагической ошибкой. Люди, способные ошибиться в этих великих

и опасных идеях тогда, 70 лет назад, — это совсем не те люди, которые упорствуют в их отстаивании сейчас, 70 лет спустя, в надежде вернуть лично себе кремлевский распределитель.

О личном

— А теперь, пожалуйста, о Вашей семье.

— У меня жена Маша. После того как родился третий ребенок, она уже не работает, занимается семьей. У меня трое мальчиков¹.

— Учатся в школе?

— Нет, младший пока в школу не ходит. Ему три с половиной года.

— Чем Вы любите заниматься в свободное время? Если таковое, конечно, есть.

— У меня его практически нет. Больше всего люблю читать.

— Кто в Вашей семье лидер?

— Я.

— Сколько часов или минут в сутки Вам удается посвящать своей семье?

— Это зависит от текущих перипетий политической ситуации.

— Ну, а хотя бы в неделю?

— Мало... Очень мало.

— Интересно, кто Вы по биоритму — сова, жаворонок или средний между ними вариант...

— Пожалуй, средний.

— Что Вы больше всего цените в людях?

— Ум, честность и смелость.

— А в женщинах?

— Красоту.

— Могли бы Вы назвать по одной черте собственного характера: что Вы в себе цените и с чем в себе боретесь?

— Пусть другие скажут.

Это интервью было записано в рабочем кабинете Егора Гайдара, в Институте экономических проблем переходного периода, который он возглавляет. Кабинет я покинула в 23 часа. Гайдар и его команда оставались на своих рабочих местах.

Редакция благодарит за помощь в организации интервью депутата Государственной думы из Комсомольска-на-Амуре Владимира Барышева.

¹ См. сноску 1 на с. 258 этого тома. — Прим. ред.

Партия Гайдара атакует провинцию

— *Егор Тимурович, сформулируйте, пожалуйста, главные впечатления от поездки.*

— Самое приятное — я обнаружил, что «Московские новости» по-прежнему читают. И, к величайшему моему изумлению, узнал, что газета сообщила, будто я поддерживаю идею переноса президентских и парламентских выборов на два года...

— *Если это не так, примите наши извинения и объясните, почему не поддерживаете.*

— Есть кроме прочего соображения морали, которые в политике, по-моему, весьма существенны. Если уж выбрали президента на пять лет, а парламент на два года, неприлично менять правила в процессе игры. В свое время Сергей Юшенков в порядке шутки распространил в Верховном Совете проект закона о наследственном депутатстве. Необходимость его доказывалась замечательными аргументами: повысится профессионализм парламента, сократятся расходы на его содержание и т. д. Сегодняшние доводы в пользу переноса выборов сильно напоминают обоснования этого закона.

— *Вы полагаете, что, если выборы пройдут в срок, они будут иметь благоприятный исход?*

— У меня нет оснований так думать. Я просто считаю, что они должны быть организованы в срок. А каков будет итог... Исход шахматной партии зависит от того, как вы будете ее играть. Но это не значит, что, если вам не нравится ход шахматной партии, надо брать ладью и бить противника по голове.

— *Вернемся, однако, к первому вопросу...*

— Если говорить серьезно, я бы выделил три главных впечатления от поездки. Первое: слухи о предстоящей страшной осени, оче-

редном голоде и социальном взрыве, похоже, не имеют оснований. Серьезные проблемы в регионах, безусловно, есть, но потенциала для революции и баррикад очень мало. Второе: люди действительно озабочены прежде всего своими проблемами, устройством своей жизни, но они не деполитизированы. Они просто не хотят потрясений, но вместе с тем хотят понять, что происходит. И наконец, третье: ощущение, что партийная активность сегодня невозможна, потому что политика никому не интересна, тоже не соответствует действительности. Мы, собственно, еще только начали строительство партии, но дела идут совсем неплохо. Как ни странно, люди потому и готовы заниматься политикой, что боятся радикальных сдвигов, хотят дать себе и России возможность приспособиться к новым условиям, хотят стабильности.

— *Почему же у Александра Руцкого, который тоже совершил большой вояж, по стране и даже пересекался с Вами маршрутами, сложилось другое впечатление?*

— О потенциале социального взрыва? Потому что он хочет в это верить.

— *Но на встречи с ним приходило много сторонников. Это что — другие люди?*

— Может быть. Есть, очевидно, некоторое смещение. Если встанешь на площадь и начнешь орать что-то типа «грабь награбленное!», люди обязательно соберутся. Вопрос в том, в какой степени эта толкучка репрезентативна, можно ли ее куда-нибудь вести, является ли она растущей. По моему глубокому убеждению, это, безусловно, реальная сила, но она убывает.

— *В предыдущем номере «МН» опубликовали исследование фонда «Общественное мнение». Из него следует, что демократический электорат не только дробится, но и деполитизируется. Ваша поездка дает основания полагать, что избиратели придут на выборы?*

— Люди, по-моему, достаточно рациональны. Они прекрасно понимают, что от местных органов власти мало что зависит, отсюда низкая активность на выборах в областные и городские думы. Парламентские выборы 1993 г. тоже отражение того, что основные рычаги власти сегодня в руках президента. Это как раз тот случай, когда можно было выразить недовольство, не опасаясь страшных последствий. Я абсолютно убежден, что на президентских выбо-

рах уровень активности будет высоким. Так, собственно, произошло в Украине и Белоруссии.

— *Недавно Вы заявили, что демократам необходимо договориться о едином кандидате в президенты, что этим кандидатом должен быть Ельцин. Это идея президента или Ваша собственная?*

— Это моя идея, и суть ее предельно проста. Выборы 12 декабря показали поразительную безответственность политики, направленной на раскол демократического лагеря. Очень опасно, если мы не можем извлечь из этого уроки. По-моему, задача любого ответственного демократического политика — добиться, чтобы на следующих выборах у нас был общий кандидат, который смог бы получить поддержку широкого круга избирателей. Кто им станет — будет решаться осенью 1995 г. Сегодня же, на мой взгляд, это скорее всего Борис Ельцин.

— *Вы не думаете, что именно эта кандидатура может понизить уровень избирательной активности?*

— Замечательно, если найдется другая, которая повысит. Но не забывайте, что в списке окажутся еще Руцкой, Жириновский... Выбор будет идти не между Ельциным и никем. И это будет выбор своей жизни на ближайшие годы.

— *Вы уже начали консультации с другими партиями?*

— Пытаемся начать, хотя, конечно, еще рано. Но консультации, вне всякого сомнения, должны состояться до конгресса демократических сил.

— *Поэтому Вы предложили перенести его с осени на весну?*

— Конгресс будет иметь смысл, если мы сумеем договориться о трех вещах: о кандидате в президенты, о взаимодействии на выборах по мажоритарным округам и о цивилизованных нормах полемики между партиями демократического блока. Для этого требуется время.

— *Вы думаете, что к весне Ваша партия прочно встанет на ноги?*

— Я думаю, что к тому времени она будет в значительной степени дееспособна.

— *Из пяти городов, в которых Вы побывали, где у Вас худшие шансы на успех?*

— Думаю, в Брянской области, хотя там у нас есть хорошая организация. Это типичный депрессивный регион, один из самых тяжелых. Здесь образовался порочный круг: депрессивный реги-

он — низкая средняя заработная плата — высокая поддержка у коммунистов — отсутствие гарантий собственности — отсутствие частных инвестиций — депрессивность... И снова по тому же циклу. Поэтому администрация просила наш институт помочь разработать стратегию развития, посмотреть бюджет, инвестиционные проекты и т. д.

— *А Ульяновск, который зовут заповедником коммунизма?*

— Как раз здесь, если выборы не будут фальсифицированы, у нас очень хорошие шансы, потому что народ насмотрелся на прелести этой политики. Ощущение действительно какой-то коммунистической резервации, туда уже можно возить туристов, чтобы посмотреть на целлюлозно-крахмальную колбасу и потребительский рынок образца «счастливого» 1985 г. Но люди-то знают, что в других местах жизнь идет по-иному.

— *Вас как виновника «шоковой терапии» встречали мягче или жестче, чем Вы ожидали?*

— Так, как я ожидал. Но кое-что изменилось. Слушают, пожалуй, с большим интересом и более напряженно.

— *Эта поездка не склоняет Вас к мысли, что этап «шоковой терапии» обернулся серьезными издержками и пора проводить социально ориентированную политику?*

— Я не устаю повторять, что у нас не было «шоковой терапии»...

— *Для малоимущего населения была.*

— Верно. Но поскольку на самом деле ее не было, правильнее говорить об издержках отсутствия «шоковой терапии». В Украине она отсутствовала еще больше, потому и издержки там выше.

Если же говорить об этапах, то действительно первый этап преобразований к лету 1994 г. в основном завершен. И сейчас на очереди другие задачи, в том числе главная — как создать нормальные предпосылки для экономического роста. Но они могут быть реализованы именно потому, что решены задачи первого этапа.

— *Комментируя Вашу поездку, «Известия» высказали предположение, что маятник общественных предпочтений, который в декабре резко качнулся влево, начал обратное движение. У Вас тоже сложилось такое впечатление?*

— Думаю, ситуация более сложная. Но разговаривать с людьми сегодня легче, чем в декабре 1993 г. Это абсолютно точно.

Я считаю, что политика должна быть моральной

— Примерно год назад Борис Ельцин достаточно неожиданно назначил Вас первым вице-премьером правительства. Скажите, Егор Тимурович, Вы были поставлены в известность о ближайших планах президента, в том числе об Указе № 1400¹?

— Я не вчера родился на белый свет и хорошо видел ситуацию, которая складывалась на конец весны — лето — начало осени 1993 г. Так же как и для всех разумных людей, для меня не было секретом, что ситуация двоевластия подошла к своему логическому пределу, что так или иначе она должна решиться, что лимит компромиссов, которые предлагал президент, исчерпан, что ту поддержку, которую он мог получить у народа, он получил, что дальше у него есть только два варианта: либо просто отдать власть (несмотря на всю дважды полученную поддержку народа) набору очень своеобразных людей, которые категорически отказываются идти на выборы, идти на какие бы то ни было способы демократического и легального разрешения конфликта, либо распустить съезд и назначить новые выборы. Так что это в общем не было секретом, по-моему, если вспомнить и перечитать газеты этого времени, ни для кого. И вряд ли могло быть секретом для меня. Вместе с тем со мной президент при назначении этот вопрос не обсуждал, точно так же как не обсуждал его со мной Виктор Степанович Черномырдин. Первый раз со мной этот вопрос обсуждал Сергей Александрович Филатов 19-го числа, как раз в тот день, когда я приступил к исполнению обязанностей.

Интервью брал Иван РОДИН.

Опубликовано в: Независимая газета. 1994. 30 сентября.

¹ Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета после нескольких месяцев противостояния в условиях двоевластия. Большая часть депутатов отказалась подчиниться Указу и организовала вооруженный мятеж, завершившийся памятными трагическими событиями 3–4 октября. — Прим.ред.

— А теперь Вам не кажется, что Вами воспользовались как еще одним, дополнительным раздражителем для депутатов?

— Нет, не кажется. Собственно, раздражителя для депутатов в это время абсолютно не было нужно — перечитайте «Российскую газету» за сентябрь, посмотрите статьи о неминуемом импичменте президенту, который предстоит на следующем съезде, и вы увидите, что никаких дополнительных раздражителей для депутатов, собственно, и не было нужно.

Если кто-то пытался воспользоваться дополнительными раздражителями, то, это, скажем, Хасбулатов, когда он выступал, если мне не изменяет память, 18 сентября с «занимательной» речью, где оскорблял президента. Конечно, ее можно было оценить как чисто провокационную, я так ее, собственно, и оценил. Именно поэтому я очень советовал президенту 20 сентября, 21-го числа по крайней мере не делать этих шагов в это время, потому что было слишком очевидно, что большинство Верховного Совета именно этого от него сейчас и ожидает, именно к этому его подталкивает. В общем не самое лучшее делать то, к чему тебя подталкивает противник.

— По Вашему мнению, пролившаяся 3–4 октября кровь — это естественное следствие Указа № 1400 или все-таки эти два события не связаны между собой такой жесткой зависимостью?

— Пролившаяся 3–4 октября кровь — это естественное следствие двоевластия в России. У нас не было еще ни одного случая двоевластия в России, которые не привели бы к пролитию крови. Поэтому если говорить об истоках, то они, без всякого сомнения, в двоевластии и категорическом отказе большинства Верховного Совета искать конституционные и легальные пути выхода из этого двоевластия. Если помните, я ушел в отставку в декабре 1992 г. в том числе и потому, что президент предлагал компромисс Верховному Совету, съезду ценой моей отставки, что, кстати говоря, я ему тоже советовал сделать, потому что всегда считал, что по возможности любой ценой надо избежать столкновений. К сожалению, за 1993 г. стало в полной мере ясно, что компромисс с этими людьми очень сложен, а скорее всего невозможен. Компромисс возможен с людьми, которые, когда ты делаешь им шаг навстречу, делают шаг навстречу тебе. Эти люди воспринимали каждый шаг к компромиссу как сигнал слабости, сигнал к атаке. Если вы помните, компромисс

был немедленно ревизован, как только они получили то, что хотели: мою отставку. Сразу выяснилось, что его совершенно не нужно соблюдать. И референдумы никакие не надо проводить. То же самое было несколько раз на протяжении 1993 г. Так что я глубоко убежден, что именно двоевластие и неготовность искать цивилизованные, мирные, вне гражданской войны пути выхода из двоевластия — это база той крови, которая пролилась в России. Счастье, что это не оказалось, как в 1917 г., базой кровавой гражданской войны.

— *Примерно год назад в эти же дни как раз началась жесткая блокада Дома Советов. Как Вы относитесь к бытующей версии о том, что и эта блокада, и слабое сопротивление правительственных сил 3 октября, и беспрепятственный пропуск заседавших в Белом доме к «Останкино», и вызов людей на улицы, в том числе по Вашему призыву к Моссовету, — это звенья одного плана: спровоцировать защитников Белого дома на силовые действия, на пролитие крови, с тем чтобы получить моральные основания для ответного удара по ним?*

— Как к чуши. На самом деле позиция и замысел президентской стороны состояли в прямо противоположном. Любая дестабилизация обстановки работала против нас. Что было нужно для нас? Если уж мы оказались в конституционном тупике, если мы предложили выход из конституционного тупика на основе не свертывания демократических норм, а новых выборов и сохранения демократии, то для нас принципиально важно было как можно быстрее обеспечить стабильность в стране и втянуть оппозицию в подготовку к выборам. Для нас что было важно: вот есть стабильность, страна в общем работает, призывы к забастовкам, попытки обеспечить контроль со стороны оппозиции над силовыми структурами оказались неэффективными. Дальше мы быстро разворачиваем подготовку к выборам, втягиваем политические силы в них, и тогда депутаты, а я, например, был в этом уверен, не усидят у себя в Белом доме, глядя, как другие, даже и оппозиционные лидеры быстренько начинают баллотироваться на их места. И они побегут обратно по регионам, и включатся в выборы, и мы в общем получим бескровный демократический путь разрешения того очень тяжелого кризиса, который к тому времени был.

В чем был замысел оппозиции, если она не хотела идти на выборы? А она на выборы идти не хотела. Тогда, естественно, замысел

прямо противоположный: дестабилизировать ситуацию, добиться пролития крови, сделать выборы невозможными и на этой основе весь план президента пустить под откос. Именно поэтому для нас предельно важно было обеспечение стабильности, а для оппозиции — пролитие крови. И если вы вспомните развитие событий, то жесткая блокада началась после известных событий у штаба ОВС СНГ. После того как на улицах Москвы стали стрелять, убивать людей, после того как в Белый дом стали прибывать группы вооруженных людей, у президента в общем, хотя это совершенно не было ему нужно, не было другого выхода, кроме как ну хоть как-то этот страшный нарыв — вооруженных людей, ставших источником опасности в Москве, — блокировать. Именно поэтому, кстати, сразу после этого мы оказались в уязвимом положении: как только ты выставляешь милицию для блокады, она, естественно, становится объектом давления. Милиция — сложный организм, если ты на нее давишь, она начинает бить дубинками, значит, получаешь дестабилизацию обстановки в Москве... Короче говоря, что оппозиции действительно удалось сделать: ей удалось после нападения на штаб ОВС СНГ постепенно перевести борьбу в силовое русло.

— *И в силовом русле эту борьбу и надо было закончить?*

— В силовом русле необходимо было закончить эту борьбу, если она вам навязана в силовом русле. Понимаете, в политике логика, в соответствии с которой если одна сторона берет автомат и идет захватывать власть, то другая должна подставлять ей щеку, в общем малопродуктивна и малоответственна.

— *Прошлогодние события открыли дорогу для окончательного становления президентской республики в России. Как Вы оцениваете существующий ныне режим, в чем его достоинство, какие Вы видите недостатки? Как, если они есть, их можно исправить?*

— Самое главное достоинство существующего режима состоит в том, что он демократический. А самое явное свидетельство того, что он демократический, — это то, что газеты, активно поливающие этот режим, его политику и президента грязью, вполне свободно продолжают выходить. Поэтому те ожидания, которые были, в том числе те, которые неоднократно звучали на страницах вашей газеты в это время, ожидания того, что эти события проложат дорогу ликвидации демократии в России, теперь уже не оправдались. Что вообще нетривиальный факт в российской истории, по-

тому что я прекрасно понимаю, на чем базировались эти ожидания. Конечно, предположить, что одержавшая победу в столкновении ветвь власти воспользуется этой победой для установления авторитарного режима, зная опыт российской истории, было можно. Это можно было предположить и в 1991 г., после августа. Кстати говоря, оппозиция именно это и предполагала. Перечитайте «Правду» за август 1991 г., посмотрите, как она униженно молит простить ее, обещая служить верой и правдой, говорит, что бес попутал, теперь так больше не повторится никогда и т. д., и увидите, чего они ожидали на самом деле. На самом деле многие ждали этого же и после событий октября. На мой взгляд, это главный, абсолютно нетривиальный факт русской истории, в котором во многом проявилась, может быть, самая серьезная историческая роль Бориса Ельцина: два раза имея возможность установить авторитарный режим в России, он этой возможностью не воспользовался. Я таких прецедентов, честно говоря, в нашей истории не припоминаю. Это если говорить о самом главном.

— *А недостатки все-таки есть у этого режима?*

— У всякого режима есть очень много недостатков. Если говорить о конституционном устройстве — Вас это, наверное, интересует? Если говорить о конституционном устройстве: да, без всякого сомнения, нынешнее конституционное устройство во многом является реакцией — возможно, и сверхреакцией — на кризис двоевластия 1991–1993 гг. Без всякого сомнения, роль законодательных органов, включая Думу и Совет Федерации, весьма ограничена даже для президентской республики. Ответственность и власть в значительной степени в руках президента. Это конструкция, которая как бы выросла у нас из жизни на основе опыта 1991–1993 гг. Может быть, с течением времени, при стабильном развитии событий нам придется и нужно будет потихонечку сдвинуть чаши весов и в большей степени уравновесить власти. Но я бы хотел, честно говоря, чтобы темпы конституционных изменений в России теперь измерялись не неделями и месяцами, а несколькими годами. Сейчас самое опасное, что, по-моему, может быть, — это терять Конституцию.

— *Вы сказали, что основная часть государственной власти сейчас сосредоточена в руках президента. Таким образом, это заставляет существующие политические группировки бороться за влияние на президента или даже за то, чтобы их представители находились*

рядом с ним. Не могли бы Вы нарисовать более или менее подробно картину борьбы этих группировок: кто эти люди, чьи интересы, политические и экономические, они представляют?

— Нет, борьбу за влияние на президента я Вам обрисовать не могу, это Вы лучше обратитесь к более компетентным людям. Наверное, Вам ответят либо глава администрации президента Сергей Александрович Филатов, либо помощник президента Виктор Васильевич Илюшин...

— *Но они не ответят...*

— Если они не ответят, то зачем же задавать этот вопрос мне? Я в этом вопросе не компетентен, я не отслеживаю развитие событий в ближнем окружении президента, в аппарате администрации президента: кто там, за что там борются — это, право слово, ведомо мне в ограниченной степени.

То, что происходит в собственно политической области, в области формирования политических структур, борьбы за избирателей, за контакт с ними, перспектив следующих выборов, — это сейчас как бы по должности входит в сферу моей компетенции, здесь я Вам с удовольствием отвечу то, что знаю.

— *Хорошо, тогда скажите, сколько примерно крупных политических сил борется сейчас за избирателя?*

— Из наиболее крупных политических сил, которые борются за избирателя и структурированы в достаточной степени, на сегодняшний день я бы выделил несколько. И первая из них, наиболее организованная, традиционная, старая и в общем устоявшаяся, — это, конечно, коммунистическая партия.

— *Как Вы оцениваете ее шансы?*

— Я считаю, что ее шансы не надо ни переоценивать, ни недооценивать. Главные проблемы компартии в борьбе за избирателей — их две, и первая — это слабость программного обеспечения. Строго говоря, старая и единственная комплексная программа, которая когда-то была у коммунистов, сейчас непопулярна, и они ее не вытаскивают вперед. А какой-то другой нет... А вторая проблема — это, конечно, то, что электорат старый и стареющий. Это политическая сила, во многом опирающаяся на сокращающийся электорат. Их апелляция к молодым социальным группам в общем не очень эффективна.

Следующая политическая сила, по-разному пока структурирующаяся, пока находящаяся в состоянии взаимной полемики и борьбы, — это националистическое крыло нашего политического спектра. Здесь у нас и ЛДПР, которую ни в коем случае нельзя списывать со счетов, так сказать, опираясь на всю специфику поведения Жириновского — ни в коем случае нельзя списывать. Здесь и другие движения и партии националистической ориентации: окружение Руцкого и т. д. Так или иначе это достаточно большая и серьезная политическая сила, по-моему, в высшей степени опасная. Она в высшей степени опасна потому, что мы живем в эпоху довольно тяжелых преобразований. А тяжелые преобразования, тяжелые реформы, даже если они обеспечивают базу для устойчивого и динамичного развития, — это всегда социально больно, это всегда люди, которым тяжело, это всегда прекрасный объект для агитации. Если зажечь людей самыми простыми лозунгами и объяснениями их проблем типа «нас предали», «масонский заговор против России», «жиды во всем виноваты», «кавказцы заполонили» и т. д., то всегда ты найдешь какой-то отклик. Не бывает, чтобы ты какого-то отклика в такой ситуации не нашел. Поэтому у них в общем очень простые пропагандистские задачи. Для того чтобы вести такого рода пропаганду, не надо ни сверхкрупного интеллектуального потенциала, ни уж очень эффективных организаций. Это самая простая, хотя и, без всякого сомнения, предельно опасная для страны форма политической борьбы.

На другом конце спектра наиболее, по-моему, сейчас организованная сила — это все-таки «Демвыбор России»: довольно быстро формирующаяся политическая партия либерально-консервативного направления, отстаивающая в общем сохранение стабильности существующих институтов и создание предпосылок экономического роста на рыночной основе. Сила, которую почему-то в вашей газете принято называть «радикал-реформаторы», что для меня является большим источником недоумения. Ну какие же мы сегодня радикалы? Радикалами мы были, когда начинали радикально менять сложившиеся социально-экономические структуры. А сегодня наша главная забота — это не дать эти складывающиеся, еще неустойчивые, слабенькие структуры сломать. Что же это за радикальная задача? Это скорее уж задача консервативная.

Есть потребность, и она, видимо, будет реализована, в создании набора политических сил левоцентристского, социал-демократического направления. Сейчас идет большая борьба вокруг того, кто возглавит его и как это будет устроено, но то, что у нас так или иначе будет одна, или две, или три партии, которые будут пытаться бороться за избирателей, склонных голосовать за социал-демократов на следующих выборах, у меня не вызывает сомнений. Вот, пожалуй, основные силы, которые мне видятся на сегодня.

— *Егор Тимурович, Вы известны как категорический противник продления депутатских и, кажется, президентских полномочий. Вы ссылаетесь при этом на то, что это запрещает Конституция. Но авторы этой идеи уже придумали в общем конституционные способы ее воплощения. Скажите, в чем главная причина Вашего отрицательного отношения к переносу выборов?*

— Я считаю, что политика должна быть моральной. Я считаю, что неудобно, просто как-то неприлично выбираться на один срок, а потом сказать: вы знаете, нам так понравилось, мы такие хорошие, давайте мы еще посидим. Мне кажется, что это как-то не очень хорошо. Нет, я ведь человек не упертый. Я вполне готов к разумным решениям. Вот когда вышел Иван Петрович Рыбкин с идеей того, что выборы президента и парламента надо проводить в один день, я понимаю, где здесь рациональные аргументы. Потому что действительно будоражить два раза страну в течение нескольких месяцев не стоит — она не в том состоянии. Это я понимаю, но когда говорят: давайте посидим, и президент, и депутаты тоже, еще два года, потому что нам так хочется, — мне кажется, что это выходит за рамки цивилизованной политики.

— *А знаете ли Вы какую-нибудь личную, не переданную через пресс-секретаря и еще как-то реакцию президента на идею переноса выборов?*

— Нет. Честно Вам скажу, я не обсуждал с ним этот вопрос. Но мою позицию он знает хорошо.

— *А не высказывался ли он об этом на последнем заседании Президентского совета?*

— Нет, этот вопрос не обсуждался.

— *Скажите, соответствует ли президентским планам костиковское высказывание о «мускулистой осени», а если соответствует, то что под этим определением подразумевается?*

— Что имел в виду господин Костиков, гораздо естественнее и проще было бы спросить у господина Костикова, при всем моем к нему хорошем отношении. Без комментариев.

— *То есть на Президентском совете Вы не заметили, что Борис Ельцин собирается устраивать «мускулистую осень»?*

— Нет, было спокойное обсуждение проблем нынешней социально-экономической ситуации и развития российско-американских отношений. Вопросы о мускулах и физкультуре в общем не обсуждали.

— *Приближается очередная годовщина Октябрьской революции — это по-прежнему государственный праздник...*

— Не государственный праздник, а выходной день, если быть точным...

— *Да, согласен. Вы, Егор Тимурович, не только политик, но и ученый. Как сейчас Вы оцениваете роль, например, Карла Маркса, Владимира Ленина в политическом и экономическом аспектах и как Вы относитесь к Октябрьской революции — 1917 г., естественно?*

— Вы знаете, я как раз только что отдал править свою новую книжку. Книжка называется «Государство и эволюция». Там я довольно подробно попытался ответить на эти вопросы. Если я сейчас попытаюсь это сделать, то это будет скороговоркой и вряд ли интересно. Если захотите, то я с удовольствием, когда книжка будет готова, дам посмотреть Вам отрывки из нее, может быть, Вы их напечатаете.

— *Еще один исторический вопрос. Как Вы относитесь к утверждению о том, что правительство Гайдара было большевистским: по духу и по методам, что оно загоняло живую жизнь в простую схему?*

— Я отношусь к этому, как к предельному схематизму. На самом деле что было отличительной чертой большевистского правительства в России начала века? То, что с огромным энтузиазмом, с огромной кровью нас загоняли в недемократический, тоталитарный и плюс ко всему тупиковый с точки зрения экономического развития режим. Этот режим к 1990–1991 гг. в полной мере исчерпал свой потенциал и в общем развалился сам. Давайте говорить честно, не мы его развалили, он развалился сам, в полной мере к тому времени утратил интеллектуальную привлекательность, моральную убедительность, экономическую устойчивость, поли-

тическую стабильность и т. п. Перед нами стояла очень непростая задача: перевернутое общество, — общество, в котором на протяжении десятков лет были ликвидированы частная собственность, система рынков, демократические институты, начать поворачивать на нормальный путь развития. И в связи с этим все, что мы делали, было прямо противоположно тому, что делали большевики. Мы шли не по пути свертывания демократии, а по пути ее укрепления и сохранения, что, согласитесь, нетривиально для большевиков. Мы шли не по пути запретов, а по пути разрешений, не по пути ликвидации нормальных рыночных механизмов, а по пути создания предпосылок для них. Ведь мы не посылали миллионы людей, скажем, торговать на основе указа «О свободе торговли», мы всего лишь навсего сняли существующий запрет, а после этого дальше они пошли сами. Короче говоря, большевикам надо было палкой загонять людей в социалистический рай, а нам надо было только открыть ворота из ГУЛАГа.

— *«Демократическому выбору России» — Вашей партии — уже скоро три месяца...*

— «Демократическому выбору России» как партии, уж если быть совсем точным, ровно месяц, она зарегистрирована в конце августа 1994 г. Съезд был учредительный 12 июня, а как партия она зарегистрирована в конце августа — мы очень, знаете, относимся трепетно к правовым аспектам своей деятельности. С этого времени мы и ведем отсчет.

— *В скольких регионах есть отделения партии?*

— В 67 регионах в настоящее время. Вот вчера мы приняли решение о создании оргкомитетов еще в двух регионах. Так что я думаю, что в подавляющем большинстве российских регионов к концу года отделения нашей партии будут.

— *Какова примерно численность партии?*

— Я Вам даже не отвечу сейчас на этот вопрос. Мы только начинаем кампанию по массовому приему. Прием в партию — это некая процедура. Процедура — это значит набор институтов и людей, которые способны с этой процедурой справиться. Мы хотели сначала как-то организовать, а потом начинать массовый прием. Вот именно сейчас мы его и начинаем.

— *Ваша партия, кажется, первая в России, официально образовавшая институт сочувствующих.*

— Да.

— *Для чего это сделано? Вы не хотите массовой партии?*

— Нет, мы не имеем ничего против массовой партии, но мы абсолютно не гоняемся за формальным членством, потому что это не является нашей задачей. Наша задача — создание дееспособной политической структуры, которая способна решать политические задачи в условиях парламентских и президентских выборов, т. е. вести пропагандистскую кампанию, обеспечивать контроль за честностью подсчета голосов в избирательных комиссиях, выдвигать и поддерживать своих кандидатов и т. д. Для этого абсолютно не нужно иметь многомиллионную партию, для этого нужно иметь нормальную партию, включающую тех, кто готов там работать. Вместе с тем есть много людей, которые сегодня не готовы отождествить себя напрямую с членством в партии: в конце концов очень многие выходили из КПСС со словами «больше ни в одной партии никогда». И тем не менее они разделяют наши программные принципы, готовы помогать нам в решении определенных вопросов. Так что этот институт естественный.

— *Соберется ли все-таки осенью конгресс демократических сил?*

— Думаю, что нет. Из наших консультаций, которые были летом, стало ясно, что этот конгресс имеет смысл, если он решит несколько задач: выдвинет общего кандидата в президенты, мы сможем договориться о координации усилий хотя бы по мажоритарным округам, о принципах пропагандистской политики в ходе следующих выборов как минимум. Для этого нужны время и спокойные переговоры, а не шум. Будет такое время, удастся этого добиться — а мы очень на это надеемся, потому что думаем, чему-то ведь результаты выборов прошлого года должны учить наших оппонентов, выступавших осенью 1993 г. против единства демократических сил, — и тогда будет база для такого конгресса.

— *Когда Вы говорили об этом конгрессе, Вы уже предложили единого кандидата демократических сил...*

— Я не предлагал единого кандидата и не предлагал обсудить такую возможность, просто, когда спрашивали, я отвечал, что кандидат нашей партии на президентские выборы будет определен съездом нашей партии. Так у нас в уставе записано. Если вы меня спросите дальше, я могу высказать личные суждения о том, кто, как мне кажется, может быть этим кандидатом. Они основаны на ситу-

ации на сегодня, как мне она видится. Никаких официальных предложений по этому поводу я никому не вносил.

— *Но тем не менее вы назвали Бориса Ельцина. Последовала ли реакция со стороны лидеров других демократических движений — хотя бы тоже такая неофициальная, в личных разговорах?*

— Последовала реакция, разная. Но так как она была в личных разговорах, то я, к сожалению, не смогу ее цитировать.

— *Еще один вопрос, касающийся партийного строительства. Газетчики всегда внимательно следят, как идут дела у их коллег. Скажите, когда официально газета «Известия» станет газетой «Демократического выбора России», если, конечно, это планируется?*

— Никогда. Это не входит, насколько я знаю, ни в планы «Демократического выбора России», ни в планы газеты «Известия». Я с огромным уважением отношусь к газете «Известия», я ее очень люблю, считаю самой профессиональной газетой, это газета широкого демократического спектра, широкого демократического лагеря. У меня нет ни малейшего намерения превращать газету «Известия» в партийную газету, по-моему, это было бы очень странное решение.

— *А как Вы вообще относитесь к свободе прессы в нынешних российских условиях? Дело в том, что, по некоторым сообщениям, на последнем Президентском совете многие его члены высказывались о том, что журналисты занимаются не тем, чем должно.*

— Знаете, так как я был на последнем Президентском совете, то могу Вам сказать: мыслей о том, что журналисты занимаются не тем, чем должно, там просто не высказывалось. Дискуссий на эту тему не было, хотя там много всего обсуждалось. Никаких идей, связанных с необходимостью призвать журналистов к порядку, на Президентском совете никто не высказывал.

— *Это радует...*

— Если бы было такое желание, то, право слово, сделали бы это раньше, никто, главное, не удивился бы.

— *Исполком вашей партии возглавляет крупный предприниматель, поэтому вопроса о том, как Вы относитесь к участию большого бизнеса в большой политике, в принципе не возникает. Но вопрос в другом: по Вашему мнению, участие больших денег в политике делает ее более предсказуемой или, наоборот, запутывает, затемняет ее?*

— Вы знаете, я бы все-таки разделил два вопроса: участие бизнесменов в политике и участие больших денег в политике. Участие бизнесменов в политике, по-моему, совершенно естественная сторона политического процесса. Как и у многих других социальных групп, у предпринимателей есть свои интересы. В конце концов для них стабильность, скажем, в отношении к частной собственности в России — это стабильность того дела, которым они занимаются. Без всякого сомнения, многие из них за это будут бороться. Что касается больших денег в политике. Ну что же, политика в настоящее время и, без всякого сомнения, всегда — это организация пропаганды, это всегда деньги, всегда ресурсы. Такие ресурсы собирают все политические структуры, серьезно относящиеся к своему делу: если ты не умеешь и не хочешь делать, то в общем лучше тогда и не заниматься политикой в демократическом обществе.

— *То есть с деньгами политика становится более понятной?*

— Просто деньги — естественная составная часть любого политического, организационного процесса. Другое дело, что никаких разумных, мыслимых денег каких-то коммерческих крупных структур не хватает для нормального обеспечения работы массовой партии. Для этого нужны членские взносы, нужна массовая работа по сбору средств. Так бывает везде, во всех демократиях, так будет и в нашей. И в данном случае то, что мы пытаемся сейчас сделать, — это в первую очередь поставить на нормальные, организованные рельсы именно эту массовую работу.

— *Вы два раза работали в правительстве, сейчас Вы депутат, т. е. Вы знаток этих сфер. Скажите, такое большое количество экономических указов президента о чьей неработоспособности свидетельствует: правительства или Государственной думы?*

— Думаю, свидетельствует и о недостаточной эффективности работы правительства, и о том, что законотворческий процесс в Государственной думе пока не стал достаточно динамичным. Надо сказать, что Государственная дума на протяжении первых месяцев была крайне малопродуктивной с точки зрения объема принимаемых законов, в колоссальной степени поглощена политическими дебатами вокруг Тоцкого полигона¹ и массой, массой, массой дру-

гих интереснейших для господина Жириновского и других его товарищей сюжетов, но не вопросами принятия законов. И где-то только с июня, по-моему, законодательная работа Думы, особенно в те дни, когда фракция ЛДПР бойкотировала заседания, начала носить более конструктивный, плодотворный характер. Но очень надеюсь, что все-таки осенью она будет более плодотворной. Мы провели такие консультации с многими фракциями демократической, центристской ориентации, суть которых именно в необходимости придать более плодотворный, более организованный, более, так сказать, конструктивно-законотворческий характер работе Думы. Я надеюсь, что они увенчаются успехом.

— *Егор Тимурович, что бы Вы назвали главным успехом в деятельности правительства Черномырдина?*

— Главным успехом в деятельности правительства Черномырдина я бы назвал то, что оно сделало меньше глупостей, чем многие от него ожидали.

— *И это все?*

— Это очень много. Это много, и не надо этого недооценивать.

— *А тогда какой самый крупный провал правительства Вы можете отметить?*

— Самая крупная проблема, не решенная в работе правительства, — это то, что у него отсутствует целостная экономическая политика, т. е. оно проводит несколько экономических политик — разных в разных областях. Это естественное следствие коалиционности правительства, там действительно представлены совершенно разные политические силы, с разными ориентациями. Но в результате выработка единой экономико-политической и социально-экономической линии правительства идет крайне тяжело.

— *В чем секрет такого долгожительства этого правительства и его премьера?*

— Я думаю, что это вполне понятно — как раз в его коалиционности. Коалиционность правительства — это то, что сегодня в значительной степени придает ему устойчивости. Скажем, нас очень многое не устраивает в работе нынешнего правительства, но мы отнюдь не сторонники его отставки, замены, потому что прекрасно понимаем: оно отражает ту политическую реальность, которая сложилась на выборах 12 декабря 1993 г. Может быть, многих наших оппонентов тоже не устраивает многое в работе этого прави-

¹ В сентябре 1994 г. на Тоцком полигоне прошли совместные антитеррористические российско-американские маневры, вызвавшие протест со стороны национал-«патриотических» политиков, в том числе в Госдуме. — *Прим. ред.*

тельства, но они не всегда заинтересованы в его смене и, я надеюсь, в общем готовы иногда его и поддержать, потому что оно также отражает для них эту реальность. Поэтому, на мой взгляд, нынешнее правительство — это зеркало выборов 12 декабря: вам не нравится его работа, значит, вам не нравятся результаты выборов.

— *А Вам нравятся?*

— И мне не нравятся. Но тем не менее я как человек, приверженный демократическим ценностям и парламентаризму, склонен подобного рода результаты признавать, даже если они мне не нравятся.

— *Пока Дума была на каникулах, некоторые фракции начали сколачивать антиправительственную коалицию и собираются проголосовать за недоверие кабинету. Как Вы расцениваете их шансы?*

— Я не думаю, что они большие. Мы, я думаю, будем голосовать против, но, естественно, окончательно этот вопрос будет решать фракция. Но я, например, буду выступать против такого решения и надеюсь, что мне удастся убедить моих коллег поддержать мою позицию. Я думаю, что сегодня вотум недоверия правительству ничего, кроме дестабилизации положения в России, с собой не принесет.

— *Вы согласны с тем, что, пожалуй, основным событием осени станет обсуждение итогов исполнения бюджета этого года и бюджета на 1995 г.?*

— Обсуждение бюджета будущего года — это всегда стержень экономической политики.

— *Тем не менее практика последних лет показала, что ни один бюджет не исполнялся так, как в нем записано. Так ли важен этот документ?*

— Знаете, это огромная проблема. Если говорить о конкретном воплощении проблем сегодняшней экономической политики правительства, то это как раз разрыв между бюджетом на основе принятых обязательств и бюджетом текущих финансовых потоков. Кстати, насчет того, что ни один бюджет не исполнялся, это Вы не правы. Бюджет 1992 г. был исполнен строго в том виде, в котором он был утвержден Верховным Советом, хотя, правду говоря, он мне крайне не нравился в том виде, в каком был утвержден. Верховный Совет, приняв 3 июля бюджет с увеличением объема расходов, если мне не изменяет память, на 11 пунктов валового внутреннего

продукта по сравнению с нашими проектировками, поставил крест на попытках финансовой стабилизации и обрек Россию на достаточно тяжелый путь в экономическом развитии. Тем не менее он был исполнен в том виде, в котором был утвержден, потому что это тоже один из принципов парламентской экономической политики. Бюджеты 1993 и 1994 гг. имеют одну общую проблему — они составлены в том виде, в котором не могут быть исполнены. Это абсолютно очевидно. И мы это очень подробно показывали и доказывали в апреле — мае 1994 г. Это в полной мере очевидно и сегодня. Это вопрос не технической ошибки, это вопрос политики. Это следствие попыток дать квазирешение проблем на основе обильного бюджетного финансирования, которое не подкреплено реальными финансовыми ресурсами государства.

— *Не стоит ли за такие обещания наказывать правительство?*

— Что Вам сказать? Я считаю, что это очень серьезная ошибка правительства. Я считаю, что если говорить о его ответственности, то за это в первую очередь оно, конечно, несет ответственность, но давайте договоримся: правительство не школьник. Наказывая правительство, мы, главное, не должны наказывать себя, Россию и ее экономику. Вот из этого я исхожу, а не из того, кого надо за это, так сказать, хорошенько отделать.

— *Егор Тимурович, у Вас, конечно, неплохие связи в правительстве. Не могли бы Вы поподробнее, если не секрет, рассказать о бюджете 1995 г.: какие там планируются доходы, расходы, дефицит и т.п.*

— Пока не хочу, потому что есть только бюджет, представленный Министерством финансов. Он еще не проходил обсуждение на правительстве, поэтому правительственной, собственно, позиции по бюджету пока не существует. Сейчас я просто не хочу о бюджете говорить, потому что это чуть-чуть рано. Как только он будет обсужден на правительстве, с удовольствием скажу.

— *Располагаете ли Вы информацией о том, что некоторые деятели президентской администрации уже провели переговоры с представителями антиельцинской оппозиции об их возможном включении в состав правительства?*

— Если и располагаю, то только от вас, я имею в виду не Вас лично, а из газет. В газетах читал, но я много чего читаю в газетах, поэтому склонен относиться к этому с известной долей скепсиса.

— А вообще целесообразны ли такие переговоры, если предположить, что они велись?

— Вы знаете, я в общем за три года не отвечал на предположительные вопросы, и хотелось бы этот свой принцип сохранить в действии и дальше.

— Понятно. Егор Тимурович, говорят, что сложнее всего делать краткосрочные прогнозы: не успеешь сделать, а уже видно, исполнились они или нет.

— Да, это правда. Хотя в последнее время в российской экономике это было делать в общем-то достаточно легко, и основные краткосрочные прогнозы, сделанные на основе, скажем, прогноза инфляции, на основе динамики денежной массы с месячным лагом, оказываются на редкость точными.

Когда Гайдар шагал впереди

В числе людей, сыгравших ключевую роль в событиях годичной давности, — Егор Гайдар. На его призыв, прозвучавший по одинокому телеканалу, откликнулись многие тысячи людей и пришли к зданию Моссовета для защиты демократии, попавшей в опасность. И поныне с именем этого человека в событиях последних лет связано многое — не только либерализация цен с января 1992 г., но и надежды на решительные перемены к лучшему в будущем, возможно, не столь дальнем. Но для множества москвичей, остро помнящих свои переживания, те тревожные часы 3–4 октября 1993 г. останутся в памяти — это когда Гайдар шагал впереди...

— Егор Тимурович, в каких красках может быть изображена та самая ночь в будущих учебниках истории? Станут ли ее расценивать как ключевой момент или она останется пусть драматическим, но отнюдь не решающим эпизодом? Хотелось бы знать Вашу оценку происшедшего, его последствий и вероятных вариантов дальнейшего развития событий.

— При всех сложнейших и новых для россиян проблемах 1993–1994 гг., при всех ошибках и разочарованиях я выделяю два фундаментальных результата. Первейший — преодоление двоевластия в России и постепенная политическая стабилизация.

— Вы считаете, что это было событие, которое помогло стране преодолеть безвластие?

— Я это знаю. Я видел российскую государственность в 1991–1993 гг., этот страшный паралич власти, при котором правительство проводило свою политику, постоянно зная, что любые его решения будут опротестованы Верховным Советом. Кто прав, кто виноват — неизвестно. Никто не знает, как распределены полномочия между федеральной властью и органами власти в регионах, потому что по предшествующей Конституции понять это предель-

Интервью брала Елена ВИШНЕВСКАЯ.
Опубликовано в: Куранты. 1994. 4 октября.

но сложно. Если возможно положение, при котором правительство должно отвечать за финансовую политику, но не может проверить все подчиняющиеся Верховному Совету фонды, а ведь в них треть совокупного бюджета...

— *А сейчас?*

— Этой проблемы в таком виде просто не существует! Есть текущие рабочие моменты, но ничего подобного тому, прежнему даже представить себе сегодня невозможно. Теперь имеется Конституция, есть власть. Есть понятные решения, понятно, кто решает. Может не нравиться, как он решает, но понятно, где это решение принимается. Может не нравиться, как используются финансовые ресурсы, но ты знаешь процедуру принятия решений. У нас было реально два правительства, они постоянно принимали противоречащие друг другу решения, из-за этого нарастал хаос во всех государственных структурах. Такая ситуация не могла кончиться ничем иным, кроме страшной беды для России. Всего этого сегодня нет. И для меня это, пожалуй, самый главный итог минувшего года. Был огромный риск — другой. Из двоевластия вырастает диктатура. Из двоевластия «Советы — Временное правительство» возникла коммунистическая диктатура, которая длилась потом десятилетия. Чем кончается всякий беспорядок? Наведением порядка. Важно, чтобы оно проходило с сохранением демократических институтов. Год прошел, мы можем утверждать, что двоевластие преодолено, хотя порядка, конечно, в стране еще по-прежнему мало, но, без сомнения, больше, чем было осенью 1993 г., когда вся государственная машина была просто парализована. И посмотрев на физиономию г-на Руцкого на телевидении, можно понять, что, может быть, демократии у нас с некоторым переизбытком по сравнению с мировыми стандартами... Но вот еще один фундаментальный результат: демократические институты в России сохранены, диктатуры нет.

— *Лозунг «Больше демократии» теперь не стоит?*

— Особенно если вспомнить Руцкого 3 октября, когда он призывал боеспособных мужчин на штурм «Останкина»...

У меня, конечно, много разочарований в экономической политике, но вот эти два результата — преодоление двоевластия в условиях сохранения демократических институтов, по-моему, это самый главный итог того, что произошло.

Чем эти события запомнятся в истории? Вот это, к сожалению, зависит от будущего. Мы живем в такое переломное время, когда предсказать, как будет записано в истории, сложно. Я верю, что все-таки нам удастся вывести Россию на дорогу стабильного демократического развития и устойчивого экономического роста; это абсолютно возможно, если мы поставим для себя эти цели. Тогда, конечно, эти события войдут в историю как начало политической стабилизации в России. Это очень важная веха — восстановление российской демократии. Трагическая, но важная. Демократию удалось сохранить в условиях высочайшего риска. Но вот если наши противники окажутся более удачливыми, а нам не хватит единства, сплоченности, организованности для того, чтобы защитить вот эту демократию, то этот день войдет в историю, подобно июльским событиям 1917 г., как предшествующая революции безуспешная попытка экстремистов прорваться к власти, как короткий эпизод периода борьбы за российскую демократию.

— *Вы сказали о том, что это проявится через годы. Как можно будет сориентироваться в этом поближе?*

— Вы знаете, первый и очень сильный звоночек — выборы 12 июня 1996 г. Разумным людям многое тогда станет понятным. Кого мы выберем? Какого мы выберем президента, какой состав Думы? Пусть не гениальный, но не склонный к экстремизму президент и мало-мальски ответственный состав Думы, не рвущийся к авантурным экспериментам. Тогда я был бы более или менее спокоен за экономическое и социально-политическое будущее нашей страны. Я, честно говоря, сейчас не очень боюсь всяких экстремистских выходов, потому что не вижу для них потенциала вроде массовых восстаний, баррикад и т. д. — ни в Москве, ни в регионах. Сегодня я гораздо больше опасаюсь тихой и спокойной победы на выборах людей, которые ни за что не отвечают. Это они сумели успешно представить дело так, что 74 года российской истории, которые завели нас в исторический тупик, как бы совершенно ни при чем! Как будто все, что мы сегодня переживаем, порождено в самые последние годы. А они — народные заступники. И вот на фоне действительно тяжелых проблем, огромных просчетов, которые сейчас допускаются органами власти, эти деятели могут задурить людям голову и прорваться к власти со своими простыми объяснениями типа «масонского заговора против России» и «бей кавказцев — це-

лее будем». Вот чего я действительно опасаюсь и считаю серьезной угрозой развитию событий в дальнейшем.

— *Не считаете ли Вы, что средства массовой информации оказывают медвежью услугу народу, нашему будущему, когда создают имидж иным политикам вроде Жириновского... Хотя, с другой стороны, многие наши читатели — сторонники действительно демократического выбора России в неведении: где эта самая партия «Демократический выбор России»? Как познакомиться с ее программой, приобщиться к делам? Среди них немало тех, кто пошел за Вами к Моссовету в ночь с 3-го на 4 октября...*

— Наверное, это наша недоработка. Партия сформировалась совсем недавно, месяц назад. В «АиФ» недавно были опубликованы контактные телефоны для тех, кто готов нас поддержать. По Москве мы сейчас активно ведем эту работу. Вопросы организации, приема в партию для нас на ближайшую осень — очень серьезная задача. Мы парламентская партия, поэтому нас, естественно, должно быть больше видно накануне выборов.

— *Но люди должны знать, что есть такая партия. А какая у Вас программа привлечения масс?*

— Мы не хотим быть элитарной партией, не дай Бог! Но мы не хотим быть и многомиллионной партией — как КПСС. Мы хотим быть нормальной парламентской партией, куда входят наши единомышленники, готовые идти с нами вместе, способные подчиняться элементарной дисциплине и принимать участие в нашей работе. У нас есть такой институт, как сочувствующие партии, — люди, разделяющие наши идеи и готовые нам помогать, но пока не желающие быть связанными организационно с партией. Мы таких людей в высшей степени уважаем и будем стараться с ними взаимодействовать, активно привлекать их в нашу избирательную кампанию.

— *Давайте вернемся на год назад. В ночь с 3-го на 4 октября Вы выступили по телевидению. Была ли ситуация и впрямь критической?*

— Я убежден, что люди, которые откликнулись и тысячами пришли к Моссовету в ту страшную ночь, когда шел бой, люди, готовые, если необходимо, взять в руки оружие и защитить собой демократию, — вот они-то и переломили ситуацию. Я многое знаю: реальное положение дел в частях МВД, и в Вооруженных Силах, и в правительстве... На основе всего этого я убежден: именно то, что тогда, 3 октября, ночью, люди тысячами пришли на помощь и поддерж-

ку, надежно заблокировало путь фашистам к власти в Москве. Далее, утром 4-го решался другой вопрос: какой кровью мы будем прижигать эту болячку? Если бы не пришла армия, кровь была бы большей. Но тем не менее к утру было абсолютно ясно, что к власти в Москве фашисты не придут.

— *Минувший год, изменилась ситуация, сменились лица на политической сцене. А кто сейчас решает судьбу россиян?*

— При новой Конституции ответственность в первую очередь несет президент — по важнейшим вопросам государственной безопасности. Огромные полномочия — реальные! — имеет правительство.

— *О таком ли правительстве Вы мечтали, когда формировали свой кабинет?*

— Вовсе нет.

— *Чем же оно не отвечает Вашим идеалам?*

— Я много могу говорить о том, чем не отвечает это правительство моим представлениям, — это его коалиционность, слабость выработки единой экономической политики, это бесконечное количество противоречивых решений. Но, пожалуй, из наиболее серьезных претензий я бы выделил две. Из-за них моя работа в нем с января 1994 г. мне представлялась абсолютно невозможной. Первое: правительство имеет устойчивую тенденцию давать обещания, а потом их не выполнять.

— *Но ведь Ваше тоже этим грешило?*

— Наше правительство не все рычаги держало в руках, но мы, если обещали что-то профинансировать, то давали деньги. Бюджет 1992 г. исполнен в том виде, в котором был утвержден. Он мне не нравится, но утвержден и исполнен. А вот начиная с 1993 г. у нас возникло как бы два бюджета: бюджет посулов, где всем все обещано — и дотации, и финансирование, и инвестиции, и реальный бюджет — тот, который возможен, совсем другой, где ничего этого реально нет. Получается и две политики: одна — политика обещаний, другая — политика реального финансирования. А ведь это довольно опасно: обещания правительства — это не обещания человека с улицы, а фактор, учитываемый в планах предприятий, в заказах, контрактах и т. д. Ну а потом правительство говорит: извините, не получилось. И пошла цепочка перебоев во всей экономике. А это уже серьезная дискредитация государственной власти. Я всегда считал:

надо либо не говорить, либо делать. Это первое, что меня, честно говоря, смущает в работе нашего правительства сегодня.

И второе. Такая вдруг неизвестно откуда взявшаяся бюрократическая помпезность. Одним из поводов моего ухода в отставку послужила история создания дворца для парламента за 500 млн долл. Но тогда, после моей отставки и благодаря ей, это дело удалось остановить. Но сам факт стал открытым проявлением вот этого нового стиля. Приведу пример на бытовом уровне. Я вот, возглавляя правительство, ездил на «Волге» и своим министрам не давал роскошествовать.

— *Так и сейчас на «Волге» разъезжаете...*

— А там с декабря 1992 г. сочли, что это неудобно, — ни для главы правительства, ни для его первых заместителей.

— *И что у них сейчас?*

— У всех свое — кому что полагается. Вот это в общем мелочь. Право, страна не разорится от этого, но мелочь эта характерная. Когда страна, общество в состоянии отнюдь не благодушном, как я могу роскошествовать? При всей тяжести положения мне было легко проводить суровую политику в 1992 г. Я мог каждому сказать: вот бюджет. Если ты еще знаешь, что сократить после того, как мы сократили на 70% производство вооружения, скажи — и я сокращу. А когда начнется такая бюрократическая роскошь — всякая там мебель за 60 тыс. долл., ремонты за 200 млн долл. и т. д., — мне кажется, возникнет разрыв между правительством и обществом. И этот разрыв опасен в наше непростое время.

— *А отчего это? Чем больше грязи, тем выше в князи?*

— Да нет. Я думаю, на самом деле это все связано с разным видением России. Оно разное, видение, и проявляется во всем, в том числе в мелочах. Что же нам нужно: большое помпезное государство или эффективное, компактное и не очень дорогое? Я убежден, что эффективное, компактное и не очень дорогое. А вот в последнее время вошло в моду произносить такие слова о русской государственности, что ясно: да, лучше большое и помпезное...

— *Большому кораблю большое плавание.*

— ...Большие дворцы, большие машины и т. д.

— *Это что же, идет от новой политической элиты? Или она не совсем новая? Правительство-то вроде не очень обновилось?*

— Обновилось, и сильно. Тихонько, шаг за шагом, но так, что стиль там совсем иной. Да, там немало людей, которые работали и тогда, и теперь, но стиль принятия решений, совместной деятельности сильно переменялся.

— *Я помню рассказ Эллы Александровны, как Вы ночами сидели, разрабатывали свои планы...*

— Было, было...

— *Но как же так: лица в «обойме» политической элиты даже после событий 3–4 октября вроде почти те же, а правят нами иначе. Ну а каково будет нам, населению, коли подобный стиль станет нормой?*

— Жизнь россиян по большому счету зависит от того, какие из разумных законов удастся провести через Госдуму и какие из особенно опасных законов, которые уже приняты, удастся остановить.

— *Вам, депутатам, и карты в руки — разве не так?*

— Мы, само собой, будем костыми ложиться. Но, понимаете, Дума — это политический орган, в ней свой политический расклад. Скажем, есть блок коммунистов, аграриев и националистов — они запускают весьма опасные проекты законов. И мы эти документы стараемся останавливать, хотя это всегда отнюдь не просто. В деятельности Думы особенно важно сейчас для всех россиян принятие Гражданского кодекса. Вроде и не такой уж видный документ, а по существу это конституция частной собственности, нормальной рыночной экономики. Нам удалось провести этот документ в двух чтениях, это одна из серьезных побед в Думе. Сейчас мы будем добиваться, чтобы как можно быстрее принять его в третьем чтении. Вот тогда будет реально сделан серьезный шаг к стабилизации всей правовой системы в России.

— *И есть шансы без проволочки принять ГК?*

— Думаю, что да. Из других документов очень важен закон об акционерных обществах. Этот вопрос касается множества людей! Если человек не работает в АО, то покупает бумаги АО. А у нас до сих пор деятельность акционерных обществ регламентируется постановлением правительства — даже не законом! Мы внесли проект закона об АО, будем добиваться его скорейшего принятия. Далее закон о ценных бумагах: сколько сейчас скандалов было связано с тем, что отсутствует нормальное регулирование рынка ценных бумаг.

Никто не может сказать, что можно и что нельзя. Я сам готовил постановление по ценным бумагам 1991 г., сейчас оно устарело. Своеобразная битва предстоит в части аграрного законодательства. Во-первых, мы внесли свой проект земельного кодекса. Борьба будет очень непростая. А вопрос-то один — есть частная собственность или нет? Наш кодекс основан на том, чтобы институционализировать, четко закрепить, определить, гарантировать регулирующую, нормальную частную собственность на землю. Наши оппоненты, естественно, будут делать все для того, чтобы именно этого не допустить.

— *И каков он, расклад сил?*

— Тяжелый. Я думаю, нас будут поддерживать Союз «12 октября», «Яблоко», не исключаю, что по этому вопросу нас поддержит Травкин. Но очень важно, какую позицию займет небольшая фракция «Женщины России». Если они выступят против частной собственности на землю, то тогда, к сожалению, нам провести решение будет практически невозможно.

— *Они та самая мышка, которая репку вытянет?*

— Да, я с госпожой Лаховой разговаривал, еще буду. Абсолютно точно, что и аграрии, и коммунисты, скорее всего, и ЛДПР будут стоять насмерть.

— *Какие еще важные решения предстоит принять осенью Думе?*

— Есть один очень опасный закон — закон о сельскохозяйственной кооперации. Этаким замечательный закончик, маленький, совершенно вроде безобидный. На самом деле по своей разрушительной силе сопоставим с указом об отмене Юрьева дня. Там есть замечательный пункт о том, что если ты вступил в сельхозкооператив, то после этого у тебя то право, которое мы предоставили в конце 1991 г., — право выхода с землей и имуществом из кооператива — отнимается. Короче говоря, такой указик, который, по сути, ласково отменяет право выхода из колхозов, совхозов с землей. Нам говорят: они добровольно туда вступят, почему же надо запрещать? Это надо не знать, на какой земле ты живешь, как это делается. После того как Дума примет этот замечательный закончик, председатель колхоза созовет собрание и скажет: «Нам надо зарегистрироваться, подпишитесь, пожалуйста, а если ты не согласен, то я тебе свет, газ отключу, дров не дам». И после этого ты отказы-

ваешься от земли и за себя, и за сына, и за внука... Конечно, мы будем делать все возможное, чтобы такое решение заблокировать.

— *Кстати, о свете, газе, дровах, а еще — картошке: с чем пойдём в зиму?*

— Все это в общем без проблем, выходящих за рамки обычного бардака. Какие-то сложности, разумеется, возможны, но ничего ужасного нам не грозит.

— *А где те тонкие места, которые могут порваться?*

— Сегодня, как это ни обидно, опять денежно-финансовая система. И действительно может «порваться».

— *В денежно-финансовой сфере Вы сделали революционный шаг, который нашу экономику сильно продвинул вперед, — рубль стал конвертируемым. Сейчас курс скачет, происходят интересные вещи на бирже, но тем не менее как Вы оцениваете ситуацию конвертируемости, правильно ли был выбран путь?*

— Это длинный разговор. Внутренняя конвертируемость рубля — это реальность. И мы добились ее тогда, 3–4 октября 1993 г., когда россияне, особенно москвичи, сделали все, чтобы не допустить отката назад — к талонам, лимитам, запретам... Теперь, после всех тягот минувших лет, при всех житейских невзгодах немалой части населения, обдуманно двигаться вперед. Скажем, не сбиться на директивное установление фиксированного курса к доллару.

Сейчас, как и в событиях октября 1993 г., нужен решительный прорыв вперед — на главном направлении. Оно в установлении прогрессивного рыночного законодательства. Худо-бедно, а экономика наша уже заработала на рыночных принципах. А если мы хотим, чтобы отпала «красная угроза», чтобы Россия упрочилась на пути к финансовой стабилизации, то с принятием нормативных рыночных законов какая еще агитация за реформу нужна?

Эта ночь показала, кто чего стоит

— *Где Вы находились накануне попытки мятежа?*

— Я прилетел 2 октября из командировки. Было решено провести серию межрегиональных совещаний с представителями администраций и местных советов, и самая дальняя точка — Дальневосточный регион — выпала мне. Вернувшись в Москву, я узнал, что в субботу в городе были беспорядки.

В воскресенье, 3 октября, около 10 утра, в Кремле шло совещание у президента по итогам этих поездок. В Кремле собрались вице-премьеры, силовые министры, руководители администрации.

— *Как выглядел президент?*

— Президент выглядел нормально, спокойно. Совещание носило рабочий, я бы даже сказал, рутинный характер. Было ясно, что есть общая озабоченность, но неожиданностей не ждут.

— *А субботние беспорядки?*

— Ситуация в Москве специально не обсуждалась. Говорили больше про регионы — что общая картина складывается спокойная, провинция ждет, как решится вопрос в Москве, серьезного потенциала у оппозиции там нет. Было известно, что идут переговоры в Свято-Даниловском монастыре, идут тяжело, Верховный Совет дезавуировал соглашение, подписанное Соколовым и Абдулатиповым. Но что ждут от оппозиции крупных акций — такой информацией никто не делился. Может, ее не было у Министерства безопасности, а может, не хотели...

— *Где Вы узнали о начале мятежа?*

— Совещание закончилось около полудня, и я поехал к себе на Старую площадь. За время моего отсутствия накопилось много дел по вопросам экономики, и я хотел использовать воскресенье для разборки завала. В три часа ко мне пришел профессор Виктор

Стародубровский, очень хороший экономист, которого я попросил провести экспертизу принятых федеральных программ, чтобы вычленил принципиально важные и экономически сильные вещи. Во время нашей беседы — около четырех часов — мне позвонил один из активистов «Выбора России», Алексей Головков, год назад руководивший аппаратом правительства, и рассказал о бурном развитии событий и начале штурма мэрии. После этого телефон начал раскаляться.

— *Как Вы приняли решение обратиться за поддержкой к москвичам, позвать их на улицы? Ведь это же груз колоссальной ответственности.*

— Эта мысль родилась по оценке ситуации, сложившейся в Москве и в правительстве. Что было в полной мере видно к 19 часам? Приказы не проходят или проходят очень медленно. Подразделения внутренних войск не прибыли туда, куда они должны были прибыть, милиции на улицах почти нет, армия ведет себя пассивно. Не видно признаков активных действий сторонников президента, зато идут слухи, что оппозиция то один объект захватила, то другой.

— *В правительстве были паникеры? Или растерявшиеся? Или трусы?*

— Были, конечно, были. Называть имен я не стану, но были впадавшие в откровенную панику. Этот вечер хорошо просветил, кто чего стоит, кто готов держать удар, а кто нет, кто сразу примчался в правительство, а кто поспешил уехать оттуда. Достаточно спокойно вел себя Черномырдин. По крайней мере, не думал, как сдаваться. А в его приемной царили суматоха и паника. На половину восьмого вечера премьер назначил совещание правительства, но оно никак не собиралось. Общая обстановка была очень тягучей.

В этой ситуации есть две стратегии. Одна — в полной мере положиться на силовые структуры, не имея твердой уверенности, что они выручат, т.е. вверить судьбу российской демократии в руки случая. Другая — противопоставить нахрапу оппозиции собственную решительность и активность. В этот момент решался элементарный вопрос: мы победим — демократия будет, они победят — нет. Демократия слишком серьезное дело, чтобы полностью доверить ее генералам. Значит, надо звать народ.

Это было, конечно, страшное решение. В городе орудуют вооруженные банды, идет бой. Звать народ — это брать на себя ответ-

ственность за возможные жертвы. Но еще большая безответственность — отдать власть над своей Родиной в руки проходимцев, как это случилось в 1917 г.

У меня была неплохая библиотека эмигрантской литературы. Я перечитывал и поражался: как легко тогда взяли власть большевики. Были десятки тысяч офицеров, а защищать Временное правительство пришла лишь горстка юнкеров. Все думали: армия сделает, Краснов сделает, казаки... И никто не сделал. Я подумал, что это повториться не должно. И встали два вопроса: звать ли людей и как их вооружить?

— *Вы сами-то были вооружены?*

— У меня был пистолет как у члена правительства, но в этот день я не взял его с собой. Как говорится, знать бы, где упадешь, соломки б подстелил. Со мной были три вооруженных охранника, давно со мной работавшие, а их новый начальник благополучно исчез, и с тех пор я его не видел. А ребята остались со мной.

Я позвонил Ерину: на мой взгляд, в создавшейся ситуации нужно обратиться к москвичам за поддержкой. Ерин поддержал. Позвонил президенту. Президент согласен. Я созвонился с дружиной «Август-91», договорились, что людей нужно послать к Моссовету — это относительно удобно. Я по телефону через «Эхо Москвы» коротко обратился к москвичам с просьбой о помощи. Зашел к Черномырдину, сказал, что считаю целесообразным выступить по российскому телевидению («Останкино» к тому времени уже погасло). Позвонил Попцову, сказал, что сейчас приеду, и около девяти вечера выступил по «России».

— *Что случилось с армией, которая никак не могла прийти?*

— Это все совершенно понятно. Был высокий уровень деморализации, я звонил, мне отвечали: «Подкрепление идет». А никакого подкрепления не было. Сейчас есть данные о предательстве начальника Софринской бригады, тех, кто непосредственно должен был прийти на помощь. Ясно, что в таких ситуациях силовые структуры не желают нести ответственность, в геометрической прогрессии возрастает количество заболевших, телефоны ломаются, бензин кончается, машины выходят из строя. Это меня не удивило. И армию в последние годы убеждали, что она «вне политики». Вот и получилось, что защищать Министерство обороны позвали ребят

из Союза ветеранов Афганистана и, конечно, отряд «Витязь», отважно оборонявший телецентр.

Поэтому был важен фактор народной реакции, когда тысячи людей вышли на улицы, пошли к Моссовету, показали, на чьей стороне народ. И армия утром 4 октября почувствовала настроение народа: народ хотел, чтобы она помогла справиться с этой кучей бандитов. Убежден, что армии нечего стыдиться.

— *Что было у Моссовета?*

— Толпа там напомнила мне ту, в которой я стоял в августе 1991 г. у Белого дома, — те же глаза, добрые, умные лица. Но, пожалуй, настроение было более суровое. Я знал, что где-то здесь стоят мой отец, мой брат, мой племянник, мои друзья, соратники.

Я выступил от Долгорукого, сказал о ситуации, о необходимости организовывать дружины, «десятки», «сотни», помогать внутренним войскам, милиции. Потом я прошел к Лужкову, перезвонил Черномырдину, обменялись информацией. Я видел, как быстро приближается толпа, появляются элементы организованности. Ко мне подошел один священник, сказал, что в мэрии захвачен вице-премьер московского правительства Александр Брагинский, нужно его вызволять. Я дал поручения своим ребятам. И через несколько часов добились освобождения Брагинского.

Я еще раз выступил с балкона и поехал к Спасской башне (прошла одна информация и о таком месте сбора, люди поспешили и туда). Там ситуация тяжелее, организованности не было, и я после выступления позвонил Ерину и попросил по возможности прикрыть.

Пока я ехал — к Спасской, потом к себе на Старую площадь, — видел, как менялась Москва: много людей, появились костры, даже песни звучали.

— *В Кремль Вы не заезжали?*

— Нет. В районе часа я вернулся на Старую площадь. Там уже куча народу — Памфилова, Чубайс, Салтыков, мои помощники, советники. Приехал председатель правления Пенсионного фонда Василий Васильевич Барчук, бывший заместитель Павлова в союзном Министерстве финансов. Немолодой, с больным сердцем. Как только замолчало «Останкино», примчался с дачи в свитере.

Я еще раз позвонил президенту, сказал, что, на мой взгляд, ему было бы полезно самому поговорить с военными. Еще раз зашел

к Чернобырдину, тоже говорили об армии, и он сказал, что сам хочет поехать в Министерство обороны. Я сказал, что это очень разумно.

По состоянию на 3–4 часа ночи ситуация для меня выглядела так. Я видел Москву, она в баррикадах, люди организуются, звонят, спрашивают оружие. Иллюзия, что идет восстание против вражеского, не имеющего народной поддержки режима, полностью развеялась. Если армия придет на помощь, пожар гражданской войны будет потушен меньшей кровью. Если нет — макашовцы и баркашовцы все равно не прорвутся, но решение будет кровавым. В 5.30 утра позвонил президент и сказал, что переговорил с военными. Они будут действовать.

— Когда Вы вернулись домой?

— Вечером 5 октября.

— Почему Указ № 1400 был объявлен во вторник, а не в выходные, когда можно было просто закрыть Белый дом и никого туда не пускать? Почему о его содержании знала оппозиция?

— Я очень серьезно думал над этими вопросами. Тупиковая ситуация была очевидна почти всем, другого пути не оставалось, и лишь один вопрос — когда?

Я считал, что предельно важно спокойно занять в выходные дни Белый дом, не дать образоваться центру оппозиции. Почему сведения просочились — это не загадка. Значительная часть правоохранительных органов работала не на президента, а на оппозицию. И сейчас работает. Информация прошла, оппозиционеры мобилизовались, начали сознательно провоцировать — вспомните, как Хасбулатов, говоря о президенте, щелкнул себя по горлу. Все это было именно в предшествующие выходные. Я просил перенести — невозможно наступать, когда противник мобилизован. Но другого выхода не было — крайне маловероятно, что оппозиция «демобилизуется» к следующим выходным.

— В опубликованной главе своей новой книги, которая посвящена событиям годичной давности, Вы пишете, что «несколько подавлен» был Сергей Шахрай¹. Год назад многие тоже говорили, что он вроде бы был не в восторге от Указа № 1400.

— Нет, Шахрай был озабочен теми же вопросами, которые только что задали Вы. Он не мог не переживать. Настроение, конечно,

было отвратительное, но действовать нужно было в рамках данной реальности.

— В Ваших воспоминаниях мелькает фамилия Скокова, которому Руцкой будто бы хотел предложить пост «премьер-министра Белого дома». И из-за него якобы разгорелись сегодняшние кремлевские страсти среди президентских помощников.

— В записках, найденных в Белом доме, значились три кандидатуры на пост премьера, и среди них Скоков. Но думаю, что не по его инициативе. Он человек осторожный, осмотрительный и в Белом доме (где, кстати, находился его служебный кабинет) в те дни не появлялся.

Когда на седьмом съезде встал вопрос, кто будет премьер-министром — Чернобырдин или Скоков, — и президент спросил мое мнение, я ответил: «Скоков — это наихудший вариант». С тех пор я своего мнения не изменил.

— Вы обратились к москвичам за поддержкой, а группа журналистов «Взгляда», наоборот, призвала их сидеть дома и спать. Как Вы относитесь к таким заявлениям?

— Надо посмотреть, что лежало тогда на весах. Если бы решался вопрос, допустим, о процентной ставке, позицию «чума на оба ваши дома» я бы прекрасно понял и даже отнесся к ней с уважением.

Но вот молоденькой российской демократии три годика. Больше ей ни разу в истории не было. И стоит вопрос: будет ли ей больше, чем три года? Или отдадим страну погромщикам и фашистам? Разговоры на эту тему комичны. Хотя, конечно, есть и такая позиция: не бороться, забиться под кроватьку, дело-то опасное.

— Недавно Руцкой, выступая по тому же самому российскому телевидению, назвал Вас щенком. Вы будете подавать в суд на бывшего вице-президента?

— Во-первых, как известно, ругань есть следствие слабости и отсутствия аргументов. Я не буду подавать в суд на Руцкого, он мне неинтересен.

Во-вторых, он говорит, что я боюсь встретиться с ним в прямом эфире. Я встречался с ним в прямом эфире и имел продолжительную беседу. Удовольствия мне это не доставило, не доставит и сейчас, но дело не во мне. Как человек он меня не волнует, но как бывший вице-президент, бывший генерал, один из лидеров оппозиции

¹ См.: Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. Гл. «Схватка». М., 2011. — Прим. ред.

он достаточно опасен. Поэтому я готов с ним встретиться, ответить на его вопросы и задать свои. Мне есть о чем его поспрашивать.

— Как бы Вы, Егор Тимурович, год спустя охарактеризовали те события?

— Все почему-то забывают о предпосылках. Как будто история началась 21 сентября 1993 г., когда президент «неожиданно» бухнул Указом № 1400. Как будто не было страшной борьбы в условиях двоевластия.

Я жил в 1992 г. в условиях двоевластия, эта штука ничего хорошего дать не может. Правительство не способно ничего делать, потому что существует фактически второе правительство — в Верховном Совете. Всюду хаос, беспорядок и паралич государственной власти. Ясно, что государство в таких условиях долго не продержится.

Я напомним: в декабре 1992 г. я ушел в отставку по достигнутому компромиссу: «Новый премьер — референдум по Конституции». Это был многостатейный компромисс, принятый Ельциным, Хасбулатовым и Зорькиным. Я согласился, советовал президенту этот компромисс принять. Но получив нового премьера, оппозиция тут же забрала свое согласие обратно: «Ни хрена не будем ставить вопрос о Конституции». Потом уломали их все-таки на референдум, но они добавили вопросы — спрашивайте, мол, народ о доверии президенту и его идиотской экономической политике.

Проходит референдум, президент и его экономическая политика получают доверие, казалось бы, все ясно. А оппозиция говорит: «Ни черта не ясно, не отдадим власть, будем приватизировать свои квартиры». Все время забывают, как будто ничего этого не было еще несколько месяцев назад.

Есть дух закона и буква закона. Когда депутаты приватизировали свои квартиры, они действовали в полном соответствии с буквой закона. Но в полном соответствии с буквой закона можно было принять и «закон о наследственном депутатстве», который как шутку запустил мой коллега по «Выбору России» Сергей Юшенков. «Мы, депутаты, и есть весь закон» — эта логика была видна всей России. Почему президент и получил поддержку на референдуме в апреле. Когда буква закона превалирует над духом закона, это издевательство над принципом народоправства. Все это было видно в 1993 г. Почему же сейчас об этом забывают?

Нажмешь на гашетку — а выстрел через пять месяцев

— Егор Тимурович, мы беседуем с Вами в годовщину октябрьских событий 1993 г. Все помнят Ваш призыв к москвичам в ночь с 3-го на 4 октября выйти на улицы города, чтобы защитить демократию. Однако этот поступок был воспринят в обществе далеко не однозначно. А как сегодня, спустя время, Вы расцениваете его? Чисто по-человечески Вы приняли бы еще раз такое решение?

— Несомненно. Вопрос, который решался тем вечером, предельно простой: быть или не быть демократии в России? Это чисто по-человечески для меня очевидно и, насколько я понимаю, для многих людей тоже.

Защита демократии в твоей стране не такая штука, которую можно кому-то поручить. Нельзя сказать: извините, по должности я отвечаю за экономическую реформу, а безопасность — компетенция иных министерств, к ним и обращайтесь. Так могут вести себя лишь наивные или безответственные люди.

К тому же полагаться только на силовые структуры, когда речь идет о гражданской войне и защите демократии, крайне опасно, что в высшей степени убедительно показала история нашей страны.

Можно сказать, что да, реальная угроза демократии тогда была. Тяжелой ценой, но ее удалось отвести, и, по моему глубокому убеждению, во многом благодаря тем людям, которые вышли вечером на улицы Москвы.

Мой поступок был продиктован гражданским долгом, мне никто никуда не велел ехать. Конечно, я сказал о своем решении президенту, премьеру, министру внутренних дел, все они меня поддержали, но это была моя инициатива. Я прекрасно осознавал груз

Интервью брала Галина ПОЛОЖЕВЕЦ.

Опубликовано в: Век. 1994. 7–13 октября.

своей ответственности, когда звал мирных людей выйти в воюющий город, где полно вооруженных боевиков. Но ясное понимание огромной угрозы, которая тогда нависла над страной, не позволило мне мучиться гамлетовскими сомнениями. Год прошел — в России сохранилась демократия. Может, даже чересчур. Когда смотришь по телевизору Руцкого или Баркашова, думаешь, не многовато ли? Но то, что демократия есть, — это очевидно.

— *Демократия, Вы полагаете, сохранилась, а наши реформы? Одни говорят, что процесс стабилизации уже начался и экономический бум ждет Россию уже в 1995 г. Другие утверждают, что промышленный спад продлится еще как минимум год. Как Вы расцениваете нынешнюю экономическую ситуацию?*

— Очень серьезная ошибка многих — активное использование валовых данных объемов производства при оценке нынешней экономической ситуации. То, что происходит на протяжении последних 2–3 лет в России, бывших республиках Союза, восточноевропейских странах, вообще невозможно с точки зрения традиционных представлений рыночных экономик. Не бывает так, чтобы производство падало, а потребление многих товаров росло, равно как и реальные доходы населения, как вышло у нас. Не бывает, скажем, и такого — производство в одной стране упало намного больше, чем в другой, а при этом уровень жизни в первой явно выше. Но так получилось в Латвии и Белоруссии. Уровень падения производства в Белоруссии гораздо меньше, а зарплата в долларовом исчислении там всего 20 долл., а в Латвии — 125. Эти явления вызывают массу недоумений, но они вызваны тем, что постсоциалистические экономики действуют ненормально, имеют свои особенности и закономерности. И одна из них, очень забавная, связана именно с показателями объемов производства, наименее информативными сейчас.

Что, собственно, происходит? Когда говорят об объеме производства, обычно имеют в виду его осмысленность, т.е. если вы что-то производите, это покупают. Мы же сформировали и у себя, и в восточноевропейских странах феноменальные структуры, где колоссальная часть производимого никогда никому не была нужна. Не говоря уже о том, что подавляющую часть экономики занимал военный сектор, мало связанный с благосостоянием. Именно поэтому возникает ситуация, когда падение объемов производства никак не сказывается на уровне жизни или стабильности экономики.

На самом деле важно не насколько сокращается производство ненужной продукции, а начинается ли производство новой, необходимой. Цифры валового объема производства скрывают два процесса — падение того, что не нужно, и начинающийся или неначинающийся рост того, что нужно и можно продать. Существенны именно эти микроструктурные сдвиги, а динамичный рост производства происходит только после того, как вы достигаете финансовой стабилизации. Например, в июле — августе 1992 г. у нас с эстонцами были абсолютно одинаковые темпы инфляции, ничего отличного не было, правда, их Верховный Совет поддерживал курс правительства. Эстония сделала строго то, что мы хотели делать в 1992 г., потом наши пути разошлись. У них промышленный рост начался в 1994 г., у нас, поскольку мы пытались проводить мягкую политику, поддерживать производство, промышленность не работает.

На самом деле сегодня ключевой вопрос — это устойчивость финансово-денежной политики.

— *Ваши оппоненты называют Вас жестоким, упрекая, например, в том, что в 1992 г. из-за курса на финансовую стабилизацию люди лишились своих денежных сбережений. Как Вы относитесь к такой оценке?*

— Спокойно, как к неправильной, но неизбежной. Мне хотелось бы знать, в какой из постсоциалистических стран пришедшее правительство сохранило эффективность сбережений. Если бы я узнал такую, меня, возможно, стали бы мучить угрызения совести. Сбережения более или менее сохранились там, где носили реальный характер, а денежная политика была гораздо жестче, чем мы могли осуществлять в России. Скажем, в Чехии. Вклады и у них серьезно обесценились, но более умеренно, чем у нас, из-за того, что там предшествующее коммунистическое правительство не разворовало золотой и валютный резервы, не набрало кредитов.

Правительство делает не то, что хочет, а что может. Чем мы могли подкрепить эти вклады, ведь за ними что-то должно стоять? Наши последние коммунистические правительства разбазарили золотой резерв на 80%, а валютный на 100%. Мы пришли, открыли сейф, там ничего нет. Все боялись открыть: не дай Бог, только не я. Никто не хотел отвечать. Ни Горбачев, ни Рыжков. Мы открыли его, посмотрели — пусто и сразу сказали народу, что нет у нас ни золотого, ни валютного резервов, что вклады людей ничем не обеспечены, они пустые.

Когда люди этого не понимают — ладно, они не обязаны понимать. У них государство взяло деньги, неважно какое, оно уже в некотором смысле их разбазарило. Меня больше всего умиляет, когда коммунисты делают это своим стержневым моментом пропаганды. Вот уж поистине ирония судьбы. Политическая сила, разворовавшая сбережения населения, теперь выступает в роли главного плакальщика по поводу этих денег.

— *На пути к рынку мы почти потеряли науку, образование, медицину, культуру. Нередко это объясняют неизбежными издержками борьбы с инфляцией. Возможно ли, укрощая ее, одновременно решать и социальные проблемы?*

— Можно. Непросто, конечно, но можно. Существует миф, что наши инфляционные проблемы связаны с тем, что мы много финансируем эти сферы. Но на самом деле у нас расходы на социальный комплекс отнюдь не велики. Если говорить о стратегических задачах страны, то нужно не сокращать, а увеличивать расходы на медицину, образование, культуру. Но необходима одна предпосылка. Нельзя этого сделать, если по-прежнему расходовать на дотации предприятиям, скажем, в 20 раз больше, чем на поддержку отечественной науки, если продолжить пускать на оборонные расходы половину налоговых поступлений. Пока вы делаете эти две вещи, очень трудно защитить социальную сферу. Все упирается в простой вопрос: сумеем ли мы сократить дотации и начать военную реформу? Если да, то тогда постепенно дорога к увеличению финансирования социально-культурной сферы открывается. Если нет, то все разговоры на эту тему пустые.

— *Весной Вы охарактеризовали экономическую политику правительства как скучную безнадежность, поскольку темпы инфляции были слишком велики, чтобы надеяться на серьезные кредитования в развитие производства. Сохранялась эрозия налоговой базы, объем государственных обязательств не сокращался, и потребность в эмиссионном финансировании тоже была высока. Ваше мнение с тех пор изменилось?*

— Нет. Появилась очень серьезная угроза — рост денежной массы в апреле, который может блокировать наш шанс на экономический подъем. Да, в последние месяцы инфляция была невысокой, но есть лаговые зависимости. В экономике происходит так: сначала ты нажимаешь на гашетку, а выстрел раздается спустя 4–5 меся-

цев. Эта особенность часто вводит многих в заблуждение, особенно неэкономистов, мол, вот ведь кнопка нажата, а все вокруг спокойно, тихо, цветочки цветут.

Инфляция в сентябре должна быть выше августовской, это неизбежно. Но сейчас ситуация вариантная, очень много будет зависеть от того, что сделает осенью правительство.

— *В прошлом году, отвечая на вопросы «Века», каким видится будущее Ваших детей, Вы сказали, что в России сегодня все зависит от политики. Экономических загадок, как сделать ее богатой страной в течение жизни одного поколения, нет. Все упирается в правительственный курс. Что же должно сделать правительство? Верен ли его курс?*

— Сейчас у нас не один, а несколько экономических курсов в разных областях экономики. Одна стратегия — в области приватизации, вполне понятная мне, с упорядочением отношений собственности. Другая — в области аграрных отношений, где сохраняется курс на консервацию колхозно-совхозного строя, госмонополию на сельхозпродукцию, дотирование этого сектора. Третья — в области внешнеэкономической деятельности, где растет протекционистское давление, чтобы заставить отечественных потребителей платить за низкую эффективность отечественных производителей. Короче говоря, у нас есть несколько курсов и каждый из них имеет свои следствия. Вот, по-моему, самая серьезная проблема нынешнего правительства.

Что бы сделал, если бы директором был я? Несколько вещей. Первое. Как можно быстрее начал бы реорганизацию госаппарата. Он страшно раздут, стал помпезным, неэкономичным. Беда его даже не в том, что слишком дорогой, а в том, что работники аппарата являются постоянным источником давления для выбивания из государства побольше денег. Я категорически увязал бы выделение любых форм финансовой поддержки из федерального бюджета местным органам власти с предоставлением четких и развернутых программ сокращения местного аппарата, который разбухает еще быстрее, чем федеральный.

Второе. Я бы принял меры для ускорения аграрной реформы, для обеспечения реальных прав колхозников, поддержки частного сектора, становления системы сезонного кредитования, воссоздания крестьянских банков, оптовых организаций в сфере аграр-

ного производства и т. д. Резко сократил бы объем бессмысленного финансирования отдельных направлений аграрной политики. Ну с какой стати государство должно быть главным покупателем зерна, оно ведь не закупает все шкурки, лес, нефть? Вместо того чтобы финансировать нищие науку, культуру, здравоохранение, неизмеримо большие деньги отпускаются на то, чтобы закупить все зерно, потом свезти его государству, делить и дотировать. В чем смысл? В том, чтобы хлеб стоил дороже? Для меня один ответ: слишком много всего прилипает к рукам по дороге.

Третье. Военная реформа. Ну зачем нам такая армия? Совершенно безумно держать армию, которая недофинансирована. Нужна серьезная военная реформа, позволяющая превратить Россию в страну с сильной, компактной, хорошо вооруженной, высокооплачиваемой и социально защищенной армией.

Из всего этого — первого, второго, третьего и еще нескольких мер — автоматом складывается финансовая стабилизация. Финансовая стабилизация сегодня — это проблема раздутого бюджета из-за безумных дотаций, неэффективной политики и очень больших оборонных расходов.

Что касается производства, то первая предпосылка сейчас для его роста — инвестиции. А инвестиции — это не запретительно дорогие кредиты. Дешевые кредиты — это низкая инфляция. Она в свою очередь означает низкие темпы роста денежной массы. Низкие темпы роста — это ограниченные объемы бюджетного дефицита. Ограниченные объемы — значительное сокращение существующих бюджетных расходов. Так что все завязано в одно колечко.

— Видимо, осознав, что в России сейчас правит бал скорее не экономиста, а политика, Вы создали партию «Демократический выбор России». Известно, что ее опора — предприниматели, интеллигенция и квалифицированные рабочие. А каковы ее идеалы?

— Мы за демократическую Россию — за страну, где защищены демократические свободы и права человека, где государство существует для общества, а не общество для государства. Мы за страну, которая защищает собственные интересы, но не является угрозой для своих соседей. За страну, где надежно защищена частная собственность и нет всевластия бюрократии. Страну, которая богатеет, потому что богатеют ее граждане. Короче говоря, мы поддерживаем общечеловеческие идеалы.

Бомба взорвалась. Куда упадут осколки — неизвестно

Как всегда, в трудных для страны ситуациях журналисты поспешили к Егору Гайдару, тем более что три недели назад он прогнозировал случившееся¹. В его институте вчера были замечены некоторые люди президентского окружения. Судя по звонкам, услышанным в приемной, с ним хотели говорить и из Кремля, и из Белого дома. Вчера вечером Егор Тимурович принял корреспондента газеты «Вечерняя Москва» и нескольких моих коллег. Публикуем фрагменты беседы.

— Я бы не допустил такого развития событий, — заявил Гайдар. — Повышать процентную ставку надо было еще три недели назад. Немедленно следует снизить темпы роста денежной массы — в октябре и ноябре по нулям. Это потребует серьезнейших бюджетных корректировок.

— Быть может, следует прекратить торги?

— Категорически нет!

— Ходят упорные слухи, что падение рубля спланировано с целью «скинуть Черномырдина». Утверждают также, что эти меры понадобились для «защиты» отечественных производителей от импорта.

— Избыточные гипотезы не нужны — сама по себе денежная политика последних месяцев с неизбежностью вела к дестабилизации. Я абсолютно не исключаю и возможности сознательной игры на понижение курса.

Но лично для меня и без этого все понятно. У меня нет убедительных доказательств и, значит, нет никаких оснований утверж-

Интервью брала Нэлли МАРИНИЧ.

Опубликовано в: Вечерняя Москва. 1994. 12 октября.

¹ Речь идет о событиях, связанных с так называемым черным вторником 11 октября 1994 г., когда рубль сразу подешевел примерно на четверть. Это было результатом «умеренно жесткой» (как говорили тогда) политики правительства Черномырдина, на деле постоянно уступавшего проинфляционному давлению Государственной думы. — Прим. ред.

дать что-то другое, кроме экономических, финансовых причин, кроме создания правительством и Центробанком огромного денежного навеса.

— *Будет ли отправлено правительство в отставку?*

— Прежде всего считаю, что обвальное падение рубля подводит решительную черту под противоречивой политикой, проводимой правительством до сих пор. Пришла пора определиться. Если мы не хотим потерять все, что было достигнуто, нужно определиться.

Я не исключаю, что те же политические силы, которые, по сути, подтолкнули правительство к очень опасным решениям, приведшим сегодня к развалу валютного рынка, как и следовало ожидать, первыми потребуют правительство к ответу по существу за то, что оно уступило их нажиму. Это в первую очередь две фракции, выигравшие битву за бюджет нынешнего года, — аграрии и коммунисты. Именно они в конце апреля добились от правительства дополнительных 10 трлн руб., именно после этого темпы роста денежной массы возросли вдвое.

Предвижу, что будет истерика, будут предложения, например, введения фиксированного курса. Для оппозиции это стандартно: сначала заставляют напечатать много денег, потом растет спрос на валюту, потом летит рубль, вводится фиксированный курс, после этого рубль перестает быть конвертируемой валютой и становится деревянным. Потом его надо делить, под это нужна совсем другая система управления экономикой. Приехали туда же, откуда выехали. Так что есть и такой вариант развала российской экономики. Дума такое решение, по-моему, все же не примет, как не примет и решения по отставке правительства. Хотя предложения будут.

Мы имеем массу претензий к нынешнему Совмину. Мы готовы сформировать другое правительство и решить проблемы, возникшие сегодня. Но надо четко представлять, что это правительство — результат выборов 12 декабря 1993 г. При всех недостатках и огромных ошибках нынешнего правительства я очень серьезно опасаюсь, что если «Выбор России» станет в позу и вместе с коммунистами и фракцией Жириновского поддержит предложение об отставке, то на следующий день мы будем иметь Совмин, который действительно может привести нас к национальной катастрофе.

— *Но все чаще на премьерское место прочат Скокова.*

— С огромным интересом читал его меморандум и никак не мог понять, в чем состоит его экономическая позиция, понять на уровне технологии, на уровне того, что я понимаю, — принятие конкретных решений, финансирование, кредитование, курс рубля, законодательство, налоги. На мой взгляд, такое назначение было бы очень опасным для России и экономически, и политически. У многих есть ощущение ложной стабильности: все вроде устоялось — демократия, рынок, магазины всегда такими будут, свобода слова всегда будет. Но демократии у нас три года, а рынку — еще меньше. Ничего в России не гарантируется.

— *Не повлиял ли на ситуацию крах «МММ»?*

— Совершенно в это не верю. Гораздо больше повлияло беспечное и неграмотное мнение, если помните, царившее летом во всех без исключения эшелонах власти. Пошли разговоры: «У нас слишком низкая инфляция. Даже опасно низкая. Ну, подумаешь, была бы она на 1,5% выше, эка невидаль, подняли бы зато сельское хозяйство». Было просто страшно и неприятно слушать этот дикий и непрофессиональный бред.

— *Но кое-кто считает, что в падении курса есть и приятные для экономики аспекты: выгоднее экспортировать российское сырье, например.*

— Если отрубят голову, то очень удобно: шляпу покупать не надо. Да, есть выигравшие группы производителей. Но нас постигла такая финансовая катастрофа, последствия которой являются очень тяжелыми для населения и всей экономики. Теперь ясно: еще долго не будет долгосрочных кредитов, будут ограничены национальные сбережения, шансы для получения инвестиций резко идут вниз, поток инвестиций, который уже пошел в страну, резко сократится. Короче говоря, это серьезный удар по перспективам России в 1995 г.

— *А если Вас, Егор Тимурович, вновь попросят в Совмин спасти ситуацию?*

— Это осеннее приглашение мусорщика было бы уже комично.

Гайдар: Демократия в опасности!

Бывший премьер-министр предостерегает: свобода и рынок хрупки. Нет заговора Центрального банка, напечатано слишком много денег. Риск инфляции.

От нашего корреспондента, Москва.

— Эта ситуация очень опасна для России. Есть иллюзия политической и экономической стабильности, которая может ввести нас всех в заблуждение. Кажется, что все функционирует — демократия, рынок, магазины, полные товаров, биржа. Однако нельзя забывать, что российской демократии только 3 года, она молода, хрупка. Рынку еще меньше. Ничто их не гарантирует. Поэтому падение рубля является сигналом, который должен нас насторожить: денежная катастрофа стала реальной. Если не хотим потерять все наши завоевания последних лет, если не хотим потерять рынок, который функционирует, потерять предпосылки здорового роста, которые уже начинали проявляться, то мы должны занять резкую позицию: борьба с инфляцией не признает компромиссов...

Егор Гайдар, как всегда, говорит ясно и недвусмысленно. Но происшедшее 11 октября падение рубля на обменном рынке побудило бывшего русского премьер-министра отказаться даже от осторожности, присущей государственному деятелю, внимательному к собственным высказываниям и контролирующему эмоции. Потому что он, отец либеральной реформы, принесенный в жертву Борисом Ельциным из-за своей неуступчивости, в нынешней денежной катастрофе видит прежде всего угрозу мечте сделать Россию настоящей экономической демократией западного типа.

— Егор Тимурович, в чем причина такого резкого краха?

Интервью брал Паоло ВАЛЕНТИНО.

Опубликовано в: Коррьерэ дэлла сэра (Милан). 1994. 12 октября.

Перевод с итальянского — Е. М. Чернавки.

— То, что сейчас происходит, является последствием массовой денежной эмиссии, осуществленной правительством весной этого года под давлением аграриев и коммунистов. Основу для дестабилизации рубля заложила нестабильная и противоречивая денежная политика последних месяцев.

— *А что Вы думаете о теории политико-экономического заговора с целью снижения курса рубля, осуществленного руководством Центрального банка в союзе с промышленниками?*

— Теория политического заговора — излишняя гипотеза. Нет необходимости в каком-либо заговоре, чтобы объяснить то, что произошло. Мне все ясно. Конечно, не могу исключить, что вокруг рубля проводились какие-то политические и спекулятивные маневры. Совершенно точно есть те, кто надеется заработать влияние и деньги на обесценивании рубля, хоть у меня и нет доказательств этого. Но это в любом случае имеет небольшое значение: повторяю, все предпосылки обесценивания рубля имеют экономический характер и их можно было легко предвидеть.

— *В чем сейчас состоит, по Вашему мнению, первоочередная опасность?*

— Наибольшая опасность связана с неизбежным риском ускорения инфляции. Курс рубля находится в тесной взаимосвязи с ценами на импортируемые товары, ценами на местную продукцию, которые остаются стабильными благодаря конкуренции, и ценами на экспортную продукцию, такую как металлы, вот почему падение рубля дает сильный инфляционный толчок всей российской экономике.

— *Что бы Вы сделали, если бы сейчас были премьер-министром?*

— Я бы не допустил такого развития событий: обязательным было бы немедленное повышение учетной ставки, решение об этом Центральный банк должен был принять еще две недели назад. Это необходимо и возможно осуществить и сегодня. Также является необходимым резкое, даже жесткое сокращение денежной массы в обращении: ее рост в течение октября и ноября по возможности надо свести к нулю. Это, конечно, потребует внесения серьезных изменений в государственный бюджет.

— *А как насчет того, чтобы приостановить операции обменного рынка на одну-две недели, как предлагает, например, известный экономист Шмелев¹?*

¹ Николай Петрович Шмелев (р. 1936) — российский экономист и литератор, академик РАН. — Прим. ред.

— Нет, не думаю, что это может помочь.

— *Поговорим о возможных политических последствиях. Завтра в Думе намечаются дебаты. Возможно ли, что действующий премьер подаст в отставку? Некоторые говорят, что уже разгорается правительственный кризис, это так?*

— Нет. Мы наблюдаем острый кризис экономической политики данного правительства. Но и отставка правительства не исключена. Я не удивлюсь, если увижу в первых рядах среди требующих его распятия те самые политические силы, которые в апреле подтолкнули правительство к решению увеличить расходы, оказавшемуся самоубийственным. Мы за многое критикуем нынешнее правительство. Команда Черномырдина должна признать собственные ошибки и перестать использовать политику двойного бюджета — бюджета обещаний и бюджета реальных затрат. Необходим честный бюджет, и, естественно, должны уйти в отставку те, кто создал эту ситуацию. Если это будет невозможно, мы, демократические силы, готовы сформировать альтернативную команду, чтобы справиться с проблемами решительным образом.

— *Вернемся к рублю: почему правительство и ЦБ решили не поддерживать рубль?*

— Эффективная защита курса может быть осуществлена только в условиях неограниченных резервов. Это, конечно, не случай России.

— *Сколько же действительно стоит рубль?*

— В течение этих лет на фоне снижения номинального курса рубля в России происходил постепенный рост его реального курса. Это можно проследить по заработным платам, выраженным в долларах США: в 1992 г. средняя заработная плата составляла около 30 долл., в декабре 1993 г. она возросла уже в 2 раза. В начале 1994 г. средний уровень цен в России равнялся 30% американского, а в июле поднялся до 36%. То, что произошло сегодня, неизбежно потянет нас вниз, таким образом, упадет и средняя заработная плата, выраженная в долларах: вот почему в настоящий момент мы совершаем огромный шаг назад на пути к равновесию внутренних цен с внешними.

— *На каком уровне остановится падение?*

— Это так, как если взрывается бомба. Откровенно говоря, не знаю, что ответить. Думаю, стабилизировать курс доллара можно, но необходимо действовать быстро и решительно.

За ошибки правительства расплачиваются все

Ровно за две недели до памятного «черного вторника», когда в глубокий нокдаун была отправлена национальная валюта, Егор Гайдар высказал на встрече с журналистами опасения по поводу возможного развития событий на финансовом рынке страны. Увы, опасения его оправдались, и вполне естественно, что мы не могли не коснуться этой темы во время беседы с лидером фракции «Выбор России» в минувшую пятницу.

— За стабильной динамикой курса рубля, к которой мы привыкли за последние месяцы, стояло несколько простых вещей: в рубле стало выгоднее вкладывать, чем в доллары — процентная ставка была выше, правительство с осени прошлого года стало чуть меньше печатать денег. Рубли перестали пропадать с инфляцией, люди уже не бежали от национальных денег, и стали появляться маленькие ростки стабилизации.

Но, к сожалению, нашлось очень много людей, которые всеми силами постарались развалить эти неустойчивые, только-только появившиеся ростки стабилизации. Пошли разговоры — в высшей степени непрофессиональные — о том, что, видите ли, инфляция у нас слишком низкая, эка невидаль 5%, можно бы и 6,5%, а там поддержали бы промышленность, сельское хозяйство и т. д. Говорили об этом, не понимая, что удар по национальной валюте — это всегда в конечном счете удар и по промышленности, и по сельскому хозяйству.

С апреля правительство начало постепенно сдаваться и существенно увеличило объем печатания денег. Когда в июле — августе оно закачало в экономику 13 трлн руб. якобы под «севера и сельское хозяйство», все умные люди в ЦБ и Минфине понимали: это колоссальное количество денег ни на какие севера не пойдет, а пойдет на валютный рынок!

Интервью брала Виола ЕГИКОВА.

Опубликовано в: Московская правда. 1994. 18 октября.

А дальше Центробанк допустил ряд очень серьезных ошибок в управлении кризисом. Если уж дали 13 трлн, надо было сразу повысить ставку по рублевым депозитам, не ждать, пока обвалится курс, а сделать это в августе. ЦБ же до «черного вторника» так и не принял решения о повышении процентной ставки. Более того, он дал согласие Сбербанку на снижение процентной ставки по депозитам населения, что было уже абсолютно недопустимо.

Далее. У Центробанка были значительные валютные резервы, мы их создали за два года. Коммунисты нам оставили ноль, а мы накопили 5 млрд долл. — это то, что позволяло управлять рынком, если только не делать фатальных ошибок. Центробанк же, напечатав 13 трлн пустых денег и не подняв учетную ставку, начинает держать курс, используя валютные резервы. Центробанк абсолютно без толку выбрасывает 3 млрд долл., а потом говорит: извините, деньги кончились, больше ничего не могу сделать. Это, вполне естественно, влечет панику, полностью дестабилизированный валютный рынок, высокие инфляционные ожидания, огромные возможности игры на повышение и понижение курса рубля. Таким образом, нанесен тяжелейший удар по перспективам экономического оздоровления страны и благосостоянию граждан.

— *Вы считаете все это результатом непрофессиональных шагов и исключаете сознательный расчет?*

— Без сомнения, надо говорить о главном факторе — это политическая слабость правительства, которое пошло на уступки аграриям и коммунистам. Это и стимулировало кризис. Мы предупреждали весной: бюджет завышенный, не будет таких доходов, чтобы его профинансировать! А если профинансируете, получите ускорение инфляции и дестабилизацию валютного курса.

— *Вы сказали об экономических последствиях, но есть и политические. Недоверие к власти здорово усилилось за эти дни.*

— Оппозиция всегда будет играть на подобного рода проблемах и всегда будет подталкивать правительство к возможным ошибкам, чтобы затем извлечь из них максимальные дивиденды. Это прекрасно видно по событиям последней недели, когда выяснилось, что именно те силы, которые стимулировали кризис, вроде бы ни за что и не отвечают.

Что же касается демократов, я рад, что во вторник в Думе пройдет заседание демократических фракций для обсуждения принци-

пиально важных вопросов, касающихся правительства и Гражданского кодекса. Это первое совместное обсуждение для выработки единой позиции и, я надеюсь, не последнее.

— *Ваша фракция не раз выступала с критикой правительства, не пора ли перейти в открытую оппозицию?*

— Понимаете, самое легкое — уйти в оппозицию и сказать: «Я за это вообще не отвечаю». И главное, действительно не отвечаю, потому что наши возможности влиять на ситуацию предельно ограничены. Вам не нравится правительство? Нам тоже. Так давайте выигрывать следующие выборы!

Но надо отдавать себе отчет в том, что, если мы не поддержим правительство сегодня, есть огромный риск того, что власть окажется в руках людей, которые действительно раскурочат экономику и все то, что мы сумели сделать. Вы помните 1991 г.? И я его хорошо помню. Так вот мне очень не хочется, чтобы в результате моих красивых жестов через три месяца у нас была ситуация, как в конце 1991 г. Наша главная задача сейчас — не дать развалить экономику. Ведь самое забавное заключается в том, что развалят экономику наши враги, а ответственность за это все равно будем нести мы. Сколько раз мы предсказывали сегодняшнюю ситуацию, разве что только криком не кричали, а многие сейчас будут утверждать, что все это последствия реформ, вина рынка, Гайдара и т. п. И очень многие в это поверят...

Надо выигрывать выборы. Что говорить людям, чтобы они нас поддержали? Как всегда, правду. А правда в том, что будущее страны все равно за нами, что нет у нее иного пути в цивилизованную жизнь, чем тот, который мы предлагаем, что очень много ответственных и разумных людей это понимают и, несмотря на то что они часто с большим основанием поругивают власть, у них нет никакого желания возвращаться назад.

Но сегодня много, очень много зависит от единства наших действий при подготовке к выборам. За нами правда, но это сложная правда. Выйти на площадь и проорать, что во всем виноваты жидомасоны, для этого ни ума, ни организации не надо. Для того же, чтобы объяснять, что же на самом деле происходит, нужно очень многое. Вот почему я бы хотел, чтобы как можно больше достойных людей пришло к нам, в партию «Демократический выбор России». Вместе мы сумеем отстоять будущее страны.

Ответы Е. Т. Гайдара. Подготовлено для «Вестника ДВР»

Вопрос 1. Согласны ли Вы с заключением президента, что экономический спад пошел на убыль и в недалеком будущем можно рассчитывать на подъем производства?

— Темпы падения производства в 1994 г. были очень высокими, более высокими, чем в любом другом. Тем не менее само по себе это не имеет прямого отношения к тому, создаются ли предпосылки экономического оздоровления. Огромная часть производства в бывшем Советском Союзе была производством ради производства — ненужным и неэффективным. Его сокращение не является основанием для суждений ни о негативных, ни о позитивных сдвигах в экономике.

Для того чтобы говорить об улучшении, необходимо наблюдать два перекрещивающихся процесса: с одной стороны, свертывание ненужного и неконкурентоспособного производства, с другой — концентрацию ресурсов в тех производствах, которые являются эффективными и производят качественную продукцию, пользующуюся спросом. Для решения второй, особенно важной задачи необходимы в первую очередь инвестиции, деньги, чтобы профинансировать потенциально эффективные производства.

Капитальные вложения не берутся «ниоткуда». Для осмысленного инвестирования необходимы рост частных сбережений, снижение процентной ставки, увеличение доли долгосрочных кредитов.

Самое позитивное, что действительно происходило в 1994 г., — это постепенное формирование таких предпосылок. Жесткая финансовая политика конца 1993 — начала 1994 г. проложила дорогу к снижению темпов инфляции, а следовательно, и к ряду положительных экономических процессов, открывающих путь к эконо-

мическому оздоровлению. Именно на этой базе начали идти вниз процентные ставки, расти доля сбережений в денежных доходах населения и доля долгосрочных кредитов. Короче говоря, ситуация, которая начала складываться к лету, позволяла надеяться на формирование базы для роста вложений в структурную перестройку экономики уже осенью и зимой 1994 г.

К сожалению, правительство не удержалось на позициях осмысленной финансовой политики. После значительных кадровых изменений, а точнее, с апреля денежная политика была существенно ослаблена. Соответственно к августу начала расти процентная ставка, стал нестабильным валютный курс, поползли вверх цены.

Таким образом, те предпосылки экономической стабилизации и финансирования структурных сдвигов в экономике, которые были заложены политикой конца 1993 — начала 1994 г., были в значительной степени перечеркнуты очередным денежным вливанием.

Вопрос 2. Тем, у кого реформы съели все сбережения, трудно проникнуться симпатиями к Гайдару. Понимаете ли Вы, насколько серьезна эта проблема?

— Очень хорошо понимаю, в том числе и лично, потому что все сбережения моей семьи пропали точно таким же образом. Да и мой тесть Аркадий Натанович Стругацкий, известный писатель, чьи книги печатались в десятках стран, все свои гонорары держал на сберкнижке. И все довольно приличные суммы, которые оставались записанными к началу 1992 г. в сберкнижке у его вдовы, обесценились, как и у всех, когда реальная стоимость рубля перестала скрываться.

То, что рубли перестали быть деньгами и превратились в бессмысленные фантики, было ясно уже задолго до начала реальных реформ. Достаточно вспомнить (спасительное свойство человеческой памяти легко стирает из записей прошлого такие вещи) голые прилавки магазинов, многочасовые очереди за самым необходимым, бесчисленные талоны, карточки покупателя, чтобы понять очевидный факт — запись в сберкнижке уже давно стала фиктивной. Обанкротившееся государство фактически выписывало нам фальшивые векселя.

Когда именно меня обвиняют в том, что сбережения «пропали», мне вспоминается популярный анекдот времен застоя. Известный деятель, спалив в топке паровоза и уголь, и дрова, и даже мебель

из вагонов, предлагает задернуть занавески и говорить «чух-чух», представляя себе, что поезд продолжает двигаться. Как раз за этим занятием и застали нас экономические реформы. Мы лишь открыли занавески...

Ну, а если все-таки серьезно, надо, разумеется, пытаться как можно скорее и надежнее стабилизировать нашу национальную валюту. Только после этого можно будет предпринимать попытки хотя бы постепенно компенсировать пропавшие накопления. Ведь мы несли в Сбербанк не фиктивные, а вполне реальные, с трудом заработанные рубли и были уверены, что деньги эти лежат в банках. Никто не поинтересовался нашим мнением, когда растранижирили золотой запас страны, когда разбазаривали валютные резервы, когда набирали нереальные и непосильные кредиты.

Я считаю, что, распоряжаясь деньгами частных вкладчиков, как собственными, коммунистические чиновники допустили страшную несправедливость, если не сказать больше. Я очень сочувствую тем, кто лишился своих трудовых сбережений вследствие бездумных и безответственных решений, принимавшихся в 80-х и начале 90-х гг. Надеюсь, что люди все-таки поймут рано или поздно, кто же на самом деле их ограбил.

Когда станет возможной какая-либо компенсация — это зависит от степени осмысленности экономической политики, которая будет проводиться в России. В послевоенной Германии, например, где сбережения населения поглотила бездонная бочка гонки вооружений и ненасытная бюрократия, начали компенсировать потери лишь через десять лет. И это при вполне рациональной и довольно жесткой финансовой политике.

Пока же любые индексации и компенсации будут мгновенно сведены на нет неизбежно сопровождающим их очередным витком роста цен.

Вопрос 3. Создается впечатление, что Вы в своих реформах недоучли важность социалистических атавизмов в сознании нашего народа. Собираетесь ли Вы как-то скорректировать свои позиции в этом направлении?

— Не думаю, что массовое распространение получили, как Вы говорите, «социалистические атавизмы». Наоборот, в большинстве своем наш народ продемонстрировал очень высокую готовность приспособливаться к рынку, к условиям свободного предпринимательства.

тельства. Уровень вовлеченности нашего общества в предпринимательскую деятельность поразил всех, кто думал, что после 74 лет истребления частной собственности и подавления всякой инициативы потребуются поколения, чтобы воспитать необходимые для жизни в условиях свободного рынка качества.

Вопрос 4. Такое ощущение, что Вы собираетесь перенести модель западного общества на российские просторы. А вот Никита Михалков, например, говорит, что при нашем «евразийском сознании» это полностью сделать невозможно. Не кажется ли Вам, что он в чем-то прав?

— Первое. Вообще идея прививать на нашей почве какие-либо модели — американские, шведские, пуэрто-риканские, сингапурские, китайские и т. д. — эта идея приходит в голову только паразитически неразумным и некомпетентным людям. У нас в России сложилась своя, специфическая среда, как, между прочим, и в любой большой стране с древней и мощной культурой. И единственная модель, которая может прижиться в этой среде, сотканной из исторических традиций, опыта и противоречий, — это российская модель.

Другое дело, что рассуждения о российской национальной специфике, абсолютно по- существу правильные, иногда прикрывают, на мой взгляд, абсолютно унижительные и оскорбительные для нас, для нашей культуры убеждения о фатальной исторической непригодности русского человека к труду, о природной лени и глупости нашего народа. Нас пытаются убедить в том, что только периодические порки да строгий начальник могут заставить россиянина что-то делать и т. д.

Да, у нас есть тяжкое наследие крепостничества в сознании — крепостничества как феодального, так и коммунистического. Вместе с тем опыт последних лет показал, что в нашем народе заложен такой колоссальный потенциал работоспособности и предприимчивости, какого трудно было ожидать после стольких лет советской власти. Именно поэтому я категорически отказываюсь верить в то, что мы нация фатальных социальных инвалидов, которой необходимы бесконечные социальные подпорки.

Абсолютно убежден, что если мы создадим мало-мальски нормальные и устойчивые условия для российского предпринимательства и российской экономики, то Россия может стать одним из наи-

более динамично развивающихся островов в мировой экономике XXI в.

Вопрос 5. Вы всегда говорите о своих экономических программах непонятным широкой аудитории языком. А у Жириновского все просто. Может быть, в этом причина неуспеха Вашей агитации?

— Во-первых, экономика, да и вообще жизнь устроены не совсем просто. Человек, который говорит совсем просто о не совсем простых вещах, либо совсем не понимает того, о чем говорит, либо сознательно стремится ввести слушателей в заблуждение.

Признаю, что моим недостатком было усложненное обсуждение экономических проблем. Я ведь все-таки профессиональный экономист, доктор наук и в правительство был назначен именно как профессионал, а отнюдь не из парламента, не из политической среды. Тем не менее с течением времени я, разумеется, увидел растущий интерес к сути происходящих экономических процессов и понял необходимость объяснять людям понятнее и доступнее некоторые важные для их жизни, для их будущего, для нашей страны вещи. Теперь стараюсь говорить языком, ясным любому разумному и, главное, желающему разъяснений, а не утешений человеку. И, судя по реакции аудиторий, перед которыми мне в последнее время доводилось выступать в самых разных городах России, меня совсем неплохо понимают.

Вопрос 6. Вы часто называете коммунистов фашистами. Но большинство тех, кто пережил войну, не может поставить между ними знак равенства. Вам не кажется, что Вы теряете таким образом потенциальных сторонников?

— Во-первых, я вовсе не считаю коммунистов фашистами и никогда не ставил между ними знак равенства. Это разные политические силы, и для меня очень печально, что эти две политические силы сегодня в России сплотились и фактически выступают единым союзом. Для меня это трагический парадокс российской истории. Ведь именно наша страна пережила страшнейшую войну с фашизмом.

С чем связано это? Дело в том, что коммунистическая партия, коммунистическая идея неотделимы от нашего прошлого. Другое дело, что эта идея оказалась страшной по своим последствиям, обманчиво-соблазнительной, но страшной. Именно она унесла миллионы жизней, именно она завела нашу страну в исторический ту-

пик, именно она породила то экономическое устройство, которое стало основой наших сегодняшних тяжелых проблем.

Сегодня даже люди, называющие себя коммунистами, как правило, не решаются впрямую отстаивать коммунистические идеалы. Ведь ругая свое настоящее, люди здравые вовсе не намерены возвращаться в такое, как у нас, прошлое. Именно поэтому люди, называющие себя коммунистами, вынуждены сегодня искать для себя опору в идеологии принципиально иной — в идеологии национальной исключительности, национального противопоставления, в идеологии по сути своей фашистской. А ведь именно борьба с этой идеологией была стержнем и содержанием Великой Отечественной войны.

Этот исторический парадокс — коммунисты и фашисты, красные знамена и свастики рядом, на одних митингах и демонстрациях — для меня это воплощение трагической истории нашей многострадальной страны.

Убежден, что те люди, которые спасли мир от фашизма, защитили человечество от страшной угрозы XX в. Может быть, даже самой страшной. И я буду делать все, что в моих силах, чтобы их жертвы оказались не напрасными и чтобы внутренний фашизм не одержал верх в нашей стране.

Вопрос 7. Так уж сложилось, что в России подавляющее большинство населения если не верующие, то исповедующие православную мораль. В то время как другие партии всячески выражают свои симпатии Русской православной церкви (даже Жириновский пытается неумело перекреститься), Вы ее как будто сторонитесь. Не боитесь ли Вы таким образом потерять голоса избирателей?

— Я считаю безнравственной такую постановку вопроса. По моему, это оскорбление чувств верующих, когда политики в погоне за голосами избирателей начинают демонстрировать свой подчеркнутый интерес, сюсюкают вокруг религии.

Я с огромным уважением отношусь к Русской православной церкви, считаю ее важнейшим институтом российской общественной жизни, неотъемлемой составной частью нашей культуры. И именно поэтому я всегда был и буду против вовлечения церкви в текущие перипетии современной политической жизни.

Ненавистный Гайдар

Коллеги постарались за меня, создав совместными усилиями нечто вроде портрета Гайдара.

С одной стороны, живое олицетворение либерального направления российской демократии, безупречные манеры воспитанного человека, врожденная интеллигентность, убежденность, последовательность, презрение к закулисным интригам. С другой — гипертрофированное самомнение, догматизм, неумение нравиться, подчеркнутое небрежение в отношении к «массам», демонстративная заумь речей.

Конечно, любят не за достоинства, а ненавидят не за недостатки, и все же...

Друзья-враги

— Егор Тимурович, собственно, у нас к Вам один-единственный вопрос: за что Вас не любят?

— За многое.

— Я предполагал, что услышу именно такой развернутый и подробный ответ на поставленный в лоб вопрос, поэтому и заготовил несколько собственных версий, объясняющих прохладное отношение к Вам. Свои догадки я и хочу с Вашей помощью подтвердить или опровергнуть.

— Согласен.

— Тогда, как полагается настоящим героям, мы пойдем в обход и начнем с частных. Правда, красноречивых.

Пожалуй, уже вся Россия знает о собаке Жульке, которая жила у Вас на даче и которую Вы бросили, когда съезжали из Архангельского. Вам не ай-яй-яй? Не жаль животинку?

— Жулька — бродячая собака. Как и многие другие, она обитала в Архангельском. Пока мы жили там, подкармливали ее. К сожалению,

Жулька абсолютно не приспособлена к жизни в городских условиях, даже в ошейнике ходить не умеет.

— Вот бы и забрали ее на новую дачу.

— А у меня ее нет.

— Говорят, Вам Бойко из ОЛБИ снимает.

— Повторяю: я на даче не живу! Когда мы уезжали из Архангельского, то оставили официантке, прикрепленной к даче, деньги, чтобы та покупала Жульке какую-нибудь еду, пока дом будет свободным и там не появится новый хозяин.

— Появился?

— Да. Правда, я слышал, что кто-то недавно пытался Жульку подстрелить. Собаку ранили. Боюсь, как бы это не сделали из политических соображений. Это было бы на редкость отвратительно.

— Одна центральная газета выдвинула предположение, что Вы собаку оставили, поскольку у Вашего сына аллергия на псиную шерсть. Это правда?

— Это фантазия моих не в меру ретивых защитников. У сына действительно аллергия, но причина расставания с Жулькой не в этом. Я Вам все уже объяснил.

— Будем считать, с миром животных разобрались. Переходим к миру людей.

Вы считаете академика Шаталина своим учителем?

— В общем да.

— Что же Вам помешало поздравить Станислава Сергеевича с 60-летием?

— Я тогда уезжал за пределы страны — причина в этом. Это единственное объяснение. У меня с Шаталиным всегда были очень хорошие личные отношения, несмотря на разногласия, возникавшие по экономическим вопросам.

— И когда Вы работали премьером, то находили время для встреч с учителем?

— Обязательно. А у Вас есть другая версия?

— Да. О том, что Вы не играли в политес.

— Значит, Ваши информаторы ошиблись. Действительно, политическими играми я не увлекался, но к дельным советам прислушивался всегда. Станислава Сергеевича — в том числе.

— Я недавно разговаривал с вице-премьером Шохиним...

— Как же, читал.

Интервью брал Андрей ВАНДЕНКО.

Опубликовано в: Новый взгляд. 1994. № 44 (145). Ноябрь.

— Значит, мне нет нужды повторять характеристики, которые дал Вам Александр Николаевич. Есть комментарии?

— Оставляю все на совести говорившего.

— Но Вас обвинили в предательстве. Промолчать в этой ситуации — значит согласиться.

— Что тут скажешь? Я давно знаю Александра Николаевича. Это квалифицированный специалист и... очень гибкий человек.

— В Ваших устах это звучит почти ругательством.

— ... (Ответ Егора Тимуровича, касающийся личных качеств Александра Шохина, был снят по настоянию Гайдара уже после визирования материала, когда стало известно об отставке Александра Николаевича с постов вице-премьера и министра экономики. — А.В.)

— Егор Тимурович, все же ответьте по сути претензий. Шохин вел речь о том, что в декабре 1992 г. Вы, уходя в отставку с поста исполняющего обязанности премьера, нечестно повели себя по отношению к членам команды, пытаетесь потянуть их за собой.

— Очевидно, все-таки есть необходимость напомнить ситуацию, которая сложилась к концу 1992 г. Оппозиция перед очередным съездом народных депутатов требовала от меня убрать несколько ключевых фигур из правительства, обещая взамен поддержку при голосовании по кандидатуре премьера. Разумеется, я понимал, что подобного рода компромиссы носят временный характер. Достаточно один раз стать на этот путь, чтобы крепко увязнуть. Можно, конечно, было бы сохранить пост, даже получать колоссальное количество барабанного боя, но дело неизбежно оказалось бы загубленным. Поэтому я сразу занял достаточно жесткую позицию и сказал, что никакие подобного рода компромиссы не пройдут, своими людьми я торговать не стану.

И все же, когда ситуация резко обострилась и нужно было искать выход из тупика, мы пошли на переговоры трех ветвей власти и свои обязательства выполнили. Это позволило практически безболезненно решить страшно опасный кризис. Я, собственно, сам предложил Борису Николаевичу вариант со своей отставкой.

— Извините, я Вас перебыю, ибо не вижу нужды так углубляться в детали той общественно-политической ситуации. Вопрос-то в ином...

— Теперь я, извинившись, Вас перебыю и закончу свою мысль. Сейчас Вы поймете, почему я сделал такой длинный заход.

После того как был принят компромиссный вариант с моей отставкой, я сказал моим коллегам, что в целом логика «чем хуже, тем лучше» не для нас, поэтому и не призываю никого следовать моему примеру. Хотя, если говорить конкретно об обстановке, сложившейся в декабре 1992 г., я мог потребовать от соратников написать коллективное заявление об уходе, но, повторяю, я не стал этого делать. Наоборот, я подчеркнул, что все вольны оставаться в новом правительстве, конкретно же попросил не уходить Анатолия Чубайса, поскольку от него зависели начатая нами приватизация и соответственно выполнение взятых нами обязательств перед народом. Также я считал целесообразным сохранить в кабинете Сергея Шахрая, который вел в то время очень важное правовое и национальное направления. Третий человек, которого я убеждал не уходить из правительства, был Борис Салтыков, отвечавший за социальные вопросы. Все! Больше никаких персональных пожеланий. Остальным я предложил делать выбор самостоятельно.

— Однако Вам инкриминируют сознательно негативные характеристики членов своей команды, которые Вы давали в частных беседах с первыми лицами.

— Если беседы были действительно частными, то откуда Вам известно их содержание? В случае подтверждения Ельциным или Черномырдиным выдвигаемых в мой адрес обвинений я готов продолжить обсуждение этого вопроса, в противном случае буду относиться к этому как к слухам, не заслуживающим серьезного внимания.

Естественно, когда я передавал дела Виктору Степановичу Черномырдину — передавал-то я вроде как не автостоянку, а российское правительство, — то высказывал свои суждения и по наиболее острым проблемам реформы, и по кадровым вопросам, и персонально по тому, как справляется с обязанностями тот или иной министр либо вице-премьер. Действительно, кого-то настоятельно рекомендовал, на кого-то советовал опереться, кому-то помочь. Называл и недостатки, что опять-таки, по-моему, совершенно нормально.

Кстати, Александр Николаевич зря так беспокоился. Его как раз я предлагал оставить.

— Но ведь Шохин говорил не конкретно о себе, а о команде в целом. Он считал, что Вы поступили непорядочно, и тогда же заявил Вам об этом открыто.

— В чем была проблема? Мы дружили с Александром Николаевичем несколько лет. В 1992 г. он работал под моим началом. Одна-

ко именно в день моей отставки старый друг решил, что это самый подходящий момент высказать мне все накопившиеся претензии. Видно, долго готовился, не говорил. Когда же я ушел из правительства, понял: пора резать правду-матку. Мне трудно согласиться с такой логикой. Если я тебе столь сильно не нравлюсь, зачем же терпел и мучился? Сказал бы хотя бы за пару дней до отставки.

— *А я слышал, будто тогда Вас больше всего задело, что Александр Николаевич стал Вам резкости говорить в присутствии Вашей жены.*

— Нет, дело не в этом. Ну вот представьте: вы премьер.

— *Не могу.*

— Ладно, Вы большой начальник.

— *Все равно трудно.*

— Включите воображение! У Вас много коллег, единомышленников, среди которых есть и друзья. Вы вместе делите тяготы, решаете возникающие проблемы. Отношения предельно откровенные, за критику никого никогда на цугундер не берут. И вдруг вас по каким-то причинам снимают с поста. В этот же вечер Ваш старый близкий друг, который работал под Вашим руководством и всегда был чрезвычайно лоялен, приходит и говорит: «Сволочь ты все-таки!»

— *Так и сказал?*

— Я условно.

— *А если конкретно? Может, не стоит всю вину на друга вешать, а и себе что-то оставить?*

— Что не распознал вовремя?

— *Не в том дело. Образ дружного и монолитного коллектива не вырисовывается. Как же Гайдар и его команда?*

— Жизнь — тяжелая штука. Банальность, да? И тем не менее — факт.

В 1991 г. мы объединились вокруг общей идеи, стремились к одной цели. Нам пришлось взять на себя очень большой груз ответственности. Проблемы первого этапа реформ удалось решить — дефицита нет, магазины наполнены товарами, приватизация пошла, рубль конвертируем. Но дальше... Тяжесть ответственности не всем оказалась по плечу. Кто-то справился с бременем, кто-то нет. И опять же: это нормально. Не существует гарантий того, что разные люди, сплоченные единой идеей, всегда будут вместе. Вспом-

ните историю о трех мушкетерах, которые во время гражданской войны оказались по разные стороны баррикад.

В нашей команде было не три мушкетера, а гораздо больше. Стоит ли удивляться, что с некоторыми наши пути разошлись? Тем не менее очень печально, что Сергей Глазьев, с которым мы работали, занимает сегодня другие позиции. Печально, что кто-то из ребят не вынес испытания властью, полюбил ее.

— *Нельзя ли поконкретнее?*

— Поконкретнее нельзя. Вы же меня о друзьях спросили. Под диктофон такие вещи не говорят, только с глазу на глаз. Кому из ребят считал нужным, я сказал, что для меня самое страшное — поддаться зову медных труб. Ужасно, когда высокопоставленный человек вместо дела начинает любить себя в деле. Любовь к власти обычно плохо заканчивается. Это чувство, как правило, остается неразделенным, и, чтобы добиться расположения власти, приходится пройти через унижения и прочие неприятные вещи.

К счастью, многие мои соратники оказались в высшей степени достойными людьми, готовыми к командной работе.

— *Список потерь не составляли?*

— Я и так все и всех помню.

— *Среди причин «отставок» преобладают идеологические мотивы или личностные?*

— Пожалуй, чаще расставались из-за расхождений во взглядах на политику и экономику. Сережу Глазьева я называл. А с Сашей Шохиним другой случай. Власть виной, любовь к ней.

— *А Вы, надо полагать, власть не любите?*

— Нет, не люблю.

— *Иммунитет?*

— Может быть. При известном старании я у власти мог удержаться и в конце 92-го, и уж совсем никто не гнал меня из высоких кабинетов в январе 94-го, когда я сам ушел с должности вице-премьера. Просто я полагаю, что у власти есть смысл находиться, когда ты имеешь возможность делать то, что считаешь нужным.

Дорога в гору

— *Да? А со стороны может показаться, что Вы штурмуете гору, на вершине которой трон. Первый раз добежали до и. о. премьера —*

откатились. Во второй раз разгон был слабый, выше вице-премьеров подняться не удалось. Думали, что «Выбор России» наверх поднимет, но и здесь ошибка вышла. Так?

— Зачем мне эти горки без конца измором брать? Я же Вам говорю: люби я власть, держался бы за нее руками и ногами.

— *Это уже вопрос уровня амбиций. На пост министра Вы ведь теперь, пожалуй, уже не согласитесь. Я видел интервью в «Итогах» Виктора Черномырдина. Когда ведущий спросил у Виктора Степановича, не пойдет ли Гайдар министром финансов, тот аж крикнул. Не для Вас этот пост уже, не для Вас.*

— Да, я совершенно честно могу сказать, что у меня очень высокий уровень претензий. Но мои запросы носят не бюрократический, а, извините, исторический характер. Мы начали проводить в России очень тяжелые реформы, которые радикально изменили жизнь страны. Для меня предельно важно, чтобы эти реформы увенчались успехом и послужили основой стабильного развития государства на базе рынка и демократии. Такой уровень моих исторических притязаний. Если цели достигнем, то больше не надо будет уже занимать никаких кресел для удовлетворения своих амбиций. Если же реформы рухнут, то любые посты не компенсируют моих потерь.

Знаете, в январе 1993 г. у меня была странная иллюзия, о которой сегодня без смеха и вспоминать невозможно. Я искренне считал, что могу умыть руки и сказать: делайте дальше как знаете. Понимание того, что ты в ответе за все, поскольку именно ты лично все и начинал, пришло позже.

— *Ладно, пусть историческая миссия. Но ведь ее-то все же сподручнее выполнять, находясь не на нижних этажах власти?*

— Это вопрос абсолютно производный. Нужны нормальные законы об экономике. Без этого действительно никак. Что же до всего остального, то представление, будто всего можно добиться, лишь сидя в самом начальственном из всех начальственных кресел, ошибочно. Иногда да, кресло необходимо. В случаях, если речь идет о принципиально важных вещах и переломных решениях.

Но бывают моменты, когда пост только помеха, провоцирующая и дестабилизирующая ситуацию.

— *И все-таки, наверное, чаще случается «да».*

— По-разному. Допустим, в январе 1994 г. я уходил из правительства, потому что был убежден: скорее «нет». Мое присутствие в Кабинете министров, когда я не мог определять основные направления его работы, будучи в корне не согласным с тем, что делалось в тот момент правительством, объективно приводило к результату, прямо противоположному желаемому. Для Запада мое имя служило бы заставкой, что реформы в России идут, а правительство получило бы возможность проводить двойную политику щедрых посулов и жесткого финансирования, которое легко списывалось на злого и отвратительного Гайдара. Зачем мне это было нужно? Ради мягкого кресла?

— *Поэтому Вы решили отойти в тень и покритиковать кабинет со стороны?*

— В тень я не отходил, а просто ушел из правительственных структур, возглавив фракцию «Выбора России» в Думе.

Кстати, время показывает, что я оказался прав с январской отставкой. Очень многое из того, что пыталось сделать правительство, оказалось перечеркнутым осенним всплеском инфляции в том числе и из-за предельной компромиссности кабинета Черномырдина и нежесткости проводимой экономической политики. Тем не менее наша фракция не стала поддерживать вотум недоверия правительству.

— *Пока не стала.*

— Зачем загадывать? Я говорю о свершившемся факте.

— *Понимаю. Я лишь хотел подчеркнуть, что, вероятно, при желании Вам по силам свалить нынешний кабинет. Ведь даже не обладая фактической властью, Вы продолжаете входить в десятку наиболее влиятельных российских политиков.*

— Надо сказать, что ко всякого рода рейтингам я отношусь предельно скептически. В них всегда есть масса недоразумений. Я немножко видел власть изнутри, поэтому знаю о натяжках, существующих во всех этих опросах.

Рейтинги я воспринимаю как анекдот в традиционном понимании этого слова, пришедшего к нам из XVIII в. Тогда анекдотом называли случай.

Место в опросе — это суета, для меня куда существеннее уровень моих реальных возможностей повлиять на ситуацию в обществе.

— *Влияете?*

— В Думе — вне всякого сомнения. Иногда могу что-то подсказать президенту.

— *Насколько просто Вам связаться с Борисом Николаевичем?*

— Обычно, если я звоню, президент находит время для беседы со мной.

— *И часто Вы звоните?*

— Только когда появляются принципиальные вопросы.

— *Скажем, ситуацию на валютном рынке Вы обсуждали?*

— Безусловно. Мы разговаривали с президентом о причинах и возможных последствиях «черного вторника», когда рубль на валютных торгах в Москве неожиданно рухнул.

— *Кадровые перестановки в Минфине и Центробанке Вы рекомендовали?*

— Нет, я только по просьбе президента высказал свое мнение по этому вопросу. Кадровое решение было принято Борисом Николаевичем еще до разговора со мной.

— *В своих прежних интервью Вы высказывали негативное отношение к Геращенко, поэтому, вероятно, новость о его отставке Вы восприняли положительно?*

— Я считаю, что есть нормальная сфера ответственности руководителя. Даже если он лично ни в чем не виноват и не допустил никаких ошибок, то обязан отвечать за просчеты своего ведомства. Если с национальной валютой происходит беда, то за это спрашивать надо с председателя Центробанка. От него не надо требовать охраны правопорядка или отправки грузов на Север, но ситуация с рублем — на совести Геращенко.

— *Виктор Черномырдин при вводе новых фигур в правительство Вашего совета по персоналиям просит?*

— Консультируется.

— *Какие у Вас сегодня взаимоотношения с премьером? В свое время Черномырдин обзывал Вас завлабом, и Вы за словом в карман не лезли.*

— Я всегда о всех говорю очень корректно, не ругаюсь, не матерюсь. Что касается полемики о социальном происхождении, то я по-прежнему не считаю высшее специальное образование и работу в академической науке недостатком, поэтому и не отношусь к эпитету «завлаб» как к личному оскорблению. Если же Вы полагаете, что Виктор Степанович вкладывал в это слово негативный смысл, я сожалею о том, что он не поделился своими сообра-

жениями в тот момент, когда работал у меня под началом, а заговорил так после моей отставки.

Надо сказать честно: для меня в отношении к премьеру главным является не то, как он что-то сказал или написал, а то, как он работает. Когда мне казалось, что правительство проводит опасную политику соглашательства, то я открыто об этом заявлял. Когда эта политика сделала поворот в нужную сторону, я сразу выступил на защиту кабинета. Я всегда готов приветствовать человека, способного сделать правильные выводы из собственных ошибок. Представленная сегодня правительственная программа показывает, что Виктор Степанович умеет учиться на своих просчетах.

Чужие копейки как факт биографии

— *Продолжим разговор о том, за что Вас не любят. Одна из причин — происхождение.*

— К сожалению, здесь я ничего не могу поправить.

— *Догадываюсь. И тем не менее давайте пройдемся по теме. Сергей Михалков как-то рассказал мне анекдот. Мол, есть картина «Иван Грозный убивает своего сына». Впору писать полотно «Аркадий Гайдар убивает внука Егора».*

— Смешно?

— *Сергей Владимирович говорил, что он и Вам эту байку рассказывал.*

— Признаться, не помню, зато я другой анекдот слышал. Еще в конце 91-го наше правительство сравнивали с картошкой: либо зимой съедят, либо весной посадят.

— *Но это все-таки не о Вас персонально. А я хотел бы ситуацию с дедом прояснить. Вы как-то заявили, что не разделяете его взгляды и убеждения, но, я понимаю, это сейчас Вы с Аркадием Петровичем идейно разошлись, а в детстве, наверное, росли на книжках деда?*

— Я разную литературу читал. Не надо думать, что раз я внук Гайдара и Бажова, то только на их произведениях воспитывался. Конечно, как и многие советские ребята, я прочитал в свое время «Тимура и его команду», другие книги Гайдара. Что-то я по-прежнему люблю.

Знаете, одно дело — разделять некие идейные устремления и, извините, заблуждения 75 лет назад, когда все это было еще ново

и не изведено, и другое — отстаивать эти ошибочные теории сегодня, когда они привели к гибели миллионов людей. Поэтому одинаково нелепо предъявлять претензии к Аркадию Гайдару или же требовать от меня безусловного поклонения былым идеалам.

— *Вы, наверное, с детства привыкли, что фамилия приковывает к Вам повышенный интерес?*

— Когда был маленький, фамилия действительно обуславливала в высшей степени избыточный уровень внимания к моей персоне. Как сейчас помню первую реплику, с которой обратилась ко мне моя первая учительница: «Внук такого дедушки таким плохим почерком писать не имеет права». Честно говоря, я очень быстро утомился от того, что все пристают с нравоучениями о моем дедушке, и посчитал, что дешевле обойдется стать отличником.

— *Что Вы и сделали?*

— Да.

— *Наверное, Вас пытались задействовать в разных активах, назначить главным тимуровцем или еще кем-нибудь в этом роде? Как говорится, сам Бог велел.*

— Нет, я никогда не занимал крупных руководящих должностей в пионерском движении. Моя карьера не пошла дальше... как это?.. председателя октябрятской звездочки и пионерского звена.

— *Уклонялись?*

— Я на учебу налегал. Кстати, о тимуровцах. Я хочу напомнить, что они защищали частную собственность.

— *Получается, Вы преемник Аркадия Петровича?*

— Выходит, так.

— *Не секрет, что Ваш отец постоянно общался с разными известными людьми. Надо полагать, в детстве Вы пересидели на коленках у многих знаменитостей?*

— Сразу всех и не упомнишь, список может получиться длинным. Например, Эрнест Че Гевара, Рауль Кастро.

— *Это, очевидно, в начале 60-х на Кубе, где Ваш отец работал военкором «Правды»?*

— Совершенно верно. Здесь, в России? Мне трудно называть фамилии, поскольку придется перечислять практически всех знаменитостей того времени. Разумеется, за исключением политической элиты, к которой отец отношения не имел. Речь о литературно-художественном высшем свете.

— *То раннее знакомство, пожалуй, в состоянии защитит Вас по сей день? Не поднимешь ведь руку на того, кого когда-то нянчил.*

— Спорный тезис. Для иных давние связи, наоборот, являются раздражающим фактором. Да и спекулировать на детстве сегодня у меня уже нет нужды.

— *Тем не менее у Вас остались воспоминания о том времени, фотографии?*

— Разумеется. Это память, часть моей жизни.

— *Очевидно, и с женой Вы познакомились не без помощи отца?*

— Можно и так сказать, хотя на самом деле все получилось очень смешно. Моя бабушка снимала дачу — две комнатки в деревне. И дедушка моей нынешней жены Маши также летом жил в двух комнатках по соседству. Машин дед был китаист, профессор. Вы понимаете, лето, соседи... Так мы и познакомились.

— *Сколько Вам лет тогда было?*

— Мне исполнилось десять. Кстати, я довольно долго не знал, что Маша — дочь Аркадия Стругацкого. Я всегда любил книги братьев Стругацких, с удовольствием их читал, но в разговоре с Машей эта тема как-то не возникала. Фамилии друг у друга мы не спрашивали, нам это было ни к чему. Все выяснилось года через два.

— *Новое знание как-то повлияло на Ваше чувство?*

— Ни в коем случае. Но я предпочел бы тему чувств дальше не развивать.

— *Чем опять же преумножаете ряды своих недоброжелателей. Чтобы люди могли Вас полюбить, они должны знать не только Вашу политическую платформу. Согласны?*

— Не нравится мне, когда вторгаются в жизнь моей семьи. Жену, детей я хочу оставить себе, не выносить домашние дела на общественное обсуждение. Должен же быть хоть маленький кусочек жизни, недоступный всем встречным и поперечным.

— *Ваше право, но вопросы свои я все же задам. Вам решать, на какие отвечать. Например, сыновья. Знаю, что Иван, которому четырнадцать, увлекается компьютерами и английским. Петр старательно учит испанский. Ваша заслуга?*

— Нет. Они сами этого хотят. Павел, младший, правда, пока ни к чему привязанностей не проявил, хулиганом растет.

— *Старших Вы отдали в спецшколу, наняли репетиторов?*

— Да. У среднего сына есть и репетитор, хотя мне это и не нравится.

— Почему?

— Мне кажется, что репетитор нужен тому, кто ленится учиться самостоятельно. Я всегда со всем справлялся сам.

— Отправлять детей за границу в университет не думаете?

— Есть предложения на сей счет, не исключаю, что со временем сыновья и уедут, но это дело парней принимать такое решение. Пока они не определились с дальнейшим выбором. Если предпочтут заниматься математикой, то, конечно, это лучше делать в Москве. А вот международное право надо изучать за рубежом, в этой области у нас большие пробелы.

Тощий буржуй хуже толстого

— Вы признаете свои недостатки? Скажем, Вас обвиняют в пренебрежении к плебсу.

— Нет у меня никакого чувства классового превосходства. Но раз так обо мне говорят, надо задуматься.

— Вы работаете с кем-нибудь над своим имиджем?

— Нет. И раньше этого не делал.

— Странно. Была информация о том, что во время предвыборной кампании, когда приходилось много и часто говорить, Вам советовали следить за речью и перестать причмокивать, поскольку это сильно раздражало слушателей.

— Ораторскому искусству меня не учили. Просто за время работы я пришел к некоторым выводам самостоятельно. Я же выходец из чисто профессиональной среды, где говорят на особом диалекте, пользуются своей лексикой. Мне пришлось перестраиваться, осваивать язык, понятный не только тем, кто прослушал университетский курс политэкономии. Последние года полтора, думаю, я справляюсь с этой проблемой.

— Как-то, оценивая свои шансы на пост президента, Вы сказали, что Вас вряд ли выберут из-за невысокого роста — харизмы нет. Понимаю, с этим, как и с происхождением, трудно бороться, но фигуру, извините, поправить Вам по силам. Определенной недоедающей части населения России Вы наверняка напоминаете сытого буржуина.

— Стать буржуином голодным? По-моему, это будет еще страшнее. Сразу возникнет ощущение, что этот тощий хочет поднасытиться за чужой счет.

— Единственный звонок, ради которого Вы прервали нашу беседу, был от редактора «Известий» Голембиовского. У Вас особое отношение к этой газете?

— Хорошая газета, я ее уважаю, считаю самой профессиональной.

— К этому выводу Вы сегодня пришли, когда «Известия» активно поддерживают партию «Демвыбор России»?

— Я всю жизнь читал эту газету с интересом, называл ее лучшей.

— Даже когда работали в «Правде», официально имевшей статус газеты номер один?

— Да, и в «Правде» я придерживался того же мнения. Я старался сделать все, что было в моих скромных силах, чтобы «Правда» оказалась не намного хуже «Известий».

— А я уж, грешным делом, подумал, что Ваша любовь объясняется тем, что концерн ОЛБИ, с которым столь дружна Ваша партия, купил известинских акций.

— Никакой взаимосвязи. Я не отношусь к «Известиям» как к своей партийной газете. Нам это просто не нужно. Газета должна быть свободной демократической трибуной.

— И поскольку Вы в первых рядах демократов, то статьи выборо-сов эта трибуна должна тиражировать без ограничений?

— В газете прекрасно знают, что мы никогда не будем пользоваться возможностью надавить на редакцию. И покупка акций ОЛБИ здесь ничего не меняет.

— И все-таки: как состоялся Ваш союз с Олегом Бойко, главой?

— Очень просто. Та партия, которую мы пытаемся создавать, отражает интересы интеллигенции и квалифицированной части предпринимателей. Мы работаем для тех, кто думает о благе страны, а не о том, как заработать миллионы и смыться на Гавайи, чтобы загорать на солнышке и пить пепси. Я довольно хорошо знаком с различными коммерческими структурами, присматривался, консультировался. Бойко — энергичный человек, активно работавший в бизнесе и столь же активно подключившийся к партийному строительству.

— Может, Ваш выбор predetermined капитал, стоящий за Бойко? Публиковалась цифра в 1 трлн руб.

— Деньги — немаловажная сторона вопроса, но все-таки решающим для меня оказался другой факт: за все время моей работы в правительстве Бойко у меня ни разу ничего не попросил. Этим он выгодно отличался от подавляющего большинства других предпринимателей.

— *Вы это запомнили?*

— Не только запомнил, но и, как видите, оценил.

— *Поставив Бойко во главе партии?*

— У Вас есть возражения? Вы ратуете за запрет на профессии?

— *Извините, не вижу взаимосвязи.*

— Если бы избрали на место партийного руководителя профессора, у Вас, я понимаю, вопросов не возникло бы. Почему Вам не нравится Бойко? Потому что он предприниматель? Это и есть запрет на профессии.

— *Речь о том, что Бойко, вероятно, дорог Вам не сам по себе, а лишь в комплекте со своими капиталами.*

— Он мне дорог как человек, уважаемый в среде бизнесменов, на которых, в частности, собирается опираться моя партия. Я категорически не принимаю логику, когда от предпринимателей требуют деньги, не подпуская к реальной политической работе.

— *Егор Тимурович, Вы так красноречиво поглядываете на часы, что мне надо торопиться, если я хочу перебрать еще пару версий, объясняющих нелюбовь к Вам. Скажем, почти наверняка Вы не любите пить и тем страшно далеки от народа.*

— Почему? Иногда я позволяю себе рюмку-другую. Предпочитаю водку. Но норму свою знаю. Так, чтобы не было потом неприятных последствий.

— *К теннису по-прежнему не пристрастились?*

— Поздно уже. Да и времени нет. Даже зарядку давно уже перестал делать. Как средство решения политических вопросов я теннис не стал бы использовать и из принципиальных соображений.

— *Мне рассказывали, как Вы заставляли министров и вице-премьеров сдавать все врученные им подарки и сувениры. К чему такая щепетильность?*

— Есть порядок. Подарки, делающиеся должностным лицам, — это нормальный элемент международного протокола. Существуют процедуры, регулирующие все формальности. Полагается все сдавать в специальную протокольную службу. Зачем плодить дополнитель-

ные проблемы? Ведь какой-нибудь пустяк — ручка или письменный набор могут потом быть интерпретированы как взятка. Действительно, часть аппарата шипела, высказывала недовольство, но я настаивал на своем.

— *Это и называется принципиальность, да? Именно из-за нее Вы и от госдачи отказались?*

— По рангу мне дача положена. Но я действительно не стал ее занимать, так как считаю, что депутаты в своих требованиях по части привилегий должны быть скромнее. Мол, приравнять зарплату, медобслуживание, спецтранспорт и т. д. к министерским. Я работал в правительстве и реально могу сопоставить уровень нагрузок и меру ответственности, поэтому наша фракция голосовала в Думе против этих льгот. Естественно, поэтому я и дачу не взял.

— *А свою не заработали?*

— Получается так.

— *Ну хоть квартира-то имеется?*

— Да, я получил ее уже после ухода из правительства. Президент предложил поменять на большую. У меня пять комнат на семью из пяти человек.

— *У Вас многодетная семья. Пользуетесь льготами, правом бесплатного проезда в общественном транспорте?*

— Я являюсь противником льгот, не связанных с реальным уровнем дохода семьи. Я считаю свою семью вполне прилично обеспеченной, поэтому и отказываюсь от госдотаций моего бюджета.

— *Декларацию о доходах Вы в этом году заполнили?*

— Разумеется. Как законопослушный гражданин.

— *И так же, как и раньше, ответили, что валютных счетов не имеете?*

— Конечно. То есть у меня есть валютные счета — целых два. Но в российских банках. У меня лежит валюта, которую мне выплачивают в качестве гонораров за статьи и книги, публикуемые за рубежом.

— *А почему Вы деньги храните в нашей стране?*

— Для вывоза нужно получить разрешение Центробанка.

— *Это не проблема для Вас, я понимаю.*

— Не проблема. Но меня вполне устраивает, что деньги эти в Москве.

— *Вы верите, что при очередном кувырке власти их кто-нибудь не экспроприрует или не национализирует?*

— *Вся моя жизнь связана с этой надеждой. Я буду биться, чтобы этого, как Вы выразились, кувырка не случилось.*

— *...И за что Вас не любят, Егор Тимурович?*

Шесть ответов Гайдара

Уважаемые коллеги, с интересом прочитал шесть вопросов, которые поставили передо мной А.Сергеев и Г.Муравьева в вашей газете 20 января 1995 г.

Всем журналистам известны вопросы, заведомо сформулированные так, чтобы поставить собеседника в тупик. Классический пример: «Вы перестали пить коньяк по утрам? Ответьте прямо — да или нет?»

Именно по этому принципу, уважаемые коллеги, построены вопросы в упомянутой заметке. Тем не менее попытаюсь ответить.

1. Готов ли «Выбор России» в случае неудачи требуемых переговоров признать независимость Чечни?

— Если сразу настраиваться на неудачные переговоры, можно не садиться за стол. Именно этим, судя по всему, руководствовались российские власти на протяжении последних месяцев.

На мой взгляд, худшей из возможных неудач является война. И в международной политике это исключительное средство, а тем более в политике внутренней, когда речь идет о твоих соотечественниках. Что может быть хуже гибели тысяч мирных граждан?

Да, бывает, что переговоры затягиваются надолго и к согласию удастся прийти не сразу. Иногда это может длиться годами и даже десятилетиями. Россия и Япония до сих пор не смогли окончательно договориться об урегулировании оставленного нынешним политикам в наследство вопроса о четырех Южно-Курильских островах. Можно было много раз сказать, что переговоры окончательно провалились. Но сегодня ни одному из ответственных политиков в России или Японии не придет в голову призывать к решению имеющихся разногласий силой.

Последствия слишком очевидны. Именно потому, что не льется кровь, переговоры не прервались. Они будут продолжаться, будут трудными, может быть, займут многие годы. В ход будут идти мето-

Опубликовано в: Сегодня. 1995. 27 января.

ды экономического и политического давления на партнера, но надеюсь, что никогда не будут использованы ракетно-бомбовые удары.

Позиция, занятая российским руководством в чеченском конфликте, где призывы к переговорам и в декабре, и в январе немедленно оборачивались требованием безоговорочной капитуляции, могла иметь один результат — войну.

Нет, наша фракция не готова признать независимость Чечни. Мы вообще считаем, что этот вопрос не должен быть сегодня стержневым на переговорах. Можно и нужно договариваться о прекращении огня, об обмене пленными, о помощи раненым, создании коридоров для гуманитарной помощи, об отказе от движения вооруженных сил без взаимной информации. Речь должна идти о шагах, позволяющих снизить уровень противостояния, о том, как с течением времени создать предпосылки для свободных и справедливых выборов в Чечне, об этом можно и нужно разговаривать с теми, кто может прекратить кровопролитие, а значит, с Дудаевым и его людьми. Говорят — с бандитами нельзя садиться за стол переговоров. Еще как можно!

Переговоры ведут даже с террористами, захватившими заложников. Израильские политики нашли в себе мужество и вышли на путь еще очень тяжелый и ненадежный, но все-таки путь к миру.

Британские органы власти осознали необходимость сесть за стол переговоров с террористами из Ирландской Республики, иначе нельзя стабилизировать обстановку в Северной Ирландии.

На Дудаеве лежит огромная ответственность за ту беду, к которой он привел Чечню. Тем не менее именно с ним придется разговаривать, чтобы перестала литься кровь. Поскольку российские власти не признают Дудаева законным президентом Чечни, то и вопрос о статусе Чечни в России обсуждать с ним совершенно бессмысленно. Об этом можно и нужно будет вести переговоры после того, как в Чечне пройдут свободные выборы и появятся легитимные органы власти. Убежден: лучше долгие и трудные переговоры, чем долгая и трудная война.

2. Готов ли «Выбор России» к признанию независимости других северокавказских республик?

— Нет, не готов. Более того, фракция «Выбор России» считает, что до начала чеченской авантюры такой угрозы просто не существова-

ло. Бомбежка собственных городов не самое лучшее средство укрепления единства России.

За последние два месяца ретивым «специалистам по национальным и региональным отношениям» удалось сделать немало, чтобы дестабилизировать положение на Северном Кавказе. Иные, называющие себя патриотами, в интересах целостности России требуют вести войну до победного конца.

Как раз наоборот: для того чтобы лишить сепаратизм каких-либо реальных перспектив, необходима спокойная и уверенная политика мира и переговоров. На наш взгляд, именно интересы укрепления целостности России требуют перехода к тактике мира и переговоров.

3. Что намерен предложить «Выбор России» в случае возникновения (практически неизбежного) югославской ситуации на Кавказе, связанной с массовым кровопролитием? В частности, сознает ли «Выбор России», какие последствия может иметь югославская ситуация на Кавказе для ослабевшей Грузии?

— Ситуация на Кавказе, связанная с массовым кровопролитием, фактически уже возникла. Не так давно мы обсуждали нашу общую проблему с В. Дражковичем, лидером сербской демократической оппозиции. Обменявшись тяжелым опытом международных конфликтов, при всех различиях в чем-то неизбежно похожих по своей крови и трагичности, пришли к общему убеждению: и здесь, и там достойные и разумные люди должны руководствоваться одним принципом — тактика компромиссов и переговоров всегда лучше тактики конфронтации.

4. Подвергая сокрушительной критике президента, имеет ли «Выбор России» адекватные предложения в случае его импичмента или отставки?

— Обращаю внимание наших коллег на то, что фракция «Выбор России» никогда не требовала и не требует ни импичмента президенту, ни досрочных выборов. Мы не поддерживаем ту политику, которую он сегодня проводит в Чечне. Мы будем добиваться отказа от этой политики, действуя и в Думе, и в средствах массовой информации. Но мы отнюдь не заинтересованы в том, чтобы окончательно подорвать и так уже ослабевшие российские демократические институты.

Выборы должны состояться в назначенный срок, как это принято в демократических государствах. России важно выработать традицию демократических процедур.

Я был одним из тех, кто до последнего поддерживал выдвижение президента Ельцина в качестве кандидатуры от объединенных умеренных и демократических сил на президентских выборах в 1996 г.

Разумным людям, тем, кто не хочет войн, революций и потрясений, придется потрудиться над тем, чтобы выдвинуть и вместе поддержать сильного и достойного кандидата.

5. Подвергая справедливой критике неуклюжие и т. п. действия военных, готов ли «Выбор России» к выводу армии без всяких результатов операции, учитывая последствия в общественном мнении, унижение и т. п.?

— Мы категорически не приемлем худшую теорию разделения политических задач, поставленных в чеченской операции, и средств их реализации. На мой взгляд, уважающий себя человек, тем более политик, поработавший в российском правительстве, просто не может себе позволить изображать несмышленища и рассказывать, что он представлял себе все по-другому: очень красиво, эффектно и без крови.

Мне, как и другим людям, хоть немножко представляющим себе характер задач и положение в российских Вооруженных Силах, с самого начала было ясно, к каким последствиям приведет постановка перед войсками таких задач. Нечестно сваливать теперь все на военных, хотя некоторые военные руководители и проявили чудеса некомпетентности.

На протяжении последнего месяца мне довелось обсуждать военные аспекты чеченской операции с министрами обороны Франции и Великобритании. Они были едины в понимании того, что военная операция по овладению 400-тысячным городом, в котором обороняются 15—20 тыс. хорошо вооруженных и знающих, за что нужно драться, бойцов, сложна для любой армии. Здесь ничего не решает техническое превосходство, мало толку от высокоточных вооружений. Все вырождается в бой человека против человека, и за каждый дом приходится платить жизнями.

«Выбор России» считает неприемлемой политику, строящуюся по принципу «все или ничего». Мы не призываем к немедленному

выводу Российской армии. Мы призываем к другому — к прекращению огня, к серьезным переговорам.

6. Связывает ли «Выбор России» свою нынешнюю позицию с позицией в октябре 1993 г., когда мы все были готовы к кровопролитию и когда погибли 150 человек, которых, безусловно, очень жаль?

— Такая связь очевидна для тех, кто хоть немножко помнит новейшую историю России. Октябрь 1993 г. не свалился на голову из ниоткуда. Именно потому, что уже в декабре 1992 г. мы понимали страшную угрозу гражданской войны и хотели избежать риска кровопролития, я был среди тех, кто самым решительным образом выступал тогда за компромиссы и переговоры. Кризис двоевластия проявился в полной мере, а отношения между президентом и большинством народных депутатов приобрели взрывоопасный характер. Я не только поддержал выработанное представителями президента, правительства, народных депутатов, Конституционного суда конституционное соглашение, но и был одним из главных его архитекторов. Напомню его суть. Отставка правительства реформ в обмен на обязательства народных депутатов дать согласие на референдум по новой Конституции, чтобы разрубить гордиев узел двоевластия. Именно в рамках этого соглашения я и ушел в отставку.

Печально, что депутаты, получив желаемое, тут же ревизовали соглашение, отказались от всяких референдумов по Конституции, твердо выбрали путь конфронтации, — путь, который в конечном счете и привел к кровопролитию.

Я не являюсь идейным противником применения государством силы. Убежден, иногда это бывает неизбежно. Когда под прикрытием прошедших у патриарха переговоров начался вооруженный мятеж с участием нацистов, штурм мэрии, рекой полилась кровь у «Останкино», был убежден — государство обязано применить минимально необходимую силу, чтобы в зародыше остановить гражданскую войну.

Если бы у меня были хоть какие-нибудь основания надеяться, что Дудаев и его гвардейцы от 12 выпущенных по президентскому дворцу болванок разбегутся, так же как генерал Ручкой с баркашовцами, я по меньшей мере был бы готов обсуждать целесообразность применения силы для стабилизации положения в Чечне.

— *И последнее. В январе 1992 г. Вы, Егор Тимурович, начали реформы, которые сопоставимы по размаху и последствиям с военными действиями. Мы Вас поддерживали тогда и уважали Вашу способность противостоять террору общественного мнения, которое требовало, чтобы Вы не были жестоки к старикам, не разоряли народ и т.д. Однако правы были Вы, а не общественное мнение. Вы были дальновиднее. Сейчас еще более важно проявить дальновидность. Есть опасность, что демократия надломится главным образом от наших усилий безраздельно противостоять власти в конфликте с Чечней.*

— К сожалению, ответственная и разумная политика, открывающая стране перспективы долгосрочной стабильности и роста благосостояния, на первом этапе нередко бывает непопулярной. С такими проблемами сталкиваются все постсоциалистические государства, вынужденные начинать экономические реформы в условиях острейшего кризиса.

Однако очень опасно сделать на этом основании логически ложный вывод, что любая непопулярная политика является заведомо ответственной и разумной. Это неверно и в экономике, и тем более в деликатнейшей сфере международных отношений.

Наша демократия сегодня действительно в опасности. Но ей угрожают не наши попытки (слабые и недостаточные) повернуть развитие событий на путь здравого смысла, а продолжение тупой и безнадежной силовой политики.

И наконец, хотел бы, пользуясь случаем, в свою очередь задать несколько вопросов поклонникам военного решения чеченской проблемы.

1. Понимают ли они, что занятие здания бывшего обкома партии является не концом войны, а лишь одним из эпизодов на пути ее перехода в иную форму — форму партизанской, террористической войны?

2. Слышали ли они о том, что, как показывает богатый опыт последнего пятидесятилетия, накопленный немцами, французами, американцами, Советским Союзом, существует только один метод эффективного ведения партизанской войны — это метод массового уничтожения непокорного населения?

3. Считают ли они возможным рекомендовать российским органам власти именно этот метод в Чечне как путь к военной победе?

4. Как они полагают, какое влияние этот метод окажет на развитие событий в других республиках Северного Кавказа и готовы ли они и там использовать те же решения?

5. Могут ли они догадаться, какое государство мы получим, если будет сделано все, что перечислено выше? С уважением, Егор Гайдар.

Надеюсь на потенциал России. Потенциал здравого смысла

Депутат Государственной думы, лидер фракции «Выбор России» отвечает на вопросы избирателей (Вологда, Череповец, Челябинск, Оренбург, Архангельская область, Республика Марий Эл, Пенза).

О Чечне и национальном вопросе

— Вы неоднократно говорили, что к весне 94-го режим Дудаева был крайне слаб. Почему же тогда его не удается сломить до сих пор, хотя война идет уже два месяца?

— Я и сейчас повторю: да, Дудаев был слаб и продолжение политики давления привело бы к решению чеченской проблемы политическим, а не военным путем. Но именно слабость Дудаева оказалась провоцирующим фактором. Раз режим едва держится, рассудили политики, то на нем в самый раз продемонстрировать твердость и силу, показать, кто в стране хозяин. Однако те, кто планировал маленькую победоносную войну, не учли одного определяющего обстоятельства: Дудаев до начала войны — это один из обанкротившихся политиков, чьи мобилизации проваливаются, чьи соратники обивают пороги московских кабинетов в поисках возможностей для переговоров; Дудаев после начала войны — национальной герой, под знамена которого становятся отнюдь не малочисленные бандформирования, а вооруженный народ.

События в Чечне неизбежно переходят в стадию партизанской войны, победить в которой невозможно — об этом свидетельствует опыт последних 50 лет. Есть лишь один способ победить — уничтожить все население. Готовы ли к этому наши руководители?

Интервью брал Борис БАТАРЧУК.
Опубликовано в: Дело. 1995. № 6 (92). Февраль.

Я выступал и выступаю за переговоры. Да, они будут затяжными, но лучше длинные переговоры, чем длинная, на годы, война. Да, их придется вести не с теми, кто нравится, а с тем, кто реально может остановить боевые действия, — с Дудаевым. «Мы не станем разговаривать с бандитом» — звучит, конечно, гордо, но на фоне трупов такая гордость не что иное, как цинизм.

Необходимы переговоры, и не надо перед ними ставить исчерпывающие цели: каким будет статус Чечни и т. п. Надо договориться о захоронении погибших, помощи раненым, об обмене пленными, обеспечении мирных жителей теплом и продовольствием.

— Насколько реальна угроза Дудаева перенести военные действия на территорию России?

— Я разговаривал с мусульманскими старейшинами, они заверили, что это не в традициях, не в характере чеченского народа. Но в такого рода ситуациях можно ожидать самого худшего.

— Правда ли, что Вы причастны к передаче оружия Дудаеву?

— Когда идея чеченского блицкрига потерпела фиаско, надо было, естественно, найти виноватых, и они нашлись. Олег Попцов виноват в том, что события в Чечне неверно освещаются. Сергей Адамович Ковалев неправильно защищает там права человека. Ну а я злодейски передал оружие бандитам.

Однако авторы этой выдумки проявили полный непрофессионализм в деле политической провокации — не заглянули даже в мою трудовую книжку. А в ней черным по белому написано, что в ту пору, когда Дудаев установил полный контроль за территорией, я мирно работал директором Института экономических проблем. В первый день моей работы в должности вице-премьера, 10 ноября 1991 г., Верховный Совет отменял чрезвычайное положение в Чечне, введенное стараниями Руцкого. Но если бы я пришел в правительство и раньше, то все равно не был бы причастен ни к введению войск, ни к передаче оружия.

Дело в том, что в России традиционно существуют два правительства: хозяйственно-экономическое и политическое. Первое подчиняется премьеру, будь то Столыпин, Рыков, Косыгин, Рыжков или Черномырдин, а второе — царю, генсеку, президенту. Силловые министры и министр иностранных дел напрямую докладывают президенту и выполняют его указания. И если даже глава правительства не решает вопросов, связанных с передвижением войск

и т. п., то можно представить, сколь далек от них вице-премьер, курирующий экономику.

За передачу арсеналов оружия Дудаеву должны нести ответственность два президента — Горбачев и Ельцин и два министра обороны — Шапошников и Грачев.

— *Вы уверены, что посредством давления и переговоров национальный вопрос (необязательно чеченский) может быть решен в полном объеме?*

— Никаких универсальных, стандартных решений национального вопроса не существует. Единственный общий рецепт: национальный вопрос надо решать максимально спокойно.

Мы глубоко убеждены в трех вещах. Первое: необходимо жестко соблюдать принцип равноправия всех людей независимо от национальности. Нельзя делить людей на первый и второй сорт в зависимости от принадлежности к титульной или нетитульной национальности. Татарин в Татарии не должен иметь больше прав, чем русский в Татарии. И русский не должен иметь больше прав в России, чем украинец или белорус. Второе: надо делать все возможное, чтобы развивать национальную культуру — образование, печать, литературу на языке. И третье: все национальные вопросы надо решать с максимальным тактом и покоем, потому что здесь очень просто, проще, чем где-либо, наломать дров.

О президенте

— *Как Вы относитесь к Борису Николаевичу Ельцину?*

— Мое отношение неоднозначно, как неоднозначна роль этого человека в российской истории. Мы должны быть благодарны ему за то, что он вывел страну на путь преобразований, взвалив на свои плечи всю тяжесть ответственности за реформы. Но это человек очень сложный по своему прошлому, традициям, привычкам. Они тянут его в другую сторону, отсюда его колебания, особенно усилившиеся в 1993 г. Я думаю, на Ельцина очень сильно повлияли результаты декабрьских выборов. Он (разумеется, не без помощи окружения) сделал вывод, что коль скоро большинство голосов получили коммунисты и националисты, значит, россиянам демократия не нужна, а нужна им сильная рука. Проголосовали за политика,

призывающего к походу на юг, — получите поход на юг, пока, правда, небольшой, в пределах своего государства.

— *Президент принимает такие решения, что иногда кажется: он совершенно не владеет ситуацией, не читает газет, не смотрит телевизор...*

— Ну, это не так. Конечно, читает и смотрит. Но он слишком доверяет секретной информации, которая крайне недобросовестна. В свое время это привело к полному отрыву от жизни Горбачева, теперь, как мы видим, и Ельцина.

— *Почему Вы не участвовали в праздновании дня рождения Ельцина?*

— Как минимум потому, что не был приглашен.

— *Как, по-Вашему, президент здоров?*

— Думаю, да, здоров. Но, разумеется, в рамках своего возраста...

— *Почему Вы не выступаете за импичмент Ельцину? Одна чеченская кампания чего стоит!*

— Потому что даже и в сегодняшнем своем состоянии, обремененный тяжелым грузом трагических ошибок, президент Ельцин хуже-лучше обеспечивает некоторую стабильность и противостоит приходу к власти отъявленных негодяев.

Я вижу важнейшую задачу в том, чтобы стабилизировать хотя бы нынешнюю ситуацию с целью сохранения свободной прессы, возможности выборов, возможности создания сильной демократической партии.

О политиках

— *В чем суть Ваших разногласий с Григорием Явлинским и Борисом Федоровым?*

— Партия «Демократический выбор России» правоцентристская, а фракция «ЯБЛоко» скорее левоцентристского толка. Отсюда различия в некоторых социально-экономических вопросах. По большому счету они несущественны, по многим важнейшим законопроектам наши фракции голосуют одинаково, и уж во всяком случае некоторая разница в оценках и подходах не может быть препятствием объединению усилий на главном направлении — противостоянии коммуно-фашистской опасности.

Расхождения с Борисом Федоровым гораздо существеннее. Мы резко разошлись в вопросе о Чечне. Как вы знаете, он еще осенью призывал к военному решению чеченской проблемы, а после горячо приветствовал поход на Грозный. Правда, теперь он объясняет, что не то имел в виду, что не желал кровопролития. Однако подобные объяснения приличны для выпускника детского сада, а никак не для взрослого человека, дважды работавшего в правительстве. Он должен ясно понимать, во что неизбежно выльется в условиях России его прекрасный совет: решить вопрос твердой рукой, но без крови.

— *Возможен ли приход к власти таких людей, как Зюганов и Жириновский?*

— К сожалению, в принципе угроза прихода к власти человека, который будет решать, затевать ли новые войны и бросать в их пекло наших детей, реальна. Что касается конкретно Жириновского, то недооценивать этого господина нельзя, но я все же надеюсь, что Россия его не выберет. Его за последний год узнали как клоуна и как человека, способного безответственно играть серьезными вещами. Если человек приходит на выборы под лозунгом «Каждой незамужней женщине по хорошему непьющему мужу!», то в конце концов его спросят: где муж-то?

— *Что собой представляет Невзоров-политик¹?*

— Как депутат Думы невыразителен, малозаметен. Полная противоположность Невзорову-репортеру, вне всякого сомнения, профессионалу, хорошо владеющему искусством монтажа: он почти из всего может сделать все что угодно.

— *Ваше отношение к Черномырдину?*

— Смотря к какому... Виктора Степановича в декабре 92-го привели в премьеры коммунисты и аграрии, и тогда, вы помните, он заявил, что будет строить рынок без базара, бороться с инфляцией немонетаристскими методами, покончит с экономическим романтизмом... А совсем недавно он выступал на заседании коллегии Минэкономики, и, читая его выступление, я временами думал, что это говорит хорошо загримированный под Черномыр-

дина Гайдар. Что случилось? Человек переродился? Да нет, конечно, он адаптируется. Я думаю, все нутро Черномырдина протестует против того, что он вынужден делать. Но жизнь — штука жесткая, она заставляет действовать по своим непреложным законам.

— *Как оцениваете спринтерский забег Полеванова во власть¹?*

— Как совершенно поразительный по своим разрушительным последствиям. Одного заявления этого господина насчет намерения национализировать приватизированные предприятия оказалось достаточно, чтобы на долгое время отбить желание зарубежных инвесторов вкладывать деньги в нашу экономику.

— *Почти во всех регионах, куда Вы приезжаете, уже побывал Руцкой. Вы специально идете по его следам? Как Вы его вообще оцениваете?*

— Ну уж нет, по его следам я не иду. Это он передо мной зачем-то... светится. А оцениваю я его... Как можно оценивать такого человека? Весь мир видел и слышал, как Руцкой призывал к штурму мэрии, «Останкина» и Кремля, а потом звал на помощь послов и военных летчиков, чтобы они спасли его драгоценную жизнь.

— *Вы как-то говорили, что следующим президентом России будет удачливый региональный лидер. Кто же?*

— Пока он не выявился. Но ведь до выборов еще есть время.

— *А Немцов?*

— Борис Немцов, несомненно, яркая, одаренная личность. Но... он еще слишком молод. Я по себе знаю, что это недостаток для политика. Правда, быстро проходящий.

— *Что представляет собой Дума в профессиональном отношении?*

— Квалифицированные люди есть во всех фракциях, в том числе и в коммунистической. Но и количество людей с неуравновешенной психикой по-прежнему велико.

¹ Александр Глебович Невзоров — телерепортер и публицист, общественный деятель (был депутатом Государственной думы четырех созывов). В последние годы занимается коневодством, публикует книги о лошадях. — *Прим. ред.*

¹ Владимир Павлович Полеванов, по образованию ученый-геолог, был губернатором Амурской области, а на рубеже 1994–1995 гг. занял должность заместителя председателя Правительства РФ — председателя Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом, но продержался в ней лишь два месяца (откуда и «спринтерский забег»). В настоящее время работает в бизнесе, особенно золотодобывающем. — *Прим. ред.*

Об «ограблении народа»

— *Расскажите, как Вы ограбили народ, как украли гробовые у стариков и когда думаете рассчитываться.*

— Я был не первым, кто совершил такой некрасивый поступок. После Второй мировой войны оказались обесценены вклады немцев. Так кто же был виноват, что они лишились всех своих сбережений, — Гитлер, пустивший вклады на вооружение армии, на войну, или министр финансов Германии Людвиг Эрхард, открывший сейф и показавший, что там ничего нет?

Я никого не грабил, я сделал то же самое, что и мой германский коллега, — открыл сейф и показал, что там пусто, только голодные мыши бегают. Золотой запас России — 1300 т, доставшиеся от царя, был промотан советскими правительствами, особенно двумя последними — Рыжкова и Павлова, осталась лишь пятая часть его. Валютные резервы на нуле, и огромный внешний долг — более 120 млрд долл. — страна не в силах обслуживать. Многие, наверное, помнят нашумевшую в конце 80-х гг. статью Николая Шмелева «Авансы и долги». Он писал, что надо сделать все возможное, пустить в ход все резервы, но личные сбережения граждан сохранить.

Так вот не было их, этих резервов, о чем Николай Петрович мог не знать, а Горбачев знал наверняка, потому и не начинал реформы — боялся открыть сейф.

Я это сделал, потому что... У меня вообще есть неприятная привычка говорить правду, а в данном случае ее не сказать было просто нельзя.

Можно ли компенсировать вклады и когда? В принципе можно, немцам это удалось сделать. Однако это отнюдь не бухгалтерская операция. Чтобы вернуть деньги людям, надо их заработать. Нужны в сущности две вещи: стабильная валюта и растущая экономика.

О реформах

— *Ваши реформы с треском провалились. На что Вы надеетесь, агитируя за них вновь и вновь?*

— Надеюсь на огромный потенциал России, в том числе на потенциал здравого смысла.

У нас очень короткая историческая память. Мы не помним того, что происходило с нами 3— 5 лет назад. А происходило вот что. Я расскажу о первых пяти бумагах, которые получил, придя в правительство.

Первая записка поступила из Министерства торговли — о состоянии товарного рынка. Были перечислены регионы, в которых по три-четыре месяца не отовариваются карточки, торговля хлебом продолжается около часа, кое-где начались табачные бунты. Вторая записка — от председателя «Хлебопродукта»: зерна при самой строгой экономии осталось на два месяца. Третья: госрезерв фактически использован, съеден, то, что осталось, будет пущено на снабжение Москвы и Ленинграда. Четвертая — из Внешэкономбанка: валюты нет ни копейки, последнее советское правительство изъяло 9 млрд долл., принадлежавших гражданам и предприятиям, и уже промотало их на текущие нужды. Пятая — о состоянии золотого запаса: осталось 296 т. Таково было состояние великой страны на момент начала нашей деятельности.

Мы стояли перед уникальной задачей, когда пути решения надо было выбирать впервые, потому что еще никто не строил цивилизованную рыночную экономику на развалинах «развитого социализма». Было много споров, мы выслушали невероятно много обвинений в некомпетентности, отсутствии опыта, в том, что учились за границей...

Но сегодня, по прошествии трех лет, многие вещи, которые было трудно объяснить даже специалистам, перестали быть предметом дискуссии, а стали фактом обыденного сознания. Студент четвертого курса экономического факультета не получит зачета, если не знает вполне азбучные правила вывода экономики из тоталитарного кризиса. Чтобы эти истины усвоить, не надо брать курс лекций в Чикагском университете, достаточно посмотреть вокруг. Примерно два десятка государств в Европе и Азии к концу 1991 г. стали перед выбором: куда двигаться? И там, где у власти оказались последовательные реформаторы, была выбрана радикальная стратегия: сначала либерализация цен, ликвидация госзаказов, фондов, нарядов, открытие экономики, введение конвертируемости валюты, быстрая приватизация, затем финансовая стабилизация, формирование рыночного законодательства и на этой основе создание

стимулов для частных капиталовложений, обеспечение экономического роста.

Там же, где у власти остались коммунистические лидеры, а в правительства пришли не «завлабы», а опытные хозяйственники, был избран другой путь — «плавных» реформ: с сохранением масштабного регулирования цен, обильных госзаказов и фондов, с жестким контролем за экспортом и импортом, с монополией внешней торговли, с дотациями промышленности, всякого рода взаимозачетами и с очень осторожной приватизацией.

И теперь мы видим, что те страны, которые последовательно осуществляли курс реформ, имели: в первый год — полные прилавки, во второй — стабильную валюту и снижение инфляции, в третий — растущую экономику. Так в Чехии, Словакии, Польше, Эстонии, Латвии, Литве... А в Украине, Белоруссии, Казахстане, Узбекистане (не станем включать в этот список страны, охваченные войной) — острейший финансовый кризис, полностью исчерпаны валютные резервы и полная зависимость экономики от того, продолжит ли Россия и дальше обеспечивать их энергоносителями в долг, т. е. даром.

Если бы в 1991 г. кто-нибудь сказал, что уровень жизни в нищей Албании через три года втрое превысит уровень вполне благополучной по тем временам Белоруссии, этого человека сочли бы сумасшедшим. Но сегодня это именно так, потому что Албания прошла трехлетний путь жестко заданным курсом, а Белоруссия на этот путь не вступила.

Итак, три года — вот оптимальный срок от начала реформ до начала экономического роста. У нашего правительства не было этих трех лет, а было всего 11 месяцев. За этот неполный год мы выполнили все, что обещали: ликвидировали очереди, насытили рынок товарами, конвертировали рубль и сделали его работающим. Но финансовую стабилизацию обеспечить не успели, спад производства не остановили.

Наши реформы не провалились с треском, а были насильственно, с треском остановлены по инициативе коммунистов, аграриев и националистов в конце 1992 г. И то, что мы сегодня находимся между нищей Украиной (где средняя зарплата 25 долл. в месяц) и растущей Латвией (средняя зарплата 125 долл.), — не результат гу-

бительных реформ, а закономерное следствие их незавершенности, постоянных колебаний, потери темпа.

— Многие авторитетные специалисты утверждают, что Вы загубили реформы, нарушив их последовательность. Сначала надо было добиться роста производства, а уж потом стабилизировать финансы. Вы с этим не согласны?

— Категорически. Стабильная валюта — это стартер, без которого мотор экономики не заработает, залей ты в него первоклассный бензин или кристально чистую водку «Распутин», хоть ты дуй на него, хоть плюй... Сначала стабильная валюта, которой доверяют, на этой основе частные сбережения, инвестируемые в национальную экономику, а затем рост экономики, повышение благосостояния, увеличение сбережений и соответственно инвестиций.

Везде и всегда в послевоенном мире устойчивый экономический рост базировался на нескольких элементарных вещах: политической стабильности, стабильности национальной валюты, гарантиях частной собственности, открытой и мирной внешней политике. Именно на этой основе было обеспечено японское, корейское, германское экономическое чудо. Все экономические чудеса в послевоенном мире содержат не больше чудесного, чем стиральная машина.

— Можете Вы назвать продукцию, которая Вашими стараниями за время реформы стала гордостью Отечества?

— Вот так, чтобы лично моими стараниями... Нет, пожалуй, не назову. Но есть все же нечто, достигнутое в ходе преобразований и чем можно гордиться. Отечественная колбаса. Вы помните, какой она была? Что-то крахмально-бумажно-мокрое... Стоило появиться импортным продуктам, едва началась хоть какая-то конкуренция, и наши производители зашевелились.

— По каким временам Вы испытываете ностальгию?

— Я не испытываю ностальгии. Но мне искренне жаль, что тот подъем, которого Россия достигла в 1907—1913 гг., был подорван войной и стране уже не суждено было вернуться на путь столыпинских реформ.

— В 60-е годы предпринимались какие-то попытки, а чем закончились?

— Ничем. Возможность в конце 50-х — начале 60-х гг. пойти «китайским путем» (термин условный) была упущена. Была упущена

и возможность начала рыночных преобразований в середине 80-х. Если бы тогда, не дожидаясь развала старой системы управления, начали пристраивать элементы новой модели, переход к рынку оказался бы менее болезненным.

— *Будь у Вас сейчас возможность продолжить начатое, какие бы реформы Вы сочли первоочередными?*

— Надо безотлагательно реформировать армию, сельское хозяйство и госаппарат. У нас невероятно, разорительно большая и столь же бестолковая армия. Когда в 30-х гг. СССР был в кольце врагов, он имел армию вдвое, если не втрое меньшую, чем сейчас. Мы тратим на Вооруженные Силы больше половины доходов федерального бюджета, и все равно офицеры не получают по несколько месяцев зарплату, не хватает денег на вооружение, на горючее для плановых учений, на социальные нужды военнослужащих. Военные говорят: гарнизоны укомплектованы личным составом на 20% и меньше. Спрашивается: зачем нам такое количество воинских соединений? Зачем иметь пять небоеспособных дивизий вместо одной боеспособной бригады? Зачем содержать огромное военное натуральное хозяйство?

Я недавно побывал в ракетной части. Обычная часть: еле сводит концы с концами, вот-вот у нее отключат воду, электричество — платить нечем. А рядом военный завод стройматериалов, где совсем другая жизнь: офицеры обеспечены жильем, солдаты живут в теплых казармах. Одна только закавыка: продукция, выпускаемая этим заводом в погонах, стоит в 2,5 раза дороже, чем аналогичная гражданская. Многие тысячи людей несут «воинскую службу» на подобных предприятиях да еще в 500 военных совхозах. Чтобы обеспечить личным составом все эти объекты, чтобы обеспечить подчиненными огромное количество генералов, в пору объявлять тотальную мобилизацию и, конечно, отменять отсрочки от призыва для студентов. «Выбор России» категорически против этих антиреформенных мер.

— *Есть утверждение, что реформа армии обойдется дороже, чем содержание нынешней.*

— Это глупость. Расчеты показывают совсем другое. А здравый смысл и опыт многих цивилизованных государств, отнюдь не халатно относящихся к вопросу своей национальной безопасности и защиты, свидетельствуют, что компактная, грамотно организо-

ванная армия гораздо выгоднее для государства, чем разросшийся монстр. Она лучше управляема, ее легче, дешевле обеспечить самыми новейшими видами вооружений.

Сейчас много говорят о возможной отставке Грачева, замене других высших военных должностных лиц. Наша партия в самом начале чеченской авантюры выступила с требованием о привлечении к ответственности ее виновников. Однако замена одного генерала другим не решение проблемы. Министр обороны должен быть гражданским, а не военным. Он должен быть ответственным политиком, а не бездумным рубакой.

— *Что Вы подразумеваете под аграрной реформой? Насажение чуждого России фермерства?*

— Под реальной реформой сельского хозяйства я подразумеваю полноценную, хотя и регулируемую, частную собственность на землю; создание системы залогового сезонного кредитования, увязанного с этой частной собственностью; формирование полноценного рынка продуктов питания и снятие административных ограничений на работу этого рынка; далее — систему оптовой торговли, крестьянские банки, муниципализацию социальной сферы села.

Аграрная реформа была остановлена в России весной 1992 г. после назначения начальником ее Руцкого. Сейчас, когда аграрная сфера оказалась полностью в руках коммунистов и аграрной партии, ее судьба незавидна. Известно, например, что аграрии, пришедшие в Министерство сельского хозяйства, надеются провести нормативный акт, который отнимет у крестьян право выхода из колхоза с землей, которое было предоставлено (в ограниченном виде) в 1992 г. Во многих областях, я знаю, снова стали «спускать» планы посевов, диктовать, что, когда и кому продавать. Аграрное лобби в парламенте активно выколачивает дотации из бюджета... На все это, конечно, ума не надо.

А вот Николай Травкин в своем Шаховском районе проделал элементарные, не открывающие Америк вещи и добился успеха без всяких дотаций. Он самое лежащее хозяйство просто разделил на несколько крестьянских хозяйств, и сегодня там самые высокие показатели продуктивности.

Фермеры переживают непростое время, потому что вся помощь сельскому хозяйству идет через структуру аграрной партии, которая к фермеру относится, мягко говоря, негативно. Но уже десятки

тысяч фермеров твердо стоят на ногах и выстоят, если будут сражаться за свою землю даже с оружием в руках, когда это необходимо.

— *Не задушит ли нас чиновник?*

— Угроза того, что огромное, жиреющее, все регулирующее, коррумпированное государство задавит реформы, увы, реальна.

Вот такое наблюдение. Раньше, подъехав к зданию райкома партии, я видел три «Волги»: первого секретаря, второго и разгонную. Теперь возле того же здания, где размещается районная администрация, не менее полутора десятков персональных автомашин. Раньше в одном здании чаще всего располагались обком партии и облисполком, теперь на этих площадях «теснится» областное правительствo. Дело не только в том, что это дорого, на самом деле дорого. Беда, что каждый чиновник хочет, чтобы его уважали, с ним считались, он должен что-то разрешать или запрещать: квоты, лицензии, субвенции, кредиты... Чем больше чиновников, тем на самом деле надежнее тормоз на пути реформ. Есть такая дисциплина — «экономика коррупции», которая учит, что масштаб коррупции в стране прямо пропорционален объему государственного регулирования. Кажется, тут комментарии излишни.

В 1992 г. мы резко сократили количество министерств и число работающих в них. Но с начала 1993 г. начался бурный, будто на дрожжах, рост всякого рода управленческих структур, причем одни занимаются неведомо чем, а о других точно известно, что их деятельность вредна. Например, комитет, ведающий вопросами конверсии, вместо того чтобы определить 200 оборонных заводов и обеспечить их полную загрузку госзаказом, а остальные 400 отпустить на волю, размазывает оборонные заказы по всем 600 заводам, загружая их на 15—30%, и всех держит впроголодь. Вопрос о государстве, его масштабах и регулирующей роли был и остается одним из главных пунктов моих расхождений с Черномырдиным.

О бюджете и финансах

— *Много говорилось о том, что государственный бюджет должен формироваться снизу. Но все осталось по-старому: бюджет формирует правительство и утверждает Дума, т. е. все идет сверху. Когда же это кончится?*

— Бюджет должен формироваться не сверху и не снизу, а на основе нормального федерализма, который предполагает, что средства из госбюджета выделяются регионам независимо от личных отношений просящего и дающего. У нас сейчас субвенции распределяются смешно: «бедному» Югу — больше, «богатому» Северу — меньше. По сути, такие регионы, как Мурманская, Вологодская, Кировская, Пермская области, являются донорами Краснодарского и Ставропольского краев, Волгоградской и Ростовской областей. Это происходит по очень простой причине: активно голосующие в парламенте коммунисты-южане «забывают» не в меру спокойных северян и успешно перетягивают одеяло дотаций на себя.

— *По некоторым оценкам, предложенный правительством бюджет на 1995 г. лучше предыдущего. Это действительно так?*

— Действительно так. Правительство предложило бюджет, в котором дефицит хотя и не радикально, но все же в сравнении с 1994 г. был сокращен, т. е. в бюджете присутствует тот здравый смысл, который диктует жесткую финансовую политику. Стержневая идея — переход к неэмиссионному финансированию дефицита бюджета. Вообще дефицит бюджета — это страшная штука для национальной экономики. Я об этом говорил начиная с 1992 г., а мне возражали: эка невидаль, у многих стран есть бюджетные дефициты и их как-то покрывают. Но в том-то и дело, что не «как-то», а из неэмиссионных источников, которых у стран с развитой рыночной экономикой множество, а у нас финансовый рынок незрелый, только-только формирующийся. Тем не менее можно закрыть брешь за счет долгосрочных внешних кредитов и разумной работы на внутреннем рынке. Но в эту фразу надо теперь вставить слово «было»: можно было закрыть брешь бюджетного дефицита. Если бы не чеченская война. Она перечеркнула многие возможности, в том числе возможности финансовой стабилизации. Можно спорить о том, сколько средств потянет из напряженного бюджета эта авантюра — 10 или 15, а может, 20 трлн. Но неоспорим факт: инфляционные ожидания подскочили в декабре — январе на 7 пунктов. Значит, мы уже рассчитываемся за чеченскую кампанию. Неимоверная глупость, не затрагивая политический, правовой и нравственный аспекты, заключается в том, что мы вкладываем средства сначала в то, чтобы разбомбить Чечню, а следом в то, чтобы разрушенное восстановить. Тем не менее предстоит третье чтение законопроекта о бюджете, и наша за-

дача заключается в том, чтобы внести в него поправки структурного характера: увеличить ассигнования на здравоохранение, науку и культуру за счет сокращения средств, в частности, на содержание неимоверно разросшегося госаппарата и Федеральной службы контрразведки, которая «съедает» вдвое больше, чем вся культура.

— *Депутаты проголосовали за бюджет, а потом за повышение минимальной зарплаты, перечеркивающее бюджет?*

— Это было блистательно!.. Чем объяснить? Проще всего было бы сказать: глупостью. Но это не так. Это еще и самая элементарная позорная корысть. Поскольку у нас на минимальную зарплату стараниями еще Верховного Совета «навешаны» зарплаты всех бюджетников, включая президента, министров, депутатов, чиновничество, то вся эта орава, а отнюдь не только 1% работающих, получающих действительно минимальную зарплату, автоматически увеличивает свой доход в 2,5 раза, и, к примеру, депутат Думы будет теперь получать около 2,5 млн руб. Я на Совете Думы категорически возражал против подобных шагов, говорил, что это помимо прочего стыдно, но был обвинен в популизме.

«Выбор России», естественно, голосовал против этого дикого закона, но остался в меньшинстве. Остается надеяться, что Совет Федерации окажется разумнее и порядочнее. И есть еще надежда на президентское вето.

— *Чем вызвано бегство капитала из страны? Как это вообще происходит?*

— Разумеется, не надо это представлять так, что коварные контрабандисты тайными тропами под покровом ночи тащат мешки, набитые деньгами, через эстонскую границу. Нет, все проще и прозаичнее. Центральный банк вполне легально в 1994 г. ввез в страну 16 млрд долл., которые были куплены российскими гражданами. Это значительно больше, чем составляют инвестиции государства в экономику.

Россияне переводят рубли в доллары не потому, что им так уж нравится зеленый цвет и что им так уж хочется кредитовать американский бюджет, а потому, что наша национальная валюта нестабильна, испорчена, подорвана печатным станком. Не везут же доллары в Чехию, страны Прибалтики. Им это не нужно, потому что собственная валюта в результате жесткой финансовой политики вполне устойчива, тверда.

О намерениях коммунистов

— *Если вывести страну из кризиса так легко, как Вы говорите, если эта наука доступна даже студенту четвертого курса, то почему тогда большинство в Госдуме отстаивает принципиально другие, отличные от предлагаемых Вами пути развития России?*

— Во-первых, о думском большинстве. Его, как известно, составляет блок коммунистов, аграриев и национал-социалистов, в общей сложности примерно 200 депутатов, а демократическое меньшинство 120—130 человек. Я, естественно, внимательно слежу за тем, что пишет и произносит оппозиция по экономическим вопросам. Представьте, в их печати и выступлениях нет ничего нового, ничего такого, что не было бы испробовано в Белоруссии и Украине.

Мы можем обратиться к экономической программе оппозиции, представленной коммунистами, там очень здорово написано, как они намерены разобраться с экономикой. Я приведу несколько ключевых пунктов, называя вещи не завуалированно, а своими именами.

Первое. Надо напечатать много-много денег и накачать ими экономику — поддержать предприятия. Замечательно, поддержали. Инфляционные ожидания подскочили, рубль нестабилен — куда пойдут деньги? Ясно: на валютный рынок. Но валютные резервы уже растранижирили, их хватит для интервенции и контроля курса недель на шесть. Что после? Курс абсолютно неконтролируемый, прыгает спекулятивно, как в «черный вторник», и, значит, надо переходить к пункту второму программы — вводить фиксированный рубль, ликвидировать валютный рынок. Рубль, естественно, стал снова «деревянным». Чего добились? Надежно защитили отечественного товаропроизводителя. Ведь за «деревянные» никакой идиот никаких товаров в Россию не повезет. За неделю опустошили палатки, и все.

Дальнейшее происходит как по маслу: импорт уже не сдерживает цены на отечественные товары, и они ползут вверх. У оппозиции этот вариант предусмотрен — надо заморозить цены. Товары после этого почему-то немедленно исчезают из продажи, на рынке ничего не купишь, мы снова приятно проводим время в очередях: «Здравствуйте, какой у вас номер?..» Теперь надо ввести карточки. Но это не все. Зерно и другие продукты никто уже не сдает, за «де-

ревянные» рубли не продает, а райкомов партии нет, КГБ нет — некого бояться. Надо вводить режим продрозверстки.

Вот так, очень просто через несколько месяцев мы сможем поздравить друг друга с Новым 1991 г., куда нас настойчиво приглашают господа коммунисты. Неужели, спрашиваете, они не понимают, к чему зовут? Неужели не могут съездить в Белоруссию и Украину, где их призывы в полной мере реализованы? И могут, и ездят, и знают. Дело же в том, что оппозиция руководствуется циничным принципом — «чем хуже, тем лучше».

Развитие экономического сюжета по коммунистическому сценарию будет именно таким, как я описал, если правительство и дальше пойдет по пути опасных компромиссов и уступок, не сможет противостоять нажиму коммуно-аграрного лобби. Совершенно ясно, что, вернув страну к пустым прилавкам и очередям, коммунисты обвинят в этом реформаторов и демократов, как обвиняют во всех сегодняшних и даже будущих грехах нас, уже два года не работающих в правительстве.

Для них это естественный, да, пожалуй, и единственно возможный путь к власти.

О партии

— *Какая из партий, по-Вашему, наиболее полно и последовательно представляет и отстаивает демократические интересы в России?*

— Наша — «Демократический выбор России». Это молодая партия, быстро формирующаяся и растущая. Ее организации есть уже в подавляющем большинстве регионов. Пожалуй, ДВР сегодня самая структурированная демократическая организация России.

— *Кто поддерживает партию? На кого Вы опираетесь?*

— К счастью, нас поддерживают очень многие здравомыслящие люди. На обращение о создании партии мы получили очень много откликов от самых разных категорий россиян. А если говорить о базовой основе, то это три группы: первая — квалифицированные работники, те, за чей счет живут лодыри, тунеядцы, пьяницы; вторая — интеллигенция, которая понимает, что без цивилизованной, нормально устроенной экономики никогда не будет нормальной науки, культуры, образования и свободы; третья — предприниматели, понимающие, что если не сохранить в нашей стране демокра-

тические институты, то все — в этом теперь не может быть сомнений — пойдет прахом.

— *Правда ли, что Вашу партию финансирует компания ОЛБИ?*

— Не только. Президент ОЛБИ известный бизнесмен Олег Викторович Бойко возглавляет исполком партии, и, естественно, его структуры оказывают финансовую поддержку партии. Поддерживают нас и другие предприниматели, в том числе в регионах. Источником финансирования являются и членские взносы в размере 1% доходов. Мы ни в коем случае не собираемся проверять зарплату членов партии, наводить справки в бухгалтериях и налоговых инспекциях. Это для нас, если хотите, некий нравственный ориентир.

Наша партия небогата, не имеет базы для роскошества, но какие-то элементарные деньги для решения насущных задач у нас есть.

— *Какие задачи Вы ставите сейчас перед партийными организациями, совершая поездки по регионам?*

— Из нескольких я особо выделю одну. Ни в коем случае нельзя отдавать малые коллективы, малые группы людей коммунистам и фашистам. Надо создавать систему пропаганды, готовить агитаторов, использовать средства массовой информации и просто идти от двери к двери и информировать людей, говорить им правду о фашистской угрозе.

О себе

— *Как Вы стали экономистом, а потом политиком?*

— В детстве я хотел стать военным моряком. А идея стать экономистом пришла, кажется, в классе шестом, когда я прочитал книжку любимых мною писателей братьев Стругацких «Необитаемый остров». Там главного героя его товарищ спрашивает: ты понимаешь, что в стране происходит? Понимаешь, что идет инфляция? Ты знаешь, что это такое? Мне стало интересно, что такое инфляция, и я решил этим заняться.

А политическая карьера началась просто. 19 августа 1991 г. меня разбудила жена и сказала, что в стране переворот и что, мол, будем теперь делать. С этого момента я, вполне академический человек, доктор наук, совершенно сознательно ни в какую политику не лезший, был в нее втянут. Надо было просто что-то делать, что-

бы власть не взяли какие-то странные люди. Я не верил и не верю в российских пиночетов, в возможность какого-то просвещенного авторитарного режима. Я знал и знаю, что если мы не сохраним зачатки демократии, то страна будет подвергнута новому ужасному эксперименту.

Я поехал в институт, где работал директором, мы собрали партийное собрание и постановили парторганизацию распустить. Потом все поехали к Белому дому.

В 1992 г., в декабре, я ушел в отставку, по сути меня вытолкнули из правительства, и мне казалось, что можно плюнуть на политику. Но через месяц понял, что это абсолютно невозможно, потому что за все, что происходит, все равно как бы отвечаю я. Не потому, что на меня все валят, это само собой, а потому, что я сам ответственность чувствую. Не возглавляю правительство уже два года, политика его мне очень часто кажется малоразумной, и тем не менее по жизни я за все, что делается в России, отвечаю. В том числе за ошибки президента. Потому я вернулся в политику.

— *Как Вы, сотрудник журнала «Коммунист», проводник марксистской идеологии, стали ее заклятым врагом?*

— В журнале «Коммунист» работал, а проводником марксизма не был. Кандидатскую диссертацию я защитил на тему «Оценочные показатели в хозрасчете производственных объединений», докторскую — на тему «Иерархические структуры и экономические реформы». А статьи я писал о грозящем развале финансовой системы, о необходимости структурной перестройки экономики... Да вот что я скажу. Все мои работы, начиная с курсовой за второй курс, моими оппонентами изучены под микроскопом. И если бы они нашли что-то этакое, компрометирующее, этот компромат был бы уже написан метровыми буквами на тех плакатах, которыми меня кое-где встречают. Но они ничего такого, за что мне было бы сегодня стыдно, не нашли.

Я пришел в «Коммунист» в 1987 г. и заведовал отделом экономической политики. Это была невероятно трудная работа из-за закрытости экономической информации. Как можно было обсуждать экономические проблемы, не зная реального состояния бюджета, а ведь его даже министры не знали. Мы и начали нашу работу с того, чтобы открыть информацию, преодолеть рогатки цензуры.

— *Почему Вы предали своего деда? Аркадий Гайдар боролся за освобождение трудящихся от гнета помещиков и царизма, а Вы ниспровергаете его идеалы.*

— Вы знаете, в чем главное различие коммунизма и фашизма? Фашизм — откровенно злодейское, человеконенавистническое учение, а коммунизм очень привлекателен своими идеями равенства, братства, справедливости, свободы. Потому среди тех, кто боролся за социализм и коммунизм, очень много честных, порядочных людей.

Мой дед оказался втянут в мясорубку революции и Гражданской войны в 13 лет, тогда он впервые был ранен. Воевал с 14 до 18 лет, а в 19 лет, израненный и контуженный, был из армии демобилизован. И я отнюдь не вправе предъявлять ему счет за то, что он воевал за правду, какой он ее тогда понимал. Но одно дело — разделять великое заблуждение в начале 20-х и другое — упорствовать в нем, когда Россия уже заплатила за него миллионами жертв, тупиком экономического развития, страшным кризисом 80-х гг. Упорствовать в этом заблуждении сегодня — это, по-моему, действительно предавать идеалы. Идеалы честности.

А дело деда я в каком-то смысле продолжаю. Помните, Тимур и его команда защищали частную собственность — сады дачного поселка — от разорителей-хулиганов во главе с Мишкой Квакиным? Вот и я сегодня отстаиваю частную собственность.

— *Вы, наверное, при входе видели Ваших противников. Каково Ваше к ним отношение?*

— Спокойное. Есть разные точки зрения, есть политическая борьба. Можно только приветствовать, если она протекает в цивилизованных формах. Я категорический противник одного: чтобы политические разногласия решались через прицелы танков.

— *Однако Вы были одним из тех, кто инициировал кровавые события октября 1993 г.*

— Это неправда. Я был, напротив, инициатором конституционного соглашения между представительной и исполнительной властями с участием Конституционного суда. Условием соглашения была отставка реформаторского крыла правительства как плата за согласие на референдум по новой Конституции и свободные выборы. Как известно, едва я ушел в отставку, соглашение было оппозицией грубо и бессовестно нарушено. Я убежден, что в той ситуации

у президента не было иного выхода, кроме того, какой он предпринял. Что касается крови... Напомню, что кровь начала литься, когда господин Руцкой призвал к штурму мэрии, больше всего убитых было при штурме «Останкино», и убиты были невинные люди, никто из руководителей оппозиции и народных депутатов не пострадал. Все они получили квартиры в Москве, ходят к нам в Думу, очень хорошо выглядят, такие упитанные, почти как я.

— *Какая у Вас охрана?*

— Очень маленькая. Как видите, всего два человека. В основном это защита не от террористических актов, а от сумасшедших, ничего больше.

— *Как Вы относитесь к выступлению Александра Солженицына в Думе¹?*

— С печалью... К самому Александру Исаевичу я отношусь независимо от того, что он будет говорить дальше, как к великому русскому писателю и человеку, который сделал очень много для того, чтобы свободная Россия стала возможной. И этого отношения я не изменю. Хотя многое из того, что он говорит сейчас, мне кажется неточным. Все-таки 20 лет разлуки с родиной сказываются даже на очень сильных умах. Я думаю, постепенно Александр Исаевич сможет лучше понять и точнее оценить происходящее в России и изменит многое из того, что говорит сегодня.

О необходимости единства

— *В наш областной парламент бывшие и настоящие руководители выбирают сами себя. На последних выборах большинство избирателей не пришли к урнам, выборы на многих участках были признаны недействительными. Но это не помешало проглотить всех, кого наметили. Скажите, как установить настоящий контроль общественности за результатами выборов?*

— Надо понять, что всевластие номенклатуры и безответственность, бесконтрольность властей — это оборотная сторона нашей пассивности. Отказываясь голосовать, отказываясь участвовать

в политической жизни, мы сами отдаем власть, отдаем будущее своих детей в руки людей, от которых можно ожидать самого худшего.

— *То, что демократы потерпели поражение в декабре 1993 г., можно объяснить разочарованием людей в реформах или иными причинами?*

— Уверен, что главную роль сыграли два основных фактора: пассивность избирателей и разобщенность демократов. К сожалению, многие здравомыслящие люди, которые совершенно не приемлют ни коммунистической, ни националистической идеологии, сыграли на руку этим силам, не придя в декабре 1993 г. к избирательным урнам. Мы лишились той поддержки, на которую рассчитывали.

Сами демократы проявили недальновидность и, я бы сказал, легкомыслие, идя на выборы не единым блоком, а растопыренной пятерней. Высказывалось мнение, что так легче пройдут те, за кем нет шлейфа непопулярных реформ. В результате ДВР просто не набрал необходимого минимума, не очень преуспело и «ЯБЛоко»... Соревнование в одном округе трех-четырех демократических кандидатов, отобравших голоса друг у друга, проложило дорогу в Думу весьма сомнительным личностям.

Этого нельзя больше допустить. Необходимо создать широкую коалицию людей, не желающих, чтобы к власти пришли люди, которые загонят нас в лагерь, снова заставят производить больше всех в мире вооружений, посадят всех на карточки.

У многих есть ощущение стабильности того, что сделано. Думают, то, что достигнуто, теперь навеки. Но наша демократия еще очень молода, ей всего три года, это хилый ребенок, которого надо выхаживать. И в таком же состоянии рынок. Все абсолютно зыбко, обратимо — не надо питать иллюзий.

Есть усталость от политики, разочарование в ней? Это понятно. Но наше общество еще не прошло всех опасных поворотов и развилочек. Мы не можем, не имеем права позволить себе деполитизацию, умыть руки и будь что будет.

Будет плохо, совсем плохо. Мы не выберемся оттуда, куда свалимся.

— *Пассивность пассивностью, но Вы сами не можете договориться между собой, всем хочется сесть в президентское кресло. Разве не так? Зачем создаются одна за другой какие-то карманные псевдопартии?*

— Огромная проблема для демократов — это проблема личных амбиций. Да, президентское кресло так соблазнительно, что оно часто и многим заслоняет ответственность за будущее страны. Поэтому мы,

¹ Имеется в виду выступление в Государственной думе 28 октября «Наша высшая цель — это сбережение нашего народа». В нем А. И. Солженицын среди прочего резко отрицательно высказался о российских реформах и их непосредственных последствиях. — *Прим. ред.*

партия «Демократический выбор России», говорим: давайте не будем сейчас обсуждать вопрос президентства. Главная задача не проиграть парламентские выборы 1995 г., потому что с таким парламентом, как нынешний, никакой президент ничего толкового сделать не сможет. А ведь не исключен и худший вариант. Надо договориться о широкой коалиции, о том, чтобы четыре кандидата не состязались друг с другом, о правилах единой пропагандистской работы. На этой основе создать ответственный и разумный парламент (хорошо бы вовсе без идиотов и проходимцев!), а затем более единое, командное правительство, способное реализовывать здравую экономическую политику. И уж с этими завоеваниями идти к президентским выборам, которые действительно будут предельно важны для будущего России.

К газетному отчету, обобщающему ответы избирателям, Е. Гайдар приложил следующее заявление.

**ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ТВОРЧЕСКИМ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗАМ, ВСЕМ, КОМУ
НЕБЕЗРАЗЛИЧНА СУДЬБА РОССИИ**

Слабости и ошибки властей, наглый эгоизм чиновников, преступность и коррупция, цинизм безответственных политиков и усталость граждан — все это подвело общество к той черте, за которой реальными становятся хаос и диктатура.

В стране сейчас огромное число партий и движений. Однако если отрешиться от многоцветья знамен, эмблем и униформ, если забыть на минутку личные амбиции лидеров, то можно сказать, что на самом деле в России сегодня есть лишь две политические силы. Одни хотят любой ценой восстановить диктатуру, обнести всю Россию колючей проволокой и вновь управлять огромной страной насилием и страхом. Им все равно, какого цвета флаг будет при этом развеваться над Кремлем, будет ли режим называться коммунистическим или националистическим. Им важна лишь власть — власть абсолютная и бесконтрольная. И есть другие — мы с вами — те, для кого свобода и достоинство не пустой звук, кто хочет нормальной жизни для себя и своих детей, кто верит в способность граждан России обходиться без великих вождей и мудрых учителей, жить в мире с соседями и самим решать свою судьбу.

Чтобы не допустить катастрофы, мы должны договориться о единстве действий. Мы предлагаем:

- во-первых, последовать совету Е.Г. Боннэр и отказаться на время от обсуждения кандидатуры на президентских выборах. Выборы президента по Конституции должны состояться в июне 1996 г., у нас еще будет время решить, кто сможет обеспечить стабильность и нормальное развитие страны. Сегодня вопрос о кандидатуре будущего президента лишь провоцирует раскол между нами и не имеет никакого практического смысла;
- во-вторых, договориться о сотрудничестве по мажоритарным округам. Недопустимо, чтобы объединенному кандидату реакции противостояли, отбирая голоса друг у друга, несколько кандидатов от демократических здравомыслящих сил. Это слишком дорого стоило нам 12 декабря 1993 г., мы не имеем права повторять эту ошибку. Необходимо обсудить механизм согласованного выдвижения и снятия кандидатур в пользу друг друга, договориться об объединении пропагандистских усилий. И не так важно, к какой политической группировке будет принадлежать единый кандидат, важно лишь, чтобы он представлял здоровые силы общества;
- в-третьих, мы призываем отказаться от сектантства. Объективная поляризация политических сил привела к тому, что многие вчерашние центристы или деполитизированные хозяйственники стоят сегодня на позициях, близких к позициям демократического движения, а значит, являются нашими союзниками. Мы считаем, что сотрудничество по мажоритарным округам может сегодня строиться на базе очень широкой коалиции, включающей не только ДВР, «ЯБЛоко» и «Союз 12 декабря», но значительную часть ПРЕС и ДПР, творческие и профессиональные союзы, неангажированных политически хозяйственников и предпринимателей, всех, кто понимает грозящую стране опасность и хочет ее предотвратить;
- в-четвертых, поскольку сотрудничество по мажоритарным округам никак не отменяет конкурентную борьбу по партийным спискам, необходимо договориться о правилах полемики друг с другом. Мы призываем коллег по демократическому

движению осознать, что резкие выпады в адрес друг друга не добавляют авторитета никому из нас.

Мы обращаемся с этими предложениями не только к руководителям общероссийских политических, профессиональных и творческих союзов, но и прежде всего к регионам. Мы убеждены в том, что во многих регионах России демократические силы, здравомыслящие люди готовы к сотрудничеству. Раскол, о котором так часто говорят в Москве, — это раскол между лидерами, это их неумение договориться, поставить интересы страны выше личных амбиций. И поэтому мы призываем вас — не дожидайтесь, пока договорятся московские руководители, пока они подпишут официальные соглашения. Договаривайтесь сами. Ваши договоренности заставят и лидеров ваших организаций занять более конструктивную позицию.

Врозь мы обречены.

По поручению партии «Демократический выбор России»

Егор Гайдар.

Впечатление

Я подсчитал: за четверо неполных суток Гайдар провел 14 встреч, в среднем полуторачасовых. А кроме того, пресс-конференции, выступления по телевидению, беседы на ходу и за обеденным столом... Вот это меня просто возмутило: человек поднялся в 7 утра, на скорую руку позавтракал, а ему за обедом ложку ко рту поднести не дадут — вопросы, вопросы. Обратился к коллегам Гайдара, мол, давайте как-то ограждать... «Бесполезно, — ответили они в голос, — уже пытались, Гайдар говорит: не мешайте, я приехал работать».

Готовность к общению невероятная. И абсолютная неспособность поддакивать, даже тогда, когда ничего не стоит, казалось бы, согласиться из вежливости. Но Гайдар внимательно выслушает, секунду подумает и скажет: «Извините, но должен Вас огорчить — на самом деле это не так...»

«Неприятная привычка говорить правду...» Но почему-то никто на него не обижается.

Я сказал Гайдару:

— То, что Ваши выступления нужны и полезны людям, несомненно — сам видел, наблюдая за залом. А что дают эти поездки Вам?

— Заряд оптимизма. Я вижу, что все больше людей задумываются над самыми важными, ключевыми вопросами, стараются понять суть происходящего. Это очень обнадеживает.

Ответы Е. Т. Гайдара на вопросы обозревателя политической, экономической, литературной газеты юга России «Приазовский край»

1. Как Вы оцениваете ситуацию, сложившуюся в экономике страны к концу 1994 г.?

— Экономическая ситуация, сложившаяся к концу 1994 г., — порождение колебаний и компромиссов в политике правительства, особенно заметных весной — летом 1994 г. Российская экономика инерционна. Принятые сегодня решения оказывают видимое влияние, скажем, на ускорение или замедление темпов роста цен примерно через 5 месяцев. В течение первого полугодия 1994 г. проходившие в российской экономике процессы находились под сильным влиянием жесткой политики, которую мы проводили осенью и зимой 1993 г. Именно тогда была заложена база постепенного снижения темпов инфляции, процентной ставки, стабилизации курса рубля, повышения доли сбережений в доходах населения.

С апреля 1994 г. правительство уступило нажиму коммунистов и аграриев, включило в бюджет значительные неэффективные расходы, а затем, чтобы профинансировать их, еще раз прибегло к помощи печатного станка.

Со второго квартала 1994 г. темпы роста денежной массы удвоились. Специалисты знали, что это неизбежно приведет к резкому всплеску инфляции осенью. Экономические закономерности неумолимы. И динамика экономических показателей 1994 г. в России еще раз подтвердила, что с ними трудно не считаться. В августе резко меняется ситуация на кредитном и валютном рынке, начинается быстрое падение курса рубля, с сентября ускоряются темпы роста цен, а в декабре 1994 г. они уже в 4 раза превышают августовский

Интервью брала Алла АМЕЛИНА.

Опубликовано в: Приазовский край. 1995. 7 марта.

уровень. Кредитные ресурсы вновь направляются почти исключительно на валютный рынок, а о кредитовании инвестиций в отечественную промышленность на ближайшие месяцы приходится забыть.

Таким образом, опыт 1994 г. еще раз показал, что колебания и компромиссы, уступки безответственному популизму — прямой путь к продолжению экономической стагнации, надежное препятствие на пути экономического роста.

2. Каковы, по Вашему мнению, важнейшие варианты ее развития в 1995 г.?

— В конце 1994 г. правительство осознало бесперспективность продолжения политики компромиссов и колебаний, выработало программу стабилизационных мер, направленных на резкое снижение темпов инфляции, создание предпосылок экономического роста. Ее суть — сокращение дефицита федерального бюджета, финансирование его не за счет печатания ничем не обеспеченных денег, а на основе займов на внутреннем и внешнем финансовом рынке, снижение на этой основе темпов роста денежной массы и процентной ставки по кредитам, создание предпосылок, позволяющих направить отечественные сбережения на финансирование капитальных вложений в национальную экономику.

Программа рискованная, не все ее элементы в равной мере обоснованны. В ней явно просматриваются серьезные противоречия, связанные с отсутствием систематических усилий в области военной, аграрной реформы, сокращения государственного аппарата, без которых стабилизация не может быть устойчивой.

Несмотря на все свои недостатки, правительственная программа давала шансы на успех. Однако она была рассчитана на условия мира, а не войны. Начало военных действий в Чечне резко подхлестнуло инфляционные ожидания, создало дополнительные проблемы на и без того не слишком стабильном валютном рынке, резко ограничило возможности привлечения кредитных ресурсов на внутреннем финансовом рынке, крайне затруднило получение долгосрочных льготных кредитов в международных финансовых организациях.

Все вместе это существенно снизило шансы правительственной программы на успех. Уже сейчас ясно, что по меньшей мере весной 1995 г. инфляция останется высокой, а процентная ставка

по-прежнему будет запретительной для производственных капитальных вложений.

Дальнейшее развитие событий будет во многом определяться тем, в какой мере правительство окажется способным в ухудшившейся ситуации сохранить хотя бы контуры, главные ориентиры стабилизационной политики. В противном случае серьезным риском станут дальнейшая дестабилизация валютного рынка, ускорение инфляции, попытки бороться с этим злом административными мерами, воспроизводящие чуть подзабытые реалии дефицитной экономики: неконвертируемый рубль, очереди, карточки и т. д.

3. Вас по праву считают одним из основоположников рыночных реформ. Как Вы относитесь к их результатам? Если бы была возможность начать все сначала, изменили бы Вы что-то в практике реформ или менять ничего не пришлось бы?

— Когда мы начинали рыночные реформы, мы предполагали, что этот путь будет трудным и потребует по меньшей мере трех лет для создания предпосылок устойчивого экономического роста на рыночной основе.

Первый год — решим задачи ликвидации дефицита, обеспечения конвертируемости национальной валюты¹, открытия рынка.

Второй год — финансовая стабилизация и обеспечение устойчивости курса рубля, глубокие преобразования собственности.

Третий год — начало экономического роста на базе частных сбережений и инвестиций.

Опыт тех стран, где реформаторским правительствам политически был отпущен такой срок, показал, что эти задачи действительно решимы, и примерно в намечаемые сроки. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с реальностями Латвии, Эстонии, Польши, Чехии и других постсоциалистических государств. К сожалению, у нас не оказалось трех лет. 11 месяцев реформ позволили нам создать некоторый задел. Благодаря ему у нас и сегодня есть конвертируемая валюта, еще нет массовых очередей и карточек. Но предпосылки устойчивого роста не были созданы.

¹ Имеется в виду внутренняя конвертируемость, причем по текущим операциям. О превращении рубля в нормальную свободно конвертируемую валюту (СКВ) тогда речи идти не могло. На такой переход (да и то с некоторыми остаточными ограничениями) потребовалось, как известно, почти два десятилетия. — *Прим. ред.*

Так что главное, что я хотел бы изменить, — это время, отпущенное нам для осмысленной реформаторской политики.

4. Вы возглавляете партию «Демократический выбор России». Из чего выбирает Ваша партия и что?

— Сегодня Россия на перепутье. Она еще не сделала фундаментальный выбор своей исторической судьбы — куда после социализма. Вперед, по дороге устойчивого экономического роста на базе рынка, частной собственности, частных сбережений и инвестиций, мирной внешней политики, развития демократических институтов, защиты прав человека. По тому пути, который так или иначе раньше нас прошли стабильные преуспевающие демократии. Или в исторический тупик, в хаос между устойчивым тоталитаризмом, который уже не восстановишь, и устойчивым рынком, до которого нет силы дойти.

Стержневая проблема этого выбора — роль государства в будущем России. Что нам нужно? Государство-слуга, в котором компактный аппарат работает под жестким контролем рынка и демократии, или государство-хозяин, придавившее своей тяжестью и неокрепшие демократические институты, и рыночные механизмы?

Наша позиция понятна. Мы убеждены, только на пути рынка и демократизации можно завоевать для России достойное место в XXI в.

5. В чем Вы сомневаетесь относительно политического развития России в ближайшее время?

— Сомневаюсь в способности российских органов власти осознать тупиковость попыток с помощью военной силы решить сложные национальные проблемы, найти непростую дорогу к переговорам и компромиссам.

Сомневаюсь в прочности российских демократических институтов, в том, удастся ли нам сохранить такие базовые структуры, как свободная пресса и справедливые выборы в установленные законом сроки.

Сомневаюсь в нашей способности убедить людей в том, что политическая пассивность может обернуться слишком дорого, что, не придя голосовать, мы слишком легко можем отдать власть в руки тех, кто будет посылать наших детей умирать в новых военных авантюрах. И вместе с тем сделаю все для того, чтобы эти сомнения не стали жесткой реальностью.

6. Нас все время пугают социальным взрывом. Почему он все-таки не происходит?

— Российское общество оказалось разумнее, рациональнее, чем полагали многие пророки-аналитики. Люди не успели окончательно забыть ту обстановку, в которой начинались реформы: многочасовые очереди за хлебом, неотоваренные месяцами карточки на десятки видов товаров, пустые прилавки, колбасные электрички.

Не так далеко, не в Латинской Америке, а совсем рядом, где у многих живут друзья, знакомые, родственники, — в Украине, Белоруссии в последние годы можно было ознакомиться со страшными последствиями отказа от политики реформ.

Немало тех, кто понимает, что сегодняшние плакальщики по социальным проблемам сами завели страну в исторический тупик, из которого теперь с огромным трудом приходится выбираться.

И вместе с тем если страну долго будут держать в неустойчивом, зависшем состоянии между командной экономикой и стабильным рынком, — в состоянии, которое обрекает нас на стагнацию и усиление социального расслоения, потенциал социального взрыва будет накапливаться. Именно поэтому убежден, что возврат к политике энергичных и последовательных реформ — абсолютно необходимая предпосылка устойчивости демократии в России.

9. Демократическое движение разобито даже перед лицом угрозы прихода к власти оппозиции. Чем Вы это объясните?

— К сожалению, демократы в России на протяжении последних лет демонстрировали поразительную неспособность к согласованным действиям. По-существу, они объединялись только в условиях крайней опасности. Есть здесь и влияние личных амбиций, есть и серьезные разногласия стратегического характера.

Наша позиция по этому вопросу всегда была предельно простой и четкой. Мы были и остаемся самыми энергичными сторонниками единства демократических сил. Скажем, у нашей партии «Демократический выбор России» и блока «Яблоко» есть немаловажные программные разногласия. По стратегическим ориентирам мы правоцентристская партия, близкая по многим позициям к таким нашим партнерам, как британские консерваторы, ХДС Германии, американские республиканцы и т. д. Мы выступаем за более компактный государственный аппарат, соответственно за более низкие налоги. «Яблоко», на мой взгляд, скорее левоцентристская по-

литическая сила. Хорошо, если эти разногласия будут серьезными и важными лет через 10—15. Но сегодня в России решается совсем другой вопрос — вопрос о том, удастся ли нам в принципе сохранить частную собственность, рыночную экономику, демократические институты, мирную внешнюю политику, курс на демилитаризацию общества. И по этому-то вопросу у нас нет принципиальных разногласий. Значит, мы обязаны быть союзниками.

Мы предложили создание широкой демократической коалиции для выборов в парламент 1995 г. Надеемся, что наши партнеры проявят политическую ответственность.

10. Как Вы относитесь сейчас к революционной биографии своего деда Аркадия Гайдара?

— Есть серьезные различия между фашизмом и коммунизмом. Фашизм — открыто, откровенно человеконенавистническая идеология. Он прямо говорит — есть раса господ, есть раса рабов.

Коммунизм на уровне лозунгов, которые он выдвигает, прекрасен. Кто может спорить против свободы, справедливости, братства людей? Именно поэтому среди тех, кто боролся за коммунистические идеалы, на мой взгляд, было очень много честных и порядочных людей, искренне любивших свою Родину.

Дед был втянут в страшное, кровавое колесо революции, гражданской войны совсем мальчишкой. Первый раз ранен в 13 лет. С 14 до 19 лет воевал. В 19 или 20 лет раненный, контуженный и тяжело больной был уволен из армии. Писал хорошие, добрые книги. А в 1941 г. погиб, защищая свою страну.

Убежден: разделять коммунистические идеалы до того, как они были испробованы на практике, до того, как стало известно, к какой страшной крови привели попытки их воплощения в жизнь, в какой исторический тупик завели они нашу страну, и упорствовать в них сегодня — разные вещи.

11. Приходилось ли Вам за последнее время неофициально общаться с самыми простыми людьми (на улице, в магазинах...)?

— Да, приходится постоянно. Очень хорошо знаю, насколько разным является мнение людей о том, что мы сделали и за что боролись. Ну что же, это отражение России, серьезно разделенной сегодня по вопросу о выборе своего будущего.

12. Прислушиваетесь ли Вы к мнению друзей, знакомых, родных?

— Да, прислушиваюсь.

13. Что Вас больше интересует в жизни?

— Судьба России.

14. Судя по всему, Вы человек уверенный в себе. Что Вам дает эту уверенность?

— Человек теряет уверенность в себе, когда приходится принимать решения по вопросам, в которых он не слишком разбирается. Я хорошо знаю, что происходит в российской экономике, в других посткоммунистических государствах. Неоднократно убеждался в том, что экономические прогнозы сбываются, нравится это кому-нибудь или нет. Это вселяет уверенность в правильности сделанного выбора. Если знаешь последствия собственных решений, их легче принимать.

15. У Родена есть знаменитая скульптура «Мыслитель». О чем, на Ваш взгляд, он задумался? О чем бы на его месте думали Вы?

— Думал бы о том, каким образом после того, как на протяжении 75 лет коммунистический паровой каток систематически уничтожал благодатную почву рынка, частной собственности, демократических институтов, возродить на месте образовавшейся пустоши красивый, ухоженный газон.

Ответы Е. Т. Гайдара на вопросы газеты «Санкт-Петербургские ведомости»

1. *Егор Тимурович, прокомментируйте, пожалуйста, Ваше недавнее заявление о том, что партия «Демократический Выбор России» не переходит в оппозицию Б. Н. Ельцину, но вряд ли станет поддерживать его кандидатуру на президентских выборах. Но впереди еще больше года. Если не переходить в оппозицию — значит соглашаться с нынешним курсом исполнительной власти, поддерживать ее в главных действиях. И, кстати, разве позиция, занятая ДВР и фракцией «Выбор России» в связи с войной в Чечне, это не оппозиция? Возможно ли, на Ваш взгляд, примирение «выбороссов» с президентом и если возможно, то на каких условиях с вашей стороны?*

— Прежде всего хотел бы обратить внимание на то, что наша партия никогда не занимала позицию по отношению к персоналиям. Партия «Демократический выбор России» всегда четко определяет свое отношение к проводимой политике, к конкретным политическим шагам. В связи с этим мы можем и должны поддерживать президента, когда он делает разумные и решительные реформаторские шаги, и критиковать — когда он совершает серьезные ошибки.

Мы резко осудили ту политику, которую президент проводит в Чечне. Критиковали решение президента о снятии мэра Владивостока¹, оставляем за собой право оппонировать Б. Н. Ельцину всегда, когда это кажется нам необходимым. Одновременно мы всегда последовательно поддерживали и будем поддерживать те шаги президента, которые направлены на углубление экономических преобразований в России. Таким шагом стало, например, принятие

Имя интервьюера составителям установить не удалось. — Прим. ред.

Опубликовано в: Санкт-Петербургские ведомости. 1995. 24 марта.

¹ Мэр города В. И. Черепков был снят с должности по ложному обвинению в получении взятки, затем восстановлен, а впоследствии был избран депутатом Государственной думы 3-го созыва. — Прим. ред.

в начале марта пакета президентских указов¹, устраняющих многие препятствия на пути либерализации российской экономики.

Наша партия выступает против импичмента президенту и досрочных парламентских и президентских выборов. Мы убеждены, что главная задача сегодня — укрепить и стабилизировать демократические институты в России, сделать привычными и регулярными демократические процедуры, добиться строгого соблюдения всех конституционных норм и положений. Необходимо, чтобы выборы проходили в установленные сроки и являлись главной формой выражения одобрения или осуждения работы парламента и президента.

2. *Этот вопрос подсказан читателями нашей газеты. Многие из них, не будучи ни националистами, ни ура-патриотами, весьма неодобрительно восприняли призывы Сергея Адамовича Ковалева к Западу экономически «давить на Россию», дабы она прекратила войну в Чечне. А как относитесь к этим призывам Вы?*

— Согласен с тем, что чеченская война, сопровождающаяся массовыми нарушениями прав человека, не является чисто внутренним делом России. Но всегда, и в России, и во время моих поездок за рубеж, категорически выступал против введения каких-либо санкций по отношению к нашей стране.

Давайте подумаем, к какому результату привело бы, скажем, введение экономических санкций. Наши противники, возмущаясь вслух, на самом деле ликовали бы. Ведь подобные шаги Запада сняли бы с них всякую ответственность за последствия их глупостей и преступных ошибок. Уверен, что после этого уже не чеченская война и не просчеты в экономической политике, а именно экономические санкции были бы объявлены главными причинами экономических и социальных проблем. Неизбежные после месяцев чеченской войны издержки были бы легко списаны на тот же счет. Таким образом, была бы подписана индульгенция на сколь угодно безответственную экономическую политику.

3. *В последнее время средства массовой информации часто, но достаточно туманно пишут о расколе в «Выборе России» и ДВР. Что Вы можете сказать по данному поводу?*

¹ Указы о регулировании естественных монополий, об отмене льгот и привилегий, распространявшихся на ряд регионов, отраслей и предприятий и др. — Прим. ред.

— Наша партия начинала формироваться как партия демократическая и одновременно как партия, близкая к власти. Выработывая свою позицию по чеченскому кризису, мы прекрасно понимали, что она резко изменит наши отношения с властью, существенно сократит наши возможности влиять на принимаемые решения. Думаю, те, кто подталкивал президента к силовому решению чеченского кризиса, тоже это понимали.

Разумеется, в нашей партии, по своей природе демократической, была внутренняя дискуссия по этому вопросу. От нас отмежевались те члены ДВР, которые в сложном выборе между близостью к власти и демократией не устояли перед искушением предпочесть первое. С удовлетворением могу сказать, что их оказалось гораздо меньше, чем можно было ожидать.

Впрочем, есть и другой аспект этой проблемы. Совершенно недостаточной была наша разъяснительная деятельность, особенно в последние месяцы. Это усугублялось активной работой против нас опытных и квалифицированных структур.

Так, наша позиция по чеченской войне была выработана еще до начала активных военных действий, поддержана большинством Политсовета ДВР и впоследствии ни разу не претерпела существенных изменений. Все политические заявления нашей партии лишь подтверждали, что руководство ДВР придерживается точки зрения, занятой в самом начале — 10 декабря на заседании Политсовета.

Тем не менее, используя естественный факт существования в демократической партии полифонии мнений по такому сложному вопросу, наши противники постарались создать абсолютно превратный образ политики «Демократического выбора России» и, к сожалению, немало в этом преуспели. Высказывания отдельных членов нашей партии, вырванные из контекста их выступлений, представлялись как свидетельство противоречивости и непоследовательности политики ДВР по чеченской проблеме, как признак раскола в нашей партии.

Ну что ж? Это элемент политической жизни. Не стоит надеяться, что мы уговорим противников играть по другим правилам. Придется учитывать существование данной проблемы и совершенствовать свою работу по разъяснению наших позиций.

4. Не секрет, что слово «демократия», увы, не самое популярное в сегодняшней России, и в первую очередь из-за экономической поли-

тики, которая проводится в последние годы. Ваш прогноз о возможности стабилизации и темпах инфляции в 1995 г.? Будут ли в экономической программе ДВР принципиальные поправки к тому, что она предлагала россиянам до сих пор?

Первое. К сожалению, реформы во всех посткоммунистических странах даются заведомо тяжело. Коммунистическая тоталитарная система не разваливается до того момента, пока она полностью не исчерпает экономических ресурсов своей страны. И у нас она тоже рухнула только после того, как были разбазарены валютные резервы, золотой запас, самые эффективные месторождения нефти и к тому же набраны огромные кредиты. К этому времени возможности преодоления экономического кризиса оптимальным путем, с помощью каких-либо легких, потенциально популярных решений уже были безвозвратно упущены.

Именно поэтому на долю демократического правительства выпала тяжелая плата за перебитые горшки, ответственность за вынужденные, совершенно необходимые и неизбежно болезненные для людей преобразования. Коммунистические же лидеры и их структуры, едва отойдя в сторону от рычагов управления страной, получили прекрасную возможность взвалить ответственность за все происходящее на демократов.

Общество, быстро забывая «прелести» коммунистического режима, не задумывается о том, что невозможно за пару лет выправить последствия всего, что творилось на протяжении долгих десятилетий. Поэтому победы перекрашенных коммунистических партий на вторых выборах после начала реформ перестали быть новостью. Это явление стало практически закономерным в странах Восточной Европы.

Преимущество Восточной Европы по сравнению с нами состоит в том, что там эти неоккоммунисты приняли для себя аксиому сохранения демократических институтов и, придя к власти на волне критики проводимой политики реформ, оглядевшись вокруг, осознав свою ответственность за происходящее, не пытаются выскочить из колеи, продолжают с большей или меньшей последовательностью ту же политику, которую проводили до них первые демократические правительства.

Опасность ситуации, существующей в России, связана с тем, что наши коммунисты, к сожалению, еще ничего не поняли и ни от чего

не отказались, не отказались от своего традиционно пренебрежительного отношения к демократическим институтам и, прорвавшись к власти на волне недовольства трудными преобразованиями, вполне могут надолго закрыть стране дорогу к осмысленному выбору своей политической судьбы. В этом заключается суть очень серьезной угрозы, которая стоит сегодня перед Россией и российской демократией, — угрозы, к которой надо и относиться со всей серьезностью.

Второе. Опыт как России, так и других государств, раньше входивших вместе с нами в состав Советского Союза, показывает, что, чем последовательнее было продвижение по пути реформ, тем устойчивее на сегодняшний день экономика соответствующего региона. И наоборот, там, где упрямо цеплялись за элементы старой, разваливающейся системы, экономические проблемы накапливаются и обостряются.

Это видно, скажем, при сопоставлении характера проведенных преобразований (или их отсутствия) и экономического положения в Эстонии и Белоруссии, Латвии и Украине, Литве и Казахстане. Россия оказалась как бы в промежуточном положении. Мы начали движение по пути реформ. Поэтому сегодня рубль еще конвертируем, а на прилавках полно товаров. К сожалению, это движение было прервано на полпути. Россия просто не успела сформировать набор институтов, необходимых для последовательной работы по стабилизации национальных денег, без которой невозможны ни экономический рост, ни повышение благосостояния людей.

Поэтому, анализируя опыт последних трех лет, накопленный в России и ближнем зарубежье, я могу утверждать, что жизнь доказала обоснованность нашей модели реформирования и подъема российской экономики. Жаль, что так и не удалось до конца ее реализовать.

В конце 1994 г. правительство осознало бесперспективность продолжения политики компромиссов и колебаний, выработало программу стабилизационных мер, направленных на резкое снижение темпов инфляции, создание предпосылок экономического роста. Ее суть — сокращение дефицита федерального бюджета, финансирование его не за счет печатания ничем не обеспеченных денег, а на основе займов на внутреннем и внешнем финансовом рынке, снижение на этой основе темпов роста денежной массы и процентной

ставки по кредитам, создание предпосылок, позволяющих направить отечественные сбережения на финансирование капитальных вложений в национальную экономику.

Программа рискованная, не все ее элементы в равной мере обоснованны. В ней явно просматриваются серьезные противоречия, связанные с отсутствием систематических усилий в области военной, аграрной реформы, сокращения государственного аппарата, без которых стабилизация не может быть устойчивой.

Несмотря на все свои недостатки, правительственная программа давала шансы на успех. Однако она была рассчитана на условия мира, а не войны. Начало военных действий в Чечне резко подхлестнуло инфляционные ожидания, создало дополнительные проблемы на и без того не слишком стабильном валютном рынке, резко ограничило возможности привлечения кредитных ресурсов на внутреннем финансовом рынке, крайне затруднило получение долгосрочных льготных кредитов в международных финансовых организациях.

Инфляция декабря — января была аномально высокой прежде всего из-за инфляционных ожиданий. Экономический анализ показывает, что именно они вызвали тяжелейшие перегрузки валютного рынка, вынудили Центральный банк повышать процентную ставку. Это, в свою очередь, нанесло тяжелейший удар по перспективам стабилизации.

Дело в том, что суть стабилизационной программы 1995 г., ее стержень — это меры, направленные на постепенное снижение процентной ставки по кредитам. Только так можно создать предпосылки для начала инвестиций в отечественную промышленность.

Недоверие к государству и национальной валюте привело к кризису на рынке государственных краткосрочных обязательств. Надежды на развитие этого рынка, нашедшие отражение в бюджете, оказались, по крайней мере в первом квартале, неоправданными.

Чеченская война неизбежно осложнила и переговоры с международными финансовыми организациями. Соглашение, которое должно было быть подписано в декабре, удалось подписать только в марте.

Крупные дополнительные издержки, связанные с финансированием военных действий, помощи беженцам, восстановления разрушенного, приходится финансировать за счет перераспреде-

ния доходов, недофинансирования социальной сферы, по существу за счет благосостояния граждан.

Все вместе это стало страшной бомбой, заложенной под экономическую программу правительства на 1995 г., сделало возможность ее реализации в том виде, в котором она разработана, предельно низкой.

В этой ситуации возникла жесткая и довольно неприятная альтернатива. Те, кто, собственно, и настаивал на чеченской войне, очень хотели использовать ее как предлог для радикальной смены экономического курса. Выступления о необходимости ренационализации собственности, звучавшие с высоких трибун, не были случайны.

К счастью, в правительстве возобладала другая, здравая точка зрения. Несмотря на всю сложность ситуации, в последнее время у меня появилось ощущение, что положение небезнадежно. Впервые, пожалуй, за последние годы в принимаемых президентом решениях вновь начинает просматриваться внутренняя логика. Чувствуется воля людей, которые знают, что они делают.

К числу таких решений я бы отнес отмену льгот по импортным и экспортным тарифам в сочетании с отменой административных ограничений экспорта, реально служивших лишь источником коррупции в органах государственной власти, и другие указы, принятые в марте.

Иными словами, если говорить не об арифметике, а об экономической политике, шансы на сохранение основных антиинфляционных ориентиров не потеряны. Можно надеяться, что к началу лета удастся существенно снизить темпы инфляции и процентную ставку, создать предпосылки большей финансовой стабильности.

Что мы можем сделать, чтобы сохранить наметившуюся благоприятную тенденцию? Нашей фракции уже удалось внести в бюджет корректировки, увеличивающие финансирование науки, культуры, программы «Ведущие вузы России». Однако ближе к осени нас ждут серьезные испытания. Бюджет на 1995 г. разработан исходя из заниженных оценок темпов инфляции и соответственно размеров валового внутреннего продукта. Это дает возможность проводить довольно жесткую бюджетную политику, но и неизбежно приведет к резкому обострению социальных проблем из-за недо-

статочного финансирования потребностей социальной защиты населения.

Попытка закрыть глаза на эту проблему не только продлевает страдания самых незащищенных членов общества. Она неизбежно приведет или к социальному взрыву, или к очередному срыву курса на стабилизацию экономики, или к тому и другому вместе.

В связи с этим я вижу наш долг в скорейшей подготовке комплекса решений, позволяющих внести серьезные коррективы в систему социальной защиты. Помощь должна быть адресной и более эффективной. Глупо и безнравственно реагировать на ухудшение положения беднейших слоев населения линейным увеличением размера минимальной зарплаты и всех социальных выплат. Хорошо известно, кто от этого больше всего выигрывает: именно те, чьи доходы исчисляются в минимальных зарплатах, умноженных на соответствующие коэффициенты, т. е. в первую очередь государственные чиновники. Используя равные по количеству средства, можно заметно улучшить положение тех, кто реально нуждается в поддержке государства.

Закон о прожиточном минимуме, над которым мы работаем, в принципе открывает для этого дорогу. Мы будем продолжать эту работу вместе с нашими единомышленниками в правительстве. Убежден, что именно здесь кроется возможность более или менее успешно реализовать экономическую программу выплат на 1995 г.

Капитализм без демократии держится на силе...

— *Согласны ли Вы, что для сохранения стабильности следует отложить выборы?*

— Многие наши единомышленники начинают сейчас расходиться по такой фундаментальной проблеме: если придется выбирать между капитализмом и демократией — что лучше? Одни полагают, что лучше капитализм, другие — что демократия. Но я убежден: у сегодняшней России такого выбора нет. Без развитого капитализма демократии нигде нет и вряд ли будет. А капитализм без демократии бывает. Это капитализм в опоре на авторитарный режим с соответствующими силовыми структурами.

— *Может, это и есть тот долгожданный «порядок», которого не хватает обществу?*

— Давайте посмотрим, что будет, если мы пойдем по такому пути. Конституционно это сделать нельзя. Значит, нужен неконституционный путь. Может такое решение быть популярным? Нет. Люди разочарованы в выборах, не хотят голосовать. Но им категорически не нравится идея оставить у власти тех, кто откровенно желает продлить это приятное существование. Совершенно очевидно, что найдутся силы, которые станут протестовать. Значит, это будет неконституционное, непопулярное и конфликтное решение. Каким образом его можно реализовать? Только в опоре на механизм силы.

Но в этом случае власть станет заложницей силовых структур. Она будет зависеть от их внутренних интриг и разборок между ними, от того, как поведут себя генерал, полковник, сержант, наконец, — такие примеры в истории были... Короче говоря, задумав стабилизировать капитализм, вы получите страшнейшую нестабиль-

ность, потому что власть после этого уже не базируется ни на какой легитимности, ни на какой народной поддержке, ни на каких демократических процедурах — просто на голой силе.

— *Банкиров трудно упрекнуть в недалёковидности. Если они выбирают «авторитарный капитализм», за этим, очевидно, стоят какие-то коммерческие интересы?*

— Надо понять, что проблема-то реальная. В России появились люди, у которых есть свое дело и которые хотят его развивать. Что их больше всего пугает? То, что к власти придут авантюристы и начнется передел собственности. И ударит он, между прочим, не только по ее владельцам, но и по тем десяткам тысяч людей, которые уже работают в этом новом секторе экономики.

А риск прихода авантюристов достаточно велик. Так что проблема тут для российского капитала не выдуманная. Другое дело, что я не разделяю предложений, которые формулируются для решения этой проблемы.

— *Вы возглавляли правительство, а потому должны представлять, насколько реальной силой является та «восьмерка» банков, о которой говорил Олег Бойко¹.*

— Конечно, это реальная сила, как все мощные финансовые и промышленные группы, но далеко не единственная. У нее есть серьезные конкуренты в борьбе за экономическую власть и политическое влияние.

— *И все же. Если эти банки не откажутся от своей идеи, могут ли они ее реализовать?*

— Честно говоря, я в это не верю. На мой взгляд, она просто нетехнологична.

— *Но они могут заручиться поддержкой нынешней власти, для которой эта идея не лишена привлекательности, или пообещать свою поддержку, если власть возьмется воплотить ее в жизнь.*

— Не думаю, что власть решится пойти по этому предельно опасному пути. Хотя полностью исключить такой вариант нельзя.

Интервью брала Татьяна ЯХЛАКОВА.

Опубликовано в: Мир новостей. 1995. № 21. 26 марта — 2 апреля.

¹ Олег Викторович Бойко, бизнесмен, владелец ряда компаний, часть из которых после описываемых событий потерпела крах (ОЛБИ, банк «Национальный кредит» и др.). Активный деятель параолимпийского спорта. В начале 1990-х гг. занимался также политикой, некоторое время возглавлял исполком партии «Выбор России». — *Прим. ред.*

— *Ваша позиция, похоже, лишает «партию Гайдара» такого серьезного финансового партнера, как концерн ОЛБИ...*

— На разных этапах нам помогали разные финансовые группы и промышленные предприятия. Так, полагаю, будет и дальше. Мы готовы принять помощь, если предлагающие ее люди согласны поддерживать идеи, за которые мы боремся. Но никогда не подстраиваем свою политическую позицию под взгляды тех, кто оказывает нам финансовую поддержку.

— *Тем не менее политическую партию и ее спонсора должны связывать какие-то обязательства. Заключали ли Вы с ОЛБИ специальное соглашение? И каков вообще механизм взаимных обязательств в таких случаях?*

— Есть два варианта. Первый основан на готовности политической партии делать то, что ей говорят спонсоры. С такими предложениями ко мне приходят чуть ли не каждый день, но для нас это неприемлемо. Второй вариант — когда существует понимание, что у партии и спонсора есть некие общие политические задачи. В таком случае предприниматели готовы вкладывать деньги в партии с расчетом на перспективу: чтобы у них не отобрали собственность, чтобы инвестиционные риски снижались... Они и являются нашими потенциальными партнерами.

Что же касается ОЛБИ... Олега Бойко я знал со времен своего премьерства. Он принадлежал к тем предпринимателям, которые никогда не обращались ко мне с просьбами. Этот аргумент я привел, когда рекомендовал его в председатели исполкома.

— *Что, на Ваш взгляд, удобнее — иметь спонсора в руководящих органах партии или держать его в стороне от партийных дел?*

— В первом случае есть свои достоинства и свои неудобства. Олег Бойко принес в партию свой организационный потенциал и сумел поставить работу на профессиональный уровень. Но сразу возникли и проблемы. Если Олег Бойко отвечает за финансы партии — легко ли ему просить деньги у кого-то другого? Ты богаче нас, ты и давай... Вот в этом смысле, когда он перестал быть председателем исполкома, нам стало легче мобилизовать средства на избирательную кампанию.

— *Российский капитал начинает активно финансировать политику?*

— Не начинает, а давным-давно финансирует. У нас, скажем, никогда не было таких денег, которые есть у многих наших политических оппонентов...

— *У избирателей другое впечатление: партию Гайдара считают самой богатой.*

— Это связано с тем, что мы проводим свои деньги через официальные счета. Посмотрите отчеты прошлой избирательной кампании: коммунисты и ЛДПР указали только те 100 млн, которые были выделены государством. Сверх того ни копейки не потратили?.. Не удивлюсь, если у них и следующие выборы будут самыми экономными. И все по закону, потому что ни одна негосударственная копейка не пройдет через их партийные счета.

— *В какой степени, на Ваш взгляд, итоги выборов будут зависеть от денег, вложенных в участников?*

— Уверен, в очень большой. Только не надо иллюзий, что деньги решают все. Опыт показал, что можно вложить любые деньги и потерпеть полное фиаско — не перейти даже 5%-й барьер.

— *На прошлых выборах банкиры и предприниматели делали ставки на известные имена — на Вас, Явлинского, Шахрая... Личности не слишком покладистые. Не кажется ли Вам, что на сей раз спонсоры предпочтут фигуры менее заметные, но более послушные?*

— Очень удобно предпочесть более послушных. Но не всегда послушность является достаточным качеством, чтобы за тебя проголосовали.

— *А Вас не пугает то, что пугает банкиров, — приход к власти авантюристов?*

— Пугает. Но я знаю, что нет более безнадежного способа ведения боя, чем паника. Надо попытаться убедить людей пойти голосовать. Все другое — это иллюзия.

Наш старый премьер

В канун своего дня рождения в «Вечерку» пришел Егор Гайдар. Без охраны, запросто. Жевал с нами бутерброды, запивал лимонадом и больше двух часов отвечал на вопросы. А их к человеку, который, по мнению всей России, во всем до сих пор виноват, хотя премьером был лишь несколько месяцев, конечно, много.

Егор Тимурович похудел, был в классном костюме, шутил и понравился «вечерочным» девушкам. Зато мужчины «Вечерней Москвы» во главе с главным редактором Александром Лисиным атаковали гостя вопросами со всей строгостью. Компенсировали придирчивость подарком — майкой с логотипом «Вечерки». Интеллигентный Гайдар совершенно натурально изобразил восторг по поводу презента. А может, дело не в учтивости, а в том, что нашего старого премьера на встречах больше не подарками и цветами осыпают, а упреками, часто несправедливыми. Что за человек — не обижается, а продолжает растолковывать нам суть реформ. И за границу, как многие полагали, не уезжает. Хотя устроился бы прекрасно — такие умные и там нужны, не Анпилов ведь или Зюганов... Но тащит и тащит Гайдар в России свой реформаторский крест. Подсобим на выборах¹?

— Лидеры партий, в том числе демократических, отказываются от сотрудничества с президентом. Явлинский, например, выступает за досрочные президентские выборы. Вы, фактически дважды преданный Ельциным, хотя и критикуете его за Чечню, но не требуете отставки ни его, ни правительства. Не кажется ли Вам, что «Выбор России» теряет из-за этого авторитет, в то время как другие его набирают?

— А Вы полагаете, что людям в России слишком спокойно живется и для полного счастья им не хватает, чтобы политики стали свергать всех долой, пустили все вразнос и позвали на баррикады? Не потому ли, что есть «Выбор России», не позволяющий довести

Беседу записала Нелли МАРИНИЧ.

Опубликовано в: Вечерняя Москва. 1995. 29 марта.

¹ Дело происходит незадолго до очередных выборов в Государственную думу 1995 г. — Прим. ред.

ситуацию до хаоса, некоторые лидеры и позволяют себе таким образом накачивать авторитет?

— Значит, не будь мудрого Гайдара, сдерживающую роль пришлось бы играть Борису Федорову или Явлинскому, которые, в конце концов, тоже должны ощущать ответственность за Россию? Получается, Вы опять взваливаете на себя непопулярную ношу. Не надоело?

— Мне надоело, что Россию швыряет из стороны в сторону, что отсутствует стабильность в ее развитии. Я не хочу, чтобы власть в моей стране менялась не по закону, а из-за революции, путча или еще каким-либо подобным образом. Самая большая опасность — сломать еще хрупкие демократические институты, важнейший из них, гарантированный Конституцией, — выборы.

Да, Ельцин непопулярен. Ну и что из этого следует? Что, Мейджор безумно популярен в Англии? А Вы знаете, как о Клинтоне пишут? «Он не только непопулярен, он неуместен». Многие американцы категорически его не поддерживают. Тем не менее все знают, что выборы в Америке независимо ни от чего состоятся в срок — в ноябре 1996 г.

Мы категорически не поддерживаем политику, которую Ельцин проводит в Чечне. Настойчиво выступаем против этой политики, представили по этому поводу законопроекты в Государственную думу, но не смогли получить там большинства из-за непоследовательной и компромиссной политики ряда фракций. Будем добиваться их принятия. Однако мы против того, чтобы вставать в позу и говорить: а, Ельцин так поступает, тогда чем хуже, тем лучше.

— С Чечней Вы тоже повели себя негибко. Ведь только Гайдар ходил на митинги протеста, как на работу. Другие демлидеры быстро сообразили, что слишком «светиться» на этом «антипатриотическом» фоне не следует. И через недельку с эффектно обставленных протестов как-то незаметно «слиняли».

— Глупости все эти расчеты. Страшно жаль мальчишек, превращенных в «пушечное мясо», их матерей. Мы категорически против чеченской войны, потому что считаем, что она была начата без толку, без ума, без понимания последствий и того, как выпутаться из этой войны. Но, повторю, мы никогда не примем логику «чем хуже, тем лучше» и никогда не сделаем нашим оппонентам такого подарка, как призыв к экономическим санкциям против нашей

страны. Да Зюганов будет прыгать на одной ножке от восторга, если санкции введут! Впрочем, и многие люди в нынешней системе исполнительной власти тоже будут счастливы.

— *Кабинет Черномырдина, который долгое время топтался на месте, в последние месяц-два решительно пошел на углубление реформы. Вы связываете это с наличием Ваших людей в правительстве или это внутренняя логика поведения самого премьера?*

— Конечно, члены нашей фракции в правительстве предприняли много разумных шагов. Сейчас Чубайс играет значительную реформаторскую роль. Но он ничего не смог бы сделать, если бы не внутренняя эволюция самого Черномырдина, да и всей правящей верхушки. Виктор Степанович в декабре 1992 г. был искренне уверен, что есть другой путь, немонетарный, что «эти мальчишки» не понимают ни черта. А он возьмется и действительно построит рынок без базара и лавочников, покажет, как надо бороться с инфляцией неденежными способами и т. д. Он очень верил в это. К сожалению, потребовалось большое время, чтобы он, активно постучав лбом о стенку, понял: из его замыслов ничего не получится и если он так будет дальше метаться, то останется в истории премьером, который развалил все и ничего не сделал. Он увидел: тропиночка-то бесконечно узкая, стала неизмеримо уже, чем была два года назад. И еще, надеюсь, увидел, что с экономической теорией не поспоришь, потому что она проверена за пару последних лет на 25 странах мира.

Очень простая есть табличка. Страны разные, вышедшие из социализма, — кто-то был в СССР, кто-то — в Восточной Европе, прошло 3—4 года реформ. И табличка показывает: если в прошлом году инфляция в стране была ниже 50% в год — экономика растет. Везде, где инфляция была остановлена, абсолютно везде начался экономический рост. Исключений нет. Таких стран 11.

Но нет ни одной страны, в которой инфляция была бы больше 150% и где не продолжалось бы падение производства. Исключения нет ни одного. В 24 случаях из 25 сначала была снижена инфляция, а потом начинался рост производства.

— *Вы повесьте такую табличку и у президента, и в правительстве, и в кабинетах Глазьева, Явлинского. Дайте ее экономистам-академикам, которые Вам оппонируют.*

— Так на этой табличке еще интереснее есть данные. Семь постсоциалистических стран уже дали темпы роста заметно выше сред-

неевропейских. Это все экономики с радикальными программами реформирования, т. е. с наиболее жесткой монетаристской политикой!

— *Которую отстаивали «лаборанты»?*

— Вроде того. И напротив, там, где у власти остались крепкие хозяйственники и проводили политику поддержки производства, т. е. печатали деньги, государственно регулировали кое-что, инфляция высокая и спад производства продолжается. Это факты, с которыми невозможно спорить.

— *Фантастическая штука — как же так: где поддерживали производство, оно упало больше всего?*

— Если бы при премьер-министре Чехии Вацлаве Клаусе, моем хорошем знакомом, кто-нибудь из членов правительства заикнулся о поддержке производства, я думаю, он немедленно был бы уволен. Тем не менее почему-то в Чехии производство растет, а в Белоруссии падает. На самом деле есть несколько таких вот очень элементарно устроенных механизмов, которые связывают устойчивость национальных денег с экономическим ростом. Как только у нас инфляция будет не 250, а ниже 50% в год, наша экономика начнет расти. Тогда, кстати, исчезнет бегство капитала, так как именно инфляция выпихивает финансовые ресурсы из страны.

— *Вы надеетесь, что Черномырдин все это осознал?*

— Мне кажется, это с Виктором Степановичем произошло осенью 94-го. Перед ним встала тогда жесткая альтернатива: либо на себе как политике поставить крест и уходить, либо возвращаться к реформе осмысленно и последовательно. Чечня ему, конечно, здорово помешала, и, что обидно, как раз тогда, когда он сделал правильный выбор.

— *Какой Вы видите выход из чеченского кризиса?*

— С каждым днем это все труднее. Но убежден: выход есть, хотя и непростой. Я разговаривал с многими чеченцами, с полевыми командирами, со старейшинами, специалистами. Чтобы начать потихонечку выкарабкиваться, надо постепенно снижать уровень противостояния, прекращать огонь, находить базу для диалога. По шажку нарабатывать взаимопонимание, а затем идти к более сложным вопросам. Только так.

— *Разделить Чечню?*

— Я бы не говорил о разделе Чечни. Нужны совершенно прагматичные шаги: прекращение огня из тяжелого вооружения, ограничение использования стрелкового оружия, гуманитарные коридоры, контрольные механизмы и контрольные комиссии, обмен пленными, помощь раненым, прекращение эпидемии холеры, установление элементарных основ межчеченского диалога под эгидой муфтията, старейшин. Самое глупое — начать с жестких, ультимативных решений. Чечня — часть России или нет? Ага, Вы считаете, что не часть, а мы считаем, что часть. Все, переговоры сорваны, воюем дальше.

— Но, Егор Тимурович, людям нужен понятный план с четкой целью: чтобы в Чечне стало к осени, как, скажем, в Саратове. Да Вы, кажется, вообще не любите планы: Вас упрекали в том, что и точной программы экономической реформы не было.

— Любое серьезное реформирование предполагает наличие стратегической задачи и вместе с тем гибкую реакцию. Это как шахматная партия — надо уметь играть, надо знать, как устроены стратегия и тактика, желательно почитать несколько учебников по этому поводу и чтобы был накоплен элементарный опыт. Но нельзя написать план шахматной партии, где на 37-м ходу непременно следует мат противнику. Так не бывает. Когда польский реформатор Бальцерович начинал реформу, его план, абсолютно правильный и по сути реализованный, был на семи страничках. Когда мы начинали реформу, у нас было гораздо больше страничек. В начале 1992 г. мы написали даже пухлую книжку «Программа углубления экономических реформ», за которую мне и теперь ничуть не стыдно. Обидно только, что примерно это было сравнительно быстро реализовано не в России, а во многих странах, где реформы оказались больше подкреплены политически.

— Но Вы не сказали, куда мы идем, какое общество строим? Американское? Швейцарское? Китайское?

— А Вы, как Вольский, хотели бы китайское? Из нашей страны не получится ни Греция, ни Швеция, ни Америка, ни Швейцария. У нас есть и будет Россия. Особая страна. Другое дело, какая это будет Россия. Все рассуждения о шведском, американском, японском, китайском путях — от лукавого. Для меня это всегда было странно и смешно. Китайцев у нас нет такого количества, да и швейцарцев

не хватит. На самом деле надо создавать в России свое развитое капиталистическое общество.

— *Вновь Вы нарушаете популистское табу: сейчас немодно говорить о капитализме.*

— Конечно, термины «капитализм», «социализм» не сохраняют того содержания, которое в них вкладывалось в начале XIX в. Капитализм прошел огромный процесс социализации. Но я не считаю, что мы имеем основание списывать эти термины в утиль. Все равно в общем понятно, что имеется в виду.

— *Коммунисты ставят себе в заслугу социализацию капитализма...*

— Коммунисты, может, и не имеют такого права, но социалисты имеют. Процесс этот был нормальный, обеспечивал устойчивость капиталистическому обществу. Но надо понять, что у нас абсолютно другая, необычная предыстория. Наше общество раскурочено, раскорочено. Стабильный капитализм вырос на традициях уважения к частной собственности, ее уважали и 50 лет назад, и 100 лет назад. Откуда Вы это возьмете в стране, где собственность не очень-то уважали до революции и уж особенно презирали и искореняли во время коммунизма? Там все выросло из малого предпринимательства, а нам приходится идти через тяжелейшую приватизацию. Короче говоря, Россию можно вывести на путь устойчивого экономического роста. По нему прошли многие страны. Это главная задача. Если уж мечтать о будущем нашей страны, то я вижу Россию стабильной, спокойной, с растущей рыночной экономикой, где уважают частную собственность, где частная собственность создает базу для решения социальных проблем.

— *Где люди будут вкалывать на эту уважаемую частную собственность и получать по 20 долл.?*

— Не так давно перечитывал обзоры японской прессы за 1947—1948 гг. Поразительно интересно: общая тональность очень напоминает сегодняшнюю российскую. Ну, всем было абсолютно ясно, что Япония пропала навсегда, страна будет вечно нищей, униженной. Боже мой, кто же будет ее кормить в этом мире, выдержит ли мир такую обузу, как вот эта нищая пропадающая вконец Япония? А потом Япония не заметила, как начала расти. На базе разумной, достаточно жесткой экономической политики, крепкой йены страна постепенно стала с конца 40-х выкарабкиваться, уверенно пошла в рост в 50-х, а в 60-х стало понятно, что у нее огром-

ный экономический успех. И неожиданно оказалось, что это одна из богатейших стран мира.

Да рассказали бы тогда кому-нибудь в Америке, что главной проблемой американцев будет проблема дефицита платежного баланса с Японией и что в Японии средняя заработная плата будет выше, чем в Америке, американцы бы сказали: «Ненормальный!» Если вы сегодня скажете, что Россия имеет все шансы повторить путь очень динамичного экономического роста и стать уже в начале следующего века одной из наиболее быстро растущих в экономике, а затем войти в сообщество развитых и преуспевающих стран мира, большая часть людей посмотрят на вас, как на полного идиота. Хотя я абсолютно убежден, что ничего, кроме нашей собственной пассивности, глупости и неорганизованности, нам не мешает. Нет на этом пути непреодолимых экономических препятствий.

— В книге «Государство и эволюция», фрагменты которой публиковала «Вечерка», Вы сами пишете, что возникновение в Древней Греции зачатков того, что сейчас принято называть «западной цивилизацией», — феномен, мутант, счастливая случайность, вовсе не вытекающая, а, скорее, противоречащая природе человеческих сообществ, для которых куда больше свойственны всякие тирании, тоталитарные и авторитарные модели. Так почему же Вы полагаете, что это привьется в России? И что в конце концов имеет значение? Множество примеров — та же Япония, азиатские страны: нет ни природных богатств, ни просторов, ни развитой индустрии, ни даже общей грамотности. А проходит 10—20 лет — и на пустом месте возникают «японское чудо», «маленькие азиатские тигры»...

— Но Вы только что подтвердили: то, что действительно было единичным феноменом — демократия, рынок, частная собственность, т. е. модель западной, европейской цивилизации, постепенно завоевывает мир, прививается в Азии, проникает и в Африку. Действительно, и на скалистом острове, где, казалось бы, ничего вообще нет, может существовать процветающее государство. Секрет в свободной, основанной на конкуренции экономике. Нам мешает неверие в самих себя, которое очень подогревают коммунисты, лжепатриоты, лжегосударственники, фашисты, утверждающие, что русский народ не может прожить без нагайки, ГУЛАГов, железной руки, крепкого идейного поводья, без вечного, вездесущего ука-

зующего перста государства. Эта привычка считать себя неудачниками сильно нам мешает.

Вот еще один пример крупнейшего экономического успеха в последнее время — аргентинская стабилизация 1989—1994 гг. Все в мире писали, что с этими аргентинцами ничего хорошего не будет. Страна, которая была в начале века богаче Австралии, полностью превратилась в руины из-за безумной экономической политики многих десятилетий. Но сейчас Аргентина — одна из наиболее стабильных стран Латинской Америки, прочная валюта, инфляция — 3% в год, экономика быстро растет. А ведь в традициях аргентинской политической культуры прочно доминировали безнадежность и апокалиптичность. Ну чем Россия хуже Аргентины? По-моему, совсем не хуже.

— Да будь у нас 3% инфляции не то что в год — в месяц, чтобы цены так бешено не росли, и мы бы себя не чувствовали пессимистами.

— Конечно, об этом я и говорю уже который год...

— Но разве жесткая финансовая политика — единственное условие оздоровления?

— Есть несколько сфер предельной важности. Первое (я, по-моему, уже всем с этим надоел) — военная реформа. При армии в существующем виде у нас никогда стабильной экономики и безопасного общества не будет. Армия огромная, непосильная для страны и при этом недофинансированная, неукомплектованная, справедливо недовольная. Она должна быть примерно в 2 раза меньше, из нее надо исключить огромное количество обслуживающих подразделений.

Не надо сотен военных совхозов, таких больших строительных войск, заводов стройматериалов. И уж наверняка не надо иметь столько неукомплектованных дивизий. России нужна армия более экономичная, лучше обученная, лучше вооруженная, действительно обеспечивающая безопасность. За три года это возможно решить. Но не вижу возможности реализации военной реформы при нынешнем министре обороны. Самое интересное, что многие военные все прекрасно понимают. Знаю генералов, которые думают не только о своих должностях, но и о безопасности страны. Мы с ними обсуждали эту тему. Убежден: в армии можно найти людей, готовых реализовывать такие преобразования. Однако пока нет политической воли.

— Ельцина?

— И президента в том числе. Еще нужна аграрная реформа. Сегодня прочитал внесенный думскими аграриями проект земельного кодекса. Это, конечно, песня. Нынешние колхозы и совхозы превращаются в латифундии, в баронские владения. Если его принять, на практике скоро выяснится: ты не можешь продать свой земельный пай, а директор может. Это перевод нашего аграрного развития на помещичий путь — голубая тайная мечта председателей.

Третий ключевой момент — реформа госуправления. В любой области в управлении сельского хозяйства — человек двести. Это еще скромно, бывает побольше. В районах тоже сидят, управляют. Из тех, кто управляет у нас сельским хозяйством, можно укомплектовать две полнокровные гвардейские армии. А что делает Комитет машиностроения? Я, работавший в правительстве, не знаю, что он делает, не разгадал эту великую тайну. Не видел ни одного директора, который бы мне сказал: «Ой, Комитет машиностроения как мне помог!» Или, допустим, Комитет по химической промышленности. Зачем он? Колоссальное количество таких вот структур, оставшихся в наследство. Я помню, как «выкручивали руки», чтобы мы сохранили Комитет по торговле, иначе все развалится. Хотя зачем он, когда торговля частная? Государство занимается массой вещей, которыми заниматься не должно. Именно поэтому оно плохо занимается тем, чем должно заниматься, — охраной порядка, законностью, социальной защитой.

Ну и, конечно, очень нужна налоговая реформа. Необходимо вообще навести везде порядок. Последние указы президента, кстати, как раз на это и направлены.

— *А какое будущее у Москвы?*

— Москва от реформ проиграла, но и выиграла очень много. Она утратила привилегированное снабжение, когда огромная часть валюты страны шла на обеспечение продовольствием Москвы. Но, с другой стороны, Москва получила сейчас совершенно фантастическую налоговую базу, такой ни один регион России близко не имеет. Здесь сосредоточены все банки, коммерческие структуры. В городе живет примерно 5,5% российского населения, и в нем сосредоточено 17% российской налоговой базы. Москва должна купаться в деньгах.

— *Может быть, мы это когда-нибудь почувствуем. Вы допускаете мысль о приходе коммунистов к власти?*

— Да. Только ведь это будут наши коммунисты, а не польские, ставшие социал-демократами почти в европейском понимании. Беда в том, что они действительно не польские и не эстонские, не венгерские, а совсем другие. Я их в Думе послушаю и думаю: Господи, эти себя еще покажут. Они ничуть не переменялись по отношению к демократическим институтам и, конечно, сделают все возможное, чтобы эти выборы были последними свободными в течение ближайших десятилетий.

Если бы сейчас России грозил приход коммунистов типа польских, эстонских, венгерских, я бы, наверное, просто не стал заниматься политикой, потому что какая разница: ну, они придут и потом будут долго объяснять народу, почему они вынуждены делать то же, что делал Гайдар. Так было в Польше. Социалисты Бальцеровича поносили, рассказывали, какой он разоритель родины, а пришли к власти в коалиции с другими партиями, стали продолжать фактически его политику, только медленнее. Благодаря Бальцеровичу сегодня Польша быстро растет. И хитрые эти польские коммунисты заявили полякам: «Реформаторы уже такое в стране понаделали, что мы исправить не можем, придется делать то же самое». Если бы у нас так было — ну и прекрасно. Но в России совсем другая политическая сцена, другие коммунисты, потому риск огромен.

Накануне прошлых выборов я говорил, что не надо списывать со счетов коммунистов и националистов. Так в прессе меня на смех поднимали: «Ну, Гайдар, до чего докатился, пугает людей коммунистами! Да они давно в прошлом!»

Сейчас перед этой угрозой не надо опускать руки. Мы с Вами говорили об очень опасной тональности, которая присутствует в обществе: это сочетание, с одной стороны, безнадежности, а с другой — «не пойду голосовать, пусть будет как будет...». Но ведь будет-то даже не так, как есть, а гораздо хуже! В результате такой позиции человек получает массу приключений на голову себе и своим детям.

Мы занимались статистикой. Поддерживают реформы, демократию в основном избиратели городские и «северные». Условно говоря, молодой, высокообразованный, квалифицированный житель Москвы, Екатеринбурга или Перми — вот такой типично наш избиратель. Типичный не наш избиратель: пожилой, сельский, малооб-

разованный, малоквалифицированный, «южный». Если бы пришли голосовать почти все россияне, то у демократов появился бы серьезный шанс. Но беда в том, что молодые, образованные, квалифицированные ходят на выборы отвратительно, а старые, неквалифицированные, необразованные, сельские — все как один! Так что очень важно просто обеспечить явку. Прошу москвичей: придите, голосуйте за кого хотите, только придите, не отдавайте никому права решать за себя и за Россию.

Еще важно обеспечить общественный контроль на избирательных участках. В одном округе, мне рассказывал наблюдатель, на прошлых выборах было так: пачку бюллетеней, которые за «Выбор России», растасовывают — это в ЛДПР, это туда, это сюда... Он спрашивает: «Ребята, вы чего делаете?» Отвечают: «Вы наблюдатель, вот и наблюдайте спокойно».

— Программы — это ерунда, никто не голосует за программы, никто не голосует за идеи.

Главное, чтобы порядочные и нескучные люди были, чтобы счета у них в порядке, чтобы могли угадать, чего людям хочется слышать. А людям хочется, чтобы их пожалели за то, что им тяжело, подбодрили. Чтобы власти были, которые их защитят, а не позволят «МММ» обворовать, да еще в Чечню пошлют воевать. «Выбор России» сделает свою предвыборную кампанию более простой, понятной и приятной для народа?

— Будем стараться.

Егор Гайдар: Законы экономики неотвратимы, как законы природы

Мы беседуем об актуальных проблемах российской экономики с доктором экономических наук, директором Института экономических проблем переходного периода Егором Гайдаром. Не случайно он отрекомендован здесь не как депутат Государственной думы, не как руководитель партии «Выбор России» и не как экс-премьер российского правительства наконец. Я разговаривал с ним не как с государственным деятелем, а именно как с ученым-экономистом, аналитиком. Такая уж у нас сложилась традиция — беседовали мы с Егором Тимуровичем много раз и все о том же: как живет экономика страны, как вывести ее из кризиса, как сделать ее мощнее, богаче и добрее к людям...

Зигзаги реформы

— Егор Тимурович! Сейчас, по-моему, наступил очень важный момент. После долгих словесных баталий Федеральное собрание и правительство выработали достаточно жесткий бюджет, и он принят, президент выпустил несколько указов, явно направленных на продолжение курса реформ, удалось получить кредит МВФ. Словом, наконец, кажется, создались реальные условия для выхода страны из кризиса и начала стабилизации. Есть шанс переломить ситуацию — может быть, последний шанс. И есть явное стремление воспользоваться им, это я наблюдал на расширенном заседании правительства 24 марта, где была одобрена новая среднесрочная программа правительства. Я бы сказал, по духу и содержанию многих разделов она прямая наследница Вашей, как ее называли, «гайдаровской» программы углубления реформ от лета 1992 г.

Но вот вопрос, с которого хочу начать. Экономическая политика правительства Виктора Черномырдина подвергается критике с разных сторон. Не стану говорить о тех, кто именуется это пра-

Интервью брал Леонид ЛОПАТНИКОВ.

Опубликовано в: Деловой мир. 1995. 9 апреля.

вительство «оккупационным» или как-то еще хуже, это случай, так сказать, клинический. Но критикует и «Выбор России» — за отступления от линии реформ. В чем конкретно Вы видите эти отступления, что можно было бы сделать лучше?

— Политика правительства на протяжении двух лет его жизни была разной, колеблющейся. Было несколько этапов, на которых мы по-разному к нему относились. Я считаю, например, огромной ошибкой правительства то, что оно в апреле 1994 г. под давлением аграриев и коммунистов отступило и резко завысило ожидаемые поступления федерального бюджета, одновременно увеличив темпы роста денежной эмиссии. Ситуация, которая складывалась к этому времени, была непростой, но целый ряд позитивных эффектов осеннего (1993 г.) сдерживания инфляции явно ощущался. В это время устойчиво шли вниз темпы инфляции, процентная ставка; стабилизировалась динамика валютного курса, стало заметным увеличение доли долгосрочных кредитов в общем объеме кредитования; постепенно начался рост доли сбережений в располагаемых доходах населения, в том числе сбережений в национальной валюте, а не только в долларах.

Именно эти тенденции давали надежду на то, что 1994 год станет годом стабилизации российских финансов, а значит, к концу года будут созданы предпосылки для экономического роста.

К сожалению, правительство не удержалось на этом пути, заложило в бюджет заведомо нереальные поступления, о которых оно точно знало, что их не будет. Таким способом оно добилось компромисса с аграриями и коммунистами, добилось поддержки ими бюджета, но результатом стал острейший бюджетный кризис. Отсюда масштабное недофинансирование, увеличение темпов роста денежной массы со стандартными последствиями: резким сокращением валютных резервов (начиная с июля), неизбежным повышением процентной ставки (что и случилось осенью), дестабилизацией валютного рынка. Возобновились концентрация деловой активности на краткосрочных операциях и рост доли краткосрочных кредитов в общем объеме кредитования. Короче, результатом всех этих явлений, характерных для осени 1994 г., стало ускорение инфляции с 4% в августе до 16—17% в декабре — январе и соответственно крах надежд на возможность стабилизации российской экономики в 1994 г...

Но с осени этого же года правительство, как мне кажется, возвратилось на путь более осмысленной и разумной финансовой политики. Эту политику, в том числе отраженную в бюджете на 1995 г., в общих чертах мы поддерживаем и будем поддерживать дальше. Именно поэтому, несмотря на свои замечания к бюджету на 1995 г., мы поддержали его.

Ситуация

— Вы критикуете Черномырдина за то, что он уступил давлению лоббистов и это сорвало надежды на стабилизацию. А я вспоминаю 1992 г., лето. Вспоминаю правительство Гайдара. В ситуации очень похожей оно тоже уступило требованиям тогдашнего парламента — Съезда народных депутатов. Да еще не смогло справиться с Центральным банком, который залил страну половодьем своих кредитов под лозунгом «спасения предприятий». Как будто бы функция банка состоит в управлении производством, а не в укреплении национальной валюты! Производство поддержали ненадолго, но не спасли — скоро спад возобновился и стал еще круче. А инфляция разыгралась так, что Вы сами, Егор Тимурович, я помню, на одном из заседаний нашего реформ-клуба¹ заговорили о близкой угрозе настоящей, разрушительной гиперинфляции по типу бушевавшей тогда в Югославии. Может быть, напрасно критикуете нынешнее правительство, Егор Тимурович?

— Нет, не напрасно. Ваше сравнение неосновательно. Конституционная ситуация 1992 и 1994 гг., после принятия новой Конституции, — это две совсем разные ситуации.

— В чем же разница?

— Давайте представим себе ситуацию 1992 г. У правительства нет никаких способов воздействия на Центральный банк: он подчиняется только и исключительно Верховному Совету. У президента нет эффективного права вето. Поэтому когда 3 июля 1992 г. Верховный Совет принимает вопреки протестам правительства государственный бюджет... заметьте, кстати, не правительство предлагает, как

¹ Реформ-клуб «Взаимодействие» — общественная организация, объединявшая под председательством Е. Гайдара группу интеллектуалов реформаторского направления: членов правительства, депутатов, бизнесменов, ученых-экономистов и журналистов, пишущих на экономические темы. Существовал с 1992 г. до конца 1990-х гг. — Прим. ред.

это было в 1994 г., а сам Верховный Совет. Так вот, когда он принимает бюджет, увеличивающий на 13% ВВП расходную часть, президент фактически не имеет возможности наложить вето: оно элементарно преодолевается депутатами.

Конечно, тогда, в 1992 г., у противников реформ было неизмеримо больше возможностей, опираясь на принятый бюджет и подчиняющийся Верховному Совету Центробанк, заблокировать любую осмысленную реформаторскую политику, что и было сделано.

С конца 1993 г., после принятия новой Конституции, у нас есть эффективное право президентского вето, фактически почти непреодолимое парламентом. У нас есть новые взаимоотношения правительства с Центробанком. Даже представление о снятии председателя правления банка (как это и случилось с Виктором Геращенко после «черного вторника») вносится президентом. Словом, ситуация абсолютно иная...

Ошибки правительства

— *Вы говорили, Егор Тимурович, что в последние месяцы правительство изменило свою позицию к лучшему. Но и сейчас Вы, насколько я знаю, не во всем с ним согласны. Что представляется Вам спорным или недостаточным в его нынешней экономической политике?*

— Первое. Нам представляется спорным подход, при котором бремя платы за стабилизацию оказывается явно несправедливым и неравным. Ну вот, такой пример. Бюджет достаточно жесткий. Многие резервы выявлены и использованы, потому-то он и поддержан нами. Но есть еще резервы совершенно очевидные и лежащие на поверхности. Скажем, увеличение экспортной пошлины по газу с двух до пяти ЭКЮ. Вопрос этот обсуждался, но решение не принято. А речь идет о суммах очень серьезных. И если сегодня Вы сравните налоговое бремя на нефтяников и на газовиков, Вам трудно будет понять, почему у первых оно значительно больше, чем у вторых. Если изучите расходы Газпрома, скажем, на социальное развитие и на управленческий аппарат, то обнаружите, что административная роскошь этой организации явно не соответствует той политике финансовой сдержанности, финансовой стабилизации, которую прокламирует правительство в федеральном бюджете.

Таким образом, первое требование — если экономическая политика жесткая, она должна быть жесткой для всех.

Второе. На фоне стабилизационных усилий правительства ему явно не хватает серьезной работы в области целого ряда ключевых долгосрочных проблем российской экономики. Прежде всего, конечно, это аграрная реформа. Систематической политики в области аграрной реформы на протяжении последних лет не было видно, не видно ее и сейчас. Эта политика заменяется попытками «выдавить» что-то из худого государственного бюджета, одновременно добившись очередного списания долгов по проведенным и разворованным ранее кредитам.

Я убежден, что без осмысленной политики в области реформирования сельского хозяйства, базирующейся, естественно, на рынке частной собственности и на изменении форм и направлений финансовой поддержки, политика стабилизации вряд ли имеет шансы на успех.

Нам не нравится и отсутствие систематической работы по реформе армии, реформе Вооруженных сил. Она подменяется попыткой сдержать общий уровень ассигнований на армию, но это плохая замена. Без серьезной военной реформы, без последовательного сокращения числа военных частей и подразделений, а также общей численности Вооруженных сил, без отказа от натурального хозяйства в этой сфере и соответственно концентрации ресурсов на том, что действительно обеспечивает боеспособность Вооруженных сил, — без всего этого мы никогда не будем иметь боеспособной, современной армии, той армии, которая нам нужна. Не говорю уже о том, что без реформы Вооруженные силы будут исключительно дорого обходиться России.

— *Но позвольте, Егор Тимурович! Говорят, что реформа, наоборот, требует более высоких затрат...*

— Это неправда.

— *Ссылаются на расчеты: армия будет меньше, но дороже, поскольку выше зарплата профессиональных военных...*

— Все эти расчеты, как правило, основаны на очевидных передрержках. Если посмотреть структуру ассигнований на Вооруженные силы, скажем, заработной платы, расходов на жилье и других затрат, то станет ясно: то, что на самом деле у нас происходит сейчас, — вариант самый накладный для экономики. Конечно, военная реформа

не даст нам немедленных и наглядных результатов в смысле сокращения ассигнований в течение года-двух. Это совершенно верно. Но кто об этом говорит?

— *А можно подтвердить Ваши утверждения расчетом?*

— Такие расчеты есть. Они доказывают именно то, что соответствует здравому смыслу: иметь армию, которая нормально укомплектована и соответствует демографическому потенциалу страны, намного дешевле и экономичнее, чем содержать армию, которая постоянно неуккомплектована, постоянно страдает от недофинансирования и потому не очень боеспособна. Еще раз подчеркну, речь не идет о том, чтобы получить экономию немедленно. Ее не будет. Но нормальная программа, систематическая, рассчитанная на три года реформы, должна быть разработана и должна реализовываться правительством. Отсутствие ее, по-моему, очень серьезный пробел.

Третье, что меня смущает в экономической политике, проводимой правительством, — это явное отсутствие заботы о сокращении государственного аппарата и ликвидации излишних структурных подразделений. Как бывший премьер я точно знаю, что в аппарате федерального правительства таких лишних звеньев немало. Это бессмысленные, почти ничего не решающие учреждения. Тем не менее они существуют, тем не менее финансируются и, более того, порой выступают инициаторами различных опасных проектов, по-видимому, хотя бы для того, чтобы симулировать собственную деятельность.

— *Можете дать примеры?*

— Пожалуйста. У нас по всей стране сельским хозяйством управляют десятки тысяч человек. Можно было бы укомплектовать из их состава примерно две общевойсковые армии эпохи Великой Отечественной войны. Объяснить, что они делают — кроме того, что они как бы обеспечивают работу по мобилизации поддержки аграрной партии, — очень трудно. Есть, конечно, и полезная деятельность, но она находится на далекой периферии по отношению к тому главному, чем занимается эта мощнейшая структура.

Или объясните мне, чем занимается Комитет по гражданскому машиностроению. Какие проблемы он решил на протяжении последних двух с половиной лет? А если Вы скажете, что сделал за те же два с половиной года Комитет по химической промыш-

ленности, решению каких проблем этой отрасли он способствовал, я тоже с интересом послушаю.

Таких звеньев, безусловно избыточных, немало. Более того, сейчас создается Федеральное казначейство, и нам оно действительно нужно. Но это глупость, когда пытаются насадить его органы в каждом районе, включая и те районы, где нет федеральных расходов, разве только содержание какого-нибудь ПТУ, затраты на которое вполне сопоставимы со стоимостью содержания районного казначейства, предназначенного эти затраты контролировать. На самом деле федеральное казначейство нужно там, где есть крупные центры федеральных расходов, например, в регионах сосредоточения военно-промышленного комплекса или там, где выполняются государственные инвестиционные программы и проекты. Они, конечно, нужны в центрах 69 субъектов Федерации. Вопрос в том, нужны ли нам тысячи новых контор во всех районах?

— *Но разве так ставится вопрос, Егор Тимурович?*

— Конечно. Между тем это требует огромных денег. Вот еще одна очень серьезная проблема для нынешнего правительства.

Таковы, если говорить о главном, наши претензии к проводимой им экономической политике.

Спорить поздно — есть опыт...

— *Но экономическая политика «Выбора России» тоже подвергается критике со стороны других партий, в том числе нередко на страницах «Делового мира». По каким позициям Вы согласны с критикой, по каким нет и почему?*

— Поясните, о какой критике идет речь?

— *Вы же знаете. Стандартная критика, которая всегда была и останется надолго...*

— Убили, разорили, ограбили... гнусные монетаристы...

— *Скажем так: «шоковая терапия» по рецептам МВФ вместо щадящего, постепенного лечения экономики. Иные выражаются похлеще: по вражеским рецептам, цэрэушным, сионистским — выбор эпитетов большой.*

— Нет уж об этом давайте говорить не будем: Вы же сами сказали, что бывают случаи клинические. Давайте о серьезном. Так вот я бы посоветовал коллегам, критикующим политику, которую мы защи-

щали и пытались проводить (что-то из этого удалось, что-то нет), познакомиться с одной элементарной табличкой. Она была не так давно опубликована в «Финансовых известиях». Это таблица результатов экономической политики постсоциалистических стран на протяжении последних четырех лет. Собственно, если исключить из них Боснию и Герцеговину, которая является воюющим государством, и Югославию, которая стала объектом санкций, то всего там остается 25 стран. Я бы очень посоветовал нашим оппонентам посмотреть, что же получилось в этих странах, которые придерживались разной экономической политики в последние годы: одни — «шоковой», другие — постепенной, инфляционной, третьи меняли свою политику на протяжении этого периода. Тогда можно будет прийти к нескольким очень интересным выводам.

Первый. Нет ни одной постсоциалистической страны, где инфляция была в 1994 г. выше 150% и наблюдался бы экономический рост.

И наоборот: там, где инфляция в 1992 г. была ниже 50%, сейчас экономика растет.

— Но дело, по-моему, не в том, где сама по себе инфляция была ниже или выше. Это результат каких-то действий. Вот в последней книге Джеффри Сакса тоже была табличка, очень наглядная. (Мы публиковали ее на страницах еженедельника «Деловой мир» в начале января.) Страны, где проводилась жесткая монетарная политика, напрямую сравнивались в ней со странами, где велась политика мягкая, градуалистская. В числе последних, кстати, значится и Россия...

— На самом деле это то же самое, о чем я говорил. Нет ни одной страны, в которой инфляция была побеждена и сегодня не возобновился бы экономический рост. И нет ни одной страны, в которой инфляция осталась предельно высокой и не продолжался бы спад производства. И между ними есть такие, где либо начинается рост, но медленно, неуверенно, либо продолжается спад, но он тоже замедлился. Это при инфляции между 50 и 150%.

Второй вывод. Если возьмете постсоциалистические страны, которые развиваются быстро, выше общеевропейского уровня, то они все до единой — их семь — относятся к категории стран, где проведены радикальные реформы.

Третий вывод. Очень советую сравнить экономические результаты двух стран, находившихся в начале реформ как бы на разных полюсах. Как известно, Албания была самой нищей среди стран

Восточной Европы. А Белоруссия была в некотором роде витриной советского социализма. В Албании эти три года проводилась последовательная жесткая экономическая политика. В Белоруссии экономическая политика была мечущаяся, непоследовательная. Результаты? В 1994 г. в Белоруссии падение производства составило 25%, в Албании экономический рост — 7%. В 1994 г. средняя заработная плата в Албании в долларовом выражении была уже втрое выше, чем в Белоруссии. Если бы кто-то это предсказал четыре года назад, на него посмотрели бы, как на сумасшедшего.

— Но Албания не сравнится с Белоруссией по промышленному потенциалу, по структуре хозяйства. Там можно быстрее двигаться. С нуля подниматься легче, как известно...

— Это действительно трудно объяснить, но Вы не правы, Леонид Исидорович. Почему у Туркмении, где тоже нет такого уж мощного промышленного потенциала, результаты ничем принципиально не отличаются от белорусских? Почему в Польше, где промышленный потенциал даже более высокий, чем в Белоруссии, результаты ничем принципиально не отличаются от албанских?

Албания по-прежнему остается бедной страной, но реальность такова: в этой стране сегодня инфляция составляет 16% в год и экономический рост — 7%. Просто разная экономическая политика — вот в чем секрет...

Так что действительно в 1991 г. можно было до хрипоты спорить, будет ли инфляция в нашей стране спросовой или инфляцией издержек, будет ли реагировать инфляция на стандартные денежные инструменты, будут ли у нас соблюдаться нормальные зависимости между денежной массой, валютным курсом, процентной ставкой, уровнем инфляции и т. д. И еще года два спустя можно было вести научные дискуссии о шоковом и градуалистском пути выхода из постсоциалистического кризиса. Но сейчас спорить поздно. База для дискуссий исчезла: история, практика, опыт ответили на все эти вопросы однозначно. Да, с некоторыми уже известными особенностями — но общие закономерности действуют. И вообще пора понять, что законы экономики неотвратимы, как законы природы. Следовательно, до тех пор пока экономическая политика не будет достаточно жесткой и реформистской, на стабилизацию экономики после развала социализма нечего и надеяться.

Поиски выхода

— Тем не менее в печати, в том числе в «Деловом мире», в последнее время публикуются многочисленные альтернативные программы выхода страны из кризиса. Выдвигают свои программы академические институты, исследовательские фонды, депутаты Госдумы. Большинство из них, отражая общее недовольство сложившейся в стране ситуацией, выдвигают идеи, явно противоположные тем, которые Вы здесь развивали, и опыт соседей тоже не убеждает: Россия, говорят они, — страна особенная, у нее свой путь. Ваше мнение о важнейших из этих программ, например о программе председателя думского Комитета по экономической политике Сергея Глазьева?

— Программа Глазьева выполнена профессионально, не без интересных поворотов, но там есть обидные ошибки в расчетах. На самом деле она основана на разработках группы Андрея Белоусова из Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. Так вот если Вы посмотрите разработку, то увидите, например, что в расчетах темпов инфляции авторы фактически исходят из того, что мультипликатор, приводящий денежную массу к денежной базе, равен единице. Но так не бывает. Эта ошибка привела к тому, что все расчеты инфляционного финансирования в программе Глазьева некорректны, там все должно быть по-другому. Темп инфляции у него занижен, принята также неправдоподобно высокая эластичность ВВП по объему государственных инвестиций. Впрочем, все это профессиональные тонкости. А общий вывод прост: из болота себя за волосы не вытащишь! Там могла быть эта ошибка, другая, но чего не бывает, того не бывает. Идея выхода из промышленного кризиса в условиях высокой инфляции на основе дополнительной денежной эмиссии — основная идея программы Глазьева — противоречит железной закономерности, в соответствии с которой при ускорении темпов инфляции спрос на деньги падает. Вы не можете дополнительной эмиссией добиться реального увеличения спроса, потому что, увеличивая денежную массу в номинальном исчислении, вы одновременно сокращаете ее в реальном исчислении, т. е. не увеличиваете, а сокращаете спрос в экономике¹.

Поэтому я начал как бы с технической детали — почему расчеты оказываются некорректными, но суть проблемы гораздо глубже. В программе заложена концепция, которая в принципе по основным характеристикам постсоциалистического экономического процесса оказывается несостоятельной.

— Для меня это интересная новость. А вот Вы знаете, Егор Тимурович, в Госдуме ходила такая брошюра экономистов Гильбо и Соколова...

— Не видел. Знаю, что там был проект выхода из кризиса путем ликвидации налогов. Но это уже за гранью возможностей профессионального комментирования.

— А депутат Степан Сулакшин¹? Его программа была опубликована в «Деловом мире». Он подсчитал стоимость постепенного перевода народного хозяйства России в рыночное и определил потребное для этого время — не менее 24 лет. В этой арифметике меня удивило лишь то, что подсчитываются вложения средств, но не их отдача — а ведь деньги все это время будут работать, обращаться. Но мне кажется более интересной идея двухсекторной экономики, которая тоже содержится в программе. Помню, у нас в ЦЭМИ, когда я там работал, тоже детально прорабатывалась такая концепция. У Сулакшина она выглядит так: отрасли, производящие продукты первичной стадии обработки, остаются государственными, с государственным ценообразованием (базовые отрасли: топливо, металлы и т. д.). А продукция последних стадий обработки — понятно, что это в основном товары народного потребления — должна идти по свободным ценам. Правда, алгоритма перехода от государственного к свободному ценообразованию там нет...

— Хочу прежде всего сказать, что России действительно потребуются крупные инвестиционные ресурсы для модернизации народного хозяйства. Именно поэтому необходимо как можно быстрее осуществить финансовую стабилизацию. Если у вас уже не работает старая система управления экономикой, надо понять, что финансовая нестабильность — это как раз то, что лишает экономику притока частных инвестиций в силу двух вполне естественных последствий

¹ Подробнее эта тема раскрывается в статье Е. Т. Гайдара «Работа над ошибками». См.: Деловой мир. 1995. 12 мая. См. также в наст. собр. соч. т. 5, с. 221–225. — Прим. ред.

¹ Степан Степанович Сулакшин — политический деятель и ученый. Был депутатом Верховного Совета РСФСР и Государственной думы РФ нескольких созывов. В последние годы — генеральный директор Центра проблемного анализа и государственного управленческого проектирования. — Прим. ред.

инфляционного финансирования. Первое из этих последствий: бегство от инфляционного налога и соответственно бегство капиталов за рубеж, которое приводит к тому, что капиталы, аккумулирующиеся в стране, не вкладываются в национальную экономику. И бороться с этим без финансовой стабилизации можно, только введя монополию внешней торговли, что неизбежно приведет к демонтажу всей системы рыночных регуляторов. Второе последствие: те капиталы, которые остаются в стране, в условиях инфляции никогда не будут вкладываться в долгосрочные проекты, а будут концентрироваться только в краткосрочных финансовых проектах и в крайнем случае — в торговых операциях.

Это наглядная иллюстрация железной экономической закономерности: не будет стабильных денег — никогда не будет инвестиций; не будет инвестиций — не будет спроса на инвестиционное оборудование; не будет спроса на инвестиционное оборудование — будет продолжаться падение производства, потому что наша экономика — это в первую очередь производство военной техники и инвестиционной техники.

Значит, если нет спроса на инвестиционную технику и снижается спрос на военную, совершенно неизбежно продолжение экономического спада.

— *Кстати, о военном производстве. Как Вы относитесь к тому, что сейчас форсируется экспорт вооружений и военной техники? Осуществляется старая идея Сергея Глазьева — он ее высказывал в нашей газете еще тогда, когда работал в ЦЭМИ...*

— Отношусь положительно. Надо, чтобы такой экспорт увеличился, это прежде всего поддержка высокотехнологичных производств. Но я категорически против того, чтобы отдавать оружие, как это делалось на протяжении многих лет, даром или же тем странам, которые заведомо неплатежеспособны. Если нам удастся, не нарушая международно признанных договоренностей, увеличить экспорт вооружений в платежеспособные страны и за хорошую плату, я буду только аплодировать!

Всему свое время

О двухсекторной экономике. Это интересный повод для теоретических рассуждений, но практические воплощения надо было бы

начинать лучше всего где-то в конце 50-х гг., на крайний случай, может быть, в начале 80-х. Обсуждать же эту проблему сегодня поздно.

— *Почему Вы называете именно такие сроки? Да и вообще, казалось бы, исправить ошибку никогда не поздно?*

— Сроки я назвал не случайно. Ни в первый, ни во второй коммунистическое руководство СССР не решилось пойти на реформы: сначала китайского типа, которые когда-то предлагали наши предшественники, позже венгерского типа, которые предлагали уже мы сами в десятках записок в так называемые директивные органы.

А дождавшись полного развала старой системы управления, дождавшись, когда она перестанет работать — после этого рассуждать о двухсекторной экономике, значит, совсем не видеть мира, в котором мы живем.

— *А почему, собственно, она сегодня невозможна?*

— Двухсекторная экономика сегодня не только невозможна, но и не нужна. Это ведь способ как бы мягкого выхода из социалистической индустриализации.

— *Вот Сулакшин об этом и пишет...*

— В связи с этим важно проанализировать: что, собственно, социализм умеет делать хорошо или, по крайней мере, прилично? Он умеет концентрировать ресурсы для первоначального индустриального рывка за счет огромного перераспределения их из сельского хозяйства. Эксплуатация крестьянства, вложения в тяжелую промышленность, создание индустриальной базы — это то, что у социализма получается. Точно так же ясно, что после этого возникают острейшие долгосрочные проблемы, связанные с нарастающими склеротическими процессами в производственном аппарате; после исчерпания возможностей мобилизации ресурсов в сельском хозяйстве падают темпы и эффективность накопления, обостряются структурные дисбалансы, нарастает отставание от уходящих вперед рыночных экономик, т. е. здесь выясняется, что если и можно вырвать себя за волосы из болота, то на короткий срок.

После периода социалистической индустриализации этот кризис становится неизбежным во всех странах.

И чем раньше коммунистическая элита понимает это и начинает мягко выходить из социализма, рядом с индустриальной базой формировать рыночный сектор экономики, тем больше шансов,

что этот процесс будет более или менее безболезненным. Китай начал выходить из социализма, когда в сельском хозяйстве было занято более 80% сельского населения (в 1978 г.). Соответственно Китай мог позволить себе формировать новый рыночный сектор рядом со сложившимся социалистическим индустриальным сектором и во многом компенсировать нарастающие внутри последнего проблемы и беды — а они там нарастали, это совершенно очевидно — динамизмом формирующегося рыночного сектора. Поскольку Китай мог строить его рядом, а не вместо, он получил возможность постепенно переходить от государственного финансирования индустриализации к частному. Это такой путь, который у нас был реален где-то в 50-е гг., менее реален в 60-е, когда в полной мере обозначились проблемы в сельском хозяйстве и стало ясно, что ресурсы черпать оттуда уже невозможно. В 80-е гг. такой путь уже был закрыт — у нас сложилась мощная и вместе с тем архаичная индустриальная экономика и любой поворот к рынку означал кризис всей этой структуры. Такой кризис был в Венгрии, где начали настраивать рыночные механизмы не вместо, а вместе с механизмами плановой социалистической экономики.

Теперь представьте себе: коммунистическая элита не делает ничего для этого, дожидается, когда полностью утратятся основные фундаментальные черты социалистической экономики, например финансовая сдержанность, работающая система фондов и нарядов. Все это разваливается, вместо этого приходят неконтролируемая инфляция, неконтролируемый рост заработной платы, невыполняющиеся приказания. По существу, разваливаются системы микро- и макрорегулирования.

Вот здесь, в таком межсистемном хаосе, который у нас вполне сложился к концу 1991 г., рассуждать об упорядоченных преобразованиях, о том, что можно рядом со стабильно работающей старой социалистической системой (где она?) сформировать частный сектор, было абсолютно бессмысленно. И тем более бессмысленно сегодня, когда с огромным трудом и с огромными издержками, но в общем механизмы нового регулирования удалось запустить, а неизбежный социальный кризис уже состоялся. Дальше надо думать, как создавать финансовые ресурсы для реконструкции производственной сферы. И совершенно очевидно, что в новой ситуации финансовые ресурсы можно создать только на основе частных

сбережений, частных инвестиций. А значит, надо как можно быстрее создать предпосылки, при которых они возможны. А значит, как можно быстрее нужно дать гарантии собственности, как можно быстрее прийти к низкой процентной ставке, а значит, как можно быстрее побороть инфляцию. Как видите, и здесь все взаимосвязано, и здесь действует железная экономическая логика.

Вместо послесловия

Уже когда текст интервью был подготовлен и сверстан, Егор Гайдар провел пресс-конференцию, вызвавшую широкий общественный резонанс. Он поделился прогнозами о том, как будет развиваться экономика страны в 1995 г., надо сказать, прогнозами более оптимистичными, чем когда-либо за последние два года. Основываясь на анализе реальных тенденций и фактов, он заявил:

— На сегодняшний день правительственная программа стабилизации имеет существенные шансы на успех!

По мнению Гайдара, до конца года темп инфляции снизится до приемлемого уровня, при котором возможно возобновление инвестиционного процесса; к этому времени прекратится спад производства и может даже начаться возобновление его роста в некоторых отраслях.

А ведь еще в конце минувшего года все предвещало провал программы, напомнил Егор Тимурович: разразилась война в Чечне, снова раскрутился маховик инфляции, к тому же усугублявшейся возросшими инфляционными ожиданиями населения, начал стремительно падать курс рубля, Центробанку пришлось снова повысить процентную ставку, из-за событий в Чечне было задержано поступление кредита от МВФ.

Правительство не пошло по катастрофическому — по выражению Гайдара — пути ослабления финансовой политики, а избрало более трудный, но реальный путь ее ужесточения. Это тоже плохой вариант, поскольку расходы на Чечню все равно придется покрывать за счет социальной сферы, но не катастрофический. С 1 января до 1 апреля 1995 г. темп роста денежной массы был нулевым. В результате создались условия для подавления инфляции, контролируемого и очень постепенного снижения долларového курса рубля (на сентябрь, предсказывает Гайдар, курс вряд ли будет более 5,5 тыс.

руб. за долл.). Начнет падать учетная ставка и ставка по межбанковским кредитам. В связи с этим, правда, предвидятся трудности в банковской сфере, возникнут проблемы с экспортом, возможны попытки спровоцировать дефициты, особенно в бюджетной области. Но в целом стабилизация к концу года реальна.

Обратившись к политическим вопросам, Гайдар отметил, что наступающий перелом в экономике может оказать воздействие на общественные настроения в преддверии парламентских выборов, если, конечно, избиратели успеют почувствовать на себе и оценить изменения в ситуации и если не возникнут какие-то непредвиденные обстоятельства. Те самые силы, которые противостояли рыночным реформам, теперь захотят нажать себе политический капитал на том, что выход из кризиса затянулся и принес людям много лишений, предупредил Егор Гайдар. Предупреждение это вполне своевременно и уместно.

Ответы Е. Т. Гайдара на вопросы газеты «Надежда» Всероссийского общества ИНВАЛИДОВ

1. Существует мнение, что федеральные власти развязали чеченскую войну, чтобы отвлечь внимание общества от бедственного положения, в каком оказался народ, от чудовищной нищеты пенсионеров и инвалидов, чтобы, увязнув в кавказской войне, списать на нее провалы в социальной политике и экономике. Вы разделяете подобную точку зрения?

— Не разделяю. Хотя и убежден — решение о вводе войск и последовавшая за ним трагедия — это серьезнейшая ошибка нашего руководства.

С самого начала мы пытались сделать все возможное, чтобы предотвратить начало военной авантюры. До ввода войск мы использовали все доступные методы непубличного воздействия на власть. Вечером, когда федеральные войска подошли к границе Чечни, было созвано экстренное заседание Политсовета партии «Демократический выбор России». Мы выступили с обращением к президенту, правительству с призывом не делать этого. Нас не захотели услышать, и на следующий день войска были введены.

Уверен: вопрос о Чечне решили сами россияне, когда на выборах 12 декабря 1993 г. отдали свои голоса за людей, которые предлагали поход на юг. Вот вам поход на юг. Что хотели, то и получили.

Хорошо знаю, как принимали решения после подведения итогов этого голосования. Мои единомышленники и я пытались убедить Б. Н. Ельцина в том, что итоги выборов — это наглядное свидетельство того, что нельзя больше колебаться, топтаться на месте. Надо быстро и решительно идти вперед по пути преобразований. Только так можно достичь реальных положительных результатов, пока-

Интервью брал В. И. КАЗНАЧЕЕВ.

Опубликовано в: Надежда. 1995. 25 августа.

зять россиянам, что в их интересах голосовать за тех, кто предлагает путь преобразований, а не за тех, кто бряцает оружием.

А другие советники говорили: посмотрите, россиянам наплевать на демократию, на все эти права человека. Им нужна жесткая власть, более дерзкая политика, как можно больше демонстрации силы и т. д. Возобладание этой тенденции и привело к выбору силового решения чеченского вопроса.

2. Не считаете ли Вы нужным поднять вопрос в порядке законодательной инициативы о внесении изменений в Закон об инвалидности, принятый в 1956 г.?

— Радикальные перемены, произошедшие в нашей стране за последние годы, требуют критического пересмотра всех законов, принятие которых диктовалось общим отношением к людям как к безликой рабочей силе, характерным для советского строя. Несомненно, многие нормы, закрепленные в Законе об инвалидности, преследовали цель минимизировать затраты на помощь гражданам, потерявшим трудоспособность. Львиная доля государственных средств уходила на содержание неэффективного производства и военные расходы. В этих условиях на социальные нужды выделялись жалкие крохи по пресловутому остаточному принципу.

Одной из своих первоочередных задач наша партия считает постепенное снижение расходов на оборону, на дотации, на государственное управление. Это сделает возможным увеличение расходов на социально-культурное обеспечение, здравоохранение, образование, науку и культуру, позволит коренным образом реформировать систему социальной защиты, превратить ее в адресную.

К сожалению, многие политики превращают эти действительно серьезные и болезненные проблемы в разменную карту своей политической игры. Все говорят о необходимости помощи малоимущим, о бедственном положении инвалидов. Чтобы разобраться, кто же говорит правду, а кто занимается демагогией, следует посмотреть на результаты голосования в Государственной думе по основным вопросам: распределение бюджета, выделение дополнительных средств в ту или иную сферу. Просмотрев эту табличку, которая, слава Богу, перестала быть государственной тайной, каждый может сделать простые выводы.

Если фракция коммунистов голосует за перераспределение средств в пользу убыточных колхозов и промышленных предпри-

ятий, значит, эти люди лишь на словах болеют за интересы людей (впрочем, 70-летняя история нашей страны доказывает это еще лучше). Если ЛДПР поддерживает увеличение военных расходов — о какой поддержке бедных они говорят?

Помните: социальная политика — это в первую очередь бюджет, реальные деньги, которые выделяются (или не выделяются) на эти цели. Поэтому программное требование партии «Демократический выбор России» — перераспределение средств с поддержки неэффективных предприятий на поддержку необеспеченных людей. Не так уж много денег надо, чтобы помочь действительно нуждающимся. А вот чтобы содержать целые убыточные отрасли — на это никакого бюджета не хватит.

3. Собирается ли Ваша партия принять меры, чтобы прекратить тотальное ограбление народа России и защитить естественное право каждого ее жителя на получение своей доли дохода от добываемых природных ресурсов?

Мы не только собираемся принимать меры, чтобы распределение бремени экономических преобразований в нашей стране стало более справедливым. Мы знаем, что для этого необходимо сделать.

Первое. Изменение методов регулирования так называемых естественных монополий — одна из важнейших задач на этом пути. Во всем мире такие отрасли, как, скажем, энергетика, находятся под жестким контролем государства. Убежден, это совершенно необходимо и для России. Причем такой контроль не только не противоречит идее свободного рынка, но и является важной предпосылкой ее реализации, создавая основы для честной конкуренции.

Второе. Следует реформировать систему налогообложения в нашей стране, увеличить долю ресурсной составляющей в объеме собираемых налогов. Это опять же типично для цивилизованных рыночных экономик. Налог на природные ресурсы позволит перераспределять прибыль, получаемую за счет их добычи и переработки, в пользу приоритетных статей бюджета. Такая схема показала себя на практике во многих высокоразвитых странах мира как гораздо более эффективная, чем та ущербная феодально-распределительная система, которой пользовались в Советском Союзе.

Наконец, третье. Бюджет — главный экономический закон в цивилизованной стране. Только правильное распределение бюджетных средств позволит каждому человеку получать свою долю

в доходах от добываемых в России ресурсов. В противном случае никакие налоги не спасут нуждающихся в поддержке инвалидов, пенсионеров, семьи с детьми. Все поглотят известные по шутке популярного сатирика «закрома Родины».

4. Отношение к приватизации. Владеет ли Ваша партия способами решения этой коренной проблемы экономической реформы?

Уничтожающая критика приватизации слышится сегодня со всех сторон. Чаще всего высказывают недовольство тем, что собственность отдали задешево, что трудовые коллективы получили слишком большие льготы. При этом забывают, что та схема, по которой осуществлялась у нас приватизация, была навязана нам Верховным Советом в 1992 г., а основные ключевые моменты были сформулированы, как это ни парадоксально звучит, коммунистической партией, которая сегодня сама же и возмущается. Мы упорно и в прессе, и в Верховном Совете объясняли, к чему это приведет. Увы, они тогда оказались сильнее...

Говорят, что надо вести реформы не за счет народа. Красивые слова, которые легко произносятся... И я с радостью присоединился бы к этим словам, если бы... был какой-нибудь другой счет. У нас же никакого другого счета, кроме счета народа, нет. Это горькая, но правда. И ее придется принять. Слова «не за счет народа» — дешевая демагогия. Нет у нас доброго дяди с толстым кошельком. Это мы сами взяли у себя из одного кармана и переложили в другой. Если перекладывать неэффективно, мы становимся только беднее.

Моя позиция — надо как можно меньше перекладывать из одного кармана в другой, чтобы не растерять денег.

Я хорошо знаю, что идеальной приватизации не бывает. Приватизация по своей природе алогичный, иррациональный процесс. Уважение к частной собственности не произрастает из ее репутации в мире. Оно возникает из очень долгой эволюции отношения к собственности, из векового уважения к ремеслу, производству, из всей той почвы, которая была начисто уничтожена в России за последние 75 лет.

Теперь, когда мы оказались в такой ситуации, что частная собственность может возродиться только на основе приватизации, хороших решений быть практически не может. Справедливое распределение может быть обеспечено только на основе справедливой и эффективной социальной политики.

5. Смогут ли победить на выборах партия и кандидат в президенты, если в качестве предвыборной платформы они используют программу приватизации, отражающую интересы большинства народа?

Я бы перефразировал Ваш вопрос таким образом: «Сможет ли победить на выборах враль, который сумеет убедить наш несчастный доверчивый народ в том, что существует приватизация, отвечающая интересам большинства народа?» Такой приватизации не существует. Разумеется, можно серьезно поправить положение с помощью перераспределительных процессов (налоги, социальная политика). Но сразу получить справедливое распределение в результате приватизации невозможно в принципе. Так что я бы советовал всем внимательно прислушиваться к словам тех, кто выдает себя за народных заступников. А то, неровен час, и вправду придет к власти в России очередной «кудесник».

6. Что намерена предпринять Ваша партия, чтобы не допустить фальсификации результатов предстоящих выборов?

Главное, что необходимо понять каждому избирателю, — судьба России на предстоящих выборах во многом будет зависеть от активности каждого гражданина нашей страны, имеющего право голосовать. Тот, кто не ходит на выборы, должен пенять на себя, если к власти в стране приходят авантюристы. Поэтому я призываю всех — каждого, кому небезразлично его будущее, будущее его детей, — обязательно идите голосовать. Отдайте свой голос тому, кого вы хорошо знаете, кому готовы доверить свою судьбу. Голосуйте, за кого совесть подскажет. Но голосуйте! Не думайте, что на выборах ничего не решается. Вспомните декабрь 1993 г., когда многие отдали свои голоса ЛДПР: кто из чувства протеста, кто шутки ради. Разве наша страна не изменилась за эти годы? Увы, изменилась.

Члены нашей партии принимают самое активное участие в движении «За честные выборы». К сожалению, коренным образом изменить то, что мы считаем несправедливым в распределении округов, вряд ли удастся. Но мы будем стараться проявлять активность на каждом избирательном участке, чтобы противостоять хотя бы тем явным и наглым нарушениям, которые имели место на прошлых выборах.

Нельзя быть демократами, только когда нам это выгодно

— Социологи и политологи дружно пророчат откат влево после предстоящих выборов. Как Вы считаете, насколько это неизбежно? И каковы будут последствия?

— Сдвиг общественного мнения влево — явление универсальное в том смысле, что оно происходит во всех постсоциалистических странах после начала реформ. Это вещь закономерная и легко объяснимая. Что же касается прихода «левых» к власти, то это риск, и немалый, но не неизбежность. Ситуация в России несколько отличается от ситуации в других государствах: для нас крушение социализма стало не обретением национальной независимости, а крахом империи. Соответственно наши коммунисты эволюционируют не в сторону социал-демократии, а в сторону национал-коммунизма. Отсюда одновременно и дополнительная угроза, поскольку у нас нет и не может быть уверенности, что наши «левые» в отличие от венгерских, польских, балтийских приняли демократические и рыночные правила игры, но и дополнительный шанс их не появления у власти, потому что избирателю есть чего бояться.

У нас есть шанс, которого не было у польских или венгерских либералов: мобилизовать против «левых» умеренную часть электората. Одно дело — голосовать за коммунистов, чтобы выразить «фе» несимпатичным реформаторам в отместку за переживаемые трудности, другое — действительно прыгнуть в прошлое. В странах Восточной Европы речь шла о смене команд у власти, у нас — об отмене демократических процедур и о свертывании рынка. Я полагаю, что именно ощущение реальной опасности сработает на нас и за-

Интервью брала Галина КОВАЛЬСКАЯ.
Опубликовано в: Новое время. 1995. № 47. Ноябрь.

ставит прийти на выборы тех наших сдержанных сторонников, которые обычно на выборы не ходят...

— Сколь вероятно катастрофическое развитие?

— Мы имеем дело с двухтуровым выборным циклом: в декабре и в июне. На первом этапе важно, чтобы националисты и коммунисты не получили в Думе 226 голосов. Если они получают меньше, у них не будет возможности проводить свои решения. Если получат 226 или больше, то за ними контрольный пакет. В этом случае, по моим оценкам, они сделают три вещи. Первая: добьются отставки правительства. Вторая: начнут процедуру импичмента президенту. Третья: отменят Беловежские соглашения, создав в стране полный правовой хаос.

— Это, Вы считаете, еще не катастрофа?

— Не катастрофа, но масса неприятностей. В частности, в экономике это означает, что инфляция, несмотря ни на какие усилия правительства, вниз не пойдет, инвестиций, разумеется, не будет, процентная ставка останется высокой, а стало быть, подъем производства не начнется...

Но все же решающим для судьбы страны будет второй тур. Если на президентских выборах победит — я не хотел бы сейчас говорить о персоналиях — человек, ориентированный на стабильность, склонный продолжать нынешний курс, то жизнь придет в норму. Парламент быстренько успокоится — ему не хочется быть распущенным. Как водится, известное количество лидеров «непримиримой оппозиции» перебежит в президентский стан. Инфляция через какое-то время опять начнет снижаться. Словом, с немалыми потерями мы все же вернемся к сегодняшней ситуации. Если победа будет за ставленником национал-коммунистического лагеря, события начнут развиваться по катастрофическому сценарию.

— Что можно сделать, чтобы этого не случилось?

— Знаете, есть множество охотников поиграть в отмену или, так сказать, «перенос» выборов. На мой взгляд, делать этого нельзя ни в коем случае. Ни по соображениям общим — нельзя быть демократами, только когда нам это выгодно, ни по соображениям чисто прагматическим — ничего, кроме ущерба «партии власти», это не принесет.

Выход у нас один: идти на выборы и побеждать.

— По дружным социологическим прогнозам, победить Вы не можете.

— По дружным социологическим прогнозам, мы должны были одержать сокрушительную победу в декабре 1993 г. Так что не будем спешить. Кстати, те же социологи свидетельствуют, что в самое последнее время наметился как раз рост нашей поддержки.

— Среди тех, кто традиционно не ходит на выборы?

— Попробуем уговорить их прийти.

— Если вы такие демократы, то почему поддержали нынешнюю Конституцию, в которой явный недемократический перекося в пользу исполнительной власти?

— А из чего было выбирать? С января 1993 г. страна была втянута в опасное противостояние властей, которое могло завершиться только победой одной из ветвей. А после октябрьского кризиса вообще альтернативой этой достаточно несовершенной Конституции был полный правовой хаос. Мы предпочли Конституцию.

— Как Вы думаете, почему за два года «Демократический выбор России» потерял значительную часть электората?

— Наша позиция очень принципиальна, но, пожалуй, сложновата даже для нашего умного избирателя. Мы первыми выступили против войны в Чечне, т. е. заявили себя в оппозиции, но первыми же поддержали Черномырдина во время буденновского кризиса. Мы первыми не одобряли политику правительства, когда оно печатало пустые деньги, но первыми же выступили против его отставки, когда оно перестало их печатать. А избирателю все же хочется знать: мы за или против Ельцина или Черномырдина?

— А на Чечне Вы приобрели или потеряли голоса?

— Мы формировали свою позицию, думая не об этом. Вообще, наверное, больше потеряли, чем приобрели... Но разве можно было действовать иначе?

— Если бы Вы завтра пришли к власти, что бы Вы стали делать в Чечне?

— Примерно то же, что делает сейчас правительство. Вел бы переговоры, стараясь перетянуть на свою сторону умеренную часть чеченского общества — тех, кто не готов воевать до последнего чеченца. Думаю, у нас бы это получалось гораздо лучше, чем у правительства: на нас нет ответственности за войну. Я бы постарался ускорить выборы в Чечне, причем прежде всего на уровне сел и районов. Именно там в первую очередь следует добиваться внутречеченского согласия и формирования корпуса ответственных

лиц. Одновременно я бы проводил переговоры о статусе Чечни, пытаясь шаг за шагом согласовать позиции.

— Если, несмотря на все наши усилия, состоится «левый» переворот, сохранится ли шанс на новую реформаторскую инициативу?

— Это не шанс, это неизбежность. Причем в довольно близком будущем. Никаких ресурсов для построения прочного социалистического тоталитаризма в стране нет, это я Вам как экономист совершенно ответственно заявляю. Вопрос только в цене, которую нам еще предстоит заплатить за нормальную жизнь.

Неудобные вопросы

— *Ответьте, кому Вы сделали хорошо своими реформами? Не кажется ли Вам, что возглавляемое Вами правительство сделало в свое время успешную попытку развала страны?*

— Напомню, в каком состоянии была страна, когда я был назначен премьером. Первые документы, с которыми я ознакомился, были следующие:

от председателя Межкомбанка: валютные резервы полностью исчерпаны, валюты на счету нет;

от председателя Госкомдрагмета: золотой запас разбазарен (из 1300 т золота, которые достались большевикам от царя и которые еще были на 1985 г., на протяжении последних шести лет было промотано 4/5 и остались жалкие остатки, только в 1990—1991 гг. из страны было вывезено 800 т золота);

от председателя Внешэкономбанка: страна неплатежеспособна и не может обслуживать внешний долг;

из Комитета по хлебопродуктам: запасов зерна (и это при сниженных на 28% нормах потребления!) стране хватит лишь до февраля 1992 г.;

из Комитета по торговле: практически нигде карточки не отovarиваются, по всей стране огромные перебои с продуктами, по отдельным регионам продовольственных ресурсов осталось на 2—3—4 дня (напомню, что уже начались беспорядки из-за неотоваривания карточек, «табачные бунты»);

из Госснаба: договоров на следующий год заключено на 0%, следовательно, вся система административного регулирования тоже не работает.

Я вынужден напоминать об этом, потому что некоторые уже легко забыли, как будто это все было не с нами, как будто не стояли

Имя интервьюера составителям установить не удалось. — *Прим. ред.*
Опубликовано в: Открытая политика. 1995. № 7. Ноябрь.

в этих очередях, с ночи занимая их, как будто не думали о том, чем накормить ребенка, потому что детского питания купить невозможно.

И в этой ситуации экстремального кризиса, когда старая система безнадежно развалилась, надо было как можно быстрее, без подготовки запустить пусть плохо работающую, но как-то работающую новую систему, позволяющую добиться того, чтобы люди получили возможность купить хлеб, чтобы хоть какое-то продовольствие появилось в магазинах, чтобы можно было избавиться от этих огромных, уныло безнадежных очередей, чтобы можно было создать предпосылки нового экономического роста в России.

В общем нет ни хлеба, ни золота, ни валюты, ни возможности платить по кредитам и привлекать новые. Неудивительно, что круг тех, кто в подобной ситуации был готов взять на себя ответственность за экономическую политику разоренной страны, оказался узким. Я хорошо знаю, что президент неоднократно и ко многим обращался с просьбой и предложением в этот момент возглавить правительство или войти в него.

Я убежден, что в этой ситуации, если бы мы не решились взять на себя ответственность и начать реформы, это грозило бы неизбежным крахом для России. Это кончилось бы серьезным, настоящим голодом начиная с февраля 1992 г. И я горжусь, что нам удалось этого не допустить в условиях катастрофического развала, к которому привела поразительная неспособность последнего коммунистического руководства хоть как-то обеспечить упорядоченный выход из социализма. Начатые в этих условиях реформы не получили достаточной политической поддержки. Именно поэтому они оказались прерванными. В результате сложилась та реальность, которая сегодня не нравится ни вам, ни нам. Но рассуждения невежд или проходимцев о каких-то «мягких», «социально безболезненных» реформах, которые решают все вопросы и никому ничего не будут стоить, у тех, кто был осведомлен о реальном положении страны, могли вызвать лишь горькую улыбку.

— *Зачем нужна была либерализация цен в январе 1992 г.?*

— Вспомните конец 1991 г. — острое ощущение опасности от надвигающейся зимы, с наступлением которой ожидали обострения продовольственной проблемы, перебоев в снабжении городов топливом. Угроза голода и холода реально нависла тогда над стра-

ной, а значит — угроза социальной катастрофы была очень реальной. Ведь именно попытки государственного перераспределения продуктов в условиях обвала системы власти стали непосредственной причиной революционных взрывов 1917 г. Мировой опыт показал, что во всех странах, которые во второй половине нынешнего столетия сумели без социальных катаклизмов пройти период полностью разбалансированной экономики, в качестве первого шага на пути к выздоровлению власти вынуждены были принять трудное политическое решение об «отпуске» цен.

— *А разве нельзя было обойтись без «шоковой терапии»?*

— Конечно, можно было попытаться стабилизировать экономическую ситуацию при помощи внеэкономических инструментов, в основе своей традиционных для советского хозяйственного механизма, — ужесточить снабженческо-сбытовую систему, сбалансировать цены путем их очередного подъема, прибегнуть к широкомасштабному использованию карточного распределения потребительских товаров по социально обоснованным ценам и т. п. Короче говоря, логика подобной политики может быть сформулирована так: стабилизация экономической ситуации должна предшествовать осуществлению реформ. Именно такому курсу отдавал предпочтение Г. Явлинский осенью 1991 г.

И этот вариант был бы более понятен как для советской хозяйственно-политической верхушки, так и для широких слоев населения, в принципе ожидавших от властей мероприятий административно-принудительного характера (во всяком случае в экономической сфере) и привыкших за десятилетия коммунистического режима, что именно такой курс избирается для преодоления хозяйственных затруднений. Однако практическая реализация подобной политики в случае ее выбора, упиралась в одну «малость». К этому времени в России не было политических и организационных механизмов, способных обеспечить осуществление «административной стабилизации», не было уже жесткой вертикали организации власти сверху вниз, утратили былую эффективность органы принуждения, основательно подорванной оказалась система поддержания правопорядка. Словом, Россия (равно как и СССР в последние месяцы своего существования) оказалась страной с ослабленными государственными институтами.

Слабое государство было объективной реальностью, которая должна была приниматься в расчет при выборе экономико-политической стратегии. Слабое государство Россия получила в наследство от СССР, и она должна была практически заново воссоздавать свою государственность. Это в значительной мере предопределяло выбор экономического курса. Вполне очевидны были и сложности решительной либерализации. Такая политика была малопонятной и непривычной для общественного мнения. Она почти гарантировала падение популярности решившихся ее осуществлять политиков. В кратчайшие сроки она переводила экономику страны в качественно новую ситуацию, в которой практически ни у кого из экономических агентов не было опыта функционирования. Было ясно, что цены резко вырастут в момент их либерализации, причем осложняющим фактором являлась высокая степень монополизации народного хозяйства.

Словом, избранный тогда курс реформ исходил из признания горьких реалий, и поэтому он был не только болезненным, но и реалистичным. Он порывал с бессмысленными надеждами на возможность использования силы государственной власти, ясно отдавая себе отчет в отсутствии этой силы.

Жизнь показала правоту такого выбора. Несмотря на все тяготы переходного времени, уже с весны 1992 г. Россия практически полностью избавилась от угрозы холода и голода. И более того, наши сограждане оказались избавлены от унижительного многочасового стояния в очередях за самым необходимым. Да, перед нашими гражданами, перед страной стоит сейчас немало острых, тяжелых и болезненных проблем. Но это проблемы другого цивилизационного порядка, существенно отличные от проблемы простого физического выживания человека. А ведь именно так, напомним, стоял вопрос накануне либерализации цен.

— *Я вспоминаю времена до перестройки, когда колбаса была по два двадцать, и думаю: а зачем нужны нам реформы? Вернуть бы все, как было.*

— У нас поразительно короткая историческая память. И до 1991 г. колбаса по два двадцать была далеко не везде, были «колбасные» электрички (помните: «Что это такое — длинное зеленое, пахнет колбасой? — Электричка из Москвы»), курсировали автобусные «экспрессы» за продовольствием. А к осени 1991 г. уже опустели при-

лавки и в Москве. Люди еще по привычке едут из Тулы, Воронежа, Рязани, Владимира в Москву, бегают по магазинам в надежде хоть что-нибудь купить здесь, потому что у них в магазинах давно уже ничего нет. Но и здесь уже ничего нет. На протяжении месяцев девственно пустые прилавки, на которых иногда стоял уксус. Исчезло все, ничего нет, и непонятно, откуда вдруг будет и будет ли. Общее ощущение наступающего голода, вызванное развалом систем жизнеобеспечения. Весна 1992 г., реформы только начались, общество еще в панике. Вся страна, включая москвичей, сажает картошку, горожане вскапывают каждый свободный клочок земли. Ощущение жесткого катастрофизма, физического катастрофизма пронизывает художественную литературу тех лет. Вспомните произведения А. Кабакова, Л. Петрушевской и других литераторов. Сегодня все это напрочь ушло из памяти, как будто этого не было. Мы не любим дурных воспоминаний. Забыли страшное унижение перед продавцом, который может швырнуть тебе что-то, а может и не швырнуть. Видимо, работает анестезия — было очень плохо, давайте про это забудем. А в памяти остаются: парад на Красной площади, красные галстуки детишек, полет Юрия Гагарина, да и масса другого, что действительно было хорошего и красивого. Другое дело, что вспоминается, как правило, та часть старой жизни, когда режим себя еще не исчерпал.

Нельзя вернуться в прошлое, каким бы хорошим оно вам сейчас ни казалось. Оно себя изжило. Нужно строить будущее. Экономический рост в России возможен. В общем, сегодня можно сказать, что мы одолели самую тяжелую часть пути. Все страны прошли через эту стадию. И сейчас перед нами стоит не только экономический, но и политический вопрос, вопрос будущего страны. Абсолютно ясно, что нужно сделать для того, чтобы российская экономика начала выбираться из того кризиса, в котором она оказалась.

— *Но что, если народ, обманутый, уставший от этого промежуточного положения, когда нет ни устойчивого плана, ни устойчивого эффективного рынка, разочаруется во всем и проголосует за возврат к власти прежних начальников?*

— Должен сказать, что это будет путь не к стабильному обществу, а к хаосу 1989—1991 гг., потому что для той стабильности, о которой вы вспоминаете, задавая свой вопрос, уже нет ни природных ресурсов, ни высокой кредитоспособности, ни золотого запаса, ни валютных ресурсов — ничего этого нет. Идти, если мы хотим

счастья своим детям, если мы хотим, чтобы они жили в достойной и процветающей стране, можно только вперед.

Главная наша задача — это не сорваться сейчас с этого пути. Мы действительно прошли его значительную часть. Немного времени нужно для того, чтобы разумная экономическая политика привела Россию на тот путь, по которому прошли все преуспевающие сегодня государства. Мы видим свою задачу в том, чтобы дать ей этот шанс.

— *Тем, у кого реформы «съели» все сбережения, трудно проникнуться симпатиями к Гайдару. Понимаете ли Вы, насколько это серьезно?*

— Очень хорошо понимаю, так как эта проблема коснулась всех семей, в том числе и моей. Сбережения моей семьи пропали точно таким же образом. Мой тесть Аркадий Натанович Стругацкий, известный писатель, чьи книги печатались в десятках стран, все свои гонорары держал на сберкнижке, и эти сбережения у его вдовы обесценились, как и у всех, когда реальная стоимость рубля перестала скрываться. Та же участь постигла, естественно, и вклады моих родителей, и мои собственные сбережения.

— *Знаете ли Вы, что «Выбор России» сильно терял в глазах российской общественности, не разъяснив вопрос с вкладами населения? Как Вы можете смотреть в глаза униженным и оскорбленным, загнанным в нищету?*

— Я считаю, что могу честно смотреть в глаза всем. Я никогда не обманул. Я никогда не ставил свои личные амбиции выше интересов России. Я Вам отвечу так. Сбережения немцев, как все знают, после Второй мировой войны были полностью обесценены. Кто это сделал? Гитлер, который на эти деньги финансировал свою военную авантюру? Или министр экономики Л. Эрхард, который пришел на свой пост после войны и вынужден был довести до сведения людей, что за их вкладами ничего не стоит, что казна полностью пуста? Не я растрчивал Ваши сбережения. Существует секретная записка советского правительства в Политбюро ЦК КПСС за 1979 г.; уже в ней докладывается, что 53% сбережений фиктивные, за ними ничего не стоит. А с тех пор прошли афганская война, водочная кампания и много-много других авантур, которые тоже потребовали денег.

Я понимаю боль тех людей, у которых были отняты их сбережения. Я понимаю их вопросы, они многого не знали, от них многое скрывали. Звучали победные фанфары, нам всем внушали, какая у нас замечательная и богатая страна, как в ней хорошо живет народ, когда на самом деле мы с каждым годом нищали и все больше отставали от развитых стран. Но меня коробит, когда претензии предъявляет та самая политическая сила, которая разбазарила эти сбережения, которая промотала золотой и валютный резервы, которая беззастенчиво врала всем. А сегодня они встают в позу радетелей за народ и с видом невинных младенцев спрашивают: а где же сбережения населения? что вы с ними сделали? зачем вы развалили страну? Это, на мой взгляд, типичная форма мерзкой политической демагогии. Не мы это сделали, а те, кто до нас так «успешно» управлял страной. Нам лишь выпала горькая честь объявить правду.

Коммунистам и националистам удалось в декабре 1992 г. свалить правительство реформ. В результате благодаря их усилиям Россия застряла в промежуточном положении. А теперь они очень хотят воспользоваться естественным недовольством населения, чтобы вернуть себе утраченную власть.

На Съезде народных депутатов, накануне моей отставки, в своем выступлении я говорил, что, если мы попытаемся сойти с узкой тропинки, которая ведет нас к растущей рыночной экономике, мы неизбежно попадем в ситуацию, когда сочетаются высокая инфляция, растущая социальная дифференциация, обнищание низших слоев среднего класса и продолжающееся падение производства.

Сегодня я не торжествую, что мое предупреждение сбылось, что я все это предвидел. Мне больно, что получилось именно так. В тех странах, где наши друзья-единомышленники имели возможность реализовать ту программу, которую мы выработали, уже растет экономика, низка инфляция, там снижается разница в доходах населения и т. д.

Можно ли переломить сложившуюся на сегодняшний день ситуацию? Можно. А надеюсь я на огромный потенциал России, в том числе на потенциал здравого смысла.

— *Вот Вы говорите, что самый тяжелый период прошел. Мне кажется, не для всех. Одни деньги гребут лопатой, а другие концы с концами не сводят. Выдумали какую-то индексацию, а что мне с нее? Моей пенсии только на хлеб и молоко хватает, и то если купить не каждый день.*

— Реформа социальной поддержки — один из самых больных вопросов, который требует безотлагательного решения. Вы правы: человек не должен чувствовать себя униженным. Но нынешняя система социальной защиты, к сожалению, не выполняет своих важнейших задач — забота и помощь действительно нуждающимся. Издевательский уровень минимальной заработной платы и минимальной пенсии является воплощением тупика нынешней системы социальной поддержки. Дело в том, что привязка системы окладов к минимальной заработной плате не содержит естественного инструмента помощи тем, кому действительно это нужно. Нельзя сейчас повысить минимальную заработную плату, одновременно не повысив тем самым резко зарплату министров, президента, генералов, прокуроров, самых высокооплачиваемых людей в государстве. В результате растет общая денежная масса, как следствие растут цены. А разрыв покупательной способности у разных социальных слоев остается. Социальная политика тут становится прямо контрпродуктивной. Не так уж много денег надо, чтобы помочь самым малообеспеченным. Но чтобы одновременно увеличивалась зарплата у всех, даже не нуждающихся, — на это никаких денег не хватит. Самое обидное, что депутаты, министры, т. е. высокооплачиваемые, свои деньги получают вовремя, а вот медики, учителя, рабочие получают... задержку зарплаты.

Мы пытаемся провести в парламенте закон о прожиточном минимуме, который не поднимал бы уровень оплаты труда высокооплачиваемых одновременно с социальной защитой нуждающихся. Я за снятие также безадресных пособий, которые идут не самым нуждающимся, а всем подряд, в том числе их заодно получают и люди со средними и высокими доходами. На мой взгляд, необходимо введение законодательно закрепленного пособия малообеспеченным. И должна быть система этих пособий, потому что минимальная заработная плата отнюдь всех проблем не решает.

— *Почему в России сейчас выгоднее торговать, чем производить?*

— Такая ситуация возникает всегда, когда в стране быстро растут цены. Чем выше инфляция, тем менее выгодно вкладывать деньги в производство. Ведь производство требует времени, и капитал, вложенный в производство в условиях инфляции, быстро обесценивается. Поэтому в выигрыше оказывается тот, кто сможет вложить деньги и получить на них прибыль (т. е. «обернуть капитал»)

в предельно сжатые сроки. Наиболее быстро капитал оборачивается в торговле. Следовательно, в условиях высокой инфляции предприниматели стремятся прежде всего вкладывать деньги в торговлю.

— *Зачем понадобилась частная собственность на землю? Чтобы землей можно было спекулировать?*

— Частная собственность на землю — это не самоцель, это экономическая неизбежность при переходе к рыночному типу экономики. Тот, кто вкладывает в землю капитал, будет стремиться к ее рациональному использованию. Неспособный вести на ней эффективное хозяйство будет вынужден к отчуждению своего участка в пользу более рачительного производителя.

Нельзя сказать, что частная собственность на землю безусловно положительная вещь. И с экономической, и с социальной точек зрения ей присущи определенные недостатки. Человечество уже осознает эти недостатки. Поэтому понятия абсолютной частной собственности на землю, при которой собственник не ограничен в своих полномочиях, уже нигде в мире не существует. Государство как выразитель интересов всего общества все больше и больше регулирует земельную собственность, все больше вводит экологических ограничений, планирует землепользование, контролирует сделки с землей и т. д. И тем не менее земельный оборот везде сохраняется как неизбежный элемент рыночной экономики.

Земля приобретает цену на рынке, а это значит, что становится возможным заложить ее для получения производственного кредита. Земля приобретает стоимость, и в силу этого становится возможным реально оценивать эффективность всевозможных проектов. Может быть, мы бы не затопили при строительстве гигантских ГЭС такое количество ценных сельскохозяйственных угодий, включив в рассмотрение реальную, т. е. рыночную, стоимость земли. При наличии цены земли отпадает надобность в надуманных, искусственных «нормативных ценах», к которым сегодня приходится прибегать при любых земельных трансакциях, что плодит произвол чиновников, искажает реальные экономические отношения при обмене земли и т. д.

Конечно, в развитых странах процесс становления земельного рынка складывался веками, а в переходных условиях нашей страны возникает много проблем. Чего боятся наши оппоненты прежде всего? Спекуляции землей, ее скупки гражданами других стран, вы-

вода из оборота? Но давайте взглянем на реалии сегодняшнего дня без предвзятости.

Любой знакомый с проблемой знает, в каких масштабах идет спекуляция землей и от лица государства, и специальными риэлторскими фирмами, и просто предприятиями, имеющими землю в пользовании. Происходит это полулегально, без четкого законодательного регулирования. В теневой экономике все это приобретает все более нежелательные черты. Так, земельная спекуляция в тех регионах, где для земельного оборота есть экономические корни, идет в хищнических формах, с нарушением целевого использования земли, без какого-либо контроля со стороны государства.

И поэтому российскому обществу не удастся избежать ни одной из тех проблем, которых хотелось бы избежать в ходе приватизации земли, да еще при этом теряются возможные налоговые поступления от земельных сделок. Мы считаем, что нужны полноценная нормативная база и организационный механизм для осуществления цивилизованного земельного оборота в стране.

— *Не считаете ли Вы, что правительство расходует недопустимо мало средств на развитие образования, науки, культуры, здравоохранения?*

— Безусловно, считаем. Именно это составляло основное содержание поправок фракции «Выбор России», которые вносились к проектам бюджетов и на 1994-й, и на 1995 г.

Вообще в этом отношении ситуация в нашей стране складывается уникальная. Обычно в парламентах демократических государств левые (социалисты и коммунисты) выступают прежде всего с требованиями поддержки социальной сферы, а правые борются за сокращение государственных расходов как таковых. У нас же левые фракции (коммунисты и мало чем отличающиеся от них аграрии) голосуют за финансирование прежде всего промышленных отраслей и сельскохозяйственных предприятий, причем, как правило, неэффективных, обреченных на прозябание. На социальную же поддержку населения денег в таком случае почти не остается, да и эти крохи съедаются инфляцией, порождаемой бездумным финансированием тех же неэффективных отраслей.

Напротив, «Выбор России», который политологи относят к правому центру, настаивает на расширении поддержки граждан, а так-

же отраслей непродуцированной сферы — науки, культуры, образования. Мы уверены, что экономия в этих сферах может обернуться невозвратными потерями. А денег эти отрасли требуют гораздо меньше, чем для поддержки неэффективных производств.

Словом, именно в развитии и укреплении социальной сферы, в эффективной поддержке населения, а не в бездумном поддержании на плаву отечественных промышленных монстров, которые не приносят ничего, кроме убытков, и не в подпитке бюрократического аппарата должна состоять важнейшая задача государственного бюджета.

Когда обсуждался бюджет на 1995 г., наша фракция наиболее энергично боролась за увеличение финансирования науки при сокращении расходов на дотации, субсидии, колоссальная часть из которых разворовывается. По результатам первого квартала расходы субсидий, например, АПК профинансированы на 200%, расходы на науку — на 73%. Я не могу понять этой логики. Я не могу понять логики, в соответствии с которой возникают мощнейшие, крупномасштабные льготы и преимущества для отдельных сфер и отраслей экономики просто потому, что они тесно связаны с властью. Фракция «Выбор России» при обсуждении бюджета на 1995 г. резко критиковала правительство за его неготовность реально расширить финансирование науки, за стремление держать ученых на голодном пайке. Именно по нашему настоянию в бюджете 1995 г. выделено дополнительно 300 млрд руб. на фундаментальные исследования.

— *Вы считаете, что распад был неизбежным?*

— Он стал неизбежным после 19 августа 1991 г. Организаторы попытки государственного переворота окончательно подорвали доверие союзных республик к федеральному центру, к стабильности и предсказуемости его политики.

Кроме того, лидеры ГКЧП наглядно продемонстрировали реальность возвращения неэффективного, если не маразматического, коммунистического режима, который не поддержали даже руководители Белоруссии, Таджикистана и Туркмении, отличавшиеся тогда особенным консерватизмом. Недаром в течение двух недель после путча практически все республики официально заявили о своем суверенитете.

Именно после поражения путчистов СССР практически лишился центрального руководства: правительство (Кабинет министров) СССР было заменено Межреспубликанским экономическим комитетом (МЭК), причем союзные республики сосредоточили в своих руках реальный контроль за «своей» экономикой. Вопросами, наиболее активно обсуждавшимися на заседании МЭК уже в сентябре — октябре 1991 г., был дележ золотовалютных резервов СССР, которых, правда, к тому времени уже почти не осталось. Попытки заключения межреспубликанского экономического соглашения в сентябре — октябре закончились полным провалом, причем отнюдь не по вине России — подписать соглашение отказалась Украина, без чего оно лишалось смысла.

Наконец, была и более фундаментальная причина, которая делала ликвидацию СССР практически неизбежной. Разные республики Союза, их руководители не только ориентировались на различные целевые установки своего развития, но и по-разному видели пути преодоления кризисных явлений в экономике. В одних республиках явно доминировало стремление к реформированию экономики на началах современной рыночной демократии, в других в качестве образца для подражания были избраны добившиеся крупных экономических успехов авторитарные режимы Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Таиланд), третьи стремились к сохранению некоммунистического статус-кво, немного перекрашенного в национальные или исламские цвета.

До августа 1991 г. еще оставалась надежда преодолеть все эти центробежные тенденции при проведении союзным центром четкой, ответственной и последовательной экономической политики. Попытка государственного переворота «сверху» и ее бесславный провал окончательно дискредитировали союзные органы власти. В результате, без авторитетного руководства и имея разные представления о перспективах выхода из кризиса, республики уже осенью 1991 г. фактически оказались по отношению друг к другу на положении независимых, хотя и связанных общей историей соседних государств.

— *Ваше отношение к объединению республик на новой, добровольной основе.*

— История показала, никакое единство силой не обеспечишь и долго не сохранишь. Все империи разваливались. Бисмарк не объ-

единил Европу штыками, Гитлер не объединил ее танками. А вот союз угля и стали помог объединению.

Как было невозможно объединить Европу танками, а стало возможно объединить работающим рынком, так и республики бывшего Союза можно будет объединить на интересе работающего рубля. Но я выступаю против политиканства в этой сфере, я против того, чтобы непростые проблемы этих республик решались за счет российского налогоплательщика. Я отнюдь не считаю, что мы настолько хорошо живем, что можем позволить себе взваливать на свои плечи еще дополнительные проблемы. Да и не это нужно для интеграции.

— *Как Вы относитесь к нынешнему правительству?*

— Нынешнее правительство уже набило себе достаточное количество шишек, пометавшись между разными, противоречащими друг другу стратегиями. Это и неловкая попытка В. С. Черномырдина построить «рынок без базара», заморозив цены и накачав экономику деньгами. Потом был постепенный переход к политике финансового сдерживания, за которым последовали широкие обещания премьера о поддержке производства и новая накачка деньгами. Была попытка торможения инфляции осенью 1993 г., снова разговор о немонетарных способах борьбы с инфляцией и новая накачка денег в экономику. Конечно, никакого экономического роста при этих колебаниях курса не было и быть не могло.

Мне кажется, сейчас ситуация как-то переломилась. Правительство наконец поняло, что просто лбом стену не прошибешь. Сейчас оно становится на путь, который дает шансы на успех. Жаль только, что сейчас уже не 1992 г., а 1995 г., что столько времени упущено. Я далеко не все одобряю в проводимой экономической политике, но, повторяю, шансы на успех сегодня появились. Если бы сейчас пришел на место нынешнего премьера другой хозяйственник, он повторил бы все те ошибки, которые уже делал В. С. Черномырдин, потому что есть масса вещей, которые можно понять, либо уже имея соответствующее базовое образование, либо обучаясь на своем горьком опыте. «На своем опыте» стране обходится дороже. Виктор Степанович Черномырдин получил в этом смысле самое дорогостоящее экономическое образование в мировой истории — за его обучение платила и платит вся Россия.

— *Считаете ли Вы себя патриотом?*

— Что-то странное происходит со словом «патриотизм». Почему-то приняты правила игры, в соответствии с которыми патриоты — это обязательно люди, которые разжигают национальную рознь, готовы втянуть Россию в новые военные авантюры и оттого предельно опасны для нашей страны, которую, видимо, в грош не ставят в погоне за собственными политическими амбициями.

Наша партия честно заявляет «Мы патриоты!», потому что мы верим в наш народ. А народ наш достоин демократии — той единственной системы власти, при которой он сам принимает решения. Мы патриоты еще и потому, что верим в то, что российская экономика не навсегда обречена быть нищей на подпорках, что, если мы создадим хотя бы минимально необходимые правовые и экономические предпосылки, наша промышленность сможет на равных бороться с любой другой.

Мы патриоты, так как убеждены: российская культура и наука не нуждаются в том, чтобы их поднимали с колен, они никогда не стояли на коленях, они слишком велики.

Мы, наконец, патриоты, потому что верим в то, что на месте России нынешней, номенклатурно-капиталистической, будет Россия новая, Россия процветающая, Россия стабильная, одна из самых динамично развивающихся стран XXI в. Борьба за такую Россию — суть той программы, с которой наша партия идет на выборы.

— *У Вас были ошибки или Вы безупречны?*

— Ошибки были. Я хорошо их знаю. Я мог бы рассказать о технических ошибках, которые сегодня видны. Скажем, о неточно выработанных решениях регулирования внешнеэкономической деятельности с 1 января 1992 г., о тех корректировках, которые я внес бы в тактику размораживания цен, и т. д. Но они не имели принципиального значения. А вот одна ошибка, на мой взгляд, имела принципиальное значение — это избыточная мягкость в кадровой политике, когда мы слишком много оставили на ключевых постах людей, которые реформ никогда не принимали и охотно их дискредитировали, постоянно возлагая ответственность при этом за все свои грехи на реформы, на реформаторов, рынок.

— *Каков Ваш прогноз на предстоящие выборы? Насколько возможен приход к власти коммунистов, фашистов?*

— Прогнозировать не хочу. Приход к власти фашистов и коммунистов возможен. На это не надо закрывать глаза. Если мы будем пассив-

ны, а они воспользуются недовольством населения, сыграют на этом, перетянут к себе колеблющихся, то это будет весьма трагично для России. Это будет еще одна страшная катастрофа для России в этом веке, которая вряд ли оставит нам шанс на нормальную жизнь в XXI в.

Мы идем на выборы на этот раз для того, чтобы капитализм, который сложился сегодня в России, стал цивилизованным и более пригодным для нормальной жизни. Надо признать, что предстоящие выборы (я имею в виду как парламентские, так и президентские) будут очень трудными, может быть, максимально рискованными для России. Вся тяжесть революции уже за плечами общества. Почти все возможные благоприятные результаты реформ еще впереди. Возможности для радикальной антикапиталистической пропаганды широчайшие.

Если нам удастся не проиграть на этих выборах и не отдать власть безответственным авантюристам, есть твердая надежда на то, что развитие России на базе рынка, начинающийся экономический рост, объективные возможности финансирования социальных программ навсегда закроют для этих сил путь к власти.

Предстоящие нам выборы — это испытание для России. Проиграет демократия выборы — проиграет вся Россия. Мы все вместе и каждый в отдельности должны сознавать свою ответственность. И все-таки мы убеждены — историческая правда, историческое будущее за нами.

Егор Гайдар: На следующих парламентских выборах победят либералы

Лидер «Демвыбора» хочет, чтобы НДР и «Яблоко» договорились

— Егор Тимурович, не чувствуете ли Вы своей вины за то, что голоса 2 млн Ваших сторонников в конце концов достались по большей части коммунистам и жириновцам и в меньшей степени «Яблоку» и НДР?

— Два с половиной миллиона голосов, отданных за нас, — это голоса в высшей степени порядочных, умных людей. Я сожалею о том, что они не смогли реализоваться в депутатских мандатах, но я абсолютно не считаю нас ответственными за это. Мы сделали все возможное, чтобы добиться единства демократических сил.

Я помню, сколько за два последних года появилось в прессе статей о том, что коммунистическая угроза — это миф, который сознательно раздувают Егор Гайдар и ДВР. Я помню наши призывы к единству и замечательный ответ, который мы получили: мол, в расколе демократов трагедии нет. Я прекрасно знаю абсолютно безответственную игру мелких демократических блоков, никогда не имевших шансов пройти в Думу и прекрасно знавших об этом, но знавших одновременно, что это самый простой способ получить депутатский мандат в мажоритарном округе. Я вижу недостатки избирательного закона, подготовленного представителями «Яблока». Недостатки были видны, и, может быть, здесь компромиссы, на которые мы пошли в целях единства демократических сил, единства позиций, были избыточными, это единственное, о чем я жалею в связи с этим.

Интервью брала Марина ШАКИНА.

Опубликовано в: Независимая газета. 1996. 5 января.

Перепечатка интервью была помещена также в: Независимая газета. 2000. 24 ноября.

Но в целом я убежден: в России должны были найтись 2,5 млн голосов, которые были бы отданы за последовательную антитоталитарную, антифашистскую, антикоммунистическую партию.

— *Вы упоминаете недостатки избирательного закона, имея в виду положение о 5%-м барьере?*

— Нет, я имею в виду в первую очередь не 5%-й барьер и не отсутствие второго тура. Я имею в виду ту предельную легкость регистрации, которая открывает великолепные возможности любому человеку, страстно мечтающему попасть в Думу, получить свой депутатский мандатик по мажоритарному округу. Как это сделать? Технология предельно проста: найди способ создать махонький избирательный блок...

— *Насколько объективна разрозненность демократов? Неужели ничего нельзя было сделать?*

— Первое: в структуре органов управления еще СССР существовала такая структура, которая называлась КГБ. Там было пятое управление. Одна из задач, которую оно традиционно выполняло, — это обеспечение раздробленности, ну, скажем, диссидентских или антикоммунистических сил. Я уж не знаю, в каких формах пятое управление работает сегодня, но точно знаю, что оно не работает под контролем демократической власти, и я чувствую, что оно продолжает работать, поэтому ничего случайного в раздробленности демократов для меня нет. Для меня это результат вполне понятный. Другое дело, что нашлось довольно много демократических лидеров, которые в неявной форме дали использовать себя как орудие этого раскола.

— *Вы видите в этом основную причину?*

— Нет, я вижу в этом не основную причину, я вижу в этом одну из причин. Я Вам просто привел субъективную компоненту, которую я вижу. Конечно, здесь очень много личной безответственности демократов.

— *Накануне выборов Вы отказывались даже разговаривать на тему, что «Демвыбор» не пройдет 5%-й барьер.*

— Ну почему? Накануне выборов я давал интервью Николаю Сванидзе и говорил тогда, что мы находимся в зоне риска. Я сказал, что за нас будет подано 2 млн голосов (на самом деле было подано 2,5 млн) и вопрос в том, сработает ли запущенный в массы слух, что

наша партия не пройдет, и перебежит ли вынужденно часть наших потенциальных избирателей к НДР и «Яблоку».

— *Не рассматривали ли Вы накануне выборов возможность снять Ваши партийные списки с голосования и рекомендовать своим сторонникам ради общего демократического дела проголосовать за НДР и «Яблоко»?*

— Мы рассматривали такой вариант, проанализировали вместе с социологами и категорически от него отказались. Дело в том, что у нас очень «корневой» электорат, базовый, очень упертый, очень идейный. Он просто мог не пойти на выборы, но заставить его проголосовать за «Яблоко» или НДР было совершенно невозможно — это первое.

Второе: я действительно был убежден, что у нас будет довольно много голосов, что мы с большим отрывом опередим малые демократические блоки. Кроме того, я был убежден, что в России должна с точки зрения перспектив на выборы идти партия, выступающая с последовательной, антитоталитарной позиции, не заигрывающая с коммунистами, как НДР и «Яблоко».

— *Получается, что Вы оказались не слишком хорошим реалистом?*

— Я считаю, что уровень нашего реализма оценит исключительно история. Я полагаю, что мы занимали вполне достойную позицию. Вот если бы мы не сделали все возможное для обеспечения единства демократических сил, наверное, нам было бы в чем себя упрекнуть. Наверное, я сегодня не мог бы смотреть Вам в лицо честными глазами. Так как я точно знаю, мы делали все возможное и в 1993-м, и в 1995 гг., мы точно ставили диагноз, точно видели главного врага, мы точно определили, что главная суть дела не в том, кто лучший демократ — Явлинский или Гайдар, а в том, что идет неизбежная возвратная волна коммунизма. Исходя из этого мы строили свою систему переговоров.

— *Не кажется ли Вам, что утверждение социологов об упертости вашего электората — миф? Насколько я знаю, когда Вам очень надо, Вы умеете убеждать людей и можете даже надавить на своих однопартийцев, пригрозив уйти...*

— Я умею убеждать своих сторонников. Наверное, если бы я принял это решение, то мог бы провести его через партию, а партия, наверное, меня бы поддержала. Но есть огромные различия между поддержкой партии и поддержкой нашего электората. Можно

в чем-то убедить своих ближайших сподвижников, но вот убедить в некоторых вещах наш электорат — это очень непростая задача. По крайней мере, она не реализуется за два-три дня. Не реализуется на фоне провокаций, сознательно распространяемых, кстати говоря, теми блоками, которые очень хотели получить наши голоса.

— *В результате прошлых выборов «Демвыбор» получил самую крупную фракцию. В течение полугода из фракции вышли сразу несколько человек, и потом этот процесс продолжался. Неужели не было возможности этих людей сохранить? Я имею в виду и Федорова, и Бурбулиса, и Полторанина — когда-то они считались лидерами демократов.*

— Я Вам честно скажу: абсолютно не вижу здесь никакой трагедии. Люди, которые вышли из фракции, как правило, за редчайшим исключением, по всем принципиальным вопросам голосовали так же, как голосовала фракция. С некоторыми из них я сохранил теплые отношения, с некоторыми — нетеплые по ряду причин. Но тем не менее я должен признать, что по голосованиям, по принципиальным вопросам — начиная с Чечни и кончая законом о защите частной собственности, бюджете и т. д. — практически невозможно отличить тех, кто вышел из фракции, от тех, кто остался.

Они у нас брали фракционные «указивки» и на них в огромной степени ориентировались. Где действительно было серьезное размежевание (оно прошло не через полгода после выборов, а через год) — это чеченская война. Вот тут мы на самом деле разделились на две фракции... Первая — большая, которая с нами осталась, около 50 человек, вторая — меньшая, которая от нас ушла.

Дело в том, что ДВР создавался во время, когда шла как бы под уклон демократическая волна. И одновременно «Демвыбор» как бы воспринимался как «полупартия власти», и в него еще шло значительное количество людей, которые просто ориентировались на партию, которая будет близко к власти. Думали, наверное, что за принадлежность к ДВР будут вручать ордена...

Принимая наше решение по чеченской войне, я был убежден, что мы неизбежно получим, по меньшей мере, раскол партии, раскол фракции. Я на это шел сознательно. Если бы мы приняли другое решение, то тоже получился бы раскол — только «в другую сторону».

— *Пусть те, кто от Вас ушел, голосовали так же, тем не менее их уход ослаблял и движение, и фракцию, наносил ущерб образу партии. Это Вы не учитывали?*

— Вы знаете, в 1993 г. на выборы шла не партия «Демократический выбор», а шел очень широкий блок, который мы пытались строить по принципу соединения демократов самого широкого спектра. Консультации, которые велись в свое время по формированию блока, начинал еще Александр Николаевич Яковлев, затем их круг стал расширяться. В результате блок ДВР включил практически всех, кто был готов объединиться, забыв о своих довольно серьезных различиях и разногласиях и, может быть, не всегда полных взаимных симпатиях. Тогда нам не удалось добиться единства с тремя другими демократическими блоками — с гораздо меньшим по объему «Яблоком», с ПРЕС и Российским движением демократических реформ. И, на мой взгляд, это было ошибкой, потому что в результате мы тогда потеряли много.

Но я еще раз напоминаю, что «Демвыбор» не был некой политической силой — единой, сплоченной, которая идет на выборы и которая после этих выборов, опираясь на собственную традицию единства и сплоченности, должна таковой и остаться. Это была действительно очень широкая коалиция самых разнородных демократических партий и движений. Создавалась она, кстати говоря, не под Гайдара, а Гайдар оказался лидером, наверное, просто потому, что у него не было никакой персональной истории в демократическом движении, он никому еще не успел наступить на мозоли.

Так вот на самом деле для меня не было загадкой, что после прошлых выборов разногласия — идейные, программные, личностные — проявятся или могут проявиться. Хотя не могу сказать, что это меня радовало. Но я отнюдь не считал это трагедией. Убежден, что если бы мы тогда смогли создать широкую демократическую коалицию, включавшую ПРЕС, «Яблоко», РПДР¹, и действительно на этом получить демократическое большинство, даже если потом это демократическое большинство разбилось бы на две-три фракции, то все равно была бы другая Дума.

— *Для Вас наверняка не секрет, что вашу думскую фракцию упрекали за плохую посещаемость, за то, что члены фракции много разъезжали по заграницам, неделями отсутствуя на заседаниях...*

¹ Российская партия демократических реформ — партия (избирательный блок), активно действовавшая в 1992–1994 гг. и предлагавшая альтернативный «гайдаровскому» способ перехода России за 10–15 лет к рыночной экономике. Лидер — Гавриил Харитонович Попов. — Прим. ред.

— Когда мой пресс-секретарь, которая организовала десять моих пресс-конференций в Госдуме, прочитала в «Московском комсомольце», что, оказывается, я не дал ни одной пресс-конференции в 1995 г. ... Конечно, такое мне трудно комментировать.

— *Этот упрек Вы не принимаете?*

— Нет. Ну, конечно, у демократов есть общая склонность к некоторой организационной разболтанности. Даже в той же статье «Московского комсомольца» не вяжутся две вещи: утверждения о пассивности фракции и там же содержащееся суждение о том, что фракция была лидером по числу представленных и проведенных законов. Либо то, либо другое.

— *Вы не пробовали напирать на дисциплину, призывать своих депутатов поменьше ездить, побольше присутствовать на заседаниях, влиять на ситуацию?*

— Пробовал, конечно. Должен Вам сказать, что бороться за дисциплину в демократической организации — это занятие не для слабонервных. Мы неоднократно этот вопрос обсуждали, коллеги брали на себя повышенные обязательства. Я не могу предъявлять им серьезных претензий по существу, потому что действительно фракция очень хорошо и очень активно работала в законотворческой области.

Да, можно было упрекать нас в том, что мы мало орали от микрофона, что в «час ненависти», которым открывалась работа Думы, наша фракция выступала довольно редко. Но это была наша сознательная позиция. Мы как бы не хотели участвовать в соревновании по безответственной демагогии, которой пытались заменить нормальную законотворческую работу. А в законотворческой работе, в представленных законах, в проведенных законах фракция, без всякого сомнения, была лидером Думы.

Есть два вида дисциплины: когда Вы приходите на работу в 9.00 и уходите в 18.00, пьете чай и показываете пример своей «дисциплинированностью», и есть дисциплина, когда вы приходите на работу, когда Вам удобно, и делаете то, что Вы должны делать. Я считаю, что по второму, более высокому для меня критерию фракция выполнила свои обязательства.

— *Чем Вы объясняете поражение блока на выборах?*

— Я считаю, что главным фактором, который привел к поражению блока по партийным спискам, были раздробленность демократи-

ческих сил, изъяны избирательного закона, которые стимулировали создание малых, не имеющих надежд пройти демократических объединений. Мы получили 2,5 млн голосов. Еще 2,5 млн голосов в принципе наших единомышленников оказались растащенными по десятку демблоков, большая часть из которых не получила и 1% голосов.

Лидеры всех этих блоков — в Думе, они очень хорошо себя чувствуют. На мой взгляд, если бы не этот фактор, то, без всякого сомнения, мы были бы представлены в Госдуме.

— *А Вы никак не связываете результат выборов с тем, что ДВР была одной из немногих фракций, которая поддерживала правительство?*

— В этом есть доля истины с одной корректировкой: есть позиции по существу беспринципные, но очень простые для понимания. Но самая простая из них такая: что бы ни делало правительство, оно делает неправильно, потому что не я в этом правительстве. Эта позиция, на мой взгляд, абсолютно беспринципная, но очень удобная для понимания.

Мы всегда выступали не за людей, а за принципы, и всегда самым жестким образом критиковали правительство и выступали против него, когда оно шло против наших принципов, скажем, отстаивали свою позицию, когда правительство нарушало свободы и права человека в каком-нибудь там указе об организованной преступности. Мы выступали против чеченской войны или против безответственной финансовой политики 1994 г. и всегда поддерживали правительство, когда оно, на наш взгляд, делало нечто ответственное. Скажем, организовывало переговоры в Буденновске, прекращало эмиссионно кредитовать бюджет или предлагало какие-то разумные законы.

На мой взгляд, эта позиция вполне достойная, и мне за нее не стыдно. Но она действительно сложновата для понимания избирателей, потому что избирателю трудно понять, что президент делает то одно, то прямо противоположное, и правительство мечется, а мы стоим на месте со своей позицией.

— *Никогда у Вас во фракции не обсуждался вопрос о том, чтобы перейти в оппозицию к правительству?*

— Много раз обсуждался. И переходили в оппозицию, когда это было действительно необходимо и оправданно. Иногда возника-

ли такие идеи, что, знаете, правительство непопулярное, давайте всегда выступать против него. И в общем мы соглашались, что, наверное, политически рентабельно выступать всегда против правительства. Но если вы хотите политической рентабельности, идите в другие политические объединения, которые работают по принципу максимизации политической прибыли. А мы партия идейная. Мы боремся за свои убеждения независимо от того, политически рентабельно это сегодня или нет.

— *Вы много ездили по стране, особенно перед выборами, Вы видели, что плоды реформ горьки...*

— Да нет никаких плодов! Это же миф. Мы позволили в свое время, в 1992 г., когда работали по 20 ч в день, навязать обществу интереснейший миф о каких-то горьких плодах реформ, о тяжелых социальных издержках реформ. Да нет никаких, я вас уверяю, издержек реформ. Есть тяжелые социальные издержки банкротства социалистической системы.

Социалистическая система действительно разорила страну, она действительно накопила неуправляемый внешний долг, и сегодня все небольшие кредиты, которые были у России, фактически идут на уплату процентов этого внешнего долга. На самом деле все это показное благополучие брежневской эпохи — все строилось на украденном у наших детей и внуков, все строилось исключительно в кредит. Страна жрала кредитное зерно, жрала кредитное новозеландское мясо, и это когда-то должно было кончиться. Большевики начали свою деятельность с банкротства России и закончили свою деятельность банкротством России.

На самом деле мы страна, которая привыкла жить на том, что ей дают в долг, и у нее финишная операция в машиностроении вся на импортных технологиях, импортном оборудовании, импортных комплектующих, у нее все сельское хозяйство на импортных комбикормах, у нее крупные города на импортном мясе... А потом, когда нам говорят: «Дорогие друзья, приспособляйтесь к жизни, когда ничего этого не будет, а еще вам нужно будет отдавать то, что взяли раньше», — то после этого получают тяжелые плоды государственного банкротства.

У нас есть тяжелые плоды медленных реформ, у нас есть тяжелые плоды того, что мы после государственного банкротства медленно создавали институты и способы, позволяющие хоть как-то вос-

становить экономический рост. Да, вот такие тяжелые плоды есть. А миф о тяжелых плодах реформ — это один из самых хорошо внедренных в сознание коммунистических мифов.

— *Но тем не менее эти последние неблагоприятные перемены в экономике и жизни людей — это все связано с Вашим правительством, правительством Черномырдина...*

— Давайте так: есть традиционная логическая ошибка «после этого — значит вследствие этого». В 1991 г. социалистическая система обанкротилась, страна была признана в мире неплатежеспособной. Кредитная подпитка, на которой она жила, была выключена. Страна оказалась на грани голода. Вот реальная база того, что произошло.

За последние годы нам удалось отвести угрозу голода, которая была вполне реальна в 1992 г. Мы дали импульс и начало реформам, которые хоть как-то позволили стране начать стабилизировать жизнь — тяжело стабилизировать, но тем не менее. К сожалению, эти реформы были прерваны. Самые тяжелые проблемы связаны именно с этим. Это прекрасно подтверждает анализ опыта наших ближайших соседей.

В 1991 г. по этому поводу можно было спорить, а сегодня спорить — интеллектуально насыщено — нельзя. Это вопрос либо знания, либо незнания, либо желания смотреть в лицо реальности, либо нежелания. Да, есть объективная база для коммунистической волны, потому что, второй раз доведя страну до банкротства, они сумели, используя свою мощную машину пропаганды, убедить людей, что, оказывается, все нынешние проблемы не есть следствие их провалившегося эксперимента и тяжелого выхода из-под их обломков, а следствие начатых реформ. На этом они хотят прорваться к власти и еще раз имеют этот шанс, и тогда они смогут поставить мировой рекорд, доведя Россию до банкротства в третий раз на протяжении одного века.

— *Не нагнетаете ли Вы страсти по отношению к Зюганову и КПРФ? Многие считают, что партия уже не та, что прежде. Последние заявления Зюганова оставляют надежду на то, что коммунисты переменились, что они стали более терпимы, их подход гораздо более реалистичен. Они признают многоукладность экономики, плюрализм...*

— Я Вам скажу, что у меня нет такого ощущения. Я видел законопроекты, которые они предлагают. Вы читали их закон о предот-

вращении экономической катастрофы? Почитайте. Это их экономическая платформа последнего времени. Мне очень «нравится» пункт о введении рабочих отрядов на приватизированные предприятия, он привлечет Ваше внимание. Рабочие отряды должны взять под контроль производство...

Там есть очень интересный момент по поводу введения «твердого рубля», которого потом надо напечатать много-много и за счет него все профинансировать.

Короче говоря, пока программные документы КПРФ, те законы, которые они предлагают, не вызывают у меня ни малейшего ощущения, что эта партия социал-демократизировалась и стала безопасной. Да, риторика Зюганова разная в разных аудиториях. Когда он, например, вместе со мной встречается с президентом Клинтон, то он просто лапочка, можно сказать, опора хороших российско-американских отношений. Когда он выступает в других аудиториях, он совсем другой.

Дело не в риторике Зюганова, дело в общей логике происходящего. Да, конечно, у меня нет иллюзий: эта партия не хочет реставрации тоталитарного режима в старом виде, она слишком хорошо инкорпорирована в структуры частной собственности. Но эта партия, без всякого сомнения, способна нанести тяжелейший удар по несущим конструкциям рыночной экономики, запустив механизмы его довольно быстрого развала. Построить устойчивый социализм они не способны, но повести дело к тому же государственному банкротству и к тому же хаосу 1991 г., когда не работает ни план, ни рынок, вполне способны.

— *Вы считаете, что нынешняя законодательная база и экономические условия позволят сделать что-либо подобное?*

— Это не составляет труда. Я Вас уверяю, т. е. некоторые технические трудности составляет — есть хороший Закон о Центральном банке, есть принятый бюджет — это менять будут не быстро и не сразу и даже вообще не в 1996 г. Первое полугодие 1996 г. как бы уже определено происшедшим ранее — экономика России инерционна, это как-то не все понимают.

Если коммунисты выиграют президентские выборы и начнут что-то делать, то придется менять Закон о Центральном банке, проводить кадровые корректировки, будет необходимость выполнять ранее принятые страной обязательства. Попросту говоря, без под-

соса, без возможности получать огромные дополнительные кредиты (а они вряд ли будут) альтернатива предельно проста. Либо ты восстанавливаешь производство вооружений в мало-мальских объемах, похожих на прежние, тогда у тебя железно исчезают товары с прилавка, либо ты этого не делаешь, но тогда не платишь ни по одному счету, который ты выписал.

— *Узнав результаты выборов, Зюганов сразу заявил, что приоритетом своей экономической политики он считает защиту отечественного товаропроизводителя и уменьшение тарифов на внутренние перевозки. Как Вы оцениваете его инициативы как экономист?*

— В его программе есть направления, по которым можно что-то сделать и нужно было бы сделать и правительству — ну, скажем, дифференциация тарифов на магистральные перевозки, прекращение субсидий за счет общих тарифов заведомо убыточному БАМу и т. д. Но идея, что можно взять деньги из бюджета и таким образом профинансировать снижение тарифов, — это авантюризм. Не зная ответа на вопрос, откуда ты берешь деньги, ты запускаешь эмиссионные источники финансирования. После этого через восемь месяцев готовься вводить карточки.

— *Девять человек от «Демократического выбора» прошли в Думу по одномандатным округам. Какие ориентировки Вы дали этим людям?*

— Мы считаем, что они должны попытаться создать такую центристско-демократическую депутатскую группу, которая по меньшей мере обеспечивала бы их возможностями нормальной работы. Но с точки зрения политической идентификации эти девять человек — это группа «Демвыбора», которая будет отстаивать принципиальные партийные позиции.

— *А инициатива Юшенкова по сплочению лидеров мелких избирательных демократических блоков, прошедших в Думу, согласована с руководством Вашего движения?*

— Вполне согласована. Создать сплоченную, политически единую группу не очень просто. Хотя по многим вопросам, как это было в предыдущей Думе, голосовать «мелкие демократы» будут примерно одинаково, что важно. Это по меньшей мере позволило бы создать нормальную базу для работы такой группы. У нас нет претензий, чтобы такая группа была жестко политически завязана на ДВР. Это, конечно, не получится и не нужно.

— *Вы будете в дальнейшем предпринимать усилия для сближения с «Яблоком»? Сейчас это главный вопрос демократии в России...*

— Сейчас это не главный вопрос демократии. Это был главный вопрос демократии прошлой весной. Сейчас главный вопрос, как это, может быть, ни обидно для нас, не наше сближение с «Яблоком», а сближение «Яблока» с НДР. Мы будем предпринимать усилия к тому, чтобы «Яблоко» и НДР договаривались о взаимодействии — особенно о взаимодействии на президентских выборах.

На мой взгляд, если демократы будут столь же безответственны и пойдут на выборы с 10 разными кандидатами, то во второй тур президентских выборов выйдут два человека — Жириновский и Зюганов. И мы с Вами будем выбирать между ними. Главное, в чем состоит ответственность демократов, в том числе двух прошедших в Думу умеренных и демократических блоков, — это в том, чтобы этого не допустить.

— *«Яблоко» и Явлинский не упрекали Вас в том, что Вы им тоже подпортили шансы, «дискредитировав» образ демократов?*

— «Яблоко» нас упрекает всегда и очень много. Я бы сказал так: у «Яблока» была прекрасная возможность реализовать все свои чудесные программные установки целых 2 раза — когда Григорий Алексеевич Явлинский находился в составе правительства. Они могли проводить реформы в 1990 г., они могли проводить реформы в 1991-м. Ситуация была непростая, ответственность в то время они взять не решились, а теперь, как всегда, со стороны критиковать легче.

— *Ваши ближайшие политические планы? Своего кандидата на президентских выборах Вы выставлять не будете?*

— Мы обсудим этот вопрос в течение пары месяцев в регионах. Сейчас я могу высказать только свою личную точку зрения: я не думаю, что мы должны выставлять собственного кандидата, потому что тем самым мы действительно расчищаем дорогу Зюганову и Жириновскому во второй тур голосования.

Мы должны использовать то влияние, которое у нас есть, то доверие, которым мы пользуемся у наших сторонников, чтобы убедить НДР и «Яблоко» договариваться об общей позиции на президентских выборах уже в первом туре.

— *А кто, на Ваш взгляд, самый реальный кандидат от умеренных и демократических сил?*

— Я не хочу отвечать сейчас на этот вопрос. Я бы сказал так: пусть «Яблоко», которое получило меньше голосов, и НДР, который получил больше голосов, договорятся о том, кого они считают возможным выдвинуть. Я думаю, что мы поддержим то решение, которое они совместно выработают.

— *Каким Вы видите будущее своего движения в ближайшие четыре года, до следующих парламентских выборов?*

— Мы собираемся укреплять свое движение. Сейчас у нас происходит естественное изменение в структуре партии. Недавно мы проводили собрание московской общественности — там было много народу, много интеллигенции, и мы получили колоссальный поток заявлений о вступлении в партию, причем от людей, которые никогда бы не пришли в партию в иной ситуации, когда возможность коммунистического реванша не была бы столь реальна.

Сейчас совершенно ясно, что вступление в наше движение вряд ли влечет за собой перспективу чинов и орденов. Но именно сейчас к нам приходят люди. Я считаю, что именно сегодня у нас есть шанс сделать нашу партию действительно партией порядочных людей, освободиться от тех, кто попал к нам случайно.

Выборы — прекрасная диагностика. Мы прекрасно видим, где у нас отделения партии оказались жизнеспособными, где они сумели добиться хороших результатов — кстати, в самых разных регионах, скажем, в Дагестане и Челябинске, — где они оказались очень слабыми, и теперь спокойно можно заняться их реконструкцией.

— *Вы верите, что следующие выборы будут вашими?*

— Если они будут... Я скажу так: следующие выборы, которые будут, будут нашими. Я не говорю в данном случае о себе лично, этот вопрос меня интересует в меньшей степени. Но то, что следующие выборы, когда они состоятся, будут выборами, на которых победят сторонники либеральных взглядов, у меня нет никаких сомнений.

Призрак победы коммуниста на выборах устрашает иностранных инвесторов

Эксклюзивное интервью, данное журналу RUSSIA известным политиком-реформатором и членом Государственной думы Егором Гайдаром.

— Г-н Гайдар, однажды Вы высказали серьезное опасение о возможной победе коммунистов на предстоящих президентских выборах. Какими представляются Вам результаты выборов сегодня?

— Я представляю себе следующий сценарий: кандидат коммунистической партии Геннадий Зюганов, безусловно, проходит во второй тур. С высокой степенью вероятности пройдет и действующий президент Борис Ельцин. На тот момент ситуация не выглядит очень уж многообещающей для Зюганова. Вот если бы выборы состоялись сегодня, у него, безусловно, был бы еще шанс на победу. Хотя никто не может точно предвидеть, что произойдет в июне. Окончательное решение будет принято не 16 июня, а 7 июля — в день второго тура, когда кандидаты, получившие в первом туре наибольшее количество голосов, сойдутся в сватке за президентское кресло. Можно с уверенностью сказать, что это будет гонка с минимальным разрывом между участниками. В настоящее время я полагаю, что шансы Зюганова чуточку выше, чем шансы Ельцина, хотя победа Зюганова ни в коем случае не гарантирована.

— Эти выборы имеют большое значение для страны. Прежде всего и раньше всего они определяют главу государства, который в соответствии с Конституцией обладает огромной властью. Выборы определяют экономическое будущее России. Каким Вы видите возможное влияние победы каждого из кандидатов на социально-экономическое развитие страны?

Интервью брал Леонид ЛОПАТНИКОВ.

Опубликовано в: Russia (на англ. яз.). 1996. Июнь–июль.

— Победа Ельцина приведет к существенной стабилизации действующего политического и экономического курса. Я не в восторге от того, что Ельцин до сих пор сделал в области экономики и политики. Сомневаюсь, что он был бы способен, во всяком случае в обозримое время, осуществить комплекс экономических мер в моем вкусе, который включает всеобъемлющие либеральные реформы. Но сама стабилизация, к которой может привести победа Ельцина, особенно в отношении прав частной собственности, будет иметь определяющее значение для будущего России. Российские инвесторы, так же как и все западное бизнес-сообщество, буквально затаили дыхание, ожидая, чем кончатся выборы и каково будет их влияние на страну.

Как они будут поступать? Будут побыстрее инвестировать в Россию, полагая, что улучшаются условия для экономического подъема, и это соответственно приведет к росту фондового рынка? Победа Ельцина может рассматриваться как надежный индикатор того, что, с точки зрения инвестора, в России все хорошо.

Учитывая наши громадные ресурсы, положительную перспективу роста российских акций и прогнозы высоких прибылей, она побудит инвесторов воспользоваться ситуацией «first-come, first-served» (дословно «первый пришел — первым обслужен». — Прим. ред.). Это позволит нашей стране преодолеть продолжающуюся рыночную стагнацию и, по многим оценкам, во второй половине 1996 г. перейти к ощутимому экономическому росту. Многие проекты, которые сейчас находятся на разных стадиях обсуждения, выработки концепций и реализации, могут найти продолжение только в случае поражения коммунистов на выборах.

Если же победят коммунисты, то последствия будут явственно ощутимы даже до того, как они смогут приступить к изменению политики, задолго до того, как Зюганов усядется в президентское кресло. Естественная реакция людей и бизнеса будет следующей: во-первых, инвестиции капиталов упадут вследствие неопределенности статуса частной собственности, во-вторых, сбережения будут быстро конвертированы из рублевых в долларовые, что катастрофически повысит спрос на твердую валюту. Центральный банк России будет подвергаться немыслимому давлению, требованиям освободить с таким трудом накопленные резервы валюты, перечеркнув усилия последних лет. Повторяю, все это произойдет раньше,

чем нога новоизбранного президента ступит на порог президентского кабинета...

— *Приведет ли победа коммунистов к большему инфляционному давлению?*

— Безусловно, хотя и не сразу. Инфляция порождается ожиданиями потребителей, повышающимися процентными ставками и растущими затратами на обслуживание государственного долга. Короче, новый российский президент немедленно окажется под серьезным давлением. Самым большим риском было бы, если бы новый президент поддался давлению и попытался реализовать хотя бы часть предвыборных обещаний коммунистической партии. На самом деле это означало бы возвращение к практике бюджетного финансирования¹, что в свою очередь приведет к разрыву соглашения России с МВФ и серьезно подорвет возможности России в смысле сокращения государственного долга. Это ослабит также возможность Центрального банка держать рубль под контролем и приведет к росту спроса на иностранные валюты. Это приведет также к решительной дестабилизации рубля, к риску отступления России от принятого принципа конвертируемости рубля в отношении иностранных валют. Попытки противодействия плодам этой политики могли бы означать возврат к регулированию цен, что, безусловно, приведет только к росту инфляции. Результатом был бы дефицит в ряде секторов рынка, за которым последовал бы рост государственных расходов в форме новых субсидий. Короче, мы столкнулись бы с финансовым кризисом, выхода из которого не видно.

Лично я не думаю, что первым пунктом своей повестки дня коммунисты сделают наступление на частную собственность и попытки ренационализации промышленности. Вместо этого главным последствием возврата коммунистов к власти была бы серьезная дестабилизация финансовой системы и приостановка дальнейшего экономического развития, которая продлится по меньшей мере три-четыре года.

¹ Е. Т. Гайдар здесь имел в виду не бюджетное финансирование как таковое, а бюджетное финансирование промышленности в целом, что фактически подразумевало бы ее ренационализацию. — *Прим. ред.*

— *Чего могут ожидать иностранные инвесторы от победы того или другого кандидата? И еще: как Вы вообще относитесь к иностранным инвестициям, к их будущему в России?*

— Я очень хорошо отношусь к иностранным инвестициям. Считаю их одним из самых важных факторов будущего экономического роста России. Если победит Ельцин, я уверен, мы увидим существенную волну иностранных инвестиций как в русский фондовый рынок, так и в форме прямых инвестиций в промышленность.

Если же победят коммунисты, то, по-моему мнению, они будут очень любезны, будут приветствовать дальнейший приток иностранных инвестиций. Они пошлют иностранным инвесторам примерно такое послание: «Мы не будем ставить никаких преград на вашем пути. Вы будете пользоваться защитой и поддержкой, но вы не должны будете вмешиваться в наши внутренние дела».

Они ни при каких условиях не станут расстраивать установившееся согласие. Но финансовая нестабильность и неопределенность статуса частной собственности будут, безусловно, затрагивать интересы иностранных инвесторов. Короче говоря, те, кто уже инвестировал в российскую экономику, будут вынуждены больше заниматься решением общих финансовых и экономических проблем, чем максимизацией своих прибылей.

— *Как отразилась бы победа коммунистов на экспатриации прибылей?*

— В высшей степени похоже, что принцип свободного обмена рубля на иностранные валюты будет отменен, и это создаст трудности для инвесторов, которые захотят вернуть свои прибыли домой. Это, вероятно, самый угрожающий аспект возможной победы коммунистов, и он, безусловно, будет отпугивать многих потенциальных инвесторов.

— *Как депутат Думы Вы принимали участие в принятии многих законов, касающихся земли, иностранных инвестиций и подобных тем. Как Вы оцениваете сложившуюся законодательную среду для иностранных инвестиций?*

— Я полагаю, что мы достигли существенного прогресса в создании основ законодательства в этой области. Нашим главным достижением явилось принятие Гражданского кодекса. Он содержит значительную часть того, что нужно иностранным инвесторам для достижения их целей в России. Во-первых, Гражданский кодекс со-

держит статьи о защите прав частной собственности, включая соответствующие права иностранных инвесторов. Одна проблема еще не решена, причем одна из самых важных — это проблема собственности на землю. Очень серьезная правовая проблема. Ельцин недавно подписал пакет указов, касающихся вопросов земельной реформы, но они еще не введены в действие. Если Ельцин победит, можно надеяться, что эти указы станут основой работы, направленной на нормализацию прав собственности. Естественно, иностранные инвесторы заинтересованы в таком повороте событий.

— *Разве Дума не приняла закон, отвергающий легальность этих указов?*

— Этот закон пока не подписан Ельциным, и представляется, что он намерен наложить на него вето. Но если победят коммунисты, то, конечно, они будут саботировать все те достижения, которые были направлены на создание действительного, имеющего законную силу рынка недвижимости.

В том, что касается вопросов экспатриации прибылей, есть новости, которые могут порадовать иностранных инвесторов. Я полагаю, что скоро, может быть, даже еще до выборов Россия ратифицирует ст. VIII Устава МВФ, касающуюся конвертируемости иностранных валют¹. Я считаю это важным шагом вперед в создании привлекательных условий для иностранных инвестиций, — шагом, который может наступить даже раньше, чем эта публикация уйдет в печать. Ясно, что победа Ельцина сохранит эти планы в силе. Что же касается другого сценария... Давайте подождем результатов президентских выборов.

— *Спасибо Вам за согласие на это интервью. Надеемся продолжить разговор после выборов.*

У меня нет синдрома «белобилетника»

На прошедших президентских выборах победу одержал Егор Гайдар. Такое во всяком случае складывается впечатление. Он выглядел абсолютно счастливым человеком. С той самой минуты, как в прямом эфире «Эха Москвы» начал комментировать итоги второго тура. И после, буквально влетев на российское телевидение, радости не скрывал. И на другой день, когда мы встретились в его кабинете, Гайдар излучал счастье. Это кажется странным, если вспомнить, что победитель «сдавал» Гайдара столько раз, сколько ему было нужно. Это поражает, если вспомнить, что еще полгода назад Гайдар призвал Ельцина не баллотироваться на второй срок. Это даже раздражает, если вспомнить, сколько достойных людей на этих выборах отказали президенту в доверии. А тем не менее Борис Ельцин выглядит измученным и уставшим. Во взгляде Виктора Черномырдина тревога и грусть. О Зюганове говорить нечего... Егор Гайдар образцово счастлив. Хочется поздравить его с победой.

— *Поздравляю Вас с победой, Егор Тимурович!*

— Спасибо, Вас также.

— *А почему Вы чувствуете себя победителем? Разве команда Ельцина — это Ваша команда?*

— Администрация Ельцина — это не наша администрация. Правительство Черномырдина — это не наше правительство. А победа — наша! Во-первых, тот набор структур, который мы создавали в России, не будет сметен коммунистами. Во-вторых, именно частная собственность и рынки стали главным препятствием на пути Зюганова к власти. Страх, что все это будет разрушено. Осознанный, правильный, разумный страх.

— *Но ведь бизнесом у нас занимаются немногие... Остальные-то почему проголосовали?*

— Понимаете... миллионы людей готовы вести эти досужие разговоры о том, как раньше все было здорово и как нынче все ужасно. Но наедине с собой человек подобными мыслями не увлечен.

Интервью брал Илья МИЛЬШТЕЙН.

Опубликовано в: Новое время. 1996. 8— 14 июля.

¹ Действительно, решением российского правительства от 1 июня 1996 г. было объявлено об официальном присоединении страны к требованиям ст. VIII Устава Международного валютного фонда, т. е. о намерении не использовать ограничения на расчеты по текущим операциям. — *Прим. ред.*

А оставшись один на один с избирательным бюллетенем, он мог спросить себя: да так ли уж тебе, дорогой, хочется туда, в прошлое, в трехчасовую очередь за хеком серебристым? Или ты забыл свою несвободу и чувство бессилия, отчаяния и тоски? Соскучился по ветеранам трех революций, которые будут решать вопрос о твоей поездке в Болгарию? Вообще, не нужно быть собственником, чтобы все это ненавидеть и этого бояться!

— *А что ж сограждане не боялись, когда на парламентских выборах голосовали за коммунистов, «жириков»... и прокатывали партию Гайдара?*

— Так ведь это разные вещи: выбирать парламент и — «хозяина». Жизнь сегодня тяжелая, не о чем спорить. И власть дурная, и цены высокие. На парламентских выборах человек выражает протест и против этой власти, и против этой жизни. Но на выборах президентских перед ним проблема куда серьезнее: он выбирает курс, каким пойдет страна, и тут уж не до протестов. Фигу можно показать только самому себе...

— *Ладно. А теперь, если позволите, я немного позанимаюсь демагогией, и спрошу: не Вы ли после событий в Первомайском бесповоротно отказали президенту в доверии и призвали его не баллотироваться на второй срок?*

— Я!

— *Значит, бывают чувства посильнее страха?*

— Конечно. Например, чувство стыда. Невозможно было смотреть на Ельцина, рассуждающего о 38 снайперах. Невыносимо было видеть, как им манипулируют. Мучительно было наблюдать, как он вообще ничего не понимает в происходящем! И что... мы должны за такого Ельцина голосовать? В январе, после Первомайского, я был убежден, что его шансы выиграть выборы равны нулю, а если он даже каким-то чудом и пройдет, то все равно останется марионеткой в руках людей в высшей степени небезопасных.

— *Вы ошибались?*

— Конечно, я... ошибся. И признаюсь в этом. Знаете, пока я работал с президентом, да и потом... я чувствовал, что этот человек обладает уникальным политическим чутьем. Он мог совершать поступки внешне неразумные и даже вредные, но позже выяснялось, что... он был прав. Когда он уснул в Шенноне, я решил, что у него это чутье атрофировалось. Оказалось, что нет. Вот как он смог от безумной энергии августа 1991 г. быстро перейти, мягко говоря, к отдыху,

так же он сумел от своего «первомайского» образца резко вернуться к политической активности.

— *Если не ошибаюсь, Вы в марте встретились?*

— Да. У него еще сохранялся крайне низкий рейтинг. В его окружении еще вовсю шли разговоры об отмене выборов. Но я вдруг увидел совершенно другого Ельцина. Он быстро и четко реагировал на мои слова. Задавал точные вопросы. Я не считаю уместным пересказывать этот разговор, но могу вспомнить свои ощущения: впервые за несколько месяцев я усомнился в том, что коммунисты выиграют выборы.

— *А Вы были в этом уверены?*

— Абсолютно убежден! И все мои метания, все эти переговоры то с Черномырдиным, то с Немцовым были судорожной попыткой хоть какую-то замену Ельцину приискать! А как ее найти, эту замену? Ну, вроде можно под Черномырдина создать коалицию партии власти и партии демократов — условно говоря, от Ковалева до Вольского. А если не получается, то попробовать уговорить Немцова: он как будто не вызывает отвращения ни у ДВР, ни у «Яблока»... Теперь могу сознаться: я не верил, что Черномырдин или Немцов сумеет всерьез конкурировать с Зюгановым. Должно быть, и они не верили... Я был в отчаянии!

— *И тут Борис Николаевич написал Вам письмо. Причем настолько личного характера, что Вы отказались его оглашать...*

— И сейчас еще не время. Ну, главная мысль была проста: мы так долго работали вместе, так неужели теперь друг друга не поймем и не вернемся к совместной борьбе?

— *Ельцин напомнил Вам, что Вы с ним единомышленники. Может быть, это был тонкий ход, польстивший Вашему самолюбию?*

— Может быть. Если ход, то тонкий! (Смеется.)

— *Однако в публичных своих речах президент высказывался тогда попроще, чем в личных письмах. Например, о демократах он говорил так: «Никуда не денутся — будут голосовать за меня». Вам не грустно, что он оказался прав?*

— Вы знаете... сегодня не грустно. Мы действительно вместе оставили второе пришествие коммунистов в Россию. И мне поэтому весело. А когда он это сказал, у меня было, конечно, на редкость отвратительное настроение. Кстати, мы встретились с Ельциным как раз дня через два после этого заявления. И я не удержался, высказал свою горечь. «Как, — изумился Борис Николаевич, — неужели это

показали?!» Изумление выглядело вполне достоверно. Тем не менее, если говорить по существу, без политесу, то он сказал правду.

— *А хотя бы на доньшке сознания Вы не чувствуете себя униженным этой его победой и правотой?*

— Нет. Я слишком много сил отдал для того, чтобы в России осуществился капитализм. Для меня успех Зюганова обернулся бы моральной катастрофой. Ельцин это знал и использовал... Ну, и слава богу! Слава богу, что Россия не станет еще раз ареной для коммунистического эксперимента. Слава богу, что сложившиеся частные институты будут расти и развиваться. Это главное. А все прочее — ерунда. Ельцин для меня — орудие истории, и должен сказать, что со своей ролью он в общем справляется.

— *Как Вы полагаете, Ельцин нуждался в Вашей поддержке?*

— Не стану утверждать, что без меня он бы проиграл. И все же во втором туре моя поддержка была ему потенциально полезна. От позиции нашей партии в какой-то мере зависели голоса интеллектуальной элиты. Избиратель у нас умный и, наверное, без моей подсказки догадался бы, что надо делать. Однако у многих людей, как я мог заметить, была потребность в том, чтобы мы сняли с них груз моральной ответственности. И мы им сказали: да, сегодня не стыдно голосовать за Ельцина, и не надо тупить глаза.

— *Году в 1989-м голос интеллигента в политике был хорошо слышен, а сейчас?..*

— В меньшей степени. «Основным инстинктом» на этих выборах был инстинкт самосохранения. Причем у интеллигенции этот инстинкт был выражен гораздо слабее, чем у населения в целом, и особенно у буржуазии. Тем не менее образовавшийся союз буржуазии и интеллигенции во многом предопределил победу Ельцина.

— *Это в прессе нашей особенно сказалося. Вы не считаете, что тов. Зюганов отчасти прав, говоря об информационном «терроре», учиненном против его бедной партии?*

— Я бы согласился с ним, если бы не ездил по стране. Если бы не читал местных газет. Если бы не знал, что у коммунистов 130 провинциальных газет, а у ДВР, скажем, ни одной. Вот будь я западным наблюдателем, который ничего, кроме ОРТ, не смотрит, так я бы тоже хватался за голову и кричал: «Какой кошмар!» А кошмар заключается в том, что житель какого-нибудь тамбовского или брянского села ничего, кроме местной красной прессы, не получа-

ет! Словом, если не из Москвы, а из глубинки следить за выборами, то совсем другая картинка получается: телевидение боролось против провинциальной подконтрольной прессы, которая поносила Ельцина изо дня в день. Я знаю район, где один председатель бывшего колхоза решился один раз выступить в газете в поддержку Ельцина. Это было немислимое событие! Все ждали, чем это для него кончится. Сейчас он на коне... (Смеется.)

— *Между прочим, не секрет, что в провинции Вы и Ваша партия непопулярны. Народ, как говорится, не простил Гайдару грабительских реформ... Так помогала Ваша поддержка Ельцину или мешала?*

— Я прекрасно знал, что моя фигура в высшей степени противоречива. Что отнюдь не все, кто собирается голосовать за Ельцина, так уж меня обожают. Именно поэтому я совершенно сознательно стремился к тому, чтобы моя не слишком красивая физиономия не мелькала на телеэкранах. Я понимал, что это вряд ли добавит голосов президенту...

— *Скажите, Егор Тимурович, а Вы сами сегодня доверяете Ельцину? Не боитесь, что после победы к нам вернется его «первомайский» образ?*

— В самых принципиальных вещах доверяю. Он не будет уничтожать частную собственность, не станет затыкать рот свободной прессе. Он не представляет угрозы для институтов гражданского общества. При этом я знаю, что в его окружении по-прежнему немало людей сомнительных. Я отнюдь не убежден, что он с завтрашнего дня приступит к осуществлению либеральных реформ, необходимых для России. Или всерьез станет заниматься реформой армии, обещанной в его знаменитом предвыборном указе... Но еще раз повторю: в политике, особенно в кризисные времена, спор идет не между добром и злом, а между злом наибольшим и наименьшим. По сравнению с Зюгановым Ельцин — это зло наименьшее.

— *Что, по-Вашему, все-таки будет делать Борис Николаевич после победы: займется страной или, как обычно, «уснет» месяца на два?*

— А это и неплохо, если он сейчас отдохнет. Он наверняка жутко устал. Просто смотреть на него тяжело... Между прочим, его здоровье — это залог нашей политической стабильности. Да, наконец он имеет право на отдых! Его победа сама по себе привела к резкому уменьшению политических рисков для России. До этих выборов мы переживали кризис, порожденный крахом социализма. А с нынешнего дня создается база для экономического роста.

— Вы говорили о том, как невыносимо было видеть Ельцина в роли марионетки. Ну а если сейчас президент использует свое право на отдых, то кто будет управлять страной? Лебедь?

— Борис Николаевич уже сделал свой выбор, предложив Черномырдину вновь возглавить правительство. Правильный выбор, на мой взгляд. А в России есть традиция, что в условиях кризиса или временного отсутствия государя страной управляет премьер... Непосредственно, конечно, ни Коковцов, ни Витте, ни Косыгин не влезали на трон. Тем не менее у премьера в России всегда позиция сильная. У него реальная власть, хотя бы в экономике. Виктор Степанович — человек влиятельный, порядочный, профессиональный. Так что не о чем беспокоиться.

— Вам лично нравится генерал Лебедь?

— Я с ним незнаком.

— Он так же сильно «впечатляет» Вас, как и большинство нашей гуманитарной интеллигенции?

— Знаете... у меня, видимо, нет синдрома «белобилетника». Мне кажется, что Александр Иванович самое умопомрачительное воздействие оказывает на тех, кто никогда не видел нормального старшину. (Смеется.) А я сам из военной семьи... На меня он производит скорее комичное впечатление. Даже не сам Лебедь, а вот эта реакция интеллигентов на стиль его поведения. Я сразу воображаю Васисуалия Лоханкина, глубоко задумавшегося перед телеэкраном: «А может, в этом сермяжная правда? Может, такой Лебедь и спасет Россию?» Могу лишь сказать, что мне его рекомендовали как человека некоррупцированного. Говорили, что он не дурак, и я этому вполне верю. Это даже видно.

— Как Вы считаете, Лебедь надолго задержится в Кремле или его скоро постигнет судьба Гайдара?..

— Честно говоря, я буду удивлен, если он четыре года там просидит. Но многое зависит от него. Насколько он на самом деле окажется умным человеком. Сможет ли отвоевать собственную нишу и удержаться в ней. А главное, сумеет ли не стать смешным!

— А Вы сами не мечтаете вернуться в свою кремлевскую нишу? Не ожидаете предложений от Черномырдина?

— Не ожидаю их и не приму.

— А от Ельцина?

— И от Ельцина.

— Вы победили?

— Да!

Егор Гайдар: Какой же рынок мы хотим?

— Рынок либеральный — равных правил игры? Или рынок с коррумпированным государством? С собственностью, слитой с властью? Вороватый? Какой? И по этому вопросу неизбежно происходит политическое размежевание. А Вы на какой стороне?

— За что меня прежде всего ругали? Гайдар не понимает роли государства. Надо больше государственного регулирования. Это «больше» обернулось тем, что стало больше казнокрадства, больше коррупции, больше воровства, больше вымогательства и т. д. А я об этом предупреждал в 92-м!

КОМАНДУ ЛИБЕРАЛОВ СОЗДАЛИ... КОММУНИСТЫ

— Команда молодых экономистов рыночной ориентации стала складываться в Москве и Питере в начале 80-х гг. Мы работали в разных местах, в институтах Академии наук, в вузах. Познакомились на семинарах, обсуждениях. Нам было понятно, что социалистическая система находится в тяжелом и долгосрочном кризисе. Мы были убеждены, что нужно попытаться инициировать курс на реформы. Мы работали по заданиям разных государственных и партийных органов, писали предложения. В 1986 г. прошел очень важный для нас семинар в Змеиной Горке, под Санкт-Петербургом, где и сформировалась в полном объеме та команда, которая пришла в правительство реформ.

— Кто был в числе самых первых?

— Анатолий Борисович Чубайс, Сергей Александрович Васильев, Сергей Михайлович Игнатъев, Петр Олегович Авен, Константин Кагаловский, Григорий Глазков, Сергей Синельников, Володя Мау, Алексей Улюкаев, Андрей Нечаев, Владимир Машиц... Я не всех перечислил...

Интервью брал Анатолий ПАНКОВ.

Опубликовано в: Куранты. 1997. 15 января.

В 1990 г. был сформирован Институт экономической политики Академии народного хозяйства и Академии наук. Мы все привыкли работать в старых академических институтах, где, к сожалению, очень много людей, которые ничего, кроме как пить чай, не умеют. А нам очень хотелось иметь свое научное подразделение, где бы бездельников было мало, а работающих много. Поэтому я тогда с удовольствием принял предложение академика Аганбегяна возглавить институт, и мы его создали. Туда пришли многие из тех, кого я перечислил, а некоторые с нами сотрудничали.

Институт начал заниматься не разработкой программы, а анализом того, что реально происходит в советской экономике. Программ к тому времени было много, но никакого влияния на практику они не оказывали, поскольку вопрос носил сугубо политический характер. И мы в первую очередь занимались анализом и прогнозированием. По отношению к власти мы были советниками: никаких решений не принимали.

ВЫБОР ЕЛЬЦИНА

— В августе 1991 г., еще до тех событий, ко мне зашел мой старый знакомый, а тогда один из ключевых людей в команде Бурбулиса — Алексей Головков и спросил, как бы я отнесся к предложению Ельцина стать его экономическим советником. Я ответил, что этот вопрос интересный, но, чтобы на него ответить, надо встретиться с Борисом Николаевичем и обсуждать, а что он, собственно, хочет делать в экономике. Если наши предложения об этом совпадут, тогда это возможно.

— *Я знал Бориса Николаевича до его избрания президентом как человека, стремящегося к новой политике, но он не был рыночником. Поэтому то, что он выбрал именно Вас, такого весьма радикального рыночника, — это или какое-то озарение, или был ему приведен какой-то очень веский довод в Вашу пользу.*

— Думаю, дело не в этом, а в том, как складывалась реальная ситуация осенью 1991 г. Быть нерыночником, когда на тебе нет реальной ответственности, как было до августа, или когда есть нерыночные системы управления, — это одна ситуация. А после 21 августа на Бориса Николаевича вдруг свалилась огромная ответственность за потерявшую всякое управление ядерную сверхдержаву. Тогда

уже было ясно, что Союз толком ничем не управляет. Одновременно было ясно, что каркас старой власти расплывается на глазах, ничто не работает. А что делать-то? Вот ты президент России, у тебя нет зерна, чтобы печь хлеб, у тебя не снабжаются города, потому что ничего не подвозят и не будут подвозить, у тебя нет валюты, чтобы закупить продовольствие, нечем обслуживать внешний долг, и ты знаешь, что нет реально работающих силовых структур, чтобы навязать свою волю, у тебя парад суверенитетов по всей стране, у тебя предельно плохо работающая государственная машина... Так что делать-то? А все в этот момент с удовольствием отходят в сторону и говорят: ну, нет, не сейчас мы будем рулить...

И понимание того, что в этой ситуации нечего делать, кроме как любой ценой пытаться запустить рынок, — это не вопрос твоих идеологических пристрастий, приоритетов, а вопрос выживания страны, тебя самого как политика.

И на заседании Государственного совета в 20-х числах октября, где присутствовали все — от Рущкого до Хасбулатова, он спросил: все ли согласны с тем, что необходимо размораживаться? И ни один человек не возразил. Это потом, когда уже было сделано, начали говорить: да не так надо было...

Делать надо было быстро и решительно. Предстояли меры только непопулярные и тяжелые, спасибо за это не скажут. Как все это воспримет общество, никто не знал. Ясно, что без энтузиазма. Вопрос только, в какой степени. Набор политиков, которые в этот момент с колоссальным удовольствием будут держаться в стороне, велик. И возникал вопрос: а кто? У нас ведь было страстное желание остаться в роли советников. Эта роль для моих коллег гораздо более органичная. Но выяснилось, что советовать-то мы можем, но кому? Кто будет делать? Вот тогда и пришли к выводу, что нам все придется делать самим.

— *Идея эта пошла от Вашей команды или от окружения президента?*

— Когда мы с Ельциным впервые встречались — это было тоже в 20-х числах октября, у нас состоялся длинный, часовой, разговор. Только про экономику. Мы не обсуждали никаких кадровых вопросов. Разговор был хороший, откровенный. Видно было, что президент готов действовать.

В это время Ельцин принял решение самому возглавить правительство реформ и обсуждался вопрос, кто там будет. Ко мне на 15-ю дачу заходили Полторанин, Бурбулис, узнавали нашу позицию. Мы говорили, что готовы, если надо, войти в правительство, начать реформы, но при двух предпосылках: у нас должна быть возможность сформировать экономический блок правительства, мы приходим командой. И приходим делать ту реформу, которую сформулировали в записках Ельцину. Он, вероятно, думал, колебался, а 6 ноября подписал соответствующее решение.

А НАЧАЛОСЬ С АБСУРДА

— *Сделал праздничный подарок коммунистической России... У начала Вашей реформы был один для меня убийственный факт. Помните, уже объявили, что с 14 декабря вводятся свободные цены, и вдруг Ельцин говорит, что по просьбе соседних государств, которые оказались не готовы к нашему шагу, либерализация начнется после Нового года. Это был такой удар по самой идее реформы! А что творилось в магазинах: все остатки подчистую подмели, на полмесяца все было дезорганизовано. Почему же Ельцин так подставил Вас?*

— Это было сугубо политическое решение. В Беловежской Пуще. По просьбе Украины и Белоруссии. И к этому потом присоединились все бывшие республики СССР. Кравчук и Шушкевич очень энергично уговаривали Ельцина отложить либерализацию цен, чтобы они успели подготовиться. Откладывать, разумеется, было нельзя. Но Ельцин хотел сделать жест доброй воли. Было оговорено, что мы на две недели откладываем либерализацию цен, а тем временем Украина и Белоруссия помогут в снабжении Питера и Москвы продуктами питания. На самом деле они ничего не сделали, да и не могли помочь.

Надо было учесть и другое обстоятельство. До разделения рублевой зоны — а на это надо было месяцев семь — в колоссальной степени мы были заложниками той экономической политики, которую проводили другие республики. Нам была нужна просто их добрая воля, чтобы они немедленно не взорвали нам все денежное обращение, после чего никакие товары не появились бы вовсе. И в связи с этим мы были вынуждены в эти месяцы делать бездну компромиссов. Именно потому, что мы еще не имели инструмента

управления денежной массой. У нас была страшная ситуация, когда 16 банков (бывших республик) наперегонки печатали общие рубли. И надо понять, что, пока мы с 1 июля 92-го не разобрались окончательно, переведя их на корреспондентские счета, мы все время были как на пороховой бочке. Чего, увы, подавляющее большинство людей не понимало.

— *Не кажется ли Вам, что в ходе осуществления реформы было слишком много компромиссов?*

— Чересчур много по сравнению с чем? С тем, чего я хотел, или с тем, что было возможно? По сравнению с тем, чего я хотел, конечно, слишком много. С тем, что было возможно, думаю, что нет. Ведь есть Конституция, есть Верховный Совет, который с голоса принимает бюджет, за полтора часа обсуждения! И этот бюджет радикально меняет всю финансовую ситуацию. У президента не было права вето... Легко проводить реформы, когда ты всем говоришь и все тебя слушаются. Но так бывает очень редко.

— *Так было только у Людвиг Эрхарда в послевоенной Германии.*

— Но и то у Эрхарда так было потому, что существовала оккупационная администрация.

— *Может, надо было ужесточить режим?*

— Нет, не надо, да и нельзя было ужесточать. Мы понимали, что некоторые ничего не сделали просто по техническим причинам. Самое простое — обидеться на всех: если не хотите делать, как я говорю, давайте все прекратим.

— *Можно ли было провести реформу мягче для людей?*

— Конечно, если бы она проводилась последовательнее, решительнее и меньше было компромиссов.

— *Большие колебания были и при переходе к свободным ценам на энергоносители. Объявляли сроки, откладывали... Не правильнее было бы и на горячее цены отпустить одновременно, в том же январе?*

— Безусловно. И возможность такого перехода мы обсуждали в январе 92-го. Но тогда главным аргументом против было следующее: зима, и пока поставщики-энергетики будут торговаться о ценах, потребители пострадают. Поэтому решили: давайте подождем до конца отопительного сезона. Это была ошибка. Потом, в феврале, было видно, что можно переходить на свободные цены. И мы это обсуждали еще раз. И все же победила точка зрения: ну зачем будем суетиться, уж доживем до конца сезона, хорошо подготовим-

ся и тогда решим. И это была главная ошибка. Но к этому времени сложилась мощная коалиция, выступавшая против либерализации цен на горючее.

— Коалиция по политическим мотивам или по отраслевым?

— По отраслевым. Вначале-то предприятия считали: ну подумаешь, энергетики поднимут цены, мы свои — тоже, и все будет хорошо. Но к этому времени они поняли, что так просто это не бывает. И получилось, что энергетики, которые оказались крайними, против всех остальных. И вот эта коалиция добилась принятия Верховным Советом решения, запрещающего либерализацию цен в энергетике. Это был огромный удар... Если почитать прессу того времени (надеюсь, у «Курантов» была разумная позиция), то увидите, какая была дикая истерия: вот, задумали поднять цены, погубить всех и вся! А в результате движение реформы в этом направлении было серьезно затруднено.

Мы в мае сумели только повысить цены на горючее в 5 раз. И, кстати, не было всплеска инфляции, что доказало вздорность всех опасений. А потом осенью 92-го полупустили...

— Какие еще были допущены ошибки?

— Задержка с либерализацией цен на топливо (до принятия Верховным Советом запрета) — это ошибка, так как либерализацию можно было проводить. А было много другого, что не являлось ошибкой, так как мы прекрасно знали, что этого делать нельзя, просто была политическая данность, связанная с тем, что есть Верховный Совет, есть Центральный банк, подчиняющийся Верховному Совету. Если же говорить о технических ошибках, то, конечно, они были. Ну, например, слишком сложная система регулирования внешнеэкономических связей, введенная с января 1992 г. Потом с 1 марта 1992 г. ее скорректировали, сделали более прозрачной и понятной. Были и другие ошибки.

Но если говорить о том, чего не удалось сделать по политическим мотивам, то это, конечно, резкое ослабление финансовой политики, особенно после принятия бюджета Верховным Советом.

Эх, налоги!

— Чего я не мог понять и принять в действиях Вашего правительства — налоговую политику. Ввели НДС — сначала он аж 28% со-

ставлял. И суммарно налогов набиралось много. Мне казалось, что эти шаги как раз противоречат рыночным отношениям. На одной из встреч Бориса Николаевича с главными редакторами я даже спросил его: что для него первичнее — богатое государство или богатое предприятие? Мне показалось, что он просто не понял вопроса. А как бы Вы ответили на него?

— Для меня, разумеется, первичнее интересы общества. Я общество ставлю выше государства. Но есть какие-то вещи, без которых современное общество не сможет нормально функционировать. Одна из них — работающие деньги. Особенно это было важно в 1992 г. Это сейчас кажется, что деньги — они и есть деньги. А тогда они были совсем не деньгами. В конце 1991 г. года стояли перед страшной проблемой: ну вот, мы разморозили цены — это неизбежно, это необходимо, а деньги-то будут работать? Товары-то появятся за эти деньги? Тогда многим казалось, что не появятся. Это теперь, когда они появились, кажется, что все получилось само собой. Но само по себе размораживание цен абсолютно не гарантировало появления товаров на прилавках. Оно гарантировало их появление только вместе с резким ужесточением денежно-финансовой политики.

А если вы начинаете с базы, когда у вас дефицит бюджета 30% валового национального продукта (как в IV квартале 1991 г.), то это должно завести вас в гиперинфляцию, в ситуацию, когда деньги не работают. И мы были вынуждены быть предельно жесткими по отношению и к расходам, и к доходам. Это не вопрос: вам это нравится или не нравится. Мне нравятся низкие налоги, мне нравится экономное государство. Мы единственная фракция, которая всегда голосовала за сокращение государственных расходов. И будем это делать. Мы понимаем, что налоги создаются не тогда, когда к тебе пришел налоговый инспектор, а в тот момент, когда ты проголосовал за государственные расходы.

Поэтому по тем временам очень было неприятное для нас решение по налогам, но мы были вынуждены так поступить. Ну вот, скажем, пенсионная система. Вы знаете, что для государства нашего уровня развития всеобщая пенсионная система непосильна. В государстве со среднеразвитым буржуазным обществом обычно не бывает всеобщей пенсионной системы. Ведь она очень дорогая, требует больших налогов, так что — ее отнять у наших людей? Нельзя...

У нас под ружьем 4 млн человек! Да, надо сокращать. И мы начали это делать еще в 1992 г. Но вы же завтра их всех не демобилизуете... Ну и т. д.

— *Шохин, когда еще был вице-премьером в правительстве Черномырдина, заявлял, что к Новому году будет изменена налоговая система. Но прошло полтора года, а реформа так и не проведена. Почему?*

— Как и во всех налоговых реформах, дело в деталях. Скажем, есть такой общий принцип налоговой политики: универсализация налоговых правил, ликвидация налоговых льгот. И без этого никакой порядочной налоговой системы не создать. За всеми этими налоговыми льготами, как правило, ничего, кроме коррупции, не идет. И все с этим согласны, до тех пор пока не доходит до каждой конкретной налоговой льготы. Мы станем обсуждать налоговые льготы для печати. Вы скажете: «Э-э, нет, эти льготы не трогайте». Затем начнем обсуждать налоговые льготы для обществ инвалидов. Нам скажут: «Да как же можно ликвидировать льготы инвалидам?!» А потом начнем обсуждать налоговые льготы для Русской православной церкви. Вы скажете: «Но церковь — это же святое!» И тогда ты выясняешь, что ничего ты сделать не можешь и никакой налоговой реформы у тебя не получается.

— *Значит, льготники — это и есть то лобби, которое выступает против налоговой реформы?*

— В общем-то да. А ведь если их собрать всех вместе и сказать: полный идиотизм придумали, давайте сделаем так, чтобы все было нормально, — правила простые, налоги разумные, тогда их можно сделать и понижее, все будут платить одинаково... Все вместе — за. Но каждый конкретно: ну почему начинать с меня?

— *Россия была чиновным государством и осталась. И когда увеличили бремя налогов, у чиновников появилось еще больше власти, возможностей для распределения, коррупции и других злоупотреблений.*

— Вы абсолютно правы. Но это уже другой вопрос — вопрос дальнейшей борьбы за реформы...

— *Но по-прежнему у политиков и в народе бытует мнение: все, что по сей день делается, — продолжение гайдаровской политики.*

— (Заразительно смеется.) На это могу так сказать: гайдаровскую политику должен был бы продолжать Гайдар. Но все-таки его поменяли на Черномырдина, который сидит там уже 4 года. Прово-

дит реформы, но разные, колеблясь. Кое-что из того, что он делает, я поддерживаю, но многое категорически не могу принять.

— *Вы руководили правительством примерно год...*

— Тринадцать месяцев...

— *Это, конечно, не срок для серьезных реформ... Что самое существенное, что Вам удалось сделать?*

— Новую Россию. До того как мы пришли в правительство, была нерыночная экономика, а когда я ушел из правительства, она была нестабильной, несовершенной, но рыночной.

— *А чего не удалось Вам сделать?*

— Добиться того, чтобы рыночная экономика была экономикой равных правил. Первый шаг можно было сделать за год, а вот на этот второй понадобилось бы по крайней мере еще года четыре.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕФОРМ ИЛИ НОВОГО ЗАСТОЯ?

— *Сейчас какое-то странное состояние в экономике и правительстве России: Черномырдин не разрушает рыночных отношений, но и не развивает их, не делает следующих шагов вперед. Это внешне ровное, спокойное, застойное состояние имеет и свои плюсы, так как ростки рыночных отношений крепнут, пускают более глубокие корни, вовлекая все больше людей, но и минусы: крепнут иные силы, особенно чиновно-номенклатурные. Такое противостояние становится опасным. Я не могу понять, в чью пользу эта застойность.*

— Я опять вынужден с Вами согласиться... У нас с Вами дискуссии не возникает... Да, сильная его сторона — он не развалил реформы. Слабая — реформы надо двигать, они бесконечны. У нас, я говорю, непомерно большая армия. Разве это сегодня стало понятно?

— *И невозможно одновременно пытаться проводить экономическую реформу и воевать.*

— Совершенно точно!.. Север. Сколько меня критиковали за то, что я тогда честно сказал: надо там поддерживать только жизнеспособные предприятия, помогать людям, которые там оказались... Так нет же, мы 3 года как-то пытались это тянуть, а потом предприятия закрываются и — бегите, куда хотите. Это что — мягкая позиция? Это следствие неготовности проводить систематические реформы.

А бюджетный процесс, в котором нет нормальной регламентации расходования бюджетных средств, нет тендерно-конкурсных

процедур и любой чиновник может по своему усмотрению взять и дать государственные деньги частной фирме. И не понимают, что это страшная питательная основа для коррупции... Нет давно подготовленного закупочного кодекса, который бы регламентировал эти вещи. Всего этого не делается.

И получается: вроде рынок есть, он укрепляется, укореняется. Но вместе с тем, когда нет элементарных несущих конструкций, получается очень искореженная структура, нестабильная, опасная.

— Почему это происходит? Отражение позиции Черномырдина? Его попытка учесть реальный расклад политических сил? Или это позиция самого Бориса Николаевича?

— Я не хотел бы говорить о персоналиях.

— Но ведь воля государя — она всегда присутствовала.

— Это правда. Тем более что последние три-четыре года колебаний туда-сюда было много. Если говорить не о личностях, то есть мощные социальные силы, которые заинтересованы, чтобы российский капитализм развивался именно так, как он развивается. Ну, колоссальная часть новых богатых возникла на основе бюджетных денег. И они хотят, чтобы эти бюджетные деньги были, чтобы их было много, чтобы их расходование не регламентировалось, чтобы собственность и власть были слиты, все решения принимались бы по их усмотрению. Естественно, часть чиновничьего аппарата заинтересована в том же самом... И мощное слияние этих интересов, конечно, и порождает эту силу, тащит страну к рынку, отнюдь не такому, какой хотелось бы иметь.

— А можно ли все-таки считать правительство Черномырдина правительством реформ?

— Очень сложный вопрос. Ну, во-первых, было много правительств Черномырдина. И в какие-то времена под руководством Черномырдина проводилась вполне последовательная реформаторская политика. Ну, скажем, в 92-м — 93-м. Отказ от льготных кредитов, которые стали страшной кормушкой для коррупции. Отказ от импортных субсидий. Ликвидация дотаций. Начало подготовки жилищной реформы. Начало поэтапного повышения платы за жилье вместе с введением жилищных субсидий. Резкое снижение темпов роста денежной массы. А потом — полностью утратили возможность для стабилизации — под аккомпанемент разговоров о монетарных методах борьбы с инфляцией и о борьбе с экономи-

ческим романтизмом. В 1995 г. правительство Черномырдина вновь взялось за ум и стало делать что-то более или менее осмысленное.

Сегодняшнее правительство — очень широкая коалиция. Конечно, там есть и реформаторы, а есть те, кто вообще на дух не принимает реформу, для которых это слово ругательное. Поэтому назвать его правительством реформ я бы сейчас не решился.

— Но можно ли его назвать коалиционным — оно, скорее, правительство уступок?

— Я бы так назвал: оно рыхло-разнородное.

— Считаете, как заверяют на самом верху, что в 1997 г. наступит улучшение в экономике?

— База для медленного экономического роста есть. Другое дело, что само по себе это никого сейчас не интересует. У нас есть такая фундаментальная проблема, как бюджетный кризис, с которым без целого ряда необходимых рыночных либеральных реформ не справиться. Даже если мы будем иметь 2,5% роста, это не значит, что мы справимся с бюджетным кризисом. Но, к сожалению, без таких реформ, как реформа отношений федерального центра и региональных бюджетов, реформа социальной поддержки, реформа системы оплаты жилья, военная реформа и т. д., проблему никак не разрешишь.

— Верите ли Вы, что объем производства в этом году начнет расти?

— Предпосылки для этого есть. Но многое будет зависеть от действий правительства.

ЗА ЧТО КОРЖАКОВ НЕ ЛЮБИТ ГАЙДАРА

— Сейчас очень много говорят о Коржакове. Вы работали с ним рядом — что можете о нем сказать?

— Почти ничего. Дело в том, что в 1992 г. у Коржакова была роль охранника и никогда не было, чтобы Коржаков обращался ко мне с политическими или экономическими вопросами. Единственный раз, я помню, разговаривал со мной о покупке «мерседесов», в чем я ему отказал.

— Для их службы?

— Нет, для правительства и т. д. Я сказал: если президенту надо — пожалуйста, один купим. Это потом началось его вхождение в политику.

— Тогда за что, как мне кажется, он Вас ненавидит?

— А за что ему меня любить?

— Ну, как — он вроде бы был одним целым с Борисом Николаевичем.

— У него действительно было убеждение, что Борис Николаевич никогда не отправит его в отставку — что бы он ни сделал. Но он ошибался. Я, естественно, советовал его убрать. И Барсукова. Но не тогда, а уже после. По меньшей мере хотя бы не разрешать вмешиваться в политику.

— Нелюбовь к Вам, к Чубайсу носит персонифицированный характер или идеологический?

— Думаю, что и то, и то. Во-первых, есть старая элита, которая очень четко чувствовала, что мы чужие. Как бы своим происхождением, фамилией...

— Скажите, а Ваша фамилия действительно накладывает отпечаток на взаимоотношения с людьми? Ведь для всех нас Ваша фамилия ассоциируется с Вашим боевым, революционным дедом, убежденным большевиком. И вдруг внук нашел наглость подвергнуть это все сомнению и повести страну в другую сторону.

— В моей новой книге об этом подробно рассказывается. Если же попросту говорить, то одно дело — разделять великие заблуждения до того, как они были проверены на практике. Совсем иное — разделять их после того, как случилось все трагическое.

— Скажите, Чубайс — Ваш человек? Вашей партии, Вашей фракции? Или...

— Да, он наш человек, он член нашей партии, он наш единомышленник. Но он сотрудник администрации президента и реализует политику, которую вырабатывает президент.

— Что-нибудь осталось от прежней команды Гайдара? Вон Глазьев — в другой политической организации...

— У нас оказалось поразительно мало потерь. Большинство остались нашими коллегами, единомышленниками.

— На мой взгляд, демократы должны исходить из того, что есть две главные противоборствующие идеологии: за реформы, частную собственность и против. И потому должны были бы объединиться. Тем более что и разница-то во взглядах микроскопическая, для простого человека и незаметная.

— Я был сторонником подобного рода решения до тех пор, пока считал угрозу коммунистов реальной. Именно поэтому накануне

выборов президента мы за это выступали. И очень рад, что в конце концов широкую коалицию удалось создать под Ельцина. Это самое главное. Сейчас — ну, если опасность снова будет реальной — опять будем создавать коалицию. Но все-таки мне кажется, что опасность на следующих президентских выборах менее серьезна, чем была сейчас, потому что электорат их не растет. И если это так, то возникает другой сакраментальный вопрос: а какой рынок мы хотим? Рынок либеральный — равных правил игры? Или рынок с коррумпированным государством? С собственностью, слитой с властью? Вороватый? Какой? И по этому вопросу неизбежно происходит политическое размежевание.

— Многие политики ведут себя с явным прицелом на президентские выборы. Кто, по Вашему мнению, наиболее реален как главный претендент на победу?

— Три с половиной года для России — это безумно большой срок. Ведь если бы на предыдущих выборах Вам сказали, что два серьезных претендента — это Зюганов и Лебедь, Вы бы рассмеялись. Я бы тоже.

— Зато исчезли из круга претендентов такие политические звезды, как Попов, Собчак...

— И Руцкой. Кто бы предположил, что Руцкой вообще не будет игроком на президентских выборах? Так что рано говорить о явных претендентах.

Нам мешает наследие прошлого

— *Егор Тимурович, сегодня Вы директор Института экономических проблем переходного периода. Расскажите о своей работе.*

— Наш институт был создан в 1992 г. и является преемником Института экономической политики Академии наук и Академии народного хозяйства, из которого вышла основная команда экономистов, возглавлявших в 1991 г. правительство реформ. Сейчас мы расширяем исследования, посвященные долгосрочным проблемам экономического роста, формированию экономической политики России на ближайшие 20 лет.

— *Это хорошо, что Вы думаете о будущем, но ведь и сегодняшняя ситуация не так однозначна, как ее пытается представить правительство...*

— А что вас конкретно волнует? Положение сложное, но катастрофы и тем более коллапса экономики, о котором оппозиция непрерывно твердит вот уже четыре года, нет. Это видно и невооруженным глазом: посмотрите, как украшается столица к 850-летию, какое идет строительство в других городах, где серьезно взялись за дело, перестроили производство с «вала» на интересы реального платежеспособного покупателя. И у них, как правило, нет проблем с зарплатой.

А если посмотреть «вооруженным» глазом, то можно перечислить ряд признаков, которые свидетельствуют о положительных тенденциях в экономике, и не меньшее число признаков, которые вызывают обоснованное недовольство и тревогу. К первым относится успешное подавление инфляции (в 1995 г. она составила 180%, а в прошлом, по-видимому, не превысила 27—30%), укрепление рубля (его курс надежно управляем, что обеспечивает некоторые преимущества отечественным экспортерам). Рубль во многих

Интервью брал Николай МАНИКИН.
Опубликовано в: Подмосковье. 1997. 5 января.

странах стал практически конвертируемым, происходит постепенный, хотя и не столь быстрый, как хотелось бы, рост иностранных инвестиций в российскую экономику. Но есть и не менее весомые отрицательные явления. Это задержки заработной платы, пенсий, социальных пособий, что серьезно сказывается на жизни миллионов людей. Главная наша беда в том, что реформы в стране — экономическая, правовая, военная и др. — не завершены. Не удалось пока создать такое гражданское общество, большинство членов которого были бы законопослушными гражданами, добросовестными и ответственными налогоплательщиками, осознающими, что их выплатами живет государство. Не удалось, что греха таить, преодолеть многовековые традиции воровства и мздоимства чиновников, а также воспитанные в социалистическую эпоху традиции иждивенчества руководителей предприятий и целых отраслей, считающих, что правительство вечно должно их «поддерживать». Все это наследие прошлого, которое мешает нам двигаться вперед, плюс нерешительность, отсутствие должной политической воли у нынешней исполнительной власти. Не говорю уже о власти законодательной, усилия которой зачастую направлены как раз в противоположную сторону.

— *Не только власть, но и народ не спешит поддерживать реформы. Их просто ненавидят из-за обнищания одних и баснословного обогащения других.*

— Это характерно для инфляционной экономики. Богатые в этих условиях имеют возможность не только сохранить свои доходы, но нередко и поживиться на раздаче пустых денег. Бедные же теряют от инфляции больше всех. Нельзя было замедлять ход реформ! В странах, где они велись жестче и последовательнее, чем в России, где не сбивались с курса, например в Чехии, Польше, Эстонии, Латвии, дифференциация доходов сегодня существенно меньше, чем у нас. Именно в социальной политике видно, сколь дорого мы заплатили за медленные, половинчатые реформы. Закон нормально работающего рынка — четкое отделение собственности и власти, жесткая финансовая ответственность, прозрачность механизмов использования государственных средств. В России же, где после 1992 г. реформы «затихли», возник феномен полуреформенной экономики. Собственность и власть слились. Положение, прибыльность, работа предприятия зависят не от умения эффективно

поставить дело, а от связей в коридорах власти. «Мягкая» финансовая ответственность открывает возможности крупномасштабного разбазаривания средств предприятий. Вот почему последовательные либеральные реформы — важнейшая предпосылка не только для экономического роста, но и социально приемлемого распределения его результатов.

— *Вы стояли у истоков приватизации, которая вроде бы шла достаточно целенаправленно, но результаты не радуют.*

— Хотя я и стоял у истоков приватизации, у меня немало претензий к тому, как она проведена. Напомню тем, кто этого категорически не хочет вспоминать. Второй вариант приватизации, по которому произошло преобразование форм собственности подавляющего большинства предприятий, весной 1992 г. был сформирован большинством Верховного Совета России по инициативе фракции Коммунистической партии России, причем вопреки позиции правительства. Мы прекрасно понимали и неоднократно говорили, что заложенная в нем линия на реформирование промышленных предприятий и колхозов резко снизит эффект от преобразования форм собственности. После принятия соответствующего решения Верховным Советом России правительство оказалось перед выбором: либо встать в позу, объяснять, как нам мешают работать, остановить процесс приватизации, либо проводить его, пусть по неэффективным навязанным правилам. Мы выбрали второй путь. И при всей критике итогов, убежден, были правы. Ведь результаты приватизации корректно сравнивать не с некой моделью, а с работой тех секторов экономики, которые не прошли через приватизационные процедуры. Наглядный пример — положение в торговле. Большая часть бывшей государственной торговли сегодня приватизирована, и качество работы, уровень обслуживания существенно возросли. Потребкооперация была выведена из приватизации, и сегодня это, пожалуй, самая неэффективная, хуже всего работающая составляющая торговли.

— *Многим кажется, что за последнее время партия ДВР превратилась в келейную организацию. Какие шаги предпринимаются к тому, чтобы она действительно была серьезной опорой в демократическом движении России?*

— До президентских выборов главной полосой разделения российской политики было отношение к коммунистическому реван-

шу. По существу, все общество оказалось расколотым на тех, кто хотел попытаться провести в России коммунистический эксперимент, и тех, кто считал, что одного такого эксперимента для России хватит. И я, и партия ДВР всегда были последовательными сторонниками единства демократов. По существу, формирование такой широкой коалиции и послужило важнейшим фактором, обеспечившим в июле победу Ельцина. Вместе с тем ситуация после июля 1996 г. серьезно изменилась. Теперь на первый план выходит иной вопрос: «А какую рыночную экономику, какую демократию мы хотим иметь?» И по этому вопросу позиции бывших союзников нередко принципиально расходятся. Мы убеждены, что нынешние российские проблемы можно решить только на основе комплекса либеральных реформ, и выступаем за объединение всех демократических партий и общественных движений, которые разделяют это мнение. В октябре прошлого года на основе программных принципов была сформирована либеральная коалиция, куда наряду с ДВР вошли Федеральная партия демократической России Галины Старовойтовой, движение «Общее дело» Ирины Хакамады, Российская партия социальной демократии Александра Яковлева, Крестьянская партия России Юрия Черниченко, «Конгресс национальных объединений России» Руденко-Десняка¹, Всероссийский союз народных домов Сергея Филатова. Мы открыты для диалога, и, надеемся, нам удастся создать мощную коалицию в противовес коммунистической.

¹ Александр Алексеевич Руденко-Десняк (1936–2006) — украинский и российский журналист, общественный деятель. — Прим. ред.

С определенного уровня экономического развития общества его демократизация неизбежна

Вводное слово Егора Тимуровича было недолгим. Большую часть времени он отвечал на записки из зала — как всегда, охотно, обстоятельно, не отвергая ни одной.

Сегодня мы приглашаем вас стать заочными участниками этой беседы.

— *Что такое особая приватизация в Москве? Ни от Чубайса, ни от Вас нет разъяснений...*

— Что такое приватизация по-лужковски, не понимаю. Идея обвальная приватизации исходила в свое время как раз от московских властей и дала самый неэффективный опыт: максимально монополизированную структуру торговли — мы видим это сегодня и по ценам. А Лужков говорит: какие тендеры? какие аукционы? отдайте нам собственность, а мы решим, как ею распорядиться... Задача Чубайса и состояла в том, чтобы сдерживать этот натиск. Ибо перераспределение собственности без конкурса, на усмотрение чиновника — это беспредел и стимул к воровству.

Мое отношение к Лужкову? Он показал себя хорошим мэром, но как только он начинает играть в президента, он становится невероятно смешным, а иногда и опасным.

— *Как Вы относитесь к В. Черномырдину?*

— Смешанное чувство: он сделал немало ошибок, возглавляя правительство. Не провел многих необходимых реформ. Вместе с тем благодаря ему не развалилось то, что мы сделали. А этого как раз и ждали от него те, кто делал на него ставку. Он учится и в целом относится к разумным людям, занимающим разумную позицию.

— *Поддерживаете ли Вы деятельность Администрации президента, возглавляемой Чубайсом?*

Интервью брал Михаил ДАНИЛОВ.

Опубликовано в: Демократический выбор. 1997. 20 февраля.

— Я поддерживаю Чубайса, прекрасно зная, какие сложные стоят перед ним задачи. О его регентстве: это чушь! Чубайса страшно боятся коммунисты, потому что он очень эффективен. В жизни ему удалось решить, по крайней мере, три основные задачи: приватизация, денежная стабилизация, выборы Ельцина. Коммунисты теперь боятся, что он наведет порядок в российской государственности.

— *Как на следующих выборах избежать дилеммы Лебедь — Зюганов?*

— Не знаю на сегодня... Лебедь — человек с большой харизмой, обладает большим политическим талантом, но абсолютно непредсказуем! От него можно ожидать как чего-то хорошего, так и абсолютно ужасного. Такие эксперименты мы уже проходили, с нас хватит... Предполагаю, что выборы будут все же через три с половиной года, а это большой срок. Много зависит и от нас — сможем ли довести до сознания людей, как опасно опираться на эмоции в таких серьезных вопросах, как выборы президента.

— *Кто такой Березовский и какая от него польза?*

— Человек, безусловно, талантливый. Между прочим, вовсе не Чубайс, как многие думают, а Черномырдин предложил Ельцину назначить Березовского заместителем Рыбкина¹. Слышал, как Черномырдин сказал кому-то по этому поводу: «Мы с тобой ничего не придумаем, так может у него хватит мозгов»...

— *Прислушиваются ли к Вашим советам Ельцин и Черномырдин?*

— Я с советами не навязываюсь. Даю их, только когда моего совета просят или когда делается что-то очень опасное. Может быть, поэтому и прислушиваются.

— *Лившиц и Ясин — кто они?*

— Ясин — один из немногих, кто стоит на пути всякого рода безумных, идиотских идей вроде срочной прокладки высокоскоростной магистрали Москва — Петербург и т. д. Минэкономики выполняет роль «красной кнопки», не пуская в жизнь явные глупости. Внешне Ясин кажется очень мягким, на самом же деле, когда надо, может быть очень жестким. Что касается Лившица. Бюджет-97 мне очень не нравится: увеличив долю пенсионеров, уменьшат финансирование образования и здравоохранения, будут переливать из одного в другое... Все зависит от того, начнут ли реформы жилищно-коммунального хозяйства, системы социальных пособий,

¹ И. П. Рыбкин был в 1996–1998 гг. секретарем Совета безопасности РФ. — Прим. ред.

военную реформу, примут ли наконец закупочный кодекс, который давно лежит в правительстве. Необходимо конкурсное распределение государственных ассигнований, а то разворовали в прошлом году через государственную продовольственную корпорацию 5 трлн руб. — и ничего, все молчат об этом.

— *Ваше отношение к тому, что собираются отнять пенсии у работающих пенсионеров?*

— Вопрос сложный, в мире никто не платит сразу и зарплаты, и пенсии. Но наши расчеты показывают, что проблем Пенсионного фонда это не решит, ведь с уменьшением числа работающих пенсионеров снизятся и отчисления в Пенсионный фонд. Жестокая и неэффективная мера, которая не имеет смысла. А что касается реформы пенсионной системы, то она, несомненно, нужна, но это одна из самых сложных реформ. И это процесс длительный. Из самых «пожарных» мер: надо перенести тяжесть финансирования отраслевых льготных пенсий на сами предприятия этой отрасли, например Газпром, РАО ЕЭС и др. Сегодня их оплачивают все россияне. Надо быстрее продвигать дело к персональному учету пенсий, когда их размер будет зависеть от того, сколько внес каждый в Пенсионный фонд. Тогда и платить туда будут с охотой. Необходимо постепенно переходить к накопительной системе, начиная с тех, кому сейчас, скажем, 25 лет: процентов по десять отчислять на свой индивидуальный накопительный счет. Это займет, конечно, десятилетия, но начинать надо сейчас.

— *Можно ли ожидать большой денежной эмиссии?*

— Не верю, что Черномырдин пойдет на это, он человек уже ученый в этом отношении. И уж если он что-нибудь усвоил, то прочно. Ведь что у нас было: на 100% обобщественная экономика, отсутствие демократических и рыночных традиций, среднего слоя и т. д. И есть ряд групп, которые могли парализовать приватизацию, — директора, профсоюзные организации... После дележа эффективный рынок сам все расставит на места. Есть теорема Коуза: неважно, как распределена собственность, важно, что она перераспределена¹. Звучит жестковато, но правильно. Но это понимает в нашей стране сравнительно ограниченный круг людей. А объяс-

нить, что без решения таких фундаментальных проблем нет будущего, — наша задача.

Прогресс есть: за либеральные реформы около 17% населения. Но эти люди дезориентированы, они не видят лидеров, способных провести такие реформы. Сегодня надо начинать долгосрочную разъяснительную работу.

— *Ваше отношение к объединению с Белоруссией?*

— Мы уже создали огромную дыру в собственном кармане: нет общей таможенной службы. Своими указами Лукашенко создает разные фирмы и фонды, а мы делаем вид, что ничего этого нет. Поэтому надо сначала выполнить договорные обязательства, а потом объединяться или же перестать об этом говорить. Народ Белоруссии и режим Лукашенко — совсем разные вещи. Закрывать на это глаза — политиканство!

— *Ваш прогноз развития событий в Чечне?*

— Думаю, по аналогии Тайвань — Китай, при более тесных связях. Не думаю, что в ближайшие годы российские власти признают независимость Чечни, а Чечня — свое вхождение в Россию, как и международное сообщество — независимость Чечни. Хочется надеяться, что афганского сценария мы там избежим. Все устали, навоевались. Было бы лучше, если бы мы сделали это еще в декабре 94-го. Все, что мы говорили тогда, все сбылось. Но это тот случай, когда (оправдавшееся) предвидение не доставляет мне никакого удовольствия.

В заключение хотелось бы вернуться к тому, с чего началась эта встреча, — к вступительному слову Е. Гайдара.

— С определенного уровня экономической развития общества его демократизация неизбежна, — сказал сорокалетний родоначальник либеральных реформ в России. — Я считаю, что рынок в России гарантирован. Никто его не демонтирует. А вот свобода в России отнюдь не гарантирована. Желание «сильной руки» велико, и угроза, что именно такие люди одержат победу в 2000 г., в высшей степени серьезна, недооценивать ее нельзя.

¹ Такова одна из трактовок известной теоремы Рональда Гарри Коуза (иногда — Коаза, Коуэйса), американского экономиста, лауреата Нобелевской премии. Теорема связывает общественные издержки, трансакционные издержки и права собственности. — *Прим. ред.*

Егор Гайдар: Предстоят непопулярные решения

За упущенные шансы придется платить втридорога

— *Минуло 8 месяцев после победы Ельцина на выборах. Сам президент большую часть этого времени в силу разных обстоятельств был исключен из активной политической жизни. Ну а правительство?..*

— Оно просто не сумело использовать тот уникальный шанс, который предоставила июльская победа. Правительство убедительно продемонстрировало другое: неспособность проводить необходимые реформы и добиться стабилизации положения в стране.

— *Вы говорите о шансе. Он упущен безвозвратно?*

— Самая опасная иллюзия оптимизма состоит в том, что дальше падать некуда. Увы, есть куда. Упущенные 8 месяцев резко усложнили положение. Вместе с тем очевидная кризисность ситуации, особенно это касается бюджета, делает проведение жестких мер жизненной необходимостью.

Социально-экономические проблемы решать все равно придется. От них не уйти. Можно попытаться на какое-то время закрыть на них глаза, предпринять какую-либо экономическую авантюру, но потом все равно придется делать то же самое, только в еще более тяжелых условиях. Кто возьмется предсказать — какое количество лишних горшков будет перебито при этом?

Подчеркну, это уже не вопрос политического выбора, это данность. Правительство неизбежно будет действовать под влиянием логики развития бюджетного кризиса.

— *Главное его следствие, а именно это больше всего волнует людей, — задержка зарплат и пенсий. Будь Вы на месте премьера, что бы Вы стали делать?*

Интервью брал Александр ВОДОЛАЗОВ.
Опубликовано в: Огонек. 1997. 10 марта.

— Если на самом общем уровне — наводить порядок в финансах. Необходимы меры, позволяющие, с одной стороны, существенно повысить эффективность расходования государственных средств, с другой — пополнить доходы бюджета.

Если говорить о тактике, о том, что определяет остроту проблемы именно сегодня, то это в значительной степени бюджетная задолженность нескольких десятков крупных предприятий. По многим из них в полной мере установлено, что деньги за реализованную продукцию они переводят на счета других фирм, т. е. просто игнорируют необходимость уплаты налогов.

Но есть, конечно, и более глубокий пласт: предельная неэффективность всего механизма контроля за расходованием бюджетных средств, масштабное завышение цен при покупках различного рода ресурсов бюджетными ведомствами, отсутствие «прозрачности» при принятии расходных решений, процедуры размещения средств в коммерческих банках, крайняя неэффективность системы социальных обязательств государства, значительная часть которых является попросту безадресной.

Все эти и многие другие проблемы, если говорить не о временном облегчении, а о стратегии, невозможно решить без серьезных реформ: налоговой, социальной, бюджетной...

Если говорить об оживлении промышленности, здесь два важнейших направления. Первое — реформа в электроэнергетике, прекращение ее субсидирования, формирование рынка электроэнергии, позволяющего снизить расходы для промышленных потребителей. Второе — освобождение предприятий от не свойственных им функций по содержанию социальной сферы.

— *Какое место в этой стратегии Вы отводите армии?*

— Самое серьезное. Именно здесь в первую очередь возможна рационализация трат. Если мы хотим, чтобы солдаты и офицеры нормально питались, процедура закупок продовольствия должна быть открытой и понятной. Поэтому необходим переход к тендерной процедуре закупок для Министерства обороны, причем не только продовольствия.

Предельно раздутой остается инфраструктура Минобороны (военные совхозы, заводы стройматериалов, ремонтные предприятия и т. д.). Она производит то же, что гражданские предприятия, но гораздо дороже и менее эффективно.

Раздута штатная численность самого МО. Фактически она остается той же, что была у Советского Союза. Не реформируется система учебных заведений Минобороны.

Короче, если не сводить армейскую реформу к сокращению бесквартирных молодых офицеров (которых на самом-то деле некомплект), резервы для ее финансирования найти можно.

— *Эффективность расходов, экономия, наведение порядка — это все понятно. Но не окажется ли так, что вся «экономия» сгинет в прорыве так до сих пор и не реформированной «оборонки»?*

— Отсутствие понятной политики военной реформы, военного заказа привело к тому, что мы держим предприятия ВПК в полуподвешенном состоянии, вместо того чтобы сказать им честно: вот на это изделие у государства есть деньги, соответственно только на него будет госзаказ, другого не ждите, думайте, как выживать в рыночных, гражданских условиях.

— *У правительства, решившегося на непопулярные меры, должен быть или мандат народного доверия, которого нет, или «жесткая рука».*

— Без всякого сомнения, должна быть политическая воля. Но самая гуманная политика — это честная политика. На мой взгляд, самое жестокое, что было сделано за последние три года, — это то, что людям не говорили правду: вот это реально ожидаемое, а вот на это не рассчитывайте, соответственно планируйте свою жизнь. Именно вот эта расплывчатая, аморфная политика в отношении и к ВПК, и к армии, и к Северу, и по многим-многим другим проблемам — как раз она и заложила мину острейших социальных проблем, которые выливаются, в частности, в массовые невыплаты пенсий и зарплат.

— *Способно ли, на Ваш взгляд, правительство стать такой «твердой рукой»?*

— Это будет видно по его составу и по его первым шагам. Базы для колебаний и для того, чтобы откладывать реформы на потом, просто не существует.

У реформаторов вновь появился шанс

— *Егор Тимурович, на формирование общества, в котором мы живем сегодня, в изрядной степени повлияли те экономические и социальные преобразования, которые Вы и Ваш Кабинет министров с благословения президента предприняли в 1992 г. Что же получилось? Где мы в результате оказались: в капитализме, все еще в социализме, в каком-то «промежуточном» укладе?*

— Это постсоциалистическое общество и рыночная экономика, но с сильными «родимыми пятнами» социализма. Эта экономика выросла из социализма и принесла оттуда колоссальное количество острейших проблем. Мы говорим: рэкет, мафия, коррупция, преступность. Да, это очень серьезно. Но связано все это с тем, что при социализме никогда не было традиций контрактного права, не было традиций сильного и независимого суда, уважительного отношения к легальной частной собственности. В цивилизованных развитых обществах эти традиции вырастают столетиями, а у нас они за 70 лет были уничтожены.

Теперь мы столкнулись с тяжелым кризисом в бюджетной сфере. Но правда и то, что в СССР была аномально высокая государственная нагрузка на экономику. Столько налогов в условиях рынка из страны невозможно выжать. Доля военных расходов была абсолютно немыслимой для рыночной экономики. Конкурентоспособным товаром у нас было только оружие или продукция, так или иначе связанная с ВПК, но не телевизоры, не детские коляски и не одежда. Идет тяжелейший процесс адаптации нашей военной, по сути, экономики к мирным рыночным условиям. А она сопротивляется, в буквальном и переносном смысле все еще хочет воевать.

Увы, мы опять идем по пути неизведанному — из социализма с 75-летним стажем еще никто в мире не выходил, особенно из ин-

Интервью брали: Юрий ЛЕПСКИЙ, Ольга СОЛОМОНОВА.
Опубликовано в: Труд. 1997. 28 марта.

дустриального социализма. Это сложнее, нежели, предположим, социализм китайский с преимущественно сельскохозяйственной экономикой. У нас были куда более сильные структурные деформации экономики, нежели в Китае.

Что теперь? Социализм развалился. Назад пути нет. Примерно понятно, что надо делать. Но нет никаких гарантий легкого решения этих проблем.

— *О гарантиях. Еще недавно большинство политиков любило порассуждать о невозможности возврата к прошлому. Но успех коммунистов на различных выборах поумерил этот оптимизм. А Вы как считаете: может быть, мы живем не после социализма, а опять перед ним?*

— Я бы ответил так: рыночная экономика в России необратима, демократия обратима. В этом смысле характерны последние президентские выборы. По сути, это была последняя серьезная угроза рыночной экономике в России. И вот прямо накануне выборов коммунисты принялись клясться в верности рынку, говорить, что они признают сложившиеся экономические реалии. Думаю, рыночное хозяйство как таковое уже стало точкой общественного согласия — понятием, которое никакая социально-политическая сила в обществе не оспаривает. И это само по себе определенная гарантия необратимости рыночных реформ. Да, возможны экономические авантюры, вспышки инфляции, но я верю, что рыночная экономика в России будет жить, что нового социалистического эксперимента у нас больше не будет. Другое дело демократия, демократический порядок. У нас нет демократических традиций. Первые росточки появились в условиях тяжелейшего постсоциалистического кризиса. Неудивительно, что в массовом общественном сознании с понятием «демократия» в России связаны, скорее, негативные представления. Поэтому демократический порядок менее прочен у нас и может быть изменен...

— *Вы говорите так, словно характер политической власти и характер экономики независимы друг от друга. Но ведь — приди коммунисты к власти — они изменят и рыночные принципы экономики?..*

— Скорее всего, вы правы, но, думаю, это будут не кардинальные перемены, а консервация того, что есть. Коммунистов весьма устраивает существующее положение вещей. Если раньше в стране была собственность, абсолютно слитая с властью, то теперь она как бы

на полпути к тому состоянию в условиях нормального рынка, где собственность и власть категорически отделены. У нас же директор госпредприятия приворовывает и делится с чиновником. Так вот это состояние полуразделенности собственности и власти и будет, скорее всего, законсервировано в случае прихода коммунистов. Они ориентированы на усиление роли государства в управлении экономикой. На деле это обернется произволом чиновников и еще более сильной коррумпированностью власти. Для коррумпированного чиновника нет ничего слаще, чем состояние переходного периода, которое длится бесконечно долго...

— *А Вам не кажется, что консервация, о которой Вы говорите, уже произошла, без всякого прихода коммунистов к власти? Не есть ли резкое торможение, а то и вовсе остановка реформ в России — негласное условие социального мира и стабильности?..*

— Да, да, конечно. Помните, как у Высоцкого: «Бег на месте общепримирующий». Раньше, при социализме, государство делало вид, что оно нам платит, а мы делали вид, что работаем. Теперь (во всяком случае до последнего времени) мы активно имитировали реформаторскую деятельность. После прихода на пост премьера Виктора Степановича Черномырдина в обществе возникло чувство некоего облегчения, потому что радикальные экономические реформы всегда очень болезненны и приостановка их хотя бы на короткое время позволяет унять социальную боль. Но оттого, что мы прекратим лечение, болезнь не остановится. Экономические проблемы не рассосутся, они будут накапливаться и рано или поздно очень больно ударят по людям. Если пять лет не реформировать армию, а точнее, имитировать армейские реформы, то она непременно будет доведена до лишения денежного довольствия и небоеготовности. Если не заниматься структурными реформами в промышленности, то рано или поздно это отзовется кризисом неплатежей, если не заниматься реформой социального обеспечения, а только бесконечно плодить всевозможные льготы, высасывая деньги из бюджета, то рано или поздно пенсии и социальные пособия будут выплачиваться с перебоями и немислимыми задержками.

— *То есть Вы хотите сказать, что наши сегодняшние социальные проблемы во многом вызваны не реформами, а их отсутствием?*

— Во всяком случае резким торможением их темпа. У меня есть знакомый генеральный директор металлургического комбина-

та. Комбинат был призван выпускать столько титановых заготовок, сколько было представлено на всем мировом рынке. Представьте, в каких бы условиях мог оказаться этот комбинат с началом реформ, если бы его директор, как большинство директоров, занялся выбиением дотаций из бюджета или сидел бы и ждал прихода коммунистов к власти? Рано или поздно ему тоже нечем было бы платить зарплату рабочим. Однако мой знакомый активно искал новые рынки, находил инвесторов для того, чтобы перестроить производство, пересматривал кадровую структуру у себя на предприятии. Ему пришлось очень тяжело, поскольку он столкнулся с абсолютно новыми проблемами. Но он нашел в себе силы учиться их преодолевать. Результат: сейчас это нормально работающее предприятие, на котором рабочие и служащие регулярно получают приличную зарплату, они производят продукцию, которая пользуется спросом, у них есть стабильные заказы, уверенность в завтрашнем дне...

— *Вы полагаете, что ситуация изменится с изменением Кабинета министров?*

— Есть серьезные основания полагать, что изменится. Во всяком случае у реформаторского крыла власти сегодня вновь появился шанс, упустить который было бы непростительно.

— *Сегодня, с исторической дистанции в 5 лет, считаете ли Вы, что процесс превращения государственной собственности в ее иные формы, вообще реформы в России могли идти иначе: без колоссального воровства, без коррупции, роста преступности, без обнищания значительной части населения? Или нам суждено было пройти именно такой путь — с огромными социальными потерями?*

— Тут, по существу, два вопроса. Первый — как хотелось бы провести реформы? Второй — как они пошли в реальной жизни? Так вот хотелось бы, конечно, провести их без всего того, о чем Вы только что упомянули, без потерь, без излишней боли, быстро. Но есть реальная жизнь, а в ней реальная политическая борьба, реально противостоящие социальные силы, с которыми надо считаться. И вот в реальной-то жизни получилось, что правительство реформ Гайдара продержалось чуть более года, а потом в реальной жизни наступил длительный паралич реформ, обостривший прежние проблемы. Легко сегодня политикам и популистам говорить о том, как надо было... Значительно труднее было реально проводить рефор-

мы в условиях тяжелейших жизненных условий постсоциалистической России.

— *И все же, Егор Тимурович: и обвальное обнищание большей части населения страны, и фактическое исчезновение сбережений у людей преклонного возраста, и катастрофические неплатежи — все это связывается в массовом общественном сознании именно с реформами, получившими название «гайдаровских». Вам это известно. Как Вы к этому относитесь? Видите ли какие-то свои ошибки? Рассказываетесь ли в чем-то?*

— Я хорошо знаю, что там, где реформы шли поступательно, последовательно, давно уже наблюдается рост производства, высокие и эффективны расходы на социальную поддержку людей. Знаю и другое: там, где реформы проводились еще более непоследовательно, чем в России, — глубокий экономический кризис, самая низкая зарплата, самые острые социальные проблемы... Поэтому не приемлю разговоров о социальной цене радикальных реформ. Если уж хотите — надо говорить о тяжелой цене их торможения и в конце концов остановки. А то, что реформы в России были остановлены, — это факт. То, что на смену им пришел период колебаний и непоследовательной политики, за которую мы сегодня расплачиваемся, тоже, считаю, очевидно.

— *Почему же в Восточной Европе этот путь был значительно более легким?*

— Потому что они прожили в условиях социализма значительно меньшее время. Зрелые люди в Польше или в Венгрии, Чехии или Эстонии еще помнили, кому принадлежал магазинчик на соседней улице, кто владел мельницей, кто был хозяином земельного участка... Из социальной памяти населения Восточной Европы еще не стерлось такое понятие, как «рыночная экономика». За 75 лет социализма в нашей стране из социальных генов нашего народа все это было стерто начисто. Человек мутировал, видоизменялся в соответствии с программными установками КПСС и в конце концов превратился в чистый продукт советской системы, свободный от воспоминаний о рыночном прошлом своей родины.

— *Как Вы представляете себе определяющие черты характера этого социального типа?*

— Этот тип человека менялся вместе с изменениями социализма. Согласитесь, социализм образца 1957 г. и образца 1985-го все-таки разные вещи. Так вот если говорить о советском человеке периода

позднего или развитого социализма, то это человек с явно выраженными патерналистскими ориентациями.

— *Как-нибудь попроще...*

— Хорошо. Человек, который относится к государству, как мальчик детсадовского возраста к собственному отцу: он его одновременно любит и боится, он лишен всяческих забот о собственном жизнеобеспечении, поскольку все эти заботы лежат на отце, он ему бесконечно доверяет, вся его жизнь целиком зависит от отца, поскольку только папа вправе наказать или похвалить его. Так вот социальный инфантилизм, неспособность самому взять на себя ответственность за собственную судьбу, тотальное доверие государству и зависимость от него — это и есть сущность советского человека. Однако с началом перестройки инфант, этот советский ребенок, начал быстро «взрослеть». Через 10 лет он уже превратился в подростка, который принялся поругивать государство-отца, относиться к нему иронически, однако все еще в рамках родственных отношений типа «сын — родитель». Взросление продолжается, и недалек уже тот день, когда абсолютное большинство россиян поймут, что государство не отец и не родственник вовсе, а наемный работник, которому мы платим налоги за то, что он управляет некоторыми нашими общими делами. И не более того.

— *Вы были экономистом, но обстоятельства сделали Вас политиком. Совместимы ли большая политика и нравственность, может ли политик всегда следовать этическим принципам, не изменять им? И если да, то при каких обстоятельствах это возможно?*

— Это возможно как минимум при наличии двух обязательных условий. Во-первых, человек, приходящий в политику, должен быть носителем и этических принципов, и неких духовных ценностей, не только декларировать их, но и реально им следовать. Иначе вообще нет предмета разговора. И во-вторых, власть со всеми ее атрибутами не должна быть для человека конечной целью и смыслом. Она должна быть лишь инструментом для переустройства жизни в соответствии с теми духовными ценностями, в которые человек верит. Если это есть — тогда политика и нравственность совместимы, если этого нет — то нет.

— *Вы встречали в реальной жизни людей, для которых это совместимо?*

— Да, и, к счастью, их не так уж мало.

— *Как бы Вы оценили с некой исторической дистанции роль Бориса Ельцина в событиях последнего десятилетия?*

— Ельцин — историческая фигура. У него были огромные заслуги перед российской демократией, он совершил и страшные ошибки не меньшего масштаба...

— *Один человек довольно образно сказал, что роль Ельцина сводилась к тому, чтобы подпереть могучим плечом дверь в комнату российских реформ и сдерживать натиск коммунистической номенклатуры, покада «Гайдар с Чубайсом» не сделают процесс роста частной собственности необратимым.*

— Он делал отнюдь не только это, но и это тоже.

— *Однако именно Ельцин отправил Вас в отставку. У Вас сохранилась обида на него?*

— Никакой обиды и не было.

— *Но если бы Вам сказали, что Вы больше никогда не попадете на российский политический Олимп...*

— То это ничуть не изменило бы моей сегодняшней жизни и моего отношения к происходящему.

— *А что должна представлять собой Ваша жизнь, чтобы Вы чувствовали себя вполне счастливым, даже не будучи премьер-министром российского правительства?*

— Во-первых, знать, что мои труды были не напрасны, что идущая по пути демократии и рынка к благосостоянию Россия — реальность, во-вторых, чтобы все мои близкие были здоровы и, в-третьих, чтобы я мог спокойно читать мои любимые книги по истории и экономике.

«Мессер» зашел в хвост

— *Егор Тимурович, судя по всему, в том или ином виде Устав Союза все же будет подписан¹. Каким образом это отразится на экономике России?*

— С экономической точки зрения самое неприятное, что в случае объединения России с Белоруссией нынешний беспорядок в финансовых и таможенных отношениях между двумя странами сохранится. У меня ощущение, что вся эта спешка с интеграцией затеяна с целью консервации такого хаоса. Мы все время наступаем на одни и те же грабли. Заключили Таможенный союз. Через какое-то время стало совершенно очевидно, что он не работает, т. е. работает, но так, что мы в России просто за голову хватаемся. Может быть, кого-нибудь удручает такое положение вещей? Может, кто-нибудь говорит: ребята, давайте сядем и спокойно обсудим, что происходит, решим простые технические проблемы? А когда решим, пойдем дальше. Нет, у объединителей логика другая. Ну не удался Таможенный союз. Что с того? Просто на том этапе не все правильно просчитали. Что мы сейчас будем думать о какой-то ерунде вроде невыполненных соглашений? Бог с ними. Мы не свернем с интеграционной дороги, ведущей в светлое будущее, и сделаем еще один широкий шаг: создадим сообщество. Сказано — сделано. Создали. Что-то изменилось? Ничего подобного. Все тот же бардак и полнейшая неразбериха. Но это никого не останавливает. Главное, не задерживаться в пути. Давайте-ка быстренько соорудим союз с Белоруссией, причем опять не обговаривая правил игры.

Но ведь существует мировая практика. Нормальные экономические взаимоотношения могут иметь разные формы и соответствен-

но регулироваться разными соглашениями. Например, тот же Таможенный союз, которого, кстати, у нас с Белоруссией по сути не было. Он подразумевает (как и любой другой экономический договор: соглашение о свободной торговле или режим наибольшего благоприятствования в торговле) наличие общепризнанных правил и положений, которые выполняются всеми участниками договора. Иначе зачем его заключать? У нас же наподписывали различных соглашений, даже не обговорив механизма их выполнения. И начался массовый ввоз подакцизных товаров на таможенную территорию одного члена Союза с дальнейшим их продвижением на территорию другого. Одна сторона вопреки интересам другой принялась раздавать таможенные льготы и отсрочки по таможенным платежам. В результате теряется контроль над экономической ситуацией, что чревато непредсказуемыми последствиями. Во-первых, атмосфера хаоса — лучшая среда для взращивания криминальных структур. Во-вторых, государственный бюджет несет колоссальные потери.

— *Существуют и контраргументы. Некоторые чиновники говорят: таможенный недобор — копейки по сравнению с той прибылью, которую получит Россия от введения в строй газопровода «Ямал — Западная Европа». А тянуть его надо через Белоруссию.*

— Все-таки не надо забывать, с каким режимом приходится иметь дело. Неужели из-за газопровода мы будем закрывать глаза на избения и высылку из страны наших журналистов, на многочисленные нарушения прав человека в Белоруссии? Да и кто сказал, что, даже если мы построим этот пресловутый газопровод, он будет нормально функционировать? Что помешает сделать газопровод инструментом политического шантажа и перекрывать его, когда вздумается? Мы не можем защитить собственных журналистов. Как мы собираемся защищать газопровод? Может быть, у нас имеется положительный опыт экономических взаимоотношений с Белоруссией? Нет.

Приведу пример: у России в данный момент весьма прохладные отношения с Прибалтийскими республиками. Но в экономической сфере они партнерские, т. е. и мы, и они подчинены общепринятым в мире правилам. Следовательно, несмотря на расхождения по целому ряду политических вопросов, можно прогнозировать, что взаимовыгодные экономические связи будут укрепляться.

Что можно прогнозировать в отношениях с режимом Лукашенко? Удивляет даже аргументация сторонников скорейшего объеди-

Интервью брал Александр ЮРЬЕВ.

Опубликовано в: Итоги. 1997. 15 апреля.

¹ Имеется в виду Устав Союза Беларуси и России (совершено в Москве 23.05.1997) — «неотъемлемая часть» Договора о Союзе Беларуси и России от 2 апреля 1997 г. — *Прим. ред.*

нения, столь милого сердцу «младшего брата». «Не будем ссориться с западным соседом, иначе он не даст нам тянуть нитку газопровода через свою территорию». Многие страны стремятся заполнить этот газопровод. Знаете, как финны хотят, чтобы мы тянули через них. И шведы хотят. Потому что это очень большие деньги. А мы как будто милостыню просим.

— *Если представить, что в Белоруссии к власти пришло демократическое руководство, могут быть какие-то положительные моменты в интеграции двух стран?*

— Вне всякого сомнения. Если бы там было нормальное, осмысленное правительство, которое бы проводило последовательную экономическую политику, направленную на вхождение страны в рынок, тогда Таможенный союз, да и другие, более глубокие формы интеграции с Белоруссией были бы понятны и оправданны. Или если бы Белоруссия захотела войти в состав России на правах автономии, я был бы только «за». Главное, чтобы при этом не ломалось наше конституционное пространство.

— *Зачем нам еще Белоруссия, если мы не знаем, что, к примеру, с Дальним Востоком делать?*

— Конечно, это некоторая дополнительная нагрузка — реформы там почти не идут, уровень жизни ниже. Но мы бы с ней справились. Не надо забывать, что в этой проблеме присутствует серьезный этнический фактор — все-таки наши народы очень близки. Представьте себе, что по какому-то дикому капризу Сталин взял и выделил Архангельскую область в отдельную республику. Что ж, мы теперь не приняли бы ее обратно: мол, ребята, простите, у нас у самих денег мало?

— *Егор Тимурович, неужели мы обречены на отсутствие стабильности во власти и непрогнозируемое поведение наших политических лидеров? Сюжетные коллизии «в верхах» развиваются, как в американских боевиках: только-только всех «плохих» победили, а они уже опять лезут из щелей. И благородному герою в последний момент, из последних сил удастся спасти страну. Россия действительно была в двух шагах от подписания первого варианта договора.*

— Это называется «мессер» зашел в хвост. Шел процесс формирования правительства. Все были действительно очень заняты. Самое удобное время, чтобы попытаться пропихнуть масштабный аван-

тюрный проект. Ну и аппараты президента и правительства, конечно, прозевали.

Однако не надо драматизировать: ну подписали бы — и что? Конечно, это затормозило бы осуществление преобразований, задуманных новым правительством, но в конечном счете жизнь взяла бы свое. Помните крылатую фразу: суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения.

Хапать деньги становится опасным!

Прошлой осенью правительство «сделало страшные глаза», и налоги пошли в казну куда живее. Но вскоре все вернулось на круги своя. Почему? С этим вопросом я обращаюсь к Егору Гайдару.

— В октябре, ноябре, декабре налоговые отчисления резко пошли вверх. Даже без учета взаимозачетов. Потом предприятия поняли, что правительство пугает, а не страшно. Никто из крупных руководителей предприятий-неплательщиков не только не сел в тюрьму, но даже со своим креслом не расстался. Ни те, на кого есть данные Контрольного управления, что деньги за продукцию они перечисляют не на счета предприятий, ни те, о ком известно, что они оставили средства за границей.

Как только стало ясно, что дальше грозных речей дело не пойдет, налоговые отчисления снова пошли вниз. И все кончилось пшиком. А я и сейчас повторю: да, есть фундаментальные налоговые проблемы, которые наскоком не решаются, но, если говорить о недоимке по 73 крупнейшим неплательщикам, это вопрос политической воли, но воли не пугать, а делать.

— Почему же не хватило этой воли?

— Правительство прежнего состава было поразительно нерешительным и никогда не могло внутренне договориться с самим собой, что оно хочет делать: наводить порядок или нет, проводить реформы или нет и т. д.

Это правительство было устроено как представительство интересов и групп интересов: ВПК, ТЭКа, АПК и других лоббистских групп. Устроенное таким образом, оно ничего не стало бы делать такого, что радикально нарушало бы интересы этих лобби. Например, нормальная система казначейств — это удар по интересам ча-

сти банковского сообщества. Поэтому она не появилась, и немалая часть бюджетных денег застревает в коммерческих банках. То же касается РАО «ЕЭС России», из-за которого у нас такие высокие цены на электроэнергию, и крупных нефтяных компаний, утаивающих свои доходы.

И у каждой из этих структур мощнейшая система поддержки. Тронь кого-нибудь — и уже завтра газеты, радио, ТВ поднимут крик, как обижают, какое отвратительное государство! Потому что на кону — миллиарды долларов.

— Чем же тогда отличается обновленное правительство от предыдущего, если дело не в людях, а в принципе формирования правительства? Получается, правы те, кто говорит лишь о смене декораций.

— Гарантии, что новое правительство все сможет сделать, нет. Жизнь покажет. Но внушает оптимизм то, что это первое после 1992 г. правительство, которое выстроено не по логике групп интересов, а по логике необходимых реформ. Есть и общее согласие, что реформы нужно наконец делать. Это первое. Второе: понимание того, что ситуация очень кризисная и серьезная, глубоко проникло в правящую элиту. Она уже осознала, что ничего не делать и хапать деньги может быть очень опасно.

— Сейчас многие ведущие экономисты предлагают напечатать деньги, чтобы выплатить долги по пенсиям и зарплатам. Более того, ходят слухи, что правительство решило идти именно этим путем и нас ждет большой рост цен.

— Я знаю денежную программу Центробанка на этот год. Она в высшей степени разумна. Денежная масса будет расти, но темпами, вполне совместимыми с курсом на денежную стабилизацию. В 1997 г. она увеличится на 25—30% (в 1996 г. — на 33,3%). А инфляция планируется 11%, хотя, возможно, будет чуть больше.

Что касается идеи напечатать денег, то рекомендую изучить хотя бы последний опыт Болгарии (а ранее Казахстана, Украины и т. д.). Здесь все прошло по стандартному сценарию, который имеет место всегда, когда прирост денежной массы выше 40% годовых: бегство от национальной валюты к доллару, цены растут быстрее, чем печатаются деньги. И реально денег становится еще меньше.

Интервью брала Татьяна КОРОСТИКОВА.

Опубликовано в: Аргументы и факты. 1997. № 15. Апрель.

Но почему тем не менее никогда не переводятся люди, которые предлагают деньги напечатать? Это происходит, как правило, в условиях политической нестабильности, когда думают не о перспективе хотя бы в 2 года, а в 2 месяца. Да, на пару месяцев бывает облегчение, а потом — стандартное развитие событий.

— *Где же взять деньги на погашение долгов? Людям обещают отдать их, предварительно отобрав у них, повысив квартплату в 3–4 раза.*

— Не должно быть иллюзий. Население уже сегодня платит в полном объеме за жилье. Если государство тратит 100 трлн руб. на жилищно-коммунальную сферу, значит, население в той или иной форме за него платит: налогами, задержками зарплаты и пенсий... И тут возникают вопросы: разумно ли мы тратим эти 100 трлн руб. и справедливо ли распределено бремя?

Денег тратится намного больше, чем нужно! Сегодняшняя система эксплуатации жилья крайне расточительна. Она способна переварить любые деньги. А как же иначе, если одна и та же организация финансирует содержание жилья, является подрядчиком содержания жилья и контролирует, как содержится жилье и расходуются средства. Так что, если повысить плату в 4 раза, она переварит и эти деньги.

Поэтому первое направление жилищно-коммунальной реформы — ее реорганизация. Вас будут обслуживать на конкурентной основе, что и издержки резко снизит, и качество работы повысит. Это уже не теория. В некоторых городах, к примеру в Новгороде, жилищно-коммунальная реформа уже состоялась.

Итак, деньги сэкономили. Осталось 50—60 трлн руб. расходов. Кто будет их платить? Сегодня бедные платят за богатых. На содержание многокомнатных квартир денег из общего котла идет, понятно, больше. Именно поэтому так тяжело провести такую реформу. Потому что очень легко проводить реформы, направленные против бедных, и очень трудно — против богатых.

Реформа предполагает, что высшие слои среднего класса и богатые будут полностью оплачивать свое жилье. Для низших слоев среднего класса и бедных квартплата поднимется незначительно. За них будет доплачивать государство. А особо нуждающиеся получают субсидии. Так мы будем дотировать бедных за счет богатых.

— *Кого можно отнести сегодня к высшим слоям среднего класса, кого — к низшим?*

— Это должно решаться на местном уровне. Жестких федеральных стандартов не будет.

— *Но жилищно-коммунальная реформа не даст деньги сразу...*

— Да, тут нужно года три. Но есть направления, где деньги можно получить сразу, буквально завтра, если, например, перейти к нормальной казначейской системе. Хотя бы верхнего уровня, хотя бы в Москве. А если и размещать часть бюджетных средств в коммерческих банках, то только через тендер, т.е. банк должен выиграть конкурс и взять на себя определенные обязательства перед государством.

Быстро пополнят бюджет средства, которые даст распределение по тендеру мощностей трубопроводов и нефтяных портов; деньги, поступающие от выплаты индийских долгов (не непонятно как, а открыто, с максимальной для государства выгодой), и т.д. Таких примеров, где эффект будет моментальный, я могу назвать до 20. И я знаю, что правительство намерено двигаться именно в этом направлении. Но каждый метр здесь придется отбивать с боем. Все будет увязать, постоянно пробуксовывать в аппаратах разного уровня. И тем не менее, я считаю, есть надежда, что удастся переломить ситуацию.

Егор Гайдар: Смогут ли эти трое работать вместе?

Было время, когда бывший научный сотрудник Егор Гайдар находился в эпицентре борьбы за власть в России. А сегодня в приемной его громадного кабинета на улице Огарева стоит благословенная тишина. Егору Тимуровичу больше не докучают ни сиюминутные дела исполнительной власти, ни парламентские склоки. Вот уже более трех лет Гайдар не занимает никаких постов в правительстве.

ЧУБАЙС ВОВСЕ НЕ БЕСЧУВСТВЕННЫЙ

— Егор Тимурович, сейчас все больше распространяется мнение, что Россия превращается в страну, которой правит кучка олигархов...

— Я совершенно согласен с этим опасением. На мой взгляд, угроза формирования в стране олигархического капитализма совершенно реальна. Связано это в первую очередь с незавершенностью и остановкой либеральных реформ. Олигархия — это всегда не единые правила игры. Олигархия — это всегда льготы, исключения, особые режимы, непрозрачные механизмы принятия решений. Коррупцированное чиновничество, сросшееся с бизнесом. Это, к сожалению, то, что мы получили в последние годы из-за приостановки либеральных реформ под флагом всех этих разговоров о «рынке без базара». Такое развитие событий шло, кстати, и в коммунистических регионах.

Если мы твердо решили, что коммунизм строить не собираемся, то Россия стоит перед выбором: или продолжение строительства олигархического капитализма, или либеральные реформы. Прозрачный механизм расходования госсредств. Конкурсная система госзакупок и отношений государства с коммерческими банками.

Интервью брал Михаил РОСТОВСКИЙ.

Опубликовано в: Московский комсомолец. 1997. 15 апреля.

Казначейская система исполнения бюджета. Всемерное ограничение права чиновников распределять ресурсы по собственному усмотрению. Все то, за что мы боролись всю жизнь. К счастью, понимание того, что иного пути нет, формируется у значительной части российской политической элиты.

— Но в обществе сейчас распространено мнение, что Ваш друг Анатолий Чубайс является соратником и проводником воли этих самых олигархов...

— Личные вопросы о Чубайсе — к Чубайсу. Я буду говорить исходя из своего понимания. В 1996 г. возникла реальная угроза коммунистического реванша. В предотвращении нового коммунистического эксперимента объективными союзниками оказались самые разные политические силы: и те, кого устраивает олигархический капитализм, и те, кому он в высшей степени не нравится. Созданием этой коалиции, частью которой была и ваша газета, активно занимался Чубайс. Сейчас эта угроза, по крайней мере пока, отошла в сторону и выяснилось, что этот союз временный.

Сегодня по нашим основным направлениям мы категорически расходимся с интересами олигархии. Почитайте, например, послание президента. Вы, наверное, понимаете, что оно вряд ли вышло бы в таком виде, если бы Чубайс был категорически против всего, что там написано. А это развернутая программа достаточно серьезных антикоррупционных и антиолигархических мер. Масса всего того, что там написано, не вызывает ну никакого энтузиазма среди бизнеса, близкого к распределению государственных ресурсов.

— Еще один стереотип общественного мнения. Чубайс — непроницаемый человек, которому все равно, что о нем пишут и думают...

— Но это, конечно, далеко не так.

— То есть он все-таки переживает?

— Знаете, это никому не доставляет удовольствия. Другое дело, что Чубайс — это человек с сильной волей и хорошо сбалансированной нервной системой, упорный в достижении поставленных целей.

— Чубайс известен как человек с сильно развитым чувством команды. Но не кажется ли Вам, что подобное отношение он переносит и на прессу? То есть «или вы за нас, или вы против нас»?

— Нет, я так не думаю. Конечно, Чубайс, как любой человек, не может быть нейтральным по отношению к тому, какую позицию зани-

мает какая часть прессы. Есть сейчас пресса, которая очень любит Юрия Михайловича Лужкова. Есть пресса, которая поддерживает других политиков. Есть пресса, которая поддерживает тесные отношения с тем или другим банком. Это просто является данностью, которую надо учитывать.

— *На Вашей недавней пресс-конференции Вы посоветовали новому правительству не повторять Вашу самую главную ошибку как премьер-министра — не завалить отношения с прессой. Вы считаете, что к Вам прислушались?*

— Первая оценка, я бы сказал, три с плюсом. Мне нравится, как Борис Немцов общается с прессой. Похоже, он человек талантливый и умеет делать это очень хорошо. Но это пока еще скорее разовый эпизод. Период формирования нового правительства оказался несколько растянутым, и говорить о начале его упорядоченной работы по каким-либо направлениям, включая общение с прессой, еще нельзя.

— *Ну а как же все-таки насчет куратора СМИ в новом кабинете, того же Анатолия Чубайса?*

— Я считаю, что Чубайс в настоящее время еще не успел и не сумел отладить нормальную систему работы правительства с прессой. Конечно, можно говорить о том, что срок был еще слишком коротким. Ведь правительство вообще только приступает к работе. Я буду советовать Чубайсу расценивать это направление как ключевое.

— *Вопрос в лоб. Лично Вы считаете Чубайса честным человеком?*

— Чубайс — это не человек, который не делает ошибок. Но он показал себя как в высшей степени честный и порядочный человек, который не идет на компромисс.

— *А сверхдоходы Чубайса?*

— Что я могу сказать по доходам? Есть действующее законодательство. Налоговую декларацию предполагается предоставлять до 1 апреля. В связи с этим кампания по поводу неуплаты налогов смешна.

Я прекрасно знаю рынок труда квалифицированного управленческого персонала в мировом масштабе. Просто рынок так устроен, что очень мало специалистов, понимающих, как работает рыночная экономика. Цена контракта Чубайса на этом рынке очень высока, у него есть репутация менеджера мирового класса. Если бы Чубайс ушел в частный бизнес, он получал бы доходы повыше, чем

те, которые он получал в 1996 г. Ну а то, что Чубайс платит со своих доходов налоги, естественно. Так поступают все порядочные люди. Непорядочные люди, на мой взгляд, устраивают истерику по поводу чужих налогов и не платят своих.

РАЯ НЕМЦОВ, КОНЕЧНО, НЕ ПОСТРОИЛ...

— *Есть еще один человек в правительстве, о котором Вы тоже можете говорить компетентно. Ведь Вы еще в начале прошлого года выдвинули его кандидатом в президенты.*

Я недавно был в Нижнем Новгороде. И там многие считают, что Немцов — мастер политической пропаганды, но отнюдь не реальных действий...

— Как Вам сказать. В отличие от многих за Немцовым стоит некая реальная система общества. Разумеется, он не построил капиталистический рай в одном отдельно взятом регионе... Но по очень многим направлениям работа, которая там велась, была успехом. Нижний Новгород, без всякого сомнения, входит в число регионов, где идет работа. В Нижнем Новгороде проводили аукционы, в Нижнем Новгороде не стоит на месте земельная реформа. Немцов не просто человек, который красиво говорит. Он человек, который умеет делать дела и объяснять, что он делает. Другое дело, что работа на федеральном уровне и на региональном — это две большие разницы.

— *Но сумеет ли Немцов вообще выжить в московских коридорах власти?*

— Я надеюсь, что да. Это очень тяжело. Но у Немцова есть хватка и политический талант. Я желаю ему успеха.

Для Черномырдина Россия дороже, чем Газпром

— *Вопрос к Вам как бывшему премьеру. В нынешнем кабинете целых три человека имеют прямой выход на президента. Способно ли вообще такое правительство к нормальной работе?*

— Подобного рода ситуация существовала и в России, и в Советском Союзе всегда. Прямой выход на царя, на генерального секретаря всегда имел не только премьер-министр, но и целый набор членов правительства: министры обороны, внутренних дел, ино-

странных дел... И само по себе это не является препятствием для организации нормальной работы. И вообще неправильно, если только премьер будет знать дорогу в кабинет президента. Другое дело, смогут ли эти три человека работать вместе, заниматься не взаимной толкотней, а принятием необходимых сложных решений. Я очень надеюсь, что смогут, но жизнь покажет.

— Но в аппарате Белого дома главенствует убеждение в том, что нынешнее правительство является даже более разобщенным, чем прежде...

— Я не могу этого исключить. Но не хочу сейчас гадать. Давайте подождем.

— А правильно ли широко распространенное сейчас мнение, что после Вашего ухода из правительства в декабре 1992 г. рыночные реформы в России вообще не проводились?

— Это не совсем точно. Некоторые преобразования продолжались. Шла приватизация. Но что я могу сказать точно: с декабря 1992 г. по март 1997 г. невозможно говорить о разработке и реализации логичной, взаимосвязанной программы рыночно ориентированных федеральных реформ.

— А как насчет еще более широко распространенного мнения о том, что все последние годы Россия постепенно превращалась в страну с колониальной экономикой и в сырьевой придаток Запада?

— Это неправильно, потому что Россия превратилась в сырьевой придаток отнюдь не в эти годы. Она превращалась в сырьевой придаток все последние годы, все последние десятилетия советской власти. Если Вы посмотрите реальную структуру сырьевого экспорта в свободно конвертируемой валюте в Советском Союзе, то увидите, что он был выше, чем сегодня в России. Так что про сырьевой придаток надо было бы вспоминать лет этак 35—40 назад. А вот то, что Россия за эти годы действительно эволюционировала в сторону олигархического капитализма, — это точно.

— Можно ли все-таки переломить эту тенденцию к скольжению вниз?

— Да, без сомнения.

— Чубайс известен как человек, который знает, что и как надо делать. Насколько это соответствует действительности в нынешней ситуации? И можно ли сказать то же самое о двух других главных членах кабинета?

— Программа, что и как надо делать, неплохо задана в Президентском послании. В связи с этим Чубайс знает, что и как делать. У Немцова, на мой взгляд, неплохие наработки и хорошее понимание того, что надо делать. Что касается Черномырдина. У него есть хорошее понимание, чего делать не надо. На своем опыте он убедился, что не надо печатать деньги, не надо разгонять инфляцию в стране. Этим никаких проблем не решишь.

— Какое самое главное препятствие, стоящее перед новым кабинетом?

— Все, что они должны сделать, задевает чьи-то интересы. А то, что они должны сделать срочно, задевает наиболее мощные и хорошо защищенные интересы.

— Борис Немцов публично пообещал «залезть в Газпром». Насколько сам Черномырдин согласен с тем, что это действительно нужно сделать?

— Мне кажется, что у Черномырдина на первом месте все же Россия, а на втором — Газпром. И это внушает некоторый оптимизм.

— В связи с тем что правительство может задеть чересчур много хорошо защищенных интересов, какие у него шансы выжить хотя бы в ближайшее время?

— Ну... Мы все заинтересованы в его успехе. В кабинете есть много квалифицированных людей, способных понять, что перед ними стоят действительно серьезные проблемы. Ну а что будет... Ну вы знаете, как перед боксерским поединком...

— Но все же термин «камикадзе» применим к нынешней ситуации?

— Нет. Перед правительством действительно сложная задача, но задача, с которой можно справиться.

Егор Гайдар по-прежнему оптимист

— *В чем причины сегодняшнего экономического кризиса?*

— Начну с положения в стране, сложившегося к середине 80-х годов.

М. Горбачев и Н. Рыжков унаследовали неустойчивую экономику с огромными структурными диспропорциями. Они этого совершенно не поняли, поэтому все, что они делали: попытки «ускорения», антиалкогольная кампания и другие аспекты проведения экономической политики, направленной на сохранение сложившихся связей и структур, — было крайне непродуктивным. Задача разумной экономической политики в сложившейся ситуации состояла не в сохранении, а в как можно более быстрой трансформации сложившихся социалистических структур. Именно поэтому те страны, которые проводили наиболее радикальные реформы, быстрее восстановили возможности экономического развития.

К концу 1991 г., когда пришла наша команда реформаторов, в России ситуация была критическая: нулевые валютные резервы, практически нулевой золотой запас, страна — банкрот, хлеба — до февраля 1992 г., совсем не работает старая система управления и нет новой. Я готов нести ответственность за то, что мы делали в 1991—19892 гг., но я готов доказать, что мы сдали страну В. С. Черномырдину в намного лучшем положении, чем приняли ее в 1991 г.

В последующие годы я видел метания в экономической политике, видел колебания, видел противоречащие друг другу действия, но последовательных либеральных реформ за эти четыре года при всем моем желании я не могу обнаружить. То, что у нас есть сегодня, напрямую связано с пробуксовкой либеральных реформ, с тем, что они были основательно свернуты, — то надолго растянулся период предельно опасной неопределенности, когда старая система

Интервью брала А. ЗАХАРЖЕНКОВА.

Опубликовано в: Новая смена (г. Смоленск). 1997. Май.

уже развалилась, а новая, либеральная, рыночная, демократическая, не сформирована. Я рад, что президент, на мой взгляд, это понял (если судить по его Посланию) и впервые с 1992 г. выступил с программой собственно либеральных демократических реформ, которые составляют суть его Послания.

Поэтому, критически оценивая нынешнее положение в стране, связываю его с тем, что реформы с 1993 г. проводились на редкость медленно и неэффективно.

— *Как Вы оцениваете нынешнюю экономическую ситуацию в стране? Ваши прогнозы на будущее?*

— Ситуация в экономике в 1997 г. во многом напоминает ту, которая была в 1996-м. Примерно такое же, как и год назад, снижение валового внутреннего продукта, промышленного производства, серьезный кризис неплатежей, долги по зарплате — словом, картина знакомая. Такое впечатление, что прежнее правительство надеялось: вот еще немного продержимся, а там все как бы само собой рассосется. Но ведь в застое можно продержаться лишь некоторое время, а дальше он становится очень опасным.

И все же положение в экономике хоть и чрезвычайно сложное, но совсем не гибельное. У нас сегодня объективно есть неплохие шансы успешно продолжить реформы и добиться существенного перевеса позитивных тенденций над негативными. Важно только не упустить эти шансы.

От того, что и как будет делать реорганизованное правительство в ближайшее время, будет зависеть направление развития событий в стране. Я бы наметил три гипотетических направления развития.

Первое — сформированное правительство ничего не будет делать, как не делало ничего предшествующее. В этом случае будет углубляться бюджетный кризис, будут падать бюджетные поступления, увеличиваться совокупные задержки с выплатами зарплат и пенсий, будет нарастать общий кризис.

И раньше или позже правительство сделает второе — оно начнет печатать деньги. Резко возрастут цены, начнется бегство от рубля в валюту, вновь станет ясно, что с этим надо что-то делать.

Третье — правительство начнет делать то, о чем сказано в Послании Президента РФ. Тогда есть вероятность в течение нескольких месяцев добиться перелома в лучшую сторону — будет сокращаться задолженность по зарплатам и пенсиям, наметится рост эконо-

мики. Это возможно только при последовательной, систематической работе.

— *Повлияют ли перестановки в правительственных структурах на экономическое положение в стране? Возможны ли позитивные сдвиги?*

— Есть надежда, что правительство в его нынешнем составе сможет осмысленно работать, хотя это будет непросто. В принципе проблемы, стоящие перед российской экономикой, разрешимы. Я по-прежнему оптимист — если правительство сможет избежать хотя бы некоторых ошибок из всех возможных, то уже в этом году можно создать базу экономического роста. Я пожелал бы правительству времени для осуществления положительных изменений в экономике.

— *Как Вы относитесь к назначению Б. Немцова новым вице-премьером?*

— Хорошо отношусь. На президентских выборах прошлого года мы вели переговоры с Б. Немцовым о его выдвижении кандидатом в президенты от демократического блока. А это означает, что мы относимся к нему как к серьезному и перспективному для России политику.

— *Сможет ли Немцов, по Вашему мнению, реально содействовать изменению нездоровой социальной политики в обществе?*

— Если Немцов справится с порученным ему направлением, то это будет серьезным аргументом в пользу позитивных сдвигов в экономике. Например, ограничение естественных монополий и нормальное формирование энергетического рынка могут способствовать снижению тарифов минимум вдвое и дать толчок подъему производства. Убежден, что есть шансы решить эти проблемы.

Добавлю, что я категорический противник политики протекционизма, но приоритет национальных производителей при размещении государственных заказов, бюджетных средств — это общепринятая практика.

— *На Ваш взгляд, почему левая оппозиция побаивается, а правая недолюбливает А. Чубайса? В чем кроются причины такой нелюбви?*

— Ответ очевиден, потому что Чубайс — неординарная личность, умный, волевой, очень организованный человек и сильный организатор. Он умеет ставить задачи и обеспечивать их выполнение.

За последние годы ему пришлось решать, пожалуй, четыре сложные задачи.

Первая — провести приватизацию, причем все были убеждены, что приватизацию в принципе провести нельзя. Не хорошо или плохо, а в принципе провести нельзя. Он ее провел. Можно спорить, как провел, хотя хорошо проведенной приватизации в постсоветских странах не было. Всюду было недовольное большинство населения (я, например, считаю, что приватизация успешно проведена в Чехии, но убедить чехов в этом очень непросто). И не будет преувеличением сказать, что приватизация в России была проведена относительно успешнее, чем в большинстве бывших республик СССР, ставших самостоятельными государствами.

В 1995 г. Чубайсу пришлось тормозить инфляцию после «черного вторника» и наступившего финансового хаоса. В главном финансовая стабилизация в России была достигнута. Это вторая задача.

Третья задача — в 1996 г. он возглавил избирательный штаб Б. Н. Ельцина. Думаю, что все согласятся, что кампания была проведена успешно — 3 июля 1996 г. Ельцин убедительно побеждает на президентских выборах.

Четвертая задача — Чубайс во время болезни президента возглавил Администрацию Президента РФ и, считаю, свою задачу выполнил и здесь.

— *Можно ли ожидать новых неожиданностей и сюрпризов от самого Егора Тимуровича, положившего начало экономическим реформам и «отпустившего цены» несколько лет назад?*

Назовите, пожалуйста, конкретные примеры осуществляемой Вами экономической политики сегодня.

— Скажу, что вопрос о моем возможном вхождении в состав нового правительства обсуждался. Я считаю, что скорее смогу быть полезным новому правительству как консультант, как разработчик программ. Возглавляемый мной Институт экономических проблем переходного периода — одно из самых известных в стране и продуктивных научных учреждений, которое ведет конкретную содержательную работу (если говорить о последнем Послании президента, то оно во многом основано на разработках нашего института).

Наши разногласия — это наши достижения

— *Егор Тимурович, Вы явно или неявно, но поддерживаете действия нынешнего правительства...*

— Да. Мне нравится то, что сейчас делает правительство, считаю, что я в существенной степени могу им помочь в выработке стратегических направлений и ключевых решений.

— *Означает ли это, что оно в своих решениях придерживается Ваших проектов преобразования экономики?*

— Из социализма ведет одна тропиночка — извилистая, очень узенькая, скользкая. И ведет она к рынку. Все остальные пути, какими бы широкими и удобными они ни казались, ведут в тупик. Осознать это непросто, потому столько вихляний, столько демагогии было за последние годы. Правительство в своем нынешнем составе в целом делает то, что надо делать, то, за что мы всегда выступали и выступаем. Оно ошибается, что-то делает медленно, неповоротливо, но если оценивать его деятельность за последние 100 дней, то я впервые за долгое время вижу в правительстве группу людей, у которых есть понимание, что надо делать, а что делать нельзя. Правительство не мечется, действует спокойно. Время расставляет все на свои места, и острота кризиса конца 1996 — начала 1997 г. не прошла бесследно ни для президента, ни для премьера.

Мы никогда не давали советов правительству, когда оно их не просило. Это одно из самых бессмысленных занятий — приставать с советами к людям, которые уверены, что все делают правильно. Сейчас правительство слушает наши советы, и мы работаем с ним в деловом режиме.

— *А что стоит за разговорами последнего времени, что время Черномырдина кончилось, что команда молодых задвигает его в сторону?*

Интервью брал Николай АНДРЕЕВ.

Опубликовано в: Общая газета. 1997. 19–25 июня.

— Во-первых, надо понять, что разговоры подобного рода идут и будут идти всегда независимо от того, что происходит. Пока что правительство работает гораздо более координированно и командно, чем я предполагал.

Я думаю, что у этой команды есть время до октября. Есть признаки стабилизации. Поступление налогов улучшается. Сейчас самая серьезная проблема — невыплата зарплат и пенсий. Постепенно ее острота будет спадать, но появятся две другие проблемы. Первая — низкий уровень зарплаты. Сегодня этим не так озабочены, а когда станут платить, это сразу станет важным. И вторая — проблема безработицы. У нас традиционно по вполне понятным причинам люди предпочитают числиться на заводе, получая символическую заработную плату, чем числиться открыто безработным.

— *Давайте вернемся к временам, когда Вы возглавляли правительство. Повторись все, Вы действовали бы так же?*

— Я сделал бы то же самое, но, наверное, более решительно, потому что тогда массу вещей можно было бы предположить исходя из общих теоретических представлений и практики предшественников, но доказать в реальной жизни верность этих предположений — для этого нужен был опыт. Никто не проводил реформы такого масштаба в такой гигантской стране, как Россия. Развал старой системы сопровождался мощнейшим взрывом — социальным, правовым, культурным, идеологическим, каким хотите, с которым непонятно было, как разбираться. Я могу сказать, что в 1991 г. испытывал ощущение, будто мы пережили сильнейшее землетрясение, когда все разрушено, ничего не работает и надо думать, как из этого что-то на живую нитку связать.

Нельзя было себе позволить метаться, показывать слабость, идти на поводу у событий. Надо было вырабатывать программу и действовать. Опыт показал, и я это готов доказывать кому угодно: наше видение закономерностей оказалось точным, так же как и видение тех объективных проблем, которые стоят на пути нынешнего правительства.

— *Цена реформ могла быть меньше?*

— Конечно! Но при одном условии: если бы мы жили в идеальном мире, т. е. начиная с 1991 г. все действуют правильно, парламент непопулистский, Центральный банк все время разумный, президент — ангел, координация всех ветвей власти замечательная. А что мы

имели? 1992–1993 гг. — это ситуация двоевластия, конституционная неопределенность, полная рассогласованность действий правительства и Центрального банка, борьба властей, отсутствие нормальной государственной власти... Говорить в этих условиях про осмысленную экономическую политику — это было за гранью реального. А вот в 1993-м создались все предпосылки для того, чтобы последующий период не был таким мучительным и растянутым. Тогда начали проступать контуры стабилизации — снижение инфляции, пополнение валютных резервов, за которыми уже было недалеко снижение процентной ставки и начало роста производства... Вместо стабилизации мы получили денежную накачку экономики, «черный вторник», новый скачок инфляции. Не случись этого, я считаю, мы уже в 1994-м вполне могли быть по ряду параметров близки к тому, что имеем в 1997-м, но с рядом существенных позитивных структурных отличий — меньшая глубина спада, меньше падение реальных доходов, меньше социальная усталость и т. д.

— Скажите, реальна ли ситуация, при которой «Демвыбор России» и «Яблоко» будут выступать за одно и то же? Что вообще стоит за расколом демократов? Разногласия принципиальные или все-таки преодолимые?

— Вопрос взаимоотношений с «Яблоком» для меня определяет суть политических проблем, которые возникают на каждом этапе развития демократии в России. Честно скажу, с 1991 г., когда развалился социализм, до 1996-го, когда Ельцин выиграл выборы и стало ясно, что, скорее всего, коммунисты теперь президентские выборы не выиграют, нас мало что принципиально отличало от Явлинского. В этот период я считал, что все наши частные тактические разногласия не стоят выеденного яйца по сравнению с одной фундаментальной задачей — не допустить второго пришествия коммунистического режима, потому что для того, чтобы противостоять его возрождению, нужна широкая демократическая коалиция. Но «Яблоку» и Явлинскому такая коалиция была не нужна. Почему? Мы взяли на себя ответственность в 1991 г. за вещи заведомо тяжелые, крайне непопулярные, а они отказались от ответственности. С точки зрения политической конъюнктуры, расчета это вполне разумная позиция. Эта прагматическая позиция морально уязвима, но это моя точка зрения. Тем не менее до 1996 г. мы всегда были сторонниками блока демократических сил. Сейчас ситуа-

ция другая. Своеобразно воплотилась идея единства демократов — не в виде союза «Демократического выбора «России» с «Яблоком», а в союзе правительства, где работает Чубайс, один из создателей и лидеров ДВР, Черномырдина — лидера НДР и Немцова, которого традиционно поддерживало «Яблоко».

Сейчас угроза коммунистического реванша отошла на второй план. На первый вышел вопрос: а что, собственно, мы строим? Тут выясняется, что у нас с «Яблоком» серьезные разногласия по принципиальным вопросам. Если Вы почитаете программу «Яблока», то легко обнаружите, что это нормальная левая социал-демократическая партия европейского толка, которая придерживается принципа «Возьмем много денег и поделим». А мы твердо знаем, что несколько лет нам нечего будет делить. Нам надо создавать базу для экономического роста, плоды которого потом можно будет хорошо делить. Из этого мы исходим в своих экономических воззрениях, потому для нас главное — это снижение налогового бремени, обеспечение равномерности в его распределении, всемерное снижение всех нерациональных, неэффективных государственных расходов, рационализация социальных программ и в конечном счете подъем промышленного производства. Конечно, у социал-демократов с либералами всегда есть почва для взаимодействия, для диалога, но есть и серьезные программные разногласия. И они сегодня, на мой взгляд, гораздо серьезнее, чем были год назад.

— Но ведь могут вмешаться и коммунисты, продиктовать свои условия России, как ей жить и развиваться...

— Что коммунисты остаются очень серьезной силой, это бесспорно. Во многих регионах они устанавливают свой режим. Это станет проблемой, с которой мы еще будем разбираться годы и годы. Я и до июля 1996 г. считал, что это серьезная угроза: обратная волна, которая на время перехлестнет и демократические институты, и рынок. Такое всегда возможно, особенно при крайне неэффективных действиях властей. Коммунисты останутся крупной парламентской партией, но, думаю, повернуть Россию вспять им уже не под силу.

— Есть твердое мнение, что проблема криминализации общества началась все-таки с Ваших реформ, когда миллионерами становились одним росчерком пера...

— Процесс массового обогащения начался не с наших реформ, если реформами называть то, что мы начали делать в конце 1991 — начале 1992 г. К этому времени он был в полном объеме запущен, расцвел и укрепился. Состояния делали на нефти и прочих ресурсах. Это было легко. Союз и Россия противостояли друг другу. Система бесконтрольности существовала и при коммунистическом режиме, но бурный ее расцвет был связан с резким распадом предшествующей системы управления, это началось еще при Рыжкове, при Павлове. Старая система уже не работала, новой еще и в зачатке нет, механизмов рыночного контроля нет, старые механизмы контроля умерли, и делай что хочешь.

Первое, с чем я столкнулся, когда стал во главе правительства, — это длинная очередь ходяков с просьбой выдать квоту на вывоз нефти. А что такое была квота на вывоз нефти в 1991 г.? Это значит: тонна нефти на внутреннем рынке стоит 120 руб., тонна нефти на мировом рынке — около 110 долл., а курс обменный — 170 руб. за 1 долл. Вот и считайте: я Вам подписал разрешение на вывоз нефти, стало быть, Вы мгновенно превращаете 1 руб. в 170 руб. ... А какие ходяки побывали в моем кабинете! Обычно приходил очень достойный человек, уважаемый, знаменитый и просил-то квоту на благое дело — сирым и убогим облегчить жизнь, инвалидам помочь, культуру поддержать, не дать упасть науке и т. д. Но он не понимал, что его используют как марионетку. Первое, что сделали, войдя в правительство, — отменили квоты коммерческим структурам, стали предоставлять их только производителям по понятному правилу — пропорционально добыче. И я за свою жизнь ни одной квоты на вывоз нефти коммерческой структуре не дал.

Либеральная программа, которую сейчас правительство начинает реализовывать, по моему убеждению, основана на знании такой дисциплины, как экономика коррупции. В первую очередь это прозрачные процедуры распределения денег. Если у нас бюджет исполняется через казначейство, если закупки товаров, продуктов, оборудования — да всего! — идут через тендеры, если инфляция низкая и не позволяет качать деньги из воздуха, если правила поведения на рынке обязательны для всех и всех уравнивают, вот тогда воровать будет очень трудно.

А на самом деле все разговоры о медленном, постепенном переходе к рынку, о государственном присмотре за ним не что иное,

как стремление предоставить чиновникам возможность определять, кому дать льготные кредиты, кого определить в уполномоченные банки, кому дать госзаказ и т. д., т. е. создается питательная среда коррупции. Есть слишком мощные силы, которые заинтересованы в таком направлении эволюции государства. Но сейчас, как мне кажется, есть шанс на успешную контригру, расширение базы поддержки либеральной политики. Теперь и многим из тех, кто был главными борцами за постепенный переход к рынку, стало понятно, что мы подошли к опасной черте. Срабатывает механизм самосохранения. Даже некоторые из тех, кто успел наворовать, нажиться, начинают думать: ладно, хорошо, нажиться-то нажились, а не отберут ли все это у нас? Может, немножко ограничим свои аппетиты? Давайте подумаем о том, чтобы ввести какие-то правила игры. Подумаем о стабильности происходящего...

Общество не обязано быть благодарным

— В последнее время Вы довольно часто говорите о том, что правительство Черномырдина пытается проводить в жизнь реформы, предусмотренные программой Вашей партии. Не так давно Черномырдин выступил с довольно резкими высказываниями по этому поводу. Ваши комментарии...

— Никаких комментариев по этому поводу. Я, слава богу, хорошо знаю программу ДВР, я читал президентское Послание, я знаю, на грани чего оно было произнесено, я читал бюджетное послание, я знаю основные законодательные акты правительства, я знаю, кто их писал, поэтому мне не надо объяснять, какую политику проводит правительство. Я это просто знаю.

— Однако Виктор Черномырдин попытался отмежеваться от проводившихся Вами — в свое время — реформ.

— Дело в том, что Виктору Степановичу очень трудно отмежеваться от реформ, проводимых сегодня его собственным правительством.

— Хорошо. Господин Потанин в одном из своих публичных выступлений в ответ на призыв инвестировать деньги в отечественную промышленность среагировал весьма эмоционально: «Да где она, эта промышленность? Покажите ее мне!»

— На самом деле положение в промышленности самое разное. Есть промышленность, которая работает вполне нормально и быстро наращивает объем производства, — могу назвать немало подобных предприятий, от больших до маленьких. Есть промышленность, которая финансово крайне неблагополучна. Другое дело, что призывать банки вкладывать деньги в промышленность имеет смысл только в том случае, если ты точно знаешь, что эта промыш-

ленность собирает деньги отдавать. Иначе это значит просто разбазаривать деньги вкладчиков.

Могу сказать предельно просто — сегодня найти деньги для российского предприятия, у которого трехлетний аудит по международным стандартам, у которого международная отчетность, прозрачная бухгалтерия, прозрачные отношения с обществом, не составляет никакого труда. Существует длинная очередь инвесторов, которые хотят вкладывать деньги в подобного рода предприятия. Число таких предприятий в России растет. Сегодня главное препятствие для инвестиций в российскую промышленность не недостаток инвестиционных ресурсов, а недостаточная прозрачность в работе самих предприятий.

— Существует расхожее мнение, что банкиры — «жадные и ограниченные люди». Каковы, с Вашей точки зрения, российские банкиры?

— Они, естественно, разные. Обычно банкиры достаточно чувствительны к деньгам, иначе они пошли бы работать руководителями благотворительных фондов или же занялись чем-нибудь другим.

Я в свое время пытался сказать одному из своих преемников на посту министра финансов, что не бывает популярных министров финансов: либо ты министр финансов, либо ты популярен. И если ты пытаешься быть популярным министром финансов — ты нанесешь огромный вред собственной стране. Так вот расточительные банкиры (на мой взгляд) — страшная угроза для вкладчиков банков. Я бы не стал вкладывать деньги в банк расточительного банкира.

— По образованию Вы экономист, по призванию, видимо, все-таки политик. Но в собственном понимании Вы кто?

— Я экономист и по образованию, и по призванию. Политиком я, на мой взгляд, оказался в силу случайного стечения обстоятельств, в силу кризисности развития страны в конце 80-х — начале 90-х гг., когда и произошло привлечение в политику совершенно неожиданных людей. Потом, конечно, оказалось, что в политику гораздо легче войти, чем из нее выйти. Но я всегда в первую очередь считал себя не политиком, а экономистом. И, скажем, я могу себе представить, как я для удовольствия сажусь писать экономическую статью, но только с очень большим трудом могу представить, как я для удовольствия занимаюсь политикой.

— Но все-таки Вы политикой занимаетесь. Что Вас вынуждает к тому?

— Занимаюсь политикой потому, что в свое время я в нашей стране начал довольно серьезные реформы и вынужден был их начать в тяжелых, кризисных условиях, поэтому все, что происходит дальше, независимо от того, в правительстве я или нет, так или иначе связывается с этими реформами. Поэтому, если уж я все равно в значительной степени отвечаю за все происходящее, хотелось бы, чтобы вреда и глупостей было меньше.

— *Вы сказали, что были вынуждены начать реформы в самое неудачное время. Действительно, до сих пор чуть что — Вам вспоминают, что Вы разорили пенсионеров и ограбили вкладчиков банков. Как Вы относитесь к разговорам о Вашей непопулярности в народе и насколько эта непопулярность действительно существует?*

— На самом деле отношение ко мне очень разное, я это прекрасно знаю. В обществе есть люди, которые искренне убеждены, что я их разорил, и в обществе есть немало людей, которые довольно высоко ценят то, что мы сделали для страны, и я горд тем, что таких людей много среди тех, кого я уважаю и всегда уважал. Я знал, на что мы идем. Перед нами был опыт наших предшественников, я имею в виду опыт не только российских реформаторов, но и реформаторов Восточной Европы. Взявшись за тяжелейшую работу осенью 1991 г., когда старая система уже вполне развалилась, а новой еще совсем не было, мы должны были быть полными идиотами для того, чтобы рассчитывать на благодарные аплодисменты общества, которому предстоял очень трудный переход. Именно поэтому желающих взяться за эту работу было мало. Мы взялись за это, твердо зная, как это скажется на отношении к нам.

— *Вы хотите сказать, что повели себя как камикадзе в области экономики?*

— Ну почему как камикадзе?.. Они обычно одновременно с совершением своего последнего подвига погибают — мы не были столь романтичны. Мы не знали, как все это закончится, но то, что нашу работу, даже если она будет очень успешной, никто не встретит радостными аплодисментами, для нас было абсолютно ясно.

— *Сейчас Анатолий Чубайс фактически пытается возобновить те реформы, которые были приостановлены после Вашего ухода из правительства. Как сложатся в дальнейшем Ваши с Чубайсом рабочие и политические отношения?*

— Рабочие отношения складываются нормально, мы как работали вместе, так и работаем. Анатолий Борисович — член нашей партии ДВР, в правительстве он проводит курс, который всегда выработывала и защищала ДВР, он неоднократно публично говорил об этом.

— *А когда Вы познакомились с Чубайсом?*

— В начале 80-х гг. Тогда в Ленинграде была группа молодых рыночно ориентированных экономистов, были такие же кружки в Москве. Как-то Анатолий Борисович вошел в нашу лабораторию и сказал, что приехал со мной познакомиться, так как прочитал мою последнюю статью в «Вопросах экономики». Мы поговорили. Потом я был в Питере, выступал у них на семинаре, наладили рабочие отношения. Потом был довольно знаменитый семинар 1986 г. на Змеиной Горке, где вчерне и были разработаны контуры тех рыночных преобразований, которые (как нам казалось) придется реализовывать в России.

— *Но о чем Вы мечтали тогда, в начале 90-х?*

— О том, чтобы работать и изучать экономику. Я был твердо уверен, что всю жизнь буду профессиональным экономистом, профессором и т. д. Я очень рано защитил докторскую диссертацию, был самым молодым в то время доктором экономических наук в стране. Я мечтал, чтобы изменения, которые (как нам было очевидно) необходимы в российской экономической жизни, начались упорядоченно до того, как экономика начнет неконтролируемо разваливаться. Еще не ясны были сроки развала, но то, что экономика находится в глубоком кризисе, было совершенно очевидно. Неожиданностью оказались масштабы того развала, который обозначился к этому времени. Политика правительства Рыжкова, которая одновременно нанесла удар по всем стержням старой экономической системы... В то же время правительство не имело ни малейшего представления: ни «а» — об этом, ни «б» — что из этого произойдет, ни «в» — что с этим делать. Такая политика очень здорово ускорила этот процесс развала.

— *Считается, что одна из основных ошибок правительства 1991 г. заключалась в том, что Вы мало и плохо объясняли людям, во имя чего Вы подвергаете их таким лишениям и испытаниям. Как Вы считаете, правительство Черномырдина, в состав которого теперь вошел и Анатолий Чубайс, усвоило эти уроки?*

— Я критиковал своих друзей в правительстве за то, что они повторяют наши ошибки, т. е. недостаточно объясняют, что и зачем они делают. Мне кажется, что они учитывают критику и по крайней мере пытаются делать это лучше, чем мы, насколько это будет у них получаться — посмотрим.

— *Что такое сегодня борьба с «коммунизмом»? Действительно ли коммунизм сегодня представляет такую большую опасность для общества или же это политический ход, дающий возможность заработать очки?*

— После 1991 г. я был искренне убежден, что угроза коммунистического реванша в нашей стране очень серьезная и реальная. Почему серьезная? Потому что катастрофический характер развала старой системы сделал переходный процесс неизбежно тяжелым, таким, в котором одни группы людей неизбежно проигрывают, а другие выигрывают. И обычно те, кто выигрывает, искренне убеждены, что они выигрывают, потому что они такие умные, удачливые и трудолюбивые. А те, кто проигрывает, глубоко убеждены, что это происходит не потому, что они сами что-то делают не так, а потому, что в стране плохое правительство и неправильная политика. Такая несимметричная реакция на изменения и рождает ту обратную волну, которая довольно часто в странах с переходной экономикой приводит к власти постсоциалистические партии. Именно поэтому я считал возможность победы «посткоммунистов» на выборах абсолютно реальной угрозой, причем тогда, когда это воспринималось как непонятная байка. Вот Гайдар придумал и теперь всех пугает коммунистами...

В отличие от Восточной Европы наша посткоммунистическая партия не являлась в собственном смысле этого слова посткоммунистической. Она не восприняла как данность институты гражданского общества, рынок, демократию, частную собственность. А это означало, что их победа может стать огромной перегрузкой для еще очень нестабильных российских отношений. У нас тогда только-только начала устаиваться новая реальность, это был безумно тяжелый переход для общества, и в тот момент попытаться все еще раз сломать и броситься назад — это было действительно страшно. Поэтому между 1991 и 1996 гг. я был убежден (и сейчас убежден, что это было правильно): главная задача — не допустить коммунистического реванша.

Сейчас мне кажется, что эта угроза начинает отходить в прошлое; со мной согласны не все мои коллеги и единомышленники, многие говорят: «Вы смотрите из Москвы, Вы не понимаете, насколько серьезна эта угроза в регионах, Вы не знаете, как — когда коммунисты приходят к власти — они начинают восстанавливать парткомы, райкомы, ставят своих на ключевые места...» Да, все это есть. Но все-таки я убежден, что сегодня угроза полномасштабного коммунистического реванша отошла в прошлое. Да, они будут серьезной политической силой, да, они будут во многом вредить, они будут сильно представлены в Думе и в регионах, но такой эксперимент, в рамках которого все мы вновь оказались бы у пустых прилавков, при неработающем рубле и с перераспределенной (или отмененной) частной собственностью, мне представляется маловероятным. Сегодня на повестку дня выходит другой ключевой вопрос — какой капитализм у нас получится? Либеральный, свободный, равных правил игры или олигархический?

— *И к какому варианту Вы склоняетесь?*

— Я могу сказать, что мы боролись и будем бороться за то, чтобы это был либеральный, свободный капитализм, но, конечно, угроза эволюции нашего капитализма в сторону олигархического абсолютно очевидна. Посмотрите, как коммунисты «возопили» в защиту естественных монополий, как только мы стали говорить о том, что они должны быть прозрачными, а их финансовые отношения — понятными. А причина этому одна — сегодня компартия объективно становится последовательно олигархической, на ее знаменах начертано недоверие к частной собственности и желание ее ограничить, а это означает переплетение собственности и власти и расширение для чиновника возможности принимать решение по усмотрению.

Что говорили коммунисты перед президентскими выборами, когда они ездили по регионам и успокаивали предпринимателей? Они говорили — мы не будем ликвидировать всю частную собственность, мы будем поддерживать «правильную» частную собственность, соответственно мы отберем «мерседес» у «неправильного» частного собственника и отдадим своему, «правильному»... Но это, извините, и называется олигархическим капитализмом, при котором собственность и власть неразделимо слиты.

— *Но идеология — это не только система идей и взглядов, но и некоторое их материальное воплощение, фетиши, которому поклоня-*

ются, я имею в виду тело Владимира Ульянова. Недавно президент даже предложил провести референдум по вопросу захоронения тела вождя мирового пролетариата. Как Вы считаете, может ли это, учитывая сегодняшнюю обстановку, привести к ненужному обострению противоречий в обществе?

— На мой взгляд, может, но для меня, честно вам скажу, этот вопрос не приоритетный. Для меня гораздо важнее, не где будет лежать его тело, а чтобы мы подвели прочную и надежную черту под тем набором идей, на основе которых он так радикально перевернул ход российской истории в XX в. Гораздо важнее похоронить его идеологию, нежели тело.

— Но на похороны, как известно, нужны деньги. Какую роль в российском обществе играют деньги сегодня и какую роль, с Вашей точки зрения, они должны были бы играть?

— Сегодня в России деньги играют уже более или менее нормальную роль, они стали основным рыночным инструментом, их перестало быть очень много, разговоры типа «у нас деньги есть» или «денег-то у нас хватает» ушли в прошлое. Денег не хватает и не должно хватать в экономике. Наконец, наш рубль перестал быть предметом издевательства, в последнее время я не слышал, чтобы его называли «деревянным». Конечно, хотелось бы, чтобы денег было больше, но для этого надо проводить очень жесткую и осторожную денежно-кредитную политику.

Есть такой забавный экономический парадокс: когда Вы начинаете печатать много денег, в экономике денег становится меньше. Понять это не так легко, особенно политикам. А все очень просто: когда Вы узнаете, что Центральный банк начал печатать деньги и, следовательно, курс рубля к доллару скоро упадет, то Вы немедленно переводите свои рублевые вклады (или сбережения) в доллары. И так думаете не только Вы, но и президент крупнейшего банка, директор крупного предприятия и т. д. В результате резко падает спрос на национальные деньги и возникает рост цен, далеко опережающий рост денежной массы. Вот и получается, что вроде денег напечатали больше, а реально их стало меньше. И чем больше Вы их печатаете, тем меньше их становится. Обычно политики усваивают эту истину только после очередной финансовой катастрофы. Виктор Степанович усвоил это для себя после «черного вторника».

Так вот сегодня в денежной сфере у нас ничего страшного не происходит, идет нормальный процесс ремонетизации экономики, и у нас постепенно растет спрос на деньги, растут валютные резервы, денежная масса растет в меру роста этих резервов, и здесь никаких революций просто не надо.

— Считаете ли Вы, что те реформы, которые намечены в нашей стране и которые должны были бы вывести ее из кризисного состояния, можно провести, используя исключительно финансовые рычаги и не прибегая к помощи государственного перераспределения?

— На самом деле в любом сложном индустриальном обществе государство выполняет целый набор функций и многие из них являются абсолютно заданными в условиях рыночной экономики: Вы никуда не уйдете от необходимости иметь нормальную систему обеспечения выполнения контрактов, систему судопроизводства, систему регулирования по ряду направлений, где оно абсолютно необходимо и где рынок не работает, скажем, в естественных монополиях.

Другое дело, что в условиях рынка сами по себе финансовые потоки являются важнейшим инструментом государственного регулирования. А государственное регулирование, как правило, связано с тем, что государство у кого-то отбирает деньги, а кому-то отдает. Но если у Вас плохо работают финансовые рычаги, то практически очень трудно (особенно в условиях рынка) заменить их какими-то другими. Скажем, если у Вас не работает рубль, а Вы говорите нефтяным компаниям: «Отправляй нефть туда, куда мне нужно», — они отправят, но результатом будут неплатежи соответственно в конце их цепочки — невыплата заработных плат, невыполнение обязательств перед бюджетом и т. д.

И везде, где в условиях рынка государство влезает в него грубыми «кувалдами» нефинансовых инструментов, не укладывающихся в логику рыночной экономики, мы получаем серьезные проблемы.

— Давайте несколько отвлечемся от экономических проблем. Александр Солженицын, нобелевский лауреат, человек, широко известный всему просвещенному миру, вернулся в Россию в надежде ее как-то «обустроить». Но российское общество, как выясняется, не слишком нуждается в его советах. Почему люди (я имею в виду не только Александра Исаевича), сделавшие так много для современной России, сегодня оказались невостребованы общественной жизнью?

— Я совершенно согласен, что заслуги Александра Солженицына в том, что свобода в России стала возможна, огромны. И никак не перечеркиваются ничем из того, что он сделал потом, никакими неточными вещами, которые он потом говорил. Это данность. Это именно так будет оценено потомками. Это первое.

Второе — общество, к сожалению, не обязано быть благодарным. Заниматься каким-то добрым и важным делом и думать, что благодарность твоих современников тебе обеспечена, на мой взгляд, это опасная иллюзия, за которой всегда следует разочарование, особенно если ты занимаешься социально ориентированным делом.

И третье — наше общество на протяжении последних 10 лет пережило огромную революцию: в стиле мышления, в социальных отношениях, в системе стратификации, в доминирующих мифах и т. д. Сегодня россиянин сталкивается с серьезнейшими проблемами, и они иные, чем проблемы, с которыми сталкивался человек 20–30 лет назад. Они жесткие, неприятные, но иные. Надо понять, что Александр Солженицын приехал в другую Россию, которая за последние 20 лет пережила динамичное и бурное развитие. Он этого не видел, знал понаслышке (в этом нет его вины ни в малейшей степени), конечно, ему безумно трудно понять эту новую Россию, ее людей и их проблемы. И его, как Вы сказали, «невостребованность», думаю, связана именно с этим.

— Но кроме Солженицына есть и другие люди, которые всегда жили в России и много сделали для своей страны (например, Сергей Ковалев). Почему большинство россиян их отторгло?

— Именно потому, что Сергей Адамович Ковалев активно участвовал в политике, именно потому, что он предельно жестко отстаивал свою принципиальную позицию, именно потому, что его принципиальная позиция часто не совпадала с позицией большинства, возможно, она была слишком благородна для позиции большинства и в связи с этим вызывала неприятие. Когда Сергей Адамович очень решительно выступил против чеченской войны, а значительная часть общества готова была закрыть на нее глаза, перед людьми встал неприятный нравственный выбор: либо то, что говорит Ковалев, правда, и тогда я сам не очень достойный человек, либо Ковалев — чеченский шпион, и тогда я молодец. И, по-моему, Ковалев прекрасно понимал, что занятая им позиция политических дивидендов не принесет.

— Так уж сложилась Ваша судьба, что Вы оказались связаны родственными узами с семейством братьев Стругацких, которые были и остаются любимейшими писателями в России. Знакомство с этой семьей повлияло на Ваше мировоззрение и, если да, то как?

— Если говорить о произведениях Аркадия и Бориса Стругацких — да, они, без сомнения, повлияли на меня, они были очень важны для формирования моего мировоззрения. Я считаю, что их книги — серьезное явление в литературе XX в., несводимое к полочке, на которой стоит то, что называется «научная фантастика». Что же касается влияния семьи... Да, моя жена Маша — дочь Аркадия Натановича Стругацкого, но к тому времени, когда мы с ней поженились, я был уже человеком со сложившимся мировоззрением.

— Ну а между Вами и Вашими сыновьями существует проблема отцов и детей?

— Это надо спрашивать их. На мой взгляд, нет, ни у меня с отцом, ни у меня с моими сыновьями я не вижу проблемы «отцов и детей». Честно. У них у каждого есть свои непростые проблемы, у меня — свои. Но это другое.

— А Ваши сыновья не страдают «звездной болезнью» как сыновья Егора Гайдара?

— У меня трое сыновей¹, которых я люблю и которые очень разные, младшему — 6 лет, старшему — 17. У кого-то из них, может, и есть, но мы с этим боремся. И, по-моему, успешно.

У меня хорошая семья и чудесные родители, с которыми с раннего детства и всю жизнь у меня были дружеские отношения. Я люблю рыбалку и люблю собирать грибы, и сыновья меня в этом поддерживают.

— Но если при обсуждении отпуска возникает вопрос: Испания или подмосковный лес, то что?

— Ну, конечно, подмосковный лес. Это совершенно очевидно. К сожалению, у меня не часто бывает отпуск. В этом году поедем куда-нибудь на среднерусский Север: либо Архангельская или Вологодская область, либо Карелия.

— Вы хотите сказать, что Вы пойдете в поход?

— Скорее поедем, чем пойдём, но куда-нибудь туда, где можно хорошо пособирать грибы и порыбачить. Возможно, это будет «Дом

¹ См. сноску 1 на с. 258 этого тома. — Прим. ред.

рыбака» или что-то в этом духе. С ограниченным объемом социальных обязательств и благ цивилизации.

— *У Вас дома есть какая-то живность?*

— К сожалению, нет. У младшего сына сильная аллергия на шерсть животных.

— *Но если бы такая возможность была, Вы завели бы кошку или собаку?*

— Посоветовался бы с семьей: часть членов моей семьи (а именно Маша) любит кошек, а часть (я) — собак.

— *Ну и уточняющий вопрос: какой бы Вы хотели увидеть Россию в начале XXI в.?*

— Динамично развивающейся, быстро растущей страной, оптимистичной и уверенной в себе и своих возможностях на равных конкурировать с другими развитыми странами. Я хотел бы ее видеть страной с молодой, но крепнущей демократией, с сокращающейся дифференциацией доходов, с растущими вложениями в образование, науку и культуру, — страной, которая не смотрит опасливо на мир и не пытается пугать его своими ядерными ракетами.

— *Насколько реален такой прогноз?*

— На мой взгляд, это не та область, которая допускает количественно определенный и научно выверенный прогноз. Это сложный набор альтернатив, многие из которых могут реализоваться. Единственное, что я могу сказать, я убежден в том, что та Россия, которую я хотел бы видеть, — это не мечта, это не сказка. Эта Россия абсолютно может быть. Это достижимо и во многом зависит от нас.

Егор Гайдар: Мы находимся теперь на развилке двух альтернативных вариантов развития

Беседы главного редактора «Русской мысли» Ирины Иловой с директором Института экономических проблем переходного периода, председателем партии «Демократический выбор России» Егором Гайдаром.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Беседа, с которой мы на сей раз знакомим читателей «Русской мысли», была записана в Москве 12 сентября. Мы не случайно обращаем внимание на эту дату. Дело в том, что в последующие дни и президент России Борис Ельцин, и представители Правительства РФ фактически подтвердили, а в некоторых случаях даже озвучили основополагающие тезисы Егора Гайдара.

Навряд ли это случайное совпадение. Но гадать, как и почему такое произошло, — задача специализированных обзоров. Для нас важен факт — раз такое (совпадение) произошло, это лишний раз подтверждает не только весомость позиции и оценок Егора Гайдара, но и то, что их прекрасно знают в Кремле и правительстве, и не только знают, но и используют в нынешних практических делах.

Отметим также, что 1–6 октября в Нижнем Новгороде будет проводиться всероссийский форум «Новая Россия». О значимости, которую в Кремле придают этому событию уже сейчас, свидетельствует хотя бы то, что 11 сентября Борис Ельцин подписал специальный указ о проведении этого форума.

На этом форуме, как ожидается, произойдет большое выступление Президента России Бориса Ельцина, по крайней мере об этом за-

Интервью брала Ирина ИЛОВАЙСКАЯ.

Опубликовано в: Русская мысль. 1997. 25 сентября.

явили первые заместители председателя Правительства РФ Анатолий Чубайс (18 сентября в Париже) и Борис Немцов (19 сентября в телепрограмме «Герой дня»). Если это выступление состоится (а пока нет официального подтверждения этому), то, несомненно, главным в речи Бориса Ельцина станет вопрос: какую Россию мы намерены строить?

Почему же именно этот вопрос оказался на повестке дня новой России? Думается, что ответы и необходимые пояснения может дать публикуемый материал, подготовленный на основе бесед с Егором Гайдаром.

Что же теперь есть Россия?

— Прежде чем задать следующий вопрос, напомню вот о чем. Известно, что нашу газету читают не только в самой России, но и далеко за ее пределами. Так вот за границей видение России весьма упрощенное: считается, что в нынешней России «все бандиты, разбойники и мафия» или же «все нищие и умирают с голода» и что ничего другого в России нет.

Поэтому вначале я хотела бы задать Вам вопрос общего характера: что Вы думаете о нынешней ситуации в России?

— Знаете, ко мне в институт приходит много друзей, в том числе те, кто в Москве не бывал годами. И информацию о происходящем здесь они получают исключительно из средств массовой информации.

И очень характерный вопрос, который мне задают почти в каждой беседе, звучит в таком случае примерно так: почему все, что мы видим здесь, столь радикально отличается от всего, что мы видим по телевизору, о чем читаем в газетах?..

В общем для меня это даже не является загадкой. И я не рассматриваю это как следствие какого-то заговора или какой-то сознательной информационной политики. Дело просто в том, что есть «законы массовой прессы». Для прессы хорошая новость не является новостью — новостью является плохая...

А то, что в России на самом деле происходило в последние годы, — это был процесс очень радикальных перемен, в какое-то время вполне революционных. Тут нужно понять, что слово «революция» я употребляю без всякой романтической сладости, для меня рево-

люция всегда трагедия для страны. А революция и перемены — это значит ситуация, когда жизнь в стране — установки, традиции, нормы поведения — радикально меняется. И для кого-то она меняется в лучшую сторону, для кого-то — в худшую. В каких-то отношениях она меняется в худшую сторону, а в каких-то — в лучшую.

И реакция и общества, и прессы на эти перемены абсолютно несимметрична: если что-то меняется в лучшую сторону — ну, и слава богу. Кому придет в голову сегодня обсуждать, скажем, такие вопросы: «почему в России больше нет очередей?», или «почему в России не давятся за западными тряпками?», или «почему в России устойчивая конвертируемая валюта?», или «почему все больше российских туристов ездит за границу?», или «почему за последние годы число российских семей, имеющих автомобили, увеличилось в полтора раза?», т. е. как бы идет это, ну и пусть — это же естественно.

Когда на это накладываются тяжелые проблемы адаптации к новым реальностям рухнувшей системы, а для массы (особенно пожилых) людей огромные идеологические проблемы, потому что их воспитывали на идеалах, которые оказались несостоятельными, то это тяжело. И вот все, что связано с этим, является предметом обсуждения и внимания средств массовой информации.

На мой взгляд, надо понимать, что в России не происходит никакой катастрофы, нет нарастающего хаоса. Жизнь в стране сегодня неизмеримо более стабильна и упорядочена (при всех наших нынешних проблемах), чем была, скажем, осенью 1991 г., и притом «родимые пятна» социализма останутся с нами надолго.

Мечтания и заблуждения первых лет после краха рухнувшей системы

— Меня часто спрашивают, а почему вот Вы назвали Ваш институт институтом переходного периода и сколько же будет длиться переходный период?

Беда вот в чем... Если говорить о переходном периоде, как о процессе, когда «родимые пятна» социализма оказывают существенное влияние на экономику и социальную жизнь, то это не вопрос месяцев и не вопрос лет. Это вопрос десятилетий. И между нами сегодняшними и моментом, когда мы можем сказать, что переходный период и «родимые пятна» социализма — это теперь элемент эко-

номической истории, это уже не сказывается на нашей сегодняшней жизни, — между всем этим стоит, к сожалению, интервал лет двадцать. Это при самом сверхоптимистическом варианте развития событий.

То, что было очень мало понятно очень многим людям в период заката и краха коммунистического режима.

Им казалось как? Ну, вот коммунистический режим — плохой он. Правильно? Неэффективный и плохой. Вот сейчас мы его заменим, и будет рыночная экономика, которая будет эффективная и хорошая. И если мы уж перестали строить «плохой коммунизм», а начали строить «хороший капитализм», то тут-то счастье и наступит.

Вспомните дискуссии 1990–1991 гг. С чем сравнивали, что брали за эталон для экономики будущей капиталистической России? Южную Корею или Мексику? Или, может быть, даже Португалию? Нет уж! Во внимание брали исключительно Швейцарию, Канаду, США!

А понять, что, для того чтобы попасть в точку мечтаний, нужно пройти другой исторический путь, что эти 75 лет нанесли в России страшный удар по плодородному слою, из которого вырастает нормальный, цивилизованный и развитый капитализм, и что нам теперь предстоит огромная, очень тяжелая и во многом непонятная (как делать?) работа по восстановлению этого плодородного слоя, — так вот понять это могли, к сожалению, очень немногие!

И отсюда база вот этого страшного разочарования значительной части быстро редеющей интеллигенции: ну как же так? Мы же хотели хорошего! Мы-то ведь надеялись, что будет!..

Позволительно спросить: но кто вам это гарантировал, что все будет хорошо?! С чего Вы взяли, что, когда развалится коммунизм, все у Вас будет хорошо?! Неужели Вы не понимали, что борьба за нормальную демократию в России, за нормальный, цивилизованный рынок — тяжелейшая работа, которую предстоит делать многие годы, неблагодарная и очень тяжелая работа по разгребанию всего того хлама, который нам останется от рухнувшей системы?!

Сейчас, конечно, в России ситуация стабилизируется. Я прекрасно знаю и чувствую по социальным ощущениям, как здесь было в 1991-м, 1993-м, 1995 гг. И я чувствую, как здесь, в России, сегодня.

При всех реальных проблемах, а они есть, при всех столах и плачах видно, что общество с огромным трудом, но адаптируется к из-

меняющейся реальности. И это видно и по жизни, и по тому, что доводится наблюдать в общении, а я общаюсь с самыми разными людьми, с колоссальным количеством людей, слышу от них самые разные вопросы. Это видно и по статистическим показателям, причем не показателям, например, валового национального продукта, а по базовым, очень внутренним — ну, скажем, существенное, довольно устойчивое снижение преступности с 1994 г. (в первую очередь устойчивое снижение числа насильственных преступлений — это очень характерный момент на самом деле), устойчивое снижение числа самоубийств, устойчивое снижение показателя смертности.

— *И эти показатели из реальной жизни?*

— Да, в последние три года все это налицо. И с 1994 г. все более заметной становится такая стабилизация. В том же списке показателей — постепенное сокращение доли бедных, постепенное сокращение дифференциации доходов и т. д. И все это имеет тенденцию к снижению.

Все это свидетельствует о том, что общество — общество, пережившее страшный взрыв системы, которая не сумела сама себя изменить, сама себя реформировать, — оно потихонечку к новым реальностям приспособливается.

И при всех сегодняшних жалобах и проблемах есть масса вещей, которые люди сегодня воспринимают как данность и от которых они сегодня категорически не хотят отказываться. Вспомним, к примеру, первую половину 1996 г. — президентскую предвыборную кампанию.

Часто говорят, что она была выиграна средствами массовой информации. Да, в какой-то степени они помогли, но не более того, потому что не надо забывать, что у коммунистов мощнейшая сеть региональной прессы, сотни изданий, что это именно та пресса, которую читают реальные люди, представляющие большинство населения в российских деревнях и малых городах, не являющихся властными центрами.

Что, на мой взгляд, сыграло решающую роль на этих выборах? А то, чего люди не хотели, — всего лишь навсего! Очень многие из них совершенно не любили Ельцина, особенно в это время (хотя бы за чеченскую войну и т. п.). Но когда им объяснили, что выбор такой вот:

либо такое общество, какое сейчас есть, со всеми неприятностями, либо еще разок попробовать коммунистический эксперимент.

Именно это народу сказали... Причем в ситуации, когда, если помните, в начале года у Ельцина был минимальный рейтинг. И это была основа кампании, а вернее, то, что обеспечило переизбрание Ельцина.

По существу, прошлые выборы были референдумом по вопросу вот какому: ну, хорошо, Вы жалуетесь, вам не нравится... Назад хотите? И в результатах выборов прозвучал ответ: нет, нет, не хотим!

Большая часть общества назад не хочет. Ну, значит, может быть, при всех сегодняшних проблемах это не так уж и плохо — люди не мазохисты, они не устраивали бы себе этих приключений.

Одно дело — посетовать. (Ну, как же — все мы любим пожаловаться на наши трудности, и все мы «самые несчастные в мире», и даже выразить свое «фэ» правительству.) Но всерьез еще раз поставить на себе коммунистический эксперимент? Нет! Люди не захотели.

На развилках возникают альтернативы

На мой взгляд, из того, что произошло, сегодня в России самое главное — это то, что при всех известных проблемах адаптации общество сказалось «нет» возврату в прошлое. Сейчас «плохо», «не нравится», «некрасиво», «некультурно», «нецивилизованно во многом»... Но назад? Вот этот путь — нет!

Если это так, то дальше совершенно неизбежно возникает развилка: ну, хорошо, «назад — нет», а «вперед» как и куда?

И вот здесь выясняется, что, если мы для себя закрыли такую альтернативу, как коммунистическое общество, дальше вырастает вот эта главная, фундаментальная проблема: а куда вперед? И на нее есть как бы два ответа, есть два реальных варианта развития ситуации.

Первый — это примерно то, что есть сейчас. Я думаю, что, видимо, из социализма с его отсутствующей частной собственностью, с его отсутствующими рынками, слитыми воедино собственностью и властью в России, может быть, и нельзя было войти в какой-то другой капитализм, чем тот, который получился сегодня. Конечно, я могу сказать честно — мы хотели это сделать. И если вспомнить работу нашего правительства 1992 г., та стилистика от-

ношений собственности и власти, которая сложилась потом, тогда была в принципе невозможна — вообще невозможна!

И главная критика в наш адрес была: «они же не взаимодействуют с бизнесом! Совсем! С кем же они?» («Они» — это в данном случае Гайдар и его правительство.) Наверное, те перемены, которые произошли, как и отставка нашего правительства, были неизбежны.

Сейчас мы в олигархическом болоте

И что было дальше? Вот то, что произошло потом, — вот этот уродливый олигархический капитализм, при котором собственность совмещена с властью, где правила игры разные, где государственный карман регулярно путают с частным, где именно доступ к власти, а не твое умение организовать дело — главный критерий, по которому отбирают «победителей в экономическом соревновании».

И как долго такое может продолжаться? Дело в том, что есть страшные, огромные силы, которые ориентированы на то, чтобы все это так и сохранить, чтобы вот так и было, причем сохранить вот такого рода коррумпированный, олигархический капитализм. Он очень любит «имперские упаковки». Но не только у нас, а и во многих странах. Обычно, так активно разворовывая деньги из государственного кармана, делающее это правительство прикрывает подобное псевдоимперской или псевдонационалистической риторикой о том, как они «покажут всем Кузькину мать», как они «дадут отпор мировому империализму», как они (в нашем случае) «спасут мать-Россию» (а где-то — допустим, «мать-Мексику»)...

И вот эта консервация олигархического капитализма, прикрытого псевдоимперской риторикой, — это, конечно, на мой взгляд, один альтернативный вариант дальнейшего развития России, очень страшный. Реальный, возможный, потому что у олигархического капитализма есть глубокая база в нашей истории, традиция. Но, подчеркну, это страшная альтернатива.

Но может и должно быть иначе

Второй — это постепенная трансформация олигархического капитализма, нормальная, цивилизованная, как, скажем, Америка периода баронов-грабителей. Она ведь не сразу и нелегко превратилась в современное более-менее цивилизованное государство

с более-менее равными правилами игры, с более-менее устоявшимся отделением собственности от власти. Но это был тяжелый путь.

Проблема России в том, что мы начинаем борьбу за это в худших условиях, с худшей исторической традицией. И нам хотелось бы пройти этот путь гораздо быстрее, чем его прошла Америка. У нас есть для этого некие основания — накопленный опыт, очень высокий уровень образования населения и т. д.

Борьба за либеральную альтернативу в России, т. е. если нам хочется идти из нынешнего олигархического капитализма не к коммунизму, то это будет путь не иначе как к осмысленному либеральному капитализму равных правил игры, к строю, в котором собственность и власть отделены, есть общие правила, прозрачная власть, подконтрольное обществу государство. И все это «в пакете», а значит, и курс на интеграцию России в Европу и в структуры западного мира, и отказ от имперской риторики и имперской внешней политики, и прагматичный подход к собственным национальным интересам, и защита их адекватными началами XXI в. способами и т. д. — вот это, на мой взгляд, единственная реальная альтернатива тому, что есть сегодня.

К счастью, в последние месяцы очень заметно влияние тех, кто понимает и кто хочет Россию из этого болота вывести. Это видно. Между прочим, это сразу сказалось на настроениях общества, на экономической ситуации. Действительно, находясь в этом олигархическом болоте, можно было погружаться все глубже и глубже. А как только ты начинаешь что-то делать, чтобы улучшить экономическое положение, выясняется, что, говоря строго, это программа либеральной повестки дня, т. е. то, что строго вытекает из идеологических ориентиров партии ДВР.

Вот если взять такие документы, как президентское Послание Федеральному собранию России на 1997 г., программа действий обновленного правительства на этот год, и сравнить их с тем, за что наша партия всегда выступала и за что не может не выступать нормальный западник в России сегодня, то выяснится, что они совпадают в колоссальной степени. И этот вопрос во многом заданный, потому что действительно некуда больше идти.

В практической плоскости такая программа, в частности, предусматривает:

- создание системы казначейства,
- перевод бюджетных денег из уполномоченных банков,
- введение тендерной системы государственных закупок,
- введение нормальных принципов регулирования естественных монополий,
- обеспечение прозрачности государственного аппарата и т. п.

Так вот если этого не станешь делать, то ни одной из стоящих перед страной проблем не решишь — не наладишь выдачу зарплаты работающим, довольствия военным, социальное обеспечение пенсионеров и т. д.

Из всего, что происходит в последнее время, самым серьезным и позитивным, на мой взгляд, является то, что мы впервые за долгое время получили правительство, понимающее, что происходит в стране и что надо в этой ситуации сделать, причем понимающее это стратегически. Ведь за всеми частными решениями в его деятельности прослеживается стратегическое видение. И это создает базу для надежд.

Но здесь не надо никаких иллюзий: на развилке предстоит борьба за разумную альтернативу дальнейшего развития России — очень тяжелая борьба и с отнюдь не гарантированным позитивным результатом, линия эта (возможность победы цивилизованного капитализма) обратима вполне. Вот если, скажем, красный коммунизм в Россию, скорее всего, не вернется, я хочу надеяться по крайней мере на это, то вот линия на построение нормального, либерального капитализма в России в высшей степени обратима. Она жизненно нужна стране, но у нее очень узкая пока еще социальная поддержка.

Растить и укреплять средний класс

— Упомянув сейчас о социальной поддержке, как бы в связи с этим Вы прокомментировали оценки, сводящиеся к тому, что в стране нет среднего класса?

— Разговор о том, что в России нет среднего класса, — это ерунда. В России есть средний класс, и на самом деле он быстро растет. Но этот средний класс еще очень мал. Он в ограниченной степени понимает собственные классовые интересы. Он объективная база поддержки вот этого курса либеральной экономической поли-

тики, потому что именно ему нужны стабильность и равные правила игры.

Олигархия не хочет и не будет играть с ним по общим правилам. Средний класс никогда не получит тех рычагов влияния на власть, которые имеет олигархия. С другой стороны, среднему классу совершенно не нужны революции и беспорядки. В связи с этим консолидация среднего класса и понимание им своих классовых интересов — это база для надежды в борьбе за стабильную Россию.

Но тут пока беда какая? Ситуация такова, что нынешней политикой мы пытаемся создать эту базу. Однако эта база пока еще слабая и размытая, она недостаточна для того, чтобы придать этой политике жесткую необратимость.

— *И каковы политико-экономические пути, способы и методы создания, наращивания и укрепления этого среднего класса?*

— Ну вот назову одну простенькую вещь, которую правительство сейчас пытается провести, — это налоговая реформа.

На мой взгляд, нет ничего более важного для создания нормального среднего класса, чем налоговая реформа. Сегодня для нас ведь беда вот в чем. Огромная часть среднего класса не платит налоги из-за того, что налоговая система устроена плохо, достаточно абсурдно. Если ты платишь налоги, то ты неконкурентоспособен. Поэтому налоги в России платит меньшинство, как я, например. А значительная часть среднего класса не воспринимает себя в роли налогоплательщика. Но ведь на самом деле база нормальной политики — это не просто средний класс, а средний класс, который является налогоплательщиком.

Как только ты становишься налогоплательщиком, ты не просто платишь налоги, но и начинаешь понимать, что государство — это не добрый дядя, который откуда-то берет деньги, а это просто инструмент использования средств налогоплательщиков. И у тебя отпадает иллюзия, когда тебе рассказывают, что, дескать, «государство должно тому, тому и тому...», ты понимаешь, что это собираются взять у тебя из кармана, и начинаешь думать, а надо ли «тому, тому и тому» или кто-то может обойтись, а на что-то можно потратить деньги более экономично.

Увы, но сегодняшняя налоговая система в России... У нас ведь дурная традиция — у нас не было культуры уплаты налогов. Так вот сегодняшняя налоговая система в России, как и многие на-

логовые системы, создает огромные отрицательные стимулы, т. е. ты становишься перед выбором: либо платишь огромные налоги, либо — на абсолютно законных (!) основаниях — ты никакие налоги не платишь. И по странному стечению обстоятельств очень большая часть предприятий и людей считает, что в такой ситуации разумнее не платить никаких налогов.

— *Но, может быть, новый Налоговый кодекс, о котором уже столько сказано и написано, как-то позволит выправить ситуацию?*

— Если сказать в общих чертах, обозначая крупными штрихами, то идея Налогового кодекса состоит в том, что налоги должны быть ниже, система проще, основные лазейки уклонения от налогов должны быть заделаны.

Для тех людей, которые являются налогоплательщиками, это будет существенным снижением налогового бремени, а для тех, кто их не платит, появление такого бремени действительно станет повышением расходов.

На мой взгляд, создание достаточно простой, прозрачной налоговой системы, которая гарантирует права налогоплательщиков, предусматривает разумные по величине налоги, а также обеспечивает их уплату, может быть самым важным, что необходимо сделать для создания среднего класса в России.

О налоговой реформе

— *Именно этим Вы сейчас и заняты?*

— Да, мы пытаемся это делать. Там есть «длинная» специальная профессиональная проблема. Налоговый кодекс, представленный в Государственную думу правительством, состоит из четырех частей.

На мой взгляд, в высшей степени хороши и действительно представляют собой серьезную налоговую реформу 2, 3 и 4-я части кодекса. Первая же часть была представлена не этим, а еще позапрошлым составом правительства, и она слабая, нуждается в радикальной переработке. И мы этим сейчас занимаемся. Есть надежда, что нам удастся это сделать. Тогда Налоговый кодекс действительно будет документом, не только предусматривающим изменение нынешнего налогового режима, но и — что мы считаем важным — надеж-

но защищающим права налогоплательщиков от произвола. Вместе с тем он должен быть документом, позволяющим собирать налоги.

— *Как Вы думаете, каким будет отношение Государственной думы к кодексу и заложенным в нем подходам и принципам?*

— Я не знаю, конечно, но я вижу по реакции средств массовой информации, что общество оказывается как бы очень разделенным. И я вижу, какая поднята огромная кампания против налоговой реформы.

И я прекрасно понимаю, в чем суть дела. Да, в выступлениях обсуждающих проект кодекса есть какие-то передержки, есть и непонимание того, что на самом деле Общая часть кодекса представлена нами в совершенно другом виде. Но на самом деле суть не в этом. Главная, фундаментальная проблема предельно проста. Возьмем, к примеру, банки. У нас банки на законных основаниях почти не платят налоги, потому что их служащие получают зарплату по депозитным схемам. И они не платят ни в Пенсионный фонд, ни в фонд соцстраха, ни в фонд занятости, ни подоходный налог и т. д., потому что есть масса легальных схем, позволяющих не платить. Банки не платят и налоги на прибыль, так как существует масса опять-таки легальных способов избежать этого. Поэтому в банках у нас «самая нищая» часть нашего общества.

А мы им говорим: да нет же, мы снизим налоги для всех, они будут ниже и разумнее — мы будем требовать у Вас не 90%, а только 35%, потому что нужны деньги на выплаты пенсионерам, военным и т. д. Но мы заставим Вас платить налоги.

И как ни странно, людям, которые не привыкли платить налоги, это кажется диким покушением на все их права и привилегии. И конечно, здесь есть мощнейший своего рода социальный заказ, чтобы, не дай бог, этого не делать. Нам как бы дают понять: да, мы будем жаловаться все время на то, какая у Вас неправильная налоговая система! Да, мы будем говорить о том, что такие налоги платить невозможно, и платить их не будем!

Названное — первая часть «сил сопротивления». А вторая сила, которая не хочет принятия Налогового кодекса, — это значительная часть региональных администраций, потому что для них Налоговый кодекс — это существенное ограничение налогового произвола.

У нас очень многие региональные лидеры постоянно жалуются на несовершенство налоговой системы и т. д. Но как только феде-

ральная власть отменяла какие-то налоги, они немедленно вводили такие же, но свои, региональные.

Похоже, им хотелось бы играть в эту игру и дальше. Но Налоговым кодексом мы не просто снижаем общее бремя налогов, но и жестко упорядочиваем все связанное с этим — что можно делать в налоговой области на разных уровнях. И конечно, это удар по огромным и бесконтрольным деньгам, которые текли в отдельные региональные бюджеты. И отсюда та вторая мощная «сила сопротивления», которая тоже заинтересована в том, чтобы постоянно жаловаться на несовершенство нынешней налоговой системы, но — не дай бог! — ничего в ней не менять.

— *Из этих оценок я прихожу к убеждению, что за кодекс и цивилизованные отношения с государством в вопросах налогообложения предстоит большая, если не жесточайшая, борьба...*

— ...Исключительно. Хотя понятно, что налоговая реформа абсолютно необходима стране. Это необходимо для экономического роста, для декриминализации экономики, но очень не нужно мощным группам.

О пользе нынешней Государственной думы

— *Егор Тимурович, Вы не первый, с кем я делюсь вот каким ощущением: порой у меня складывается впечатление, что в большинстве своем Государственная дума России не совсем понимает, что на самом деле есть благо страны, увлекается какой-то частной борьбой между отдельными людьми и группировками.*

На это мне приходится слышать разные ответы, и наша газета всякий раз знакомит читателя с ними. А каково Ваше мнение на сей счет?

— Честно говоря, я думаю, что большинство Думы гроша ломаного не даст за благо страны, т. е. это вопрос, который им по большому счету неинтересен. Ну, вне риторики всякой. И мне кажется, что соображения о том, полезно нечто или вредно для страны с точки зрения приоритетов каждого конкретного депутата (т. е. для себя, внутри, как говорится, о чем я думаю, когда так или иначе голосую), превалирующими являются для очень скромной части Думы.

— *Кстати говоря, не по этой ли причине довольно часто можно слышать разговоры о том, что Дума может быть распущена и могут быть назначены новые выборы в нижнюю палату парламента?*

При этом, правда, раздаются самые разные оценки последствий такого варианта развития событий в России. Например, в администрации президента довелось услышать и такой прогноз: на новых выборах в России изберут похожую Думу.

А как Вы думаете, если бы внеочередные выборы все же произошли, это что-то бы изменило?

— Результат зависит от того, в какой конкретной ситуации это может происходить. Я убежден, что если бы это было сделано в марте 1997 г., то избрали бы нечто похожее на нынешнюю Думу или похуже. А сегодня избрали бы «лучше», потому что правительство показало за последние месяцы, что оно понимает, что делает, умеет добиваться результатов. И в общем база для того, чтобы сегодня избрать лучшую Думу, объективно есть.

Именно поэтому шансы на проведение новых выборов ниже, и я уверен, что это понимает думское большинство и не очень хочет ранних выборов, если только оно не опасается, что к 1999 г. ситуация будет еще лучше и шансы на переизбрание окажутся еще ниже.

Но, честно говоря, именно потому, что я вижу некие позитивные перемены и чувствую, что общество уже их начало замечать, я не думаю, что думское большинство сегодня охотно пойдет на ранние выборы.

— *Общеизвестно, что в российском обществе долгое время было глубокое убеждение, что вот эта самая преступная олигархия и правительство — это одно и то же. Вы же сказали, что в обществе начинается понимание предстоящего улучшения.*

Здесь нет противоречий?

— Трудно сказать... Но мне кажется, что в целом по опросам общественного мнения, результаты которых мне известны, общий уровень оптимизма в обществе в последнее время начал повышаться.

Конечно, все не просто. На самом деле правительству именно сейчас, когда оно начало пытаться навязать олигархии общие правила игры, приходится вести очень и очень нелегкий бой. Именно сейчас. Проявление или, если угодно, отклики этих боев широко известны — любого спроси, и он скажет, что «самым скандальным аукционом» в России был тот, что связан со «Связьинвестом». Почему скандаль-

ный? Да потому что за долгое время это был вполне прозрачный аукцион, на котором победил тот, кто предложил больше денег.

До этого по линии правительства было очень много решений, которые действительно, на мой взгляд, являются в высшей степени сомнительными, но которые прошли очень тихо. А почему тогда было тихо? Да потому что основные игроки были удовлетворены результатом.

Так что необходимо понимать, что сейчас правительству придется вести всю эту работу на очень неблагоприятном информационном фоне, когда каждый шаг правительства к тому, чтобы ввести бизнес в нормальные рамки, в которых предполагается жить в нормальной стране, будет встречать ожесточеннейшее сопротивление и лавину всяких измышлений...

— *...С огромными возможностями, которые предоставляются при наличии разнообразных средств массовой информации едва ли не у всех основных участников этих «хозяйственных игр»...*

— ...Да, вот именно.

Земельная реформа остается ключевым вопросом

— *Егор Тимурович, а как можно оценить ситуацию, связанную с земельной реформой и затрагивающую вопросы собственности на землю? На какой стадии разрешения эта проблема сейчас? Что можно предвидеть и ожидать в России в этой сфере?*

— *(Вздыхает.)* Очень сложная проблема...

Дело в том, что вот есть какие-то вопросы, по которым, как показывает опыт, с думским большинством можно договориться, или запугав его, или использовав другие способы воздействия.

Ситуация пока складывается так, что по вопросу о частной собственности на землю изначально и по настоящее время с думским большинством договориться оказалось невозможным.

— *Почему?*

— Да потому что, на мой взгляд, у думского большинства есть понимание того, что земельная реформа — это ключевой вопрос и что если они откроют этот шлагбаум, то скоро их здесь не будет.

Скажем, в их представлении это выглядит так, что им придется «договариваться в последний раз» — по бюджету можно договариваться сколько угодно раз, а по земельному вопросу это окажется

в последний раз, потому что, как показывает опыт, там, где прошла нормальная земельная реформа, где сформировался нормальный земельный рынок и т. д., это все-таки оказывается важнейшим фактором декоммунизации страны. И представители думского большинства на этом рубеже будут держаться до конца, блокируя нам возможность движения в этом направлении, соответственно резко осложняя ситуацию в аграрной сфере. Ведь у них же есть и другой подход к проблемам — это их железный, работающий принцип «Чем хуже, тем лучше!». И они максимально заинтересованы в том, чтобы на селе — когда новые формы хозяйствования не могут нормально встать на ноги — нынешняя ситуация сохранялась постоянно. Они ведь делают и будут делать впредь все, чтобы люди на селе никогда не получали заработной платы и чтобы по этой причине голосовали за них.

Конечно, мы будем пытаться делать все возможное в рамках того, что есть в распоряжении президента и правительства, все, что можно отрегулировать указами президента или решениями правительства. Например, очень много надо делать для формирования рынка земли в городах. Ведь у нас имеется колоссальная проблема не только в селе: отсутствие единых имущественных комплексов — важнейший фактор усиления произвола чиновников и подрыва доверия инвесторов и т. д.

Сейчас в правительстве новый руководитель Государственного комитета России по земельным ресурсам и землеустройству (Роскомзем) — Илья Южанов. Он достаточно молодой и энергичный, он понимает, что надо делать в рамках тех полномочий, которые есть у правительства. И я думаю, он будет вести работу достаточно энергично...

Тем не менее есть какой-то набор вопросов, которые не могут быть правительством решены до тех пор, пока мы не получим лучший парламент. С нынешним же не приходится серьезно говорить об укоренении нормального, частного земельного оборота и частной собственности на землю.

«Родимые пятна» социализма: теория и практика

— *Отталкиваясь от уже сказанного, хотелось бы задать несколько вопросов, которые хотя и относятся к недавней истории России, но тем не менее оказывают влияние на сегодняшнее положение дел.*

В первом ответе Вы употребили несколько раз выражение «родимые пятна» социализма. Я бы хотела попросить Вас расшифровать это определение в контексте нашей беседы.

— Чтобы было ясно, о чем шла речь, я приведу такой пример. Реальные рынки базируются не только и не столько на зафиксированных в законе правилах, сколько на традициях торгового оборота. А эти традиции, которые складывались и шлифовались столетиями, предполагают, в частности, что контракт надо соблюдать, слово принятое держать, что, если не выполняешь контракт, это плохо, и т. д.

Короче говоря, общество сначала медленно формирует и выращивает систему социальных установок, которые позволяют рынку работать цивилизованно. Если Вы завтра изымете всю эту систему установок из американского (немецкого, английского и т. д.) общества и оставите там только писаное право, весь этот рынок немедленно станет безумно нецивилизованным, ужасным.

Подчеркну: система социальных установок вырастает столетиями из традиций торгового оборота.

Теперь представьте себе, что Вы за 75 лет (а это жизнь трех поколений людей) ликвидируете рыночное хозяйство. И это значит, что три поколения людей в стране вообще не знают, что такое частный торговый оборот, что такое соблюдение контрактов, не подкрепленных пистолетом чекиста, и т. п. А потом у Вас все это развалилось, но затем срочно понадобилось. И Вы хотите как бы «из коробочки часики вынуть», а их — этих часиков — в этой коробочке нет. Вы можете написать и принять любые законы, но для того, чтобы возникла традиция, чтобы возникли репутации, чтобы это было социализировано, чтобы дети привыкали к этому со школьной скамьи и видели, как ведут себя старшие, — так вот для этого нужно время. Для становления всего этого нужен очень большой период времени — ну, если не такой же по продолжительности, как период без рынка, то хотя бы сопоставимый по масштабам. Это вопрос десятилетий, а не месяцев.

Уважительное отношение к частной собственности. Частная собственность и отношение к ней выросли в Европе из длинной традиции, переключались с античности, т. е. это длинная история. А в итоге из этого в конце концов и выросло европейское экономическое чудо.

А откуда вырастает российская частная собственность? Та, которая была до 1917 г., ликвидирована, конфискована, делегитимизирована этими 75 годами. А остальная откуда возникает? Откуда у нее столетние традиции уважительного к ней отношения? А если она нелегитимна — это в России старая история еще конца XIX — начала XX в.: собственность никогда толком не была легитимна в России, потому что либо выпросил, либо украл ее. А сейчас откуда она легитимна? После всего этого?! Но если она нелегитимна, то какие могут быть ограничения на хищения, на то, чтобы директора не воровали собственность своих предприятий?.. То есть все это вырастает очень и очень медленно.

Или возьмем пример, который связан с патерналистским отношением общества к государству, т. е. когда государство воспринимается не инструментально (не как некий институт, который мы сами создали для того, чтобы совместно решать общие проблемы), а как некое божество, которое может быть добрым и справедливым, а может быть злым в какой-то ситуации. И там очень легко меняется знак: от представлений о добром и справедливом государстве-отце, который способен и хочет о тебе позаботиться, мы элементарно переходим к представлениям о злом и страшном государстве, которое все время только и думает, как обмануть...

А из всего этого удастся получить инструментальное, прагматичное отношение к государству как инструменту своему, которое не постоянно всем вредит, и не обязано это делать, и не может, — так вот это тоже выросло в Европе сколько веков?!

Короче говоря, современная европейская цивилизация базируется не только и не столько на письменных правилах, сколько на выросших в течение столетий традициях — на традициях, оказавшихся очень удачными, инкорпорированными современной цивилизацией и препарированными ею же, но давших ей основу. И вот именно по этим традициям коммунистическим экспериментом был нанесен огромный и труднопоправимый удар. По существу, этим экспериментом заасфальтировали плодородный слой, а потом этот асфальт развалился, но почему-то из-под него плодородный слой автоматически как-то не возник.

— Вы сказали, что в начале периода избавления от коммунизма оказалось неизбежным то, что все мы наблюдаем — ненормальное вхождение страны в русло нормального капитализма.

Так, может быть, это оказалось неизбежным и в силу того, что отсутствовали (были утрачены) детально охарактеризованные Вами традиции, и по той причине, что слишком сильным было сопротивление преступной олигархии, о которой Вы также подробно говорили?

— Я думаю, и по той и по другой причинам. И потому, что у наших современников не было этих традиций, и в итоге не было за нашей спиной той мощной силы, которая бы помогала понимать, что происходит, и подталкивала в сторону нормальной эволюции, не давала бы остановиться.

Причем отсутствие традиций проявилось на фоне мощнейшего сопротивления, которое оказалось заслоном на нашем пути. Этим мощным заслоном оказались те, кто считал приемлемым такой тезис: ну, хорошо, раньше у нас была власть, а теперь собственность и в придачу к ней власть. А вместе с тем они же напрочь не захотели согласиться с тем, что новое приведет всех к равным правилам игры.

Диагноз новой проблемы: олигархия за щитом лжерелигии

— *Перед тем как задать следующий вопрос, отмечу, что «Русская мысль» — газета, которая придерживается христианского направления, но не является при этом изданием какой-либо конфессии.*

Напоминаю же я об этом по той причине, что от многочисленных (за последние несколько месяцев) поездок в Россию, от некоторых явлений здесь у меня складывается впечатление от нашей страны не просто сильное, но пугающее. А пугают разнообразные попытки, которые направлены на то, чтобы сохранить власть в руках преступной олигархии или даже закрепить эту власть за ней навсегда. И как мне кажется, эти попытки пытаются прикрывать религиозными мотивами, религиозными лозунгами и псевдоимперской риторикой.

А каковы Ваши ощущения на сей счет? И делаете ли Вы что-нибудь в направлении борьбы с этим, без сомнения, опасным явлением?

— Думаю, что Вы абсолютно правы в диагнозе проблемы. Вот если я говорил об имперской идеологической упаковке, то, конечно, в наших конкретных условиях она во многом приобретает эда-

кую имперско-псевдорелигиозную окраску. К тому же наблюдается довольно своеобразное, даже забавное сочетание одновременной апелляции к мифам коммунистическим и религиозным.

Почему такое происходит? Да потому что у идеологии иная логика, нежели у здравого смысла.

Признаю, что, к сожалению, не всем нам достает видения названной Вами проблемы. Тем не менее мы пытаемся что-то делать, чтобы противостоять такому идеологическому наступлению. Думаю, эта проблема является более острой, чем может показаться на первый взгляд, тем более что подобная компонента в этой идеологии растет день ото дня. И если этому явлению, а попросту говоря, этой лжерелигии не противопоставить нечто разумное, но отнюдь не антихристианское и тем более не антирелигиозное, то страна может оказаться перед новой серьезной проблемой.

Да, Вы правы. И к этому предостережению неуместно что-либо добавлять, его нужно просто постоянно учитывать.

ДВР и актуальные задачи времени

— Следующим будет вопрос, относящийся к Вашим планам и как лидера партии «Демократический выбор России», и как директора института, к планам Ваших сторонников и единомышленников. Как Вы определяете свои ближайшие задачи, чему намерены отдавать больше всего времени, энергии, сил?

— В нынешней ситуации, когда мы имеем достаточно разумное правительство, которое хочет двигаться в правильном направлении, я, разумеется, буду отдавать больше всего сил тому, что поможет в этом деле. А это огромная работа, потому что они пытаются за месяцы сделать то, на что в общем-то в нормальных условиях уходят годы, а иногда и десятилетия. Но эту работу действительно надо делать.

Сегодня, на мой взгляд, стратегические шансы на победу того курса, за который я выступаю и борюсь и в правоте которого убежден, в колоссальной степени зависят от успехов в работе этого правительства. Сегодня, формируя базу среднего класса, оно делает больше для политической устойчивости этого курса, чем это может сделать любыми другими способами. Поэтому для меня сегодня первый, главный приоритет в том, что я, мои коллеги и соратники

можем помочь в формировании этой линии, в выработке конкретных механизмов, необходимых законов, решений. Это первый и самый главный наш приоритет.

Второе, что мы делаем и будем делать, — это попытка помочь в реализации этих установок на местах, в регионах — там, где для этого есть хоть какая-то база, потому что реформы, конечно, делаются не только в Москве. Какая-то колоссальная часть их может быть блестяще заблокирована на более низких уровнях управленческой иерархии. И я убежден в том, что необходима вот такая помощь, направленная на то, чтобы этот курс не остался только московским и федеральным и был реализован в регионах. Это второе, чем мы можем реально помочь: и советом — там, где есть нормальная администрация, и участием в выборах в местные органы власти — там, где они проходят. Таково, если говорить кратко, второе важное направление нашей работы.

И третье существенное направление работы — это, на мой взгляд, работа идеологическая. У нас совершенно искореженное общественное сознание. Подавляющее большинство взрослых ныне людей не имело никакого иного мировоззрения, кроме марксистского, никогда не имело. И образования никакого другого не имело. И что получилось в результате? Они столкнулись с рухнувшим миром, они абсолютно дезориентированы, они ищут объяснения в некой своеобразной реконструкции старых мифов. И вот в России борьба (которую, между прочим, вели в конце прошлого — начале этого века) за формирование нормального, либерального сознания, по меньшей мере, у интеллектуальной элиты общества, у лидеров общественного мнения, которые постепенно будут вырастать в обществе, — это серьезнейшая долгосрочная задача. И мы будем ее также пытаться решать.

— В общем забот невпроворот. Причем в нашей беседе Вы ведь обозначили приоритеты и основные направления своей работы концептуально. Хотя, помнится, летом на пленуме Совета партии Вы представили соратникам довольно обстоятельный доклад «О политическом положении в стране». По сути то был анализ состоявшихся к тому времени 100 дней обновленного правительства и видение первоочередных дел на ближайшее время. И в нем проблематика была расписана весьма детально. Пользуясь случаем, мы познакомим читателей «РМ» хотя бы с одним из фрагментов того выступления.

О единомышленниках и временных попутчиках

— В принципе перечисленное Вами и этом докладе, и в нашей беседе — это задача всех демократических сил. В связи с этим не могу не спросить Вас об отношении к движению «Яблоко».

Изначально казалось, что оно избрало ту же линию, что и, например, ДВР. Но сейчас у меня такой уверенности нет. Хотелось бы услышать Ваше мнение по этому поводу и узнать, как складываются, например, взаимоотношения между ДВР и «Яблоком».

— Особых секретов в развитии этих отношений нет. На мой взгляд, дело вот в чем. До 1996 г., когда, как мне кажется, угроза возрождения коммунизма если не исчезла, то отошла на второй план, я был убежден, что мы должны действовать максимально солидарно с «Яблоком». Хотя бы при всех их заигрываниях с коммунистами, «яблочников» нельзя считать коммунистической партией. И я был убежден, что весь некомунистический электорат надо пытаться объединить против коммунистов.

А сейчас, когда возник вопрос: «А куда же дальше идти?» — помните, мы говорили о появлении двух альтернатив «на развилке», — конечно, наши идеологические и притом очень серьезные разногласия проявились...

— ...Что, в самом деле эти разногласия очень серьезные, а позиции непримиримы?

— Разногласия действительно очень серьезные. Поясню: ДВР — партия последовательно либеральная. Мы либералы, мы считаем, что государство должно быть подконтрольно обществу, должно быть не очень большим, не очень дорогим, прозрачным и т. д. «Яблоко» же, на мой взгляд (хотя они почему-то никак не хотят этого признать), — это партия откровенно левого социал-демократического толка.

Ну, как обычно это проверяется? Ответами на некоторые вопросы, например: ты за увеличение государственных расходов или за их сокращение? Мы, ДВР, — за сокращение, а «Яблоко» — за резкое увеличение госрасходов.

А как различают, скажем, левые и правые социал-демократические партии? Ответом на вопрос: «Вы за то, чтобы печатать деньги, чтобы увеличивать госрасходы, или против?» И на него «Яблоко» традиционно дает позитивный ответ «за», т. е. мы по этим призна-

кам констатируем: «Яблоко» — это левая социал-демократическая партия, которая хочет увеличивать госрасходы за счет печатания денег.

И это можно обнаружить в программных документах «Яблока» (в то время как партия ДВР категорически против этого). Или идеологическая и социальная база «Яблока» — это та интеллигенция, которой не нравится вот этот формирующийся российский капитализм и которая ищет пути решения проблем не в области реального поля допустимых значений, а в области неких идеологических химер, причем социализированных идеологических химер, близких к социализму.

В связи с этим для меня участники движения «Яблоко» — это как бы идеологические преемники умеренных социалистов начала века — не большевиков, а меньшевиков. И они далеко не так опасны, как, к примеру, большевики-экстремисты. Надо понять, что ими движет. В принципе ими движет тот же набор мотивов, соображений, неприятие эмоций, которые двигали когда-то меньшевиков.

Несомненно, в сравнении ДВР и «Яблока» прямые аналогии неуместны. Но если, перебрасывая исторические мостки от наших дней к началу века, мы воспринимаем себя в качестве идеологических преемников в спектре между октябристами и кадетами — скорее, кадетами в политической области и октябристами в области экономической политики, — то «яблочники», на мой взгляд, являются естественными наследниками либо меньшевиков, либо народников.

— В таком случае совершенно понятно, что между ДВР и «Яблоком» на сегодняшний день выявилось серьезное идеологическое неприятие.

— Подчеркну, что это не нечто поверхностное, а тем более не личностное.

— Тем не менее, как мне кажется, в некоей конкретной критической ситуации между ДВР и «Яблоком» могут быть моменты объединения.

— Вполне. Напомню, что меньшевики вместе с кадетами, октябристами в некоторых ситуациях оказывались объединенными перед лицом большевистской угрозы. И наша позиция всегда сводится к тому, что когда угроза большевизма реальна либо на региональном, либо на федеральном уровне, то в принципе надо забывать о существенных программных разногласиях, не носящих столь принципиального характера.

О себе

— *А теперь позвольте задать вопрос, рожденный моим личным любопытством. Дело в том, что, по-моему, впервые в России мне приходится разговаривать с человеком, который говорит на абсолютно европейском (в лучшем смысле этого слова) уровне понимания политической, государственной и общественной жизни. Откуда Вы такой взялись?*

— *(Смеется.) Не знаю... (Задумывается.) Опыт... Опыт...*

— *...Но ведь Вы очень молодой человек как политик...*

— *...И это верно. Но ведь все-таки за сколько-то лет полагается засчитывать один год управления правительством в условиях революции?! (Снова смеется.)*

— *...То есть Вы хотите сказать, что тем самым компенсируется молодость?*

— *Да... Да. Именно об этом я сейчас подумал...*

— *...Компенсируется, но и меняется?*

— *Да. По форме — да. А по существу-то мне лет очень много. После всего, что мне довелось за это время пройти.*

— *Ну что же, Егор Тимурович, наша очередная беседа завершается.*

Резюмируя услышанное, остается пожелать и лично Вам, и Вашим коллегам по институту, соратникам по партии, всем истинным демократам России успехов в нелегкой работе, направленной на то, чтобы над нашей страной как можно скорее рассеялся липкий идеологический туман недавнего времени.

Досадно, конечно, что вкупе с псевдоимперской идеологией при поддержке лжерелигии этот туман все еще так цепко удерживает в России свои позиции во многих сферах постепенно эволюционирующего общества. И все же хочется надеяться, что российское общество сможет выкорчевать остатки тоталитарного режима, как и тягу некоторых отечественных мифологов к кровавым рассветам.

А вместе с тем каждому из нас — и тем, кто постоянно проживает в России, и тем, кто по разным причинам находится вдали от родины, — хочется пожелать ни на миг не забывать о том, что не имперские амбиции и причитания ценятся во всем мире на исходе XX в. Поэтому хочется, чтобы Россия сумела найти в себе силы, поскорее и полноправно заняла в мировом сообществе место обновленного и цивилизованного государства.

— Спасибо за добрые пожелания. И пусть действительно страна наша после 75-летнего пребывания в болоте мифов выйдет все же на путь цивилизованного развития — тот самый путь, на котором основополагающими принципами будут уважение к каждой личности, защита каждого человека от произвола, защита политических и экономических прав и свобод граждан России.

Нельзя допустить возврата в прошлое. Да, согласен, в России сейчас многое выглядит «некрасиво», «некультурно», «нецивилизованно»... Но это не повод, чтобы повернуть назад. Нам надо упорно двигаться вперед. Но куда? Я глубоко убежден, что на развилке возникших альтернативных вариантов России под силу сделать разумный выбор.

Российский капитализм с родимыми пятнами коммунизма

— *Егор Тимурович, многие наши читатели интересуются, почему Ваш институт называется Институтом экономических проблем переходного периода и когда проблемы переходного периода кончатся?*

— К сожалению, проблемы переходного периода носят долгосрочный характер. Не надо думать, что если мы сегодня приняли решение выйти из социализма, то завтра окажемся в нормальной экономике. На самом деле родимые пятна социализма будут оказывать влияние на экономические институты и структуры стран, которые в нем (социализме) побывали на протяжении десятилетий. Сейчас формируется специальная область экономической теории, называемая экономической транзитологией. Это специальное изучение как специфических проблем формирования социализма, так и долгосрочных аномалий постсоциалистического развития. К сожалению, на протяжении ближайших 20–30 лет социалистическое наследие будет существенно модифицировать многие процессы, происходящие в нашей стране. А лет через 30 экономическая транзитология станет областью экономической истории и мы будем изучать ее, как сейчас изучаем экономику Античности или Средневековья.

— *К нынешней ситуации применима теория Милтона Фридмана?*

— Основные положения денежной теории применимы, но с дополнительными модификациями. К примеру, закон тяготения применим к любой ситуации и проектировщики металлоконструкций должны его учитывать, проектируя различные профили. Так и теория денег: как показывает опыт, она хорошо накладывается на постсоциалистическую реальность, добавляя те характеристики, которые не существуют в развитых рыночных экономиках.

Интервью брал Алексей БОРИСОВ.

Опубликовано в: Куранты. 1997. 1–7 октября.

— *Егор Тимурович, недавно Правительство России внесло в Госдуму проект бюджета-98, основным разработчиком которого являлись Ваш институт и Вы. Почему в отличие, скажем, от бюджета-97 он называется реалистичным?*

— Мы участвовали в работе над бюджетом, но, разумеется, не были его основными разработчиками. Что же касается конкретики, бюджет 1998 г. корректнее по сравнению с бюджетом 1997 г. Бюджет 1997 г. был нереалистичным с самого начала, и это все знают, там доходы были завышены по крайней мере на 40% по сравнению с реальной базой 1996 г. Сегодня проект бюджета по доходам очень напоминает реальные поступления 1996 г. и прогнозы на 1997 г. В связи с этим его можно назвать реалистичным.

— *Проект бюджета покоится на двух китах: правительственном экономическом прогнозе и проекте Налогового кодекса. Не рискованна ли разработка бюджета на непринятой налоговой базе?*

— Конечно, в этом есть элемент риска, но если бы мы стали разрабатывать бюджет без учета НК, то это означало бы поставить крест на возможности введения НК в 1998 г. и отложить налоговую реформу. Я считаю подход правительства справедливым. К тому же есть второе обстоятельство: основные показатели бюджета — расходы, доходы и дефицит. Если говорить не о структуре федерального бюджета, а о его совокупных доходах, эти цифры реалистичны и не изменятся даже в случае непринятия Налогового кодекса. Принятие или непринятие НК фундаментально скажется лишь на одной составляющей бюджета — на межрегиональных трансфертах. Непринятие НК в целом плохо отзовется в экономике — замедлится ее рост, часть экономики будет продолжать уходить в тень. Однако если НК не будет принят, исполнение федерального бюджета радикально не изменится.

— *Многие экономисты считают целесообразным введение налоговой амнистии для эмигрировавших за границу капиталов для их репатриации — по некоторым подсчетам, таковых от 200 до 400 млрд долл. Как Вы оцениваете такие предложения?*

— Такие оценки сделаны некорректно, потому что не учитывают две стороны этого процесса. Значительная часть бежавшего из России капитала на деле никуда окончательно не ушла — она вернулась, но в другой обертке. С осени прошлого года в страну пошел капитал, и значительная его часть — это «русские доллары», «эмигрировав-

шие» из-за высоких налогов. Я к идее амнистии отношусь достаточно скептически и считаю, что, если создать достаточно интересные для него (капитала) условия, он и сам вернется. А амнистия, к сожалению, обычно создает неблагоприятные стимулы. Возникает ощущение, что если один раз простили, то простят и в другой. Поэтому я не являюсь энтузиастом этой идеи. Опыт амнистии в разных странах носит противоречивый характер.

— Многие предприниматели и граждане с некоторым недоверием и страхом ждут нового Налогового кодекса. Действительно, многое там вызывает вопросы. Как Вы относитесь к Налоговому кодексу? Что Вы видите положительного, а что требующего доработки?

— Я хорошо отношусь к Налоговому кодексу и считаю, что этот документ в целом задает базу вполне нормальной налоговой системы, позволяющей облегчить налоговое бремя для лояльных налогоплательщиков и закрыть бреши для тех, кто налогов не платит. Главная слабость Налогового кодекса — это его Общая часть. Она создавалась еще позапрошлым составом правительства, абсолютно неудовлетворительна и нуждается в радикальной переработке. Мы разработали свой вариант Общей части НК (разработчик — депутат Госдумы от «Демвыбора» России Похмелкин), и сейчас на основе этой разработки правительство переделывает Общую часть НК. Общая часть теперь обеспечит защиту прав налогоплательщиков и, не противореча остальному тексту НК, создаст нормальные механизмы, позволяющие собирать налоги, исключая произвол налоговых органов по отношению к налогоплательщикам. Это самое главное, что нужно было в переработке. А главное, что дает НК малому бизнесу (и бизнесу вообще), — это предсказуемые отношения с налоговыми органами и резкое снижение размеров подоходного налога. Все многочисленные платежи исчезнут, а малое предприятие будет платить в бюджет только 35% совокупного фонда оплаты труда.

Для производителей в НК будет обеспечена существенная либерализация режима амортизации. Это является заменой освобождению от налогообложения части прибыли, направляемой предприятием на реинвестиции. Но если говорить о расширении налоговых льгот, то за всякую налоговую льготу — и это надо понять — придется платить общим повышением налогового бремени. Поэтому всякая льгота является движением в опасном направлении: нор-

мальный налогоплательщик будет платить много, а льготник — мало. Соответственно объективно сокращаются налоговые поступления и исправный налогоплательщик получает новую порцию налогов. И снова начинаются разговоры о налоговых льготах! Это очень опасно, потому что можно не дать льготы никому, но давать их избирательно крайне сложно...

— Когда заходит речь об устойчивости национальной валюты и экономики, все вспоминают об инвестициях. Егор Тимурович, как Вы оцениваете инвестиционные перспективы реального сектора экономики?

— Если будет принят НК, это будет означать радикальное улучшение инвестиционного климата¹. Международные инвесторы обретут уверенность на российском рынке, так как определятся налоговые отношения. Кроме этого есть еще ряд обстоятельств, существенно влияющих на инвестиционный климат. Масштабы частных инвестиций непосредственно определяются гарантией прав собственника. Никто никогда не сделает без таких гарантий серьезных вложений, а такой гарантией должны быть прорыночное законодательство, открытость отношений собственности, эффективная система бухгалтерского учета и аудита. Здесь немало сделано. Вступила в силу конституция частной собственности — Гражданский кодекс. Существенно усилена уголовная ответственность за преступления против собственности, приняты и начали работать законы об акционерных обществах, о ценных бумагах, регистрации сделок с недвижимостью, многие другие. Но впереди еще огромная работа. Необходимо, чтобы в России частная собственность была надежно защищена.

— Теперь вопрос, который волнует всех. С 1 января начнется проведение нуллификационной денежной реформы. Многие боятся, что цены, как при Хрущеве, вырастут и будет большая инфляция опять же с ростом цен. Что будет, на Ваш взгляд, в действительности?

— Ситуация следующая. Деноминация вовсе не является дополнительной эмиссией: каждый год в том же порядке меняются изно-

¹ Государственная дума в июне 1997 г. приняла проект Налогового кодекса в первом чтении, но в ноябре отменила это решение, постановив вернуться к его рассмотрению в первом чтении, тем самым надолго затянув его окончательное принятие. — *Прим. ред.*

шенные, ветхие купюры (срок жизни купюры в зависимости от номинала — полгода-год). После 1 января будет идти тот же самый процесс изъятия денег из обращения: взамен стотысячных купюр появятся сторублевые. Этот процесс отличен от денежной эмиссии — та предполагает увеличение денежной массы. А вклады граждан не обесценятся — они уменьшатся на деноминируемую величину, так же как цены и зарплаты.

— *Но ведь в 1992 г. вклады обесценились?*

— Нет. Вклады обесценились в конце 80-х — начале 90-х гг., когда они были изъяты в бюджет, чтобы заткнуть его все расплывавшиеся дырки. А золотой запас и валютные резервы растаяли. К осени 1991 г. в наследство Правительству России осталось 15 млн долл. валюты и менее 300 т золота. Обеспечить ими 400 млрд руб. вкладов было невозможно.

— *Егор Тимурович, прошло уже более шести лет со времени падения ГКЧП. Власть все так же принадлежит номенклатуре ЦК КПСС. В связи с этим видите ли Вы какие-то перспективы демократии в России, будет ли Россия в конце концов страной Запада или латиноамериканской олигархией?*

— Это, пожалуй, самый серьезный вопрос современной российской политики. За эти шесть лет после краха коммунистического режима в стране произошли очень серьезные перемены в социальной структуре, поведении населения. Если посмотреть газеты 1991 г. и нынешние, то подчас трудно понять, о чем писали газеты тогда. На мой взгляд, ответ общества на трудности переходного периода был получен в прошлом году на президентских выборах. Общество твердо высказалось против повторения коммунистического эксперимента. Конечно, списывать полностью возможность коммунистического реванша невозможно, но на первый план сейчас выдвигается другой вопрос — какой капитализм мы получим? Будет ли он олигархический с разными правилами игры для различных людей и организаций или нормальный с общими для всех правилами игры — это то, что сегодня не решено, то, что будет определяться в ближайшие годы и на следующих президентских выборах.

70 лет коммунизма оставили глубокий след. Российский капитализм будет с родимыми пятнами коммунизма. Мне очень бы не хотелось, чтобы эти родимые пятна оказались такими, которые придали бы нашему капитализму устойчивый олигархический ха-

рактиктер. Я очень надеюсь, что с этим удастся справиться. К сожалению, здесь нам ничего не гарантировано. Я лично сделаю все, чтобы олигархический капитализм в России не укоренился.

Власть и собственность: развод по-российски, или Признания «старого» реформатора

К собеседнику я шел пешком, благо от Пушкинской до Газетного переул-ка рукой подать.

Крошечный этот кусочек столицы, как и любой другой, испещрен приметамы происходящих в России перемен. «Пушка» — подземный переход — заряжена несметным количеством ларьков. Торговля — двигатель прогресса, факт. Хотя старушки, предлагающие здесь же сигареты или бутылку спиртного, думают не о прогрессе, а о том, как подзаработать к пенсии. Всюду на пути — банки, банки, банки. Естественно, коммерческие. Фасады сверкают мрамором: заходи, вкладывай, меняй валюту. На Тверской — пробка: машин, кажется, не меньше, чем людей. Турфирмы — читаю вывески — зовут куда угодно: Кипр и Крит, Штаты и Мальта... В витринах — изобилие. Цены не для всех...

Я иду к человеку, с которым связывают начало реформ, а многие — и продолжение, хоть он давно уже не во власти. Наверное, сколько будут идти реформы, столько и будут говорить о Гайдаре. Незлым тихим словом. Или злым и громким — зависит от результатов.

Я не искал специального повода для беседы. С ним в любой момент говорить интересно. И ясно о чем. О них, родимых, о реформах. Сейчас часто, имея в виду энергичных наших (прошлогодних) первых вице-премьеров, употребляют выражение «молодые реформаторы». В таком случае к Гайдару применимо — «старый реформатор». Тогда тем более любопытен его взгляд и в прошлое, и на сегодняшнюю ситуацию.

— У наших вождей в крови — форсировать развитие страны. Хрущев — помните? Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. У Брежнева скромнее: развитой социализм. Сейчас ждут судьбоносного заявления президента. Ожидается, он подведет черту под очередным этапом. Номенклатурный, дикий капитализм построен! Не знаю, правда, достижение ли это. Россия переходит

Интервью брал Анатолий ДРУЗЕНКО.
Опубликовано в: Известия. 1997. 1 октября.

к следующей стадии. Неясно, правда, какой. Не торопимся ли мы в очередной раз подводить черту?

— По-моему, нет. Я уже говорил об этом в прошлом году в июле, после президентских выборов. Они действительно, на мой взгляд, подвели черту под серьезным этапом, сущность которого определялась вопросом: состоится в России коммунистический реванш или не состоится? Волна, рожденная крахом империи, крахом социализма, болезненными преобразованиями, она что — подхватит нас и перенесет в прошлое и мы снова получим хаос типа 1990–1991 гг., когда не работают ни план, ни рынок, или сработают здравый смысл, инстинкт самосохранения?

Это была главная опасность. Она определяла нашу политику, приоритеты, союзы. Сейчас этот этап позади, хотя КПРФ и остается серьезной политической силой, особенно в ряде регионов. Однако угроза краха частных и рыночных механизмов в случае победы коммунистов отошла в прошлое. Говоря о России, ее будущем, разумеется, нельзя рассуждать со стопроцентной уверенностью. Тем не менее с серьезными основаниями можно предположить, что это так.

— *То есть, определяя минувший этап, мы перво-наперво оцениваем не то, что достигнуто, а идем как бы от обратного, фиксируем, что возврат к прежнему нереален.*

— Совершенно верно. И теперь главным вопросом, вокруг которого будет все строиться в политике, становится вопрос о характере российского капитализма и в первую очередь об отношении власти и собственности. При социализме они неразрывно связаны, в цивилизованном рынке четко разделены. Есть власть — она устанавливает правила. Есть бизнес — он играет по этим правилам. Попасть из точки А, где власть и собственность слиты, в точку Б, где они разведены, увы, нет такой волшебной палочки, которая сразу, в одночасье позволяла бы это сделать. Между этими точками серая зона, где власть и собственность уже вроде бы разделены, но пока на самом деле объединены, связаны тысячами нитей. Власть определяет для бизнеса разные правила, и, значит, от отношений с нею зависит успех того или иного предприятия.

— *Власть по-прежнему занимается энергетикой, уборкой урожая, заготовкой овощей...*

— И одновременно раздает льготы, а этими льготами кто-то торгует, сколачивая состояния. Экономические субъекты имеют возможность играть по разным правилам, для кого-то — строгим, а для кого-то — не очень. Такова реальность, которую мы получили. Она не случайна. Это неприятная, но, по всей видимости, неизбежная ступенька на пути от социализма. Вопрос в том, застрянем ли мы на ней на десятилетия или преодолеем быстро.

— *Как она выглядит, эта ступенька? Если взглянуть на сегодняшнюю жизнь из далекого уже декабря 1991 г., вернувшись на старт реформ, каковы, по-Вашему, предварительные итоги в элементарной классификации «что получилось?» и «что не получилось?»? Такой, знаете, простенький график: здесь — плюсы, здесь — минусы.*

— Тогда, в 1991 г., на старте, перед нами стояла абсолютно срочная задача. Разваливалась административная система управления.

— *Перестали слушаться...*

— Мало-мальски удовлетворительная работа нерыночного хозяйства невозможна без жесткой тоталитарной власти. Крушение КПСС, обслуживающих ее властных инструментов с неизбежностью влечет острейший кризис социалистической экономики, в которой перестают работать приказы и отнюдь не начинает сразу работать рынок. Отсюда тотальный дефицит, реальная угроза краха систем жизнеобеспечения. Деньги не работали. Пятнадцать государственных банков печатали рубли, а покупать на них было нечего. Принципиальным был вопрос: сумеем ли мы запустить рыночные механизмы, не допустив голода, в кратчайшие сроки заставить работать рынок, вернуть хотя бы минимальное доверие к рублю, добиться, чтобы на прилавках появились товары, чтобы экономика стала открытой, образовался частный сектор. Это сделать удалось. Рынок работает, рубль конвертируемый и устойчивый, частный сектор создан, экономика открытая, о дефиците и карточках мало кто вспоминает.

Что не получилось? Две вещи из принципиальных. Не удалось совершить переход быстрее, а значит, безболезненнее, ибо здесь каждый лишний год — это дополнительные тяготы для народа. Там, где мы находимся сегодня, вполне можно было быть по меньшей мере три года назад.

— *Быстрее не получалось, потому что приходилось поступаться принципами?*

— Потому что к концу 1992 г. очень многим представителям элиты показалось, что самое трудное позади и пришло время вновь порулить самим, вполне можно обойтись без реформаторов, говорящих какие-то непонятные слова и объясняющих, почему не надо давать индивидуальные льготы. Потом метание, непоследовательность, отсутствие четких экономико-политических ориентиров в работе правительства, отсюда потерянное время и избыточные издержки. И второе — не удалось создать равные правила игры и развести собственность и власть. Если Вы перечитаете газеты 1992 г. ...

— *Я это сделал.*

— Тогда был распространен такой упрек нашему правительству: Вы не хотите взаимодействовать с бизнесом, никого не слушаете, не учитываете новые интересы. И это было правдой. Тот стиль взаимоотношений с бизнесом, банками, который сложился позднее, в 1993–1996 гг., тогда было трудно себе представить. Мы хотели создать одинаковые для всех правила, а не делить между предпринимателями пряники в зависимости от симпатий. А дальнейшая эволюция — после смены правительства в конце 1992 г. — пошла под ритуальные разговоры о рынке без базара, об усилении государственного управления экономикой. Хотя на самом деле стремительно шел процесс срастания собственности и власти на новой, уже рыночной основе. Остановить его ни тогда, ни потом, после осени 1993 г., когда, казалось, снова можно двинуться вперед, не удалось. И я не удивляюсь этому. За всем этим — серьезные социальные процессы, логика нашей истории, родимые пятна социализма. Мы хотели сразу попасть из точки А, где развалился социализм, в точку Б, где действует эффективный рынок с равными правилами игры. Это было непросто, может быть, невозможно.

— *Практически все сходится на том, что в России построен бандитский капитализм худших латиноамериканских образцов. Почему он таким получился? Так задумывалось? В 1992 г. в одном из интервью «Известиям» Вы сказали: «Я понимаю, что приходится резать по живому, но это значит, что мы режем в нужном месте». И выходит: не только шоковую терапию, но и хирургию начали экономисты, а продолжили киллеры.*

— Истоки трудностей формирования цивилизованного капитализма в России, на мой взгляд, исторические. Возьмите современную рыночную экономику любой из наиболее развитых стран. Это,

заметьте, не столько писанные правила, сколько укоренившиеся нормы поведения. Уберите, вычленили из Америки или из Англии традиции исполнения контракта, ответственности, деловой репутации, оставьте только зафиксированное в законодательстве право (хотя и оно, конечно, необходимо), и Вы получите полный кавардак, наш нецивилизованный рынок. А ведь эти традиции вызревали столетиями. Уважение к частной собственности. Там директор хорошо знает, что нельзя воровать у своих хозяев. Больше того, это хорошо знали его отец, дед и прадед. У нас тот плодородный слой, который обеспечивает цивилизованность капитализма, за десятилетия социалистического эксперимента был либо уничтожен, либо искорежен. Вы что, за три месяца привьете культуру соблюдения контрактов или уважение к частной собственности? Нам еще предстоит заново формировать этот слой. И, очевидно, для этого потребуются время и постоянство усилий.

— *А шесть лет назад, начиная реформы, Вы предполагали такой именно масштаб и драматизм криминализации?*

— Нет. Мы понимали, что социалистическое наследие будет оказывать серьезное негативное влияние на характер формирующегося на его обломках общества, но не представляли себе, насколько трудным окажется продвижение вперед. Нередко мы больше думали о том, что нужно сделать, чем о том, что возможно сделать с данным историко-социальным наследием.

Помните анекдот советских времен: демонстрация в первобытнообщинном обществе, люди в шкурах несут плакат: «Да здравствует рабовладельческий строй — светлое будущее человечества!» Во всякой шутке есть доля правды. Из под обломков социализма выбирать было необходимо, но, к сожалению, никто нам не гарантировал, что путь к цивилизованному рынку будет легкой и приятной прогулкой.

— *Сейчас многие говорят о правилах игры. «Молодые реформаторы» заявляют: отныне играем по новым правилам, которые честнее старых. Возникает, естественно, вопрос: а почему старые были с таким низким коэффициентом честности? В начале реформ повторяли как заклинание: нам нужен средний класс. А что имеем? Олигархическую группу суперсостоятельных людей. Немцов говорит с экрана телевизора: на первом этапе приватизации стояла задача*

не качества, а темпов, скорости. Значит, что — обогащайтесь?! Как можно быстрее? Любыми способами?

— О приватизации. Как я уже говорил, мы начинали в условиях, когда экономика лежала в руинах. А нам нужно было заставить как можно быстрее заработать рынок. Помню, сколько раз люди, по-видимому вообще не представляющие себе, что такое приватизация, повторяли, что приватизировать российскую экономику надо до либерализации цен. Разумеется, без существенной доли частного сектора рынок нормально не работает. Хотелось бы только узнать секрет: как можно в условиях экономического хаоса, между неработающим планом и неработающим рынком за несколько месяцев приватизировать огромное государственное хозяйство и кому это удавалось? Проблема усугубляется тем, что к этому времени государство утратило реальный контроль за собственностью. Уже в 1988–1991 гг. директора почувствовали себя полусобственниками, а уж у родного предприятия воровать можно было спокойно и беззастенчиво. Короче говоря, требовалось как можно быстрее создать критическую массу частной собственности. Так что, выбирая между скоростью и качеством приватизации, мы сознательно делали ставку на темпы. Если бы мы приватизировали нашу экономику, как Тэтчер английскую, мы бы занимались этим до конца следующего века. Ну, а за темпы приходится платить. Платить избыточными уступками. Многие забывают, что основная часть приватизации проводилась по так называемому второму варианту, который предложили и провели в Верховном Совете весной 1992 г. коммунисты. Именно отсюда, по существу, бесплатная приватизация по остаточной стоимости. Кстати, мы вполне отдавали себе отчет в том, как дорого обойдется попытка создать промышленные колхозы. Но были согласны проводить приватизацию даже по коммунистическим правилам, лишь бы двигаться вперед. И сегодня, сравнивая ситуацию в секторах, которые прошли приватизацию, и тех, которые были из нее искусственно выведены, убежден: решение было правильным. Сравните хотя бы положение в приватизированной торговле и в бывшей потребкооперации, где приватизацию провести не удалось. С одной стороны — набирающий силу, постепенно цивилизующийся, высокоприбыльный частный сектор, с другой — убытки и запустение.

Далее. Согласен, у нас действительно образовалась группа очень богатых людей. Но слухи о том, будто у нас нет среднего класса, малосовместимы с фактами. Я знаю, что число семей, имеющих автомобиль, в Москве за годы реформ выросло более чем в 3 раза. Очень быстро растет и число тех, у кого есть дачный или садово-огородный участок. Я вижу, как ширится поток российских туристов за границу. По моим представлениям, средний класс у нас не только появился, он растет. Кстати, если бы это было не так, никогда бы Ельцин не выиграл выборы. Другое дело, что он, этот класс, еще совсем молодой, он не обладает развитым классовым сознанием, не всегда понимает свои интересы.

Наш средний класс формируется в условиях нестабильной экономики. У него еще не закрепились стереотипы, принятые для такого класса в развитых странах. Там нормальный представитель этого слоя, прежде всего массовый налогоплательщик. Он всегда помнит об этом, понимает, что государственные средства — это его деньги. Именно массовый налогоплательщик в развитых рыночных экономиках — социальная база либеральной политики, именно к нему обращаются те, кто хочет избавить свое государство от избыточной расточительности. А у нас он, так же будучи налогоплательщиком, по-прежнему воспринимает государственные расходы как чужие, осуществляемые на непонятно откуда взявшиеся деньги. Человек, за счет которого ангажируется государство, не осознает, что к нему в очередной раз собираются залезть в карман. Он искренне думает, что берут у него только тогда, когда надо подавать налоговую декларацию. А деньги-то взяли куда раньше, когда государство приняло на себя множество не всегда разумных обязательств.

Пожалуй, первый пример пробуждающегося сознания массовых налогоплательщиков — отношение к чеченской войне. Ведь в ее неприятии обществом слились и моральные, и экономико-прагматические соображения. Масса людей оказались просто неготовыми финансировать военные авантюры за счет своих налогов.

— *Что касается психологии среднего класса. Ваше отношение к образу «нового русского» — неграмотный «качок» с золотой цепью на шее, швыряющийся сумасшедшими чаевыми. Наверное, такой образ мешает становлению капитализма в России?*

— Безусловно.

— *Но это реальный образ или карикатура?*

— Он, конечно, неточный. Если Вы посмотрите на крупных предпринимателей, руководителей ведущих частных предприятий, во всяком случае на верхний их слой, то в абсолютном большинстве они не из «качков», а из физтехов и университетов. Они умны: надо же голову иметь, чтобы адаптироваться и в радикально изменившейся жизни. Они знают языки, это люди с достаточно высокой культурой. А тот карикатурный образ, о котором Вы говорите, он потому и бросается в глаза, что карикатурный. Это выходцы из периода заката социализма и ранней стадии перехода к рынку, когда зарабатывали легкие деньги. А сейчас походи попробуй заработать. Рынки насыщены, инфляционных рублей нет. Построить эффективный бизнес без знаний сегодня очень непросто. Нестановительно на глазах растет тяга к образованию, в институтах снова большие конкурсы. А почему? Да потому что молодые понимают: для серьезного успеха в бизнесе нужна не цепь на шее, а профессиональные знания.

— *Три года назад в книге «Государство и эволюция» Вы написали: если в ближайшее время не наступит реального подъема производства и уровня жизни, общество либо взорвется самоистребительным бунтом, либо впадет в апатию. И что? Время идет, а о подъеме говорить не приходится. По объему производимого ВВП, как считает экономист Андрей Илларионов, Россия отошла во вторую десятку, она удалась из клуба экономических сверхдержав и, по мнению того же Илларионова, в исторически обозримой перспективе туда не вернется. Ваше мнение на этот счет?*

— В 1991–1992 гг. мы говорили: чтобы начался подъем производства, нужно как можно быстрее стабилизировать финансы, денежную систему. Тогда шли бесконечные споры: наши оппоненты повторяли, мол, нельзя бороться с инфляцией, пока не поднимем производство. Неоднократно пытались за счет печатания пустых денег подстегнуть производство, но вместо промышленного подъема получали резкое падение курса рубля, новые волны инфляции и рост дифференциации доходов. В спорах и метаниях потеряли время. В начале 1995 г. взялись за ум и худо-бедно, позже, чем следовало, но стабилизировали-таки рубль. А это необходимая база для подъема производства в условиях рынка.

По итогам первого полугодия 1997 г. ясно, что падение промышленного производства прекратилось. Показатели июля, августа об-

надеживающие. Если эта тенденция сохранится в сентябре, можно будет утверждать, что мы вступаем в период промышленного подъема. Это видно по данным статистики, конъюнктурным опросам, по аналитике.

В числе натуральных показателей, на динамику которых всегда обращают особое внимание при анализе конъюнктуры, можно выделить производство автомобилей. За восемь месяцев этого года выпуск грузовиков в России вырос на 11%, легковых автомобилей — на 14%. Это характерные цифры. Обращает на себя внимание и стабилизация положения в ряде отраслей, столкнувшихся с наиболее острыми проблемами в процессе перехода к рынку. В частности, в легкой промышленности начался рост производства тканей, быстро увеличивается объем выпуска швейных изделий. Опыт постсоциалистического строительства выявил любопытную закономерность: период подъема, как правило, приходит медленнее, чем ожидают. Зато потом он идет быстрее, чем предполагали. Надеюсь, эта закономерность проявится и в России. Последние прогнозы перспектив развития России в начале XXI в., выполненные специалистами Мирового банка, весьма оптимистичны.

— А что может помешать?

— Серьезное изменение курса. Сейчас на мировых финансовых рынках возобновлено убеждение, что подъем в России не за горами, что правительство знает, что делает, и способно вести страну к цивилизованному рынку. Отсюда начавшийся приток капитала в Россию, рост спроса на российские ценные бумаги, на рубли, падение процентной ставки, рост валютных резервов ЦБ, постепенная монетизация экономики. Все это важнейшие факторы, работающие на подъем производства. Если завтра в правительстве, в проводимом им курсе произойдут резкие перемены, вновь усилится влияние авантюристов, предлагающих решить экономические проблемы страны за счет порчи национальной валюты, эти позитивные процессы могут остановиться. Снова свалиться в инфляционную яму легко, потом выбираться из нее будет труднее.

— Поляки главным достижением своих реформ считают необратимость экономического курса. Там экономика будет идти своей дорогой независимо от того, какое правительство придет к власти.

— Мы еще не в такой ситуации. Нам это, будем надеяться, предстоит.

— Не могу не спросить о нашумевших разборках между банкирами и «молодыми реформаторами». Вроде и те и другие на переднем крае строительства капитализма и вдруг на глазах изумленной общественности, да еще в такой форме начинают выяснять отношения. Это что — столкновение интересов?

— А как же иначе? Понимаете, новые правила легко признать в беседе и гораздо труднее — в деле, где затрагиваются твои интересы и счет идет на сотни миллионов долларов. Элите бизнеса очень непросто принять новые правила. Легче смириться с привычным, чем с меняющимся. Если вчера было так, и сегодня так же, и завтра, это кажется нормальным. А если сегодня вдруг не так, как вчера, сразу масса вопросов. Почему именно сегодня, а не, скажем, завтра? Но ведь когда-то надо, и в любой момент кто-то из сильных мира сего обязательно окажется недовольным выбором времени поворота. Я-то убежден, что двигаться в направлении обеспечения равных правил игры начали гораздо позже, чем это было необходимо.

— Внешне Ваша судьба как экономиста и политика схожа с судьбой отца «шоковой терапии» в Польше Бальцеровича. Конечно, ему сейчас меньше достается от противников реформ, поскольку результаты красноречивы. Но все равно общего много. И он, и Вы давали начальный толчок реформам, выступили в роли «камикадзе». Оба выжили, оба были вице-премьерами, Вы даже исполняли обязанности премьера...

— Бальцерович тоже, но очень короткое время.

— Оба испытали сладость отставки, возглавили движения. Сегодня Бальцерович со своей партией вошел в тройку призеров на парламентских выборах. Многие прочат его в будущие премьеры Польши. Для себя Вы видите подобный вариант возвращения?

— При всех наших различиях я смотрю на Польшу как на наиболее близкую нам страну в смысле рыночного развития, заметно опередившую. В 1991–1993 гг. Бальцеровича ненавидели в Польше, пожалуй, больше, чем меня в России, а польская пресса была полна статей о банкротстве «шоковой терапии». Хорошо помню, как в это время польские друзья говорили: представить, что Бальцерович выиграет выборы в каком-нибудь мажоритарном округе, в принципе невозможно! Но мне и тогда было ясно, что это пройдет и время все расставит на свои места. Думаю — без персоналий — у нас будет то же самое.

Ограничена возможность делать глупости

За крупнейшими спекулянтами — реальные инвесторы

— Сейчас кто-то говорит о подъеме в экономике, кто-то — о спаде, стагнации, кризисе. Есть все-таки, по-Вашему, какие-то реальные предпосылки роста промышленного производства или мы пока находимся на этапе падения?

— Я считаю, что мы находимся на этапе стабилизации. Если говорить об объеме производства, то наша статистика недостаточно совершенна, чтобы делать выводы исходя из того, что у нас объем производства вырос на 1,2%. В целом пока можно говорить только о том, что все изменения не превышают погрешности расчетов. Ясно, что основные факторы, позволяющие надеяться на начало экономического роста, сформированы. Я могу назвать Пермь, Самару, Мурманск и т. д. Видно, что начинают расти отдельные отрасли, причем не только сырьевые.

Опросы, которые проводит наш институт, показывают резкий рост оптимистических настроений среди директоров предприятий на протяжении последнего полугодия. А вот собственно о росте я пока высказывался бы крайне осторожно.

— Вы в свое время говорили о том, что главное — это развернуть финансовые потоки в промышленность. Происходит ли это сейчас и в достаточной ли степени?

— Происходит. Я это вижу не только на макроуровне. Знакомые руководители крупнейших банков лихорадочно создают департаменты кредитования реального сектора, ищут платежеспособных клиентов. Сейчас конкуренция уже идет не столько за кредитные ресурсы, сколько за возможности выгодного и надежного размещения кредитов в реальном секторе.

Интервью брал Сергей БОГДАНОВ.

Опубликовано в: Финансовая Россия. 1997. 30 октября.

— Можно ли рассчитывать только на наши внутренние средства? Насколько велика роль внешних инвестиций в данном потоке?

— Она сейчас значительна. Обычно видно, как сначала приходят рискованные спекулянты, потом крупнейшие спекулянты, и за ними начинают тянуться прямые инвесторы. Вот сейчас мы на той стадии, когда уже пришли настоящие крупные спекулянты и появляются крупные прямые инвесторы. Конечно, их интересуют телекоммуникации, нефтегазовый сектор, но интересы расширяются. Это я вижу по набору руководителей крупнейших мировых корпораций, которые иногда заходят, бывая в Москве.

— Возможен ли какой-то вред нашей слабой экономике от спекулятивных инвесторов?

— Краткосрочные потоки капитала они и есть краткосрочные. Финансовые спекулянты — это не бранное слово. Оно просто характеризует стиль их операций. Но спекулятивный капитал, с другой стороны, такой коршун, который набрасывается на экономику страны, как только в ней правительство или Центробанк начинают делать глупости. Если у тебя значительная часть рынка состоит из международных денег, это существенное ограничение на возможность делать глупости.

— Сейчас, к сожалению, все наши заимствования уходят на выплату долгов государства по зарплате, пенсиям. Чем отдавать-то будем?

— Заимствовать для того, чтобы вкладывать в производство, тоже не очень хорошо. Если говорить о государственных заимствованиях, то для меня сейчас существует один вариант — они необходимы для того, чтобы сделать лучше структуру нашего долга, сгладить пики, уменьшить общую стоимость обслуживания долга, увеличить сроки, т. е. главные задачи: долг должен стоить нам дешевле, сроки нашей задолженности должны расти, сроки погашения должны быть максимально равномерными. А повышение рейтинга нужно еще и для расширения возможностей доступа российских предприятий на рынки капитала. Рейтинг компании и банка не может быть выше рейтинга страны.

— Идет волна слияния и поглощения банков. Я беседовал с многими региональными банкирами, они говорят: у нас одна мечта — продать, мы не выживаем. Как в этой ситуации будет развиваться банковская система?

— На мой взгляд, процесс абсолютно естественный. Банковская система возникла в условиях экстремально высокой инфляции. Кстати говоря, сама идея резко либерализовать банковскую систему до либерализации всей экономики могла прийти в голову только Николаю Ивановичу Рыжкову, прошу прощения, девственно невежественному в экономических вопросах.

Тогда возникла ситуация, когда можно было просто качать деньги из воздуха. Сейчас начинается реальная жизнь с гораздо более ограниченной прибылью банка, с очень жесткой конкуренцией, с концентрацией банковского капитала. И я не хочу гадать, будет это 800 или 1000 банков, но ясно, что их количество будет существенно меньше, чем сегодня.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОМАНТИЗМ

— *Что новый Налоговый кодекс даст хорошего и даст ли вообще что-то изменение принципов налогообложения?*

— Налоговый кодекс является сейчас предметом очень острой борьбы, и сказать, что он даст, можно будет после того, как станет понятно, в какой форме он принят. Я могу сказать, какие основные идеи закладываются разработчиками.

Первое: резкое ограничение круга применяемых налогов. Второе: ограничение налогового произвола местных органов власти. Третье: упорядочение процедур расчета налогов — не должно быть налогов, которые считаются по разным правилам в разных регионах. Четвертое: резкое снижение предельных уровней налогообложения доходов.

Выравнивание ставки налогообложения прибыли и заработной платы устраняет стимулы к перераспределению различных видов затрат. Так что в целом, если Налоговый кодекс примут, мы получим налоговую систему, которая, конечно, многим не будет нравиться (я ни разу не видел налоговой системы, которая бы всем нравилась), но мы получим налоговую систему современную, не худшую, чем в любой из стран Восточной Европы.

— *Вы сказали о том, что изменится отношение к налогоплательщику, уменьшится стимул к уходу от уплаты налогов, т. е. фактически дается некий шанс теневой экономике выйти из тени.*

Самое важное, что можно сделать, — в максимальной мере убрать налоговые лазейки и снизить предельные ставки налогообложения.

Тогда есть шанс, что стимулы к уклонению от уплаты налогов резко снизятся. Когда Вы говорите коммерсанту: «Плати 90% налогов, но твой сосед не будет платить налогов вообще, потому что у него льгота», — конкуренции не будет. Когда ты говоришь: «Будете платить существенно меньше, но все», — то это серьезный стимул к легализации доходов.

— *Поддерживаете ли Вы в какой-то мере идею амнистии вывезенных капиталов?*

— Я не энтузиаст и не категорический противник такого решения. Во всей этой затее немало экономического романтизма. Капитал и уходит из России, и возвращается огромными потоками. Капитал хорошо знает, как это сделать. Для того чтобы он пришел, никаких амнистий не надо. Надо создать привлекательные условия для прибыльного ведения дела. А любые амнистии накладывают неприятный отпечаток на поведение: если один раз простили, то и еще разок простят.

САМОЕ ПРИЯТНОЕ ИЗ ТОГО, ЧТО МОЖНО ДЕЛАТЬ

— *Как Вы относитесь к процессу перехода коммерсантов из коммерции в правительство и обратно?*

— Во-первых, это неизбежно в условиях рыночной экономики, так как кадры откуда-то нужно брать. И ничего не сделаешь с тем, что кто-то сохранил знания, связи и т. д. В некотором смысле это нормально, потому что работа в государственном аппарате дает большой опыт, знания, связи и поэтому во всем мире оплачивается невысоко. Привлечение талантливых людей в государственный аппарат часто предполагает, что они там работают, а потом, используя знания, опыт, связи, уходят в частный бизнес. Там зарабатывают много денег, приходят в госаппарат на другой уровень и т. д.

Конечно, в тех же США законодательство довольно жестко предписывает, что можно и чего нельзя себе позволить с бывшими партнерами по бизнесу и что может делать человек, ушедший из правительства в бизнес. Я хорошо помню, как мой старый знакомый ныне министр финансов США Рубин перешел на пост экономического советника президента. У него было полное и неизбежное табу на общение со своими старыми коллегами по работе.

— *Вот г-на Чубайса назвали лучшим министром финансов года. Но разве он все сделал, что мог? Нельзя ли было сделать больше за это время?*

— Как Вам сказать, ведь это два разных вопроса: был ли он министром финансов года и можно ли было сделать больше. Я слишком дружен с Анатолием Борисовичем, чтобы судить его. Мне кажется, что присужденное ему звание — это справедливая оценка. Я знаю довольно хорошо многих министров финансов и считаю, что он за короткий срок сумел добиться продвижения по ряду ключевых направлений.

— *Что Вы имеете в виду, говоря о ключевых направлениях?*

— Это налоговая реформа, улучшение бюджетного процесса, формирование системы национального казначейства, реалистичный бюджет на 1998 г., изменение бюджетных процедур, короче говоря, нормальная финансовая работа. Да, за такой короткий период чудес сделать невозможно, но импульс очень мощный по всем направлениям. Конечно, вступление в Парижский клуб — это такая бутоньерочка, свидетельствующая о международном признании наших успехов.

Можно ли было сделать больше? Я бы сказал так: мне хотелось бы, чтобы было сделано больше, и я считаю, что объективно это было возможно по каким-то направлениям. Но это не значит, что кто-то другой на месте Чубайса сделал бы больше.

— *Имеет ли смысл для государства в проводимой им политике выделить некоторые наиболее приоритетные отрасли, обеспечить им тепличные условия, чтобы создать точки роста для всей экономики?*

— Знаете, это старая-старая дискуссия по поводу выбора приоритетов селективной промышленной политики. Мировой банк провел в 1993 г. исследования практики селективной политики и понял, что столько же раз эта политика использовалась для того, чтобы защищать угасающие отрасли, сколько и для того, чтобы поддерживать действительно восходящие. Я хорошо помню, как мой старший друг Евгений Ясин пришел в правительство. Он долго говорил про необходимость селективной политики, выделения приоритетов, в частности биотехнологии и авиакосмической отрасли, а по жизни Минэкономики вынуждено было давать деньги на угольные субсидии и сельское хозяйство. Я не верю, что в реальной политической ситуации, с такой Думой, с таким госаппаратом возможен эффектив-

ный выбор приоритетов. Боюсь, что это приведет либо к созданию налоговых лазеек, либо к разбазариванию государственных средств.

— *В принципе Вы допускаете для себя возможность возвращения в правительство?*

— Я ничего не исключаю. Но и считаю сейчас это ненужным и невероятным. Полагаю, что та роль, которую мы сейчас играем, по существу помогая правительству вырабатывать и реализовывать разумную, с нашей точки зрения, стратегию, — это самое приятное из того, что можно делать.

Едино и пока неделимо. Правительство работает на четыре с плюсом, считает Егор Гайдар

Егора Гайдара называют крестным отцом курса нынешнего российского правительства. Подготовка и внесение в Госдуму проекта федерального бюджета на 1998 г. — подходящий повод для того, чтобы попытаться оценить первые полгода работы новой команды. Об этом наша беседа с лидером партии «Демократический выбор России» Егором Гайдаром.

— Сложилось так, что за передачу бюджета на рассмотрение согласительной комиссии дружно высказались все думские фракции. А ДВР все устраивает в новом бюджете?

— Главным мне представляется здесь следующее. Во-первых, этот бюджет разделен по основным своим цифрам, т. е. по параметрам доходов, расходов и дефицита. При этом реалистичность бюджета не зависит даже от того, будет ли принят Налоговый кодекс. Как человек, причастный к составлению обоих документов, могу утверждать: федеральные доходы вследствие принятия НК радикально не изменятся. Могут возникнуть другие проблемы с региональными бюджетами, межрегиональными трансфертами, однако общая доля поступлений в главе доходов и расходов останется примерно той же. Во-вторых, бюджет вполне ориентирован на решение другой фундаментальной задачи — ограничения наших заимствований, а значит, замедления роста внутреннего и внешнего долга.

Впрочем, у бюджета есть, конечно, и слабости. В частности, остается по-прежнему закрытым военный бюджет, против чего мы всегда выступали. Но в данном случае, как это ни парадоксально, само Министерство обороны — точнее, его новое руководство — впервые готово максимально широко открыть свой бюджет. Это подтвер-

дил мне сам министр обороны¹ во время нашей недавней встречи. Поэтому я надеюсь, что теперь нам удастся наверстать упущенное и уже к рассмотрению бюджета во втором чтении его военная часть будет представлена в развернутом виде.

— Оппоненты Налогового кодекса считают, что один из его основных недостатков — закрепление за регионами исключительно «непривлекательных» налоговых источников...

— Принципиально важным мне представляется то, что Налоговый кодекс всерьез не повышает бремя федеральных налогов. Зато он становится действительно серьезной преградой для налогового самотворчества регионов. Не стоит забывать, что сейчас регионы используют (но не всегда эффективно) огромные ресурсы, которые выжимают непосредственно из предприятий, в том числе с использованием таких крайне вредных налогов, как налог с оборота, налог на пользователей автодорог и т. д. А ведь именно эти налоги делают нашу систему чрезвычайно несправедливой и неэффективной! Нельзя одновременно снизить налоговое бремя и сохранить за губернаторами возможность назначения тех налогов, которые они считают полезными для себя. Здесь приходится выбирать. На мой взгляд, в данном случае все-таки важнее сделать налоговую систему более простой, защищающей в целом интересы производящей сферы экономики. Ставить же во главу угла интересы региональной бюрократии — неправильно.

— Как Вы оценили бы первые полгода работы нынешнего российского правительства?

— По пятибалльной шкале я бы поставил ему четыре или четыре с плюсом. В течение трех месяцев оно работало на пять. Однако затем — на четыре с минусом. После июля в деятельности правительства явно ослабли напор, динамика, возникло некое ощущение расслабленности — вот, мол, мы дали сильный импульс, все закрутилось, а теперь можно немного и подождать. Отчасти это объяснимо. По сути все, что вынуждено делать правительство, — это вещи очень тяжелые и конфликтные. Их легко делать в ситуации, когда понимаешь, что иного выхода нет, именно так было у нас в феврале — марте. Но когда пенсии выплачены, собираемость налогов

Интервью брал Игорь АРХИПОВ.

Опубликовано в: *Вечерний Петербург*. 1997. 15 октября.

¹ Сергеев Игорь Дмитриевич, маршал Российской Федерации, министр обороны в 1997–2003 гг. — *Прим. ред.*

улучшилась, появились даже деньги для военнослужащих, тогда начинаешь задумываться — а надо ли со всеми конфликтовать, нельзя ли как-то помягче?! Это вполне естественная реакция. Однако сегодня такое поведение неприемлемо — у государства еще нет достаточных финансовых ресурсов.

— *В какой мере сегодня ДВР отождествляет себя с правительством?*

— Конечно, мы не можем отождествлять себя со всем правительством — там есть люди, которые не могут быть нашими единомышленниками. Да они и сами удивились бы, если б мы объявили их таковыми. Но несомненно, что ядро правительства, особенно социально-экономический блок, — это наши единомышленники. Мы их поддерживаем, пытаемся помочь, в том числе разработкой программных нормативных документов. И уж не станем отмежевываться от их линии.

— *А соответствуют ли реальной ситуации разговоры об усилении противостояния, конфронтации между близкими к Вам «молодыми реформаторами» и Виктором Черномырдиным?*

— Я не вижу признаков этого. На мой взгляд, сегодня наши коллеги и Черномырдин как глава правительства работают достаточно слаженно. В правительстве всегда бывают внутренние дискуссии, оно не может работать, как команда учеников, которые весело всем классом распевают песенки. Да, в правительстве имеются разные подходы к решению тех или иных проблем. Но все-таки нынешнее правительство, если сравнивать его с предыдущим, отличается большим уровнем интеграции, оно достаточно едино.

— *В свое время Вы неоднократно признавали, что чуть ли не главной ошибкой «правительства Гайдара» была его неспособность объяснить людям свои действия. Не повторяет ли Ваших ошибок нынешнее правительство?*

— На мой взгляд, они работают в этом отношении лучше нас. Хотя это не значит, что они работают хорошо. У них была возможность подвести черту под ошибками предшественников, оценить их. Но и они не застрахованы от технических ошибок. И их последствия мы увидим.

— *В связи с этим, кстати, предстоящая деноминация вызывает много опасений, говорят даже, что это попытка вновь запустить печатный станок.*

— Все это ерунда! Деноминация не имеет никакого отношения к проблеме «печатного станка». Это, к сожалению, не понимают даже многие профессионалы очень высокого политического ранга. Хотя, конечно, игра с деноминацией имеет свою «прелесть»: народ исходя из опыта прошлых лет все время считает, что его обязательно должны обмануть, но только никто не может понять, каким образом. Поэтому беспокойство здесь вполне естественно. Однако на самом деле оснований для какого-то обмана здесь нет, это будет чисто техническая операция, которая ни на что не влияет.

— *А насколько закономерен, на Ваш взгляд, распад «семибанкирщины», следствием чего стали и жесткие нападки на Чубайса со стороны новых (и отнюдь не «левых») оппонентов правительства?*

— Распад «семибанкирщины» был изначально неизбежен — об этом я говорил сразу же после президентских выборов. Этот альянс возник под влиянием очень серьезной угрозы коммунистического реванша, благодаря которой объединились самые разные социальные группы и влиятельные люди. Ведь еще за какие-то полгода до того, как возникла «семибанкирщина», невозможно было представить, что некоторые из этих людей сядут за один стол. Но это случилось — причем совсем не потому, что банкиры неожиданно друг другу понравились. Да и тогда сразу было ясно, что коммерческие интересы участников «семибанкирщины» в перспективе разойдутся. Так что вполне закономерно, что сегодня одни поддерживают действия правительства, а завтра — другие. Просто все руководствуются тем, что в данный момент им выгодно, и в этом я не вижу ничего удивительного.

Когда говоришь о России, никогда не говори «никогда»

— С 1994 г. мы слышим: вот еще немного потерпим, а там будет подъем. Сейчас уже 1998-й на пороге. И опять обещают подъем. Верить?

— Так ведь не бывает, чтобы кто-то захотел, и тут же начался подъем. В условиях рынка для этого должны быть предпосылки. Основные кирпичики сейчас для подъема есть. Я бы сказал, необходимые, но не исчерпывающие условия для подъема. И правительство знает, что надо делать. Впервые за многие годы есть вполне понятная программа действий.

— Тогда, может, объясните, что такое «народный капитализм» и «государственное регулирование», которые президент вроде собирается объявить?

— Одинаковые вещи можно назвать разными словами и разные вещи — одним и тем же словом. Главное, как президент понимает «усиление государственного регулирования». Если это комплекс либеральных реформ, нужных, чтобы государство делало то, что оно должно делать, то можно называть это любыми словами: «народным капитализмом», «усиленным государственным регулированием», как угодно. Я бы назвал его «либеральным». Государство не должно рассказывать крестьянам, как пахать землю, не должно раздавать льготные кредиты или налоговые льготы. Из этого ничего, кроме коррупции, не получается.

— Ваше правительство 1992 г. и нынешнее, сравните их.

— Они более похожи между собой, чем почти все правительства между ними. Что общего? У правительства 1992 г. при всех его недостатках был четкий ориентир. История в общем и целом под-

твердила нашу правоту. Нынешнее правительство тоже понимает, что делает. И ориентиры тоже соответствуют реальным потребностям страны. Различия. В наше время аппарат после всех перетрясок не успел окостенеть. Это давало почву для ошибок, но позволяло быстрее продвигаться. Нынешний аппарат устоявшийся, но, может быть, как раз поэтому и слабо приспособлен для реформ.

— Но вас называли романтиками, а нынешних именуют прагматиками.

— Да, это связано с различием во времени, в котором приходилось работать тогда и в котором работают сегодня. Мы пришли, когда всеобщий уровень экономического образования был бесконечно низок, а проблемы стояли очень остро. Сейчас рыночная экономика стала реальностью, с которой общество свыклось.

— А может, Вы рано пришли?

— Я бы с удовольствием подождал...

— А вот г-н Куликов¹ на встрече с редакторами центральных изданий, видимо, в ключе объявленной борьбы с коррупцией заявил, что, будь его воля, он бы многих пересажал. Что за этим стоит?

— Мне не очень понятно. Или ты работаешь министром внутренних дел и борешься с преступностью и тогда в доказательство представляешь документы и выигранные судебные процессы, или у тебя доказательств нет. Тогда молчи в тряпочку или подавай в отставку.

— В свое время Вас припирали к стенке за то, что Вы утверждали, что выгоднее было бы закрыть военные предприятия и выплачивать их работникам пособия. В то время для многих это было открытием. Какие открытия нужно совершить в обществе, в сознании, чтобы сделать шаг вперед?

— Одно. Простое, но фундаментальное: государство делит только деньги налогоплательщиков. Почти все мы выросли в условиях, когда государство и мы, люд, были разделены. Такое отношение к государству сохранилось. Сужу по своей жене, которая многое понимает, но до сих пор расстраивается, когда по телевизору говорят: «Куда смотрит государство? Почему оно не достраивает замечательный корабль или не дает крестьянам дешевый комбайн?» А я ей: «Ты понимаешь, что мы с тобой будем выплачивать еще большие

¹ Куликов Анатолий Сергеевич, генерал армии, министр внутренних дел РФ в 1995–1998 гг. — Прим. ред.

налоги?» Задумывается. Понимание, что речь идет о наших, народных деньгах, только нарождается.

— *Лужков, кстати, успешно эксплуатирует как раз привычный подход к государству.*

— Да-да. Он говорит при обсуждении Налогового кодекса: «С принятием нового Налогового кодекса Москва потеряет». А что это значит? Только то, что мы, москвичи, станем меньше платить в московский бюджет. Вопрос еще: кто при этом потеряет, а кто выиграет.

— *Что Вы думаете по поводу предстоящей деноминации?*

— О деноминации не стоит всерьез разговаривать, потому что она ни на что не влияет, разве что на упрощение расчетов. Разумеется, если только на этом фоне не затеют какой-нибудь авантюры типа отказа от индексации вкладов. Это тоже можно сделать, если деньги есть в государстве. Ну а если нет, то получите обвал рубля и валютных резервов. Надо понимать: если из тумбочки взяли пять рублей, то, пока Вы их обратно не положите, они там не окажутся. Государственные финансы устроены принципиально так же. В конце 80-х, начале 90-х гг. правительство Рыжкова — Павлова залезло «в тумбочку». В бюджет были изъяты страховки, валютные вклады во Внешэкономбанке и деньги Сбербанка — «на заплатки». К 1991 г. денег на месте так и не было. Теперь индексировать вклады можно, но для этого все равно нужно положить пять рублей старыми деньгами обратно в тумбочку. В прошлом году начали индексировать вклады для тех, кто старше 80. И что же? Тут же за счет дыры в бюджете перестали платить пенсии. Значит, до тех пор, пока не будет решен вопрос об источниках компенсации вкладов, игры на эту тему — политиканство, чем я никогда не хотел заниматься.

Можно было бы увязать приватизацию с вкладами. На Украине так и сделали. Но что-то счастливых писем о том, как здорово получилось, нет, потому что сумма вкладов была несопоставима с реальной капитализацией рынка в условиях хаоса. Вся капитализация ваучеров, их рыночная стоимость в 1993–1994 гг. составляла примерно 2 млрд долл. Представьте себе, как люди были бы счастливы, если бы им обменяли их вклады в пропорции 150 старых рублей на один доллар? Наверное, они бы восприняли это как обман.

— *Совсем недавно президент пообещал, что старые, дореформенные, вклады, возможно, не будут деноминированы, т. е. не уменьшатся в тысячу раз. Народ ожил.*

— Есть дистанция между желаниями и возможностями. Политики имеют право желать людям хорошего. А экономисты обязаны говорить неприятную правду. Нет денег, нечего строить. Но 310 трлн не способен единовременно взять с потолка даже президент.

— *А вот он говорит, что созданы огромные валютные запасы...*

— Это правда. У нас сейчас свыше 24 млрд долл. золотовалютных резервов. Если сравнивать с несколькими миллионами, которые у нас были в конце 1991 г., то, конечно, прогресс. Эти 24 млрд (примерно 120 трлн руб.) можно изъять из ЦБ и использовать на любые цели. Но опять-таки надо видеть последствия. Сегодня эти деньги являются обеспечением всех рублей, которые у нас есть. Почему Вы сейчас не бегаєте с каждым рублем менять его на доллары? Потому что знаете, что вот он, какой есть, такой и полегит. Но если Вы завтра изымете валютные резервы, у Вас немедленно обвалится рубль.

— *Все тот же Куликов, доктор наук, кстати, сказал, что все неправильно приватизируется. Все средства, мол, надо направлять не на пенсии (все одно проедят), а на промышленность, чтобы она встала на ноги.*

— Можно и это. У нас довольно тяжелый бюджетный кризис. Его катализатором стал бюджет на 1997 г., который не соответствовал реальности. Куликов, как я понимаю, имеет прямое отношение к правительству, его представившему. Результатом принятия бюджета были невыплаты пенсий, денежного довольствия. Чтобы сейчас заткнуть эти дырки, нужно использовать приватизационные доходы. Но если ты не хочешь на это тратиться, по 5–6 месяцев не станешь платить военнослужащим, к примеру, а захочешь восстанавливать промышленность, то в ответ получишь такую политическую напряженность, что никакие инвестиции в промышленность не придут. Ни свои, ни чужие — испугаются.

— *Если говорить о начале процесса, который именуется перестройкой, то команда демократически ориентированных людей пришла в государственные структуры и потом почти вся отошла на второй план и сегодня подвергается критике. Почему это произошло, можно ли выделить общую причину?*

— Существуют нормальные механизмы ротации кадров в стабильных обществах. Одни для тоталитарного режима: комсомолец в школе, в институте, в райкоме, потом партия и т. д. Другие — для рыночной демократии. Есть и переломные ситуации. Вот в такие

периоды происходит выброс подчас тех людей, которые ни в той, ни в другой ситуации у власти бы не оказались. Я бы точно не оказался в политбюро. И не очень себе представляю, что стал бы профессиональным политиком при стабильной демократии. Иногда такие «случайные» люди укореняются, но чаще всего с приходом хотя бы подобия стабильности они сходят с арены. И второе объяснение состоит в контрасте между предреволюционными ожиданиями и послереволюционными реалиями. Так было во Франции конца XVIII в., в России перед 1917 г. и после него, то же самое с антикоммунистической революцией в СССР. Всегда это сначала романтические грезы и энтузиазм, потом — всплеск преступности, экономический кризис, кризис власти.

Революция — это вскрывшийся гнойник общества, который старая элита не смогла вылечить терапией. Для «романтиков» очень непросто остаться у руля в условиях повального разочарования.

— *Сейчас на политической арене появляется новая фигура — Рохлин¹. Он говорит: «Жить так больше нельзя». И хотя, по многим прогнозам, назад дороги нет, но рейтинг Зюганова снова начал расти. Нет здесь большой опасности?*

— Я могу ошибаться, но мне кажется все это опереточным. Я не верю в серьезный политический потенциал Рохлина. А рейтинг Зюганова не растет. Он колеблется. Его электорат не растущий по природе своей. Им ведь всерьез так и не удалось ничего сделать с молодежью. В июле 1996 г. Зюганов собрал все, что можно было вывести против Ельцина. Они могут встать у власти, когда общество и рынки станут воспринимать их как безобидных. Ну, эка невидаль, выиграл Квасьневский в Польше! Вы же понимаете разницу между Зюгановым и Квасьневским. Мы же не обсуждаем вопрос, кто будет сидеть в Кремле. Важно другое — будет ли подорвана система, проведена национализация, выстроят ли нас опять в очереди или посадят на карточки. Правда, когда говоришь о России, никогда не говори «никогда».

¹ Рохлин Лев Яковлевич — военный и политический деятель, депутат Государственной думы (2-го созыва), основатель радикального Движения в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки (ДПА), якобы готовившего антигосударственный переворот. В 1998 г. был убит, по официальной версии, собственной женой в ходе семейной ссоры. — *Прим. ред.*

— *В народе ходит много мифов «переходного периода». Один из них — «Гайдар, ограбивший старушек». Еще какие мифы на сегодня довлеют над Россией?*

— Главный миф — о катастрофизме. Мол, с 1991 г. все рушится, мы находимся в состоянии углубляющегося кризиса и т. д. Истоки понятны: отделение себя от власти, о котором я уже говорил, пресса, для которой хорошая новость не новость, давление коммунистов, которым это на руку. А с Запада люди приезжают и удивляются, почему же все, что мы здесь видим, так расходится со всем, что мы читаем и слышим? Число машин повсеместно увеличилось, хотя «все умерли от голода». Число дач и дачных участков растет (я не имею в виду дворцы и замки). Посмотрите, что происходит вокруг любого города, — сплошные застройки. Или разговор бабушки, проклинающей режим: «Что ж я теперь эти дрянные бананы не могу внуку купить?» Вспомните про «дрянные» бананы в 1990 г. Или оснащенность бытовой техникой: семь лет назад видеомэгафон был признаком роскоши.

— *А все-таки, кто действительно «вывалился из гнезда»?*

— Многие из тех, кому за 55 и кто проживает в деревнях и небольших городах. Тем стало заметно хуже. Выиграли больше других те, кому до 35. Все это правда. Но неправда, когда мы сознание проигравших переносим на все общество. Многие так и живут с ложным ощущением, что у него-то все вроде бы ничего, а страна-то разваливается. И человек не замечает, что так же живет и его сосед, и соседняя улица.

Ну, конечно, Москва выиграла больше всех. И Лужков — главный бенефициарий. А что еще должно было произойти, если Москва — политический и экономический центр, где в условиях рынка происходит основная концентрация капитала? И кто же все это устроил? Ну, конечно, мэр Лужков. Судить по Москве о ситуации в России — большая ошибка. Но и думать, что ситуация полюсная, мол, Москва процветает, а вся Россия пухнет от голода, тоже упрощение картины.

— *Но все-таки общество в разломе по политическому, поколенческому признаку. В связи с этим как Вы относитесь к разговорам о национальной идее?*

— Ничего более комичного, чем дать поручение разработать национальную идею, я представить не могу. В России рано или позд-

но сформируется национальная идея. Но этот процесс бессмысленно подстегивать.

Я хочу, чтобы Россия была нормальной, цивилизованной страной, чтобы ее уважали в мире не за ракеты, которыми мы угрожали, а за цивилизацию, чтобы промышленность выпускала товары, за которые не стыдно, чтобы люди получали приличную зарплату, чтобы она росла.

И я убежден, что все это не сказка. Беда национал-патриотов, на мой взгляд, в том, что они страдают глубоким комплексом национальной неполноценности.

А я убежден: мы не глупее всех и не косоруки.

Егор Гайдар: Надеюсь на стабильность

Наверное, сейчас это уже трудно представить, но четыре года назад в Москве шла настоящая война: палили танки, стреляли автоматы и пулеметы и — гибли люди, большей частью невинные. Октябрь 1993 г. кровавой поступью вошел в историю России. Наша сегодняшняя беседа — с Егором Гайдаром, бывшим в то время заместителем премьер-министра страны.

— Егор Тимурович, извините, но я не могу не затронуть эту тему: вечером 3 октября 1993 г. я пошел посмотреть, что происходит у телецентра (благо живу не очень далеко) и кто в кого стреляет. Попал под обстрел (причем палили по толпе «наши» проельцинские «бэтээры»). Узнал, что это такое, когда рядом летят пули. Короче, выбравшись на четвереньках из-под огня, ловлю попутку, приезжаю домой, включаю телевизор, а там Вы призываете народ выходить на улицы. Скажу честно: тогда я испытал к Вам не самые добрые чувства. А ведь кто-то последовал Вашему призыву и, возможно, был убит. Почему же власть, второй человек в стране звал безоружных людей на борьбу с отмороженными боевиками, наводнившими тогда Москву? Власть и государство должны защищать своих граждан. Вы не жалеете теперь о своем призыве?

— Я много об этом думал. В 1917 г. нас тоже государство должно было защитить. Восстание происходило на маленьком пятачке в Питере! Власть тогда была беспомощна, ничего не делала и не могла сделать, она не была готова организовать людей, не хотевших победы коммунистов. То, что в 1991–1993 гг. мы пережили революцию, и то, что в октябре 1993 г. у нас была маленькая гражданская война, — факт. То, что в этой войне все могло сложиться иначе, — абсолютный факт.

Интервью брал Александр САРГИН.

Опубликовано в: Аргументы и факты. 1997. № 40 (885). Октябрь.

То, что у Ельцина реально не было силовых структур, они были растеряны и не готовы ничего сделать, — это факт, который я очень хорошо знаю. То, что в такой ситуации все зависело от того, куда качнется маятник, — абсолютно точно.

Определяющую роль тогда сыграло то, что силовики поняли, что нет никакого народного вооруженного восстания, а есть достаточно энергично действующие экстремисты. У Моссовета тогда действительно собрались достойные и смелые люди. Они и переломили ситуацию. Я действительно знаю, какую ответственность взял на себя тогда, и я счастлив, что у Моссовета никто не был убит или ранен. Для меня решение обратиться за поддержкой к москвичам, быть может, было самым тяжелым из тех, что я принял в своей жизни. Но я отнюдь не жалею об этом.

— *Власть в России по отношению к маленькому человеку всегда была мощным недостижимым механизмом, не понимала его нужды и чаяния, заботясь только о себе. А сейчас стала ли она более чуткой к простым людям?*

— Я думаю, что власть в России по отношению к маленькому человеку чуткой не была никогда. У маленького человека стало меньше беспочвенных ожиданий. Меньше стало наивного детского ощущения того, что где-то есть далекий мудрый чиновник, который позаботится о тебе. Стало больше прагматизма в отношении к власти.

— *А возможны ли, по-Вашему, в новом наступившем политическом году какие-то беспорядки?*

— Базы для восстаний, бунтов, массовых беспорядков, которые могли бы поставить под угрозу социально-экономическую стабильность в стране, на сегодняшний день нет. При всех реальных проблемах ситуация сегодня заметно стабильнее, чем осенью 1993 г. Но что касается схваток в элитах, скандалов, войн компромата, то я это считаю очень вероятным. И здесь дело не в том, кто кого любит или кто кому наступил на какую мозоль. После того как стало ясно, что капитализм и рынок в России укоренены, борьба должна была разгореться вокруг того, с какими правилами игры будет наш капитализм. Либо и дальше будет продолжаться, что для сильных они одни, а для слабых — другие, либо это будет нормальный либеральный строй с общими правилами игры для всех, где собственность и власть довольно четко разделены.

— *Помню, в одном полемическом интервью в ответ на обвинения Н. Рыжкова о том, что при Вас произошло ограбление народа и обнищание страны, Вы, опираясь на конкретные цифры и факты, опровергли это, сказав, что вышеупомянутые явления произошли при коммунистах и, в частности, очень во многом при нем. И добавили: «Когда я смотрю на доброе наивное лицо Николая Ивановича, то думаю: неужели простота действительно хуже воровства?» А изменился ли сейчас по сравнению с «плачущим большевиком» тип руководителя государства?*

— Конечно, ведь Рыжков — это тип руководителя перестроечной эпохи. Сейчас изменился элитный состав, но элита стала разнородной и очень разной стилистически. Есть новый руководитель типа Черномырдина. Отношусь я к Виктору Степановичу неплохо, считаю, что премьер у нас мог быть гораздо хуже. Он оказался человеком достаточно порядочным, хотя сделал немало ошибок. И совершенно другой тип молодого руководителя А. Чубайс...

— *Борис Николаевич вписывается в тип российского руководителя нынешней эпохи?*

— Есть в нынешней элите штучные люди. Борис Николаевич — это штучный человек. Когда про него говорят, что это типичный секретарь обкома, то я думаю: какая же это ерунда! Секретарь обкома — это массовый товар. А Ельцин был исключительным и выделялся и тогда, когда был секретарем обкома.

— *Давно ли Вы с ним общались?*

— Давно.

— *Инициативы ни с Вашей, ни с его стороны нет?*

— Зачем мне дергать президента? Я считаю, что сейчас в принципиальных вопросах он действует правильно. У меня теперь больше возможностей реализовать то, что я считаю нужным, чем было после 1994 г. Я искренне симпатизирую Борису Николаевичу, рад, что у него нормальное здоровье, что он в хорошей форме.

— *Как Вы считаете, празднование 850-летия Москвы — это начало предвыборной кампании Лужкова?*

— Да, я считаю, что начало. Трудно сказать о чьих-либо шансах сейчас: три года — это очень большой срок для России. Но я считаю, что Лужков — очень серьезный претендент на пост президента России в будущих выборах.

— *А Лебедь?*

— Если до последнего времени популярность Лебеда по опросам была выше популярности Лужкова, то, на мой взгляд, политический потенциал Лужкова больше политического потенциала Лебеда.

— *Возможно ли Ваше сближение с Явлинским?*

— Все зависит от того, какие принципиальные вопросы будут стоять на повестке дня. Если речь снова будет идти о реванше коммунистов, думаю, наша позиция будет единой. Но если встанет вопрос о конкретной социально-экономической политике — вряд ли. Здесь мы оппоненты в принципиальных вопросах. Явлинский хочет больше государства, мы — меньше.

— *Впервые в истории России о денежной реформе населению объявлено за полгода. Один мой коллега по этому поводу сказал так: «Реформа — это понятно. Но непонятно, в чем же нас дураят». Я ответил ему, что в этот раз вроде бы не дураят. Коллега убежденно произнес: «Нет, так быть не может».*

— Действительно, власть много раз дурила население с денежной реформой, но на этот раз дуричь никого не собирается. Честно говоря, я уговаривал своих коллег не спешить с этим делом и подождать хотя бы до 2000 г. для того, чтобы стерлись из памяти две довольно странные реформы 1991 и 1993 гг. Но, надо сказать, развитие событий идет пока лучше, чем я предполагал. Самое разумное, что можно делать накануне денежной реформы, — это не думать о ней вообще. Ведь будет проведена простая, чисто арифметическая операция, которая вообще ни на что не повлияет.

— *Сейчас среди чиновников своего рода мода — подавать декларацию о доходах.*

— Да, такая мода есть. Я к ним не отношусь и моду эту не разделяю. Подаю декларацию в налоговую инспекцию регулярно, каждый год. Там меня хорошо знают. А публичного обсуждения моих доходов я как не госчиновник сегодня могу избежать.

— *А не хотелось бы Вам в свое время, как некоторым сегодняшним высокопоставленным госчиновникам, пересадить всех на «Волги»?*

— Тогда все и так ездили на них. У меня все правительство ездило на «волгах», и я ездил на «Волге». Правда, А. Коржаков просил у меня денег на иномарки, но я ему их, естественно, не дал. Мне странно не инициатива Б. Немцова, а странно, когда в условиях тяжелого экономического кризиса происходит массовое пересаживание на иномарки, а потом массово обсуждается вопрос о том, что

если на «Волге» нет подогрева сиденья, то российского чиновника на нее пересадить никак невозможно.

— *Егор Тимурович, возможно ли Ваше возвращение во власть?*

— Вопрос абстрактен: в какой ситуации это будет, для реализации какой политики? Я не жду в ближайшее время каких-то радикальных изменений в составе правительства. Да, честно говоря, и не хотел бы: оно пока действует достаточно слаженно и организовано.

Самая опасная политика — «никакая»

Егор Гайдар анализирует причины политического долголетия премьера Черномырдина

— *Егор Тимурович, как происходило рождение правительства Черномырдина?*

— Одним из условий компромисса, который тогда был достигнут между президентом, правительством, Конституционным судом и Съездом народных депутатов, было представление Ельциным новой кандидатуры премьера. Была оговорена процедура: фракции собирают предложения, вносят несколько кандидатур, проводится рейтинговое голосование и одну из трех кандидатур, набравших наибольшее число голосов, президент выставляет на голосование. Если она проходит — он утверждает премьера, если нет — назначает исполняющего обязанности. Процедура давала ему достаточно широкую свободу маневра.

Черномырдин не рассматривался в качестве серьезной кандидатуры, это не был запланированный вариант. И надо сказать, что он сам совершенно не рвался в премьеры. Его кандидатуру назвали несколько фракций, и он советовался, надо или не надо ему баллотироваться: «если скажут, что не надо, я не буду...» Ему сказали, что надо: главная задача была, чтобы по рейтингу не оказались впереди три заведомо и абсолютно неприемлемые кандидатуры.

Голосование: больше всех набирает Скоков (на мой взгляд, кандидатура абсолютно неприемлемая), потом Черномырдин, потом я, а потом Каданников — на один голос меньше, чем я. Президент первым пригласил меня. Я подробно описывал этот разговор в книжке. Напомню только суть. Я сказал Борису Николаевичу, что если он не будет назначать меня, то, на мой взгляд, надо назначать Чер-

Интервью брали Андрей КОЛЕСНИКОВ, Любовь ЦУКАНОВА.
Опубликовано в: Новое время. 1997. 14 декабря.

номырдина, но ни в коем случае не Скокова. А если будет назначен Черномырдин, то я всех своих буду просить оставаться и работать и т. д. Поговорив с Черномырдиным и Скоковым, он пригласил меня еще раз и сказал, что будет представлять кандидатуру Черномырдина.

Черномырдин, как Вы помните, выступил со своей известной речью о «рынке без базара», после чего был с большим энтузиазмом избран. И от него на самом деле тогда очень многие самого разного ждали. Помнится, Вольский дал неосторожное интервью где-то в Японии, начал рассказывать, как он будет правительство формировать... Ельцин очень на это дело рассердился, сказал, что так не будет, что реформы не отдаст, ну и т. д. Короче говоря, правительство в тот момент было еще коалиционным, с сильным влиянием наследия правительства реформ. Я действительно тогда собрал всех своих и сказал, что совершенно освобождаю от всяких предшествующих обязательств по отставкам, больше того, некоторых людей лично очень прошу остаться и работать, Чубайса в том числе, потому что был самый-самый момент начала приватизации, вот только запущен механизм, и уходить — значит просто загубить все...

С Черномырдиным мы поговорили в этот вечер, во-первых, по некоторым срочным делам, которыми он до этого не занимался, — по финансам, валюте, и немножко по персоналиям — он спрашивал каких-то моих советов: кто в этом разбирается, а кто в этом...

— *Не кажется ли Вам, что существовало не одно правительство Черномырдина, а несколько?*

— Абсолютно согласен. Очень ярко это видно по последнему году, если сравнить правительство, сформированное в августе 1996 г., с тем, которое появилось в марте 1997 г. Идеологически и личностно они малосовместимы, хотя отдельные персоналии перешли из одного в другое.

Но на самом деле вот таких разных правительств за это время было много. Скажем, одно — после выборов 1993 г. и моей отставки, отставки Бориса Федорова и Эллы Памфиловой. После «черного вторника» было уже существенно другое правительство, хотя, конечно, контраст не такой сильный. Это очень забавно, когда на таком извилистом пути с большим количеством ухабов правительство, как и следовало ожидать, много раз менялось, а премьер все время оставался один и тот же.

— *Чем Вы это объясняете?*

— Я это объясняю неким набором его личных качеств. Он человек с выраженной традиционной корпоративной этикой, суть которой: начальник прав, и я не должен его предавать. Причем должен быть не формально лоялен, а по существу, особенно в сложных ситуациях.

Черномырдин — это правда — человек, лояльный Ельцину не просто из каких-то личностных соображений, а потому, что он считает это правильным, считает, что так полагается себя вести. С этой точки зрения, естественно, он устраивал президента.

Во-вторых, Черномырдин — это человек, который был поставлен, проведен думским большинством и которого Дума, очень большая часть ее, всегда считала своим человеком на верхушке власти. Мысль о том, что они могут получить на этом месте какого-нибудь обобщенного Гайдара, для них всегда была диким кошмаром. Поэтому они при любых конфликтах старались не доводить до такого положения, когда Черномырдин, не дай бог, может быть заменен.

Плюс к этому Черномырдин обладает способностью говорить с коммунистами на их языке. Когда некоторые вещи говорил им (или номенклатуре) я, это всегда воспринималось с огромным отторжением — я для них чужой. А от него... Ну, Степаныч, он же наш, если он говорит, может, действительно это так... Это его большой талант коммуникатора в отношениях с номенклатурой, с элитой и т. д., которым он явно пользуется. При этом Черномырдин обладает достаточным уровнем гибкости.

В принципе он, конечно, не хочет назад. А что делать-то на самом деле, конечно, не знал... Поэтому то, что он делает, в огромной степени зависит от ситуации, от того, что требуют сейчас, куда давят, кто рядом оказался, кто влияет и т. д. И оказывается, что правительство Черномырдина — это правительство, которое остается лояльным президенту, имеет какие-никакие отношения с Думой, не доходящие, как правило, до разрыва, и одновременно способно проводить самую разную политику.

— *Пять лет. Проходит приватизация, финансовая стабилизация с жесточайшей экономией, урезанием расходов, бюджет становится неэмиссионным — все при Черномырдине. Откуда такой запас веры у оппозиции в то, что он «наш»? Даже если это делается другими руками — все равно, с точки зрения оппозиции, он этому попустительствует.*

— Попустительствует. Но с ним хоть разговаривать можно, он же слушает, к нему можно прийти пожаловаться, что-то получить в крайнем случае. А представьте себе кошмар: сидящего на этом месте какого-нибудь обобщенного Чубайса...

— *Считаете ли Вы, что потенциал Черномырдина исчерпан?*

— Я не знаю... По-моему, нет. Ну смотрите, он по-прежнему демонстрирует лояльность президенту. Он по-прежнему нужен Думе...

Предшествующее правительство Черномырдина — с августа 96-го по февраль — март 1997 г., конечно, оказалось поразительно слабым и неэффективным. Я оцениваю иногда работу правительства по такому критерию: сколько времени уходит на отмену принятого им постановления. Когда правительство не знает, что делать, оно регулярно издает постановления, по которым предоставляет какие-то льготы, а через некоторое время их отменяет; принимает решение что-то израсходовать, а потом отменяет эти расходы. Когда правительство, достаточно слабое, находится в стадии относительной стабильности, временной лаг между решением и его отменой составляет примерно полгода. К весне 1997 г. он уже составлял примерно месяц, что свидетельствовало, конечно, о глубоком кризисе. И именно потому, что политика оказалась абсолютно никакой, а значит, опасной — нужны были очередные радикальные изменения. Президент выступил с посланием, провозгласившим курс на системные либеральные преобразования, была маленькая кадровая революция, ушли почти все вице-премьеры, кроме Серова и Куликова...

А Черномырдин остался, потому что первое — он был готов принять новый курс, второе — у него было собственное ощущение, что правительство работает неэффективно, поэтому он горячо поддержал реорганизацию, третье — с ним могла работать новая команда и он был готов с нею работать. Кроме того, Черномырдин в этом окружении — Черномырдин другой, нежели тот, который был за месяц до этого.

А притом надо понять, что смена председателя правительства — это неизбежная дестабилизация положения, представление нового премьера Думе, сложная проблема согласования, возможно, досрочные выборы — все, что на самом деле содержательной работе не очень способствует. Срочно нужны меры, у Вас взрывная ситуация по пенсиям, денежному довольствию, бюджет абсолютно не-

реалистичен, и, вместо того чтобы срочно начинать работать, Вы четыре месяца занимаетесь утверждением премьера, выборами...

Короче говоря, в этой ситуации он оказывается фигурой в высшей степени устойчивой.

— *Как бы Вы оценили, максимально обобщенно, итоги этого пятилетия правительства Черномырдина: самые очевидные провалы и, может быть, более или менее очевидные успехи?*

— Самые очевидные успехи... Первое — не развалил рынки, т. е. не сделал непоправимых глупостей. Не заморозил цены, не отменил конвертируемость рубля, не начал масштабную национализацию, т. е. не сделал массу вещей, которых от него ждали в конце 1992 г. И это серьезное достоинство, серьезное достижение. Не остановил приватизацию. После длинных и тяжелых колебаний провел-таки денежную стабилизацию. Скажем так: с точки зрения задач первого этапа реформ главное достижение — что пришел-таки к денежной стабильности.

Главное поражение — то, что этот путь оказался в результате его ошибок растянутым ну по меньшей мере вдвое. Мы в 1994 г. могли оказаться в ситуации 1997 г. Предпосылки к этому были. К концу 1994 г. вполне можно было прийти не с «черным вторником», а с очень низким темпом инфляции и стабильным курсом...

Если же говорить о вещах, выходящих за рамки финансово-денежной политики, то главное достижение — при нем не состоялась победа коммунистов. А главный недостаток, или провал, в том, что при нем, именно при нем произошли формирование олигархии, сращивание собственности и власти, утрата прозрачности. Льготы, особые отношения... Конечно, нельзя сказать, что до него этого вообще не было, но при нем это расцвело пышным цветом. Если в 1992 г. для нас борьба со льготами была одним из стержневых направлений политики, то дальше, наоборот, это все в полном объеме реализовалось.

— *Этапы существования правительства Черномырдина совпали с этапами развития русского капитализма?*

— Появление в правительстве реформаторов — это такая фоновая вещь, которая возникает в условиях кризисов: вот когда совсем плохо, срочно требуются реформаторы. Когда кризисов не было, шло постепенное ослабление влияния «красных» директоров и усиление влияния банкиров. Иногда это проявлялось в назначениях: самое

характерное — Потанин вместо Сосковца, иногда не проявлялось. Но в целом происходили постепенная утрата влияния и власти традиционной директорской элиты (которая к концу правления Рыжкова — Павлова считала, что де-факто она приватизировала свои предприятия) и постепенное усиление новой финансовой элиты.

Рванный ритм российских реформ как раз связан с тем, что либеральные меры приходится реализовывать тогда, когда становится ясно, что это абсолютно необходимое условие выхода из кризиса. А поскольку под ними нет серьезной социально-политической базы и они всегда конфликтные и тяжелые, то, как только ситуация чуть-чуть нормализуется, возникает мощное контрнаступление.

— *Могли бы Вы дать прогноз развития событий? В какой степени сейчас экономическая политика зависит от состава правительства?*

— Наиболее вероятно, что правительство сохранит все-таки основные черты того курса, который был принят в марте, но проведение этого курса станет менее последовательным и более сложным. Это значит, что ухудшения не будет, что экономический подъем, видимо, продолжится, что в общем денежная, финансовая системы не будут дестабилизированы (если, подчеркну, не будет каких-то особо неприятных коллизий, связанных с новыми крупномасштабными изменениями в правительстве или с международным финансовым кризисом). Но продвижение по таким ключевым направлениям, как налоговая реформа, социальная реформа и т. д., будет существенно медленнее, чем хотелось бы и на что можно было бы надеяться.

— *Что, по-Вашему, породило последний скандал вокруг книги о приватизации?*

— Знаете, ситуация, по-моему, предельно простая и всем понятная. Сначала о сути. Либеральные реформы по своей природе — это рационализация государственных расходов, максимизация доходов и упорядочение правил игры. И то, и другое, и третье — это серьезные удары по группам интересов. Когда Вы отбираете счета у уполномоченных банков, то трудно ожидать, что они будут Вам благодарны. Когда Вы им объясняете, что они будут платить на аукционе столько, сколько объект стоит, это тоже удар по их интересам. И т. д. Если это так, то надо ждать сопротивления. У них мощнейшие позиции, средства влияния, каналы, информационные импе-

рии, связи в силовых структурах, куча купленных ими людей в разных ведомствах, мощно выстроенная система поддержки. Они это все не отдадут. И ясно было, что продвижение в этом направлении, именно потому что оно снимает напряжение в социуме, будет порождать напряжение в элите. Чтобы своевременно платить пенсионерам, ты должен отобрать деньги, которые крутят уполномоченные банки. Отбирая эти деньги, ты задеваешь интересы гораздо более серьезные с точки зрения возможности их защиты, чем интересы пенсионеров.

А спусковым крючком мог быть аукцион по «Связьинвесту» или что-то другое, конкретный повод не так важен. Но то, что в целом продвижение на этом пути приведет к конфликту, было понятно раньше, еще в 1996 г., после президентских выборов. Кстати, всегда приятно, когда ты это не просто знаешь, но еще и пишешь об этом вовремя. Я писал об этом, и подробно. Конечно, я не знал, в какой форме это произойдет, но то, что произойдет, было ясно.

А как только ты задеваешь эти интересы, ты вступаешь на очень опасный путь. Твои противники — люди серьезные, абсолютно серьезные, у них есть набор очень сильных качеств: полный прагматизм и отсутствие каких бы то ни было ограничений, готовность использовать любые средства, огромные деньги и в связи с этим множество купленных людей — от правоохранительных органов до средств массовой информации, и, наконец, мощнейший рычаг в виде информационных империй, которые уже к этому времени отстроены и мобилизованы... Было ясно: что-нибудь они обязательно придумают. И ошибка Чубайса была только в одном: когда люди из его команды написали книжку и оформили гонорар, заплатили налоги и договорились о направлении 95% гонорара на благотворительные нужды, они вдруг забыли, что все, что они делают, обязательно будет использовано против них. И они устанут оправдываться и объяснять, почему и как они что-то сделали.

Вопрос тут очень серьезный, он не в том, кто какой гонорар получил за статью или книжку. Вопрос в том, кто станет в государстве хозяином: демократически сформированные органы власти, которые будут контролировать бюджетные деньги и не давать их неэффективно использовать, или группа крупных предпринимателей, при звонке которых министр финансов будет становиться по стойке смирно.

— *Понимает ли это Ельцин?*

— Я думаю, он понимает роль Чубайса в обеспечении стабильности, в том, в какой степени на него реагируют рынки, и т. д.

Однако он не профессиональный экономист и вынужден полагаться больше на интуицию: мнения высказываются разные, я говорю одно, кто-то — другое. Но вот то, что он абсолютно не может не понимать, будучи профессиональным очень мощным политиком: если бы он пошел на поводу у банкиров и снял Чубайса, то вся страна, вся элита поняла бы, кто настоящий хозяин, что хозяин не он, что он просто объект манипулирования. И можно себе представить, как будет вести себя следующий человек, оказавшись на этом месте, после того как, предположим, сломали бы Чубайса: он просто будет сидеть тише воды, ниже травы и только спрашивать, куда надо деньги принести.

Я думаю, что Ельцин на самом деле это прекрасно понимает, и именно в этом база моего относительного оптимизма.

Чего ждать на финансовых рынках в ближайшее время?

Пресс-конференция Егора Гайдара в Центральном доме журналиста, состоявшаяся 6 февраля 1998 г.

— Я позволю себе сказать несколько слов о том, как мне видится сегодня ситуация на финансовых рынках, что там происходит, от чего она зависит и что будет происходить дальше.

До середины ноября развитие событий на российских финансовых рынках находилось под определяющим влиянием развития событий на финансовых рынках в целом, наш фондовый индекс строго следовал за индексом Доу Джонса с лагом в один день, повторяя практически все его изгибы и колебания, с большими масштабами колебаний и с естественной общей тенденцией к росту, связанному с недооценкой отечественного фондового рынка.

То же самое происходило с более важными рынками: с рынком ГКО, который в целом отражал высокий уровень доверия инвесторов, и с рынком валютным, где Россия получила возможность быстро наращивать валютные резервы. Базой благоприятной динамики основных фондовых рынков между весной и осенью 1997 г. были признаки политической стабилизации в России и тот курс, который в прессе получил условное название «курса молодых реформаторов». Когда правительство начало реализовывать набор реформ, вполне понятных основным операторам рынка, внушающих веру в то, что российские финансы будут стабилизированы, будет рост, соответственно будут и возможности обслуживания долга, а прибыли российских компаний будут расти, естественно, это дало огромный позитивный импульс развитию рынков.

Материал подготовил Валерий ХАБИДУЛИН.
Опубликовано в: Открытая политика. 1998. Февраль.

С ноября на рынке происходит перелом. Наблюдаются два крупных цикла, в рамках которых наш фондовый рынок ведет себя совершенно не так, как ведет себя Нью-Йоркская биржа. Первый период — с десятых чисел ноября до начала декабря. И второй — период января. И тот, и другой характеризуются стремительным падением российского фондового рынка. Условно первый из этих периодов можно связать с существенными коррективами курса правительства, которые происходят как раз в момент перелома тенденции на рынке. Второй я связал бы с перераспределением обязанностей в правительстве.

Дело в данном случае, как Вы понимаете, не в персональных оценках тех или иных людей и не в перераспределении их обязанностей. Дело в том, как участники рынка оценивают: что будет делать российское правительство? До ноября им понятно, что оно собирается делать с налоговой и социальной политикой, политикой регулирования естественных монополий, приватизацией, открытостью процедур и т. д. А дальше им это явно становится непонятным. Постоянно поступают противоречивые сигналы: то «Роснефть» будет приватизироваться так, то совершенно по-другому. То мы будем продавать имущество налогоплательщиков, то не будем... Все это на самом деле приводит к тому, что участники рынка просто перестают понимать, кто за что отвечает и что будет дальше делаться. А они этого больше всего не любят и, к счастью для себя и к несчастью для нас, всегда имеют возможность отреагировать очень простым способом — снижением своих рисков в России.

Если бы речь шла только о фондовом рынке, а я еще раз подчеркиваю, что говорю о нем, потому что это самый динамичный, самый легконаблюдаемый сегмент рынка, то в общем это было бы не страшно. Но беда в том, что за фондовым рынком сразу идут рынок государственных обязательств и валютный рынок. На самом деле если мы посмотрим, что происходит с рынком ГКО, то увидим — в этот же период происходит существенное повышение ставки: один раз с 25 до 32%, а второй — с 32 до 40–45%.

Что все это значит? При всех объективно существующих в экономике признаках улучшения (а они есть, они инерционно продолжают); в январе будет, по всей видимости, зафиксирован промышленный рост и налогов собрано существенно больше, чем в январе прошлого года) их абсолютно недостаточно для того, чтобы восста-

новить доверие рынка — до тех пор, пока не будет четко обозначено, какую экономическую политику собирается проводить Правительство РФ. Это значит, что Центральный банк вынужден принимать меры, направленные на защиту курса рубля, потому что именно из-за неуверенности рынка идет продолжающийся отток валюты и нерезидентов, и резидентов. Но сам по себе ЦБ, даже идеально действующий, не совершающий ни одной ошибки, не может заменить последовательно проводимой линии правительства. ЦБ сейчас повысил учетную ставку до 42%. Абсолютно правильное решение, необходимое — ничего другого ЦБ сделать не мог. Что следует после этого? После этого «Moody's» — крупнейшее рейтинговое агентство — сообщает, что оно дает негативный прогноз изменения рейтинга России. Почему? Потому что повысилась процентная ставка. Повысилась процентная ставка, значит, увеличивается стоимость обслуживания государственного долга. Увеличивается стоимость обслуживания государственного долга — увеличивается риск невыполнения государством своих обязательств, денежной и финансовой дестабилизации. Короче говоря, мы оказались поставленными в ситуацию, при которой действий ЦБ недостаточно.

Если правительство не даст четких сигналов, то чуть позже, через два, три, четыре месяца, серьезная денежная дестабилизация, которая может происходить в разных формах, неизбежно приведет к возобновлению высокой инфляции. И тут можно по-разному действовать — можно на некоторое время отсрочить девальвацию, поддерживать высокую процентную ставку, потом в какой-то момент напечатать деньги, чтобы покрыть долг. Можно девальвировать рубль, получить инфляционный всплеск, а потом посмотреть, как реагируют инвесторы, — они могут, к примеру, дальше побежать от рубля. Короче говоря, без этих серьезных сигналов рынку среднесрочная денежная финансовая ситуация, на мой взгляд, становится неудержимой.

Складывается достаточно характерная для России ситуация. Когда властные элиты, пользующиеся влиянием и широкими возможностями, очень довольны проводимой правительством политикой, а в последние два месяца они явно были ею очень довольны, это значит, что в этой политике что-то не в порядке, есть основания для серьезного беспокойства. На мой взгляд, надо понять главное — сегодня Россия находится в точке развилки. И состояние это носит крат-

ткосрочный характер: либо правительство в течение месяца, приняв комплекс понятных, прозрачных и очевидных мер, достаточно конфликтных по своей природе, даст возможность основным операторам рынка понять, что, собственно, оно делает и собирается делать в области финансирования бюджетного дефицита, сокращения государственных расходов, применения санкций к крупнейшим налоговым неплательщикам, приватизационной политики, крупнейших приватизационных процедур, запланированных на первое полугодие, защиты прав акционеров, и тем самым восстановит доверие рынка, либо при всей административной суеде дальнейшая деградация этой ситуации будет продолжаться и мы будем приближаться к полноценному российскому финансовому кризису. Вот, собственно, моя оценка ситуации. Мне кажется, что первые признаки понимания этого буквально в последние дни стали появляться. Правительство и президент понимают, что ситуация очень опасная. Но рынку нужны не признаки, рынку нужны четкие, однозначные действия.

* * *

— Егор Тимурович, скажите, пожалуйста, существует ли между правительством и ЦБ какое-то понимание друг друга — стоило Черномырдину уехать, как Дубинин объявляет о повышении ставок? И второе: что сегодня делать предприятиям, которые так надеялись на низкую ставку рефинансирования для того, чтобы начать подъем?

— В целом краткосрочно ЦБ и правительство хорошо координируют свои действия. Естественно, подобного рода решения они принимают вместе и по согласованию. Но можно говорить о краткосрочной согласованности и долгосрочной рассогласованности. Да, естественно, повышение ставки ЦБ не было сюрпризом для правительства, а вот вопрос о том, в какой степени политика ЦБ по поддержке курса рубля может быть поддержана энергичными действиями правительства, — это совсем другое. Теперь о предприятиях: есть вещи, за которые они могут отвечать, а есть те, за которые они отвечать не могут. Все, что связано с финансовой стабилизацией, ставкой процента, — это в принципе не в сфере ведения и влияния предприятий. И удар по ставке процента, конечно, серьезнейший удар по российским предприятиям, по перспективам их роста. Да, некоторые из них, завоевавшие очень серьезную репутацию на кре-

дитных рынках, и в этой ситуации получают доступ к дешевым деньгам. Но, конечно, того положения, которое явно складывалось летом — осенью 1997 г., когда рынок дешевых кредитных ресурсов оказывался доступным для многих и многих российских предприятий, — этого положения мы не восстановим до тех пор, пока не будут решены задачи, о которых я сказал раньше.

— *Должно ли, на Ваш взгляд, правительство провести организационные перестановки внутри аппарата для исполнения тех мер, о которых вы говорили?*

— Вы знаете, это действительно важный вопрос, но я не хотел бы гадать об организационных формах. Скажем, в феврале прошлого года российская экономическая политика тоже находилась в точке развилки, после этого были приняты в высшей степени серьезные решения, и они были организационно оформлены созданием нового кабинета министров. Я не думаю, что сейчас будут приняты такие же радикальные решения, но то, что они должны привести к существенной сдвигке механизма принятия и реализации решений, — это очевидно.

— *Что можно сказать о бюджете этого года?*

— По бюджету. Меня умилил выступавший вчера в Думе Геннадий Николаевич Селезнев, который сказал: «Но ведь правительство не выполнит этот бюджет», — после того как Дума запихнула в него 30 лишних миллиардов деноминированных рублей. «Они не смогут его выполнить», — сказал он, довольно глядя в камеру. Абсолютно прав Геннадий Николаевич! Действительно, эти 30 млрд — пустые деньги и выполнить бюджет с ними будет невозможно. Правительству надо очень четко отдавать себе в этом отчет и добиться того, чтобы этот нереалистичный бюджет не привел вновь к резкому обострению ситуации с бюджетными неплатежами. Главное, что, на мой взгляд, нужно сделать, — необходимо создать существенные внутрибюджетные резервы для обслуживания накопленного долга. Теперь что касается банков. Да, надо понять, что сегодня финансовая дестабилизация была бы серьезнейшим ударом по банковской системе. В принципе банковская система может приспособиться к работе в условиях высокой инфляции, больше того, высокая инфляция удобна, на ней можно заработать и т. д. Но для банковской системы особенно неприятны резкие и неожиданные переходы. Крупнейшие российские банки уже заложились в 1997-м на то, что

политика будет предсказуемой, что с курсом ничего радикального происходить не будет, она соответственно страхует риск иностранцев и т. д. Сейчас, если рынок по-прежнему будет утрачивать доверие к рублю и к российским ценным бумагам, механизм развертывания кризиса в том числе будет идти через возникновение очень серьезных проблем у крупных российских банков.

— *Егор Тимурович, вчера президент сказал, что он не даст в обиду Чубайса и Немцова. Какие еще слова нужны, чтобы рынок нам поверил?*

— Рынок действительно реагирует на вещи чисто словесные. Если Вы посмотрите на то, что происходило на рынке вчера, увидите, как он реагировал на это. Но тем не менее для серьезных поворотов нужно другое. Для этого нужно, чтобы было понятно, как будет приватизирована «Роснефть». И что «Роснефть» будет приватизирована так, чтобы в максимальном выигрыше оказался российский бюджет, а не кто-то другой. Для этого нужно, чтобы стало понятно, что будет вообще происходить у нас с приватизацией в ближайшее время. Что будет происходить со «Связьинвестом», что будет происходить с приватизацией оставшихся акций «ЛУКОЙЛА». Для этого надо понять, будет ли практически государство делать то, что оно обещало делать с 1 февраля, т. е. отключать от экспортной трубы нефтеэкспортеров, которые имеют долги перед бюджетом. Для этого должно быть понятным, что правительство действительно проводит политику нулевых чистых заимствований на финансовых рынках. Для этого должно быть понятным, что правительство вмешивается в крупнейшие скандалы, связанные с ущемлением прав акционеров, такие как в МГТС, и многие другие. И если правительство все это покажет в ближайшее время, тогда я абсолютно убежден — рынок совершенно по-другому оценит риски на Россию и тенденция вновь может смениться на крайне благоприятную.

— *При обсуждении Налогового кодекса возникало много вопросов о налогообложении операций с ценными бумагами...*

— Там был промежуточный вариант, который очень напугал операторов рынка ценных бумаг и инвесторов. Получалось высокое налогообложение этих операций, но этот вариант был поправлен в правительстве на прошлой неделе. Его смотрели с участием Комиссии по ценным бумагам, и в том варианте, в котором он сегодня представлен в Госдуму, мне кажется, основные заботы участников

рынка ценных бумаг он снимает. Там выравнено налогообложение процентов по вкладам и по ценным бумагам, что было весьма важно для участников рынка. Теперь там нормально записаны процедуры работы с убытками и вычет расходов на приобретение ценных бумаг.

— В «Независимой газете» было написано, что Вы, выступая в программе «Зеркало», заявили, что в отместку за накат на Чубайса рестроите всю финансовую систему России...

— Те, кто смотрел программу «Зеркало», знают, что я ничего подобного не говорил. Я не страдаю манией величия, не считаю себя великим демоном, который способен либо построить, либо разрушить российскую экономику. Я говорил о том, как реагируют рынки на то, что происходит в стране. Тогда я прогнозировал реакцию рынков. Последующие три месяца показали, что она была строго такой, как мы и ожидали. После этого произошло двукратное падение российского фондового рынка, резкое сокращение валютных резервов ЦБ и почти двукратное увеличение процентной ставки. Что касается этого пассажа в «Независимой газете» и в «Советской России», то мы сейчас изучаем этот казус с точки зрения возможности обращения в суд по этому делу в связи с тем, что сказанное, без всякого сомнения, является клеветой.

— Нужны ли, по Вашему мнению, в нынешней ситуации какие-то коррективы в кредитно-денежной политике Центрального банка? И второе. Правильно ли, что сейчас правительство намерено принять меры по стабилизации рынка ценных бумаг путем внешнего заимствования?

— О возможности внешних заимствований, цене внешних заимствований и т. д. Цена внешних заимствований сегодня, конечно, все равно дешевле, чем цена внутренних. Но еще раз подчеркну, если не будет сигналов, что в целом Россия собирается в ближайшее время сокращать дефицит бюджета, то перераспределение от внутренних займов к внешним — это не выход. Поэтому принципиальный вопрос, принципиальная предпосылка возможной стабилизации — это, конечно, существенное ужесточение политики заимствования в целом. И потом на базе восстановления доверия возможно реструктурирование портфеля заимствований в пользу более дешевых внешних займов.

Теперь по корректировкам кредитно-денежной политики ЦБ. Мне бы очень хотелось надеяться, что этого не надо будет делать.

Другое дело, что это не в полной мере зависит от ЦБ. Если правительство не сделает того, о чем я сказал, ЦБ, хочет он или не хочет, не в декларированную, а в реальную программу кредитно-денежной политики вынужден будет заложить совершенно другие корректировки и по динамике курса, и по динамике процентной ставки.

— Вы, наверное, знаете точку зрения академика Львова и Сергея Глазьева, что экономический кризис связан с ГКО и со снижением ставок. Это тот предел, при котором нерезиденты не хотят находиться на нашем рынке, и поскольку все это связано с ГКО, то мы теперь ничего сделать не сможем. Как Вы считаете, действительно ли так все связано?

— Я позволю себе напомнить дискуссию периода самого начала российских реформ, когда Ваш покорный слуга говорил, что бюджетный дефицит в целом для России при ее неразвитых финансовых рынках — предельно опасная штука и ответственная политика — это политика нулевого бюджетного дефицита, а ряд коллег, включая Григория Алексеевича Явлинского, говорили, что бюджетный дефицит сам по себе неважен, а важно, как он обслуживается. На деле правительство пошло по второму пути, — пути, который предлагал Явлинский, начало финансировать дефицит на основе масштабных заимствований на внутреннем рынке, на рынке ГКО.

И если бы у нас был американский рынок или хотя бы итальянский финансовый рынок, огромный по отношению к ВВП, доля денег в ВВП была бы 60–70%, эта стратегия была бы долгосрочно устойчивой. У нас же при очень низком коэффициенте монетизации и маленьких финансовых рынках эта стратегия была с самого начала рискованна. Возможность ее проведения — это маневр, напоминающий выход из пике. Она зависела от того, в какой степени мировые рынки будут доверять России. Если они скажут: Россия перестала эмиссионно кредитовать бюджет, инфляция пошла вниз, сейчас начнется экономический рост, долг пока еще небольшой, его можно обслуживать, процентная ставка высокая, давайте вложим средства в российские ГКО, т. е. из этого положения вполне можно выйти. Но как только мир потерял доверие к нашей политике — мы оказываемся в положении, где свобода маневра минимальная. Если уж это данность, то выходить из сложившейся ситуации можно только на основе того набора мер, о котором я сказал, т. е. вновь восстановить доверие инвесторов к российским ценным бу-

магам. В общем если тренд процентной ставки будет примерно таким, каким он был в 1997 г., если заимствования будут осторожными, если мы перейдем к политике нулевого первичного дефицита, то мы вполне можем выйти из этого пике без неуправляемого долгового кризиса. Но свобода маневра очень невелика.

— *Про портфельные инвестиции Вы уже сказали. Хотелось бы услышать о прямых.*

— Прямые инвестиции — вещь менее мобильная, чем портфельные. Как начинается открытие рынка? Приходят сначала спекулятивные инвесторы, портфельные, потом приходят крупные долгосрочные портфельные инвесторы, потом приходят крупные прямые капитальные вложения. К 1997 г. ясно было, что мы подошли к стадии, когда к российскому рынку начали проявлять интерес крупные прямые инвесторы, и заключение соглашений «Шелл» — «ЛУКОЙЛ» — «Газпром», «Би-Пи» — «Сиданко», «Фиат» — «ГАЗ» и т. д. было прекрасным свидетельством того, что крупные инвесторы, которые долго присматривались к рынку, развернулись к России лицом и сказали: большой рынок, чего бы нам там не присутствовать? Эти решения более инерционны, чем портфельные, но если чего-то радикального у нас не произойдет, то я думаю, что реализация этих проектов будет продолжаться. Она будет остановлена только в случае катастрофического развития событий в России.

Для прямых инвесторов огромное значение имеет налоговая реформа. И первый параметр, по которому можно было прогнозировать рост или сокращение потока инвестиций, — это Налоговый кодекс и форма, в которой он будет принят.

— *У меня вопрос к Егору Тимуровичу как лидеру ДВР. У Вас, в Вашем движении, есть какой-то однозначный подход к новой символике государства: к гимну, флагу?*

— Я могу сказать, что у нас есть однозначное и категорическое неприятие идеи возврата к коммунистическим символам. У нас нет никаких сомнений во флаге. Мы принимаем герб в том виде, в котором он утвержден президентом, нравится он нам или не нравится. И у нас нет никаких сомнений в музыке гимна. Мы не можем предложить свою версию слов, и, мне кажется, мы не обязаны занимать здесь некую жесткую позицию. Но то, что это не должно быть восстановлением советского гимна, — это совершенно очевидно.

— *Как, на Ваш взгляд, может быть разрешена полемика между думским вариантом закона о выборах и президентским?*

— Я, честно говоря, не знаю, как она будет разрешена. Могу предложить гипотезу. Она состоит в том, что следующая избирательная кампания будет проходить примерно по действующему законодательству, в которое, может быть, будут внесены небольшие коррективы. Мы обсуждали эту тему, есть серьезные аргументы и «за», и «против», они достаточно очевидны. Аргументы за изменения, переход в чисто мажоритарную систему понятны. При действующей системе в парламент приходит масса людей, которых вообще никто из избирателей не видел, например многие депутаты из фракции Жириновского. Мы узнаем об их существовании, когда у них убивают очередного криминального помощника. Негатив вполне понятен, но любые частые изменения в избирательном законодательстве тоже плохи. Партия пока не заняла однозначную позицию, мы сейчас договорились провести у себя обсуждение в организациях ДВР, с тем чтобы выработать общее согласованное мнение.

— *Говорят, что Москва сегодня собирает 30% всех российских налогов, вроде бы в Москве «крутится» 80% всех денег. Но уходят они на осуществление каких-то безумных и дорогих проектов вроде строительства подземного Манежа. Можно ли вот так выбрасывать деньги на ветер? Я разговаривал с красноярским губернатором, он сказал, что, если бы у него были такие деньги, они бы окупались за три года. В Москве обещают, что они окупятся за восемь лет, что маловероятно.*

— Это хорошо известная проблема. Дело даже не в том, сколько денег обращается в Москве, сколько собирают налогов. В Москве, кстати говоря, налоги собирают не хуже, чем в России в целом. Дело в том, какие это налоги. Когда Юрий Михайлович Лужков гордо говорит, что мы собираем 30% российских налогов, очень интересно посмотреть структуру этих поступлений по источникам. И тогда Вы выясните, что московское машиностроение, если память мне не изменяет, дает 0,6% этих поступлений, а транспорт российский — 30%, а из них 26% дает трубопроводный транспорт — это «Транснефть» и «Газпром». Тот факт, что у нас сетевые структуры, которые работают на всей территории России, такие как «Газпром», «Роснефть», РАО «ЕЭС России», «Ростелеком» и т. д., платят налоги в москов-

ский бюджет, конечно, приводит к колоссальным диспропорциям в налоговой обеспеченности регионов и Москвы.

Конечно, если у Вас есть такое количество «лишних» денег, какие реформы тогда нужны? Зачем вам прозрачные бюджеты, зачем казначейское исполнение, какие тендеры? Вы можете позволить себе строить атомные подводные лодки, все, что угодно, просто потому, что так своеобразно выстроена налоговая система. Введя принцип фискального федерализма, мы вместе с тем не позаботились подумать о том, что есть проблема сетевых общенациональных компаний, и в высшей степени странно, если их прибыль, их НДС будет поступать в бюджет одного субъекта Федерации, который к тому же, находясь у этого золотого фонтана, будет требовать себе денег за то, что он у этого фонтана стоит, т. е. на выполнение столичных функций.

— Скажите, пожалуйста, в такой сложной ситуации обращались ли правительство за помощью в Ваш институт за получением каких-то рекомендаций и давали ли Вы такие рекомендации?

— Да, обращались, да, давали.

История все расставит на места

Ох, и неоднородно же отношение населения к Егору Гайдару! Чего тут скрывать. Кто-то его даже, мягко говоря, не очень любит. И уж, наверно, не скоро еще помянет, как говаривал Тарас Григорьевич, «нэ злим, тихим словом».

В чем, в чем, а в упорстве и настойчивости в отстаивании своих монетаристских идей Егору Тимуровичу не откажешь. Эта черта характера, наверно, от деда. Есть еще живой пример, на который он все время ссылается, — реформы в Польше, более удачные, чем наши, российские. Может быть, потому удачные, что Польша — это не Россия?

— Егор Тимурович! Вам удалось разрушить длившийся годами ритм нашего существования, когда утром, не успев проснуться, мы думали: за чем вставать в очередь — за спичками или за мылом? Как Вы сами-то полагаете, будет ли со временем дана россиянами положительная оценка «шоковой терапии», ассоциирующейся, безусловно, с Вами лично?

— Я думаю, история все расставит на свои места. Опыт показывает, что первые годы постсоциалистического перехода всегда непростые. Кому-то приходится брать на себя ответственность. Дело это тяжелое, неприбыльное, но так как делать его надо, а с течением времени все больше и быстрее (хотя иногда лучше помедленнее), то рано или поздно основные задачи первого этапа перехода оказываются решенными. Возникает база для экономического роста. Одновременно и люди разубеждаются в том, что происшедшее приносило только невзгоды. Изменяется отношение к реформам и к тем, кто их делал.

Классический пример — Польша, где реформы начались на два года раньше, чем в России, где их вели — правда, по целому комплексу политических причин — более последовательно, с меньшими колебаниями и отставанием, чем в России. Там экономический

Имя интервьюера составителям установить не удалось. — *Прим. ред.*
Опубликовано в: Панинтер. 1998. № 4. Февраль.

рост уже давно начался. И поляки к своим реформам относятся теперь совсем не так, как относились в 1991, 1992, 1993 гг. Так будет и у нас.

— *В тот момент, когда свершались глобальные преобразования в России, можно ли было принять меры, для того чтобы реформы не скатывались на криминальные рельсы?*

— Давайте не строить иллюзий. Рост преступности в Советском Союзе начался не с реформ 90-х гг., уже в конце 80-х преступность быстро росла. Что можно было бы сделать тогда для того, чтобы сегодня криминализация была меньше? Ну, конечно, идеально было бы, если бы реформы начались гораздо раньше, не дожидаясь краха социализма. Соответственно и общество не испытывало бы таких перегрузок.

— *Я, собственно, больше говорю о новой преступности, или о сращивании старой и новой...*

— Сращивание — это совсем другое. Надо всегда различать преступность собственно масс и коррупцию в государственном аппарате. Абстрактно теоретически, конечно, можно было бы что-то сделать. Больше того, все то, что делалось нами, было направлено против коррупции. Если сегодня перечитывать нашу программу 1991–1992 гг., то становится понятно, за что нас критиковали. А критиковали нас за недооценку роли государства, за то, что мы не понимаем необходимости государственного регулирования. После декабря 1992 г., когда мы ушли и пришло новое правительство, лозунг усиления государственного регулирования стал еще более массовым, «регулировать» пытались больше. В реальной жизни, на практике за всем этим чаще всего стоит только одно — увеличение прав чиновника распределять и делить по своему усмотрению. За этим стоит сращивание бизнеса и части государственного аппарата, т. е. коррупция, взятки, неравенство правил игры и т. д. Сегодня, когда еще одно правительство убедилось, что так и произошло, началась новая волна либеральных реформ. В чем она заключается? Да в том же самом, что было в нашей программе 1992 г.: прозрачность механизмов принятия государственных решений, отказ государства от вмешательства в те сферы, в которых оно действительно не нужно, концентрация его на тех функциях, которые оно должно выполнять в рыночной экономике, тендерные механизмы государственных заказов, формирование казначейской системы

исполнения бюджетов — весь тот список необходимых реформ, которые позволяют отделять собственность от власти и делать правила игры равными.

— *Попробовав то и это, государство, кажется, выбрало политику невмешательства?*

— Что значит невмешательства? Не диктовать, кому и что производить? Но это же абсолютно верно. Я убежден, что ничего, кроме обвального взяточничества, от того, что мы проводили бы другую политику, не получилось бы. Политика «недиктата» предприятиям абсолютно правильна. Политика ухода государства из конкурентных сфер абсолютно верна. А вот то, что государство пыталось-таки влезать (и влезает) в массу дел, в которых оно ничего не понимает и никогда не поймет в условиях нормального рынка, — это абсолютно ненормально.

— *Тогда по поводу расходования бюджетных средств. Говоря о государственном контроле, против которого Вы возражаете, как-то невольно думается — в чем же ведении должен тогда находиться контроль за расходами бюджетных средств? Эта жуть с невыплатами зарплат, пенсий, неплатежами разного рода (чего нет нигде в мире)...*

— Да, это, к сожалению, так. Собственно, процесс формирования федерального казначейства мы начинали еще в 1992 г. И колоссальная беда, что этот процесс, после того как пошли те же «разговоры» об усилении государственного регулирования экономики, оказался отодвинутым на задворки. Толком этим вопросом до весны прошлого года не занимались. Только несколько месяцев в общем-то что-то делается.

— *За это время успел набрать обороты антипроцесс.*

— Естественно. Если не работают старые инструменты контроля и не работают новые рыночные, то процесс становится очень неприятным. Когда им вплотную занялись, то выяснилось, что нужно-то всего несколько месяцев для того, чтобы добиться радикальных подвижек.

— *Понятие «демократ» всегда связывалось конкретно с людьми честными, интеллектуальными, чуждыми нечистоплотности. Но несть числа примерам, когда обвинения в банальном воровстве затрагивают и демократов?*

— Во-первых, нет никаких идеологических знамен, которые сами по себе гарантировали бы честность человека. Есть ворован-

тый коммунист, есть честный. Вороватый националист и честный националист. И фашисты бывают честными личностями, хотя это как бы не очень меня с ними примиряет. Бывают вороватые демократы, бывают честные демократы. В целом наше общество до революционных событий 1991–1993 гг. во многом (это всегда характерно перед революцией) жило несколько идиллическими представлениями по поводу того, что происходит в собственной стране и что в ней будет происходить потом. Так было перед русской революцией 1917 г. И перед французской 1789 г. тоже, между прочим...

Общество, видящее все несовершенства старого режима: коррупцию, неэффективность, отсутствие роста и т. д., — склонно искренне полагать, что идущий на смену режим будет прекрасным и замечательным. На самом же деле, когда происходит крах старого, выясняется, что на мусорной куче, возникшей после ломки, полно тех же самых огрызков. И не меньшая куча проблем: формирование новой власти, адаптация общества к новым социальным задачам и т. п. Никто не гарантирует, что проблемы эти легкорешаемы. Это тяжелая и трудная работа. Никакое революционное происхождение не гарантирует того, что в новой, следующей жизни люди будут безупречными, славными и т. д. Так не было никогда.

Если говорить о демократии, о своем отношении к ней, то я рад тому, что попытка коммунистов сделать из слова «демократ» ругательство не получилась. Я смотрю, как они снова начинают новый «пляс» вокруг этого слова, и радуюсь тому, что народ все-таки оказался достаточно чутким, чтобы отличить отдельных вороватых демократов от демократии в целом.

— *Отдельное как-то быстро приобретает массовый характер...*

— Я бы с этим не согласился. На самом деле массовый характер воровства бывших инструкторов райкомов партии, приватизировавших заводы и разваливших их, — это я видел. Да и на самом деле истинных демократов, в критические моменты доказывавших, что они не только на словах демократы, во власти очень и очень немного, на всех уровнях. Их и к имуществу «присосалось» очень немного. Поэтому массового характера воровства среди демократов просто нет. Тут другое: есть люди, в том числе в правоохранительной системе, которые страстно хотят представить дело именно так. Есть

коммунистическая пресса, пытающаяся активно использовать отдельные случаи, но в жизни я отнюдь не вижу этой «массы».

— *Егор Тимурович, когда Вы стали и. о. премьера, то многие деятели культуры, образования, науки воспрянули духом. Казалось, ну вот наконец-то и в нашу сторону будет обращен внимательный взгляд. Но, к сожалению (уж не знаю, то ли не дошли руки, то ли еще что), эта сфера жизни так и осталась без внимания властей. А ведь еще неизвестно, что важнее, — духовная сторона бытия или его экономическая подоплека.*

— На мой взгляд, ситуация чуть сложнее. Если не обсуждать конкретно 1991–1992 гг., когда все вопросы жизни проходили через экстремальный по интенсивности кризис и стоял только вопрос выживания, а взглянуть хотя бы на нашу сегодняшнюю бюджетную политику, то невооруженным глазом видно, как долго продолжают идти баталии вокруг бюджета. Дума все время выбивает какие-то уступки по доходам, делающие бюджет более уязвимым. Интересную тут штуку можно заметить: на самые «вороватые» статьи дотации дают. Скажем, на завоз ресурсов и товаров на Север — это же одна из черных дыр нашей экономики. Обязательно на сельское хозяйство — это еще одна дыра. Каждая из них вполне криминальна, с кучей проблем, связанных с тем, что каждый год ей дают миллиарды долларов, а потом они не возвращаются. Но обязательно дают. Я Вас уверяю, на культуру, науку, образование еще долго давать будут мало.

— *В чем феномен?*

— В прошлом парламенте, где нас («выборросов») было больше, мы каждый раз вносили предложения об увеличении доли в бюджете науки, культуры, образования, о сокращении ассигнований по другим статьям и об увеличении по этим. И каждый раз выяснялось, что депутаты тех самых политических партий, которые все время клянутся в своей преданности науке, культуре, образованию, в тот единственный момент, когда они могли бы сказать свое слово, проголосовав: смотрите, у того-то мы забрали, а тому-то дали, — просто отсутствовали. Почему? Потому что на самом деле наука, культура и образование оказались политически очень слабо организованными, подверженными самообману. Те, кто должен защищать их интересы, наивно верят людям, обещающим часто «что-то хорошее», не думая при этом, а будут ли они выполнять эти «обещания».

— Художники, ученые ведь не защищены по своей природе, потому и верят.

— Совершенно точно. И именно поэтому коммунисты всегда голосовали за увеличение субсидий сельскому хозяйству. Подчеркиваю, я не имею ничего против сельского хозяйства, я против воровства в сельском хозяйстве (одной из наиболее криминальных статей в бюджете). А вот подвинуть тех же коммунистов на серьезное решение (в рамках имеющихся ресурсов), на увеличение финансирования социальной сферы — на редкость трудное занятие. Беда в том, что наша интеллигенция до сих пор политически пассивна, она не осознает своих фундаментальных интересов. А интересы эти проявляются не тогда, когда ведутся «сладкие разговоры», а только один раз — в процессе голосования бюджета. Пока интеллигенции не станет ясно, кто же на самом деле друзья культуры, науки, образования, и то, какая скрытая борьба идет против финансирования культуры, до тех пор подвижек не будет.

— Наверное, тем людям, которые не приходят на голосование в нужный момент, культура не нужна вовсе, потому что они не являются ее носителями.

— Они просто не понимают, что это такое. Их интересует только одно — голоса лоббистов. Ага, эти лоббисты плохие, слабые, голоса дать не могут, нечего и связываться...

— Но это ужасно!

— А Вас не удивляет, что в любом регионе сельчане голосуют гораздо активнее, чем горожане? И состав областных дум сильно смещен в сторону предпочтения электората из сел и малых городов? Чему же после этого удивляться?

На самом деле круг расходов крупного города — это и здравоохранение, и образование, и культура. Расходы области — это расходы в невесть куда. Чего же удивляться тому, что обязательно наступает «час перераспределения» (в массовых масштабах причем). Из больших городов — от того же образования, здравоохранения и культуры, работники которых потом месяцами не получают зарплату, — в пользу областных дотаций, которые дальше «размазываются» и никуда в результате не доходят... В общем-то мы сами себя наказываем за свою политическую пассивность.

— Пилим сук, на котором сидим... Вот и на Дальнем Востоке какие-то сюрреалистические картины: с одной стороны, Черепков,

с другой — Наздратенко¹, посредине затюканный народ со свечками в руках, потому что нет электроэнергии.

— Это как бы плата за федерализацию государства и понимание того, что это непростая плата. Знаете, когда было централизованное государство, с централизованным бюджетом, то вся власть была пронизана льготами и полномочиями начальников. Если начальник плохой, воровал, тогда понятно — власть виновата, она ведь его поставила. Можно царю жаловаться, можно генеральному секретарю... Но уж такую власть поставила.

А теперь у нас в общем-то федерация. А федерация — это не централизованное государство. И если я, владивостокский избиратель, голосую за человека, который сладко рассказывает, как он хочет хорошего, но ничего не способен организовать, а может только разваливать собственную энергосистему, то я буду сидеть без горячей воды и тепла и еще раз буду слушать разговоры о том, как все развалили, и снова буду за него голосовать. Извините, но в таком случае я сам отвечаю за собственную близорукость, за то, что я не понимаю, кого выбираю и кого поддерживаю. В некотором смысле это тяжелая школа, но ничего другого нет. Все равно это не решение вопроса — жаловаться в Москву, когда ты сам выбрал человека, который угробил твою собственную энергосистему, из-за чего ты теперь не получаешь горячей воды и сидишь без света. Все это накладывается на пока еще детское, подростковое в крайнем случае сознание. Человек, который громче поругает злого дальнего дядю, кажется хорошим и добрым. А то, что он сделать-то ничего не способен, это уже не важно. Нужно, чтобы люди осознали, что все эти ритуальные всхлипывания и потрясения кулачком в сторону Москвы — детская игра, посредством которой их обманывают и держат за дурачков. Главная же часть проблемы связана с тем, что мы пошли по пути федерализации, что для страны российского размера, безусловно, правильный шаг. Но мы при этом очень мало сделали для укрепления собственно федеральной вертикали. Ведь в США тоже живут в федеративном государстве, выбирают губернаторов, ино-

¹ Черепков Виктор Иванович в 1993 г. был избран мэром Владивостока. Прославился своим упорством в длительном конфликте с главой администрации края Евгением Ивановичем Наздратенко. В дальнейшем был избран депутатом Государственной думы (3-го созыва). Руководитель незарегистрированной оппозиционной партии. См. также прим. ред. к ответам Е. Т. Гайдара на вопросы газеты «Санкт-Петербургские ведомости», с. 400 данного тома. — Прим. ред.

гда очень плохих, коррумпированных, неэффективных. И там также президент не может их снять...

— *Но там действует закон.*

— Само собой. Кроме того, там вся страна параллельно с законом пронизана сетью федеральных органов, и если у тебя плохой губернатор, то это никак не скажется на том, как на этой территории работает ФБР, миграционная служба, масса других федеральных структур. А у нас, поскольку страна всегда была централизованно управляемой, ощущение такое, что выбирают не губернаторов, а генерал-губернаторов, которые должны быть главными местными начальниками. И уж если выбрали тебя губернатором, то ты должен быть всему хозяин. Население Владивостока, которое зависит от федерального центра, не должно быть заложником того, что выбрало себе в губернаторы «умника». А вот это федеральный центр обязан им обеспечить.

— *Егор Тимурович, почему на сегодняшний день демократические силы, мягко говоря, так разобщены?*

— Давайте рассмотрим, а что такое демократические силы. До выборов 1996 г. для меня это было предельно понятно. Демократические силы — все те, кто не хочет прихода к власти союза коммунистов и радикальных националистов, а антидемократические — те, кто хочет. В связи с этим я считал, что наши разногласия, выходящие за этот уровень, второстепенны. Мы все должны быть вместе. В конце концов так и получилось. Мы создали широкую коалицию вокруг Ельцина, которая не пустила коммунистов к власти.

Но теперь, когда коммунистическая угроза отступила, возникает вопрос: не против кого, а за что? И тут выясняется, что по существу принципиальных вопросов демократы действительно занимают разные позиции. Вот Явлинский, например, в своей избирательной президентской программе предлагает вдвое увеличивать государственные расходы. В переводе на экономический язык это значит вдвое повышать налоги. Иначе не бывает. Так устроена экономика. Вдвое повысить налоги — значит угробить нашу экономику. Мои же соратники и я предлагаем радикально реструктурировать государственные расходы: снять неэффективные государственные обязательства, сократить их масштаб, сконцентрировать задачи государства только на том, что оно действительно должно выполнять, рационализировать все виды расходов как базу для снижения се-

рьезного налогового бремени. И теперь мы действительно принципиальные идеологические противники с Явлинским по этому вопросу. Против коммунистов, убежден, мы должны быть вместе, а вот по этому поводу, ну как же?

— *Принципиальная позиция Григория Явлинского в не столь давнем «споре» ветвей власти вокруг принятия и непринятия бюджета-98 Вам по душе?*

— Я что-то не очень понял положительную роль этой его позиции. Ведь основное — Григорий Алексеевич хотел отзыва Налогового кодекса, так? Но, насколько я знаю, «Яблоко» своего варианта Кодекса не разработало и не предложило. Если Кодекс у Явлинского и есть, то он его очень хорошо спрятал, до сих пор, по крайней мере, в Думу он не представлен. Нам, например, не нравилась первая часть Налогового кодекса, так мы представили свой вариант. Его внес на рассмотрение Думы наш коллега депутат Похмелкин. Правительство на этой основе переработало первую часть, все это знают. Набор же замечаний Явлинского по Налоговому кодексу частью, безусловно, разумен, может быть, потому, что во многом это перемены предложений Похмелкина.

Главное преимущество нашего Налогового кодекса в том, что мы предлагаем существенно снизить налоговые платежи для лояльных налогоплательщиков за счет отказа от налога с оборота, снижения подоходного налога, налога на заработную плату. Главный же недостаток наших предложений в том, что, принимая такой вариант Кодекса, необходимо ликвидировать основные лазейки уклонения от уплаты налогов. Поэтому можно на этот Кодекс смотреть как бы с двух сторон. Можно смотреть с позиции человека или предприятия, которые платят налоги. Тогда, скажем, для меня как налогоплательщика (который платит все налоги) Налоговый кодекс — это серьезное облегчение моего налогового бремени. Я точно знаю, что платить я буду намного меньше. Как-никак, а я все же постоянный клиент налоговой инспекции. А можно смотреть глазами человека, который не платит налоги и пользуется налоговыми лазейками. Если для меня Налоговый кодекс — это двукратное сокращение моих реальных налоговых платежей, то для него это рост с «0» до тех 35%, которые мы предлагаем ему платить. Мне Налоговый кодекс нравится. И я буду категорически биться с любым, кто скажет, что Кодекс наносит ущерб.

А тот, кто не платит... А Вы знаете, например, что банки у нас вообще не платят налоги? Прибыли у них «нет», зарплату, как известно, у них выплачивают «нищенскую». И как, Вы думаете, должна значительная часть банковского сообщества относиться к Кодексу? Неужто это будет им нравиться? За этим одно — как в свое время говорил Карл Маркс, если бы тезис $2 \times 2 = 4$ затрагивал чьи-то интересы... Налоговый кодекс задевает самые массовые интересы. Вы же видели, каким был криминал вокруг всяких льгот. Все эти убийства. Вы представляете, какой интерес в том, чтобы этой реформы реально не было, чтобы оставался этот бардак в налогах, где лояльные платят черт-те сколько, а нелояльные имеют возможность уклоняться от налогов. К сожалению, Явлинский объективно выступает сегодня на стороне тех, кто хочет, чтобы бардак был законсервирован. Когда же он рассказывает, как хочет сократить налоги, то обсуждать это предложение — в два раза увеличить государственные расходы — всерьез просто нельзя.

— *Считаете ли Вы демократами представителей «партии власти»?*

— Если в том смысле, что демократы — все те, кто против коммунистов, то можно сказать, что в некотором роде в НДР есть индивидуальные «симпатизанты» коммунистам. Но в целом НДР не был с самого начала заинтересован в коммунистах, он объективно выступал против, это факт. Но там масса людей, внешность которых не ассоциируется со словом «демократ». НДР — идеологически очень рыхлая организация, где разные люди. «Партия власти» разнородна с самого начала своего возникновения. Собственно, была идея создать партию вокруг власти. Но вот выясняется, что это неустойчиво. Сегодня ты у власти, завтра выберут другого губернатора, и теперь у власти он. А как с партией? Для любой партии нужно нечто большее — нужна четкая и последовательная политическая ориентация. НДР проходит период формирования своих политических ориентиров. Куда она дальше пойдет и как будет функционировать, я пока не готов сказать. Посмотрим.

Правительству не хватило жесткости

Взгляд Егора Гайдара на ситуацию в стране интересен не только потому, что он бывший глава правительства и один из ведущих экономистов-либералов.

Гайдар — своего рода «серый кардинал» в команде Чубайса. Но он, будучи лицом, не обремененным официальной должностью, может позволить себе более откровенные высказывания, чем первый вице-премьер.

Ниже публикуется запись интервью, данного им журналу «Деловые люди».

РЕАНИМОБИЛЬ С «МОЛОДЫМИ РЕФОРМАТОРАМИ»

— *Год назад — в марте 1997 г. — была проведена реорганизация правительства. В его состав вошли так называемые молодые реформаторы, которым предстояло переломить ситуацию в экономике. Насколько эффективной, по Вашему мнению, оказалась эта команда?*

— Предыдущее правительство Виктора Черномырдина, которое было сформировано в августе 1996 г., оказалось крайне слабым. Конечно, в нем было немало разумных людей, но в целом кабинет продемонстрировал неспособность проводить осознанный курс реформ. Действия властей были противоречивы и непоследовательны. Задолженность по заработной плате и пенсиям увеличивалась. Отсутствовали какие бы то ни было признаки восстановления налоговой дисциплины. Росла социальная напряженность, которая к февралю — марту прошлого года достигла критически опасного уровня. В первом квартале 1997 г. разразился тяжелейший бюджетный кризис.

В той ситуации возможны были три сценария. Первый состоял в том, чтобы ничего дальше не предпринимать для разрешения кризиса, т. е. продолжать делать вид, что бюджет реалистичный, уповать на то, что налоги соберутся как-то сами собой и все

Имя интервьюера составителям установить не удалось. — *Прим. ред.*
Опубликовано в: Деловые люди. 1998. № 87. Март.

проблемы «рассосутся». Иными словами, надеяться на авось. Второй сценарий — напечатать много денег, погасить долги по обязательствам и спровоцировать гиперинфляцию со всеми соответствующими последствиями. И третий — начать реализовывать комплекс либеральных реформ, направленных на ограничение объема бюджетных обязательств и рационализацию государственных расходов. Именно этот вариант был заявлен в прошлогоднем послании президента, и его стало придерживаться обновленное правительство. Соответственно работу кабинета следует рассматривать именно в ракурсе того, насколько удалось продвинуться в рамках принятой стратегии.

По моему мнению, в целом за год Белый дом сделал очень много. Удалось существенно повысить уровень контроля за государственными деньгами и соответственно потеснить институт уполномоченных банков. Продолжилась работа по расширению полномочий казначейства, без чего, кстати, никаких серьезных успехов в погашении долгов бюджету быть не могло. Приватизация стала более справедливой и эффективной. Доходы от нее выросли в 2 раза по сравнению с 1996 г., и это при том, что не удалось провести все намеченные на прошлый год конкурсы. Погашена задолженность по пенсиям и денежному довольствию военнослужащим, достигнут впечатляющий прогресс по выплате долгов бюджетникам, в совокупности это позволило сбить волну социальной напряженности. Появились признаки установления реального контроля за естественными монополиями: государство смогло наконец наглядно продемонстрировать, что оно в состоянии применить жесткие санкции к тем, кто платит налоги не собирается. Снизились также тарифы на продукцию и услуги монополистов. Словом, за четыре месяца правительству «молодых реформаторов» удалось сформировать открытую и понятную миру и международным финансовым рынкам программу реформ, направленную на решение острейших проблем.

Это способствовало даже возникновению некоторой эйфории в отношении перспектив российской экономики. Отсюда и резкий рост котировок ценных бумаг, и приток капитала на рынок ГКО, и быстрое снижение процентной ставки, и начало серьезного перелома в прямых иностранных инвестициях.

Однако с середины года стала заметна пробуксовка в работе Белого дома. Кабинет начал принимать противоречивые решения. Это, например, касается Налогового кодекса. Я считаю, что правительство разработало и представило в Думу хороший вариант. Самая революционная мера в нем — резкое, почти двукратное снижение верхней ставки обложения заработной платы — могла радикально уменьшить размеры теневой экономики. Но провести Кодекс через парламент правительству не удалось, и его пришлось забрать из нижней палаты. Налоговая реформа застопорилась.

Был также сформулирован разумный подход к социальной политике, суть которого — в усилении адресного характера помощи. Но и здесь успехи оказались незначительными из-за отсутствия поддержки со стороны депутатов. В целом возникло ощущение суеты и отсутствия ответственности. Рынки отреагировали сразу и жестко. Произошли падение фондовых индексов и массовый уход нерезидентов с рынка ГКО, сократились валютные резервы Центрального банка.

В дальнейшем продолжение реформаторского курса может заложить основы устойчивой стабилизации бюджетной системы и роста экономики. А в какой степени правительство способно вернуться на этот путь, покажет время.

— Почему же произошло отступление от изначально выбранного курса — новаторские инициативы кабинета оказались слишком амбициозными?

— Дело в том, что либеральные реформы в России всегда начинались в условиях жесточайшего кризиса. Когда становится ясно, что действия, предпринимаемые правительством, не помогают, зовут либералов как скорую помощь. Так было в 1991–1992 гг., осенью 1993 г., весной 1997 г. Но как только либералам удается переломить ситуацию, ощущение ее форс-мажорности проходит, сразу же сводится на нет оказываемая им политическая поддержка.

К тому же либеральные реформы по своей природе всегда конфликтны. Рационализация государственных расходов, стремление получить максимум доходов в казну, упорядочение правил игры — все это задевает интересы очень влиятельных людей и вызывает с их стороны ожесточенное противодействие. Правительству не всегда эффективно удается противостоять подобному натиску.

СЕМЬ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВИКТОРА ЧЕРНОМЫРДИНА

— *В идущей сейчас дискуссии об итогах работы Белого дома в центре внимания находятся именно «младореформаторы». Сторонники вольно или невольно относят на их счет все достижения, а противники — все ошибки и промахи. Но те и другие как-то забывают, что у правительства есть председатель. Какова же была роль премьер-министра?*

— Виктор Степанович за время своего пребывания в должности премьера председательствовал, по моим подсчетам, в семи разных кабинетах — по составу, направленности, целям и действиям. И здесь просматривается именно сильная сторона Черномырдина, которая обеспечивает его политическое долголетие, умение приспособливаться к самым разным ситуациям и политикам. Он блестяще продемонстрировал эту способность и в 1997 г. Образно говоря, в марте был один премьер, в июле — другой, а в ноябре уже третий.

СПРАВЕДЛИВАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ АНАТОЛИЯ ЧУБАЙСА

— *Вы сказали, что в прошлом году приватизация стала более эффективной и гласной. Первый вице-премьер Анатолий Чубайс ставит себе это в заслугу. Между тем за разгосударствление экономики он отвечает уже седьмой год. Что же ему мешало раньше установить более справедливые правила игры?*

— После победы Бориса Ельцина на президентских выборах в 1996 г. причастные к ней люди решили, что в условиях наступившей политической стабильности надо вводить равные и прозрачные правила игры. Все вроде бы с этим согласились. Поверьте, я это знаю не из вторых рук. И до тех пор пока новые нормы не задевали конкретных интересов, все было спокойно. Но одно дело — договориться в принципе и совершенно другое — когда ты уже что-то положил себе в карман, а потом тебе говорят, что за это надо еще и заплатить. Тогда, естественно, возникает недовольство.

Что касается оценки денационализации в целом, то, когда Анатолий Чубайс был назначен руководителем Госкомимущества, Закон о приватизации был уже принят Верховным Советом. Можно было либо проводить разгосударствление по несовершенным пра-

вилам, которые тогда существовали, и так или иначе создавать рынок имущественных прав, либо этого не делать. Что было хуже в тот момент, понятно. Но если бы спонтанная, ничем не контролируемая приватизация рыжковско-павловского периода продолжалась, результаты были бы очень и очень плачевны. Поэтому действия ГКИ в то время были вполне оправданны.

— *По официальным отчетам, основной итог 1997 г. — промышленный рост и рост ВВП. Оппозиционные же экономисты не упускают возможности лишний раз связать по поводу реального положения дел. Впрочем, скептики есть и в самой исполнительной власти. Анатолий Чубайс заявляет о «принципиальном» повороте в сторону подъема. А заместитель главы администрации президента Александр Лившиц — о росте долговой, бартерной экономики, о том, что подъем в значительной степени обеспечивается теневым бизнесом, что «качество роста» плохое...*

— Вы знаете, словосочетание «качество роста» в российском контексте меня просто умиляет. Не скрою, мне очень нравится это выражение. Такое понятие в экономической теории есть, но у нас его применяют на редкость неуместно. Иногда мне кажется, что рост станет «хорошим», если Александр Лившиц будет работать министром финансов.

Конечно, у нас очень несовершенная статистика, и, когда речь идет о долях процента, естественно, надо учитывать погрешность расчетов. Но то, что подъем промышленности происходит, подтверждается данными и Госкомстата, и Центра экономической конъюнктуры. Об этом свидетельствует динамика очень плохо фальсифицируемых параметров. Ведь, например, объем перевозок — показатель, который прекрасно поддается подтасовке, а, скажем, число произведенных и проданных машин фальсифицировать почти невозможно. Тринадцатипроцентный рост выпуска автомобилей — это, конечно, хороший сигнал. Нет в экономической истории примеров, когда в стране был бы спад, но при этом производство машин росло такими темпами.

— *В последнее время Александр Лившиц и в самом деле как-то довольно воинственно настроен в отношении правительства. Кремль и Белый дом действительно по-разному представляют стратегию реформ или противостояние обусловлено конъюнктурными соображениями? Какова вообще сейчас расстановка сил в треугольнике «ад-*

министрация президента — правительство — парламент» с точки зрения влияния на формирование экономической политики в целом?

— С первой частью вопроса обратитесь, пожалуйста, к Александру Лившицу. По второй части хотел бы заметить следующее. Администрация президента не может проводить никакой экономической политики: у нее для этого нет рычагов. Но она в состоянии мешать или помогать работе кабинета. Причем ее возможность противодействовать правительству огромна, а способствовать — ограничена. Дума также может влиять, принимая либо полезное, либо вредное законодательство. Правительство с марта до осени пыталось проводить довольно четкую и осмысленную политику, но это очень сильно тормозилось прохождением бумаг через администрацию президента. В целом можно отметить слабую координацию усилий во властном треугольнике.

ТАКТИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

— Одобренная президентом «программа двенадцати дел» правительства предусматривает продолжение прошлогоднего курса. Однако некоторые заявленные в документе шаги предпринимаются с точностью до наоборот. К примеру, там говорится о снижении ставки рефинансирования, но не успели высохнуть чернила на программе, а процентная ставка уже выросла.

— Экономика и особенно финансовые рынки — очень деликатная сфера. Государство не может, скажем, определить реальную денежную массу, оно способно только на нее повлиять. То же самое касается и ставки рефинансирования. Очевидно, что стратегическая линия на ее снижение — важнейшая предпосылка стабилизации государственных финансов и доступности кредитов для реального сектора. Поэтому для правительства основной задачей является выход именно на эту траекторию. Для этого надо очень жестко контролировать дефицит государственного бюджета, иначе повысить доверие к себе со стороны инвесторов не удастся.

Так что январское повышение ставки рефинансирования ЦБ — своего рода тактическое отступление, поправка на реальные события. И кстати, в середине февраля Центробанку уже удалось снизить процентную ставку с 42 до 39%.

— «Поправка на реальные события», наверное, является вынужденной мерой, в том числе в связи с последствиями мирового финансового кризиса. Многие экономисты говорят о том, что он нас отбросил на полгода, а то и на год назад. Вы согласны с такими оценками?

— Дело не в международном финансовом кризисе самом по себе, а в том, что он наложился на царивший здесь в ноябре — декабре хаос в экономической политике.

Давайте посмотрим на конкретные факты. Примерно до 10 ноября 1997 г. наш фондовый рынок повторял с акселерацией динамику индекса Доу — Джонса (DJ) с лагом в один день: DJ падает на 7 процентных пунктов, наш фондовый индекс — на 20, DJ растет на 5, наш — на 15 пунктов. Подобная зависимость вполне объяснима, поскольку национальная валюта так или иначе привязана к доллару, а на нашем рынке очень велика доля крупных американских инвестиционных фондов. Поэтому колебания на рынке США, в том числе вызванные происходящим в Юго-Восточной Азии, через Нью-Йоркскую фондовую биржу всегда проявляются и в России.

Однако со второй декады ноября развитие событий стало радикально отклоняться от происходящего в Нью-Йорке. Там ситуация начала улучшаться — наш же рынок стал рушиться. В январе в Нью-Йорке котировки поползли вверх, здесь же произошло резкое, почти двукратное падение. Естественно, на это наложились фундаментальные факторы: уменьшение спроса на ГКО, рост их доходности и сокращение валютных резервов ЦБ.

Вот и выходит, что дело отнюдь не только в кризисе на азиатских рынках. Пока политика правительства оставалась четкой, инвесторам было понятно, что происходит, они были готовы сюда вкладывать деньги. Как только возникло сомнение, а затем и непонимание того, каким становится правительственный курс, оптимизм сменился крайним пессимизмом и началось массовое изъятие средств с фондового рынка.

Ведь в целом вся совокупность сигналов, которые исходили из России между ноябрем и началом февраля, свидетельствовала о массовом беспорядке в экономической политике. Высшие должностные лица принимали противоречивые решения. Приватизация крупнейших компаний сначала намечалась по одному принципу, потом по другому. Правительство внесло в Думу Налоговый кодекс, который нравился инвесторам, затем его забрало. Все это

не способствует уверенности и означает одно: власти не знают, что делать. А с какой стати инвесторы будут вкладывать деньги в страну, где такая ситуация?

Таким образом, как видим, азиатский кризис послужил лишь катализатором негативных процессов. И в связи с этим стоит отметить, что наметившаяся стабилизация на мировых рынках вовсе не гарантия такого же благоприятного развития событий у нас. Страну сейчас может спасти только осмысленная экономическая политика.

— *Очевидно, что на настроениях инвесторов сказывались и «информационные войны» против наиболее прореформаторски настроенной части правительства, и слухи о возможной отставке Анатолия Чубайса. Вероятно, это побудило президента поставить точку в дискуссии о сроках изгнания из кабинета «молодых реформаторов». Наверное, кадровая стабилизация явилась одним из факторов, который помог правительству справиться с замешательством?*

— Последние действия властей вселяют определенный оптимизм. Перелом в ситуации наступил в начале февраля, но все же она еще не очень надежна и устойчива. Пока нет никаких гарантий реализации намеченной правительством программы, а они могут появиться только в том случае, если декларации будут четко выполняться и кабинет примет конкретные и конфликтные решения.

— *Вы говорили, что экономическая политика должна быть более жесткой. В чем это может проявляться?*

— Это значит, что денационализация должна приносить максимум доходов в бюджет, а не минимум расходов для инвесторов. Нерезиденты должны допускаться к крупнейшим приватизационным конкурсам. Должны существовать эффективные меры по защите прав тех, кто вкладывает к нам деньги.

В условиях высоких процентных ставок надо отказаться от заимствований, кроме как для обслуживания госдолга. Должны применяться жесткие санкции к неплательщикам, в том числе к имеющим мощных, влиятельных покровителей. Экспортные квоты у нефтяных компаний, которые имеют задолженность перед бюджетом и внебюджетными фондами, необходимо изъять.

— *Ваш прогноз развития экономической ситуации на ближайшие месяцы?*

— Есть какие-то вещи, которые ясны, поскольку они инерционны. Продолжится скорее всего рост производства. Его структура окажется аналогична прошлогодней. Видимо, улучшатся некоторые социальные индикаторы — общий уровень жизни, снижение показателей смертности и преступности.

Но как станут развиваться события в финансово-кредитной сфере, будет ли происходить снижение процентной ставки и соответственно возврат промышленных предприятий на кредитные рынки, начнется ли приток капитала в страну и увеличатся ли валютные резервы ЦБ — этого сегодня с достаточной долей уверенности предсказать нельзя.

Отрадно то, что реформаторские усилия правительства нашли должную поддержку в оглашенном в середине февраля ежегодном Послании президента.

— *Какова ситуация в банковской сфере? Нередки предсказания краха многих банков. Насколько реальны эти опасения?*

— Наша банковская система не является неизлечимо больной. Да и в целом в стране не больше факторов, предрасполагающих к серьезному кризису в этой сфере, чем в большинстве стран Восточной и Центральной Европы. В крупных банках ситуация устойчива. Идет процесс их естественной концентрации — он правильный, разумный. Доля кредитов в ВВП низкая, т.е. внутренних причин для серьезного кризиса пока нет. Но если правительству и ЦБ не удастся предотвратить крупномасштабный отток средств, если процентная ставка будет хронически высокой и если произойдет переход к режиму изменяющегося валютного курса, это может стать серьезным ударом по финансовой системе в целом, в том числе по банковской. Именно поэтому девальвация у нас небезобидное мероприятие. В наших условиях она может стать тяжелейшим ударом по банковской системе и привести к началу системного кризиса.

Последний шанс Ельцина. Егор Гайдар предлагает свой ответ на вопрос, почему президент поступил так, а не иначе

Апрельский правительственный кризис завершился безоговорочной победой того, кто его спровоцировал. Борис Ельцин, убрав Виктора Черномырдина, числившегося чуть ли не престолонаследником, далее двигался к поставленной цели, как танк. Несмотря на дипломатические книксены вроде встреч «четверки» или звонка Геннадию Зюганову, мало кто сомневался, что на сей раз президент готов идти до конца — вплоть до роспуска Думы, а значит, и парламентского кризиса — ради назначения на ключевой пост в государстве никому неизвестного Сергея Кириенко.

Парадокс в том, что президент, затеяв столь мощную встряску, так и не дал ясных, исчерпывающих ответов на ключевые вопросы. Почему именно сейчас, а не годом раньше или месяцем позже он отправил в отставку Черномырдина? Почему остановил свой выбор именно на С. Кириенко? Какие ставит цели перед новым правительством, а значит, и перед обществом? Если курс, как сказано, не меняется, то почему меняется правительство?.. Если президент затевает серьезное дело, то почему не объясняется с подданными, не делает практически ничего для того, чтобы склонить общественное мнение в свою пользу?

Вопросов много — отвечать некому. Президент недоступен. Правительства нет. Оппоненты выговорились.

Поиски ответа на эти вопросы привели меня в конце концов к Егору Гайдару. Его позиция, нескрываемое идейное родство с «молодыми реформаторами» в правительстве и, подозреваю, хорошая информированность — все это давало основание услышать доводы в пользу решения, принятого президентом. На беседу Егор Тимурович согласился. Но — после окончательного голосования в Думе по кандидатуре С. Кириенко: «Боюсь ему навредить».

Интервью брал Николай БОДНАРУК.
Опубликовано в: Известия. 1998. 28 апреля.

— Егор Тимурович, так как все же понимать неожиданную отставку правительства Черномырдина? Чем она вызвана? Какое оправдание кризису, который за этим последовал?

— Исчерпывающий ответ на этот вопрос дать может, понятно, только президент. Все, что могу я, — это строить некие гипотезы, основанные на моем понимании ситуации в стране и в правительстве, отправленном в отставку. Так что слово «знаю» в нашей беседе лучше заменить на слово «думаю».

— Как Вы думаете, могло это решение быть импульсивным? Некоторые газеты так и писали: президент в ту пятницу просто встал не с той ноги...

— Да, версия, что президент принял спонтанное, совершенно неожиданное, непрогнозируемое решение, была в тех или иных выражениях растиражирована в наших и иностранных средствах массовой информации. Дескать, все было так хорошо, спокойно, стабильно, а тут вдруг Ельцину какая-то шлея под хвост попала, и он учудил-учинил. Это полностью расходится с моим предположением, что там на самом деле произошло.

— Но не зря ведь прилипло к президенту это определение — «непредсказуемый».

— В наше время очень многие из тех, кто пишет о происходящем в высших эшелонах власти России, не понимают, что там на самом деле происходит. Чего-то они просто не знают, и это понятно, власть никогда не будет жить нараспашку. Но ведь и просеивать общедоступные факты, копить их, чтобы в нужный момент разложить «пасьянс» и найти логику в развитии событий, тоже умеют очень немногие. А потому большинство сначала выстраивают схемы, которые плохо накладываются на реальность, а потом, когда схемы рассыпаются, говорят о непредсказуемости.

Что с правительством не все в порядке — тому было очень много примет. После сложных перипетий лета — осени 1997 г. оно оказалось уж в очень большой степени выстроенным как система сдержек и противовесов. Когда в правительстве оказывается слишком много сильных политических игроков, оно перестает функционировать как собрание высших менеджеров. Появляются иные приоритеты. Вместо того чтобы думать, как, например, наиболее эффективно реформировать естественные монополии, все помыслы направляются на другое — как выстроить сдержки и противовесы.

сы, чтобы не допустить избыточного усиления кого-то из сильных игроков.

— *Это очень похоже на то, чем постоянно занят президент, разве не так?*

— Так. Но разница здесь принципиальная. Президент — глава государства. Слишком сложны и чреватые последствиями процессы, протекающие в обществе и в высших эшелонах власти. Президент имеет право, хотя не всем это нравится, выстраивать свою систему сдержек и противовесов. Иное дело правительство. Оно технологично. Ему незачем в уменьшенном масштабе копировать действия президента, поскольку задачи у него иные, функциональные — добиваться, чтобы проблемы, которые ставит жизнь, решались. А когда оно начинает копировать президента, то попросту перестает работать.

Это очень четко стало видно в истории с двумя заседаниями ВЧК¹, посвященными крупнейшим недоимщикам. На первом, которое проводил Чубайс, было принято одно решение, на втором, под председательством Черномырдина, — противоположное. И так на каждом шагу. Что ни проблема — новое противостояние политических игроков, подтверждающее факт: правительство потеряло способность работать как одна команда.

— *По спортивным меркам все должно быть наоборот — чем сильнее игроки, тем лучше команда...*

— В спортивном мире тоже все сложнее. Команда — это совсем не значит, что все должны любить друг друга нежной любовью. Они могут даже совсем не любить друг друга. Вопрос установок. Если действия сильного игрока оцениваются по результату командной игры — у него одна мотивация. Если же он думает, как бы тренер по своим соображениям не перезаключил контракт с коллегой по команде по более выгодной цене, — другая.

Правительство как набор самостоятельных игроков не способно генерировать прогнозируемую экономическую политику, не может внушать доверие инвесторам, из него постоянно идут противоречивые сигналы — с виду все стабильно, но оно никуда не идет, никуда не ведет. Думаю, что президент, у которого очень острое

политическое чутье, где-то в начале года понял, что жизнь опять поставила его перед трудным выбором: либо сохранять стабильность, что очень соблазнительно — все привычно, устоялось, притерлось, либо резко менять ситуацию с целью вернуть потерянную динамику, а значит, идти на потрясения.

— *Но почему никто не удосуживается готовить общественное мнение к подобного рода событиям? Выражаясь Вашими словами, все привычно, устоялось, притерлось, и вдруг как обухом по голове — отставка правительства, возможный роспуск Думы, выборы...*

— Эти вопросы, согласитесь, все-таки не ко мне.

— *Но Вы какое дали бы этому объяснение?*

— Неожиданность для общества такого решения имеет свою логику. Самая неприятная ситуация — это иметь правительство, которое остается при исполнении, зная, что его со дня на день уберут. Идут сложные игры: снимут — не снимут, а если снимут — кого назначат, выстраиваются коалиции, плетутся интриги, пытаются блокировать приход тех или иных фигур... О работе и речи нет.

— *Именно это вот уже месяц мы и наблюдаем.*

— Конечно, месяц — большой срок. Чем короче временной лаг между старым и новым правительством, тем лучше для страны. Не получилось. Хотя могло получиться. Для этого Борису Николаевичу надо было, объявив об отставке Черномырдина, поручить исполнять обязанности премьера Чубайсу или Немцову и одновременно внести кандидатуру Кириенко — уверяю вас, Дума давно бы за него проголосовала.

— *Кстати, о Кириенко. Его фигура для всех оказалась столь же неожиданной, как и отставка правительства.*

— Ну и что? А тасовать колоду из одних и тех же карт лучше? Да и сравните общественную реакцию, когда только назвали никому неизвестного Кириенко, с сегодняшней, после его выступлений в Думе, нескольких интервью, заявлений. Каждый мог убедиться, что это умный, интеллигентный, сильный человек, умеющий крепко держать удар и адекватно на него ответить. Я Вас уверяю, если он будет работать эффективно, то через 2–3 месяца скажут: «Ну, понятное дело, поставили во главе правительства умного, молодого, энергичного человека — чему удивляться?» Все зависит от успеха.

— *А успех в свою очередь зависит не только от премьера, но и от состава правительства. Известно, что шли долгие закулисные торги,*

¹ Временная чрезвычайная комиссия по налоговой и бюджетной дисциплине, образованная в соответствии с Указом Президента РФ от 11 октября 1996 г. — Прим. ред.

и уже сейчас многие политики, да и сам Кириенко дают понять, что в Кабинет министров могут войти компромиссные фигуры.

— На мой взгляд, это тот случай, когда не стоит верить политикам на слово. Подождем, когда Кириенко объявит состав своей команды. Лично я надеюсь, что мы будем иметь очень приличное правительство.

— *Вы говорите — все зависит от успеха. Но представим наиболее вероятное развитие событий. Дума, вынужденная смириться с Кириенко, не принимает Налоговый кодекс и другие архинужные законы, не решает вопрос с землей — словом, вяжет премьера по рукам и ногам, а через 2–3 месяца говорит, что правительство беспомощно, и отправляет его в отставку.*

— Конечно, хорошо бы иметь хорошую Думу. Увы, имеем то, что имеем. Но при том при всем есть очень много проблем, решение которых зависит от исполнительной власти. Возьмите, например, реформу в силовых структурах. Годами об этом говорили. Но вот назначается сильный министр обороны, который действительно хочет реформировать вооруженные силы, и появилась четкая, понятная линия перестройки системы, появилась работа, ее обеспечивающая, появились зримые результаты. Хотя закона нет. И так можно действовать в целом ряде направлений.

— *В своей недавней статье Олег Попцов высказался в том смысле, что слишком большая возрастная разница между правительством и остальной массой управленцев становится серьезным препятствием, такое правительство не находит поддержки, и ссылается на пример Вашего правительства. Вы на себе испытывали какое-то отторжение?*

— Да.

— *Это чисто возрастное или вопрос менталитета?*

— И то, и другое. Что касается разницы мировоззрений — здесь все понятно. А вот возрастные барьеры... Тут «приятие-неприятие» формируется на уровне чувств, психологии, чуть ли не инстинкта. Есть люди, которым до боли в горле тяжело и обидно, что есть какой-то человек вдвое моложе их, который вдруг дошел до того, к чему они всю жизнь шли и не надеялись дойти.

— *«Мальчики в розовых штанишках»?*

— Ну да, что-то вроде этого. Такое смятение чувств я видел у многих наших политических лидеров, не буду называть их имена.

— *Ну хорошо, но если возраст является дополнительной преградой для правительства, то почему выбор пал на вызывающе молодого Кириенко?*

— В стабильных, непереломных обществах в принципе желательно, чтобы во главе правительства были люди достаточно зрелые. Им действительно легче работать. Возьмите Японию. В последние десятилетия правительство этой страны по традиции возглавляют люди немолодые. Это нормально. Для нынешней Японии. Но взгляните на ту же страну эпохи революции Мэйдзи, и Вы увидите, что это было время очень молодых правительств.

— *Они больше готовы на роль камикадзе?*

— Совершенно необязательно. Просто переломное время — это время молодых.

— *В чем же их преимущество?*

— Они не связаны с дурными традициями. В переломных ситуациях, когда нужно понять, что происходит с обществом и почему не работают старые, добрые, многократно проверенные, но уже не сочетающиеся с новой реальностью приемы, нужно призывать молодых. Только они и могут сконструировать что-то новое.

— *Пример «молодых реформаторов» подтверждает этот Ваш посыл?*

— Конечно. Они очень многое успели сделать, особенно между мартом и июнем — июлем прошлого года, а потом вмешались приходящие обстоятельства, о которых я говорил вначале. Я видел, как они бьются просто с кучей проблем и все глубже вязнут, как в болоте. Скажем, взялись за либерализацию рынка золота — работа была начата немедленно, и было понятно, как надо сделать. Проводились совещания, заседания — машина пыхтит, прокручивает... И — почти ничего на выходе. И это при мощной административной энергии Чубайса. Правительство закостенело. Предстоящие кадровые перестановки, думаю, помогут преодолеть эту форму паралича.

— *Чубайса обязательно надо было сдавать?*

— Этого я не знаю. Знаю другое: правительство без Чубайса будет слабее, чем с ним. Никаких сомнений. Это большая потеря, которую трудно будет компенсировать. Люди вроде Чубайса штучные.

— *Наши олигархи, в частности Березовский, многое сделали для того, чтобы уничтожить Чубайса. Чего они тем самым добились?*

— На мой взгляд, для себя — ничего. Получилось, что свою задачу они решили, а результат — ноль.

— *Насколько сильно влияние того же Березовского на принятие решений? На президента, администрацию, семью?*

— Оно далеко не так сильно, как сам Березовский намекает. Но и преуменьшать степень его влияния было бы ошибкой. Очень многие люди попросту боятся. Они видят, что Березовский добивается результата, знают, какими методами он действует, и понимают: если служить ему верно, то Березовский сумеет обеспечить им иммунитет от чего бы то ни было. И наоборот, не будешь служить верно — окажешься врагом и жди напастей.

— *В последнее время он очень активен...*

— И я этому очень рад. Он явно переоценил свое влияние, и всплеск его публичной активности — очень серьезная ошибка. Рассказывая по телевидению и в печати о своей роли в деле управления государством, давая понять, что именно он стоит за изменениями в правительстве, Березовский не заметил, как приблизился к опасной черте, если не переступил ее. Так случалось с многими, кто вдруг решал, что Ельцин у него в кармане. С тем же Коржаковым, например. Он настолько был убежден, что Ельцин никогда и ни при каких обстоятельствах его не уберет, что, как сейчас Березовский, стал совершать ошибки, которые в конце концов привели его к краху.

— *Вам не кажется, что в последнее время теневые фигуры стали играть чрезмерную роль в жизни государства? Мы и не заметили, как ушел со сцены Президентский совет, зато прочно вошло в обиход такое понятие, как «семья».*

— Теневые фигуры были, есть и будут в любом государстве. И степень влияния Раисы Максимовны или Хиллари Клинтон не стоит преуменьшать, так ведь? Скажу о том, что я знаю. Ельцин — самостоятельный человек. Да, можно, наверное, в чем-то его убедить или подсунуть какую-то бумагу, но решения по ключевым, принципиальным вопросам он принимает сам.

— *Вы один из немногих политиков демократического толка, кто последовательно поддерживает президента. Лидер другой партии из демократического спектра — Явлинский, напротив, последовательно его критикует, что электорату ближе. Не вредит ли такая Ваша позиция образу и популярности ?*

— Насчет поддержки я бы с Вами не согласился. Когда, например, принималось решение по Чечне, я был первым, кто самым решительным и жестким образом выступил против. Не молчал и «Демвыбор России» — именно мы проводили первые митинги, считая войну страшной ошибкой. Мы многократно критиковали президента за непоследовательные кадровые решения, передвижения странных людей. Но для нас, в частности для меня, главенствующими всегда были соображения дела.

Да, позиция «Яблока» в некотором смысле абсолютно логична и последовательна. Явлинский выступает против любой политики, проводимой властью, которую не возглавляет Явлинский. Если сегодня власть будет предлагать налоговую реформу, «Яблоко» будет против реформы. Если завтра власть откажется от налоговой реформы — «Яблоко» будет против того, что она от нее отказывается. И т. д. Позиция Явлинского логична — просто это другая логика. Это логика частных партийных интересов, демонстрация собственной оппозиционности...

— *...И это находит отклик у избирателей. Подданные ведь априори не любят власть, какой бы она ни была.*

— Да, это позволяет набирать политические очки. До определенной поры. Наша позиция — это позиция людей, которые начинали реформы. Она изначально другая. Правительство Черномырдина отнюдь не вело страну по предложенному нами пути радикальных рыночных реформ. Разговоры о том, что у нас на протяжении последних шести лет реализуется «гайдаровский» курс, просто несерьезны. И все же мы начали движение России к рынку и априорно ответственны за результаты. В том числе и поэтому для нас неприемлема политика «чем хуже — тем лучше».

— *Это не создает проблем для Вас и Ваших единомышленников?*

— Создает. Но для меня принципиальным является не вопрос, сколько ДВР наберет голосов, а какая у нас будет Россия через год, через два, через десять лет. Если я могу хоть что-то сделать, чтобы она была лучше, — даже в ущерб партийным интересам — я сделаю.

— *По-Вашему, есть ли шансы, что демократическое движение возродится и наберет силу?*

— Такое движение России абсолютно необходимо.

— *Что для этого нужно — новые испытания или, наоборот, перемены к лучшему?*

— Нужно время, быстрые перемены, к сожалению, невозможны. И нельзя сворачивать с выбранного пути. России нужна именно та политика, за которую мы выступаем. И кто бы ни приходил к власти, он может пометаться, потыркаться, а потом все равно вынужден будет делать все то, о чем мы говорим. Потому что иного пути нет. Что у нас раньше или позже возникнет довольно сильное и авторитетное политическое образование, отстаивающее либеральную политику, в этом я абсолютно убежден. Но сколько времени для этого потребуется и сколько еще времени мы потеряем по той причине, что из-за отсутствия такого движения реформы будут идти по принципу «два шага вперед — шаг назад», — вот это вопрос.

— *Вернемся к сиюминутному. Кириенко утвержден. Правительство сформировано. Чего ждать от него в ближайшие месяцы? Что будет считаться успехом?*

— Успехом можно будет считать, если правительство за несколько месяцев энергичной работы восстановит ситуацию октября 97-го. Что это значит? Действуют низкие процентные ставки. Быстро растет кредитование народного хозяйства. Банки бегают за предприятиями, нуждающимися в кредитах. Явно начинается и продолжается промышленный рост, при котором растут валютные резервы. Растет реальный уровень жизни и т. д. В 97-м мы явно вставали на этот путь, потом сбились. Помешал финансовый кризис в Юго-Восточной Азии, помешала собственная политическая неразбериха. Для начала надо вернуться на то место, где мы сбились с дороги, и двигаться дальше.

— *Сколько времени Вы даете правительству Кириенко?*

— У правительства есть сто дней, когда оно будет относительно свободно. И у него есть полгода, когда стране нужно будет продемонстрировать результат.

Бег в мешках

— *Егор Тимурович, за день до последнего голосования по кандидатуре премьера вся страна, как в старые добрые времена, с нетерпением ожидала судьбоносного решения пленума ЦК коммунистов. Собственно, по большому счету это было бы решением Думы, если бы коммунисты из КПРФ и других фракций дисциплинированно его выполнили. Так нужна ли демократической России коммунистическая Дума?*

— Сегодня Россия имеет Думу, которую она сама избрала в 1995 г. — во время, крайне неблагоприятное для судеб российской демократии, когда шла чеченская война, когда еще приходилось расплачиваться за последствия тяжелых ошибок и медленного перехода к рынку правительства Черномырдина, когда еще толком не было возможности показать какие бы то ни было серьезные результаты. Вот ситуация, которую мы получили. Сейчас видно, что эта Дума — серьезнейшее препятствие на пути продвижения России.

В чем специфика положения КПРФ, которая сегодня становится все более очевидной? За КПРФ голосует «протестный» электорат. Чем хуже дела в экономике, тем больше электорат протеста. Следовательно, КПРФ заинтересована, чтобы дела в стране шли как можно хуже. Не дай бог, дела в стране улучшаются — это самое худшее, что может случиться для КПРФ. У нее просто уведут избирателя. В связи с этим, конечно, общество само должно нести ответственность за то, что оно выбирает Думу из тех, кто будет всей своей работой добиваться, чтобы положение в экономике было как можно хуже. Причем не надо недооценивать возможности парламента — парламент многое может сделать для этого. Он и делает все, что может, делает по полной программе, по моему глубокому убеждению.

Интервью брал Сергей НИТОЧКИН.

Опубликовано в: Московский комсомолец. 1998. 5 мая.

— Закон о земле — один из тех, который нынешний состав Думы, совершенно очевидно, не примет. Каково его истинное значение для страны?

— Вопрос о земле — вопрос важнейший, стратегический, но не сиюминутный. Это все-таки в первую очередь вопрос создания предпосылок инвестиций в российскую экономику. Это вопрос формирования цивилизованного аграрного кредитования. Это вопрос расширения жилищного строительства. Это важнейшая предпосылка объема индустриального, экономического роста. Но здесь не та ситуация, когда сегодня закон принимаете, а завтра получаете результат. Нет. Принимаете — и ситуация через три года существенно лучше, чем если Вы не принимаете. Это, разумеется, не профессиональный разговор, а именно иллюстративный. Скажем, без Закона о земле можно рассчитывать на среднегодовой темп роста 3%, а с ним — на 5%. Так что если планировать на завтра — это не очень существенно, а если на 10 лет вперед — принципиально важно.

— Где-то слышал такой афоризм: при беге в мешках побеждает не тот, кто бежит быстрее, а тот, кто быстрее бежит в мешке. Не таков ли сегодня удел любого премьера в России?

— Конечно, премьер не царь. Он должен решать задачи, которые решаемы в рамках этой политической среды, постепенно и мягко пытаюсь ее менять в меру своих возможностей. В связи с этим утвержденному премьеру надо будет иметь дело с президентом, которого мы избрали, с парламентом, который тоже мы ему избрали, с Конституцией, которая есть, с законами, которые есть, с регионами и региональными властями, которые есть. И искусство любого управленца — научиться работать в этой ситуации. Я терпеть не могу разговоров типа: мне не создали условий. Этого не бывает. Мне кажется, что это Кириенко понятно и что он с этим может справиться.

— Сейчас легче, чем во времена Вашего премьерства?

— Безусловно. Да ну о чем Вы говорите! Если бы тогда у Ельцина, в 1991–1992 гг., когда он был моложе и еще не было этого груза колоссального промедления, были такие конституционные возможности, как сейчас, мы бы жили совсем в другой стране.

— Отставка Черномырдина — это реакция на то, что он становится самостоятельной политической фигурой?

— Конечно, этот вопрос по большому счету к президенту. Он может на него ответить достоверно, а мы можем выдвигать свои гипотезы. Моя гипотеза: он видел, как правительство политизируется, оказывается очень разделенным и выстроено по хорошо ему известной схеме сдержек и противовесов. Он сам в этом большой мастер. Но система противовесов просто парализует правительство. Когда в процессе распределения функций люди начинают думать не о том, как бы решать сложнейшие проблемы, а о том, чтобы кто-то не получил контроль над чем-то, — это уже не работа. Где-то с января я ждал от Ельцина чего-то подобного.

— А каким образом вновь пришедший господин Кириенко сможет перебороть эту тенденцию? Ситуация-то ведь осталась прежней.

— Ситуация осталась прежней, а правительство другое. Правительство Черномырдина работало очень долго, он действительно был премьером с самым большим стажем в Европе после Коля. За всяким правительством, которое долго работает, особенно в сложной ситуации, накапливается груз ответственности за его собственные ошибки и просто тяжелые решения, которые надо было принимать, груз накопленных компромиссов, различных политических уступок и обязательств. У Кириенко есть возможность начать как бы с чистого листа. Он совершенно свободен. Есть жизнь, вот она сегодня такая, вот в таком положении страна, вот такие угрозы, такие проблемы, а все остальное давайте на время отложим. Для правительства, которое долго работало, это очень трудно. А для правительства Кириенко, который всего год с небольшим поработал в Москве, который ни от кого не зависит, никому, кроме президента, своим назначением не обязан, у него всего этого нет. Начнет по новой. А дальше, конечно, у него начнут накапливаться свои проблемы.

— Прямо сейчас, когда он предложил состав своего правительства?

— Думаю, что в целом состав правительства удовлетворительный.

— Удовлетворительный в каком смысле?

— С точки зрения возможности работать.

— Работать, как Вы говорите, при имеющихся условиях? Условиях, иногда не отражающих реального положения? Возьмем, к примеру, выборы в Красноярске. Город, где наиболее деятельная и образованная часть населения — за Зубова. Сельские районы — за Лебеда. И последний, очевидно, победит.

— Учтите еще одно: процент участия в выборах в городе был ниже, чем этот процент на селе. Мы и Думу такую имеем, потому что в отличие от большинства развитых стран процент участия в голосовании среди групп образованных, квалифицированных, более-менее обеспеченных существенно ниже чем среди малообразованных и необеспеченных. В Америке сенат и конгресс, к которым, наверное, тоже есть претензии у американцев, на мой взгляд, лучше нашей Думы. Потому что в Америке средний класс голосует, а паупер нет. У нас другая традиция, мы не выросли из демократии налогоплательщиков. Мы выросли из тоталитарного режима с демонстративной лояльностью в форме голосования. У нас именно наиболее необразованная часть населения наиболее активно голосует. В некотором смысле это проблема наиболее образованных.

— *А как Вам кощунственная и бредовая на первый взгляд идея введения образовательного ценза?*

— Это невозможно в конце XX в. Если бы в России демократия выростала так, как она выростала в мире, то постепенно обрастала бы всеобщим избирательным правом. Обратного не бывает, обратный процесс невозможен. Избирательная пассивность — это объективно голосование за кандидатов пауперов.

— *Грустно, если подумать, что грядущие выборы президента могут опять нас с этой проблемой столкнуть. Последствия будут неизмеримо более серьезными.*

— Все-таки президентские выборы — это выборы ключевые. Почему результаты в 1996 г. совсем другие, чем выборы в 1995-м? Общество понимает глубину проблемы.

— *Когда Вы поняли, что коммунистический реванш невозможен? Для многих это казалось очевидным в 1993 г.*

— Это иллюзия, когда тебе кажется, что что-то уже невозможно просто потому, что это трудно представить. Я абсолютно убежден, что в 1996 г. угроза победы коммунистов на выборах была серьезной. Не забывайте: они выигрывали все вторые выборы практически по всей Восточной Европе. На мой взгляд, точка перегиба была пройдена у нас только в 96-м. Говорить, что у нас реформы были легче, а коммунисты имеют меньше традиций, неосмотрительно. Было, конечно, мощное противостояние возвратной коммунистической волне. Но было достаточно опасно. Ну а в общем история не знает сослагательного наклонения и не может дать ответа, кто

из нас прав. Я абсолютно иначе вижу исторический процесс, может быть, потому, что мне в нем приходилось участвовать. Это как рельсы с развилкой. Поезд действительно может идти по одному пути, его трудно остановить, а на развилке он может пойти в самые разные стороны. Между 1994 и 1996 гг. еще была развилка.

— *Ясно. Вы считаете, что у Кириенко получится?*

— Я желаю ему успеха и очень надеюсь. Должен Вам честно сказать: он мне симпатичен. Мне нравится, как он отвечает на вопросы, как он держится, но не могу сказать, что со всем согласен. Но это его жизнь, это его позиция.

— *А с точки зрения экономиста его программа — это действительно деловая программа?*

— Он не сказал, на мой взгляд, ни одной глупости, не сказал ни одной вещи, которая является принципиально неправильной. Это за четыре недели, когда от тебя многие хотят услышать глупости, когда хотят услышать вещи, которые абсолютно неправильны. То, что называется его программой, на мой взгляд, это набор разумных предложений, которые вытекают из президентского Послания 1997 г. В какой степени он сможет их реализовать, покажет время.

— *А у него есть такие возможности?*

— Мне кажется, да. Несмотря на оппозиционную Думу. У нас все-таки сегодня не 1991 г. Очень сильная президентская и исполнительная власть, широкие и четко определенные полномочия правительства.

Я убежден, что страна не обречена на выбор между Зюгановым, Лебедем и Лужковым

*Беседа группы журналистов с Е. Гайдаром
в редакции журнала «Новое время»*

Александр Пумпянский: Вы признаете свою вину?

Егор Гайдар: Да. Во всем.

А.П.: Тогда конкретнее. Вы признаете свою вину в том, что именно Вы или Вы вместе с Чубайсом инициировали этот правительственный кризис, написали программу новому премьер-министру¹ и сформировали, в сущности, этот кабинет? И что вообще новый премьер-министр — это вылитый Вы?

Е.Г.: Нет, разумеется, не признаю. Но я буду говорить все-таки за себя. За Чубайса Анатолий Борисович будет говорить сам.

Да, у меня было представление о том, что такой кризис назревает, на базе моего собственного понимания того, что происходит в российской политике, понимания Ельцина и того, как он принимает решения. Мне в общем нравится пока его выбор премьера. Мне кажется, что он показал себя человеком квалифицированным, грамотным, понимающим, что надо делать, и способным держать удар. Он сам сформировал собственную программу. Точно могу сказать, что он главный автор своих программных текстов и своих выступлений. Да, были люди, которые ему помогали, были разные разработки, которые он использовал. Но он не нуждается, чтобы за него писали речи. Он способен делать это сам.

Подготовила к публикации Любовь ЦУКАНОВА.
Опубликовано в: Новое время. 1998. 24 мая.

¹ Имеется в виду С.В. Кириенко, назначенный и. о. главы Правительства РФ 23 марта 1998 г. и утвержденный в этой должности месяц спустя. — Прим. ред.

Валерия Новодворская: Правительственный кризис — это в общем мелочи. Признаете ли Вы, что изменили ход российской истории? И какова вероятность, что она не пойдет вспять снова?

Е.Г.: Как говорил в таких случаях Юрий Деточкин, я приложил к этому свою руку...

Я думаю, что укоренение в России рынка и частнособственнических отношений — это уже данность. Очень трудно себе представить реалистичный сценарий, в рамках которого у нас будут демонтированы полноценные рыночные механизмы. Мне кажется, что здесь точку невозврата мы прошли в 1996 г.

Два вопроса, которые остались нерешенными и будут решены на протяжении следующего десятилетия. Первое — это стабильность демократических институтов в нашей стране. Я абсолютно не убежден, что ее можно воспринимать как данность. Для этого еще нужны годы. И второе. Мы, конечно, не прошли точку выбора характера рынка. Будет это либеральный рынок равных для всех правил игры с подконтрольным обществу государством или рынок, где собственность и власть переплетены, т. е. рынок коррумпированный, где самые эффективные инвестиции — взятки чиновникам. Этот вопрос, видимо, будет решаться на протяжении следующего десятилетия.

В.Н.: Сколь долго и. о. или просто премьер-министры должны будут упоминать о том, что они хранят партбилеты, и поздравлять трудящихся с днем международной солидарности¹?

Е.Г.: Я думаю, что это не более чем политические реверансы коммунистическому электорату. Они способствуют налаживанию диалога этой команды, которая пытается держать себя как команда вполне технократическая, неполитизированная, не связанная никакими пристрастиями, с разными группами населения. Вопрос не в том. Еще раз подчеркиваю: Кириенко не Гайдар переодетый и замаскированный. Он и его сверстники другие.

Александр Пумпянский: А в чем они другие?

Е.Г.: Они моложе. И приходят в совершенно иной ситуации. Мы пришли в 1991 г. в обстановке краха предшествующего режима, нормального революционного хаоса, где не было ничего прочного. Это было революционное время, которое в общем рекрутирует

¹ Намек на С. Кириенко. — Прим. ред.

людей с экономическим образованием, но романтическим складом ума, потому что никакой прагматик в это время в российском правительстве работать бы не захотел.

Сейчас ситуация совершенно другая. Мы прошли огромный участок пути к формированию российской государственности, более или менее стабильной и предсказуемой, и рыночной экономики. И что делать — в гораздо большей степени все понятно, и выдумывать ничего особенного не надо. В этой ситуации требования к людям, которые приходят, совсем другие. Они могут быть в меньшей степени романтиками, в большей степени прагматиками. В большей степени, если хотите назвать это другим словом, всеядными.

Они моложе, и это, кстати говоря, тоже сказывается, потому что идет уже другое поколение, в меньшей степени несущее на себе рецидивы и установки старого режима и в связи с этим формирующее его отрицание.

Дмитрий Орлов: В своей книге «Государство и эволюция» Вы заметили, что идеология сегодняшних государственников — это идеология циничного бюрократического декаданса. Можно ли сегодня говорить о том, что сформирована нормальная система государственного регулирования, система нормального дирижизма в наборе правительственных решений?

Е.Г.: Эволюция, на мой взгляд, в последнее время идет в правильную сторону. Если Вы проанализируете полный перечень постановлений правительства периода августа 1996 — марта 1997 г., Вы увидите, что из них не вырастает никакой логики, кроме логики лоббирования отдельных частных интересов. Если Вы посмотрите всю совокупность постановлений правительства, которое работало между мартом 1997 г. и мартом 1998 г., Вы увидите серьезную подвижку в сторону более или менее осмысленной экономической политики с серьезным сокращением набора льготных решений.

Надо посмотреть, конечно, что получится у Кириенко, но я практически убежден, что это продолжится. Хотя, еще раз подчеркиваю, идти по этому пути нам довольно далеко и долго.

Эрлен Бернштейн: Что такое Министерство промышленности и торговли? В связи с этим как Вы понимаете постоянные разговоры о промышленной политике?

Е.Г.: Когда речь заходила о промышленной политике, то в общем Кириенко не сказал ни одной неправильной вещи. Он гово-

рил о том, что надо снижать процентную ставку. Правильно, я двумя руками «за» такую промышленную политику. Что надо вводить современные методы бухгалтерского учета и аудита. Я стопроцентно «за». И т. д. Речь не шла о том, что надо выдавать отдельные льготы предприятиям, субсидировать их капитальные вложения и т. д. Всей этой глупости не было. Что, на мой взгляд, делает Кириенко? Он достаточно правильно понимает, что надо делать в экономике, и пытается упаковать это правильное понимание в те слова, которые нравятся элите и избирателям существенно левее нас. Слова-то можно самые разные использовать. Важно, что правительство будет делать.

Теперь о Министерстве промышленности и торговли. Общая идея — это попытка создать российский аналог японского министерства, которое будет в первую очередь заниматься продвижением российского экспорта, особенно экспорта обрабатывающих отраслей, на мировых рынках. Это действительно важнейшая задача, которой должно заниматься российское государство, используя все свои рычаги, включая дипломатические. У нас действительно есть потенциал машиностроительного экспорта и экспорта высоких технологий, используется же он плохо, потому что нет системы поддержки экспорта, аналогичной системам наших конкурентов.

Другое дело, что есть и риск получить еще одного лоббистского монстра, и министр будет бегать по коридорам правительства и орать истошным голосом, как срочно нужно поддержать ту, ту или ту отрасль экономики, кому что дать...

Андрей Колесников: Вице-премьер Христенко способен держать экономическую и финансовую политику под контролем?

Е.Г.: Христенко я знаю по работе в Челябинске и потом по работе в Министерстве финансов, где он отвечал за регионы, в том числе за реформы в системе бюджетных трансфертов. В моем представлении он человек квалифицированный, работающий, организованный, понимающий (что важно) пределы своей компетенции и способный учиться.

Валерия Новодворская: Меня волнуют термины. Поскольку свою и Анатолия Борисовича порядочность Вы называете романтизмом, а прагматизмом — свистопляску с партбилетом и прочими вещами, то не следует ли реверансы Зюганову называть так, как это называется, — моральной деградацией. И если это у нас совершилось после

пройденной точки отсчета в 1996 г., то, простите, может ли экономический рост сопровождаться моральной деградацией?

Е.Г.: Во-первых, конечно, может. Опыт показывает, что это бывает, это не исключительный феномен в мировой экономической и социальной истории.

Действительно, это вопрос, какие слова мы употребляем. Мы были всегда предельно непрагматичными, или романтическими, в том, что касалось электоральной политики. Главная претензия к нам и в 1993, и в 1995 гг. от избирателей, которые нам сочувствовали, была в том, что мы неправильно вели избирательные кампании: все время всем говорили правду. Нам говорили: Вас не выберут никуда. Конечно, был набор прагматиков, которые всегда были готовы говорить любую ложь, которую в этот момент хочет слушать избиратель, твердо зная, что на следующий день после выборов они про это забудут. Можно назвать это моральной деградацией, можно политическим прагматизмом. На мой взгляд, от этого суть дела не изменится. Мы прекрасно понимаем, о чем мы говорим.

Александр Пумпянский: Как Вы представляете себе сегодняшнюю экономическую и социальную реальность? Если послушать одни оценки, то это бесконечное падение и уничтожение великой промышленности, великой экономики и т.д. Если говорить о том, как живут люди, то художники той же самой школы рисуют или геноцид, или просто вымирание людей. А как Вы себе представляете: где находится страна, что происходило за это десятилетие и как живут люди?

Е.Г.: На этот вопрос я вынужден буду отвечать длинно. Давайте рассмотрим два факта. Валовой внутренний продукт в России сегодня ниже, чем валовой внутренний продукт в РСФСР, примерно на 30%. Промышленное производство упало более чем в половину. Количество семей, имеющих машины, за это время увеличилось вдвое, на 8 млн. Может это быть вместе правдой? Может.

Социалистическая экономика по своей природе была прямым аналогом экономики Египта периода древнего царства. Представим себе на минуточку, что строительство пирамид выходит из моды, что бывало, скажем, на переходе от древнего к среднему царству. У Вас прекращается масштабное строительство пирамид. Какая-то часть ресурсов перераспределяется в ремесло и в сельское хозяйство. ВВП существенно сократился, объем производства ре-

месленнической продукции, т.е. благосостояние, немножко выросло.

Я в этой аудитории могу не вспоминать, что такое было водохозяйственное строительство, что такое было советское животноводство, основанное на импорте 40 млн т привозных кормов с уникально низкой продуктивностью их использования, советское комбайностроение и т.д. Я уже не говорю о военном секторе. Это колоссальный круг видов деятельности, которые никак не работают в новом состоянии и которые никак не совместимы с рыночной экономикой.

Значит, когда разваливается социализм, совершенно неизбежно начинается падение производства, потому что идет постепенное перераспределение этих ресурсов, связанных с неэффективными видами деятельности, в новые, эффективные. Причем это не тот процесс, который Вы можете организовать упорядоченно. Нельзя сказать: Вы раньше производили системы управления ракетами подводных лодок, а теперь будете производить телевизоры, потому что пока нет рынка и конкуренции, никто не может дать гарантию, что эти телевизоры будет кто-то покупать. Я думаю, в этом был парадокс и беда советской конверсии.

У нас в отличие, скажем, от Польши была недостаточно последовательная политика, поэтому этот период растянулся не на три года, а на семь лет. Падение оказалось в результате гораздо более глубоким, чем оно должно было быть. А предпосылки роста оказываются гораздо хуже сформированными.

Конечно, в России сегодня экономическое положение неизмеримо лучше и стабильнее, чем оно было в 1991 г. Конечно, за это время пройден огромный путь к формированию базы рыночной экономики. Но из-за отсутствия систематической и последовательной политики переход оказался гораздо более социально травматичным, чем он должен был быть, падение производства больше, падение доходов больше, период падения и период социальной дезорганизации дольше и т.д. Мы довольно дорого заплатили за истеричные крики тех, кто говорил, что радикальные реформы в России не нужны.

Любовь Цуканова: Егор Тимурович, давайте вернемся к моральным критериям. В 1992–1993 гг. интеллигенция очень любила цитировать Бродского — про то, что «ворюги нам милей, чем кровопийцы».

Это было своего рода оправданием того, что одни нищали, а другие наживались. Сейчас уже не цитируют, потому что ворюги всем надоели. И многие считают, что именно с Вами, с Вашим правительством и с теми, кто шел за Вами следом, пришли эти самые ворюги. Не случится ли так, что терпение людей лопнет и кровопийцы станут им ближе и роднее (и уже стали для многих), чем ворюги?

Е.Г.: По-моему, тема «ворюг и кровопийц» была ключевой не в 1992–1993, а в 1995–1996 гг., если я хорошо помню состояние общественного сознания. У меня такое ощущение, что я первый даже употребил этот оборот — это был конец 1994 г., — и он дальше довольно активно пошел в прессе. Хотя я могу ошибаться.

Что категорически не устраивало в нашем правительстве очень большую часть элиты? И почему оно было короткоживущим? Вот, скажем, сегодня Вы можете себе представить правительство (я ничего не хочу сказать плохого о наших последователях), которое вообще не подкупает депутатов? А мы не подкупали депутатов. Это была тема за пределами обсуждения. Я с 1992 г. ни с кем из тех, кого мы потом называли олигархами, по-моему, не встречался ни разу. И надо сказать, они чувствовали себя тоже по отношению к нам очень дистанцированно.

Вы понимаете, что правительство с таким стилем отношений с бизнесом и обществом было поразительно неудобным. Оно было как затычка в очень большой бочке. Раньше или позже ее просто должно было вышибить.

Да, меня тоже очень волнует вопрос, а не надоест ли это слишком сильно. На каком-то коротком историческом этапе, когда мы проходили точку возврата и риска еще одного коммунистического эксперимента, т. е. в ситуации жесткого выбора, я для себя тоже считал возможным сказать: мне ворюги милее, чем кровопийцы. Не потому, что я их люблю, а потому, что понимаю: в нормальном обществе, при нормальном развитии, если нам кровавую кашу не устроят, мы раньше или позже сумеем справиться с ворюгами. Ворюги дают возможность обществу с собой бороться в отличие от кровопийц. А вот дальше очень многое зависит от того, насколько мы будем эффективны в этой борьбе.

Екатерина Дробязко: А как Вы относитесь к тому, что Ваших единомышленников обвиняют в том, что они берут взятки, незаконно получают квартиры и прочее?

Е.Г.: К тому, что обвиняют, я отношусь нормально, потому что совершенно ясно, что будут обвинять. А вот об истории с квартирами... Меня, честно говоря, она несколько умилила и изумила. Вот шло уголовное дело по Коху, копали, насколько я знаю, все документы Госкомимущества за шесть лет. Вы представляете, что это такое. Копали, копали — и в чем его в результате обвинили? Его обвинили в том, что, когда правительство его перевело на работу из Петербурга в Москву и назначило заместителем председателя ГКИ, его не оставили жить на вокзале, а дали квартиру. И кто обвиняет? Я не знаю, господин Болдырев (заместитель председателя Счетной палаты РФ. — *Ред.*), который приехал из Петербурга в Москву, живет до сих пор на вокзале или все-таки у него квартира? Господин Соколов (аудитор Счетной палаты РФ. — *Ред.*), насколько мне помнится, раньше жил в Иркутске. Он до сих пор ночует на вокзале или он получил квартиру?

Валерия Новодворская: Вы говорите, что после 1996 г. трудно демонтировать рыночные механизмы. Но каким же образом тогда большевикам удалось фактически за год, за полтора полностью демонтировать экономические рыночные механизмы прежней России? Если большевики тогда управились с демонтажем, то в чем научная гарантия, что будущие большевики или национал-патриоты не управятся?

Е.Г.: Нет, никаких экономических препятствий к тому, чтобы демонтировать рыночные механизмы, нет. При желании власти либо при очень неграмотных ее действиях это все можно сделать на протяжении года. Опыт Чили и Альтиенде это блестяще показал.

Когда я говорю о том, что мы прошли точку возврата, это связано не с тем, что технически сложно демонтировать. Социально сложно. Уж очень много интересов сейчас связано с тем, чтобы эти частнособственнические рыночные отношения сохранились.

Вот просто классический пример. 1996 г., выборы. Собственно, почему Зюганов не победил? Да, была мощная пропагандистская кампания. Но она бы ничего не решила, если бы социальный ветер в это время не дул в наши паруса. А почему он дул? Потому что мы сумели показать одно: коммунисты — это серьезная угроза рынку. Будут коммунисты — будут карточки. Это понимали даже неграмотные бабушки, что, впрочем, не мешало многим из них голосовать за Зюганова.

Андрей Колесников: Наша экономика и политика прошли в своем развитии два этапа. Сначала основные угрозы исходили от отраслевых лоббистов, потом поменялась структура экономики и основные угрозы исходили от естественных монополистов и олигархов, или от финансово-информационных групп, как Вы их называете. Закончилась ли эпоха безраздельного властвования естественных монополистов и олигархов? Какие еще опасности могут подстергать экономику и политику?

Е.Г.: Сказать, что полностью закончилась, не могу. Это еще очень мощные структуры. На саммите СНГ они показали, сколько еще всего могут.

Есть две модели построения корпоративного государства. Первая из них — это от финансово-промышленных групп вверх к власти: через своих людей, через контролируемые выборы, контролируемое начальство и т. д. Вторая — сверху, с поста главы администрации области, мэра крупного города и т. д. — вниз. Свой лояльный, подконтрольный бизнес, несущий деньги туда, куда ему укажут. Это угроза очень и очень серьезная и отнюдь не пройденная. В некотором смысле мы сегодня проходим между Сциллой и Харибдой. С одной стороны — Березовский, с другой — Лужков. И надо как-то провести кораблик.

Валерия Новодворская: А Лебедь в этой системе координат занимает существенное место?

Е.Г.: Лебедь с точки зрения той политики, которую он будет проводить, если куда-нибудь будет избран, — это абсолютная терра инкогнита. Это такой замечательный пример, когда у нас нет никаких оснований судить о том, что он будет делать. Когда человек на президентских выборах может иметь две экономические программы, каждая из которых полностью противоречит другой, и сам отнюдь этим не смущается, т. е. даже не понимает, о чем, собственно, его спрашивают, то, значит, мы вообще не знаем, что он будет делать, если, паче чаяния, будет когда-нибудь избран.

Александр Пумпянский: Егор Тимурович, Вы доказали, что Вы крупный специалист по экономике Древнего Египта. Но наших читателей волнует и политика Древнего Египта: как складываются отношения с фараоном? В прошлом году он пригласил очередную пару «молодых реформаторов», потом смел их, или смял, или зачи-

тался какой-то книжкой, которой не было. Сейчас происходит то же самое. Так как с фараоном?

Е.Г.: Мне очень нравится, что фараону нравятся молодые. Гораздо было бы печальнее, если бы фараону нравились исключительно люди его поколения и старше.

Все очень много знают о Борисе Николаевиче Ельцине. Он (в отличие от Александра Ивановича Лебеда, который полная загадка), на мой взгляд, человек достаточно понятный. По крайней мере, мне понятно, что он делает, чего он хочет. В том, что он хочет добра для России, у меня нет никаких сомнений. То, что он не точно знает, как этого добиться, мы все прекрасно видим по многим его серьезным ошибкам, не говоря уже о чеченской трагедии, о чеченской войне. В том, что сегодня ему понравилась эта молодая команда и он ее поддержал, по-моему, есть серьезная база для надежды. В любом случае, как говорил вождь, у меня нет для Вас другого фараона.

Дмитрий Орлов: Кириенко удалось добиться у президента исключительной прерогативы: правительственные постановления и распоряжения не будут согласовываться с президентской администрацией. Президентская администрация сильно потеряет в своем влиянии?

Е.Г.: Конечно, очень сильно. Я думаю, что сейчас замысел тех, кто работает в президентской администрации, состоит в следующем: ладно, Вы не будете с нами согласовывать Ваши постановления, а мы зато не будем с Вами согласовывать наши указы. Что возможно, конечно. Это своего рода «наш ответ Керзону». Но надо понять, что без правительства никакой указ выполнить невозможно. Поэтому на месте администрации президента я бы всегда согласовывал указы если не с правительством, то с ключевыми ведомствами, которые отвечают за их выполнение, чтобы самим себя не подставлять. Но в целом, на мой взгляд, произошло радикальное ослабление президентской администрации, по крайней мере в экономической области.

Естественно, у Государственно-правового управления президента и его главы Руслана Орехова при этом остаются очень большие возможности. Оно, во-первых, будет строгим критиком правительственных постановлений и будет регулярно класть на стол президенту цидулю о том, что из этого неправильно, что противоречит закону и т. д. В связи с этим я совершенно не исключаю того, что

правительство в рабочем порядке, там, где есть необходимость подстраховаться, будет по-прежнему советоваться с администрацией. Но это совсем другое дело, чем когда без согласования не можешь выпустить ни одной бумажки.

Виталий Ганюшкин: В ходе всей этой пертурбации не возникала ли там, наверху, мысль иметь другое правительство и другого премьера? Вам не предлагали вернуться? Если бы предложили, то как бы Вы к этому отнеслись?

Е. Г.: Нет, не предлагали. Терпеть не могу обсуждать тему в сослагательном наклонении. Мое отношение к работе в правительстве предельно простое. Ассоциации с креслом дантиста. Я могу себе представить ситуацию, когда по каким-то причинам надо туда снова сесть, но сказать, что эта идея доставляет хоть малейшее удовольствие, — нет.

Дмитрий Шевелев: Согласны ли Вы с тем, что после продажи акций «Связьинвеста» и «Роснефти» может наступить другой период и, в частности, задачи промышленно-финансовых групп будут сосредоточены не на переделе собственности, а на совершенствовании управления? Если да, то какие основные черты этого периода Вы видите, если нет, то почему?

Е. Г.: В целом думаю, что да. Это уже сейчас очень хорошо видно. Когда «Сиданко» своим партнерам из «Бритиш петролеум» говорит, что они хотят пригласить 100 ведущих менеджеров для постановки работы на современном уровне, — это наглядный пример того, что люди начинают понимать: нужна огромная, серьезная технологическая, требующая современных кадров постановка работы по реструктурированию и улучшению управления. Время, когда лежали куски и их просто надо было взять, прошло. Дальше весь вопрос в том, сумеешь ли ты ими распорядиться. Я вижу, как сейчас растет спрос на квалифицированных управленцев, которые могут это сделать.

Сергей Голяков: Как, по-Вашему мнению, сложатся наши отношения в области экономики и политики с Чечней? И как они должны в принципе формироваться?

Е. Г.: Чем спокойнее, тем лучше. После всего, что там наделали в 1994, 1995, 1996 гг., не надо думать, что есть какое-то чудо, которое позволит все быстро зашить и сделать вид, как будто ничего не было. Надо по возможности учиться жить рядом, надо про-

должать диалог. Никто никаких политических дивидендов на Чечне в России в ближайшие годы не заработает. Каждый человек, который будет заниматься Чечней, будет иметь кучу неприятностей. И тем не менее все равно этим надо заниматься.

В экономике надо давать возможность чеченцам зарабатывать мирными занятиями, одновременно не создавая иждивенческих настроений.

Валерия Новодворская: А почему не сделать то, что когда-то сделала Британская империя? Спустить российский флаг, поднять чеченский, предоставить независимость и извиниться, желательно громче.

Е. Г.: Британцы не извинялись, но не это важно. Стратегически это возможное решение и даже, может быть, выгодное для России с точки зрения чисто экономической. Но я политический реалист. Я понимаю, что это решение непроводимо сегодня через российские органы власти, через Думу в первую очередь. Попытка поставить этот вопрос ничем другим, кроме как истерикой, скандалом и маханием флагами, которые могут только повредить делу, не обернется. Есть и проблема прецедента, с которой нельзя не считаться. Так что я сегодня не готов дать подобный совет президенту. Я точно знаю, что он не сможет этого реализовать, а если затеет, то не уверен, будет ли это хорошо.

Андрей Колесников: Егор Тимурович, Вы упомянули тему формирования демократической коалиции к парламентским и президентским выборам. Понятно, что за два года все может измениться десять раз, но сейчас такое впечатление, что нет человека, вокруг которого эта коалиция могла бы сложиться.

Е. Г.: Мне ситуация кажется сложной, но не безнадежной. У меня есть свои гипотезы по поводу того, вокруг кого, как можно устраивать эту коалицию и какова технология «устройства». Но так как для этого надо решить довольно много технологических задач и так как любое обсуждение этой темы может повредить шансам на «устройство», я предпочел бы сейчас не открывать дискуссию на эту тему.

Александр Пумпянский: Это говорит духовный покровитель и учредитель журнала «Открытая политика»...

Е. Г.: В политике действительно надо говорить всегда правду. Но там есть довольно много всякой правды, которую говорить

нельзя, если не хочешь нанести серьезный вред полезному делу. Это то, к чему я с трудом приспособлялся после 1991 г., потому что это противоречит стереотипам нормального интеллигентского сознания.

Валерия Новодворская: При победе Зюганова или какой-нибудь столь же аппетитной личности на президентских выборах предусматривали ли Вы хотя бы свою личную готовность предложить президенту заранее или во время этого события не отдавать власть, прибегнуть к силовым методам? То есть смести фигуры шахматной доски, как Вы любите говорить, огреть этой шахматной доской коммунистического или фашистского противника. А заодно ту тысячу автоматов, которую Вы хотели одолжить в МинЧС у Шойгу в 1993 г. ...

Е. Г.: Я не «хотел одолжить», а одолжил.

В. Н.: ...Опять нам раздать в случае выигрыша Зюганова. Вы были готовы к такому варианту?

Е. Г.: Честно говоря, не был. Скажу почему. Я хорошо знал общее изменение ситуации в обществе между 1993 и 1996 гг. Я очень хорошо знаю ситуацию в наших силовых структурах. Я знаю, какой там низкий уровень лояльности нынешней власти, какие там глубокие внутренние симпатии на всех уровнях к национал-социалистам и коммунистам образца Зюганова. Я был глубоко убежден, что эта затея нереализуема. Если бы я знал, что можно в 1996 г. это сделать и власть при этом не отдать, я бы очень серьезно думал об этом. Но у меня была твердая, абсолютно непоколебимая убежденность, что кончится это все жалкой авантюрой и у нас повторится 1991 г., только в виде фарса. И демократия в России кончится не трагически, как бы она кончилась в ином случае, а фарсом, что для меня было абсолютно неприемлемым и недопустимым.

В. Н.: А сейчас? А в 2000 г.?

Е. Г.: В 2000 г. я не очень верю в серьезную угрозу победы коммунистов. Я верил в такую возможность в 1996 г. просто потому, что они выигрывали почти все вторые выборы в Восточной Европе, и потому, что я знал, что реформы тяжелые, и потому, что знал, какая популярность у Ельцина на фоне чеченской войны. Сегодня мне не понравится, наверное, если выберут президентом Юрия Михайловича Лужкова. У меня нет ни малейшего энтузиазма и по поводу того, чтобы, скажем, Лебедь был избран президентом. Но вот представить себе президентом Зюганова в 2000 г. я не могу. Уже опре-

делилось его место, сократился реальный электорат, определились границы. Тогда эта волна была страшной, а сейчас она в берегах. Хотя, конечно, Россия — это страна, где сказать что бы то ни было твердо, навсегда, очень опасно.

Дмитрий Орлов: А как Вы оцениваете перспективы Черномырдина?

Е. Г.: Честно говоря, как мне трудно представить себе Зюганова, избранного в 2000 г., так мне трудно представить Черномырдина, избранного в 2000 г. Своеобразная харизма Черномырдина была неотделима от его поста, от его премьерства. Когда все эти обороты, ужимки, прыжки романтизированы властью, когда это такая своеобразная косноязычная романтика власти — все это было как-то... продаваемо. Без власти — не знаю, как ему это удастся сделать. Честно скажу, меня очень смущает бурный роман олигархов с Черномырдиным, когда он уже начинает выступать явным вестником этой политической силы. Но мне кажется, что никаких усилий первого и четвертого каналов недостаточно для того, чтобы сделать из Черномырдина избираемого политика. Может быть, у них есть иллюзия, что если они сделали в 1996 г. популярным Ельцина, то смогут сделать то же самое с Черномырдиным. Но в 2000 г. будет совсем другая ситуация...

Александр Пумпянский: Тем не менее вокруг кого могла бы объединиться элита (я не говорю об избирателях) к 2000 г.?

Е. Г.: Если за это время нам не удастся сделать ничего другого достаточно эффективного и сильного, элита неизбежно объединится не вокруг того, кто нам нравится, а вокруг того, вокруг кого она объединится, т. е. вокруг Юрия Михайловича Лужкова. Это ей не по нраву, она будет переживать по этому поводу, но раньше или позже объединится вокруг Лужкова.

Это гораздо более реально, чем вокруг Черномырдина.

Валерия Новодворская: А не лучше ли объединиться, на старый добрый манер, вокруг фараона?

Е. Г.: Мы здесь вступаем в гадательную область. Все зависит от решения Конституционного суда, которого еще не было, от собственного желания или нежелания Ельцина баллотироваться. Насколько я понимаю Бориса Николаевича, он на сегодняшний день категорически не хочет баллотироваться. Искренне и глубоко. Но сегодня

1998 г., а что будет в 2000 г., я не знаю. Сказать, что эта тема закрыта, по-моему, было бы неправильно.

Честно говоря, я убежден, что страна наша не обречена на выбор между Зюгановым, Лебедем и Лужковым.

Георгий Осипов: А Вы можете представить себе фараона на пенсии?

Е.Г.: Откровенно говоря, с большим трудом.

Валерия Новодворская: Я не знаю примеров перехода от тоталитаризма к демократии без нравственного очищения общества. Конечно, моральный декаданс есть повсюду, но реабилитация Берии, согласитесь, возможна будет только у нас.

Е.Г.: Я в общем согласен с Вами. Конечно, то, что мы в 1991 и 1993 гг. не провели радикальную декоммунизацию страны, элиты, — это очень серьезная проблема. Но я считаю, что надо исходить из реалий. Мне кажется, что был момент, когда это можно было сделать: 4 октября 1993 г. И следующие пять дней после этого. Когда после тяжелейших событий был разрешен кризис двоевластия, консолидирована власть. Когда наши противники думали, что с ними поступят так же, как они бы поступили в случае успеха. В этой связи они были немислимо послушны и готовы принять все, что угодно. Такое было два раза: в 1991 и в 1993 гг.

Скажем так: Ельцин в том состоянии, когда он был готов это сделать, существовал в одной точке — в августе — сентябре 1991 г. А реализовать это можно было в другой точке — в октябре 1993 г. И то, что эти две точки не совместились, привело к тем результатам, к которым привело: к тому, что у нас легальная коммунистическая партия, что можно гордиться своей принадлежностью к органам государственной безопасности и т. д.

Громко кричать о вещах, заведомо выходящих за грань политических реалий, — это не значит помогать их решать. Я совершенно отчетливо вижу, что сегодня эта задача нереализуема. Приходится жить с тем, что мы получили.

В.Н.: А если не будем кричать, как будет решаться эта проблема?

Е.Г.: Коммунистическая партия будет существовать как постоянно действующий элемент политического ландшафта. Влияние ее постепенно будет падать по мере того, как будет уходить коммунистический электорат. Она будет постепенно интегрироваться в структуры капиталистического общества, причем не самыми

красивыми приемами: срашиваясь с бизнесом, создавая и защищая свой бизнес, для этого срашиваясь с властью и т. д.

Меня стратегически, честно вам скажу, коммунисты пугают меньше. Гораздо больше сейчас пугают коричневые. Они пытаются перетащить молодежь. Я всегда повторяю цитату Хайека, который, как обычно, выразился очень точно: «Фашизм и коммунизм — это не близнецы-братья. Фашизм приходит после разочарования в коммунизме».

Любовь Цуканова: Я хочу вернуться к Вашему электорату. Вам не кажется, что Вы его забросили? Я знаю много молодых людей, Ваших сторонников, которые тем не менее не ходят на выборы, потому что не чувствуют Вашей силы. Они умные, они прагматики, и они знают, что помочь можно тому, кто сам силен и способен что-то сделать. Ваши импульсы до них не доходят. Вам не кажется, что Ваша партия ведет себя пассивно в последнее время?

Е.Г.: Это правда. Наш избиратель действительно очень умный и прагматичный. Конечно, ему бы хотелось иметь нормальную либеральную фракцию в Государственной думе и чтобы там было больше умных людей. Но ему надо понять: это реальная задача или нет? Если он почувствует, что это реальная задача, решаемая, что есть сила, которая способна выигрывать выборы, наш электорат может быть существенно увеличен. Пока мы не сможем это продемонстрировать, никакой мелкой суетой эту проблему, я боюсь, не решить. Поэтому когда я говорю о правоцентристском блоке, я говорю о том, что необходимо сделать для того, чтобы тот социальный заказ, который предъявлен нам, был реализован.

Мы переживаем очень напряженный период

Егор Тимурович Гайдар прибыл во Францию 24 мая по приглашению Французского института международных отношений (ФИМО), фирмы «Томсон» и еженедельника «Русская мысль». Во время своего короткого визита (он длился всего два с половиной дня) Е. Т. Гайдар прочел лекцию для членов и приглашенных ФИМО и был почетным гостем на устроенном этим институтом банкете, где беседовал с представителями политического, экономического и культурного мира Франции. Кроме того, он имел ряд встреч с представителями Президентского управления, Совета министров и Министерства иностранных дел, а также с ведущими экономическими и финансовыми деятелями страны.

*Однако самым главным в этом его визите были, пожалуй, многочисленные личные встречи Гайдара с представителями французской культурно-политической элиты и с теми, кого по-английски называют *opinion-takers* — «создатели общественного мнения». Целью этих встреч было сделать немного более понятной и близкой страну, которая для очень многих остается еще совершенно нерасшифрованной, чуждой и несколько пугающей. Именно в этом смысле посещение Франции Е. Т. Гайдаром принесло России очень большую пользу.*

Мы предлагаем нашим читателям текст интервью, которое сразу по приезде в Париж Е. Т. Гайдар дал совместно итальянской газете «Стампа» и «Русской мысли».

— Решение президента Ельцина распустить правительство¹ вызвало некий шок в российских и иностранных СМИ. Нельзя сказать, чтобы оно было непонятным для тех, кто серьезно следил за развитием событий в России, так как нечто подобное представлялось почти неизбежным, тем не менее, когда о решении было объявлено, началось большое волнение, да и Вы сами, Егор Тимурович, тогда срочно отменили свой визит во Францию. Визит состоялся только теперь, более чем на месяц позже.

Интервью брали Ирина ИЛОВАЙСКАЯ, Барбара СПИНЕЛЛИ.

Опубликовано в: Русская мысль. 1998. 4–10 июня.

¹ Имеется в виду роспуск правительства В. С. Черномырдина и назначение С. В. Кириенко на должность и. о. главы Правительства Российской Федерации, состоявшийся 23 марта 1998 г. — *Прим. ред.*

— Действительно, надо было ожидать, что нечто подобное произойдет, но шок был вызван тем, что решение это радикальным образом противоречило тому видению ситуации, которое преподносилось нашими финансовыми группировками, являющимися одновременно хозяевами средств массовой информации. Они так убежденно и настойчиво внедряли образ Черномырдина в качестве преемника Ельцина, что в конце концов у большинства действительно сложилось представление, что так оно и будет, словно это уже решенный вопрос.

А ведь если проанализировать внимательно работу правительства за последние месяцы, становится совершенно понятно, что смена правительства была необходима. Черномырдин стоял во главе правительства более пяти лет. После канцлера Коля он был главой правительства, пробывшим самое долгое время на своем посту. За такое долгое время накапливаются ошибки, ответственность правительства становится все больше, в том числе за компромиссы в тех случаях, когда приходится идти на компромиссы.

Как раз это и произошло. Накопилось слишком большое количество ответственности за многое. Но главный груз — это влияние финансовых групп, требовавших, чтобы правительство подчинилось их воле и делало то, что им было выгодно, а не то, что в интересах страны.

К тому же правительство в последнее время сильно разделилось внутренне, ему трудно было работать в согласии и преследовать единые цели.

В конце декабря я отдал себе отчет в том, что у этого правительства не больше нескольких месяцев жизни. Это стало ясно, когда в течение одной недели было принято два радикально противоположных решения относительно налогообложения фирм, которым принадлежат средства массовой информации. В январе — феврале президент оказался перед альтернативой весьма непростой. Ельцину предстоит оставаться на президентском посту еще два с половиной года. Ему нужно правительство, которое бы исправило положение в стране за это остающееся время.

Сохранить правительство Черномырдина означало сохранить стабильность, но такое правительство не смогло бы провести серьезные реформы. Поэтому надо было выбирать между стабильностью и реформами, которые становились совершенно необходи-

мыми. Надо сказать, что президент долго колебался, прежде чем принять решение. В конце концов он предпочел нарушить стабильность, хотя она могла быть спокойнее и приятнее, и создать новую команду, чтобы действительно провести в жизнь реформы. По моему мнению, он поступил умно и правильно.

Сначала, конечно, всех удивил выбор Кириенко на пост премьер-министра. Молодой человек, сравнительно неизвестный... Он был министром топлива и энергетики в предыдущем правительстве, но пока ничем особо не отличился, его не знают. Президент Ельцин — единственный человек, который может ответить на вопрос, почему он остановился на этом кандидате.

— *На Западе была распространена версия, согласно которой именно Вы предложили кандидатуру Кириенко.*

— Повторяю, это вопрос, который можно задать только президенту. Все ожидали назначения Немцова, человека уже известного, с немаловажным опытом губернатора большой области, к которому президент — так считают все — относится очень благосклонно. Но такой выбор, по всей вероятности, означал бы открытый и безвыходный конфликт с думским большинством. Правда, многие считали, что при третьем голосовании Дума примет кого угодно, но предложить ей Немцова означало бы такой вызов, что даже в этом исходе нельзя было иметь уверенность. Можно было пойти на роспуск Думы и досрочные выборы. Однако это повело бы к ряду осложнений, столкновений, к немалым расходам. Мне представляется, что выбор президента можно истолковать так: он предложил Думе человека малоизвестного и как бы достаточно нейтрального, всем пока еще безразличного, именно чтобы дать ей возможность на третий раз его принять.

Добавим, что, если Думе ничего не было известно о Кириенко и она не могла о нем судить, у президента, наоборот, была возможность ознакомиться с его работой и способностями. Он знал, что Кириенко — человек очень работоспособный, исполнительный, с хорошим интеллектуальным уровнем. Президент был о нем хорошего мнения.

Разумеется, последовали полтора месяца крайне напряженных переговоров. Но из них удалось выйти без таких уступок со стороны президентской администрации, которые могли бы стать обузой

на будущее. Можно сказать, что президент добился того, чего хотел, достаточно малой ценой.

Сегодня самая важная проблема для России — это разделение между большими финансовыми группировками и государством. После Ельцина Кириенко — это человек, располагающий наибольшими шансами успешно вести борьбу за это разделение, потому что он никому ничем не обязан. Итак, стало возможным сформировать правительство, которое сможет работать, планировать работу, рационально ее организовать, затем приводить в исполнение принятые решения.

Надо сказать, что новому правительству в ближайшее время придется столкнуться с трудностями, которые порождены именно его хорошими качествами. Мне в этом правительстве особенно нравится то, что оно никак не связано с теми мощными финансовыми группировками, которые располагают средствами массовой информации или являются их хозяевами. Разумеется, именно независимость правительства им очень не по душе, и они сделают все, чтобы показать, что без их поддержки и сотрудничества правительство не может управлять страной.

Несомненно, есть множество серьезных проблем, экономических, финансовых, а также связанных с угольной промышленностью. Это действительность. С другой стороны, тот факт, что как раз после создания нового правительства началась эскалация проблем, существовавших уже очень давно, эскалация совершенно фантастическая, по моему мнению, не случаен. У меня нет доказательств, но я считаю возможным предположить, что тут была некая запланированная и целенаправленная акция.

Так вот первая проблема, с которой нам приходится иметь дело, — это финансовый кризис на российском денежном рынке, а затем все проблемы, касающиеся шахтеров. Финансовая ситуация — продукт целого ряда проблем, каждая из которых сама по себе не была первостепенной, можно даже сказать, что все они были второстепенными. Но все вместе, скопившись, они создали действительно серьезную проблему. Тут сыграл роль и южноазиатский кризис, в частности в Индонезии, а к этому присоединились специфические проблемы российской жизни.

Характерен пример, касающийся фразы председателя Центробанка Дубинина. Он сказал, что если правительство будет и далее

идти на поводу у крупных финансовых группировок, у «олигархов», то к осени у нас начнутся очень серьезные экономические проблемы. Первую часть его фразы опустили, оставили только последние слова: «к осени начнутся экономические проблемы». Центробанк немедленно опроверг эту версию СМИ и уточнил, от чего будут зависеть экономические проблемы, но, как обычно бывает в таких случаях, не все напечатали опровержение, и никто не обратил на него внимания, словно его и не было. Ведь СМИ должны были сами себя опровергнуть, а это им не нравится, да и цель акции не была бы достигнута.

Далее была история с подписанием закона о приватизации самого большого комплекса природных ресурсов России РАО ЕЭС. Президент подписал закон, согласно которому иностранные инвесторы не могут владеть более чем 25% капитала, в то время как по ныне действующему закону они имеют право на 28%. Новый закон противоречит Конституции, противоречит Гражданскому кодексу и вообще нереален. Но он подписан, и это вызвало настоящую панику. А президента вынудили его подписать. Он наложил вето, но обе палаты, Дума и Совет Федерации, вето преодолели. Таким образом, закон вступил в силу. Но поскольку он противоречит и Конституции, и законам, правительство уже заявило, что обратится в Конституционный суд и потребует отмены закона, ибо не может наносить ущерб интересам иностранных инвесторов.

С этой истории началась нарастающая ныне паника. Она грозила настоящим кризисом на российском финансовом рынке. Сначала правительство реагировало медленно и осторожно, но затем, поняв, что происходит, твердо решило, что должно сопротивляться этой попытке все разрушить и взорвать и принять четкие и твердые меры. Правительство и Центробанк объявили, что есть приоритеты, которые надо соблюдать в первую очередь, особенно в современном положении России.

Приоритет первый — сохранить ценность рубля. Для этого Центробанк был готов сильно повысить процентные ставки, что и произошло 18 мая. Правительство объявило, что его политика будет направлена на то, чтобы сократить внутреннюю задолженность как можно скорее, а это, в свою очередь, поведет к падению процентных ставок естественным, а не искусственным путем. Кроме того, повторяю, было подтверждено, что правительство защища-

ет интересы иностранных инвесторов. По моему мнению, между 18 и 23 мая ситуация была взята под контроль и создана база для дальнейшего развития в предстоящие недели.

Вторая проблема, с которой правительство столкнулось сразу после того, как его сформировали, — это забастовка шахтеров и блокирование важнейших железных дорог. Сама по себе забастовка настоящей опасности не представляла, ибо подавляющее большинство бастующих работают на шахтах, которые так или иначе приговорены к исчезновению. Но избранный метод забастовки сделал ее опасной. Блокада железнодорожных путей сообщения противозаконна: согласно действующему законодательству за нее полагается от 5 до 10 лет заключения. Но правительство не могло начинать свое существование с репрессий, хотя его к этому с разных сторон и подталкивали. С другой стороны, оно также не могло отобрать деньги у других секторов, скажем у преподавателей или у врачей, у системы образования или медицинской помощи, и отдать их шахтерам.

Вся эта проблема ведь абсолютно не связана с казной. Все то, что казна должна была выплатить шахтерам и шахтам, было полностью уплачено еще в начале этого года. Тут речь идет исключительно о невыполнении платежных указаний. Из центра деньги уходят, но они не доходят до адресатов. Речь идет о глубокой криминализации всей промежуточной ткани между правительством и теми, кому предназначены выдаваемые правительством деньги.

— *Иными словами — крадут?*

— Да, именно это я хочу сказать. А бывает и так, что шахта продает свою продукцию и деньги за нее заплачены тем предприятием, которому уголь продан, заплачены сполна, только не на счет шахты, а куда-нибудь в совсем другое учреждение или на другой счет, — счет, который имеет прямое отношение к директорам шахты. А директора говорят рабочим, что платить им не могут, потому что денег не получили. И ведь даже если кто-то из этих руководителей и начальников захочет прекратить свое участие в этом преступном круге, это невозможно из-за мафиозной круговой поруки, они все связаны, и если попробуют уйти, то им грозит смертельная опасность, ничего сделать они не могут.

И вот тут мы затрагиваем вопрос ответственности предыдущего правительства. Оно не виновато в неплатеже, ибо платило. Ино-

гда даже больше, чем должно было. Но оно оставалось совершенно пассивным и бездейственным перед лицом криминализации промежуточной среды. Речь идет о путях прохождения денег от центра к получателям. Пассивность породила состояние всеобщего воровства и круговой поруки, на которые никто не реагировал.

— *Это можно отнести ко всем секторам народного хозяйства?*

— Ситуация сложнее в том, что касается шахтеров. Тут есть еще одна составляющая, а именно зарплата, которая насчитывается за несделанную работу. Директор говорит своим рабочим: «Сейчас мы вам заплатить не можем, но зато мы вам начислим в три раза больше, чем то, что Вы на самом деле заработали. Подождите, когда-нибудь заплатят». И так растут фиктивные задолженности. Это, конечно, все-таки случаи отдельные, как бы экзотика, но та ситуация всеобщего воровства, о которой шла речь раньше, — это действительно всеобщее явление.

Самое простое было бы для правительства заплатить еще раз, забрав деньги из другого сектора, как я уже говорил. Но если так поступать, то возникает абсолютно нескончаемая цепь, безвыходная ситуация. Все бы считали, что можно красть дальше, безнаказанно и до бесконечности.

— *Известны ли цифры потерь, которые таким образом понесла казна?*

— Официально они не объявлены. Но Кириенко они, несомненно, известны. Для правительства же не было иного пути, как начать борьбу с теми, кто ворует. К этому оно и приступило. Для этого создано пять специализированных бригад. Их задача — как можно скорее выявить методы и механизмы такого рода операций и найти тех, кто непосредственно за них отвечает.

К счастью, среди шахтеров и среди их руководства оказалось немало разумных людей, прекрасно отдающих себе отчет в бессмысленности ситуации и в безнадежности ее, если не положить всему этому конец. Поэтому они готовы сотрудничать. Мне кажется, что ближайшие недели будут решающими для правительства Кириенко. Если он устоит против всей поднятой против его правительства кампании, он справится с этими первыми двумя проблемами и сможет приступить к решению дальнейших.

— *Есть, значит, твердая решимость бороться с возникшей связью между политикой, экономикой и мафией, организованной преступностью?*

— Да, я бы сказал, что есть решимость идти в этом направлении. Есть ясное понимание того, что происходит, а также того, какова ставка в игре, и будет сделано все возможное. Но я совершенно не чувствую себя в состоянии сейчас предсказывать, в какой мере нам все это удастся.

— *Ельцин, как видно, четко избрал свое поле действия, он хочет проводить реформы. Что толкнуло его в эту сторону после того, как в 1994 г. казалось, что он избрал совсем иное направление? И какую роль играет Вы во всем этом?*

— Сегодня мы в России в том же состоянии, как человек на велосипеде. Остановиться нельзя, потому что свалишься. Трудно, ты едешь в гору, ты устал, но знаешь, что одного нельзя — остановиться, потому что это конец всему. Ельцин не экономист. Все то, что он понял, всегда было плодом конкретного опыта. И уже несколько раз он убеждался в том, что, как только прерываются реформы, ситуация начинает скатываться в сторону катастрофы.

Это стало особенно ясно в 1996–1997 гг., когда после выборов больной президент создал самое слабое правительство за весь свой президентский срок. Результатом стала поистине взрывоопасная ситуация весны 1997 г. Тогда действительно не платили зарплат и пенсий и нарастала опасность, серьезного социального взрыва. Вот тогда Ельцин и произнес свою пресловутую речь (в тот момент недостаточно замеченную), в которой заговорил о программе настоящих серьезных реформ в качестве стержня будущей политики. В начале весны 1998 г. ситуация была менее серьезной. Но все же реформы не продвигались вперед должным образом. Повторяю: Ельцин не экономист, но он одарен необыкновенным политическим чутьем. Это помогает ему ориентироваться в ситуациях, и тут произошло именно это.

— *Когда-то Сергей Ковалев сказал, что Россия вступает на путь либерализации всегда после поражения. Крымская война, японская война, афганская война, наконец, Чечня. Как Вы оцениваете это его суждение?*

— Я склонен с ним согласиться по очень простой причине. Никто не приступает к реформам охотно, потому что они всегда сложны, трудны и связаны с массой неприятностей. Надо, чтобы обстоятельства вынуждали прибегать к реформам, иначе никто добровольно на них не пойдет. Поэтому это суждение кажется мне правильным.

Пока общество считает, что ему живется спокойно и хорошо, оно не хочет нарушать существующего равновесия. Но вот если общество начинает понимать, что положение его опасно и что опасность будет возрастать, если чего-то не предпринять, тут оно обязательно находит решимость проводить какие-то изменения и начинать реформы.

Если посмотреть в глубь ситуации, то мы поймем, что само крушение социалистической системы и все то, что это крушение выявило, неизбежным образом открыло путь реформам. Что же касается Чечни, то я полагаю, что если бы эту войну вели более умным образом, с российской точки зрения, и если бы вели ее успешно для России, то мы не имели бы сегодня той военной реформы, которая все-таки проходит, и не было бы во главе Министерства обороны человека, который действительно хочет провести эту реформу¹.

— *Если не ошибаюсь, в 1993 г. Вы сказали, что можно провести сравнение между сегодняшней Россией и веймарской Германией, но что для России важно ориентироваться не на германскую Веймарскую республику, а на ФРГ после Второй мировой войны. Вы имели в виду те сильные тенденции к национализму, к реваншу и к восстановлению имперского величия, которые были характерны для Веймарской республики. Думаете ли Вы так и поныне?*

— Да, я по-прежнему считаю, что это очень важные для России исторические примеры, своего рода предупреждения. Хотелось бы сказать, что национализм, шовинизм, смесь черного с красным или коричневого с красным, мечты о территориальной экспансии — все это ушло в далекое прошлое, но, к сожалению, в России это еще не совсем так, это было бы чересчур оптимистическим суждением.

У нас действительно существует очень странная смесь красно-коричневого, крайнего национализма и красных флагов, под которыми вдруг появляются императорские орлы. В нынешней ситуации у меня впечатление, что нацистская тенденция в России еще опаснее, чем красная или чисто коммунистическая. После 1996 г., как мне представляется, нацизм, упакованный в красную обертку, имеет в России мало шансов на победу, в то время как откровенный нацизм становится серьезной угрозой. Красные уже не имеют опоры ни среди молодежи, ни в среднем поколении. Но очень тревожит

то, что коричневые пользуются достаточно большим успехом именно среди молодежи. В чем-то это напоминает Восточную Германию. И при этом абсолютная пассивность судебных властей и прокуратуры: они никак не реагируют на нацистскую пропаганду. Это не может быть случайно. Совершенно ясно, что в этих кругах — суды, прокуратура — очень многие относятся с симпатией к нацизму.

— *Получается так, что в России на самом деле не проведена реформа правосудия и реформа того, что принято называть силами охраны порядка?*

— Это как раз то направление, на котором было проведено меньше всего реформ, а то, что было сделано, было чрезвычайно поверхностным и больше для формы. Бесспорно, сделано одно: достигнута независимость судов¹. Это реально, и в стратегическом плане это важно и имеет положительное значение. Но при этом мы не можем забывать о том, кто наши судьи, в какие времена они формировались и какие выработались у них навыки, какие убеждения им присущи. В результате можно сказать, что реальная полная независимость судов может оборачиваться и совершенно отрицательным фактором. Что же касается прокуратуры, то она не только не была реформирована, но ровно наоборот: нынешнее законодательство ставит ее вне всякой возможности реформ, изменить ее при ныне действующих законах просто нельзя. Это та сфера общественной жизни, которая вообще не была затронута. Это может привести к чрезвычайно опасным ситуациям.

— *Если проанализировать историю реформ, создается впечатление, что все было сосредоточено на экономике и очень мало внимания обращалось на законодательство, систему правосудия, силы охраны порядка и т. п. Правильно ли мы Вас понимаем?*

Есть такая русская поговорка: бодливой корове Бог рог не дает. Еще с царских времен в России, со времен империи, все полностью зависело от воли царя и всякое ведомство было прямо подчинено царской воле и царским приказаниям. И далее эта традиция продолжалась и усиливалась: от царской России она перешла в Россию советскую — все зависело от центральной власти, от очень немногочисленной верхушки. К сожалению, то же самое явление во многом

¹ Министром обороны с 1997 по 2001 г. был маршал Российской Федерации И. Д. Сергеев. — *Прим. ред.*

¹ Очевидна преждевременность такого высказывания: известны дело Ходорковского и Лебедева, а также ряд других случаев так называемого басманного правосудия 2000-х гг. — *Прим. ред.*

мы еще наблюдаем и в нынешней России на ее пути к демократии. Те министерства, которые у нас принято называть силовыми, — это всегда и неизменно ведомства, прямо зависящие от верховной власти. А ведь — еще раз возвращаясь к прошлому, к самым положительным его периодам — надо сказать, что и в столыпинские, например, времена министр обороны не имел права докладывать Совету министров, он подчинялся прямо царю.

Проводя реформы, мы попытались изменить эту сферу общественной жизни, но нам приходилось ограничиваться теми секторами, к которым мы имели прямой доступ. Мы всегда отдавали себе отчет в той огромной опасности, которая вытекала из отсутствия в окружении Ельцина людей, способных реформировать сектор сил охраны порядка.

— *Если подвести итоги, то приходится сказать, что реформировать надо все государство как таковое?*

— Без всякого сомнения. Корни этого государства все еще уходят в тоталитарную действительность, а это источник постоянной заразы, он ведет к заболеванию и в той части демократической действительности, которую на сегодняшний день удалось создать.

— *Каковы Ваше мнение о победе Александра Лебеда в Красноярском крае и Ваш взгляд на его будущее как политика?*

— Всего несколько месяцев назад казалось, что он потерял все шансы на политическую карьеру. Все зависело от исхода этих красноярских выборов. Выиграв их, он вновь вступает на политическую арену в ряду тех, кто борется за власть. У него есть одно преимущество: до сих пор он никогда не нес ответственности за вопросы гражданского управления. Поэтому все то, что он говорит и что нередко звучит очень положительно, все же остается в сфере абстрактных рассуждений. На деле он не мог испытать свои теории. Сейчас он будет отвечать за огромный и очень сложный регион, и это преимущество у него исчезает. Станет ясно, что он реально может и умеет делать: ему придется принимать решения, выбирать сотрудников, добиваться исполнения своих решений, выносить суждение о происходящем. Раньше всего этого не было. Если результаты будут положительными, это будет прекрасно для Красноярского края. Если они будут отрицательными, то можно будет сказать, что лучше проводить опыт в одном регионе, даже очень большом, чем в масштабе всей страны.

— *Что Вы думаете о поведении западных стран по отношению к России? Считаете ли Вы, что они совершали какие-либо серьезные ошибки?*

— Прежде всего я считаю, что нет никого на свете, кроме нас самих, кто мог бы за нас решать наши проблемы и защищать наши интересы, это наше дело, мы сами должны этим заниматься. Нам необходимо перестать видеть в Западе такого опереточного злодея, который во что бы то ни стало хочет задушить нашу матушку Россию. Также надо перестать мечтать о щедром дядюшке, который подарит нам все нужные нам деньги. Это наши проблемы, наша ответственность, мы сами должны искать и находить ответы.

Я должен сказать, что далеко не всегда считаю разумными и стратегически правильными некоторые поступки западных стран по отношению к России. Но прежде всего я убежден, что нельзя обижаться и впадать в истерику. Нам надо учиться защищать свои интересы цивилизованным образом.

— *Одна из тех ошибок, о которых Вы говорите, — это расширение НАТО?*

— Да, и это. Я прекрасно понимаю причины, по которым страны Восточной Европы хотят вступить в НАТО, но в то же время понимаю, что расширение НАТО не является решением стратегических проблем XXI в. Ведь это попытка продлить политику, которая, без сомнения, была успешной, но ее эпоха кончилась, а сейчас речь идет о временном приспособлении к обстоятельствам, к конъюнктуре.

НАТО — это организация, рожденная для того, чтобы предупредить попытку СССР напасть на Западную Европу и ее завоевать. Это было тогда очень серьезной и важной задачей. Но сегодня никто не может всерьез думать о силовом масштабном проникновении России на территорию Центральной или Восточной Европы. Поэтому мне кажется стратегически неумным отвечать на возникающие, несколько искусственные, вопросы расширением организации, чья историческая роль, на мой взгляд, исчерпана.

— *Когда мы рассматриваем сегодняшнюю Россию, у нас создается впечатление, что в ней установился дикий капитализм, похожий на его первоначальные формы и связанный с преступным миром. И в России, и в левых западных кругах есть склонность утверждать, что все трудности вызваны именно капитализмом. Может быть,*

правильнее было бы сказать, что ответственность лежит на коммунистическом наследии и что оно по своей природе мешает нормальному переходу?

— Социализм в его тоталитарной форме — самая большая социальная и экономическая аномалия, когда-либо существовавшая в истории современного мира. Она предполагает фундаментальное изменение всех форм жизни, организации жизни и общества по сравнению со всем привычным, традиционным, испытанным, со всем, что работало ранее в мире. В ней есть экономический потенциал в смысле ускорения промышленного развития, но система содержит противоречия, и именно с ускорением промышленного развития они становятся настолько сильными, что неизбежно ведут к саморазрушению. Об этом, кстати, моя последняя книга «Аномалии экономического роста».

Но когда наступает неизбежный момент крушения социализма, капитализм не появляется, как красавица Афродита, выходящая из морских волн. Он появляется весь в ранах и язвах, и тут мы отдаем себе отчет в том, что социализм разрушил столько составляющих нормальной человеческой жизни, совершенно необходимых для того, чтобы общество могло нормально жить и действовать, что иначе и не могло быть.

Вот, например, контракты и их выполнение. После 75 лет коммунизма где Вы найдете традицию выполнения контрактов, вообще коммерческую традицию, нормальное распределение товаров, уважение к частной собственности? Полностью отсутствует все то, что делает капитализм жизнеспособным и привлекательным. Он является в самой отталкивающей и уродливой форме. И тогда происходит то, что мы имеем сегодня в России: коммунизм рухнул, а нам надо за несколько лет построить то, что медленно, тщательно, с трудом создавалось в течение веков в тех странах, которые не прошли через этот разрушительный опыт. Нам же приходится как-то справляться с этой проблемой за несколько лет, с невероятными усилиями и с элементом насилия.

— Не считаете ли Вы, что социализм разрушил веру человека в самого себя и в свой труд — два основополагающих элемента как раз нормальной жизни?

— Социализм оставляет за собой нечто очень странное, что я называл бы инфантилизмом в отношениях между человеком и государ-

ством. Коммунизм создает ментальность и сознание ребенка. Недаром же были лозунги о «материнской заботе социалистического строя о советских людях». Имеются в виду не граждане: гражданин не может быть, есть дети. Государство с точки зрения социализма существует не для людей, хотя это они его содержат, ибо платят налоги. Эта детская ментальность лежит в основе множества проблем, которые мы могли бы назвать постсоциалистическими.

Трудно объяснить ребенку, что не можешь купить ему мороженое, потому что нет денег: ребенок этого не поймет. Это не его дело. Поэтому очень интересно наблюдать за преобразованием этой детской ментальности сейчас, когда социалистическая эра пришла к закату. Мы все сохраняем еще эту детскую ментальность, но уже с другой направленностью. Раньше у нас был суровый, но справедливый отец, государство, имевшее полное право наказывать, а иногда и приласкать, дать конфетку. А теперь государство стало отчимом: злым, но трусливым, и, если прижать его к стене и дать пару пощечин, он в конце концов все тебе даст. И в то же время появилась иллюзия о капиталистических папе и маме, которые будут баловать и дадут все, чего попросишь.

И вот вдруг ребенку говорят: все, детство кончилось, надо начинать работать и зарабатывать себе на жизнь, самому ее строить. Это ужасная травма.

В России мы это наблюдаем с особой яркостью. Реформы у нас были медленными, мы то двигались вперед, то возвращались назад, поэтому все эти явления были менее заметными. Там, где реформы прошли стремительно и эффективно, как в Польше, это состояние больше бросается в глаза.

— России еще предстоит пережить «шоковую терапию»? А может ли это привести к социальному взрыву?

— Нет, на самом деле Россия уже прошла через ряд перемен, но это не было «шоковой терапией», реформы были медленными и оставались незаконченными. Поэтому психологический, моральный и жизненный шок меньше бросается в глаза. Он гораздо более заметен в стране, где экономика уже работает, а люди должны справляться с совершенно новой ситуацией и еще не научились это делать.

— А социальный взрыв? Вы считаете, что опасность в 1997 г., о серьезности которой Вы говорили, была больше, чем та, которая все-таки существует сейчас?

— Вероятно, я смогу дать более уверенный и четкий ответ через некоторое время, и даже довольно скоро. Но нет сомнения в том, что мы переживаем очень напряженный период. О его причинах мы уже говорили в начале беседы.

Партия реальной власти

Председатель «Демвыбора России» Егор Гайдар считает, что влияние его партии определяется прежде всего профессионализмом и добросовестностью ее членов.

— Егор Тимурович, в докладе на последнем съезде ДВР¹ Вы высказались в том смысле, что, с одной стороны, Ваша партия сегодня одна из влиятельнейших в России, с другой — отношение к ней граждан, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Как бы Вы прокомментировали это противоречие?

— В силу достаточно высокого уровня квалификации многих членов ДВР или сторонников нашей партии именно им приходится выработать принципиальные документы, планы реформ в самых разных областях — это получается само собой. Если речь заходит о том, как, скажем, строить систему ипотеки или, например, как регулировать рынок недвижимости, проводить реформу межбюджетных отношений, решать многие другие стратегически важные вопросы, то выясняется, что знаниями и практическим опытом решения всех этих задач обладают люди, тесно связанные с ДВР. Не обязательно, кстати, члены партии. Если внимательно проанализировать ход российской экономической реформы, то следы нашего влияния обнаруживаются на самых разных ее направлениях. Документы наши и правительственные во многом перекликаются. Можно сравнить, например, президентское Послание 1997 г., которое наметило общие контуры социально-экономической политики страны на второй срок ельцинского президентства, с тем, что содержалось в программных документах ДВР. Сходство основных положений очевидно. Это вовсе не означает, что Борис Николаевич — член нашей партии или собрался в нее вступать. Просто ког-

Интервью брал Александр РЫКЛИН.

Опубликовано в: Итоги. 1998. 23 июня.

¹ VI съезд ДВР. 3 июня 1998 г. — Прим. ред.

да Вы переходите от популистских лозунгов к практической работе, выясняется, что область возможных решений сегодня в России крайне ограничена, как и круг людей, способных провести такие решения в жизнь.

Это фундаментальная проблема переходных периодов. Суть ее в следующем: есть достаточно жестко заданный набор разумных экономических политик, который в стране, пережившей крах коммунистического режима, приводит к неким позитивным результатам. Любое отклонение в сторону приводит к довольно болезненному наказанию. Беда и проблема России в том, что на протяжении последних лет она несколько раз пыталась сойти — и сходила — с оптимального пути. Но на то есть объективная причина: разумная политика не совпадает с политикой популистской. И золотой середины тут быть не может: экономическая политика на постсоциалистическом этапе развития общества не бывает полуразумной и полупопулярной, потому что тогда она у Вас будет и неразумной, и непопулярной. А ДВР — партия, которая работает только в рамках разумной политики. Хотя ее, как известно, очень трудно электорально защищать.

— *Вы нарисовали тупик...*

— Это, конечно, не тупик, но очень серьезная проблема. И мы ищем пути ее решения. В нашей стране сильная президентская власть и, по сути, протестный парламент, в который мы упираемся на многих направлениях, например с новым Налоговым кодексом. Решить эту проблему без Думы невозможно.

Именно поэтому мы считаем, что на следующих выборах нашей партии нужна широкая правоцентристская коалиция, в которую вполне может войти, например, НДР. Начать переговоры с Виктором Черномырдиным мы планируем в самое ближайшее время.

— *А «Яблоко»?*

— Это вряд ли. Посудите сами, нам нужна правоцентристская фракция в Думе. А можно ли считать правым движение, которое голосует против частной собственности на землю, против прогрессивного Налогового кодекса. Но «Яблоко», кстати, тоже неоднородно...

— *По-Вашему, нынешнее ухудшение экономической ситуации в стране как-то связано с разразившейся год назад «банковской войной»?*

— Да, напрямую. Я тогда пытался объяснить всем сторонам, в том числе и тем, кого называют олигархами, какую придется заплатить за все это цену. Причем не просто стране, а им лично: с точки зрения капитализации их предприятий, их финансовых позиций в мире и т. д. Мои предсказания, к сожалению, сбылись, причем с перебором, потому что даже я не думал, что плата будет такой высокой. Возьмите кредитные рейтинги их компаний на тот момент и сравните с сегодняшними, проанализируйте их возможности привлекать финансовые ресурсы на мировых рынках тогда и теперь. Поверьте, потери составили миллиарды долларов. Беда в том, что к подобного рода прогнозам не прислушиваются даже умные люди (а в данном случае мы имеем дело, несомненно, с людьми умными). Вот второй раз они себе уже такого не позволят (Черномырдин, например, после того как его ударил по голове «черный вторник», никогда уже не затевал игр с денежной политикой). Я уверен, что, если бы сегодня они могли все это отмотать назад, они бы это сделали. Победивших в той сваре не было — проиграли все.

— *Так, может быть, новое назначение Анатолия Чубайса — это как раз попытка исправить допущенную ошибку, все «отмотать назад»?*

— В какой-то степени. Но два раза в одну и ту же реку войти трудно. Чтобы вернуться к экономической ситуации конца прошлого лета, надо добросовестно учиться и много-много работать. Такую амбициозную задачу можно решить в том случае, если правительство будет совершать только разумные поступки. Тогда действительно появится шанс по ключевым параметрам, таким как реальная процентная ставка или валютные резервы, вернуться на прежние позиции.

— *Можно ли считать, что прошлогодний конфликт, который, судя по Вашим словам, дорого обошелся всему обществу, исчерпан?*

— Мне кажется, что стороны извлекли некоторые уроки, подвели черту и теперь мы имеем новую реальность.

— *Как Вы оцениваете первые шаги правительства Кириенко?*

— Программа действий правительства, как мне кажется, вполне разумна. До сегодняшнего дня оно смогло удержаться и в сложных условиях не совершить ни одной глупости. Главная проблема этого правительства одновременно является и его главным достоинством. Оно молодое, за предшественников не отвечает, и пото-

му руки у него развязаны. По той же причине у него нет собственной кредитной истории. Но финансовые рынки — это очень жесткие и циничные институты. Они, конечно, на все правильные слова и программы смотрят благосклонно, но ждут исключительно дел.

— *И назначение Бориса Федорова на должность главы ГНС в ряду таких дел?*

— В какой-то степени. Но рынок ждет не назначения Федорова, а поступления доходов в федеральный бюджет уже в июне — июле.

У правительства очень разумная программа сокращения расходов. И правильный приоритет, кстати говоря. Не просто урезание текущего финансирования, а серьезная работа по структурированию расходов даст положительные результаты. Абсолютно неверная идея, что все наши проблемы должны решаться за счет сбора налогов. Да, разумеется, их надо собирать, но чуда тут никакого не произойдет, и больше, чем Америка, мы ни сегодня, ни завтра не соберем. (А сегодня мы собираем столько же, сколько Америка. По долям ВВП, разумеется.)

— *Известно, что явное усиление влияния на политическую жизнь страны — результат последнего правительственного кризиса и прихода в Белый дом Сергея Кириенко. Не могли бы Вы рассказать, как это выглядит на практике? Проводятся совместные совещания или Вы встречаетесь с премьером наедине?*

— Знаете, у политического влияния, если оно реальное, есть одно характерное свойство — оно не терпит публичности.

Егор Гайдар отвечает на вопросы «Открытой политики»

— *Егор Тимурович, стоит зайти разговору о новом правительстве — думская оппозиция сразу начинает пенять на то, что с новыми министрами «смены курса не произошло». Скажем, Зюганов — тот просто охарактеризовал новый кабинет как «третье издание правительства Гайдара, только с зубами Чубайса». Явлинский же, питавший, по-видимому, некоторые надежды на то, что премьером станет он сам, не представил обществу сколько-нибудь убедительной программы работы правительства, последовательно проводящего реформы. Иными словами, слышны только заявления о необходимости «смены курса» и никаких внятных разъяснений о том, что за этим понятием стоит. Как бы Вы прокомментировали подобные заявления наших видных оппозиционных политиков?*

— Первое, о позиции коммунистов, требующих смены курса. Всегда пытаюсь понять, что они, собственно, имеют в виду, но они хранят это, как великую военную тайну. Какой курс, собственно? Правительство Черномырдина на протяжении последних пяти с половиной лет реализовывало самые разные курсы. Если подразумевается печатание не обеспеченных ничем денег — так оно это активно делало в 1994 г. Если речь идет о популистских решениях и решениях в пользу той или иной так называемой группы интересов, то весь 1996 г. — и первая его половина, и вторая — был посвящен именно этой практике. Если имеется в виду тот курс, который начал реализовываться где-то с марта 1997 г., после президентского Послания и реформирования правительства, — да, это хороший курс, я его в полной мере поддерживаю, но само правительство сбилось с него по крайней мере в ноябре, хотя начало сбиваться еще летом, в августе.

Интервью брали Никита БАЖОВ, Александр МОЛДАВСКИЙ.
Опубликовано в: Открытая политика. 1998. № 6. Июнь.

Короче говоря, этот эвфемизм «смена курса», по-моему, что-то скрывает. Что же? На мой взгляд, ту реальность, что ни коммунисты, ни Григорий Алексеевич Явлинский не могут внятно, по возможности с цифрами в руках сказать — а что они, собственно, предлагают делать в российской экономике.

Курс, если говорить о нем всерьез, воплощается в некоторых простых квалифицированных решениях: это бюджет, бюджетные приоритеты, доходы-расходы бюджета, налоговая политика, политика контроля за государственными расходами. Есть еще торговая политика, регулирование естественных монополий, мера адресности социальной защиты. Военная реформа — проводить ее или не проводить? Короче, все это вещи, весьма и весьма понятные с точки зрения технологии претворения их в жизнь. И все они крутятся вокруг вопроса о том, откуда взять деньги и как их разумным образом потратить.

Очень красиво, стоя на трибуне, махать кулачком и требовать смены «антинародного курса реформ». Очень трудно сохранить ту же позу и тот же машущий кулачок, если вошел в кабинет и, приступив к работе, должен прикидывать: вот у нас наши ресурсы, вот бюджет, вот законодательство, вот это Дума приняла, это не приняла — что конкретно будем делать? И обнаруживается, что прежняя популистски привлекательная риторика выглядит на самом деле несолидно.

Что касается того курса, который правительство избрало сегодня и который является преемственным по отношению к курсу второй генерации либеральных реформ, обозначенному Ельциным в президентском Послании 1997 г. (по существу, документ этот был не обычным ежегодным обращением к Федеральному собранию, он представлял стержень экономической политики Ельцина на весь его второй президентский срок), у этого курса действительно разумной альтернативы нет. Можно, конечно, пытаться сбиться с него, но плата будет очень дорога.

На самом деле все, что выстраивается противниками поперек обозначенного курса, делится на две части. Одна — это некие слова, за которыми ничего по сути не стоит: какие-то красоты, которые невозможно перевести на язык нормативных документов, бюджетных решений. Это очень хорошо получается у Г. Явлинского — красиво, но в бюджет не перепишешь. Другая — это закамуф-

лированная в ту же упаковку простая идея: давайте снова печатать деньги и тут вот счастье и наступит. Но дело в том, что общество у нас за это время немножко поумнело и присутствовавшие в 1992 г. общие убеждения, что если напечатать много денег, то будет много счастья, разделяют уже далеко не все. Вот поэтому, скажем, Явлинский в 1993, 1994, 1995 гг. открыто выступал за включение печатного станка (это есть во многих его выступлениях, программных документах и т. п.), а в последнее время такие вещи уже открыто не говорятся. Поэтому оппозиции желательно заявить о необходимости смены курса, но так, чтобы поумневшее население не побежало тотчас менять рубли на доллары, едва лишь прослышит о возможности появления в правительстве авторов подобных заявлений или их представителей.

— *Вернемся к так называемому правительству Черномырдина. Пресса активно обсуждала вопрос, почему же все-таки сняли Виктора Степановича, и ряд авторов все связанное с этой отставкой авторитетно объясняли то «дворцовыми интригами», то ставшей чуть ли не хрестоматийной (для СМИ) непредсказуемостью президента. Появлялись кое-где утверждения, будто правительство Черномырдина — это второе издание правительства Гайдара: как известно, Виктор Степанович стал в последнее время заядлым монетаристом и заявлял об этом прилюдно. Может, он был снят за это?*

— Я напомню, что Виктор Степанович Черномырдин, выступая на заседании правительства, сказал: «Да, мы монетаризмом занимаемся, но плохо занимаемся». Я думаю, что, скорее всего, его сняли за вторую часть этой замечательной фразы.

Что касается «второго издания» — на самом деле ведь не было одного правительства у Черномырдина. Было по меньшей мере пять или шесть правительств, которые формально носили это название. И это очень разные правительства по составу, по политике, которая ими проводилась. Собственно, политическое долголетие Черномырдина объясняется не чем иным, как тем, что он оказался способным проводить самые разные линии, возглавлять самые разные правительства. В связи с этим, конечно, правительство Черномырдина не было никогда «вторым изданием» правительства Гайдара.

Да, в отдельные моменты линия правительства Черномырдина начинала приобретать черты той, которую реализовывали бы мы в этом положении. Скажем, с весны по лето 1997 г. правитель-

ство Черномырдина было максимально близко к тому, что можно было бы назвать правительством гайдаровским. Но еще раз подчеркиваю, что это было все-таки черномырдинское правительство, потому что возглавлял его Черномырдин, а не Гайдар — человек с совершенно другими представлениями об экономике, жизни, управлении правительством и т. д.

И Кириенко, кстати говоря, это совершенно не Гайдар, его правительство тоже не «второе издание» правительства Гайдара и не третье, это правительство Кириенко. Да, есть некоторые элементы сходства — это более командное правительство, чем правительство Черномырдина, и, видимо, в какой-то степени сопоставимое с кабинетом конца 1991–1992 г. Но это другое правительство, которое находится в совершенно иной ситуации. И потому оно гораздо более спокойное, гораздо менее политизированное, нереволюционное. У нового правительства совершенно другие конституционные полномочия, неизмеримо более широкие, чем были у нас. Условия у него гораздо более комфортные, нет этого огромного источника проблем, связанного со спонтанным законодательством съезда народных депутатов. Оно в некотором смысле более прагматично, чем правительство Гайдара, потому что тогда ситуация была уж очень критическая и идти работать в правительство было огромным риском, желающих находилось мало. Так что это другое правительство — правительство людей, кстати, другого поколения, с другими приоритетами, но и с некоторыми чертами сходства.

— *Как Вы считаете, свидетельствует ли последняя смена кабинета о понимании президентом необходимости превращения правительства в некий хозяйственный орган, который бы действовал по принципу профпригодности каждого из министров и всего кабинета в целом, а не по принципу политизации его функций, отдельных фигур?*

— Я думаю, что в какой-то степени это так. Вот мое представление об этом решении. У президента есть два года еще из его второго срока. То, что будет в 2000 г., в колоссальной степени зависит от эффективности работы его правительства. К началу 1998 г. правительство в том виде, в котором оно существовало, было очень устойчивым, как бы очень укоренившимся с точки зрения привычности и т. д. Это с одной стороны. С другой — оно было в то же время очень внутренне разделенным, в большой степени озабо-

ченным своими отношениями с разными группами интересов, сферами влияния, распределением полномочий и т. д. И потому как командная организация оно было крайне малоспособным.

Иными словами, если задача состояла в том, чтобы как-то протянуть до 2000 г., ничего толком не решая, то лучше этого правительства не было. А если задача состоит в том, чтобы за эти два года провести набор реформ, которые долго-долго по разным причинам пробуксовывали, но без которых Россия в приличном виде к 2000 г. не подойдет, то это правительство абсолютно не годилось. И что немаловажно — на этом правительстве висело колоссальное бремя ответственности за прошедшие пять с лишним лет.

Представим себе: все эти годы в России с ее бурным переходным периодом, огромными перепадами в развитии экономики правительство возглавлял премьер-министр, являющийся самым большим долгожителем на этом посту в Европе после Коля. В такой ситуации правительство неизбежно обрастает грузом собственных ошибок, связей, обещаний, обязательств. И вот тут, никак его радикально не поменяв, ты эти связи не разорвешь, от всего этого груза не избавишься. Можно десять раз вызывать Черномырдина и говорить: прекрати покровительствовать тому-то и тому-то — он даже согласится, но только ничего из этого не последует. Для Ельцина ситуация, на мой взгляд, была предельно проста: он не может получить дееспособное правительство, радикально не дестабилизировав ситуацию. И он не может сохранить стабильность и одновременно получить дееспособное правительство. Получается все привычно, замечательно, здорово: к Черномырдину привык президент, привыкла Дума, всем хорошо, всем спокойно. Но только вот правительство при всем этом не будет работать так, как надо.

Новый человек — как чертик из коробочки. Кто он? Человек, который не связан со всеми предшествующими историями, человек, который воспринимается как пришедший со стороны, вместе с тем человек, который в принципе ориентирован на реформы, хочет реализовывать эту линию и который не связан массой привходящих обязательств. Ельцину не нужен на этом месте политик, не нужен на этом месте человек, который будет сейчас заниматься своей президентской кампанией. Ему нужен был тот, кто способен эти два года решать в рамках его президентской структуры проблемы российской экономики, причем наверняка либерал.

По-видимому, не без колебаний (он сам об этом, возможно, расскажет или напишет) президент в конце концов остановился на Кириенко, человеке: а) молодом, б) немосковском, в) не связанном с какими бы то ни было сильными и влиятельными группировками, г) не несущем ответственности за тяжелый предшествующий путь. Предположительно, что и действовать он будет технологично и профессионально. В общем, жизнь покажет, насколько это решение было эффективным, но, по крайней мере, странным и диким, как это подавали многие СМИ, оно мне не кажется.

— *Егор Тимурович, «Независимая газета» по своему обыкновению легко определила, кто чей человек, и пришла к выводу, что «Сергей Кириенко сформировал правительство Чубайса», правительство, «которое будет руководствоваться идеями экономического либерализма крайне правого толка». На фоне неоднократно назначавшейся той же самой «Независимой газетой» гибели либерализма есть ли вообще перспективы у либерального правительства?*

— Вообще-то с гибелью либерализма у нас очень занятно. Я помню, в начале 1997 г. Евгений Киселев посвятил длинную передачу в «Итогах» гибели российского либерализма, а г-н Третьяков напечатал огромный материал по тому же поводу. Видимо, подобные выступления ведущего популярной программы и редактора «НГ» надо понимать в том смысле, что их хозяевам либерализм сейчас совершенно не нужен и поступил заказ на то, чтобы либерализма не было.

Буквально через месяца полтора после этого президент Ельцин выступил со своей самой, пожалуй, либеральной речью последних лет — президентским Посланием 1997 г., где начертал очень развернутую, подробную, технологически ясную программу либеральных реформ как программу следующих лет своего президентства. Потом правительство начало реализовывать эти реформы, реформы стали идти и давать результаты.

Что же у нас все-таки получается с либерализмом? Либеральные реформы в России неизбежны. Из той точки, в которой страна оказалась сегодня, никакого иного осмысленного экономического курса нет. Еще раз подчеркиваю — можно метаться, можно начинать печатать деньги или раздавать индивидуальные льготы и называть это научной политикой, но, пометавшись, ты вынужден будешь все равно поворачивать на курс либеральных реформ. Потому что так

устроено сегодняшнее положение России. Потому что у нее такая предшествующая история. Потому что больше налогов ты не вышибешь из этого общества, в связи с этим больших расходов не профинансируешь. Значит, нужно идти по пути рационализации расходов, ограничения бюджетных обязательств той сферы, которая действительно необходима, очищения и упорядочения налоговой системы, снижения налоговых ставок — короче говоря, идти к обществу, где не очень высокие налоги, эффективное и экономичное государство, хорошо налаженный контроль за расходованием государственных средств, равные правила игры и т. д. Это по своей природе и есть суть экономического либерализма.

Если бы, скажем, было реальным выжать из этой экономики в два раза больше доходов — налогов, стоит только постараться, и тогда всем можно дать, можно было бы предположить, что здесь есть база для дирижистской, социалистической и т. д. политики. Это как раз то, что пытались сделать неоднократно. Последний раз в утвержденном бюджете 1996 г. Все это, однако, заканчивается двумя путями: либо инфляционным взрывом, как в 1994 г., либо массовой невыплатой зарплат и пенсий, как в 1996, 1997 гг. Ничего другого не получается. Ты можешь некоторое время не платить зарплаты и пенсии, можешь некоторое время печатать деньги и получить обвальное падение рубля.

— *Но потом...*

— Потом все равно придется тяжело возвращаться на тот же самый либеральный путь, принимать те же самые основные либеральные меры, перечитывать, что там было написано у либералов по этому поводу. И дальше — строгие пределы. Вот почему в России экономический либерализм — это не проклятое прошлое, это совершенно неизбежное будущее. С другой стороны, то, что надо делать, делать тяжело, потому что это входит в противоречие с интересами крупных финансово-информационных групп. Им не нужны равные правила игры, их не интересует эффективность расходования государственных средств, их интересует возможность присосаться к ним и их разбазарить. Значит, с ними правительство неизбежно конфликтует.

И еще. Меры по реструктурированию бюджетных обязательств — это всегда меры непростые, так как бюджет — это средства, собранные налогоплательщиками на определенные нужды. Однако всег-

да есть «встроенные», так сказать, интересы, направленные на то, чтобы эти деньги тратились не так, как было запланировано, или вообще разворачивались. А налоговая реформа — к ней тоже отношение двойственное. Да, для тех, кто платит налоги, налоговая реформа — это, конечно, манна небесная, потому что она позволяет снизить реальное налоговое бремя. А для тех, кто не платит налоги и поступает так абсолютно осознанно, — это наступление на их права. Между тем формула налоговой реформы — это низкие налоги, которые платят все.

В связи с этим либеральная программа, которую надо реализовывать, — это курс, экономически жестко заданный, а в социально-политическом плане очень конфликтный. Поэтому, собственно, и движение идет по принципу «два шага вперед, шаг назад».

— *Но возвращаться труднее каждый раз.*

— Возвращаться каждый раз труднее. Именно поэтому, кстати, либерализм так не нравится хозяевам «Независимой газеты» и НТВ.

— *Егор Тимурович, Вы высказывали сейчас предположение, что президенту за оставшиеся два года надо действительно добиться какого-то положительного результата, который бы увидели, оценили большинство россиян. Но ведь два года — это все-таки не четыре. Как на фоне «тающего» президентского мандата и усиления власти в регионах, резких движений губернаторов, вплоть до угрозы сепаратизма, будет работать новому правительству?*

— Угрозы сепаратизма, я думаю, по большому счету, сейчас нет. Никто этим всерьез потрясать не будет. Скорее, это предвыборная риторика, чем реальные движения. Территория России — это исторически единое пространство.

Что касается отношений центра с регионами, конечно, это очень серьезная проблема. И, кстати, неудивительно, что новое правительство в первую очередь занялось этими проблемами. Одной из первых проблем, которую обсуждало правительство, была программа реформы межбюджетных отношений. Один из первых документов, который подписал президент по представлению Кириенко сразу после утверждения последнего премьером, — это указ, который резко расширяет возможность федеральной власти контролировать финансовые потоки в регионах. На самом деле у Федерации есть масса мощнейших рычагов воздействия на региональные структуры. Вопрос только в том, в какой степени действия

федеральных властей, предпринимаемые с этой целью, будут скоординированы. Если скоординированы — я Вас уверяю, что любой губернатор поймет: вести себя хамски по отношению к федеральной власти на редкость бессмысленно.

— *Давайте немножко пофантазируем. Мы сейчас говорили о неизбежности либерального пути развития страны, но тем не менее мы сейчас там, где мы есть. Давайте попробуем представить себе, где бы мы были, если бы у президента были в 1992 г. те полномочия, которыми он располагает сейчас. Если бы первое правительство реформ, как его называют, задержалось у власти и продолжило то, что оно начинало.*

— Не знаю, сохранилось бы наше правительство или не сохранилось бы, но если бы на протяжении всех последующих лет проводилась действительно политика либеральных реформ, то совершенно нетрудно догадаться, где бы мы были. Для этого надо посмотреть просто на, скажем, Польшу — страну при всех своих различиях очень близкую к России по предшествующей истории, по трудному пути вниз, а потом по началу реформ.

Что можно сказать? В 1994 г. можно было бы ждать начала экономического роста, к этому периоду у нас валовой внутренний продукт вырос бы по меньшей мере на 20%. Существенно росли бы реальные доходы населения. Конечно, не было бы проблем с поддержками зарплат и пенсий. Россия была бы гораздо более привлекательной для иностранных инвестиций и рассматривалась в качестве стабильной, была бы одной из самых быстрорастущих стран Европы. При этом уже давно была бы проведена налоговая реформа, налоги были бы существенно понижены. Одновременно была бы проведена реформа социальной защиты, помогали бы действительно нуждающимся, помогали целенаправленно, не размазывая выделяемых для этой цели средств. Естественно, была бы проведена военная реформа (реально она началась в 1997 г.), армия стала бы меньше, но уже была бы переформирована под новые задачи и имела бы ограниченное число частей, но частей боеспособных, укомплектованных, были бы деньги на боевую подготовку.

Что еще обязательно было бы? По-прежнему с экрана телевизора мы слышали бы об антинародном курсе, о страшном кризисе, который мы переживаем, вот это было бы неизменно, как в Польше. Вот я сейчас написал комментарий к книжечке Яцека Куроня, там очень

хорошо видно, как очевидные экономические достижения вызывают резкое неприятие: слишком велика дистанция между безумными ожиданиями постсоциалистической эпохи, что сейчас придут и сделают красиво, как в Америке, и реалиями. Ожидания, о которых я говорю, были в Польше очень сильными. И зазор между ними и реальными достижениями по-прежнему сохраняется.

В России дело обстоит бы примерно так же, т. е. была бы динамично развивающаяся, богатящаяся, стабильная страна с хорошими перспективами, где общество крайне недоволено тем, что в ней происходит.

— *И, наверно, последнее. Будущий год — год выборов в Думу, а нынешний год — год создания и разрушения различных блоков, коалиций. Относительно ДВР — что Вы хотели бы сказать по поводу возможной конфигурации блока?*

— Что можно здесь сказать? Первое. Важнейшей, на мой взгляд, задачей является создание дееспособного правоцентристского блока, способного преодолеть 5%-й барьер. Это очень важно, я считаю это важнейшей задачей ДВР. Непростая задача, мы в этом неоднократно убеждались. Это не задача, которую можно решать только в рамках московской тусовки, потому что очень многое будет зависеть от возможности вовлечь в этот блок активных региональных политиков, региональные элиты, если они обладают демократическим характером. В общем сложная задача, но я очень надеюсь, что ее удастся решить. Говорить же уже сейчас о конкретной конфигурации блока еще рано.

ДОПОЛНЕНИЕ

Когда интервью с Е. Гайдаром (см. выше — прим. ред.) было уже готово к печати, российские финансовые рынки вновь залихорадило. Редакция журнала «Открытая политика» посчитала нужным еще раз обратиться к Егору Тимуровичу с просьбой проанализировать текущие события.

— *Прокомментируйте последние драматические события на финансовых рынках.*

— Базой последних событий на российских финансовых рынках было сочетание группы факторов. Первое — фактор внешний. Это

продолжающаяся нестабильность в Юго-Восточной Азии, события в Индонезии, ядерные испытания в Индии — все это породило общий отток средств с финансовых рынков, привело их снова в состояние нестабильности. А это положение, при котором они очень сильно реагируют на новости, поступающие и с той, и с другой стороны.

— *Вы имеете в виду глобального инвестора?*

— Конечно, спекулятивный инвестор — он там, там и там, он смотрит, где что происходит, откуда надо бежать и куда надо бежать, и он очень пуглив в некоторых ситуациях. В стабильных, нормальных условиях все хорошо, а в таких ситуациях, как сейчас, он очень пуглив, он реагирует на шорох. А тут из России пошло несколько подряд нехороших новостей. Первая из них — это, конечно, подписание Закона о РАО ЕЭС, который ограничивает владение иностранцами 25% акций. Возникло представление о том, что права эти могут быть ущемлены.

— *А почему так спокойно, тихо, безропотно власти приняли этот Закон?*

— Не безропотно. Президент дважды накладывал вето на этот Закон. Однако недоумение рынков вызвало то, что президент его подписал (он просто обязан был его подписать) и не было никаких комментариев, заявлений. Они появились, но через пять дней. Конечно, рынок прекрасно знал, что президент подпишет этот Закон, но ждал, что президент подпишет Закон и вот как раз тогда и будет сказано то, что было сказано потом: Закон противоречит Конституции и Гражданскому кодексу, что в этом виде он выполнен быть не может, что будет обжалован в Конституционном и Верховном судах и что правительство ни в коем случае не пойдет ни на какие меры, которые ущемляют права акционеров. Собственно, все это было сказано, но только через пять дней после того, как пошла волна неуверенности.

Вторая неприятность — это введение временной администрации в ТООКБанке. Этот большой банк, взявший довольно заметный кредит на Западе, рассматривается в мире как одна из главных наших банковских систем. И введение там внешнего управления было сигналом к тому, что банковская система России очень серьезно больна.

Интервью брал Виктор ЯРОШЕНКО.

Опубликовано в: Открытая политика. 1998. № 6. Июнь.

Третье обстоятельство — это абсолютно безответственное заявление г-на Кармокова¹, председателя Счетной палаты, с предложением не платить по ГКО, а сделать так, как делали в 50-х гг., — по просьбам трудящихся отсрочить платежи на 20 лет. Конечно, любой сведущий российский человек знает, что г-н Кармоков на финансовую политику не влияет. Но для мира заявление председателя аудиторской палаты о том, что надо отсрочить долг, было, конечно, очень тревожным симптомом.

Ну и, наконец, вырванные из контекста и полностью извращенные слова Дубинина о том, что если проводить безответственную политику, то будет финансовый кризис, поэтому проводить ее не надо. Интерпретировали их так, что будет финансовый кризис. Это тоже не помогло.

— *Вы не назвали накат, довольно скоординированный, на сам механизм ГКО...*

— Дальше в это включается активная игра тех, кто хочет играть на понижение. Ведь если принимаешь решение, что валютные ценные бумаги страны падают, ты всегда можешь на этом подзаработать, скоординировано сыграть. И когда я читаю, скажем, в «Независимой газете» статью о неминуемом крахе ГКО и знаю, что ее в английском переводе немедленно раздали на проходившей на этой неделе крупной инвестиционной конференции в Турции, то я понимаю, что кто-то играет активно против позиций рынка.

— *Вы имеете в виду конкретные финансово-информационные группы?*

— Я тут боюсь называть конкретных игроков, но то, что был набор неблагоприятных факторов и на этот набор неблагоприятных факторов наложилась явная, совершенно сознательная игра против рубля и против российских ценных бумаг, совершенно очевидно.

Проблема состояла в том, что правительство несколько вяло реагировало вначале на все эти события. Начало все это разворачиваться с 13 мая, а 13, 14, 15 мая реакция правительства, Центрального банка была очень невнятна. В пятницу — субботу крупнейшие,

авторитетнейшие газеты вышли с очень негативными материалами о российских рынках. Естественно, надо было ждать, что в понедельник начнется обвал рынка. Собственно, что и произошло. Но, к счастью, правительство, Центральный банк сумели за это время скоординироваться, выработать программу действий абсолютно правильной направленности и начали ее реализацию с понедельника.

Программа включала: первое — четкое выявление приоритетов. Во время финансового кризиса нельзя иметь много приоритетов, нужно выделить главные. Правительство и Центральный банк сказали: главное — стабильность курса рубля, курс рубля будет стабильным, реальный курс, естественно. Обесценение рубля по отношению к доллару будет строго равно разнице между инфляцией в России и в Америке. Никаких радикальных перетрясок, девальваций, что абсолютно правильно, потому что в нашей стране девальвация рубля при предшествующей истории означала бы неизбежную потерю с трудом обретенного доверия к отечественной валюте, тяжелейшие последствия.

Если это главный приоритет, то дальше идут подчиненные. И конечно, политика процентной ставки. Если мы решим защищать курс, то надо быть готовыми в условиях кризиса повышать процентную ставку. Это неприятно, но неизбежно. И Центральный банк в понедельник радикально повысил процентную ставку. Реакция правительства и Центрального банка в первые три дня была вялой, а вот в понедельник 18 мая все исправилось.

— *Они недооценили проблему или чисто технически запаздывали?*

— Я думаю, что недооценили. Второе. Что должно сейчас делать правительство? Правительство должно помогать Центральному банку восстанавливать доверие к национальным деньгам. Что это значит? Это значит четко определить, что оно само собирается делать в бюджетной политике, и определять это исходя из реалистичных ориентиров, что нужно делать для того, чтобы не допустить обратного нарастания долга. Именно поэтому правительство принимает решение четко определить свои приоритеты. Его приоритеты — это ограничение заимствований, приостановка роста государственного долга, замещение дорогих кредитов более дешевыми и тогда уже снижение процентной ставки.

¹ Хачим Мухамедович Кармоков — российский государственный и политический деятель, экономист. В 1994–2000 гг. председатель Счетной палаты РФ (со дня ее организации). Был депутатом Государственной думы (1-го созыва), членом Совета Федерации от Кабардино-Балкарской республики. — *Прим. ред.*

А средство для всего этого — заимствования только для обслуживания накопленного долга и снижение дефицита бюджета. Это то, что правительство планировало, то, что оно сейчас заложило в свою программу, и то, что сейчас с конкретными решениями запускается.

Плюс ко всему надо все это еще сделать публичным, довести это до инвесторов, чтобы они поняли, что, собственно, делает Центральный банк, какая будет валютная политика, какая будет процентная политика, какая будет бюджетная политика. Сейчас именно это, собственно, начали делать и в этом залог того, что ситуацию удастся взять под контроль, если не будет крупных дополнительных неприятных внешних факторов и если, конечно, будет достаточно скоординированная работа правительства и ЦБ по реализации прибыли. Внутреннее политическое нагнетание тоже очень опасно.

Еще один фактор кризиса, который нельзя не учитывать, — это внутренние беспорядки в стране, рост напряженности, блокирование железных дорог. Конечно, это не способствовало росту доверия к нам.

— *Как реагируют на это международные финансовые институты, может быть, некоторая озабоченность особенная возникла в связи с этим?*

— Да, конечно, есть озабоченность. Я думаю, что есть и понимание того, что делает российское правительство, и готовность помогать.

— *То есть они заинтересованы... Коммунистические газеты нестроят заголовками типа «Пожар разгорается!», «Рельсовая война с режимом».*

— Разница позиций МВФ и коммунистов состоит в том, что для коммунистов провал правительства — это дополнительные очки, а для МВФ — это крупнейшая головная боль. Поэтому у них разные интересы.

— *Можно говорить об эффекте «домино», что российская экономика и ее падение соответственно повлияют на какие-нибудь соседние страны?*

— Без всякого сомнения. Но я думаю, что мы выйдем из этого положения. В принципе, конечно, падение российской экономики крайне неприятно для мировой экономической ситуации.

— *А когда можно было бы при оптимистическом варианте развития событий ожидать серьезного возвращения инвесторов, которых*

в последние годы нам обещали?.. Возврата к тому огромному потоку средств, который был в 1997 г., прихода серьезного инвестора...

— В 1997 г. это все было. Если сейчас этот кризис у нас преодолеть, развитие событий будет происходить политически стабильно, то я думаю, что установить обратно приток инвестиций можно в относительно короткие сроки, потому что на рынке сейчас царят по отношению к России сочетания выражено «бычьих» и выражено «медвежьих» настроений. Есть много авторитетных экспертов, которые считают, что российский рынок будет резко дальше падать, и есть много авторитетных экспертов, которые считают, что сейчас будет перелом и рынок начнет резко расти. Как раз сейчас в любой внутренней нашей подвижке они могут очень здорово сказаться и направить развитие событий в другую сторону.

— *То есть мы опять находимся в критической точке, в нашем обычном состоянии?*

— Да, наше обычное состояние — это критическая точка выбора.

Егор Гайдар: В реформах Украина по-прежнему отстает от России

Директор Института экономических проблем переходного периода, лидер партии «Демократический выбор России» Егор Гайдар, не занимая никаких правительственных постов, неизменно в той или иной степени влияет на политику Кабинета министров. Эксперты его института причастны к программным работкам нового премьера Сергея Кириенко. К тому же Егор Тимурович — друг и соратник Анатолия Чубайса (или Чубайс — друг и соратник Гайдара). Вместе они составляют основу российской команды либеральных экономистов. Г-н Гайдар любезно согласился ответить на вопросы газеты «Киевские ведомости».

— Егор Тимурович, в Украине с напряжением наблюдают за потрясениями на финансовом рынке России и с тревогой ждут, когда и как они аукнутся у нас. Каковы причины обострения экономической ситуации в России? Какие меры Вы бы рекомендовали принять для минимизации возможных последствий российского кризиса и устранения негативных внутриукраинских явлений?

— Корни нынешних проблем на российском финансовом рынке в достаточно мягкой бюджетной политике, проводившейся в последние годы нашим правительством. Все это время не прекращалась дискуссия о том, можем ли мы позволить себе большой дефицит. Мои единомышленники и я считаем, что нет. Да, утверждает большинство других политических сил — от «Яблока» до КПРФ, можем и должны. Государственная дума всегда настаивала на том, чтобы дефицит был побольше, и игнорировала при этом возможные негативные последствия такой политики, как то: рост расходов на обслуживание госдолга, усиление зависимости национальной экономики от колебаний на мировом и внутреннем финансовых рынках. Так что подобный курс был с самого начала рискованным, хотя и возможным в условиях благоприятной внешней конъюнктуры.

Интервью брал Олег МЕДВЕДЕВ.

Опубликовано в: Киевские ведомости. 1998. 1 и 3 июля.

Либералы еще с 1995 г., когда была обуздана инфляция, требовали неуклонного сокращения дефицита. Коммунисты настаивали на противоположном. А Виктор Черномырдин, как всегда, занимал компромиссную позицию, вследствие каковой дефицит все же оказывался недопустимо большим. Покрывать же его можно было из двух источников — кредитами МВФ и Всемирного банка или же за счет займов на внутреннем рынке. Получение денег от МВФ и ВБ всегда означает ограничение самостоятельности при проведении экономической политики. МВФ и ВБ, разумеется, не злодеи, плетущие заговор против России. Просто кредитор имеет законное право знать, что его деньги не вылетят в трубу и возвратятся хозяину. Поэтому правительство пошло по пути наращивания внутренних заимствований. Но после октября 1997 г., когда мировой финансовый рынок пришел в состояние нервозности, процентные ставки резко возросли и продолжение политики заимствований привело к быстрому нарастанию финансовых трудностей.

Итого у нас есть проблема накопленного за последние четыре года долга. Он не слишком большой по международным меркам, он короткий и дорогой. Заимствования на внутреннем рынке делались на непродолжительные сроки и под заоблачно высокие проценты. Нужно увеличивать долю длинных и более дешевых валютно-номинарированных займов и сокращать дорогие и короткие рублевые. Эту задачу приходится решать при помощи МВФ. Деньги Международного валютного фонда для нас примерно в 8 раз дешевле внутренних займов и где-то в 2 раза дешевле, чем если бы мы одолжили у зарубежных банков. 10–15 млрд долл., которые Россия надеется получить от МВФ, будут иметь для нас психологическое значение. Мы их, скорее всего, даже тратить не станем. Роль их в том, чтобы они лежали, а игроки на рынке знали, что при малейшей потребности этот резерв будет задействован. Разумеется, при этом необходимы и собственные энергичные усилия правительства по всем направлениям экономической реформы. Сегодня Сергей Кириенко повторяет то, что мы доказывали все эти годы: надо жить по средствам, приводить расходы в соответствие с доходами, сокращать размеры дефицита, иметь профицит по текущим расходам. Антикризисная программа, предложенная правительством на рассмотрение Думы, правильная. Что касается Украины, то ваша страна в значительной степени зависит от колебаний российского рынка.

ка. Поэтому если Москва сможет выработать разумную политику, сумеет договориться с МВФ и Всемирным банком, стабилизирует ситуацию на рынке, это пойдет на благо и Украине, хотя не решит ваших внутренних проблем, которые в основной массе той же природы, что и перечисленные мною выше российские «болевы точки». И вам, и нам внешние факторы могут либо подпортить картину, либо слегка ее подретушировать. Но в целом со своими проблемами следует справляться самостоятельно.

— *Недавно один из руководителей украинского правительства сказал, что экономическая ситуация в России хуже, чем в Украине. Какая из двух стран все же лидирует в капиталистическом соревновании, кто продвинулся дальше в экономических реформах?*

— Мне кажется, что реформы у Вас забуксовали. До осени 1994 г. они протекали крайне медленно и вяло, можно даже сказать, никак не шли. Вы отчаянно пытались сохранить остатки старой системы, хотя было абсолютно ясно, что она не работает. Осенью 1994 г., после прихода к власти Леонида Кучмы, в Украине начались реальные реформы, была обуздана инфляция, достигнута относительная стабильность национальной валюты. Казалось, Украина догоняет Россию, но потом у Вас произошло то, что случилось у нас еще в 1993 г., — резкое торможение всех структурных реформ. Остановить инфляцию — задача необходимая, но не единственная. Чтобы рынок заработал, нужны нормальная структура собственности, эффективные собственники с защищенными правами, действенное антимонопольное законодательство, пенсионная и налоговая реформы, прозрачный бюджет, четкое разграничение полномочий между государством и хозяйствующими субъектами. К сожалению, в решении этих задач мы не можем быть образцом для вас.

Россия все последние годы сама непозволительно неспешно шла в данном направлении. Но Украина, в том-то и беда, продвигалась еще медленнее.

— *Вероятно, причинами отставания Украины являются как недостаток политической воли к реформам, так и дефицит экономически образованных реформаторов, отсутствие «украинского Чубайса», образно говоря?*

— В Украине есть свои талантливые экономисты. К числу таковых отношу Виктора Пинзенника, Сергея Терехина, Владимира Ланового. Это очень квалифицированные люди, достойные особого уважения.

Я также очень высокого мнения о главе Нацбанка Украины Викторе Ющенко. Он очень много сделал и делает для своей страны, и, как говорится, Бог ему в помощь. Слышал неплохие отзывы о вице-премьере Сергее Тигипко, хотя лично с ним незнаком. Говорят также, что ваш нынешний министр финансов куда толковее прежнего. Но в целом, конечно, с кадрами у Вас похуже, чем у нас. Понятное дело, в условиях советской суперцентрализации их вытягивало в Москву, словно пылесосом. Впрочем, и здесь не очень-то длинная скамейка с людьми, понимающими, что такое рыночная экономика. Ведь в СССР не было нормального экономического образования. Тем не менее у нас при всех кадровых перестановках в правительстве и Центробанке неизменно остается хотя бы несколько десятков человек, придерживающихся в целом единого взгляда на стратегию реформ. Ну а что касается Чубайса, то я бы хотел, чтобы у Вас был свой Чубайс. Это явно пошло бы вам на пользу.

— *Как объяснить феномен Чубайса? Его способности признают даже враги. К примеру, заядлый оппонент Анатолия Борисовича Борис Березовский — и тот поддержал решение о назначении Чубайса спецпредставителем президента по связям с международными финансовыми организациями.*

— В Белом доме, резиденции российского правительства, каждая вывеска на кабинетах несет два сообщения — должность и ФИО. А на двери Чубайса написано более лаконично: «Чубайс А. Б». И все. Анатолий Борисович работает «Чубайсом» — человеком, который умеет справляться с неразрешимыми проблемами. На разрешимые его обычно не зовут — в таких случаях и без Чубайса выстраивается длинная очередь кандидатов.

— *Справится ли Чубайс с нынешней задачей? Ведь ему необходимо «выбить» из МВФ от 10 до 15 млрд долл.*

— Справится, хотя задача трудная. Полагаю, что к августу переговоры успешно завершатся.

— *Оппозиция утверждает, что МВФ выдвинет очень жесткие условия, например потребует раздробления «Газпрома» на отдельные компании. Вероятно, не случайно в прошлую пятницу на годовом собрании акционеров Рем Вяхирев выступил с гневной отповедью «расчленителям» «Газпрома».*

— Реформа естественных монополий — это вопрос скорее из сферы отношений России со Всемирным банком, чем с МВФ.

В любом случае никто не настаивает на расчленении «Газпрома». В то же время очевидно: этот монополист нуждается в преобразованиях, в которых в первую очередь заинтересованы мы сами. Это нам нужно, а не «мировой закулисе», чтобы естественные монополии платили налоги, вели прозрачную бухгалтерию, не транжирили деньги и иные ресурсы, снижали цены на свои услуги. Сейчас обсуждается, как лучше решить эту проблему. В чем-то советы МВФ обоснованны, в чем-то они не учитывают нашей специфики. Но ничего страшного с «Газпромом» не произойдет. Он будет существовать как вертикально интегрированная компания.

— *Официальный Киев очень большие надежды возлагает на денежные поступления от участия российских компаний в украинской приватизации. Насколько, на Ваш взгляд, обоснованы такие ожидания?*

— Все зависит от того, как будут развиваться события в самой России. Сейчас у нас кризис, и возможность мобилизовать крупные ресурсы для участия в приватизации ограничена даже у крупных игроков российского рынка.

— *О крупных игроках. Леонид Кучма не так давно выразил пожелание, чтобы в Украине появились собственные олигархи.*

— Я бы не советовал вам повторять российский опыт. Лучше уж извлеките уроки из наших ошибок. Очень опасно, когда несколько человек концентрируют в своих руках огромнейшие финансовые ресурсы и начинают срастаться с властью. Опыт Южной Кореи и других стран данного региона — наглядный тому пример, к тому же данный нам всем в ощущении.

Еще в конце лета прошлого года я говорил олигархам: «Господа, развязывая информационную войну против правительства, Вы принялись рубить сук, на котором сидите. Дискредитацией Кабинета министров Вы подорвете доверие инвесторов к нашей стране, дестабилизируете рынок, и Ваши же активы обесценятся в несколько раз, а финансовые возможности катастрофически сузятся». К сожалению, мой прогноз сбился. Сейчас до олигархов дошло, что их собственные империи на грани краха, и именно поэтому крупный бизнес вновь консолидируется вокруг правительства. Теперь олигархи учатся на своих ошибках, а Борис Абрамович собственные издания обвиняет в тенденциозности, потому что те раскачивали лодку, в которой сидит их хозяин.

— *Две с половиной недели назад состоялся съезд партии «Демократический выбор России». Некоторые делегаты говорили об Анатолии Чубайсе как возможном кандидате в президенты в 2004 г. Избираем ли он? Ведь, несмотря на все свои достоинства, Анатолий Борисович среди основной массы избирателей остается крайне непопулярным.*

— Говорить о 2004 г., конечно, преждевременно. Что касается избираемости-неизбираемости, то в России очень трудно давать подобного рода оценки. Я сам совершил ошибку в 1996 г., будучи тогда твердо уверенным в том, что Борис Ельцин проиграет президентские выборы. А он взял и победил.

— *Сможет ли он повторить этот успех в 2000 г.?*

— Именно потому, что мой предыдущий прогноз в отношении Бориса Николаевича не оправдался, я бы пока воздержался от оценок.

— *Можете ли Вы сказать что-либо определенное о других потенциальных кандидатах? О Лужкове, Лебеде, Зюганове, Немцове...*

— Еще рано делать прогнозы. Готов буду обсуждать этот вопрос через год. Впрочем, по НТВ уже сейчас еженедельно демонстрируют рейтинги. Я бы относился к ним осторожно. В 1995 г. из «Итогов» прямо следовало, что самый серьезный кандидат — Григорий Явлинский. Но, как видим, подобного рода предсказания оказались далекими от истины.

— *Коль Вы не хотите говорить о конкретных кандидатах, давайте поставим вопрос несколько шире. Возможны ли в 2000 г. коммунистический реванш либо приход к власти радикальных националистов? Насколько демократия прижилась в России?*

— Рыночная экономика в России укоренилась и будет существовать при любом раскладе — в этом уже достаточно много заинтересованных лиц. Что касается демократии, то она пока слишком уязвима и хрупка.

Тем не менее коммунистического реванша не ожидаю. Электорат КПРФ неуклонно сокращается, в том числе по демографическим причинам. Куда большую угрозу представляет радикальный национализм. Его приверженцы есть среди молодежи и других активных групп населения.

— *Вы видите политика — радикального националиста, который мог бы прийти к власти на следующих президентских выборах?*

— Вижу тех, которые будут играть с электоратом этой направленности. Но реальный проводник этой идеи, имеющий шансы на победу, пока, слава богу, не просматривается. Все-таки Владимир Вольфович оказался блестящей пародией.

Кризис отражается не только на инвесторах

Российское правительство клятвенно заверяло своих сограждан в том, что 1998 год будет годом роста экономики и решительного продвижения реформ. Однако к середине «переломного» года даже непосвященным стало ясно — этим надеждам оправдаться не суждено. Острейший финансовый кризис, рельсовая война горняков, кадровая чехарда. Остается надеяться лишь на удержание прошлогодних рубежей. А что дальше?

Наш собеседник — директор Института проблем переходного периода, лидер партии «Демократический выбор России» Егор Гайдар, человек, стоявший у истоков нынешних реформ.

— Егор Тимурович, каково, на Ваш взгляд, сегодняшнее экономическое положение страны? Как Вы оцениваете действия правительства по стабилизации положения? Ликвидированы ли причины, приведшие к обвалу финансовых рынков России?

— Последний финансовый кризис просто высветил тот факт, что самая серьезная проблема России сегодня — это проблема бюджетного дефицита. Дело в том, что устройство нашей экономики и структура финансовой системы таковы, что в отличие от развитых стран мы не можем себе позволить иметь крупный бюджетный дефицит. Возникает цепочка: большой бюджетный дефицит — рост внутреннего и внешнего долга — увеличение расходов на его обслуживание — рост неуверенности инвесторов в нашей способности обслуживать долг — рост премии за займы России, рост процентной ставки и невозможность кредитования реального сектора... Все это приводит к невозможности экономического роста. Помните, что экономический рост у нас начался в прошлом году после мая, когда реальная процентная ставка стала меньше 10%.

— То есть когда появились дешевые кредиты?

Интервью брал Юрий АГЕЕВ.
Опубликовано в: Куранты. 1998. 2 июля.

— Конечно. Именно тогда началось кредитование реального сектора экономики. Сейчас же большой бюджетный дефицит делает невозможными дешевые кредиты, это приводит к отсутствию кредитования реального сектора и невозможности экономического роста. Такой вот замкнутый круг. Поэтому наведение порядка в собственных финансах, снижение темпов прироста государственного долга и расходов на его обслуживание — это стратегически важнейшая проблема, без решения которой ни одна другая проблема не может быть решена. В связи с этим антикризисная программа нового кабинета в целом представляется правильной, поскольку с самого начала она была ориентирована на решение этих задач. Кризис же лишь показал, что эту программу нужно срочно реализовывать. У нас просто не осталось никакого лимита времени.

— *На реализацию любых программ нужны деньги. Создается впечатление, что правительство большие надежды возлагает на повышение собираемости налогов. Как Вы оцениваете назначение Бориса Федорова на пост главного налоговика, способен ли он решить проблему? Или все-таки дело не в личностях, а в необходимости реформы всей налоговой системы?*

— Этот вопрос делится на две части. Действительно, у нас дурная налоговая система: налогов слишком много, они неясные, предельные ставки высоки, есть много «дырок», позволяющих уклоняться от уплаты налогов. И ни Починок, ни Федоров ничего изменить не могут — для этого нужна налоговая реформа. Предлагаемый сегодня вариант Налогового кодекса — это, конечно, не налоговая реформа. Но его принятие стало бы серьезным шагом к ней в отличие от проекта кодекса, который предлагался в прошлом году. Не потому, что мы станем собирать больше налогов. Просто налоговое бремя было бы распределено гораздо более равномерно, и стимулов для увода экономики в тень стало бы меньше. Сейчас Федоров, конечно, не может сказать врачам и учителям, мол, «извините, у нас не та налоговая система». Ему придется работать в тех условиях, которые имеются. Но, конечно, и в этой области многое зависит от организации работы и от воли.

— *Правительство пытается найти деньги либо внутри страны, либо за рубежом. Соответственно растут внутренняя и внешняя задолженности. Не считаете ли Вы, что мы подошли к опасному рубежу — способность обслужить внутренний долг многими ставится*

под сомнение, а по размеру внешней задолженности мы уже вышли на третье место в мире?

— Как и при решении ряда других проблем, здесь может помочь резкое сокращение бюджетного дефицита. Многие деятели рассуждают весьма забавно: мол, размер бюджетного дефицита неважен, а вот то, что мы занимаем, — это плохо. А мы потому и занимаем, что у нас бюджетный дефицит. Во-первых, предпосылкой урегулирования долговых проблем является профицит конечного баланса и мы должны, конечно, собирать больше налогов, чем тратить. Во-вторых, у нас несовершенна структура долга. Сам размер долга не является запредельным по сравнению с развитыми странами. Проблема в том, что он плохо структурирован — велика доля дорогого и короткого долга, он больше валютных резервов. И эта доля стала опасно увеличиваться с ноября прошлого года, что вызывает беспокойство.

В связи с этим роль МВФ мне представляется следующей. Нам не нужны кредиты, чтобы их тратить. Но нам нужны средства, чтобы показать: у нас есть надежные резервы для управления краткосрочной задолженностью. Хотите аналогию из дворовой жизни? Если маленький мальчик выходит к песочнице один, его могут побить, но если он выходит со старшим братом, ни у кого ни о какой драке и мысли не возникнет. Так и здесь: кредиты радикально меняют отношение к перспективам страны и возникает реальная возможность существенного снижения процентной ставки. Наличие необходимых резервов даст возможность конверсии короткого и дорогого долга, номинированного в рублях, в длинный и дешевый долг, номинированный в долларах. Иначе говоря, сейчас нам нужна замена старых и неэффективных заимствований более дешевыми и эффективными новыми заимствованиями.

— *В последнее время стали говорить о возможной девальвации рубля, хотя официально правительство категорично заявляет о невозможности этого шага. Но многие страны, переживавшие в разное время кризис, шли на снижение курса национальной валюты. Это делало их экспорт более конкурентоспособным, а импорт более дорогим, что защищало собственный рынок. Не нужен ли нам сегодня подобный шаг?*

— Дело в том, что рассуждения о девальвации, с которыми мне приходилось сталкиваться, оторваны от наших реалий. Если бы

у нас было большое отрицательное сальдо внешнеторгового баланса, это было бы для нас актуально. Но у нас его нет. Лишь в этом году появилось весьма незначительное по международным стандартам превышение импорта над экспортом. Ни в сокращении бюджетного дефицита, ни в сокращении большого короткого долга девальвация нам не поможет. Вместе с тем целый ряд проблем она усугубит.

Из-за многолетней инфляции до сих пор низко доверие к рублю и высока степень долларизации экономики — только в последнее время доля национальных денег стала чуть-чуть расти. Сейчас взять и провести девальвацию — значит вновь подорвать доверие к рублю. Девальвация приведет и к потере доверия со стороны инвесторов, которые сократят свое присутствие на российском рынке. Произойдет дополнительный отток капитала из страны. Девальвация проводится для того, чтобы сократить отток капитала, а результат будет обратный. Да и российские банки очень уязвимы к валютным рискам: крупная девальвация может сделать неплатежеспособной значительную их часть.

Итак, результатом девальвации может стать целый букет крайне негативных событий. Конечно, полностью возможность девальвации исключить нельзя. Если правительство и Центробанк будут работать неэффективно, то может быть девальвация. Но это будет катастрофический сценарий, предусматривающий не решение проблем, а развертывание кризиса. Поэтому я считаю, что и ЦБ, и правительство правы, пытаясь всеми силами этот сценарий не допустить.

— Несмотря на завершение рельсовой войны, давление на власть со стороны шахтеров продолжается. К акциям протеста подключаются учителя, ученые, люди других профессий. Многие видят причину этого в том, что правительство вместо принятия непопулярных, но необходимых решений пошло на поводу у бастующих. Проблемы различных отраслей не решены, а как бы отодвинуты. Чего нам ждать в ближайшее время, и предвидите ли Вы новые социальные катаклизмы?

— К сожалению, финансовый кризис отражается не только на инвесторах, но и на всей экономике. И правительство, оказавшись в тисках такого кризиса, просто вынуждено было тратить львиную долю текущих поступлений на обслуживание накопленного долга, возможность маневра предельно ограничена. А часто ведь нуж-

но всего лишь дать вовремя то, что обещано в бюджете, пусть даже и скорректированным правительством. Но дать вовремя. Если же вовремя этого не сделать, то проблемы накапливаются и потом в пять раз больше денег не хватит на то, чтобы с ними справиться. И ответ на Ваш вопрос во многом зависит от того, удастся ли правительству в ближайшие две-три недели найти необходимые средства. Я надеюсь, что работа ЦБ и правительства по урегулированию кризиса будет достаточно энергичной. В противном случае, боюсь, нас ждут социальные неприятности.

— На днях закончился очередной съезд возглавляемой Вами партии «Демократический выбор России». Каковы его основные итоги? Как Вы оцениваете перспективы движения на предстоящих в 1999 г. парламентских выборах?

— Съезд был очень полезным. Мы оценили ситуацию с точки зрения выработки тактики подготовки к выборам. В стране имеется достаточно широкий круг политических сил, ориентированных на решение нескольких ключевых задач. Не важно, кто лучше говорит, у кого красивее глаза или нос. Но имеют значение три проблемы, которые совершенно не решены этой властью. Первое — это налоговая реформа и снижение налогового бремени на слои населения со средними доходами. Второе — реформа системы социальной поддержки: ее необходимо сделать более адресной, ориентированной прежде всего на помощь бедным. И третье — это земельная реформа, введение настоящей частной собственности на землю.

Есть много людей, которые расходятся в каких-то своих пристрастиях, но по этим вопросам имеют взгляды, схожие с нашими. Но сегодня эти люди лишь слабо представлены в парламенте. Это можно и нужно исправить на следующих парламентских выборах. Кстати, если Вы помните, «Яблоко» при обсуждении в Думе вопроса о частной собственности на землю голосовало против вместе с коммунистами, социальную реформу практически не поддержало.

— И последний вопрос. Не за горами президентские выборы 2000 г. Не думали ли Вы о возможности участия в них?

— Сейчас об этом говорить в высшей степени рано. Известны еще не все факторы, которые будут определять политический ландшафт предстоящих президентских выборов. В частности, многое будет зависеть от участия или неучастия в них президента. Только после этого можно будет обсуждать всерьез те или иные перспективы.

Откат

— *Егор Тимурович, Вы давали за последнее время много интервью, характеризовали ситуацию, в которой оказалась наша страна. Однако происшедшее, безусловно, имело свою предысторию. Не могли бы Вы рассказать о том, как шли реформы в последние годы? Каковы особенности их продвижения или, если хотите, проталкивания?*

— Стратегическое отличие большинства государств, входивших ранее в состав советской империи, от других постсоциалистических государств, оказавшихся способными провести энергичные рыночные реформы, в том, что там удалось создать достаточно широкое согласие в элитах в отношении стратегии развития и основополагающих целей этих стран, наложить табу на особенно опасные экономическо-политические эксперименты. Возьмем Польшу как пример страны, в которой реформы оказались успешными. В Польше все последние годы шла ожесточенная политическая борьба, проходили выборы, менялись правительства. Тем не менее на протяжении всего этого времени польская элита была твердо убеждена, что Польша должна стать европейской страной, войти в состав Европейского союза, а чтобы это было возможно, у нее должны быть устойчивая конвертируемая национальная валюта, стабильные финансы, открытая экономика, надежные гарантии частной собственности. При всех колебаниях в экономической политике варианты развития событий, которые были бы прямо направлены на подрыв этих ключевых элементов польской трансформации, никогда не стояли всерьез на политической повестке дня. Кто бы что ни говорил в ходе избирательной кампании, придя в парламент или правительство, никто не мог, да и не хотел подрывать стабильность национальной валюты, гарантии частной собственности и т. д. Да, это привносило в польскую политику своеобразные элементы, когда

партии шли на выборы под одними лозунгами, а потом правительства, которые они формировали, проводили иную политику. Но тем не менее за сравнительно короткое время в Польше удалось сформировать базовые элементы работающей рыночной экономики и обеспечить экономический рост.

Для всех постсоциалистических стран, в том числе для тех же Польши, Чехии, Венгрии, Эстонии, Латвии, в социально-политическом отношении переход от социализма к капитализму был тяжелым. Всегда и везде, как бы хорошо ни шел переход, есть те, кто теряет, и те, кто выигрывает. И те, кто теряет, думают, что они теряют из-за реформ, а те, кто выигрывает, уверены, что выигрывают, потому что они умные, работающие и везучие. Везде возникает мощная антиреформаторская волна. В связи с этим нормальный политический цикл постсоциалистического периода в странах, где политическая элита была ориентирована на реформы, развивается так: первые выборы приводят к власти антикоммунистов и демократов. Они начинают реформы, идет тяжелый переход, порождающий новые проблемы: взвившиеся цены, расслоение общества, неравенство, безработица, растущее недовольство... Реализация этого недовольства на следующих парламентских выборах выливается в приход к власти «как бы реакции», ибо эта реакция в подавляющем большинстве мягкая реакция, псевдореакция, она, эксплуатируя лозунги и стереотипы недовольства, на самом деле стратегически ориентирована на достижение тех же самых результатов, что и демократы-антикоммунисты. А Квасьневский¹ точно так же хочет, чтобы Польша вошла в Европейский союз, хочет считаться по-европейски демократическим лидером, он категорически не хочет, чтобы в Польше были финансовая катастрофа, развал, нестабильность. В этих странах иногда реформы замедляются, меняется словесная упаковка, но подрыва реформ не происходит, быстрее или медленнее, с откатом, но развитие событий идет в том же направлении, что и при реформаторах первой волны. Видя отсутствие обещанных результатов, население разочаровывается в политике посткоммунистов, которые обманули электоральные ожидания, не построили всеобщего счастья, где снова все будут равными. В ре-

Интервью брал Алексей БАДОЛЬСКИЙ.

Опубликовано в: Открытая политика. 1998. № 9–10. Сентябрь-октябрь.

¹ Квасьневский Александр — президент Польши в 1995–2005 гг., бывший коммунист (член ПОРП). Победил на выборах Леха Валенсу, потом был выбран на второй срок. — *Прим. ред.*

зультате третьи выборы выигрывают, как правило, антикоммунистические силы, те же реформаторы первой волны, как это было в Польше. Так накатываются и откатываются политические волны. Но эти волны слабы, несокрушительны, они не останавливают тяжелое движение мощного потока трансформации от состояния развалившегося социализма к состоянию работающего эффективно рынка.

— *Получается, что в ряде постсоциалистических стран, о которых Вы упомянули, реформы хоть с трудом, но все же идут без очевидного отката назад. А как же с Россией?*

— Да, реформы идут тяжело, и Вы не найдете ни одну страну, где бы ее население было довольно приватизацией, где можно было бы сказать, что приватизация проведена экономически эффективно и социально справедливо. В ходе приватизации почти повсеместно существенную роль играют инсайдерские группы, как правило связанные с хозяйственным руководством прежнего режима. При этом продолжает формироваться рыночная экономика с устойчивой валютой, с понятными правилами игры, с разумными процентными ставками, с гарантиями прав собственности, с экономическим ростом. Как и в какой степени удастся решать проблемы второго этапа реформ, сделать государственную машину более экономической, социальную поддержку более адресной, налоговую систему в максимальной степени эффективной — это отдельная история, но первый этап в странах, где есть консенсус, как правило, проходит успешно.

Специфика России, как, кстати говоря, и целого ряда других постсоциалистических стран (Болгария и Румыния — классический пример аналогичной ситуации в Восточной Европе), состоит в том, что здесь политическая элита не была столь единой. Здесь сохранялись принципиальные разногласия — не по риторике предвыборных кампаний, а по существу — куда идти. Значительная часть общества в России и значительная часть политических элит хотела видеть свою страну государством европейского типа со всем набором признаков, характерных для такого государства, — с конвертируемой валютой, с частной собственностью, с правами человека. Хотели жить в стране, дружественной по отношению к наиболее развитым демократическим государствам мира, в стране с мирной внешней политикой, граждане которой не являются крепостными

своего государства, не бряцающей оружием, не страдающей по имперской славе и т.д. Но большая часть российской политической и экономической элиты, так же как и значительная часть общества, по-другому видела стратегические ориентиры и была убеждена в том, что Россия должна быть евразийской страной, должна противостоять Западу, у нее должен быть свой путь. Да, полагают они, конечно, социализм в старом виде развалился и в полном объеме его реставрировать нельзя, но можно создать некий гибрид из социализма и капитализма, который будет отражать нашу особую евразийскую сущность.

— *То есть начинаются старые песни об «особенной стати», отличном от других аршине, российской идее и т.д.?*

— Да, свой аршин... Или так называемый третий путь. Как в свое время точно сказал Вацлав Клаус, «третий путь существует — это путь в третий мир». Из второго мира, социалистического, который развалился, действительно было открыто два пути. Есть тяжелый, но возможный путь в мир развитых, обеспеченных западных демократий. И еще один путь — в третий мир, мир бедных, нестабильных, коррумпированных авторитарных режимов. Вот, собственно, и весь стратегический выбор. Суть в том, что в Польше элиты были консолидированы и было твердое желание идти в первый мир, а в России были и есть принципиальные разногласия по поводу того, в какой мир мы хотим.

Специфика России состояла в том, что у нас иная, имперская традиция. Для восточноевропейских стран или для стран Балтии анестезией к социальной травме реформ была обретенная ими независимость. Для России тяготы реформ усугублялись утратой империи и ностальгией по ней. Коммунистическая партия у нас была не вассальной, а имперской. Поэтому когда она начала эволюционировать после развала социализма, то двигалась не в сторону социал-демократии, как в большинстве восточноевропейских стран, а в сторону национал-социализма, в сторону использования имперских традиций.

— *Получается, что в отличие от большинства стран Восточной Европы второе пришествие коммунистов в России было бы более опасным?*

— Безусловно. Именно поэтому я и мои единомышленники считали крайне опасным развитие событий, при котором на пер-

вой возвратной волне коммунисты могут прийти к власти. Связанная с ними угроза была куда больше, чем опасность возврата посткоммунистов восточноевропейских стран. Собственно, эти обстоятельства, связанные со спецификой страны, с ее традициями, привели к своеобразному ответу на вызов краха социализма и тяжелых реформ в российской политике. Ответом оказалась сильная президентская власть — конституционно сильная, слабый парламент — конституционно слабый. Эти рамки и определяют главенствующую, основополагающую роль президента, формирующего правительство, отвечающего за то, что происходит, — президента, который вынужден принимать тяжелые решения, если они необходимы, даже если краткосрочно они будут непопулярны, потому что за результаты реформ ему придется отвечать завтра и послезавтра. В этой ситуации президент становится главным проводником трансформации, проводником реформ, а в парламенте достаточно серьезную роль играют партии, не приверженные рыночной, демократической модернизации России. У сторонников рыночной трансформации (сторонников в самом широком смысле слова) большинства в российском парламенте, Верховном Совете, Государственной думе, собственно, не было никогда. Можно было принимать те или иные рыночные законы до того, как какие-то реальные реформы начались. Был период, когда Дума была более или менее «приличной» — в 1993–1995 гг., когда мы смогли провести важные рыночные законы, когда «Выбор России» был самой большой фракцией в Думе, но все равно это была не та Дума, где существовало реформаторское большинство. Именно эта ситуация, когда за все 7 лет тяжелого перехода у нас не было реформаторского большинства в парламенте, имеет фундаментальное значение для всего хода трансформации в России, как и для возникновения политического и экономического кризиса 1998 г.

— *Но если нет поддержки в парламенте, остается уповать на президента, если он так «конституционно силен»?*

— В этой ситуации возможность проведения реформаторской политики оказывается в серьезной степени зависимой от позиции президента. Если ответ на вызов, связанный с разделенностью общества, в том, что Вы получаете сильного президента, тогда не удивляйтесь, что изменение позиций президента существенно влияет на весь ход трансформации. Между тем конституционно

сильный президент находится не в вакууме, в любой создавшейся ситуации он оказывается точкой приложения всего набора давлений — общественных, лоббистских и т. д. Сейчас очень много говорят о Пиночете — это модно. Говорят о том, какие замечательные либеральные реформы он провел. Собственно, предложить программу либеральных реформ, в рамках которой ты получишь эффективную экономическую систему, несложно. Одна проблема — подобного рода реформы всегда противоречат интересам мощных лоббистских групп. В условиях демократии эти группы объединяются и отстаивают свои интересы — через конгрессменов, сенаторов, общественные комитеты и т. д. Если Вы исключаете демократический процесс защиты частных интересов, те же лоббистские интересы прорастают у Вас через диктатуру, но уже по-другому: скажем, военно-воздушные силы становятся объектом лоббирования одной группы интересов, а военно-морские — другой. В Чили был уникальный случай, когда диктатура оказалась способной противостоять лоббистам.

Сильный президент оказывается в точке, где на него со всех сторон оказывают давление. Есть часть общества, которая хочет от него, чтобы он проводил реформы, поддерживая реформаторов, а есть часть общества, которая говорит: ну зачем так радикально, ни в коем случае, надо осторожно, медленно... И эта часть общества указывает ему на то, что она лучше первой, да еще имеет серьезную поддержку в Думе... Отсюда рваный ритм преобразований в России, когда реформы начинаются в условиях экстремального кризиса, потом, как только этот экстремальный кризис проходит, они останавливаются. Но реформы — это ведь как езда на велосипеде — долго не простоишь, надо двигаться, чтобы удержаться. Именно в условиях обострения кризиса, порожденного пробуксовкой реформ, возникает новый импульс к тому, чтобы их продвинуть. Однако в ситуации, когда Вы имеете оппозиционное большинство в парламенте, проводить структурные реформы непросто. Можно решить важные тактические проблемы, например на время остановить инфляцию, а вот заложить долгосрочные основы финансовой стабильности, нормальной бюджетной и налоговой системы, добиться, чтобы государство не обещало больше того, что оно может дать, — для этого нужны законы, нужна парламентская поддержка.

— Ну хорошо. А если вернуться к чилийскому прецеденту: может быть, диктатор-либерал избавил бы Россию от таких конвульсий?

— Да, диктатор-либерал мог бы избавить Россию от таких конвульсий. Но никто не может гарантировать, что диктатор будет либералом. Почему-то даже те, кто готов полностью расстаться с демократическими свободами, из сотен возможных вариантов коррумпированных диктатур, начиная от Батисты и кончая Иди Амином, которые приводили к крови и развалу, выбирают только одну оказавшуюся экономически эффективной диктатуру. Почему-то считается, что Россия из всех неудавшихся авторитарных экспериментов обречена в экономическом смысле получить самый удачный. Странная гипотеза, вряд ли имеющая какие-нибудь корни в истории России.

Отсутствие парламентской поддержки приводило к тому, что реформы в России были крайне непоследовательны, шли с серьезными отступлениями, оказались растянутыми. Отсюда ряд существенных следствий. Первое: когда нет единства в том, нужна ли стабильная валюта, период высокой инфляции оказывается растянутым. Следствие длинного периода высокой инфляции — падение доверия к национальной валюте. Нынешняя долларизация экономики — естественный результат периода длинной инфляции. Низкое доверие к рублю, низкие сбережения в национальной валюте, низкая доля денег в ВВП — это неизбежный результат колеблющейся, нерешительной политики, отсутствия того, что называют «шоковой терапией».

Второй социально-экономический результат — это постоянно сохраняющийся и нарастающий бюджетный кризис. Суть бюджетного кризиса предельно проста: в рамках данной социально-экономической среды есть верхний предел налогообложения и есть набор обязательств государства. В России фундаментальная проблема заключалась в том, что государственные органы никак не могли договориться о том, что обещать можно только то, что можешь оплатить. Иными словами, органы власти могут разбираться как угодно с тем, что и как они хотят потратить, но одно они должны понимать: если ты обещаешь больше, чем можешь дать, ты обманываешь людей. Если ты обманываешь людей — это значит, что ты сам подрываешь основу собственного государства. Когда армия не платит за электроэнергию, коммунальное хозяйство не платит за потре-

бляемый газ, сельское хозяйство, которому предоставлены гарантированные кредиты, не платит за купленную нефть, государство само дает мощнейший аргумент промышленно-финансовым структурам, почему они могут не платить налоги.

Пока государство не соотносило свои расходные обязательства со своими доходами, проблемы нарастают, усугубляются, идет эрозия налоговой базы, создаются предпосылки для развития взаимозачетов, бартера, неплатежей. Из этого положения только три выхода. Первый из них: делать вид, что ничего не происходит. Тогда накапливаются неплатежи по зарплате, по пенсиям, сокращаются бюджетные доходы. Правительство, закрыв глаза, ждет, когда же это все взорвется. Второй: правительство в какой-то момент решает начать печатать деньги, чтобы ликвидировать неплатежи, и получает высокоинфляционную экономику, падение спроса на деньги, дальнейшую эрозию реальных налоговых поступлений государства и затем торможение инфляции на более низком уровне бюджетных доходов. И третий — это проведение либеральных реформ, которые нужны для того, чтобы подвести надежное основание под стабильность рубля, когда государство обещает только то, что может оплатить, когда это подкреплено эффективной системой бюджетного контроля, налоговой системой, системой социальной защиты. Только на этой основе можно обеспечить не хрупкую и краткосрочную, а надежную и устойчивую стабильность рубля.

— Это очень наглядная, во многом узнаваемая, но умозрительная схема того, как мы дошли до жизни такой. А нельзя ли наложить ее на конкретный ход событий, на реалии колебаний в российской социально-экономической политике в последнее время?

— Я не буду говорить о периоде реформ с 1991 по 1996 г., это отдельная история, об этом много сказано и написано. Сконцентрируюсь на том, что происходило после выборов Ельцина на второй срок.

К моменту выборов 1996 г. в России сложились основные элементы рыночной экономики: существовал значительный частный сектор, было обеспечено принятие законов, защищающих частную собственность, приняты Гражданский кодекс, законы о ценных бумагах, об акционерных обществах. Была создана открытая экономика с конвертируемой валютой, в основном остановлена инфляция.

Однако финансовая стабильность была хрупкой. Сохранились крупные бюджетные дефициты, финансируемые в основном за счет коротких заимствований на внутреннем рынке. В бюджетном дефиците проявлялось отсутствие согласия элит в том, что финансовая стабильность является важнейшим приоритетом, что ее нельзя ставить под угрозу.

Выборы 1996 г. были стратегической развилкой. Приход коммунистов к власти автоматически запускал механизм острейшего финансового кризиса, развертывание которого мы потом, в иных условиях, видели в 1998 г. Накануне президентских выборов я говорил, что в той финансовой ситуации, в которой мы находимся, экономика и рынки отреагируют на избрание Зюганова моментально, и отреагируют развалом. После этого немедленно исчезнет возможность рефинансировать долг, неизбежно начнется массовое бегство капиталов, в кратчайшие сроки будут исчерпаны валютные резервы, начнется неудержимое падение курса, резко пойдут вверх цены, а значит, будут попытки заморозить эти цены, в ответ на это — восстановление дефицита, нарушение потоков во внешней торговле, что приведет к кризису снабжения крупных городов, и т. д. и т. п. Короче говоря, сформированная рыночная структура очень хрупка и не в состоянии выдержать прямое попадание коммуниста в президентское кресло.

Выигрыш Ельцина открывал дорогу стабилизации демократического режима, новой волне реформ, росту доверия мировых финансовых рынков к России. Еще предстояло в ходе тяжелой борьбы определить, какой рынок будет построен, будут ли проведены фундаментальные реформы, подведена основа под финансовую стабильность, обеспечено равенство правил игры, решена фундаментальная проблема: отделение собственности от власти и в связи с этим достигнута прозрачность государственных процедур, — все это было неясно. Но был шанс на то, что рыночные отношения, частная собственность будут защищены. Именно выигрыш Ельцина давал надежду, что пойдут иностранные инвестиции, власть справится с собственными финансовыми проблемами, удастся заменить дорогие короткие внутренние займы длинными и дешевыми внешними.

— Это надежды. Но вот выборы, на поле которых действуют различные силы. Кто и куда тянет? Кажется, к моменту избиратель-

ной кампании было достигнуто некое согласие, ведь действующего ныне президента поддержало тогда большинство. Что произошло с этой коалицией, если ее так можно назвать?

— К выборам 1996 г. мы подошли с широкой коалицией сил, которые не хотели прихода коммунистов. В этой коалиции были представлены различные направления — от либералов, которые хотели нормальных рыночных институтов, прозрачных равных правил игры, до так называемых олигархов, которые хотели управлять государством, иметь доступ к бюджетным ресурсам, сохранять разнообразные льготы и привилегии. Эта широкая коалиция и обеспечила победу на президентских выборах 1996 г.

Уже летом 1996 г. было ясно, что в этой коалиции произойдет раскол по вопросу стратегическому: что делать дальше? Есть путь развития рыночной демократии западного типа — это путь либеральных реформ. Он предполагает, во-первых, финансовую стабилизацию, т. е. новые серьезные меры по ограничению бюджетного дефицита, наведению порядка в государственных финансах при помощи налоговой реформы, реформы системы социальной защиты, на этой основе преодоление бюджетного кризиса, ликвидацию бюджетных неплатежей за счет того, что государство не будет обещать невыполнимого. Во-вторых, равные правила игры. Налоги будут платить все, а государство перекроет каналы уклонения от уплаты налогов, обеспечит эффективный контроль за использованием бюджетных ресурсов. И есть другой путь — в общество третьего мира с неэффективным коррумпированным государством, где налоги платят только слабые, а сильные — нет и, наоборот, сильным платит государство. Борьба вокруг этой стратегической альтернативы оказалась принципиальной для второго срока президентства Б. Ельцина.

После выигрыша на президентских выборах Б. Ельцин тяжело заболел. Сформированное в августе 1996 г. правительство В. Черномырдина оказалось одним из самых слабых российских кабинетов за время реформ. Ему был предоставлен уникальный шанс: только что избран на второй срок президент, признавшая эти выборы оппозиция деморализована своим поражением и поддержала В. Черномырдина подавляющим большинством голосов в Государственной думе. Существует возможность распустить парламент и провести новые парламентские выборы. Есть карт-бланш на про-

ведение серьезных реформ в России. Возросло доверие к России в мире и к ее рыночным институтам. Россия получает достаточно высокий кредитный рейтинг, отражающий ее потенциал, ее ресурсы. Несмотря на болезнь Ельцина, спрос на российские ценные бумаги высок. Россия впервые выходит на рынок еврооблигаций и на хороших условиях занимает там деньги. Появляется ажиотажный спрос на акции «Газпрома». Впервые за 80 лет российская компания выходит на Нью-Йоркскую фондовую биржу. Рынки отреагировали на избрание Б. Ельцина так, как они должны были отреагировать, — началом роста портфельных и прямых инвестиций в Россию даже при наличии такого негативного фактора, как болезнь президента. Иными словами, была открыта дорога для развития и закрепления реформ.

— Судя по всему, в середине 1996 г. мы имели серьезные шансы встать на путь цивилизованных стран. И что же кабинет Черномырдина?

— Правительство в этот решающий для хода реформ момент показало себя беспомощным. Серьезной законодательной программы реформ в деморализованную Думу не предложено. Кабинет принимает противоречивые решения, продолжает раздавать невыполнимые обещания. Главное крупное дело сформированного правительства — это предоставление государственных гарантий для займов на строительство высокоскоростной магистрали Петербург — Москва — характерная афера того периода. Правительство не способно выбрать приоритеты, оно представляет в Государственную думу самый авантюрный бюджет за последние годы — бюджет, в котором доходы завышены по крайней мере на 5 пунктов ВВП. В ответ на вызов финансового кризиса — разрыв между тем, что ты обещаешь, и тем, что ты реально получишь, — правительство наращивает обещания, твердо зная, что их не выполнить.

Правительство находится под сильным влиянием промышленно-финансовых групп и не предпринимает серьезных действий, чтобы наладить сбор налогов. В 1996 г. при исключительно благоприятной конъюнктуре на мировом рынке нефти нефтяные компании накапливают неплатежи по налогам, объясняя, что именно сейчас их невозможно заплатить. Высокие цены на газ — и такая же ситуация с «Газпромом».

Короче говоря, правительство оказывается слабым, неспособным дать ответ на ключевые вопросы российской жизни. Бюджетный кризис продолжает обостряться. Начинается массовый рост задолженности по пенсиям, зарплатам, приобретающий опасный характер на фоне бездействия, беспомощности власти. Отсюда, естественно, нарастающее разочарование общества, падение авторитета президента и правительства.

— Значит, опять столь знакомая ситуация: успех, эйфория от него, как правило затяжная, топтание на месте и почти ритуальное ожидание жареного петуха, который прилетит и клюнет?

— Совершенно точно. И как обычно в России, реформы начинаются не тогда, когда есть замечательный политический шанс для их старта, а только тогда, когда обостряется кризис. Когда ситуация стала трудноуправляемой, когда оппозиция вновь почувствовала свою силу, именно в это время, накануне весенней (1997 г.) волны демонстраций и протестов, начинается радикальный поворот в экономической политике, поворот к новой волне либеральных реформ. ДВР на протяжении предшествующих месяцев энергично выступал за такой поворот. По инициативе Института экономических проблем переходного периода в конце 1996 г. была развернута работа над блоком документов, который потом воплотился в президентском Послании февраля 1997 г. и послужил базой той программы, которую предложило правительство «молодых реформаторов».

— И Вас, и сформированное в 1991 г. Вами правительство тоже называли и молодым, и реформаторским. Условно назовем этот кабинет, созданный благодаря «рокировке» Чубайс — Немцов, реформаторами второй волны. Так каковы же основные позиции этой программы?

— Основные ориентиры этой программы были либеральными и адресовались к ключевым проблемам российской социально-экономической политики — проблеме бюджетного кризиса, бюджетных неплатежей, возврата доверия к государству. Собственно, программа состояла из набора мер, направленных на обеспечение рационализации государственных расходов, с тем чтобы за ними был обеспечен жесткий контроль, на проведение налоговой реформы, позволяющей перестроить налоговую систему: добиться ее упрощения, снижения предельных ставок налогообложения

и расширения налоговой базы. Далее шли структурные реформы, которые необходимы для обеспечения прозрачности естественных монополий, демонаполизация тех секторов, которые не являются собственно монопольными, обеспечение эффективного использования средств в этих секторах. Программа также включала реформу системы социальной защиты, жилищно-коммунальной сферы, системы межбюджетных отношений, формирование казначейской системы исполнения бюджета, тендерные механизмы контроля за государственными закупками и т. д. Этот набор предложений был поддержан президентом и составил каркас президентского Послания 1997 г., по существу представлявшего собой развернутую программу реформ второго срока президентства Б. Ельцина.

Если бы эта программа была реализована, Россия была бы страной с твердыми финансами, со стабильной валютой, страной инвестиционно привлекательной, с эффективными механизмами контроля за расходованием бюджетных средств, с существенно более высоким доверием населения к государству, с простой и разумной налоговой системой и системой адресной социальной защиты, позволяющей действительно бороться с бедностью.

Кабинет молодых реформаторов был призван реализовать именно эту программу.

Правительство молодых реформаторов второй волны было сформировано и начало действовать. Оно оказалось достаточно сильным, профессиональным и неплохо взялось за дело. Буквально в первые 100 дней новый кабинет сумел представить в Думу набор важнейших реформаторских документов: проект нового Налогового кодекса, предполагающего радикальную трансформацию налоговой системы, ряд документов по реформе социальной поддержки. Правительство добилось повышения налоговых поступлений, сдвигов в погашении задолженности по зарплатам и пенсиям (от быстрого наращивания перешло к сокращению этой задолженности), начало наконец серьезную работу с естественными монополиями. К тому же в кабинет был включен наряду с эффективным А. Чубайсом популярный Б. Немцов — молодой, энергичный региональный лидер. Он в глазах общества очевидный кандидат в президенты, наиболее популярный в стране. Соответственно создается ощущение, что все происходящее в стране не короткий эпизод и что после 2000 г. этот курс реформ будет продолжен.

А если это так, то можно представить, что, глядя на Россию в это время, думает инвестор. Он думает, что в России сейчас осмысленное правительство, оно проведет налоговую реформу, упорядочит бюджет, наладит защиту частной собственности. А ведь в стране огромный рынок, интеллектуальный потенциал, природные богатства, так, значит, надо сейчас идти в Россию, причем быстро, пока все места не заняты. И именно в это время в Россию идет приток иностранного капитала, российские акции растут быстрее, чем в любой другой стране мира, форсированно наращиваются резервы Центрального банка, растет спрос на национальные деньги, восстанавливается доверие к рублю. Начинают всерьез обсуждаться и реализовываться крупные инвестиционные проекты, связанные с прямыми инвестициями в фармацевтику, пищевую промышленность, нефтедобычу. В стране падает уровень социальной напряженности — это показывают все социологические опросы на протяжении весны — лета 1997 г. В основном решена проблема задолженности по пенсиям и зарплатам бюджетников.

Еще не обезврежена бомба замедленного действия, заложенная предшествующей финансовой политикой, — у государства по-прежнему крупный бюджетный дефицит, финансируемый за счет краткосрочных займов. Но пока страна получает приток иностранных инвестиций, есть возможность резко снизить процентную ставку по государственным заимствованиям. К середине лета она снижается в номинальном исчислении до 18%, а реально, учитывая темпы инфляции, до 8–10%. Это уже совместимо с экономическим ростом. Экономический рост начинается через два месяца после начала работы правительства молодых реформаторов, в мае — июне, на фоне оптимизма инвесторов по отношению к России, растущего спроса, низких процентных ставок, заинтересованности банков в кредитовании реального сектора. Основные кирпичики на месте: стабильные цены, стабильный рубль, снизившаяся процентная ставка, разумные экономические перспективы — все готово для устойчивого экономического роста в России.

— По законам драматургии (или по обычным российским канонам) тут-то и должно что-то произойти.

— Как и бывает в России в последние годы. Подчеркиваю, не из-за случайных факторов, а из-за фундаментальной разделенности общества по вопросу о стратегических приоритетах и от-

сутствия надежной политической поддержки курса. Самая серьезная проблема, борьба вокруг которой обусловила перелом осенью 1997 г., — взаимоотношения собственности и власти.

Все, что начало получаться у правительства реформаторов, получалось потому, что они твердо взяли на вооружение принцип равных правил игры: каким бы ты влиятельным не был, тебя заставят платить налоги, у тебя заберут бюджетные счета и ты не будешь прокручивать бюджетные деньги. Правительство организует формирование казначейской системы и усиливает бюджетный контроль. Те, чьи интересы все это задевает, недоумевают — зачем же делать это сейчас, когда все идет хорошо? Ведь именно в это время капитал у промышленно-финансовых групп растет как на дрожжах вместе с ростом спроса на российские акции. Главная проблема — чтобы у конкурента он не вырос быстрее. Постепенно вызревает база того, по существу, поверхностного конфликта вокруг аукциона по пакету акций «Связьинвеста», одного из самых прозрачных и открытых из всех крупных аукционов, которые проводились в России.

— *Так уж и самых?..*

— Это, кстати, признано всеми его участниками. Но так как на этом аукционе одна из мощных финансово-информационных группировок, контролирующая значительную часть каналов информации и уверенная в своих правах и привилегиях, не получила того, что хотела, с этого момента начинается так называемая банковская война. Именно с этого времени ряд крупных финансово-промышленных групп, руководители которых твердо уверены в своих правах на особые привилегии, убеждены в том, что собственность и власть должны быть переплетены, объявляют войну новому правительству реформ. Они очень быстро находят взаимопонимание с парламентской оппозицией, которая уже оправилась от поражения и готова к новой атаке.

— *А казалось, что будущее так прекрасно и впереди столько хорошего... Получается, что олигархи, возвращенные реформами, оказались перебежчиками на сторону коммунистов, которые еще недавно были врагами?*

— У них нет постоянных союзников — только постоянные интересы. Собственно, с этого времени российские реформы начинают терять перспективы. Становится особенно ясно, сколь во многом успех российской стратегии постсоциалистической трансформации

зависит от президента. Он главный гарант того, что у нас будут проводиться реформы в условиях отсутствия мощной парламентской их поддержки. А президент колеблется, ведь вся эта борьба происходит в рамках коалиции, которая привела его к победе на выборах 1996 г. Надо мириться, надо жить дружно, вместе... И вместо того чтобы в этот момент твердо и энергично поддержать правительство молодых реформаторов, заявить, что этот курс будет реализован, и не просто сказать, а доказать сказанное действием, он занимает позицию беспристрастного арбитра, желающего примирить непримиримое.

Эти события происходят в тот момент, когда в российской демократической жизни еще многое не устоялось: и новое правительство, и рыночные механизмы — это еще не отлаженная машина (для этого нужны десятилетия), а живой, растущий, развивающийся, на все реагирующий организм. В действиях кабинета теряется наступательная энергия. Возникает ощущение растущей разделенности, слабости правительства. Встает вопрос: а так ли оно привержено той программе рыночных реформ, которую само же прокламировало? А будут ли у тех, кто провозгласил эту программу, силы заставить мощные финансово-промышленные группы отдать бюджетные деньги, платить налоги? В это время и оценки Запада, мировых инвесторов по отношению к России становятся менее радужными. Они не видят гарантий того, что программа, которая была предложена правительством, будет реализована, что правительство не будет отправлено в отставку. К тому же развернута энергичная, мощнейшая кампания по дискредитации Б. Немцова. Это приводит к резкому падению его рейтинга, и шанс на избрание реформаторского президента на последующих выборах становится призрачным. Вот тут и задумывается зарубежный потенциальный инвестор: а так ли прекрасны перспективы у России, не начнется ли снова откат от курса реформ? В этот самый момент все вспоминают о том, что базовые проблемы — та бомба замедленного действия — никуда не делись: и короткие долги, и бюджетный дефицит...

В августе — октябре 1997 г. ситуация зависает. Что будет — не ясно. Неопределенность отражается в налоговых поступлениях: правительство ослабло — налоговые поступления уменьшились. Еще не все потеряно, еще можно поправить положение, но реформы уже явно забуксовали.

Этап реформаторского правительства условно можно определить как время между формированием его в марте 1997 г. и началом финансового кризиса и кадровыми перестановками в его составе в ноябре этого же года. Этот этап распадается, в свою очередь, на два периода. Первый из них (в марте — июле) — это период нати́ска, период уверенности: кажется, что все хорошо. И второй — это период отступлений, нерешительности, колебаний. Он приходится на время между августом и ноябрем.

Ноябрь 1997 г. На все это накладывается мировой финансовый кризис, радикально меняющий обстановку, вызывающий общее изъятие капиталов с развивающихся рынков. Какое влияние оказывает он на Россию? У страны есть нерешенные финансовые проблемы, причем крупные; у нее есть накопленный бюджетный дефицит, короткий долг; большие деньги вложены в ГКО, и изъятие их инвесторами — это серьезное напряжение для российской бюджетной системы. Тем не менее по отношению к России мировые рынки и после начала кризиса настроены благоприятно. Россия пока еще — на фоне эйфории от начавшихся либеральных реформ — по-прежнему рассматривается как страна с огромными перспективами. Может быть, произойдет небольшая корректировка, часть денег будет изъята, но у страны достаточно крупные валютные резервы, накопленные в предшествующие месяцы 1997 г., большой потенциал. И хотя ясно, что будут некоторые перетряски, что придется повышать процентную ставку, что это затормозит экономический подъем, катастрофы, краха почти никто не опасается.

Первая реакция на кризис — из двух стран со сходными бюджетными проблемами, России и Бразилии, по последней он бьет гораздо больше, чем по первой.

Затем на это накладываются радикальные изменения в российском правительстве — так называемое книжное дело¹. Не хочу входить в детали — они известны. Но в результате не стоящего, на мой взгляд, выеденного яйца хорошо разыгрываемого скандала, раскру-

ченного вокруг книжки, деньги от которой идут в благотворительный фонд, олигархам удается добиться серьезнейшего ослабления позиций реформаторов в правительстве. А Чубайс лишается поста министра финансов, что существенно ослабляет финансовую политику; уходят из правительства М. Бойко и П. Мостовой, уходит из администрации президента А. Казаков. Все это создает ощущение радикального ослабления позиций реформаторов в правительстве, сомнений в их способности реализовать прокламированную весной программу.

— *И как всегда в России, происходит это ослабление в самый что называется неблагоприятный момент — тогда, когда в мире разразился финансовый кризис.*

— Да, все это на фоне финансового кризиса. Первоначально рынки считали, что все будет в России хорошо исходя из того, что есть разумное правительство, которое понимает положение вещей и ведет разумную политику.

— *И тут выясняется...*

— Выясняется, что это другое правительство. Неясно, будет оно теперь что-нибудь делать или не будет. Политическая победа так называемых олигархов над теми, кто хотел заставить их платить налоги и отдавать деньги, очевидна. Теперь Россия, с точки зрения реальных и потенциальных инвесторов, оказывается не страной с блестящими перспективами, проводящей разумную политику и находящейся в начале экономического подъема. Россия оказывается в их глазах страной, где линия власти непонятна и прогнозируется трудно, где только что произошло радикальное перераспределение сил, влияющих на экономическую политику. Шансы на реализацию либеральных реформ призрачны. Первое, что мы видим после изменений в правительстве: Дума по предложению Г. Явлинского возвращает в кабинет уже принятый в первом чтении Налоговый кодекс. А Налоговый кодекс является одним из важнейших элементов базы, которая лежит в основе оптимизма инвесторов по поводу того, что будет происходить в России. Они получают сигнал, что о намеченных структурных реформах следует забыть.

Реакция инвесторов: из России надо срочно забирать деньги, пока успеешь. Именно в это время наступает переломный момент. Как раз после ноябрьских перемен в правительстве начинается быстрое сокращение золотовалютных резервов страны. 14 ноября, вы-

¹ Эпизод политической борьбы, разыгравшийся в октябре — ноябре 1997 г. То же — «дело писателей». Группа олигархов (Б. Березовский и др.) с помощью примкнувших к ним журналистов, некоторых депутатов Госдумы и др. развернули шумную кампанию против А. Чубайса и его соавторов, получивших в одном из издательств крупные авансы на подготовку книги по истории приватизации в России (спустя год с небольшим книга действительно вышла в свет. Гонорары же, как выяснилось, предназначались для передачи в благотворительный фонд). — *Прим. ред.*

ступая в программе «Зеркало», я рассказывал, к каким последствиям приведет уход Чубайса с поста министра финансов. Чубайс — это символ той политики, которая вызывает доверие зарубежных инвесторов. При Чубайсе для них было понятно, какую экономическую политику проводит и намерена проводить страна, и уход его с поста министра финансов неизбежно приведет к изъятию многих денег с российских рынков, к мощному давлению на резервы, к началу кризиса российских ГКО, к резкому падению курса акций и т. д. и в связи с этим к тяжелейшим последствиям для рыночной экономики.

К сожалению, такое развитие событий мы и наблюдали на протяжении последующих дней. Все это радикально изменило финансовую ситуацию. Надо было к ней приспособливаться, и Центральному банку следовало немедленно снова поднимать учетную процентную ставку и процентную ставку по ГКО. До середины ноября ЦБ пытался удержать ситуацию на двух важнейших рынках — рынке валюты и рынке ГКО. После того как произошли упомянутые изменения в правительстве, продолжение этой политики безнадежно. Она ведет лишь к утрате резервов. Но, с другой стороны, сразу показать, как рынок отреагировал на изменения в правительстве, — плохо. Поэтому ЦБ две недели продолжал безнадежные попытки держать оба рынка. С. Доренко рассказывает с экрана, как провалились прогнозы о том, что рынок тяжело отреагирует на уход Чубайса. И только через две недели, потратив несколько миллиардов долларов резервов и радикально ухудшив соотношение между резервами и коротким долгом (что потом стало важнейшим фактором дестабилизации положения в России в 1998 г.), только после этого Центробанк уходит с рынка ГКО.

Начинается новый этап в российской экономической политике — этап борьбы с подступающим кризисом. Ясно, что, как только номинальные процентные ставки подскочили до 35–40%, об экономическом росте надо забыть. Начинается отток денег с российского рынка акций. Инвесторы с подозрением ожидают, что здесь будет происходить, потому что вырисовываются гораздо более мрачные перспективы, нежели те, под которые давали деньги. Значит, деньги нужно с рынка забрать. Ослабленные реформаторы в правительстве пытаются восстановить контроль, продолжать ту линию, с которой они в свое время шли в правительство. В начале декабря

А. Чубайс принимает демонстративное решение, показывающее, что курс неизменен, — об изъятии за долги имущества двух крупнейших финансово-промышленных групп: Ангарского нефтехимического комбината, принадлежащего ОНЭКСИМ-банку, и Омского нефтеперерабатывающего завода, принадлежащего «Сибнефти». Через неделю В. Черномырдин проводит заседание ВЧК, где отменяет это решение, это тоже демонстрация. Всему миру показывают, что происходит в российской власти; демонстрируется, что никаких налогов богатые и сильные платить не будут, а платить будут только слабые и глупые. Подан мощнейший сигнал, что налоговые платежи — это удел простолюдинов. Нормальному гражданину этот сигнал говорит о том, что государство у нас слабое и неэффективное.

С большим трудом, на основе технических ухищрений и разумных действий правительства и Центрального банка удастся справиться с новой волной финансового кризиса конца января, когда резко падает спрос на российские бумаги. Тем не менее всем очевидно, что правительство разделено, слабо, не способно проводить последовательную политику. Экономика адекватно реагирует на эти изменения начавшимся ростом бюджетной задолженности. Только к началу января закрыли задолженности по пенсиям и зарплатам бюджетников. Но фундаментальная проблема разрыва между доходами бюджета и его расходами не решена, более того, все те реформы, которые необходимы для ее решения, отодвинуты в сторону. Бюджетный кризис снова начинает обостряться. Пройдя 1997 год — год огромных перепадов от оптимизма и начинающегося российского подъема до разочарования осени, Россия оказывается в точке, близкой к той, в которой она была в феврале 1997 г.: беспомощное правительство, не имеющее понятной экономической линии (речь идет не о декларациях, а о конкретных действиях в бюджетной, финансовой, налоговой сферах), нарастающие неплатежи, растущее недовольство населения. Короче говоря, пришли туда, откуда уходили.

— *И в это время президент неожиданно отправляет Черномырдина в отставку.*

— Этот ход не стал для меня неожиданным, потому что у меня было ощущение, что Б. Ельцин недоволен работой правительства, он видит, что оно буксует и работать эффективно не способно, как нарастают проблемы. Я считал, что он предпримет действия, направленные на изменение состава кабинета.

Президент отправляет в отставку правительство В. Черномырдина и назначает молодого технократа С. Кириенко исполняющим обязанности премьера, затем представляет его кандидатуру в Думу. Вопрос, почему выбор пал на С. Кириенко, следует адресовать в первую очередь Ельцину, но, я предполагаю, у президента было желание поставить человека молодого, энергичного, неглупого, ни с кем не связанного, который не был бы обременен ни грузом ответственности за предшествующее, ни грузом прошлых конфликтов, который ни с кем не успел поссориться, которого может принять Дума хотя бы под давлением и с третьего раза, с которым все будут работать.

С. Кириенко утвержден, сформировано правительство — неплохое, свободное от серьезного влияния финансово-промышленных групп, энергичное и не разделенное внутри себя. Правительство снова поднимает знамена программы весны 1997 г. Оно приступает к активным действиям, в том числе по усилению контроля за бюджетными расходами; попадают под прессинг крупные должники бюджета.

Правительство это, правда, имеет структурную слабость: в нем нет очевидного лидера в области финансово-экономической политики, который был бы адекватной заменой А. Чубайсу. Много разумных, энергичных людей, человека же, способного быть лидером собственно финансово-экономической политики, в новом кабинете не оказывается.

А это накладывается на два обстоятельства. Первое: правительство, сформированное без участия финансово-промышленных групп и не связанное с ними, намеренное соблюдать равные для всех правила игры, с самого начала оказывается в институциональном конфликте — оно лишено поддержки этой достаточно мощной и влиятельной группы. Второе: оно не имеет парламентской поддержки. Да, оно квалифицированное, компетентное, но политически слабое, целиком зависит от поддержки президента. Между тем последний год показал нам, что эта поддержка, сколько бы раз не была она декларирована, увы, ненадежна.

И вот такой кабинет — технократический, имеющий хорошую программу, но политически слабый — сталкивается со следующей мощной волной мирового финансового кризиса.

В 1997 г., когда выяснилось, что Россия способна занимать деньги под низкие проценты, большинству инвесторов казалось, что российские финансовые перспективы недурны: по всем международным стандартам российский долг отнюдь не высок. При условии, что в России проводится ответственная финансовая политика, короткий и дорогой долг можно трансформировать в длинный и дешевый. Теперь же, когда российские перспективы гораздо более призрачны, валютных резервов недостаточно, происходит падение цены на нефть, снижающее, в свою очередь, поступления в бюджет и внушающее дополнительное беспокойство инвесторам, вновь становится ясно, что этот короткий и дорогой долг — мина, способная взорваться в любой момент.

Правительству С. Кириенко, которое оказалось в такой ситуации, можно было искренне посочувствовать: ведь оно пыталось действовать в целом правильно в условиях, когда не только мина заложена, но и фитиль уже запылен.

— *Означает ли это, что кабинет Кириенко действовал безошибочно?*

— Технические ошибки были. Медленноотреагировали на кризис в мае, долго не могли понять то, что, собственно, надвигается. Не начали действовать достаточно энергично в первую же неделю, 12 мая. Медлили до 17 мая, да и потом раскачивались, не видели масштаба угрозы, не понимая того, как быстро все это взорвется. В чем угроза при кризисах подобного типа? Потребность в финансовых ресурсах, необходимых для восстановления доверия рынка, растет в геометрической прогрессии: сегодня для этой цели нужно 5 млрд, завтра будет нужно уже 10, послезавтра — 20, а послепослезавтра и 40 млрд не помогут.

В конце мая приступили к консультациям с МВФ, принципиальные договоренности о новом крупном пакете финансовой поддержки были достигнуты А. Чубайсом в Вашингтоне. Решена, казалось, одна из фундаментальных проблем: МВФ готов выделить нам крупный пакет финансовой помощи. Однако правительство, получив эту информацию, опять медлит, топчется на месте, в течение трех недель просто теряет время. Между тем, если бы быстро и энергично была проведена операция по получению кредита 10 млрд долл. — не 22 млрд, обращаю Ваше внимание, а 10, — если бы такую опе-

рацию осуществили в середине июня, а не 20 июля, то все шансы стабилизировать ситуацию в России имелись. Они были упущены.

Можно найти немало — не хочу входить сейчас в детали — технических просчетов, связанных со слабостью финансово-экономического блока. А в условиях острейшего финансового кризиса цена маленькой ошибки в выборе направления может быть равносильна катастрофе.

— *И при этом Вы считаете действия кабинета Кириенко в целом правильными?*

— В целом правительство, повторю, действовало правильно. Просто зависело от него далеко не все. Главное, что правительству не удалось завоевать доверие инвесторов. Ну да, размышляли они, хорошее правительство и программу предлагает хорошую, однако где гарантии, что предложенная им программа будет выполнена? Дума-то не приняла ничего важного из того, что было в пакете антикризисных мероприятий. Приняла что-то второстепенное, но вот все законы, которые должны были увеличить поступления в федеральный бюджет, она не приняла и никогда не примет. А если нет адекватной правовой базы, все решения кабинета, принятые в целях пополнения бюджета, малоэффективны. Так где гарантии, что появится законодательная база под все, что обещает сделать правительство? Ведь убедить надо не одного человека в МВФ — надо убедить рынки, что без серьезной политической поддержки возможно сохранение стабильности национальной финансовой системы. А в это время российская Дума демонстрирует, что стабильность рубля ей не нужна, более того, и кредиты МВФ она отдавать не собирается, эта тема в стенах Думы активно обсуждается.

Политическая слабость правительства, отсутствие мощной политической поддержки, неверие в его способность сохранить и спасти рыночные механизмы в условиях кризиса — это и стало важнейшим детонатором того, что произошло в начале и середине августа: 22 млрд долл., о предоставлении которых России объявили МВФ и Мировой банк, оказалось недостаточно, чтобы радикально изменить ситуацию на рынке. Между тем рынок обладает способностью подтверждать собственные прогнозы. Если инвесторы в страну не верят, то уходят с рынка, уходят с рынка — значит, государство не сможет обслуживать короткий долг. Даже если оно перестает платить кому бы то ни было, кроме кредиторов, все равно

невозможно финансировать короткий долг из текущих поступлений. А как только становится ясно, что государство не может обслуживать внутренний долг, ситуация становится неконтролируемой.

— *И это обусловило те решения, которые правительство и Центральный банк приняли 15–16 августа?*

— Да. Теперь по поводу этих решений. Собственно, с чем столкнулось правительство по состоянию на 14–15 августа? Рынок не верит российскому государству, котировки российских валютных ценных бумаг быстро падают, российские крупные банки, взявшие под залог этих бумаг кредиты, должны поставлять дополнительные средства в обеспечение залога — с каждым падением цен все больше и больше. Они сталкиваются с неразрешимыми проблемами и начинают сбрасывать крупные портфели самих валютнономинированных бумаг, соответственно обваливая рынок и заставляя другие банки выполнять нарастающие лавинообразно обязательства. Они вынуждены продавать свои ГКО по любой цене, предъявлять спрос на валюту, чтобы направлять ее на обеспечение собственных займов... Мощный сброс ГКО, масштабный спрос на валюту, резервы Центрального банка тают с каждым днем — вопрос в том, когда правительство и ЦБ объявят, что они потратили все, что заняли у МВФ в июле, и это окончательно обвалит рынок.

Можно пытаться на некоторое время продлить агонию, еще 5–7 дней, но дальше ликвидные резервы будут равны нулю. По существу, это финансовая катастрофа. Это то, что правительство пыталось предотвратить в предшествующие месяцы, страшный удар по доверию к России, по стабильности всех рыночных институтов. 15 августа стало ясно, что кризис неминуем, заложенная при В. Черномырдине усилиями думского большинства бомба короткого долга взорвется, и взорвется с тяжелейшими финансово-экономическими последствиями. Руководство правительства и Центрального банка вместе с Международным валютным фондом начало активно обсуждать, что же делать в этой ситуации.

Еще раз подчеркиваю: катастрофа произошла, бомба взорвалась, финансовая система разнесена вдребезги. Никаких хороших вариантов в принципе не существует, существуют плохие и отвратительные. Девальвировать рубль, отпустить его в свободное плавание и при этом за счет эмиссии финансировать ГКО? У этого сценария жестко заданные последствия. После того как вы отпускаете

рубль, становится ясно, что это тяжелейший удар по инвесторам. Вам предстоит погашать примерно 20–30 млрд руб. обязательств по ГКО в месяц. Погашать их из текущих поступлений в принципе невозможно: налоги приносят вам примерно 12–13 млрд руб. в месяц, доходы от таможни еще 7–8 млрд. Имея ежемесячно 20 млрд поступлений, вносить 20–30 млрд — нерешаемая задача. Если вы намерены полностью рассчитываться по обязательствам, то должны прийти к эмиссионному финансированию — печатать деньги и этими фантиками как бы рассчитываться с инвесторами. Естественно, все, что государство будет им платить в условиях пляски курса, будет моментально обесцениваться и, скорее всего, ничего не будет стоить к тому времени, когда вы заплатите. Вы входите в режим экстремально высокой инфляции, ее обеспечат сочетание быстрого наращивания денежной массы, осознание рынком того, как вы дальше будете эмитировать деньги, и высоких инфляционных ожиданий, порождаемых форсированной девальвацией. Плюс ко всему при этой политике — резкое падение реального курса рубля и очевидная невозможность обслуживать внешний долг.

— *Существует ли альтернатива?*

— Альтернатива, выбранная в этой ситуации правительством и Центральным банком, на мой взгляд, была разумна. В чем она заключается? Отпустить курс (провести девальвацию в той или иной форме), провести реструктурирование внутреннего долга, ввести временный мораторий на обслуживание российскими банками своих обязательств, на этой базе избежать крупномасштабной эмиссии, дать возможность выйти на новый уровень курса, вступить в переговоры с кредиторами об условиях обслуживания долга и попытаться выйти из этого кризиса с тяжелыми, но все же меньшими потерями.

О вариантах, которые в это время обсуждались, и технических ошибках, сделанных правительством в процессе принятия решений. Первое и, с моей точки зрения, главное: решение выйти из коридора с верхней границей 7 руб. 10 коп., которая должна была соблюдаться в течение трех лет, в новый коридор с границами от 6,5 до 9,5 руб. — это худшее из возможных решений. Меньшим злом был бы выход в режим плавающего курса без каких бы то ни было ограничений, потому что ясно, что Центральный банк, будучи связан новым коридором и не имея возможности защитить его все-

ръем, растратит резервы и потом вынужден будет все равно отпустить рубль. Убежден, что лучшим решением была бы немедленная радикальная — примерно двукратная — девальвация, но после этого выход в режим фиксированного курса рубля по отношению к доллару на уровне, позволяющем подкрепить денежную базу валютными резервами.

— *И тогда резервов хватило бы?*

— Да, тогда резервов хватило бы. Если бы с 6,2 руб. за долл. — это курс на 14 августа — мы сразу вышли на курс 12 руб. за долл., то у нас вся денежная база подкреплялась бы валютными резервами. После этого очевидным становилось, что игра против рубля хотя и возможна, но абсолютно бессмысленна, бесперспективна: рубль вышел на новый уровень поддержки, очень высокий — да, с очень серьезным ударом по всем пропорциям, но он устойчив и не возникает хаоса — постоянно прыгающего на десятки процентов вверх и вниз курса, делающего невозможными импорт, любые контракты, расчеты и т. д. Экономика может приспособиться к этой новой реальности. Да, мы получаем удорожание импортных товаров, но вместе с этим отечественный товаропроизводитель обретает более широкие возможности для конкуренции. Решение неприятное, но оно дает первую точку стабильности.

Этот вариант обсуждался, против него не было выдвинуто серьезных экономических аргументов. В основном аргументы были политического характера: Ельцин только что заявил, что девальвации не будет, поэтому любая прямая девальвация крайне нежелательна. Это первая техническая ошибка. Вторая техническая ошибка — обязательный характер моратория. Я понимаю основания, по которым можно было вводить мягкий контроль за движением капитала на это время и давать российским банкам, не имеющим средств для расчетов с кредиторами, передышку, с тем чтобы они образовали консорциум и начали переговоры. Но у нас было два типа банков. Были еще до решений 17 августа откровенные банкроты. Собственно, из-за их банкротства развитие событий в предшествующую неделю стало столь стремительным. И были банки, которые выполняли свои обязательства и были готовы делать это в дальнейшем. Долго дискутировали о том, надо ли делать этот мораторий добровольным или принудительным. Мое мнение и мнение моих единомышленников — сделать его добровольным. Мнение,

которое учитывало интересы в первую очередь банков-банкротов, состояло в том, что мораторий следует сделать принудительным. В конце концов правительство и Центральный банк приняли именно это решение. Третьей технической ошибкой был выбранный в окончательном варианте механизм реструктуризации ГКО. Схема, предложенная первоначально, была принципиально иной. Она предусматривала два разных режима — для резидентов и нерезидентов. Что касается резидентов, то предполагалось, что 20% стоимости ценной бумаги гасятся в срок ее погашения, 20% — в течение следующих 4 лет, причем по оставшейся сумме выплачиваются проценты: 30% — в первый год, 25% — во второй год, 20% — в третий, 15% — в четвертый. Для нерезидентов предполагался обмен этих бумаг на номинированные в валюте облигации с погашением на пятый, шестой и седьмой годы при доходности 6,25%.

Эта несимметричная схема учитывала разные заботы двух типов кредиторов государства.

Для отечественных кредиторов она означала, что принадлежащие им ценные бумаги получают ликвидность. Ликвидность сразу: в размере 20% — это примерно то, что необходимо для того, чтобы поддержать банковскую систему на плаву в этих условиях. И плюс к тому вы получаете приличные процентные доходы в течение четырех лет. Конечно, всякое реструктурирование отвратительно, но главное — ценная бумага у вас в руках не является бессмысленной, спрос на нее появится на второй день после того, как она объявляется реструктурированной.

Нерезиденты получают то, что всего важнее им: гарантии валютной сохранности основной суммы задолженности. Да, под низкие проценты, но есть серьезные шансы, что деньги будут сохранены.

Сейчас при обсуждении этого вопроса и с отечественными, и с зарубежными инвесторами все сходится на том, что, конечно, эта схема намного лучше того, что получилось в конечном счете. Но тогда правительство втянулось в сложный торг с резидентами и нерезидентами. Из этого торга ничего хорошего выйти не могло, в результате принятая схема не позволяет нерезидентам сохранить валютный номинал бумаги, отечественным инвесторам эта схема не позволяет получить для их бумаг ликвидность — короче говоря, она оказалась худшей из возможных.

Однако при всех этих серьезных технических издержках ситуация по состоянию на 21–22 августа хотя и оставалась очень сложной, но отнюдь не смотрелась как катастрофическая. Напомню, что 17 августа МВФ в своем заявлении, по существу, солидаризировался с мерами, принятыми в России, оказал поддержку правительству и Центробанку, тем самым открыв дорогу к получению нового транша выделенного нам займа.

Каким было тогда настроение инвесторов? Да, в России принято неприятнейшее решение, нанесен тяжелейший удар по доверию рынков. Но так или иначе проблема бюджета расчищена на ближайшее время, значит, есть возможности финансирования текущих расходов, дорога к получению второго транша кредита МВФ не закрыта. Бурной денежная эмиссия не будет, значит, не будет быстрого форсированного падения курса рубля, неконтролируемого разгона инфляции. Неприятно, но самое сложное и самое неприятное как будто уже позади. Ясно было, что технические ошибки надо поправить, в режим фиксированного курса — с какими-то потерями из-за того, что не сделали это сразу, — можно войти.

Радикальные изменения произошли со сменой премьера 23 августа. В ходе сложнейшего маневра, когда все зависит от согласованности действий Центрального банка и правительства, когда участники этого процесса вовлечены в труднейшие переговоры, меняется правительство, начинается длинный период политической нестабильности. Непонятно, что будет представлять собой новое правительство, непонятно, из кого оно будет состоять, непонятно, что оно будет делать. Ничего непонятно.

— *Непонятно и то, почему все так случилось. Ведь происшедшее 23 августа не выгодно ни самому правительству Кириенко, ни тем, кто стоит в оппозиции к нему. С точки зрения оппозиции, — если последняя руководствуется нормальной логикой — правительству Кириенко следовало бы завершить начатое, испить свою чашу до конца.*

— Если бы основные мотивы принятых решений были чисто политическими, то самое разумное, конечно, оставить правительство С. Кириенко по крайней мере на следующие два месяца, чтобы оно со всем этим разобралось, завершило начатый процесс.

Но, на мой взгляд, роль сыграли здесь другие мотивы. Правительство Кириенко категорически не нравилось так называемым олигархам: чужое, не уважает, денег не дает и т. д. Какой замеча-

тельный момент для того, чтобы его заменить. Кто-то же должен за финансовый кризис отвечать? Кто? Правительство С. Кириенко. Самое сложное, как кажется в этот момент олигархам, позади: ведь кабинет самое неприятное уже сделал, теперь все пойдет легче. Ставится лояльный премьер, который за пять месяцев понял, с какой стороны у бутерброда масло и кто настоящий начальник... И когда в ходе финансового кризиса будет решаться, какие банки выживут, а какие нет, кто получит сейчас деньги, а кто не получит, у кого будут брать налоги, а у кого не будут, новый старый премьер будет делать строго то, что ему скажут.

На мой взгляд, именно этот важнейший фактор проложил дорогу решению, принятому 23 августа и радикально изменившему экономическую и политическую ситуацию.

А дальше все понятно: новый премьер, соответственно неизбежное заигрывание с оппозицией, риторика, которая не может вызвать на рынке ничего, кроме паники: что еще могут породить заявления о том, что правительство собирается напечатать деньги и со всеми расплатиться? Рынок реагирует на все это адекватно, и начинается мощное давление на курс рубля. Именно после этого Центральный банк приостанавливает торги, исчезает валютный рынок, курс доллара начинает свой неконтролируемый рост, исчезают товары из магазинов, идет стремительный разгон инфляции. И на этом фоне — все более агрессивное думское большинство, которому неожиданно на блюдечке передали власть, на которую оно и не надеялось. Осуществляется все более агрессивный нажим на правительство, именно в этой ситуации происходит отставка председателя Центробанка. Мы оказываемся без правительства, без Центрального банка, без отношений с Международным валютным фондом, т. е. тот маневр, который был предпринят 17 августа, — очень опасный, но дававший какие-то шансы на выход — оканчивается политической, а поэтому экономической и финансовой катастрофой. Что в этой ситуации делать? Если иметь в виду аспект чисто экономический, то ответ абсолютно понятен: нет ни одной точки в этой траектории, где ситуация становится полностью неуправляемой. В каждой точке есть набор экономически осмысленных мер, позволяющих пусть с издержками, не немедленно, однако стабилизировать ситуацию.

Но политически все это далеко за гранью того, к чему идет дело. Расшатав финансовую систему и приготовив финансовый кризис, парламентское большинство оказывается бенефициарием, оно получает от этого кризиса главную выгоду. Именно оно теперь играет решающую роль в формировании правительства; именно его программные установки оказываются начертанными на знаменах нового кабинета Е. Примакова, экономический лидер парламентского большинства Ю. Маслюков становится первым вице-премьером.

— *Плюс ко всему одержана победа над президентом.*

— Да, серьезная победа.

— *Получается, что за каждым шагом в сторону реформ непременно следуют два шага назад. В начале нашей беседы Вы говорили: для уверенного движения вперед нужно согласие элит. У нас согласия элит нет и пока не предвидится. Так что же делать в такой ситуации, если чисто экономически ее не разрешишь?*

— Я все-таки сказал бы чуть-чуть по-другому. Все-таки скорее два шага вперед — шаг назад. Возьмем одну точку: 1991 г., осень. Возьмем вторую точку: сегодняшний день. Да, ситуация сегодня тяжелая, но она легче, чем была в 1991 г. За это время рыночные институты выстроены, обретены рыночные навыки. Главная беда 1992 г. состояла в том, что он начинался в обществе, которое вообще не имело рыночного опыта. Не имело на протяжении трех поколений. Люди не понимали: как это так — конвертируемый рубль? Как это так — на прилавках все мыслимые товары, я прихожу, плачу деньги и забираю то, что мне нужно, разве так бывает? Не понимали, что такое вексель, что такое форвард, что такое контракт, как его выполнять. Не было огромного числа людей с рыночным знанием, не было институтов, навыков, традиций и т. д. Не было на протяжении десятилетий. Сейчас при всех издержках, даже если рыночные институты будут радикально подорваны, в стране миллионы, десятки миллионов людей с рыночным опытом и рыночным знанием, а это предельно важно с точки зрения продолжительной перспективы. Сейчас не надо будет тратить такое количество времени для того, чтобы вырастить плеяду из сотен тысяч молодых людей, которые умеют работать в условиях рынка, знают, как это делается, имеют международные связи, говорят на иностранных языках, пользуются Интернетом, живут в открытом мире. Не надо будет так долго прививать навыки, связанные с рыночными института-

ми. И этот опыт, по моему глубокому убеждению, непременно будет востребован.

Сейчас у нас будет серьезный откат назад. Этот откат назад явится попыткой реализации альтернативы либеральной экономической политике — последовательного пути в третий мир. Подобная попытка не понравится очень большой части общества. Я убежден, что после нее число энтузиастов поиска третьего пути заметно сократится и в обществе в целом, и в элитах. Проблема останется: серьезная разделенность России. Но в следующей итерации влияние, сила, потенциал тех, кто хочет видеть Россию европейской страной, станут куда ощутимее.

— *Зная Вашу нелюбовь к прогнозам, решусь все же спросить: что будет происходить, допустим, с курсом доллара? Андерс Ослунд из Фонда Карнеги сказал, что доллар будет стоить многие сотни рублей уже к концу этого года.*

— Все зависит от того, насколько ретиво правительство возьмется за реализацию программы тех политических сил, которые его поддерживали. Если оно станет энергично печатать деньги, решит осуществлять, скажем, программу академиков, то курс доллара будет измеряться не сотнями рублей — черный курс будет измеряться числами с большим количеством нулей, а официальный будет фиксированным и, может, будет измеряться хоть 60 копейками. Другое дело, что фиксированный курс не будет иметь ни к чему никакого отношения. Если правительство будет осторожным, испугавшись последствий, будет действовать более сдержанно, разгон инфляции будет медленным.

Надо понять, как выглядит реальная развилка. Есть накопленные серьезные финансовые проблемы, обусловленные разрывом между государственными обязательствами и уровнем доходов государства. Первая стратегия — делать примерно то же, что делало правительство С. Кириенко, т. е. резко ограничивать обязательства, принимать жесткий бюджет, оказывать давление на налогоплательщиков, иметь бюджет с крупным первичным профицитом, постепенно снижать объем задолженности. Вторая — печатать деньги, раздавать их всем. Третья — ничего не делать. При этом продолжает накапливаться задолженность, контролировать ее будет гораздо труднее, чем предшествующему правительству, она будет нарастать быстрее, и те же самые политические силы, которые поставили новый каби-

нет, будут все настойчивее говорить: что вы делаете? вы же теперь отвечаете за все, надо срочно печатать деньги...

В то, что это правительство сумеет выработать и реализовать курс либеральных реформ, я не верю. Того, что оно сможет некоторое время ничего не делать, исключить не могу. Новый кабинет может неделю, две, три, четыре, пять стоять с закрытыми глазами, что-то говорить и ничего не делать на фоне накапливающихся проблем и обостряющейся ситуации. Но потом неизбежно примет решение пойти по второму пути. Тогда разгон инфляции, выход ее из-под контроля, развал рыночных механизмов будут растянуты во времени. Это не то, что случится на протяжении следующих шести — восьми недель, а то, что произойдет в течение трех — шести месяцев.

— *Что станет с банковской системой?*

— Два разных вопроса: что надо делать и что будут делать? Что надо делать, понятно: открывать финансовый рынок для международных банков, привлекать их к санации российских банков, продавать банки, имеющие крупную филиальную сеть и большие долги, не в интересах собственников, а в интересах вкладчиков — продавать пусть за рубль, но тому, кто обеспечит лучшие условия, гарантии малым и средним вкладчикам. Это бы способствовало росту конкуренции, повышению качества банковских услуг, надежности банковской системы, усилению доверия к ней. Потому что население наше охотнее поверит сейчас гарантиям известного американского банка «Чейз Манхэттен», чем гарантиям российского правительства. Мне неприятно об этом говорить, тем не менее факт остается фактом. Приход в нашу страну зарубежных банков означал бы также гораздо более жесткие стандарты для российских банков. Хочешь работать на этом рынке — работай как профессионал.

Это, повторю, то, что надо делать. Однако делаться будет прямо противоположное. Думаю, что будет комбинация национализации при плохом управлении национализированными банками и закачке денег.

— *Безработица?*

— Очень серьезная, с быстрым ростом. Причем безработица на этот раз будет носить не формальный, а реальный характер. У нас значительная часть проблем была представлена раньше в кривом зеркале: крупные неплатежи по зарплате и вместе с тем

большая часть людей, которая денег формально не получала, в своих неплатежеспособных конторах не работала, а давно перебазировалась в коммерческий сектор, получая в нем совсем неплохие деньги — 200–600 долл.

А сейчас безработица станет реальной, люди теряют настоящую работу, за которую им платили реальные и часто неплохие деньги. Безработица охватит прежде всего молодые, активные и квалифицированные группы населения, развитие событий нанесет тяжелейший удар по сотням тысяч молодых людей в крупнейших городах.

— *Что будет с товарными потоками, со снабжением городов?*

— Все зависит от скорости развала денежного обращения. В условиях нормального работающего рынка бывают проблемы высоких цен, но не бывает проблем снабжения городов. Проблема снабжения городов при рынке проявляется, когда развалена денежная система. Поэтому в индустриализованной экономике проблема недостатка продуктов питания, как правило, это не проблема урожая, а признак паралича системы экономических связей. Чем гиперинфляция отличается от просто высокой инфляции? Скажем, в 1992 г. у нас была высокая инфляция. Это было очень неприятно, но при этом рубль был введен в оборот и за рубль можно было все купить. Как в него ни не верили, как ни предсказывали, что это невозможно, рубль, дескать, «деревянный», тем не менее за рубль можно было купить все, причем и в розницу, и в оптовой торговле. Гиперинфляция — это другое состояние. Это состояние, когда на рубль уже многого нельзя купить. Он настолько быстро обесценивается, выводится из оборота, что есть масса вещей, которые бессмысленно продавать за рубли. Лучше держать набор ресурсов, которые особенно ценны в условиях кризиса, у себя. Полезнее иметь мешок с мукой, чем мешок с рублями. Особенность гиперинфляции в том, что она оборачивается параличом товарных потоков. И тогда есть только два варианта действий. Либо ты эти товарные потоки восстанавливаешь силой (экстремальный вариант — посылаешь продотряды), тогда кто-то должен силой отбирать продукты и их делить — по карточкам, по нормам и т. д. Либо наступает паралич системы снабжения. Это самое страшное, что может принести гиперинфляция. Скажем, если начать осуществление программы академиков, то угроза полного паралича снабжения Москвы и Питера в течение следующего полугодия реальна.

— *Много разговоров идет в последнее время об изменении Конституции, о Конституционном собрании. Что Вы думаете по этому поводу?*

— Я полагаю, что сейчас, в условиях острейшего экономического и политического кризиса, подтачивать опору существующей Конституции опасно. В коммунистических газетах с завидной регулярностью поднимается одна очевидная тема: обсуждается, как получить в свои руки весь набор рычагов политической власти, позволяющий при необходимости заткнуть рот оппонентам. И в этой ситуации мне кажется, что любые потуги коммунистов, направленные на отставку президента и изменение Конституции, должны встречать сопротивление. Это то, чего допустить нельзя.

— *Просто получить в свое распоряжение инструментарий — в нынешних условиях этого может оказаться недостаточно для того, чтобы обрести полноту власти. Способны ли коммунисты для достижения своих целей пойти на открытое насилие — имеется в виду, достаточно ли у них опоры для этого?*

— Открытое насилие? Надо учесть, что у коммунистов сильная поддержка в силовых структурах. Там было очень много их симпатизантов даже в условиях демократического режима. Посмотрите на прокуратуру — главным преследуемым ею разжигателем национальной розни на протяжении многих лет была В.Новодворская; Баркашова там, как известно, не замечают. И так ведет себя отнюдь не только прокуратура. Поэтому недооценивать влияние коммунистов в силовых структурах, размеры их поддержки нельзя.

— *Что нужно сделать для того, чтобы состав Думы оказался все-таки адекватным ситуации?*

— На мой взгляд, то, что происходит сегодня, впервые за долгие годы создает — при всей трагичности — возможность серьезной политической активизации тех социальных групп в России, которые реально заинтересованы в стабильности валюты, в рыночных реформах, в работающей рыночной экономике, в открытости миру. Эти группы в России есть, и они не малы. Они были политически пассивны. У них было ощущение, что все перечисленное им гарантировано. Ну это же нормальная жизнь, когда у тебя конвертируемая валюта, возможность ездить за границу с кредитной картой, а не с кипятильником и бульонным кубиком. Зачем, считали они, нам политика? Пусть политикой занимаются неудачники, не-

дотепы, те, кто не сумел приспособиться, найти себя в новых условиях. Сейчас на очереди массовая политическая активизация этих групп, и вопрос в том, как ее организовать. Это тот средний класс, который может стать опорой серьезного движения России к рынку, к устойчивым, серьезным реформам, как это случилось в Болгарии после периода неокommунистического правления. Но, к сожалению, он может кинуться и под крыло заботливого диктатора-националиста, который пообещает защитить и утешить. Однако, мне кажется все-таки, что большая часть этого среднего слоя ориентирована на демократию, на сохранение открытости миру.

Убежден, что мобилизация этого потенциала позволит радикально изменить политический ландшафт России, по-другому выстроить следующие президентские и парламентские выборы, получить другой парламент. Конечно, для этого нужна очень серьезная работа наша и наших единомышленников по созданию политического объединения, позволяющего мобилизовать этот потенциал и направить его на борьбу за цивилизованную, демократическую, рыночную Россию.

Егор Тимурович Гайдар

Собрание сочинений в пятнадцати томах

Том 8

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*

Редактор *Ф. Н. Морозова*

Художник *В. П. Коршунов*

Оригинал-макет *О. З. Элов*

Компьютерная верстка *А. В. Генералова*

Подписано в печать __.__.2013. Формат 70×100/16

Гарнитура «ПТ СериФ Про». Усл. печ. л. 62,4.

Тираж 3000 экз. Изд. №574. Заказ №

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82–84

Коммерческий отдел

тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02

com@anx.ru

www.domdelo.org

